

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

V МЕЖДУНАРОДНЫЙ
СЪЕЗД СЛАВИСТОВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ СЛАВИСТОВ

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Доклады советской делегации

V МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ

(София, сентябрь 1963)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1963

Главный редактор

академик В. В. ВИНОГРАДОВ

Редактор тома

доктор филологических наук

Б. В. ГОРНУНГ

I

**ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
ДОКЛАДЫ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
V Международный съезд славистов
(София, сентябрь, 1963)

В. И. Борковский

**НАУЧНАЯ РАЗРАБОТКА СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ
В ИНСТИТУТАХ АКАДЕМИИ НАУК СССР ЗА ВРЕМЯ
ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

Исследования по славянским языкам, в первую очередь по русскому языку, всегда занимали почетное место среди трудов, подготовленных в Академии наук.

Широко известны у нас и за рубежом имена замечательных языковедов: М. В. Ломоносова, А. Х. Востокова, И. И. Срезневского, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, Ф. Ф. Фортунатова, И. В. Ягича, А. И. Соболевского, Е. Ф. Карского, А. А. Шахматова, Б. М. Ляпунова, П. А. Лаврова. Академики А. И. Соболевский, Е. Ф. Карский, А. А. Шахматов, Б. М. Ляпунов, П. А. Лавров, ученые старшего поколения, успешно продолжали многостороннюю научную деятельность и после Великой Октябрьской социалистической революции. К этому поколению ученых следует отнести также академиков Н. С. Державина и А. С. Орлова, членов-корреспондентов И. А. Бодуэна де Куртене, В. А. Богородицкого, Н. Н. Дурново, А. М. Селищева, Д. Н. Ушакова, Н. М. Каринского, В. И. Чернышева, Г. А. Ильинского, Д. К. Зеленина и др.

Преимущественно (или исключительно) в советскую эпоху протекает деятельность академиков С. П. Обнорского, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, членов-корреспондентов Д. В. Бубриха, Л. А. Булаховского, Е. С. Истриной, С. Г. Бархударова, Р. И. Аванесова, В. И. Борковского, Ф. П. Филина.

В институтах Академии наук СССР работали и работают многие видные ученые-слависты, не являющиеся членами Академии. Их имена мы называем дальше, при рассмотрении отдельных областей славянского языкознания.

Есследствие того, что после Великой Октябрьской социалистической революции были созданы академии наук в Украин-

ской ССР и Белорусской ССР, в институтах языкознания этих академий сосредоточилось изучение украинского и белорусского языков.

Этим объясняется то обстоятельство, что в области украинского и белорусского языкознания в системе Академии наук СССР работали лишь отдельные члены Академии.

РУССКИЙ ЯЗЫК

Успехи советского языкознания особенно заметны в изучении русского языка. Достижения в области исследования русского языка плодотворно отразились и на работах по другим языкам, так как опыт русистов становился достоянием германистов, романистов, тюркологов и т. д.

Наибольшее внимание в системе Академии наук СССР было уделено современному русскому литературному языку.

Огромную роль в нормализации русского литературного языка призваны сыграть словари. Составление словарей русского языка в системе Академии наук имеет большую и славную историю еще в дореволюционный период. Русская лексикография этого времени, а также за 40 лет после Великой Октябрьской социалистической революции освещена в статье С. Г. Бархударова «Русская советская лексикография за 40 лет» (ВЯ, 1957, № 5).

Здесь мы назовем те словари, которые изданы после 1917 г. Осуществляя завет В. И. Ленина о создании образцовых толковых словарей современного русского языка, над их составлением работали в Академии наук СССР и целые коллективы, и отдельные ученые.

Под редакцией Д. Н. Ушакова вышел четырехтомный «Толковый словарь русского языка» (1935—1940 гг.), составленный В. В. Виноградовым, Г. О. Винокуром, Б. А. Лариным, С. И. Ожеговым, Б. В. Томашевским и Д. Н. Ушаковым. Этот словарь охватывает язык классической литературы от Пушкина до Горького и общепринятые слова научной, деловой и книжной речи, сложившейся в течение XIX в., а также включает новые слова, которые вошли во всеобщее употребление. Одна из задач словаря — помочь усвоению образцового, правильного языка, поэтому большое внимание обращено на нормативную сторону: правописание, произношение, ударение, грамматическую характеристику, сферу употребления и т. д.

Несколько позже издается под редакцией С. П. Обнорского составленный С. И. Ожеговым однотомный «Словарь русского языка» (1-е изд. — 1949 г., 2-е — 1952 г., 3-е — 1953 г., 4-е —

1960 г.). Осуществление этого словаря стало возможным благодаря выходу в свет названного выше четырехтомника. Словарь Ожегова является словарем массового типа, получившим широкое распространение как в СССР, так и за рубежом.

Четырехтомный словарь под редакцией Д. Н. Ушакова не мог заменить собою полного академического Словаря русского языка, задуманного более ста лет тому назад, но не осуществленного до Великой Октябрьской социалистической революции.

В 1922 г. после некоторого перерыва была возобновлена работа над таким словарем, которая велась в течение многих лет с середины прошлого столетия последовательно под руководством ряда выдающихся лингвистов (акад. И. И. Давыдова, затем акад. Я. К. Грота и, наконец, акад. А. А. Шахматова), чьи взгляды на задачи Словаря весьма значительно различались. Происходило пополнение и разбор огромных материалов для Словаря, собранных благодаря исключительной энергии А. А. Шахматова, готовились новые выпуски Словаря¹.

Поскольку со времени выхода в свет первого тома существенно изменились требования, предъявляемые к полному академическому Словарю, возникла задача подготовки большого академического Словаря, охватывающего все лексическое богатство русского литературного языка от эпохи Пушкина до наших дней.

Первый том семнадцатитомного академического «Словаря современного русского литературного языка» (главный редактор тома — В. И. Чернышев) вышел в 1948 г. (дополнительный тираж — в начале 1950 г.).

Первые три тома названного Словаря составлены по гнездовой системе, четвертый (редактор А. М. Бабкин) и последующие томы (всего вышло 14 томов) подготовлены по новой инструкции.

С 1952 г. началась параллельно работа над четырехтомным толковым словарем. Первый том «Словаря русского языка» (редактор А. П. Евгеньева) вышел в 1957 г., в настоящее время издание осуществлено полностью.

Общие принципы создания обоих словарей едины: показ, толкование, иллюстрация цитатами, краткая грамматическая характеристика словарного состава русского литературного языка от Пушкина до наших дней. Различие между словарями, прежде всего, определяется их объемом и назначением.

Семнадцатитомный словарь выпущен для сравнительно ограниченного круга читателей, специально интересующихся словар-

---

¹ Я. К. Грот подготовил только I том, на буквы А—Д, вышедший в 1895 г., А. А. Шахматов — выпуски II тома, на буквы Е—З (1897—1907 гг.).

ным составом русского языка, четырехтомный словарь — для массового читателя.

Следует отметить, что активная работа над словарями углубила интерес и к практическим, и к теоретическим вопросам лексикологии и лексикографии.

С другой стороны, статьи по вопросам лексикологии и лексикографии крупнейших ученых-лингвистов способствовали улучшению словарей в процессе работы над ними. В первую очередь надо назвать прочитанный Л. В. Щербой в 1939 г. доклад «Опыт общей теории лексикографии» (в «Известиях ОЛЯ», 1940, № 3 под этим заглавием напечатан «Этюд 1. Основные типы словарей», являющийся развитием доклада), труды В. В. Виноградова: «О грамматической омонимии в современном русском языке» (РЯШ, 1940, № 1); «О формах слова» («Известия ОЛЯ», т. III, вып. 1, 1944); «Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины» («Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция филологических наук». Л., 1946); «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке» (Сборник «А. А. Шахматов». М. — Л., 1947); «Основные типы лексических значений слов» (ВЯ, 1953, № 5); «Вопросы изучения словосочетаний (На материале русского языка)» (ВЯ, 1954, № 3). В. В. Виноградову принадлежит и большое число статей (свыше 20), посвященных истории русских слов и выражений.

Следует отметить также работы С. И. Ожегова, посвященные лексике современного русского литературного языка: «Основные черты развития русского языка в советскую эпоху» («Известия ОЛЯ», т. X, вып. 1, 1951); «Из истории слов социалистического общества» («Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», вып. 1, М., 1952); «К вопросу об изменениях словарного состава русского языка в советскую эпоху» (ВЯ, 1953, № 2) и др.

В связи с работой над словарями (не только русского, но и других языков) возникла потребность в издании специальной серии, где бы печатались статьи по лексикографии и лексикологии. В 1957 г. в Москве вышел в свет 1-й выпуск «Лексикографического сборника». В статьях, помещенных в пяти выпусках этого сборника, рассматриваются вопросы отбора слов для толкового словаря русского языка, определения значения и употребления слова, раскрытия лексико-грамматических отношений (Ф. П. Филин, Л. С. Ковтун, А. П. Евгеньева), вопрос о месте производственной терминологии в словаре (Ф. П. Сороколетов), о структуре фразеологии (С. И. Ожегов), проблема омонимов (Л. Л. Кутина), проблема тюркской лексики в русском языке (Н. К. Дмитриев, Э. В. Севортян), дается история ряда слов (А. С. Львов, В. А. Плотникова-Робинсон, И. А. Короленко, Н. П. Колесников, В. Я. Дерягин) и выражений (С. И. Котков) и т. д.

Сравнительно скромными являются достижения в области изучения фонетического строя русского языка.

Работа Л. В. Щербы «Русские гласные в качественном и количественном отношении» (СПб., 1912), построенная на экспериментальных данных, относится к дореволюционному периоду. Именно в этой работе Л. В. Щерба, один из основоположников теории фонемы, дал определение фонемы, указывающее на ее семантическую роль. Это определение сыграло большую роль в отечественном и зарубежном языкознании.

Проблемы русской фонетики затрагиваются Л. В. Щербой в более поздней его работе «Фонетика французского языка. Очерк французского произношения в сравнении с русским. Пособие для студентов факультетов иностранных языков». (М. — Л. Учпедгиз, 1937; 5-е изд. — 1955).

Глава казанской фонетической школы В. А. Богородицкий, опубликовавший ряд работ по фонетике в дореволюционное время, продолжал и в дальнейшем экспериментально-фонетическое изучение русского литературного языка. В 1922 г. в Казани вышли 2-й и 3-й выпуски (выпуск 1-й издан там же в 1917 г.) его небольшого по объему «Курса экспериментальной фонетики применительно к литературному русскому произношению», а в 1930 г. — большая монография «Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных. Со многими рисунками и с экскурсами о татарской орфографии и произношении».

Последний труд В. А. Богородицкого — несомненный вклад в русское языкознание. Звуки русского языка исследованы им в самых различных положениях и сочетаниях графическим методом, методом палатограмм и лингвограмм и, наконец, субъективным методом непосредственного наблюдения.

Итоги экспериментально-фонетического исследования использованы В. А. Богородицким в главе «Физиология звуков русского языка» его книги «Общий курс русской грамматики (из университетских чтений)» (первые четыре издания — Казань, 1904—1913 гг., 5-е изд., переработанное, — М. — Л., 1935).

На экспериментальных данных построены и следующие статьи В. А. Богородицкого: «Экспериментально-графическое исследование двусложных слов в общерусском произношении» («Известия ОРЯС 1923 г.», т. XXVIII. Л., 1924); «Неударенные гласные в соотношении их с ударенными в словах в общерусском произношении по экспериментальным данным (сонорная длительность, средняя высота тона)» («Известия по русскому языку и словесности АН СССР», т. I, кн. 1. Л., 1928).

Заслуживает быть отмеченным отдел «Фонетика» в 1-м томе академической «Граматики русского языка» (М., 1952; 2-е изд. — М., 1960), написанный Л. В. Щербой и М. И. Матусевич. Этот отдел, занимающий весьма скромное место в «Грамматике», дает четкое представление о системе гласных и согласных фонем русского литературного языка и их произношении в раз-

личных условиях. Звуковому составу русского литературного языка уделено внимание в работе Л. В. Щербы «Теория русского письма» (в кн.: Л. В. Щерба. «Избранные работы по русскому языку». М., 1957).

В 1956 г. в издании МГУ вышла в свет «Фонетика современного русского литературного языка» (в качестве учебного пособия для ун-тов и пед. ин-тов) Р. И. Аванесова. В книге систематически изложен курс фонетики русского языка, освещен и ряд спорных теоретических вопросов, в частности имеющий большое принципиальное значение вопрос о понятии фонемы. Следует отметить и написанный Р. И. Аванесовым раздел «Фонетика» в книге Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова «Очерк грамматики русского литературного языка, ч. I. Фонетика и морфология» (М., 1945). Р. И. Аванесову принадлежит ряд работ по вопросам русского произношения, в их числе книги: «Русское литературное произношение. Учебное пособие для учительских институтов» (1-е изд. — М., 1950, 2-е изд. — М., 1954); «Ударение в современном русском литературном языке» (М., 1955, а также Киев, 1956). Один из существенных теоретических вопросов, поставленных в первой из названных книг, — обоснование учения о произносительных стилях и вытекающие отсюда выводы о характере орфоэпических рекомендаций. Р. И. Аванесовым напечатано и большое число статей по вопросам русской фонетики и орфоэпии: «Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка» («Известия ОЛЯ», т. VI, вып. 3, 1947); «О слогоразделе и строении слога в русском языке» (ВЯ, 1954, № 6) и др.

Одному из важных вопросов русской фонетики посвящена статья А. А. Реформатского «Согласные, противопоставленные по способу и месту образования, и их варьирование в современном русском литературном языке» («Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», VIII. М., 1955).

В статье С. И. Ожегова «Очередные вопросы культуры речи» (сб. «Вопросы культуры речи», вып. 1. М., 1955) сделана попытка установить принципиальные основы нормализации современного произношения и ударения. По мнению автора, при установлении нормы следует исходить из исторических закономерностей развития явления или круга явлений и закономерных тенденций современного развития данного явления.

Под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова вышел в свет в 1959 г. словарь-справочник «Русское литературное произношение и ударение» (2-е изд.). Этот словарь, включающий около 52000 слов, ставит своей задачей дать ответы на конкретные вопросы о правильном произношении и ударении, о правильном образовании форм слов.

Особое место занимают труды С. П. Обнорского, в которых решается вопрос об орфоэпических нормах современного русского литературного языка. С. П. Обнорский во всех этих тру-

дах обстоятельно исследует историю рассматриваемых им норм. Таковы статьи: «Сочетание *чи* в русском языке» («Труды Комиссии по русскому языку», т. I. Л., 1931); «Правильности и неправильности современного русского литературного языка» («Известия ОЛЯ», т. III, вып. 6, 1944); «Переход *е* в *о* в современном русском языке» (в сборнике «А. А. Шахматов». М. — Л., 1947). В последней статье говорится о переходе *е* в *о*, а также *ж* в *о* не только в литературном языке, но и в диалектах.

Научных сотрудников Академии наук СССР интересовали и специально вопросы сценического произношения. Отметим следующие брошюры и статьи: Г. О. Винокур. «Русское сценическое произношение» (М., 1948); И. С. Ильинская и В. Н. Сидоров. «О сценическом произношении в московских театрах. (По материалам сезона 1951/52 г.)» («Вопросы культуры речи», вып. 1. М., 1955); А. А. Реформатский. «Речь и музыка в пении» (там же).

С вопросами орфоэпии тесно связаны вопросы культуры речи, поскольку одно из требований, предъявляемых к образцовой речи, — правильное произношение. В борьбе за культуру речи большую роль сыграли работы С. П. Обнорского, призывавшего к чистоте, правильности и выразительности нашей речи: «Борьба за культуру русского языка» («Советская педогогика», 1945, № 10); «Культура русского языка» («Известия ОЛЯ», т. IV, вып. 2, 1945); «Культура русского языка» (в кн. «Юбилейная сессия Академии наук СССР», т. II. М — Л., 1947); «Культура русского языка» (М — Л., 1948). Говоря о нормализованном произношении, о правильном употреблении склоняемых и спрягаемых форм, о правильном синтаксическом построении речи, С. П. Обнорский учитывает историческое развитие языка — изменения в фонетическом и грамматическом строе.

Одновременно с названной выше брошюрой С. П. Обнорского вышла в свет и брошюра Е. С. Истриной «Нормы русского литературного языка и культура речи» (М — Л., 1948). В этой работе Е. С. Истрина уделяет большое внимание грамматическим нормам, в частности синтаксическим, изменениям значений и правильному употреблению слов.

В связи с тем, что в нашей стране значительно повысился интерес к культуре речи, с 1955 г. Академией наук СССР начали издаваться под редакцией С. И. Ожегова специальные сборники «Вопросы культуры речи» (1-й выпуск — М., 1955, 2-й выпуск — М., 1959, 3-й выпуск — М. 1961), в которых основное внимание уделено культуре русской речи, причем ряд статей носит научно-популярный характер.

Интенсивно шло изучение грамматического строя современного русского литературного языка.

О большом интересе к морфологии (а также и к фонетическому строю) русского языка свидетельствует тот факт, что после Великой Октябрьской социалистической революции был

напечатан типографским способом «Очерк современного русского литературного языка» А. А. Шахматова. Знаменательно, что «Очерк» был издан к двухсотлетию Академии наук — в 1925 г. и выдержал четыре издания (последнее — в 1941 г.). «Очерк» представляет собой курс лекций, который был читан его автором в 1911—1912 гг. в Петербургском университете (в 1913 г. был издан литографским способом). В «Очерке» содержится не только обстоятельное описание фактов современного русского литературного языка. А. А. Шахматов справедливо полагал, что описательное изложение, чтобы быть научным, должно опираться и на данные истории языка. Поэтому в книге имеется сопоставление фактов современного языка с фактами старших эпох.

К указанной выше юбилейной дате был издан в Ленинграде в 1925 г., под редакцией Е. С. Истриной, остававшийся до того времени в рукописи труд А. А. Шахматова «Синтаксис русского языка. Выпуск первый. Учение о предложении и о словосочетаниях». Выпуск второй этой работы под редакцией Е. С. Истриной, содержащий «Учение о частях речи. Дополнения», увидел свет несколько позже — в 1927 г., хотя и был приурочен тоже к юбилею Академии наук. «Синтаксис русского языка» был затем переиздан в Ленинграде в 1941 г. (редакция и комментарии Е. С. Истриной).

В «Очерке» А. А. Шахматова, в главах, посвященных морфологии, с исключительной полнотой и четкостью говорится о склоняемых частях речи и глагольных формах, причем автор не останавливается на значениях падежей, считая, что определение их значения принадлежит синтаксису. В выпуске втором «Синтаксиса» рассмотрены все части речи. А. А. Шахматов полагает, что морфологический принцип деления частей речи не может выдержать критики и деление надо обосновать синтаксическими условиями, характерными для каждой части речи. Второй выпуск представляет собой синтаксис частей речи. Центральными разделами являются «Вводная часть» (теоретическая), и два первых — «Существительное» и «Глагол». Богатство фактов, их тонкая интерпретация — характерные особенности этого труда, сыгравшего весьма заметную роль в науке о русском языке.

Еще более значительна роль первого выпуска. Именно здесь автор говорит о возникновении языка как средства общения, определяет, что задачей синтаксиса является изучение как предложения, т. е. словесного выражения единицы мышления, так и словосочетаний и слов, не потерявших связи с предложением, а сохранивших значение частей или членов предложения. Таким образом, для А. А. Шахматова учение о словосочетании составляет лишь часть учения о предложении.

В нашей литературе совершенно справедливо указывалось на логико-психологическую основу синтаксической системы

А. А. Шахматова, на противоречия, имеющиеся в трактовке ряда вопросов, в частности — о различиях между двусоставными и односоставными предложениями. В то же время с полным основанием говорилось об исключительной ценности труда А. А. Шахматова: «Синтаксис» построен на основе предложения, а не на основе словосочетания, как это имело место у представителей формальной школы, тщательно описаны и тонко проанализированы различные типы предложения и его части — члены предложения, дан богатый и разнообразный языковой материал. Неудивительно, что работы А. А. Шахматова оказали большое влияние на последующие труды других ученых по синтаксису русского (и не только русского) языка.

Большую роль в оживлении интереса у нас и за рубежом к морфологическим проблемам русского языка сыграл капитальный труд С. П. Обнорского «Именное склонение в современном русском языке. Вып. 1. Единственное число» (Л., 1927); «Именное склонение в современном русском языке. Вып. 2. Множественное число» (Л., 1931). Эти выпуски — энциклопедия именного склонения в русском языке в самом высоком смысле этого слова. Каждый раздел выпуска, посвященный тому или иному падежу, представляет собой самостоятельное исследование с полным привлечением всего имевшегося в распоряжении автора материала, с выяснением причин падения той или иной формы, возникновения и закрепления новой в говорах, в литературном языке.

В 1953 г. в Москве выходят «Очерки по морфологии русского глагола» С. П. Обнорского, служащие в известной степени продолжением названного выше труда. С «Именным склонением» книгу роднит огромный фактический материал, в первую очередь — из диалектов, тонкий и глубокий анализ этого материала.

Изданный в 1935 г. в Харькове «Курс русского литературного языка» Л. А. Булаховского (книга переиздана в 1936, 1938, 1949 и 1952 гг.) был первым учебным пособием для университетов и педвузов, в котором систематически излагался данный предмет в соответствии с программой. Наибольший научный интерес представляют сведения об ударении отдельных частей речи, о словообразовательных элементах слова, выводы автора о том, как отражается в синтаксических построениях своеобразие морфологической структуры слова.

Как пособие для высших учебных заведений были выпущены книги В. В. Виноградова «Современный русский язык. Вып. 1. Введение в грамматическое учение о слове» (М., 1938); «Современный русский язык. Вып. 2. Грамматическое учение о слове» (М., 1938); «Русский язык. (Грамматическое учение о слове)» (М.—Л., 1947). За последнюю из названных книг (в ее основе лежат оба выпуска предшествующего исследования, но многие главы написаны заново, другие коренным обра-

зом переработаны), автор был сначала удостоен первой премии имени Ломоносова, а затем — Государственной премии.

Как отмечает сам В. В. Виноградов², в этой работе была сделана попытка дать грамматическую характеристику главных морфологических категорий современного русского языка, связанных с разными частями речи, представить широкое описание системы частей речи в сложном взаимодействии ее основных типов, разрядов и элементов, связать функционирование систем современного словоизменения с словообразовательными процессами и подвести итоги предшествующему развитию нашей отечественной и иностранной грамматической мысли в сфере изучения морфологического строя русского языка. Вся намеченная программа была выполнена, и труд В. В. Виноградова оказал большое и плодотворное влияние на развитие отечественного языкознания.

Заслуживает быть отмеченной названная нами выше книга, написанная Р. И. Аванесовым и В. Н. Сидоровым для учителей средней школы и студентов-филологов, «Очерк грамматики русского литературного языка». В этом пособии, для которого характерны систематичность изложения и самостоятельность взглядов, автором раздела морфологии является В. Н. Сидоров.

Широкую грамматическую характеристику современного русского литературного языка со стороны его морфологического состава и синтаксического строя дает коллективный труд — двухтомная академическая «Грамматика русского языка» (редакционная коллегия I тома: В. В. Виноградов, Е. С. Истрина и С. Г. Бархударов; II тома: В. В. Виноградов и Е. С. Истрина), выдержавшая, как мы отметили выше, два издания (М., 1952—1954; М., 1960). В ней систематически и глубоко освещены явления словообразования, дано обстоятельное описание отдельных частей речи, основных типов словосочетаний и предложений (простых и сложных). Несмотря на отдельные недостатки (нет полного единства взглядов авторов книги, недостаточно связаны между собой учение о словосочетании и учение о предложении и др.) «Грамматика» сыграла исключительно большую роль в нашем языкознании. Ее идеи, ее материал получили отражение в пособиях по русскому языку для высшей школы, в отдельных исследованиях, при этом не только по русскому языку.

В монографии Н. А. Янко-Триницкой «Возвратные глаголы в современном русском языке» (М., 1962) рассмотрены глаголы, в морфологическом составе которых имеется суффикс *-ся* (*-сь*).

Ряд синтаксических конструкций разговорной речи, все еще мало изученной, исследован в книге Н. Ю. Шведовой «Очерки по синтаксису русской разговорной речи» (М., 1960).

---

² В. В. Виноградов. Изучение русского литературного языка за последнее десятилетие в СССР. М., 1955, стр. 6.

Центральное место в работе занимает раздел «Построения, формирующиеся путем соединения знаменательного слова с частицей». Этот раздел, представляющий наибольший интерес, значительно расширяет наши сведения об указанных построениях.

В вышедшей в 1960 г. в Москве монографии В. П. Сухотина «Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке. Глагольные словосочетания» обобщены многолетние исследования автора по проблемам синтаксической синонимики в современном русском языке.

Вопросам грамматического строя современного русского языка посвящено большое количество статей, опубликованных научными работниками АН СССР в отдельных сборниках, из которых отметим в первую очередь: «Вопросы синтаксиса современного русского языка» (М., 1950) и «Исследования по грамматике русского литературного языка» (М., 1955).

Значительными являются достижения научных работников АН СССР в области истории русского литературного языка и языка художественной литературы.

Опубликован ряд больших обобщающих трудов, охватывающих значительный период истории русского литературного языка. К ним относятся: В. В. Виноградов, «Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.» (М., 1934; изд. 2, переработанное и дополненное — М., 1938); С. П. Обнорский. «Очерки по истории русского литературного языка старшего периода» (М.—Л., 1946); Л. А. Булаховский. «Русский литературный язык первой половины XIX века, т. 1. Лексика и общие замечания о слоге» (Киев, 1941); его же. «Русский литературный язык первой половины XIX века, т. II. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис» (Киев, 1948; изд. 2, исправленное, М., 1954).

Книга В. В. Виноградова явилась первым пособием по истории русского литературного языка для советской высшей школы и сыграла большую роль в дальнейшей разработке вопросов исторических судеб русского литературного языка. Факты истории русского литературного языка рассмотрены в определенной системе, в их взаимосвязи.

Как пособие для высшей школы издана и монография Л. А. Булаховского. В ней основное внимание уделено художественным литературным жанрам 1801—1856 гг., но имеются и замечания об эпистолярном слоге, слоге критической прозы, о научной прозе. Особенно богат по материалу и по выводам, сделанным на основе этого материала, 2-й том (он был переиздан). Следует отметить, что синтаксису русского литературного языка указанного периода, этой малоисследованной области, отведена почти половина тома. Л. А. Булаховский дал общую характеристику синтаксиса русского литературного языка

первой половины XIX в., характеристику некоторых специальных явлений, сделал ряд замечаний по стилистическому синтаксису.

«Очерки» С. П. Обнорского, удостоенные Государственной премии I степени, характерны обилием фактического материала, новизной постановки вопросов. В монографии исследованы памятники различных жанров от начала XI по конец XII в., принадлежащие разным пунктам русской территории. Автор приходит к выводу, что основной и главнейшей чертой русского литературного языка старшей поры является его общий русский облик, дающий себя знать во всех сторонах языка, второй чертой — относительно архаический тип языка и третьей — слабая доля воздействия церковно-славянского языка.

Следует отметить, что и те русисты, которые не разделяют полностью взглядов С. П. Обнорского и говорят о литературно-народном языке древней Руси, возникшем на старославянской основе, обслуживавшем определенные жанры письменности и оказавшем влияние на литературный язык на восточнославянской основе уже на первых порах его существования, высоко ценят «Очерки» за большой материал, за тонкий анализ языковых фактов.

Большое значение для построения истории русского литературного языка имело изучение языка памятников древнерусской литературы (отдельных или сгруппированных по жанру). Внимание исследователей останавливалось на всех сторонах языка памятников (лексике, фонетике, морфологии и синтаксисе) или некоторых из них.

Отметим наиболее крупные монографии и статьи.

«Русская правда» исследована в труде Е. Ф. Карского, высоко оцененном палеографами и историками русского языка — «„Русская Правда“ по древнейшему списку. Введение, текст, снимки, объяснения, указатели авторов и словарного состава» (Л., 1930 г.).

Издание, выпущенное Е. Ф. Карским, — первое и пока последнее лингвистическое вполне точное издание «Русской Правды» по списку Новгородской Кормчей 1282 г. Здесь даны текст «Русской Правды» по древнейшей рукописи 1282 г. и варианты к нему, фотомеханическое воспроизведение списка 1282 г., исследованы язык и отчасти история литературной стороны этого важнейшего юридического памятника древней Руси. Е. Ф. Карский приходит к выводу, что памятник производит впечатление произведения, написанного на чисто народном языке. «Русская Правда» в той же пространной редакции привлекла внимание и С. П. Обнорского. В 1934 г. выходит в свет его работа «„Русская Правда“ как памятник русского литературного языка» («Известия АН СССР, VII серия. Отделение общественных наук», 1934, № 10), которая уже в самой заглавии содержит элементы полемики. Основные выводы автора близки к тем,

которые сделаны позже в уже упоминавшихся «Очерках», где проанализированы «Русская Правда» в краткой редакции, Сочинения Владимира Мономаха, «Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника». И в труде о «Русской Правде» С. П. Обнорский утверждает, что русский литературный язык старшей поры был в собственном смысле русским во всем своем составе.

В 1957 г. была опубликована написанная в 1941 г. статья А. М. Селищева «О языке „Русской Правды“ в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка» (ВЯ, 1957, № 4). В этой статье автор исходит из положения, что в основу языка древнерусской письменности был положен язык старославянских (древнеболгарских) рукописей, и считает необоснованной выдвинутую С. П. Обнорским в статье о языке «Русской Правды» гипотезу о древнейшем типе русского литературного языка X—XI вв., формировавшемся на севере и предшествовавшем появлению русских рукописей на старославянской основе.

Ряд работ посвящен древнерусским летописям, причем в некоторых монографиях исследован синтаксис летописей (в дооктябрьский период внимание ученых сосредоточивалось преимущественно на лексике, фонетике и морфологии древнерусских памятников): Е. С. Истрина. «Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи» (Пг., 1923); Е. Ф. Карский. «Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи» («Известия по русскому языку и словесности», т. II, кн. 1. Л., 1929); В. И. Борковский. «О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку» («Труды Комиссии по русскому языку», т. 1. Л., 1931); Ф. П. Филин. «Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей)» («Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 80. Кафедра русского языка, 1949).

«Слово о полку Игореве», этот выдающийся памятник древнерусской литературы, находился в центре внимания наших отечественных лингвистов. Ему посвящен ряд работ, рассматривающих преимущественно те или иные неясные места в «Слове», фонетические и грамматические формы. В следующих статьях дается оценка «Слова о полку Игореве» как памятника древнерусского литературного языка: С. П. Обнорский. «„Слово о полку Игореве“ как памятник русского литературного языка» (РЯШ, 1939, № 4); Л. П. Якубинский. «О языке „Слова о полку Игореве“» («Доклады и сообщения Ин-та русского языка АН СССР», вып. 2, М.—Л., 1948); Л. А. Булаховский. «„Слово о полку Игореве“ как памятник древнерусского языка» (В сб. исследований и статей: «Слово о полку Игореве». М.—Л., 1950); Н. П. Гринкова. «О языке „Слова о полку Игореве“» (сб. «Изучение языка писателя». Под ред. Н. П. Гринковой. Л., 1957).

Среди трудов, в которых исследован язык древнерусских памятников, должное место заняли монографии о языке грамот,

этого важного источника для суждения о русском литературном языке Древней Руси. Большой научный интерес представляет труд С. П. Обнорского «Язык договоров русских с греками» («Язык и мышление», VI—VII. М.—Л., 1936), в котором, в частности, автор устанавливает, что язык переводов отдельных договоров неодинаков. В статье «Смоленская грамота 1229 г. — русский памятник» («Ученые записки Ярославского гос. пед. ин-та», вып. 1, 1944) В. И. Борковский на основании анализа языка Смоленской грамоты, сравнения ее сохранившихся списков приходит к выводу, что этот исключительный по своему значению документ был составлен на русском языке в Смоленске, а не является переводом с другого языка.

Синтаксис грамот исследован в ряде работ В. И. Борковского: «О синтаксических явлениях новгородских грамот XIII—XIV века» («Известия Крымского пед. ин-та им. М. В. Фрунзе», т. IX. Симферополь, 1940; Продолжение — «Ученые записки Ярославского гос. пед. ин-та», вып. IV, 1944); «Синтаксис древнерусских грамот. (Простое предложение)». Львов, 1949 (книга переиздана в 1957 г. в Китайской Народной Республике); «Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение» (М., 1958) и др.

Вновь открытым новгородским грамотам на бересте посвящен ряд статей В. И. Борковского, Ф. Ф. Кузьмина и др. В 1955 г. в Москве вышел в свет коллективный труд (авторы: Р. И. Аванесов, В. И. Борковский, П. С. Кузнецов, Л. П. Жуковская, Н. Б. Бахилина) «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот». Лингвистический анализ грамот из раскопок 1953—1957 гг. дан В. И. Борковским в книгах: А. В. Арциховский и В. И. Борковский. «Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.)». (М., 1958); А. В. Арциховский и В. И. Борковский. «Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.)» (М., 1958); А. В. Арциховский и В. И. Борковский. «Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.)» (М., 1963).

Одному из выдающихся русских памятников XVII в. посвящена следующая монография: П. Я. Черных. «Язык Уложения 1649 года. Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги» (М., 1953).

Язык «Домостроя» исследован в большой статье С. Д. Никифорова «Из наблюдений над языком „Домостроя“ по Копнинскому списку» («Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», т. XLII. Кафедра русского языка, 1947).

Из трудов, в которых рассматривается язык древнерусских памятников, следует еще особо отметить статью С. П. Обнорского «Исследование о языке Минеи за ноябрь 1097 года». («Известия ОРЯС 1924 года», т. XXIX. Л., 1925). В последней работе основное внимание уделено графике и фонетике памятника, в первую очередь — истории глухих (ъ и ъ). Автор считает, что глухие вообще живы в языке Минеи. Октябрьская Минея

1096 года была исследована несколько позже В. Л. Комаровичем в его работе «Язык служебной Октябрьской Минии 1096 года» («Известия ОРЯС 1925 года», т. XXX. Л., 1926).

Во многих работах рассмотрены отдельные явления из области исторической лексикологии, фонетики и грамматики русского языка, и их мы назовем ниже.

В послеоктябрьский период работниками Академии наук СССР опубликован ряд монографий, посвященных языку и стилю отдельных писателей XVIII—XX вв., причем главное внимание уделено XIX в.

Здесь в первую очередь следует отметить капитальные труды В. В. Виноградова: «Этюды о стиле Гоголя» (Государственный институт истории искусств. «Вопросы поэтики», вып. 7. Л., 1926); «Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка» (М.—Л., «Academia», 1935); «Стиль Пушкина» (М., 1941). Ему же принадлежит ряд статей о языке произведений А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, о языке М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, И. А. Крылова, И. И. Дмитриева и др.

Языку ряда писателей (А. С. Пушкина, И. А. Крылова, А. С. Грибоедова, Н. С. Лескова) посвящены очерки, написанные А. С. Орловым и изданные после его смерти в виде отдельной книги в Научно-популярной серии Академии наук СССР под заглавием «Язык русских писателей» (М.—Л., 1948). Наибольший интерес представляют очерки о языке басен И. А. Крылова и произведений Н. С. Лескова.

Язык отдельных писателей XIX в., а также ряд вопросов истории русского литературного языка XVIII—XIX вв. исследованы в изданных Академией наук СССР сборниках «Материалы и исследования по истории русского литературного языка» (т. I — М.—Л., 1949; т. II — М.—Л., 1951; т. III — М., 1953; т. IV — М., 1957; т. V — М., 1962).

Н. С. Поспелову, опубликованному в различных изданиях ряд статей о языке А. С. Пушкина, принадлежит монография «Синтаксический строй стихотворных произведений Пушкина» (М., 1960). Это опыт изучения синтаксического строя стихотворных произведений Пушкина, различных по своему метрическому строению («Руслан и Людмила», южные поэмы, «Евгений Онегин», «Медный всадник»). Свою основную задачу автор видел в том, чтобы раскрыть структурное многообразие стихотворных произведений Пушкина.

Наиболее значительное явление в области изучения языка художественной литературы — книга В. В. Виноградова «О языке художественной литературы» (М., 1959). Следует отметить, что книге В. В. Виноградова предшествовали не только перечисленные выше его труды о языке и стиле отдельных писателей, но и большое число статей, в которых освещаются теоретические вопросы изучения языка русской художественной литературы. В труде В. В. Виноградова «О языке художественной литера-

туры» дается определение задач и методов изучения языка художественной литературы, прослеживается процесс развития языка русской художественной прозы нового времени. Исследователь показывает, как язык художественной литературы, питаясь из родников общенародного языка, подвергается преобразованиям по законам эстетики, выясняет, как в языке художественного произведения сложно отражается и воплощается образ автора, его мировоззрение, жизненный, идейный и художественный опыт. В книге проанализированы как произведения писателей прошлого века, так и наших современников.

В тесной связи с названной книгой находится труд В. В. Виноградова «Проблема авторства и теория стилей» (М., 1961). Главная цель, поставленная автором, — «расширить и конкретно-исторически осветить область наблюдений над развитием индивидуальных стилей в новой русской литературе с конца XVIII века» (стр. 3).

Бесспорным достижением коллектива научных работников Академии наук СССР следует признать выпуск в свет четырехтомного «Словаря языка Пушкина» (М., 1956—1961). Подготовка материалов для Словаря велась под руководством Г. О. Винокура, а затем, после его смерти (в 1947 г.), работу по созданию Словаря возглавил В. В. Виноградов, определивший, что «задача и цель пушкинского словаря — служить пособием для углубленного изучения истории русского литературного языка XIX в. и вместе с тем пособием для изучения словесно-художественного творчества Пушкина, нашего великого национального поэта» («Предисловие» к I тому, стр. 8).

В Словаре приведены все слова основного текста сочинений Пушкина по Большому академическому изданию, отмечено общее число употреблений каждого слова, дана характеристика значений и употреблений того или иного слова. Эту огромную работу выполнил сравнительно небольшой коллектив. Составители Словаря: С. И. Бернштейн, А. Д. Григорьева, И. С. Ильинская, В. Д. Левин, В. А. Плотникова, В. Н. Сидоров, И. А. Оссоевский, Е. Ф. Петрищева, Н. Н. Иванова, И. И. Ковтунова, В. В. Пчелкина, Е. П. Ходакова (в работе над первым томом принимал участие М. Н. Петерсон).

Выход в свет «Словаря языка Пушкина», словаря-справочника, мысль о создании которого возникла еще в 70—80-е гг. прошлого века, а возможно, и раньше, — большое событие в культурной жизни нашей страны.

Следует отметить, что научными работниками Академии наук СССР наибольшее внимание из писателей XVIII — начала XX в. было уделено А. С. Пушкину и Н. В. Гоголю. В той или иной степени исследован язык произведений А. И. Герцена, И. А. Гончарова, А. С. Грибоедова, И. И. Дмитриева, Ф. М. Достоевского, М. Н. Загоскина, Н. М. Карамзина, А. В. Кольцова, И. А. Крылова, М. Ю. Лермонтова, Н. С. Ле-

скова, Н. А. Некрасова, И. Т. Песошкова, П. А. Плавильщикова, А. Н. Радищева, Л. Н. Толстого, В. К. Тредьяковского, И. С. Тургенева, Г. И. Успенского. Поэтам-декабристам посвящена статья Н. С. Авиловой «К изучению языка поэтов-декабристов. (Лексика и словоупотребление)» («Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. III. М., 1953).

Меньше внимания было уделено в Академии наук СССР языку советских писателей.

Отметим специальный сборник «Исследования по языку советских писателей» (М., 1959). В этом сборнике освещены некоторые стороны языкового мастерства Л. М. Леонова и М. А. Шолохова (статья Е. Т. Черкасовой), Ю. Н. Тынянова (статья В. Д. Левина), П. П. Бажова (статья Р. Р. Гельгардта). В статье Е. А. Земской «Речевые приемы комического в советской литературе» выводы построены на материале произведений В. В. Маяковского, М. А. Шолохова, И. А. Ильфа и Е. П. Петрова и многих других писателей.

Больше всего статей посвящено языку произведений А. М. Горького. Опубликованы также статьи о языке М. М. Зощенко, И. А. Ильфа и Е. П. Петрова, Л. М. Леонова, В. В. Маяковского, А. Н. Толстого, К. А. Тренева, А. А. Фадеева, М. А. Шолохова.

Следует признать, что планомерное изучение языка произведений советских писателей в языковедческих институтах Академии наук СССР не было организовано, кандидатские диссертации по языку советских писателей являются в Академии наук редким исключением.

Весьма значительны достижения языковедов — научных работников Академии наук СССР в области исторической фонетики, грамматики и лексикологии русского языка.

Назовем сначала общие курсы, написанные научными сотрудниками Академии наук СССР: Е. С. Истрина. «Руководство по истории русского языка с хрестоматией и снимками с древних рукописей». Изд. 3 (М.—Пг., 1923); Н. Н. Дурново. «Очерк истории русского языка» (М.—Л., 1924); Л. А. Булаховский. «Исторический комментарий к литературному русскому языку» (с 1937 по 1958 г. пять изданий; 1-е — в Харькове — Киев, 2-е, 3-е и 5-е — в Киеве, 4-е издание вышло в Киеве в 1953 г. в качестве 2-го тома «Курса русского литературного языка»); Л. П. Якубинский. «История древнерусского языка» (М., 1953) (в книге содержатся сведения по фонетике и грамматике, причем больший интерес представляет раздел, посвященный грамматике).

Особенно значительна роль книги Л. А. Булаховского в подготовке кадров лингвистов. До самого последнего времени книга Л. А. Булаховского — основное пособие по курсу «Историческая грамматика русского языка» в университетах и пединститутах. В труде Л. А. Булаховского дано историческое объяснение различных фактов из области фонетики, морфологии, ударения и синтаксиса (ему отведена третья часть пособия) современного русского языка.

Кроме того, книга содержит краткий очерк истории русского литературного языка до конца XVIII в. Отметим, что в отделе морфологии приводятся интересные данные о словообразовании различных частей речи.

Пособием для высшей школы явилась и составленная С. П. Обнорским и С. Г. Бархударовым «Хрестоматия по истории русского языка» (М.—Л., ч. I — 1938, ч. II — 1949; ч. I переиздана в 1952 г.). Следует отметить точность, с которой напечатаны тексты в этой хрестоматии, в частности в ее первой части, где помещены образцы древнерусской письменности.

В работах по исторической фонетике, весьма немногочисленных, или рассматривается одно какое-либо фонетическое явление на основании многих памятников письменности (часто привлекаются и данные диалектов), или исследуются фонетические особенности одного какого-либо памятника письменности.

К первой группе относятся ценные монографии В. В. Виноградова и Л. Л. Васильева: В. В. Виноградов. «Исследования в области фонетики севернорусского наречия». Вып. I. Очерки из истории звука *ѣ* в севернорусском наречии» («Известия ОРЯС 1919 года», т. XXIV, кн. 2. Пг., 1923); Л. Л. Васильев. «О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков. К вопросу о произношении звука *о* в великорусском наречии». («Сборник по русскому языку и словесности», т. 1, вып. 2. Л., 1929).

В обоих исследованиях использованы и памятники письменности, и данные диалектов. Отметим, что почти одновременно с названной выше работой В. В. Виноградова им опубликована имеющая большое значение для интерпретации материалов, извлеченных из древнерусских памятников, статья «Методы изучения рукописей как материала для построения исторической фонетики русского языка в исследованиях акад. А. А. Шахматова» («Известия ОРЯС 1920 года», т. XXV. Пг., 1922).

История редуцированных гласных исследована в работах: И. А. Фалев. «О редуцированных гласных в древнерусском языке» («Язык и литература», т. II, вып. I, 1927); В. Н. Сидоров. «Редуцированные гласные *ѣ* и *ь* в древнерусском языке XI в.» («Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. II. М., 1953). В. Н. Сидоров приводит убедительные доводы в пользу мнения о существовании редуцированных гласных в древнерусском языке XI и первой половины XII в.

Редуцированным гласным в отдельных памятниках посвящены помещенные в «Материалах и исследованиях по истории русского языка» (М., 1960) статьи Л. Н. Карягиной «Редуцированные гласные в языке июльской служебной Минеи конца XI—начала XII в.» и Л. П. Жуковской «К вопросу о конечной стадии истории редуцированных в русском языке. (По материалам Галичского евангелия 1357 года)».

На грани фонетики и морфологии лежит статья П. С. Кузнецова «О возникновении и развитии звуковых чередований в русском языке» («Известия ОЛЯ», т. XI, вып. 1. М., 1952), в которой рассматривается малоразработанный вопрос о чередованиях как фонетическом средстве передачи различий морфологического порядка.

Отметим еще статью С. В. Бромлей, посвященную проблемам акцентологии, «К истории места ударения в формах сравнительной степени в русском языке» («Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», VIII. М., 1955) и статью Л. Э. Калнынь «Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке» («Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. XIII, 1956).

Значительно больше работ, в которых рассматриваются фонетические особенности одного памятника письменности (иногда делаются при этом широкие выводы). К ним относятся статья Н. Н. Дурново «Смягченные согласные в языке писца 2 почерка Архангельского Евангелия» («Ученые записки Высшей школы г. Одессы», т. 2, 1922), статья П. С. Кузнецова «К исторической фонетике ростово-суздальских говоров» («Доклады и сообщения Ин-та русского языка АН СССР», вып. 2. М.—Л., 1948), где основное внимание уделено языку Переяславского евангелия 1354 г., и написанный Р. И. Аванесовым раздел «Фонетика» в коллективном труде «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот» (М., 1955).

Ряд исследований, в связи с усилившимся вниманием к исторической фонетике русского языка, опубликован в вышедшем в 1957 г. в Москве VIII томе «Грудов Ин-та языкознания АН СССР»: Л. П. Жуковская. «Из истории языка северо-восточной Руси в середине XIV в. (Фонетика галичского говора по материалам Галичского евангелия 1357 г.)»; О. А. Князевская. «К истории русского языка в северо-восточной Руси в середине XIV в. (Палеографическое и фонетическое описание рукописи Московского евангелия 1358 г.)»; Т. Н. Кандаурова. «К истории древнепсковского диалекта XIV в. (О языке псковского Пролога 1383 г.)». В последней статье, заглавие которой не указывает на содержание работы, дано описание рукописи, делаются выводы об орфографии памятника, о фонетической системе говора первого и второго писца (первого автор считает псковичом, второго склонен считать представителем одного из тех псковских говоров, которые близки к новгородским, или новгородцем).

Отметим еще работу Т. А. Сумниковой «Чудовской сборник XVI в. (Палеографическое и фонетическое описание рукописи Чудовского сборника № 264)» («Материалы и исследования по истории русского языка». М., 1960). Палеографический и лингвистический (в области фонетики) анализ привел автора к выводу, что рукопись является памятником русского языка, написанным в Москве в 1540 году.

Ряд трудов по исторической фонетике основан главным образом на данных диалектов, и о них мы скажем ниже.

Несколько больше внимания, чем исторической фонетике, было уделено докторантами и аспирантами Академии наук СССР исторической морфологии русского языка. В первую очередь следует назвать монографии: С. Д. Никифоров. «Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века» (М., 1952); П. С. Кузнецов. «Историческая грамматика русского языка. Морфология» (М., 1953); его же. «Очерки исторической морфологии русского языка» (М., 1959).

В своем исследовании С. Д. Никифоров сделал ценные наблюдения над употреблением глагольных форм в памятниках различных жанров, установил, для каких жанров отдельные формы не являлись характерными, какие из форм не принадлежали разговорному языку второй половины XVI в. Не ограничиваясь при этом вопросами морфологии, автор рассмотрел и ряд вопросов синтаксиса.

Первая из названных книг П. С. Кузнецова издана Московским университетом в качестве учебного пособия для высших учебных заведений, вторая — Академией наук СССР. «Очерки» значительно отличаются от «Исторической грамматики» тем, что затронутые в них вопросы разработаны более детально. Основное внимание уделено фактам, извлеченным из весьма большого числа памятников различных жанров, но привлечены также и данные диалектов. В «Очерках» центральное место занимают главы, посвященные имени существительному и глаголу, освещены также вопросы, связанные с местоимением и прилагательным. Ценность книги не только в большом фактическом материале, но и в том, что автор стремился показать развитие морфологического строя, уточнить хронологию отдельных явлений, подвергнув критическому рассмотрению взгляды предшествующих исследователей.

Курс исторической морфологии, прочитанный замечательным ученым А. А. Шахматовым в университете (в Петербурге) еще в дореволюционные годы, не утратил своего научного значения, чем и объясняется его издание в 1957 г.: А. А. Шахматов. «Историческая морфология русского языка» (М.) (предисловие и примечания акад. С. П. Обнорского). В книге рассматривается система склонения в общерусском языке, затем говорится о морфологических явлениях в области склонения, общих всем восточнославянским языкам, и, наконец, о тех, которые характерны

для русского (великорусского) языка. Автором привлечен огромный материал как из старинных памятников, так и из современных говоров (широко использованы ответы на программы для собрания особенностей народных говоров).

Ряд работ посвящен словообразованию, причем во многих из них авторы изучают языковое явление на протяжении XI—XVII вв. Характерно, что наиболее крупные работы созданы в Академии наук СССР в последние годы: В. Д. Романовская. «Образование относительных прилагательных в древнерусском языке (на материале Радзивиловской летописи)» («Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. III. М., 1954); В. Л. Воронцова. «Образование существительных с суффиксом *-тель* в древнерусском языке» («Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. V. М., 1954); Е. Н. Хлебникова-Прокопович. «Глагольное формообразование при помощи приставок в памятниках русской письменности второй половины XVII века» («Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», X. М., 1956); С. В. Бромлей. «К истории образования форм сравнительной степени в русском языке. (История взаимодействия двух типов образования форм сравнительной степени: с суффиксом **jъs* и с суффиксом **ějъs*)» («Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. VIII. М., 1957); Н. С. Рыжков. «Морфология и семантика именных (отсутствующих) наречий в древнерусских памятниках XI—XIV веков» (там же).

Тесно связаны вопросы словообразования и словоизменения в следующих статьях: М. А. Гадолина. «К истории некоторых форм личных и возвратного местоимения в русском языке XIII—XVIII вв.» («Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. V. М., 1954); С. В. Бромлей. «Образование несогласуемой формы и история членных форм сравнительной степени в русском языке. (По материалам памятников письменности XI—XVII вв.)» («Материалы и исследования по истории русского языка». М., 1960); А. И. Толкачев. «Об изменении *-ого > -ово* в родительном падеже единственного числа мужского и среднего рода членных прилагательных и местоимений русского языка» (там же).

Из работ более раннего времени заслуживает особого внимания исследование С. П. Обнорского «Образование глагольных форм 3-го лица настоящего времени в русском языке» («Известия ОЛЯ», 1941, № 3), в котором использован весь имеющийся материал из местных говоров, а также данные древнерусских и старославянских памятников. Автор приходит к выводу, что формы с *-т* представляют вторичное явление и что *-т* — элемент местоименного происхождения.

Назовем еще ряд исследований научных работников Академии наук СССР, посвященных различным частям речи, которые рассматриваются в морфологическом плане. Несколько статей принадлежит С. Д. Никифорову: «Из наблюдения над значениями некоторых глагольных форм в памятниках второй поло-

вины XVI в.» («Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», т. 56. Кафедра русского языка, вып. 2, 1948); «Категория залога глагола по памятникам второй половины XVI века» («Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», т. 64. Кафедра русского языка, вып. 3, 1952); «Инфинитив по памятникам второй половины XVI века» (там же).

Интересную попытку выяснить взаимодействие разных сторон развивающейся глагольной системы находим в исследовании П. С. Кузнецова «К вопросу о генезисе видовременных отношений древнерусского языка» («Труды ин-та языкознания АН СССР», т. II. М., 1953).

Вопрос о взаимодействии видовременных отношений русского глагола затрагивается и в статье Е. Н. Проколович «Об употреблении прошедших времен глагола в русской письменности второй половины XVII века» («Материалы и исследования по истории русского языка». М., 1960).

Морфологические явления в языке берестяных грамот из раскопок 1951—1952 гг. рассмотрены П. С. Кузнецовым в разделе «Морфология» в книге «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот» (М., 1955).

В отдельных работах, посвященных той или иной части речи, говорится о синтаксических функциях частей речи, об употреблении их в составе предложений различных типов. К таким трудам относится исследование И. Б. Кузьминой «Употребление глагольных форм в побудительных предложениях в русском языке XI—XVII вв.» («Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. V. М., 1954), а также статья В. А. Плотниковой «К вопросу об образовании союза *если* в русском языке» (там же). Обе работы написаны в синтаксическом плане.

Разработка вопросов исторического синтаксиса русского языка широко продвинулась в послеоктябрьский период.

Выше мы уже упоминали опубликованную в 1923 г. монографию Е. С. Истриной, посвященную синтаксическим явлениям Синодального списка 1-й Новгородской летописи, монографию Е. Ф. Карского, изданную в 1929 г. и рассматривающую синтаксис Лаврентьевского списка летописи, работу В. И. Борковского «О синтаксических явлениях новгородских грамот XIII—XIV века» (1940 и 1944 гг.), две части его же исследования «Синтаксис древнерусских грамот» (1949 и 1958 гг.).

Первая часть «Синтаксиса древнерусских грамот» В. И. Борковского (о простом предложении) построена на материале 219 грамот, вторая (о сложном предложении) — на материале 287 грамот. И в той и в другой части использован имеющийся материал по русским народным говорам.

В. И. Борковскому принадлежит раздел «Синтаксис» в коллективном труде «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот» (М., 1955), им же исследован синтаксис берестяных грамот из раскопок 1953—1957 гг.,

опубликован ряд статей по осложненному и сложному предложениям в грамотах.

Большой научный интерес представляет исследование Б. В. Лаврова «Условные и уступительные предложения в древнерусском языке» (М.—Л., 1941), в котором автор поставил перед собой задачу представить развитие сложноподчиненных условных и уступительных предложений в древнерусском языке (до XVIII в.). В работе использованы памятники делового и разговорного языка, церковно-религиозная литература, фольклор.

Среди исследований других работников Академии наук СССР видное место занимают статьи Э. И. Каратаевой по сложному предложению в русской письменности XVII в., опубликованные в «Ученых записках ЛГУ» и в «Вестнике Ленинградского университета» в 1949—1958 гг.

Ряд исследований работников Академии наук СССР посвящен той или иной синтаксической конструкции (в памятниках различных жанров или в одном каком-либо памятнике, большого периода времени или сравнительно ограниченного). В многочисленных статьях освещены различные вопросы как простого, так и сложного предложения. В частности, большое внимание было уделено порядку слов в простом предложении, функции падежей, размещению частей сложного предложения, придаточному определительному предложению, прямой и косвенной речи и т. д.

Назовем некоторые из работ: Е. С. Истрина. Употребление именных и местоименных форм имен прилагательных в Синодальном списке I Новгородской летописи («Известия ОРЯС 1918 года», т. XXIII, кн. I, 1919); А. Д. Григорьева. «К отношениям предложности и беспредложности локатива в древнерусском языке» (Доклады и сообщения Ин-та русского языка АН СССР», вып. I. М.—Л., 1948); С. Я. Макарова. «Родительный падеж принадлежности в русском языке XI—XVII вв.» («Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. III. М., 1954); А. С. Феоктистова. «К истории составного сказуемого с присвязочной частью, выраженной причастием страдательного залога прошедшего времени (на материале новгородских памятников письменности XII—XVI вв.)» (сб. «Исследования по лексикологии и грамматике русского языка». М., 1961); А. И. Сумкина. «К истории относительного подчинения в русском языке XIII—XVII вв.» («Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. V. М., 1954); Е. Т. Черкасова. «Служебное слово *бо* и его значение в древнерусском языке» («Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», т. LXI. Кафедра русского языка, вып. 2., 1948); ее же. «К истории причинных союзов относительного типа в русском языке» («Зборник за филологију и лингвистику», II. Нови Сад, 1959); В. З. Санников. «Порядок размещения частей сложного предложения с придаточным места в древнерусском языке (на

материале памятников XI—XIV вв.)» (сб. «Исследования по лексикологии и грамматике русского языка». М., 1961) и др.

Исследователи русского синтаксиса не ограничивались только произведениями XI—XIV вв., но привлекли и памятники позднейшего времени различных жанров, при этом некоторые из этих памятников изучались по рукописям, во многих трудах широко использованы материалы диалектов. При рассмотрении сложного предложения уделено большое внимание не только выяснению функций союзов, союзных и относительных слов как средств грамматического оформления структуры сложного предложения, но и вопросу о роли видовременных форм глагола в объединении частей сложного предложения и о соотносительном употреблении форм времени в составе сложного предложения, а также вопросу о средствах лексико-фразеологического сцепления частей сложного предложения.

Среди работ по исторической фонетике и грамматике особое место занимают исследования, посвященные вопросу о происхождении русского языка и формировании его диалектных групп. Здесь в первую очередь надо назвать труды Р. И. Аванесова, в которых учитываются и данные современных диалектов, и данные истории языка: «Вопросы образования русского языка в его говорах» («Вестник МГУ», № 9, 1947), «К вопросам образования русского национального языка» (ВЯ, 1953, № 2), «Проблемы образования языка русской (великорусской) народности» (ВЯ, 1955, № 5), и исследование Ф. П. Филина «Образование языка восточных славян» (М.—Л., 1962), в которой автор, анализируя лексические данные и фонетические явления, делает вывод о том, что язык восточных славян — древнерусский язык образовался в VIII—IX столетии, а в XIV—XV вв. на его основе складываются русский, белорусский и украинский языки.

Отметим также доклады на совещании по проблемам образования русского национального языка в связи с образованием других славянских языков 12—14 декабря 1960 г., опубликованные затем в виде статей: Ф. П. Филин. «К вопросу о так называемой диалектной основе русского национального языка» (сб. «Вопросы образования восточнославянских национальных языков». М., 1962); С. И. Котков. «Вопросы истории русского языка в свете некоторых данных южновеликорусских памятников» (там же).

Крупных трудов, посвященных исторической лексикологии, немного: Парижский «Словарь московитов» 1586 г. По рукописи Парижской Национальной библиотеки (Collection Dupuy № 844, fol. 418—423). Перевод, исследование и комментарий Б. А. Ларина (Рига, 1948); Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. (По материалам летописей). («Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 80. Кафедра русского языка, 1949).

Научными сотрудниками языковедческих институтов Академии наук СССР опубликовано значительное число статей о лексике древнерусских памятников различных жанров: грамот, «Слова о полку Игореве», «Повести о Горе и Злочастии», «Хождении игумена Даниила», «Домостроя», «Стоглава», «Судебника 1550 г.», «Жития Нифонта» 1219 г. и др.

Отметим некоторые из работ по исторической лексикологии, кроме названных выше монографий: А. М. Селищев. «Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ» («Ученые записки МГУ, вып. 128. Труды кафедры русского языка, кн. I, 1948); Б. А. Ларин. «О записях иностранцев как источнике по истории русского языка». («Труды юбилейной научной сессии Ленинградского гос. ун-та. Секция филологических наук». 1946); «Три иностранных источника по истории русского языка XVI—XVII вв.» («Доклады и сообщения Ин-та русского языка АН СССР», вып. 1. М.—Л., 1948); К. И. Ходова. «Из наблюдений над лексикой древнерусского списка „Жития Нифонта“ 1219 г.» («Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. IX. М., 1954); Т. Ф. Надвикова. «Книжные слова в „Хождении игумена Даниила“» (сб. «Исследования по лексикологии и грамматике русского языка». М., 1961); О. Г. Порохова. «Заметки о новых словах в русском языке XV—XVII вв.» (там же).

Многочисленные статьи посвящены истории отдельных слов, в частности иноязычных заимствований в языке XI—XVII вв.

К сожалению, языковеды ослабили внимание к области науки, тесно связанной с изучением языка и помогающей этому изучению, — к палеографии. Издан только один написанный языковедом труд по палеографии, богатый по содержанию и роскошный по оформлению, — Е. Ф. Карский. «Славянская кирилловская палеография» (Л., 1928).

Е. Ф. Карскому принадлежит и замечательное по точности воспроизведения издание Лаврентьевской летописи (Л., 1926—1928) и уже упоминавшееся издание «Русской Правды» (Л., 1930).

Заслуживают быть отмеченными «Образцы письма древнейшего периода», подготовленные к изданию Н. М. Каринским (Л., 1925), и «Образцы древнерусского письма XI—XVII вв.», подготовленные к изданию А. М. Селищевым (М., 1939).

Исключительно велика роль Академии наук СССР как научного и организационного центра в области русской диалектологии.

Работниками Академии наук СССР был написан ряд учебных пособий по русской диалектологии, сыгравших значительную роль в подготовке кадров диалектологов: Е. Ф. Карский. «Русская диалектология. Очерк литературного русского произношения и народной речи великорусской (южновеликорусских и северновеликорусских говоров), белорусской и малорусской (украинского языка)» (Л., 1924); С. А. Еремин и И. А. Фалев. «Русская диалектология. Хрестоматия с кратким очерком диа-

лектологии и программой для собирания материала по народным говорам». Под ред. Е. Ф. Карского (М.—Л., 1928); Р. И. Аванесов. «Очерки русской диалектологии, ч. I» (М., 1949); П. С. Кузнецов. «Русская диалектология. Учебник для учительских институтов» (М., 1951; изд. 2—М., 1954; изд. 3—М., 1960).

Отметим также книги Н. Н. Дурново «Очерк истории русского языка» (М.—Л., 1924) и «Введение в историю русского языка» (Вгпо, 1927), в которых имеются интересные и новые выводы автора по русской диалектологии.

Книга Е. Ф. Карского — первый труд по восточнославянской диалектологии, в котором учтены не только монографические описания говоров, но и ответы на программы для собирания особенностей русского, украинского и белорусского языков.

В главе, посвященной белорусскому языку, должное место занимают материалы личных наблюдений автора, выдающегося и неутомимого исследователя белорусского языка, в частности его диалектов.

В учебном пособии, принадлежащем перу Р. И. Аванесова, использованы и новые материалы, опубликованные во второй четверти XX в., и собранные лично автором диалектные данные. Наибольший научный интерес представляет в книге отдел фонетики, в котором автор сумел представить звуковые черты русских народных говоров как целостную систему.

В послереволюционное время напечатан, кроме указанных книг, и ряд других монографий научных работников Академии наук СССР.

Лексике русских говоров посвящена книга Ф. П. Филина «Исследование о лексике русских говоров по материалам сельскохозяйственной терминологии» («Труды Ин-та языка и мышления им. Н. Я. Марра», VI. Серия «Slavica» под ред. Б. М. Ляпунова. М.—Л., 1936).

Ценный и при этом первый обобщающий труд по синтаксису русских говоров принадлежит А. Б. Шапиро: «Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения» (М., 1953). Следует отметить, что синтаксису говоров до самого последнего времени уделялось мало внимания, значительно меньше, чем лексике, фонетике и морфологии. Работа А. Б. Шапиро построена на большом и разнообразном материале, в ней исследовано и сложное и простое предложение.

История аффрикат в связи с процессом образования русских народных говоров прослеживается в исследовании В. Г. Орловой «История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров» (М., 1959). Автор приходит к выводу, что цоканье является закономерным развитием звукового строя русских диалектов, а не результатом влияния субстрата.

Мы выше упоминали выдающиеся труды С. П. Обнорского по морфологии: «Именное склонение в современном русском

языке», «Очерки по морфологии русского глагола». В этих трудах широта охвата диалектного материала так велика, что на основании данных, приведенных С. П. Обнорским, можно четко представить себе территориальные границы распространения той или иной формы.

Научным работникам Академии наук СССР принадлежит большое число статей, посвященных описанию русских народных говоров. Эти статьи помещены в «Трудах Московской диалектологической комиссии», вып. 8—9 (Л., 1919—1927; вып. 9 вышел под названием «Труды Постоянной комиссии по диалектологии русского языка»), в «Бюллетене диалектологического сектора Института русского языка», вып. 1—6 (М.—Л., 1947—1949) и в «Материалах и исследованиях по русской диалектологии», т. I—III (М.—Л., 1949; Новая серия, т. I. М., 1959; выпуск II. М., 1961; т. III. М., 1962).

Эти сборники способствовали углубленному интересу к изучению русских говоров, накоплению материалов для обобщающих трудов.

Следует отметить, что ряд крупных исследований был опубликован в других изданиях. Имеем в виду в первую очередь следующие работы: С. А. Еремин. «Описание уломского и ваучского говоров Череповецкого уезда Новгородской губернии» («Сборник ОРЯС», т. ХСІХ, № 5. Пг., 1922); В. И. Чернышев. «Псковское наречие» («Труды Комиссии по русскому языку», т. 1. М., 1931); его же. «Говоры Пушкинского района» («Язык и мышление», т. VI—VII. М.—Л., 1936).

В послереволюционные годы расширились наши знания о говорах Сибири, в чем главная заслуга А. М. Селищева, которому принадлежат работы: «Забайкальские старообрядцы. Семейские» (Иркутск, 1920); «Диалектологический очерк Сибири». Вып. I (Иркутск, 1924).

Больше внимания стало уделяться южновеликорусским говорам. Так, были опубликованы работы С. И. Коткова «Из истории изучения орловских говоров. Говоры Орловской области со стороны их вокализма» (Орел, 1951) и «Южновеликорусское наречие в XVII столетии (фонетика и морфология» (М., 1963), В. Г. Орловой «Классификация южновеликорусских говоров в свете современных диалектных данных» (ВЯ, 1955, № 6).

Специальная работа посвящена говорам территории, где соприкасаются зоны русского и белорусского языков: П. А. Расторгуев. «Говоры на территории Смоленщины» (М., 1960). В этом труде, вышедшем под редакцией С. С. Высотского уже после смерти П. А. Расторгуева, основное внимание уделено фонетике и морфологии (имеются замечания и по словообразованию), приведены краткие, но интересные наблюдения над синтаксисом говоров, несколько страниц уделено словарному составу говоров. Особо следует отметить работу языковедов Академии наук СССР по картографированию диалектных явлений. Резуль-

татом изучения говоров района озера Селигер, проводившегося по «Вопроснику для составления диалектологического атласа русского языка» (с 1936 по 1945 г. несколько изданий), явился «Лингвистический атлас района озера Селигер» (М.—Л., 1949) М. Д. Мальцева и Ф. П. Филина. В 1945 г. в издании Ярославского пединститута вышла в свет утвержденная Институтом русского языка АН СССР «Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка». В том же году «Программа» была издана как приложение к «Отчету о работе научной диалектологической конференции по севернорусским говорам в г. Вологде 20—28 июля 1944 г.», вып. I. Затем последовали издания в Москве (1946 и 1947 гг.), в Вологде (1946 г.), в Перми (1946 г.), в Пятигорске (1948 г.).

После опубликования «Программы» был напечатан ряд статей (Р. И. Аванесова, С. С. Высотского, В. Г. Орловой и др.) по вопросам методики собирания диалектного материала, начали регулярно проводиться диалектологические конференции в языковедческих институтах Академии наук СССР. В 1957 г. Институтом языкознания АН СССР были изданы в г. Москве «Методические указания к „Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка“».

Первый атлас был издан спустя 12 лет после выхода в свет «Программы»: «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы». Под ред. Р. И. Аванесова. Ч. 1. Вступительные статьи, справочные материалы и комментарии к картам. Ч. 2. Карты. (М., 1957). О масштабах этой работы говорит то, что во второй части помещено 279 карт (картографированы материалы из 938 населенных пунктов).

Изложение теории лингвистической географии русского языка, лежащей в основе диалектологического атласа русского языка, дано в вышедшей под редакцией Р. И. Аванесова книге «Вопросы теории лингвистической географии» (М., 1962). Здесь рассмотрены вопросы: лингвистическая география и структура языка, диалектные различия как объект картографирования, подготовка и построение диалектологического атласа, интерпретация данных лингвистической географии.

Благодаря тому, что за последние 15 лет далеко продвинулось вперед дело подготовки диалектологических атласов русского языка, можно было установить закономерности развития диалектов русского национального языка (см. статью В. Г. Орловой и Т. Ю. Строгановой «Закономерности развития диалектов русского национального языка». — «Известия ОЛЯ», т. XX, 1961, вып. 5).

Остановимся на трудах (кроме тех, которые уже упомянуты в данном разделе), посвященных вопросам фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики русских народных говоров. Во многих из них использованы ответы на «Программу» и карты атласов.

Два исследования по фонетике нами названы выше, в разделе о трудах по исторической фонетике русского языка: В. В. Виноградов. «Исследования в области фонетики севернорусского наречия. Вып. 1. Очерки из истории звука *ѣ* в севернорусском наречии» («Известия ОРЯС 1919 г.», т. XXIV, кн. 2. Пг., 1923); Л. Л. Васильев. «О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков. К вопросу о произношении звука *о* в великорусском наречии» («Сборник по русскому языку и словесности», т. 1, вып. 2, Л., 1929).

В ряде статей Р. И. Аванесова рассматриваются фонетические черты говоров и русского литературного языка: «Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка» («Известия ОЛЯ», т. VI, 1947, вып. 3); «О долгих цияющих в русском языке» («Доклады и сообщения филол. фак.-та МГУ», вып. 6, 1948).

На материале русских говоров построена его же статья «О качестве заднеязычной фрикативной согласной перед гласными переднего ряда в русском языке» («Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», II, 1952).

Консонантизму посвящен и ряд работ В. Г. Орловой: «Цоканье в русских говорах» («Ученые записки МГУ, вып. 128. Труды кафедры русского языка», кн. 1, 1948); «Типы употребления аффрикат как различительный признак русских народных говоров» (ВЯ, 1957, № 1).

На материале русских говоров построена работа С. П. Обнорского «Сочетание *чн* в русском языке» («Труды комиссии по русскому языку», т. 1. Л., 1931). Вопросы вокализма русских говоров освещены в статьях С. П. Обнорского «Переход *е* в *о* в современном русском языке» (В кн: «А. А. Шахматов». М.—Л., 1947), П. С. Кузнецова «К вопросу о качестве безударных гласных не первого предударного слога в акающих говорах» («Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка АН СССР», вып. 2. М.—Л., 1948), В. Н. Сидорова «О происхождении умеренного яканья в среднерусских говорах» («Известия ОЛЯ», т. X, 1951, вып. 2); «Об одной разновидности умеренного яканья в среднерусских говорах» («Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», II, 1952), Т. Г. Строгановой «Одна из особенностей южнорусского вокализма» (ВЯ, 1955, № 4), «О предударном вокализме говоров северо-запада Псковской области» («Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия», т. III. М., 1962); К. Ф. Захаровой «Архаические типы диссимилятивного яканья в говорах Белгородской и Воронежской областей» («Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия», т. I. М., 1959); О. Н. Мораховской «Соотношение типов яканья в говорах рязанской Мещеры» («Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия», т. III. М., 1962) и др.

Меньше внимания было уделено морфологии русских говоров. Из опубликованных работ большой материал содержат следующие исследования: С. С. Высотский. «Утрата среднего рода в говорах к западу от Москвы» («Доклады и сообщения Ин-та русского языка АН СССР», вып. 1. М.—Л., 1948); Л. Н. Булатова. «Отглагольные существительные на *-нѣ*, *-тѣ* в русских говорах» («Труды Ин-та языковедения АН СССР», т. VII. М., 1957); А. И. Сологуб. «Формы повелительного наклонения в русских говорах» (там же); С. В. Бромлей. «Формы сравнительной степени в русских говорах в свете данных диалектологического атласа» («Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия», т. I. М., 1959).

С возросшим в послеоктябрьский период интересом к вопросам исторического синтаксиса русского языка в известной мере связано и опубликование ряда статей по синтаксису русских народных говоров, написанных сотрудниками Академии наук СССР. Интересные статьи, построенные на большом материале северо-западных говоров, принадлежат Ф. П. Филину: «Заметки о записях материалов по синтаксису» («Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка АН СССР», вып. 4, М.—Л., 1948); «Из наблюдений над синтаксисом северо-западных говоров» («Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 69. 1948).

А. Б. Шапиро, автор монографии «Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения» (см. о ней выше), рассмотрел в специальных статьях «Некоторые особенности в употреблении частиц и союзов в русских говорах» («Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка АН СССР», вып. 5. М.—Л., 1949) и «Типы безличных предложений в русских говорах» («Материалы и исследования по русской диалектологии», т. II. М.—Л., 1949).

Отметим статью П. С. Кузнецова, освещающую спорный и до настоящего времени вопрос о синтаксических функциях причастия и деепричастия: «К вопросу о сказуемом употреблении причастий и деепричастий в русских говорах» («Материалы и исследования по русской диалектологии», т. III. М.—Л., 1949).

На IV Международном съезде славистов в Москве в 1958 г. В. И. Борковский прочел доклад «Использование диалектных данных в трудах по историческому синтаксису восточнославянских языков» (вышел отдельным изданием—М., 1958. См. также сб. «Исследования по славянскому языкознанию». М., 1961).

В последние годы вопросами синтаксиса русских народных говоров усиленно занимаются научные сотрудники И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко. Им принадлежат статьи, представляющие попытку обобщения синтаксических материалов диалектологических атласов русского языка—«Атласа русских

говоров центральных областей к западу от Москвы» и «Атласа русских говоров юго-западных областей»: И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко. «О некоторых синтаксических явлениях в говорах юго-западных и центральных областей к западу от Москвы» («Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», X. М., 1956); И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко. «О типах синтаксических различий русских говоров» («Известия ОЛЯ», т. XX, 1961, вып. 4); О синтаксических различиях русских говоров («Slavia», гоѡ. XXXI. Praha, 1962, seš. 1) и др. Отметим еще большую статью В. А. Матвеевко «Некоторые особенности структуры страдательно-безличного оборота в русских говорах» («Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия», вып. II. М., 1961).

Весьма скромными являются достижения наших диалектологов в изучении лексики русских народных говоров. Отдельные статьи имеют теоретический или методический характер: Л. П. Жуковская. «Типы лексических различий в диалектах русского языка» (ВЯ, 1957, № 3); В. Г. Орлова и А. И. Сологуб. «Изучение диалектной лексики при подготовке областных (региональных) словарей русского языка» («Лексикографический сборник», вып. II. М., 1957).

Большой интерес представляют исследования В. В. Виноградова под общим заглавием «Из истории лексических взаимоотношений между русскими диалектами и литературным языком» («Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка АН СССР», вып. 1, 1947; вып. 3, 1948; вып. 4, 1948; вып. 5, 1949).

Заканчивая рассмотрение работ по русской диалектологии, отметим, что ее развитию в советский период посвящен написанный В. Г. Орловой раздел «Развитие русской диалектологии в советский период (1918—1959)» в книге «История русской диалектологии» (М., 1961).

Много внимания было уделено в системе Академии наук СССР истории русского языкознания, отдельным исследователям русского языка и оценке их трудов. Книжки и статьи принадлежат многим ученым, в первую очередь академикам и членам-корреспондентам. Отметим только труды по истории русского языкознания и наиболее крупные обзоры: 1) Е. Ф. Карский. «Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР» («Сборник ОРЯС» т. CI, № 1. Л., 1926); 2) С. П. Обнорский. «Разработка русского языка за 25 лет» («Известия ОЛЯ», т. III, 1944, вып. 1); «Задачи Академии наук СССР в области изучения русского языка» («Вестник АН СССР», 1944, № 4—5); «Итоги научного изучения русского языка» («Ученые записки МГУ», вып. 106. Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры, т. III, кн. 1. М., 1946); 3) В. В. Виноградов. «Русская наука о русском литературном языке» («Ученые записки МГУ», вып. 106.

Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры, т. III, кн. 1. М., 1946); «Изучение русского литературного языка за последнее десятилетие в СССР» (Брошюра. М., 1955 и в кн.: «Beogradski međunarodni slavistički sastanak (15—21. IX 1955)» (Beograd, 1957); «Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова)» (М., 1958); 4) С. Г. Бархударов. «Русская лексикография за 40 лет» (ВЯ, 1957, № 5); 5) В. И. Борковский. «Разработка советскими учеными вопросов исторической грамматики и диалектологии восточно-славянских языков (в послевоенные годы)» (Брошюра. М., 1955 и в кн.: «Beogradski međunarodni slavistički sastanak (15—21. IX 1955)» (Beograd, 1957); «Состояние и задачи изучения русского языка» («Вестник АН СССР», 1955, № 12); «Stang und Aufgaben der Erforschung des Russischen in der Sowjetunion» («Acta linguistica Academiae scientiarum hungaricae», t. VI, fasc. 1—3. Budapest, 1956); 6) П. С. Кузнецов. «У истоков русской грамматической мысли» (М., 1958).

БЕЛОРУССКИЙ И УКРАИНСКИЙ ЯЗЫКИ

Как нами уже отмечено выше, изучение белорусского и украинского языков сосредоточилось почти исключительно в соответствующих институтах АН БССР и АН УССР (а также в университетах и пединститутах БССР и УССР). В тридцатые и последующие годы в системе АН СССР не создано ни одной большой монографии по названным языкам. Исследования в более раннее время — в период 1918—1930 гг. исследования по белорусскому и украинскому языкам принадлежат преимущественно тем ученым Академии, которые занимались ими еще в дореволюционное время.

Основатель белорусского языкознания и белорусской филологии Е. Ф. Карский в советскую эпоху закончил свой выдающийся огромный по материалу и научному значению труд «Белорусы», являющийся энциклопедией белорусоведения. В 1921 г. в Петрограде вышел выпуск 2-й третьего тома — «Старая западно-русская письменность», в 1922 г. там же выпуск 3-й этого тома — «Художественная литература на народном языке».

Названные выпуски посвящены белорусской литературе, но в них имеется материал и по языку. Во втором выпуске глава «Выступление народного языка в Западной Руси в роли литературного органа» рассматривает, как видно из самого заглавия, весьма важный для белорусского языкознания вопрос. В 3-м выпуске содержатся ценные замечания о языке белорусских писателей.

Все три выпуска второго тома «Белорусов» (вышли в 1908—1912 гг.), в которых исследованы фонетическая и грамматическая система белорусского языка, в связи с тем,

что они в полной мере сохранили свое научное значение, были переизданы в 1955—1956 гг. под редакцией В. И. Борковского (ему же принадлежит и статья в 1-м выпуске — «Исследования Е. Ф. Карского по белорусскому языку»). Е. Ф. Карский и после выхода «Белорусов» продолжал работать над уточнением этнографических границ белорусского народа. Так как исключительным признаком разграничения признается материнский язык, то «Этнографическая карта белорусского племени» («Труды Комиссии по изучению племенного состава населения России», 2. Пг., 1917; последнее издание в 1920 г. как приложение к «Курсу белоруссоведения». М., 1918—1920) является и картой белорусского языка. Большое место отведено Е. Ф. Карским белорусскому языку в его «Русской диалектологии» (Л., 1924). Здесь указаны границы распространения белорусского языка и дана его характеристика, определены главнейшие признаки белорусских говоров.

В 1926 г. в Ленинграде вышел в свет труд Е. Ф. Карского «Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР», где даны сведения и по истории белорусского языкознания.

Памятникам белорусской старинной письменности уделено должное внимание в капитальном труде Е. Ф. Карского «Славянская кирилловская палеография», вышедшем в Ленинграде в 1928 г.

Не имея возможности остановиться на всех исследованиях Е. Ф. Карского специально по белорусскому языку, напечатанных в советскую эпоху, отметим три его работы: «Культурные завоевания русского языка в старину на западной окраине его области» («Известия ОРЯС», т. XXIX. Л., 1925), «К истории белорусского языка в XVII столетии» («Известия по русскому языку и словесности», т. III, кн. 1. Л., 1930), «Червенский говор (Из белорусской диалектологии)» (там же). В первой из статей основное внимание уделено влиянию белорусского языка на язык литовцев. Вторая работа посвящена одному из памятников белорусской письменности, созданному в тот период, когда в литературном белорусском языке под влиянием украинской образованности употреблялись спорадически украинизмы. Статья «Червенский говор» содержит высказывания Е. Ф. Карского по лексике, фонетическому и грамматическому строю говора центральной белорусской местности, интересной в отношении языка.

Многие статьи Е. Ф. Карского по белорусскому языку (а также и по другим славянским языкам) собраны в томе его трудов, вышедшем под редакцией В. И. Борковского; Е. Ф. Карский. «Труды по белорусскому и другим славянским языкам» (М., 1962).

Г. А. Ильинскому принадлежит несколько статей и заметок по белорусскому языку, преимущественно касающихся проис-

хождения тех или иных наименований. Наиболее значительная из них: «Аб канчатку -эй наз. скл. адз. л. м. р. прым. і займ. у ўсх.-слав. мовах наагул і у беларускай паасобку» («Запіскі аддзелу гуманітарных навук БАН», кн. 9. Працы клясы філёлёгіі, т. II. Менск, 1929).

Н. Н. Дурново опубликовал небольшую статью «Увагі да беларускай фонэтыкі» (в той же книге «Записок»), в которой останавливается на вопросе о белорусском аканье и южнобелорусских дифтонгах.

После смерти Е. Ф. Карского (в 1931 г.) в Академии наук СССР по указанной выше причине прекратились специальные исследования в области белорусского языка. Белорусскому языку посвящены лишь отдельные работы В. И. Борковского. В течение 1945—1960 гг. им напечатан ряд статей о научном наследии Е. Ф. Карского. Ему же принадлежит работа «Изучение белорусского языка в дореволюционное и советское время» (в кн.: И. К. Белодед, В. И. Борковский, П. И. Горещкий. «Изучение украинского и белорусского языков». М., 1958).

В следующих трудах В. И. Борковского в числе других памятников исследованы смоленские и полоцкие грамоты: «Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение)» (Львов, 1949); «Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение» (М., 1958).

По украинскому языку в системе Академии наук СССР сделано тоже немного.

Выдающийся языковед А. А. Шахматов основные свои труды по украинскому языку, в частности свой «Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка» («Украинский народ в его прошлом и настоящем», т. II. Пг., 1916) опубликовал в дореволюционные годы. Следует, однако, отметить, что это исследование после смерти автора было напечатано в переводе на украинский язык в Киеве в 1922 г., а затем в 1924 г. (как часть книги, состоящей из работ двух авторов — А. А. Шахматова и А. Крымского: Акад. Ол. Шахматов, акад. Аг. Крымский. «Нариси з історії української мови та хрестоматія з пам'ятників письменської стародавнини XI—XVIII вв.»). Таким образом было подчеркнуто его большое научное значение. В «Очерке» А. А. Шахматов рассматривает формирование украинского языка как длительный процесс, причем им учитывается важнейший фактор образования языка украинской народности — «... общая жизнь, которая связывала между собой южнорусов» (стр. 692) на определенной территории. А. А. Шахматов в своей работе говорит о некоторых языковых явлениях, общих для всего украинского языка, а также о тех языковых особенностях, которые отличают один украинский диалект от другого. Все эти явления прослеживаются в их историческом развитии, причем в первую оче-

редь учитываются данные современных украинских говоров и лишь во вторую очередь — показания древнейших памятников.

Е. Ф. Карским напечатан ряд работ по украинскому языку, но, все они, за исключением отдельных рецензий, тоже относятся к дореволюционному периоду. Только в упоминавшейся выше «Русской диалектологии» имеется глава, посвященная диалектам украинского языка, а в «Очерках научной разработки русского языка в пределах СССР» даны сведения и по истории украинского языкознания.

Несколько статей и заметок по украинскому языку опубликованы Г. А. Ильинским, в частности по этимологии украинских слов.

Первое место среди работ по украинскому языку занимают в советскую эпоху труды Л. А. Булаховского. Мы не останавливаемся на них, так как они созданы Л. А. Булаховским после избрания его академиком АН СССР и являются результатом его деятельности в АН УССР. Широко известны исследования Л. А. Булаховского, выясняющие место украинского языка среди других славянских языков, происхождение украинского языка, проблему диалектной основы украинского национального языка, южнорусизмы в древнерусских памятниках, вопросы исторической морфологии и синтаксиса, особенности стиля украинских писателей. Л. А. Булаховским выполнена и большая работа в области современного украинского языка (лексика, фонетического и грамматического строя), украинского правописания и украинской пунктуации.

Не останавливаемся мы и на работах по украинскому языку члена-корреспондента АН СССР Е. К. Тимченко, чья научная деятельность в послереволюционное время протекала на Украине, где и были опубликованы его труды этого периода. Отметим только, что Е. К. Тимченко основное внимание уделил исследованию синтаксиса украинского языка. Опубликованные им в 1925—1928 гг. работы вместе с более ранними работами (изданными в 1913—1914 гг.) рассматривают функции буквально всех падежей и содержат большой фактический материал.

В. И. Борковский посвятил украинскому языку и украинскому языкознанию работы: «Безличные предложения в древнерусских грамотах XIV—XV вв. южного происхождения» («Известия ОЛЯ», т. IX, вып. 5, 1950) и «Вклад русских ученых в украинское языкознание» («Известия ОЛЯ», т. XIII, вып. 3, 1954; то же на украинском языке — «Мовознавство. Наукові записки», т. XIII. Київ, 1955).

Успешная разработка вопросов белорусского и украинского языкознания в соответствующих институтах АН БССР и АН УССР в какой-то мере оправдывает почти полное отсутствие специальных трудов по этим языкам в институтах системы АН СССР в последние десятилетия. Однако перед язы-

коведческими институтами АН СССР должна быть поставлена задача более широкого привлечения материалов белорусского и украинского языков в сравнительно-исторических исследованиях. В этом плане сделано пока еще очень мало.

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

(общеславянский язык-основа, южнославянские
и западнославянские языки)

Отметим сначала исследования институтов и отдельных работников АН СССР в области исторической фонетики и фонологии.

Ряд важнейших вопросов в области исторической фонетики словенского языка (история редуцированных, слоговых, плавных, носовых гласных и др.) рассматривается Б. М. Ляпуновым в его работе «Родственные связи словенцев с сербами и хорватами» («Южнославянский филолог», IV. Београд, 1924).

Севернокашубская система ударения, в целях реконструкции праславянской акцентологической системы, исследована Д. В. Бубрихом в статье «Северно-кашубская система ударения. Приложение I. Праславянская акцентологическая система. Приложение II. Праиндоевропейская система интонаций слога» («Известия ОРЯС 1922 года», т. XXVII. Л., 1924).

Ему же принадлежит и работа, посвященная праславянской фонетике: «Из праславянской фонетики: I. Монофтонгизация дифтонгов на носовой и перегласовка в праславянском языке. II. Монофтонгизация дифтонгов на гласный в праславянском языке» («Известия ОРЯС 1919 года», т. XXIV, кв. 1. Пг., 1922).

Особенно значительные успехи достигнуты в последнее время в области изучения славянской акцентологии благодаря трудам Л. А. Булаховского. Проблемам акцентологии посвящены многочисленные статьи Л. А. Булаховского, начиная с 1910 г., а также книги «Акцентологический комментарий к польскому языку» (Киев, 1950) и «Акцентологический комментарий к чешскому языку», вып. 1 (Киев, 1953) и вып. 2—3 (Киев, 1956). Привлекая многообразные данные современных славянских языков, автор названных книг реконструирует древнейшую славянскую акцентологическую систему и объясняет различные факты отдельных славянских языков. Эти труды — большой вклад в славянское языкознание. Факты польского, кашубского, чешского и словацкого языков сопоставляются с данными других славянских языков, исследуются как фонетические, так и морфологические явления. К сопоставлению привлечен богатейший материал, в научный оборот введено большое количество новых данных. Приводятся показания древнейших памятников письменности, свидетельства старых грамматистов и т. д. Работы Л. А. Булаховского по вопросам

истории чешского количества, а также истории польской акцентологии подводят итог всему сделанному в этой области самим автором и другими учеными.

На IV Международном съезде славистов в Москве в 1958 г. Л. А. Булаховский прочел доклад «Болгарский язык как источник для реконструкции древнейшей славянской акцентологической системы» (вышел отдельным изданием — М., 1958. См. также сборник «Исследования по славянскому языкознанию». М., 1961). В этом исследовании выясняются в болгарском языке вполне определенные следы былой акцентологической системы, которая, наряду с разноместным ударением, характеризовалась также различием долготы и краткости (количества) и интонацией гласных и некоторых дифтонгических сочетаний. Назовем также работу Л. А. Булаховского «Ударение старокрымского болгарского говора» (сб. «В чест на академик Александър Теодоров-Балан по случай деветдесет и петата му годишнина». София, 1955).

Несколько небольших, но интересных в научном отношении статей по фонетике праславянского языка и отдельных славянских языков принадлежит Г. А. Ильинскому: «К вопросу о чередовании гласных ряда -о, -е в начале слова в славянских языках» («Slavia», гоѣ. 2, сеѣ. 2—3, 1923), «Еще раз о праславянских дублетах *jelenь, olenь*» («Slavia», гоѣ. 4, сеѣ. 3—4, 1926), «К вопросу о переходе *ž* в *h* в чешском языке» («Slavia», гоѣ. 8, сеѣ. 1—2, 1929) и др.

К числу работ по фонетике должна быть отнесена статья Н. Н. Дурново «Да пытанья аб распадзе агульнаславянскае мовы» («Запіскі аддзелу гуманітарных навук БАН», кн. 9. Працы клясы філѣлѣгіі, т. II. Менск, 1929). Вопрос о времени распада общеславянского языка решается на основании рассмотрения фонетических явлений. Автор приходит к выводу, что действительное нарушение единства начинается после утраты *ъ* и *ь* в слабом положении, поскольку эта утрата вывела во всех славянских языках большие изменения.

Заслуживают быть отмеченными статья П. С. Кузнецова, рассматривающая важный вопрос фонетики общеславянского языка — основы: «Чередования в общеславянском языке-основе» (ВСЯ, вып. 1. М., 1954), и статья В. А. Дыбо «О реконструкции ударения в праславянском языке» (ВСЯ, вып. 6. М., 1962).

Вопросы возникновения и функционирования в системе отдельных славянских языков корреляции твердых и мягких согласных фонем рассмотрены в работе Л. Э. Калнынь «Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках» (М., 1961).

Фонологической системе сербохорватского языка посвящена статья П. С. Кузнецова «О фонологической системе сербохорватского языка» («Известия ОЛЯ», т. VII, 1948, вып. 2), польского языка — статья С. К. Шаумяна «Система

гласных фонем современного польского литературного языка» («Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. III. М., 1951) и его же доклад на IV Международном съезде славистов в Москве в 1958 г. «Некоторые вопросы применения дихотомической теории фонем к исторической фонологии польского языка» (доклад издан в Москве в том же году. См. также сб. «Исследования по славянскому языкознанию». М., 1961).

Большое место занимают вопросы фонетики (как описательной, так и исторической) в книге А. М. Селищева «Славянское языкознание, т. 1. Западно-славянские языки» (М., 1941). Эта работа, представляющая собою с некоторыми дополнениями те курсы по истории и диалектологии славянских языков, которые читал автор в Казанском и Московском университетах, освещает многие вопросы. В ней дана характеристика фонетической и морфологической систем западнославянских языков, приведены сведения по истории славянских народов, выяснен процесс формирования литературных языков, определены важнейшие черты диалектов западнославянских языков.

Следует также отметить посмертное издание многолетнего труда А. М. Селищева «Старославянский язык. Часть первая. Введение. Фонетика» (М., 1951). «Часть вторая. Тексты. Словарь. Очерки морфологии» (М., 1952). В первой части этого широко задуманного труда (А. М. Селищев не успел его закончить) автор проследил главные языковые процессы, пережитые славянами (их предками) в разные периоды весьма длительной доисторической эпохи, определил положение славянских языковых групп среди других индоевропейских языков, указал фонетические черты языка старославянских памятников.

Вопросам сравнительной фонетики славянских языков посвящен «Очерк сравнительной грамматики славянских языков» С. Б. Бернштейна, вышедший в Москве в 1961 г. (кроме раздела «Фонетика» в «Очерке» имеется еще раздел «Введение»). Автор поставил перед собой задачу дать «учебник, который в систематизированном виде содержал бы историю праславянского языка и важнейших общеславянских процессов» (стр. 3). В большом труде С. Б. Бернштейна изложено современное состояние науки, а также дано собственное решение ряда вопросов.

Грамматический строй славянских языков исследован преимущественно в отдельных статьях.

Кроме отмеченных выше книг А. М. Селищева, большой и интересной в научном отношении монографией является коллективный труд, вышедший под редакцией С. Б. Бернштейна (он же и один из авторов), «Творительный падеж в славянских языках» (М., 1958). Исследование вопроса о творительном

надеже весьма актуально, так как, во-первых, в области сравнительно-исторического изучения синтаксиса славянских языков сделано пока недостаточно, во-вторых, по справедливому замечанию редактора, творительный падеж характеризуется многогранностью синтаксических функций, и, кроме того, славянские языки в употреблении этого падежа представляют много отличного и своеобразного. Работа построена на материале всех славянских языков (они использованы в разной степени), в основу группировки материала и его описания с полным правом положено значение творительного падежа.

В. Н. Топорову принадлежит монография «Локатив в славянских языках» (М., 1961). В ней прослеживается история славянского локатива от эпохи первых памятников до настоящего времени.

Исследование П. С. Кузнецова «Очерки по морфологии праславянского языка» (М., 1961) посвящено именному склонению и глаголу в общеславянском языке.

Статьи по проблемам грамматического строя рассматривают многие вопросы. Большая часть статей (в их числе и брошюры-доклады на IV Международном съезде славистов в Москве) относится к последнему десятилетию. Назовем отдельные темы и лиц, посвятивших им свои работы этого периода: грамматическая индукция в славянском склонении (Л. А. Булаховский), грамматическая аналогия в славянских языках (Л. А. Булаховский), категория личности имен существительных в словацком языке (Н. А. Кондрашов), развитие индоевропейских склонений в общеславянском языке (П. С. Кузнецов), значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке (Н. И. Толстой), образование некоторых падежных форм прилагательных в славянских языках (А. И. Толкачев), отношения глагольных и именных образований в чешском языке (Л. А. Булаховский), словообразование существительных женского рода со значением лица в современном чешском языке (Г. П. Нешименко), именные формы причастий действительного залога в древнейших памятниках чешского языка (Е. В. Немченко), страдательные конструкции в словацком литературном языке (Л. Н. Смирнов), история форм настоящего времени глаголов совершенного вида в древнеболгарском языке (В. В. Бородич), классификация чешского глагола (А. Г. Широкова), взаимоотношения времени и вида в славянских языках, значения глагольных времен (В. В. Бородич, Ю. С. Маслов, Е. В. Чешко), наречия времени в современном болгарском языке (В. В. Бородич), значения творительного беспредложного в старославянском языке (К. И. Ходова), случаи локализованного отрыва определения-прилагательного от определяемого (А. С. Посвяная. Статья написана на материале современного литературного польского языка), причинные союзы и их значение в старославянском языке (Е. Т. Черкасова) и многие другие.

Отметим также «Краткие сведения по грамматике чешского языка», данные Н. Н. Дурново в его «Карманном чешско-русском словаре» (М., 1933).

Назовем еще написанные С. Б. Бернштейном «Краткий грамматический очерк болгарского языка» (в составленном им совместно с Т. С. Лукановым и Е. П. Тиневой «Болгарско-русском словаре». — М., 1947); «Краткий грамматический справочник болгарского языка» (в составленном С. Б. Бернштейном «Болгарско-русском словаре». — М., 1953) и «Краткий грамматический очерк чешского языка» (в книге «Чешско-русский словарь». Под ред. П. Г. Богатырева. — М., 1947). Его же перу принадлежит и «Учебник болгарского языка» для высших учебных заведений (М., 1948).

В 1956 г. издано учебное пособие для университетов Ю. С. Маслова «Очерк болгарской грамматики» (М.), в 1952 г. — учебное пособие А. Г. Широковой для высших учебных заведений «Очерк грамматики чешского языка» (М.).

«Краткий очерк грамматики сербско-хорватского языка» дан И. И. Толстым в его «Сербско-хорватско-русском словаре» (М., 1957).

Значительное место среди трудов по славянским языкам занимают исследования по семасиологии, лексикологии и этимологии.

Так, вопросом славянской и русской семантики посвящена статья Б. М. Ляпунова «О некоторых примерах образования имен нарицательного значения из первоначальных имен собственных личных в славянских языках» (сб. «Академия наук СССР академику Н. Я. Марру». М.—Л., 1935). Содержание статьи шире ее заглавия, поскольку в ней говорится и о тех заимствованных личных именах, которые не стали нарицательными. Большой интерес представляют наблюдения автора над изменениями звуковой формы собственных имен в заимствовавших их языках.

Большое внимание славянским этимологиям уделил прекрасный знаток лексики славянских языков Г. А. Ильинский. Под заголовком «Славянские этимологии» появился ряд его статей по этимологии отдельных слов в дореволюционный период, публикация их (преимущественно под тем же заглавием) продолжалась и после Великой Октябрьской социалистической революции (в «Известиях ОРЯС» и в других изданиях в СССР и за рубежом). К сожалению, остался в рукописи в значительной степени подготовленный, но не заверченный Г. А. Ильинским этимологический словарь славянских языков — итог его многочисленных этимологических исследований.

Специальная работа написана Л. А. Булаховским по славянской семасиологии — «Славянские наименования птиц» (ВСЯ, кн. 1, Львов, 1948 и «Мовознавство», т. IV, 1948).

Ряд статей по лексике старославянского языка (в сравне-

нии с лексикой древнерусского языка) опубликован А. С. Львовым. Отметим, в первую очередь, «Из наблюдений над лексикой старославянских памятников» («Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. IX. М., 1954) и «Очерки по лексике памятников старославянской письменности» («Исследования по лексикологии и грамматике русского языка». М., 1961).

Заслуживает быть особо отмеченным большой труд О. Н. Трубачева «История славянских терминов родства» (М., 1959). Автор поставил перед собой ответственную задачу возможно полнее охарактеризовать развитие терминологии родственных отношений у славян с лингвистической точки зрения и удачно ее решил. Этому же автору принадлежат и отдельные статьи по славянским этимологиям, а также статья «Принципы построения этимологических словарей славянских языков» (ВЯ, 1957, № 5) и статья о рукописи этимологического словаря Г. А. Ильинского (ВЯ, 1957, № 6). В 1960 г. издана работа О. Н. Трубачева «Происхождение названий домашних животных в славянских языках. (Этимологические исследования)» (М.). В. Н. Топоровым и О. Н. Трубачевым написано исследование «Лингвистический анализ гидронимов Поднепровья» (М., 1962).

Немнргочисленны работы славистов АН СССР в области истории литературных славянских языков.

К числу работ по истории болгарского литературного языка относится статья Б. М. Ляпунова «Несколько замечаний о языке и в особенности о словаре болгарского сборника 1348 г.» («Сборник в чест на проф. Л. Милетич за 70 годишнината от рождението му (1863—1933)». София, 1933).

В монографии С. Б. Бернштейна «Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. Том 1. Язык валашских грамот XIV—XV веков» (М.—Л., 1948) исследован язык древнейших славянских грамот валашских господарей (до 1508 г.), что дало возможность автору сделать выводы о славянских народных говорах Валахии XIV—XV вв., принадлежавших к болгарским говорам. Основное внимание уделено системе именного и местоименного склонения, выяснены также сербские элементы в фонетике и в системе глагола.

Отметим еще статью того же автора «К изучению редакций болгарских списков „Сокровища“ Дамаскина Студита» (сб. «Езиковедски изследвания в чест на академик Стефан Младенов». София, 1957), посвященную сборнику проповедей (составлен на народном греческом языке), сыгравшему большую роль в истории болгарской письменности и болгарского литературного языка.

Проблема периодизации болгарского языка рассмотрена С. Б. Бернштейном в его статье «К вопросу о периодизации истории болгарского языка» («Известия ОЛЯ», т. IX, 1950, вып. 2). Здесь же назовем и работу Л. А. Булаховского, посвященную проблеме взаимодействия славянских языков, —

«К истории взаимоотношений славянских литературных языков» («Известия ОЛЯ», т. X, 1951, вып. 1).

Несомненный интерес представляют статьи А. Г. Широковой «К вопросу о различии между чешским литературным языком и народно-разговорной речью» (сб. «Славянская филология», вып. 2. М., 1954) и «Из истории развития литературного чешского языка» (ВЯ, 1955, № 4). В них показано, что народно-разговорная речь отличается от литературного языка не только лексическими и синтаксическими особенностями, но также своим звуковым и грамматическим строем. Большое внимание уделено автором в обеих статьях (они близки по содержанию) закономерностям исторического развития чешского языка, которые рассматриваются в связи с историей Чехии.

Языку художественных произведений посвящена напечатанная в «Ученых записках Института славяноведения АН СССР» (т. 1. М. — Л., 1949) статья С. С. Советова «К вопросу о языке польских сатирических поэм в XVIII веке», в которой выясняется значение творчества И. Красицкого и К. Венгерского для развития польского литературного языка.

Из работ по диалектологии отметим в первую очередь исследование А. М. Селищева по македонским говорам. Этим говорам (они рассматриваются в связи с данными, характеризующими македонские говоры второй половины XVIII в. и первой половины XIX в.) посвящен его труд «Очерки по македонской диалектологии», т. 1 (Казань, 1918). В книге особое внимание уделено судьбе праславянских гласных и согласных и их сочетаний в различных положениях в слове, дано обозрение морфологических и синтаксических явлений. При рассмотрении этих вопросов определяются взаимоотношения между македонскими говорами и соседними языковыми группами (не только славянскими). Длинный ряд параллелей в области грамматических форм и синтаксиса позволил А. М. Селищеву высказать мысль о связи между восточно-балканскими языками в переживавшихся явлениях, правда, без определения времени и вида связи. Итогом работы является общая характеристика македонских говоров.

Второй частью труда А. М. Селищева по македонской диалектологии явилось его исследование о говоре Полога: «Полог и его болгарское население. Исторические, этнографические и диалектологические очерки северо-западной Македонии» (София, 1929). И в этой работе мы видим ту же тщательность наблюдений и убедительность аргументации, которая характерна для «Очерков».

Перу А. М. Селищева принадлежит еще ряд ценных исследований по македонской диалектологии, в частности работа «Говоры области Скопья» («Македонски Преглед», год 7, кн. 1, 1931) и капитальный труд «Македонские кодичи XVI—XVIII веков. Очерки по исторической этнографии и диалектологии Македонии» (София, 1933).

Когда в 1947 г. был организован в системе АН СССР Институт славяноведения, особое внимание было уделено говорам болгарского языка в пределах СССР. Попутно отметим, что широко известные исследования Н. С. Державина об этих говорах, имеющие ряд существенных недостатков, относятся к дореволюционному времени.

В первую очередь следует назвать подготовленный Институтом славяноведения АН СССР капитальный труд «Атлас болгарских говоров в СССР» (М., 1958), содержащий во второй своей части 109 карт, а в первой — вступительные статьи к «Атласу» и комментарии к картам (редактор — С. Б. Бернштейн).

Карты «Атласа» составлены на основе изучения 104 болгарских говоров Украины и Молдавии, в результате которого выяснилось, что эти болгарские говоры сохраняют в основном свой грамматический строй и словарный состав. Последнее обстоятельство — устойчивость болгарских говоров — и дало возможность создать «Атлас». «Атлас» дает представление о состоянии говоров и особенностях каждого из них, он имеет значение также для изучения истории болгарского переселения в Россию и более поздних передвижений болгар на нашей территории. Среди вступительных статей особенный интерес для славянского языковедения представляет глава, посвященная группировке болгарских говоров Советского Союза³. Здесь установлены типы говоров, их взаимосвязь (то, что в свое время не удалось сделать исследователю болгарских говоров Н. С. Державину). Большинство карт посвящено фонетическим явлениям, второе место занимают лексические карты, за ними следуют морфологические карты. Имеется одна фразеологическая и одна семантическая карта. Карт по синтаксису нет.

Ряд интересных статей по болгарской диалектологии (С. Б. Бернштейна, И. К. Буниной, Е. В. Чешко и др.) помещен в вышедших в свет (с 1950 г.) десяти сборниках Института славяноведения АН СССР серии «Статьи и материалы по болгарской диалектологии», а также в «Ученых записках» и «Кратких сообщениях» того же Института.

Из работ по диалектологии следует еще назвать «Очерк истории словацкой диалектологии» Н. А. Кондрашова («Славянская филология». Изд. МГУ, 1951), где даны сведения об изучении словацких диалектов и предложенных отдельными учеными группировках диалектов на основании тех или иных признаков.

Итогам изучения славянских языков отечественными лингвистами посвящены две статьи в издании Института славяноведения АН СССР: С. Б. Бернштейн. «Из истории изучения южных

---

³ О классификации болгарских говоров см. также: С. Б. Бернштейн и Е. В. Чешко. Опыт классификации болгарских говоров СССР. «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. IV, М., 1951.

славянских языков в России и в СССР»; Н. А. Кондрашов. «Изучение западославянских языков в России и в СССР» (Вся, вып. 2, М., 1957).

Отметим также доклад Ю. С. Маслова на международном совещании славистов в Белграде «Изучение южных и западных славянских языков в СССР за последние десять лет» (М., 1955) и статьи З. Н. Стрекаловой «Советская полонистика за 10 лет. (Обзор работ по польскому языку, написанных в Советском Союзе с 1949 по 1959 г.)» («Известия ОЛЯ», т. XIX, 1960, вып. 5) и Г. К. Венедиктова «Итоги изучения в СССР вопросов болгарской диалектологии» («Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР», 35, М., 1962).

В работе Н. С. Державина «Вклад русского народа в мировую науку в области славянской филологии» («Ученые записки МГУ», вып. 107. Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры, т. III, кн. 2. М., 1946) трудам по славянскому языкознанию отведено скромное место.

Н. С. Кузнецов годом позже опубликовал «Обзор трудов по русскому и славянскому языкознанию в изданиях вузов СССР за последние годы» («Известия ОЛЯ», т. VI, 1947, вып. 4).

Сделанный нами обзор изучения славянских языков в системе Академии наук СССР свидетельствует о том, что основное внимание было уделено болгарскому языку, в особенности болгарским диалектам на территории СССР. Имеется ряд интересных работ по польскому, чешскому и словацкому языкам, значительно меньше их по сербохорватскому языку, в последние десятилетия фактически прекратилось изучение кашубского и лужицкого языков.

Прекратилось и издание памятников старославянской письменности, между тем в отечественной науке имеются прекрасные образцы таких изданий, например, «Листки Ундольского, отрывок кирилловского евангелия XI в. Фототипическое воспроизведение текста и исследование письма и языка, составленное Е. Ф. Карским» («Памятники старославянского языка», т. 1, вып. 3, Спб., 1904)⁴. Одним из последних образцовых изданий является издание, приготовленное С. Н. Северьяновым: «Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI в. Приготовил к печати С. Северьянов», Пг., Рос. акад. наук. Отд-ние русского языка и словесности, 1922 («Памятники старославянского языка», т. IV).

---

⁴ «Листки Ундольского» переизданы в 1962 г. в упомянутой выше книге: Е. Ф. Карский. «Труды по белорусскому и другим славянским языкам», стр. 569—603.

**DIE ERFORSCHUNG DER SLAVISCHEN SPRACHEN IN DER AKADEMIE
DER WISSENSCHAFTEN DER UdSSR NACH DER GROSSEN
OKTOBER-REVOLUTION**

Zusammenfassung

In der sowjetischen Periode wurden in den Instituten der Akademie der Wissenschaften der UdSSR Untersuchungen über alle slavischen Sprachen vorgenommen. Nach der Gründung der Akademie der Wissenschaften in der Ukrainischen und Belorussischen SSR wurden die sprachwissenschaftlichen Institute dieser Akademien zu den bedeutendsten Zentren der Erforschung des Ukrainischen und des Belorussischen.

Insbesondere sind die Leistungen der Slavisten der Akademie der Wissenschaften der UdSSR auf dem Gebiete der russischen Sprache zu verzeichnen. Unter den grösseren Abhandlungen über die russische Sprache sind nennenswert: die akademischen Wörterbücher, die akademische Grammatik, das Puschkin—Wörterbuch, der Atlas der russischen Volksmundarten östlich von Moskau u. a. m. Unter den süd- und westslavischen Sprachen wurde das Hauptaugenmerk auf das Studium der bulgarischen Sprache und insbesondere der bulgarischen Mundarten im Raume der Sowjetunion gerichtet. (Als bedeutendes Ergebnis der Erforschung dieser Mundarten kann man den «Atlas der bulgarischen Mundarten in der UdSSR» betrachten). Ausserdem wurde auch eine Reihe wertvoller Beiträge zur Erforschung des Polnischen, Tschechischen und Slowakischen, sowie Einzeluntersuchungen des Serbokroatischen und anderer slavischen Sprachen veröffentlicht.

In den Institutsplänen der Akademie der Wissenschaften der UdSSR sind auch neue grössere Abhandlungen über die phonetische Struktur, den grammatischen Bau und den Wortschatz der slavischen Sprachen vorgesehen.

II

**ИСТОРИЧЕСКОЕ
И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ
ИЗУЧЕНИЕ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
ДОКЛАДЫ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
V Международный съезд славистов

(София, сентябрь, 1963)

С. Б. Бернштейн

К ИСТОРИИ СЛОГА В ПРАСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема слога и всех связанных с ней вопросов является чрезвычайно трудной и имеет много различных аспектов. В этой области работают преимущественно фонетисты, которые, однако, поняли ее важность лишь в XX в. В капитальном труде Э. Сиверса «Grundzüge der Phonetik zur Einführung in das Studium der Lautlehre der indogermanischen Sprachen» (под таким названием этот труд вышел из печати вторым изданием в 1881 г.; первое издание было опубликовано в 1876 г.) структуре слога уделено всего несколько страниц, которые уже утратили научное значение. Положение изменилось коренным образом в XX в., когда неразработанность слоговой проблематики стала тормозить дальнейшее изучение фонетического строя языков. Отсюда резкий поворот к слогу. А. Росетти справедливо писал еще в 1935 г.: «Le problème de la syllabe est situé au centre des préoccupations du phonéticien»¹. В этой связи можно было бы назвать труды А. де Гроота, М. Граммона, П. Фуше, М. Дюрана, Б. Галы, Б. Мальмберга и др., хорошо известные каждому специалисту. В результате многочисленных исследований фонетистов, применявших в ряде случаев изощренные методы новейшей экспериментальной фонетики, удалось разрешить много трудных вопросов. Однако эти же исследования показали и всю необыкновенную сложность слоговой проблематики (начиная от самой природы слога и кончая многими частными и второстепенными вопросами). Поэтому нет ничего удивительного в том, что в настоящее время идут споры и дискуссии по таким вопросам, которые лингвистам XIX века казались простыми и недискуссионными.

¹ A. Rosetti. Sur la théorie de la syllabe. «Bulletin linguistique», III. București, 1935, стр. 5. (Статья перепечатана в «Mélanges de linguistique et de philologie». Copenhagen—București, 1947, стр. 69).

Следует, однако, обратить внимание на то, что слог исследуется лингвистами далеко не всех специальностей. Среди крупных и авторитетных исследователей слога я не могу назвать славистов. В большинстве случаев в этой области работают специалисты по общей фонетике, романисты и германисты. В славянском языкознании очень мало серьезных исследований, в которых бы трактовались проблемы слога. На международных съездах славистов вопросы слоговой структуры славянских языков не подвергались специальному обсуждению. Не представляет в этом отношении исключения и IV Международный съезд славистов в Москве, на котором не затрагивались ни теоретические вопросы структуры слога вообще, ни история слога в праславянском и в славянских языках, ни принципы слогоделения в современных славянских языках². В подготовленный советским комитетом славистов вопросник к съезду был включен специальный вопрос — «Какова была структура слога в праславянском языке?». Редакция «Сборника ответов на вопросы по языкознанию» (к IV Международному съезду славистов) получила только два ответа — от проф. Ш. Пециара и от проф. П. С. Кузнецова. Оба ответа были опубликованы в сборнике. Ответ акад. А. И. Белича был опубликован на русском языке в специальном приложении к книге XXII журнала «Јужнословенски филолог». Однако в работе съезда этот важный во многих отношениях вопрос не нашел отражения. Не нашел он отражения и в тех специальных публикациях к съезду, которые были осуществлены в разных странах национальными славянскими комитетами. Нельзя сказать, что среди славистов нет отдельных ученых, не думающих над теми вопросами, которые ставит перед исследователями слог. Такие ученые были раньше, есть они и теперь. Однако весьма примечателен тот факт, что своими мыслями по этим вопросам эти ученые делились не со славистами. Так, о принципах слогоделения в сербохорватском языке А. И. Белич в свое время докладывал на Втором международном съезде лингвистов в Женеве³.

И в Советском Союзе слогом интересуются главным образом специалисты по общей фонетике и германисты. Здесь могу указать на интересные статьи А. Л. Трахтерова «Основные вопросы теории слога и его определение» (ВЯ, 1956, № 6) и Г. П. Торсуева «О структуре слога в современном английском языке» («Вопросы германского языкознания». М.—Л., 1961).

Отсутствует подлинный интерес к соответствующей тематике у специалистов по русскому языку. О слоге в академической «Грамматике русского языка» сказано следующее: «Слова четко

---

² См.: «IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. II. Проблемы славянского языкознания». М., 1962.

³ См. его доклад: «Sur la valeur linguistique de la syllabe». «Actes du deuxième congrès international de linguistes». Paris, 1933.

делятся на мелкие звуковые единицы — слоги. Эта делимость довольно хорошо воспринимается на слух, но особенно ясна она с чисто произносительной точки зрения — по мускульным ощущениям»⁴. В дальнейшем в Академической грамматике, в которой даются сведения о многих второстепенных и мелких фактах из области морфологии и синтаксиса, находим только две страницы, где сообщаются самые общие и элементарные сведения о русском слогоделении. Даже в капитальном исследовании В. А. Богородицкого «Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных» (Казань, 1930) не нашлось места для характеристики структуры русского слога. Отсутствует характеристика слога и в книге А. В. Исаченко «Fonetika spisovneje ruštiny» (Bratislava, 1947). Исключение в этом отношении представляют работы Р. И. Аванесова. Его «Фонетика современного русского литературного языка» (М., 1956) содержит специальную главу «О слогоразделе и строении слога в русском языке», которая была опубликована автором еще до выхода книги в свет (ВЯ, 1954, № 6).

Не обнаруживают особого интереса к слоговой проблематике и специалисты по другим славянским языкам. В лучшем случае в общих курсах литературных языков или в фонетических очерках они ограничиваются общими сведениями о слогоделении. Проявлял известный интерес к слогу А. И. Белич. О его женевском докладе я уже упоминал. Назову еще статьи — «Граница слога у српскохрватском језику» («Зборник у част Богдана Поповића», 1929), «Граница слога и састав речи у српскохрватском језику» («Глас СКА», CLVI, други разред, 79. Београд, 1933) и «О упрошћавању поделе на слоге у српскохрватском језику» («Наш језик», књ. V, св. 5—6. Београд, 1954). Могу, однако, сказать, что все эти работы представляют собой скорее программу будущих исследований, нежели итоги собственных наблюдений. К сожалению, слависты не откликнулись на призыв О. Брока, который еще в 1910 г. в «Физиологии славянской речи» писал о важности специальных исследований славянской слоговой структуры.

Отсутствие подлинного интереса к слогу в славянском языкознании понять нельзя. Встречающиеся беглые замечания

---

⁴ «Грамматика русского языка», т. I., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 49. Ближе к истине Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров, которые в «Очерке грамматики русского литературного языка» (М., 1945, стр. 17) писали: «Вопрос о слогоразделе в русском языке является одним из наименее разработанных. При помощи наблюдения над своим или чужим произношением трудно получить вполне достоверные данные, так как при наблюдении чисто фонетического членения речи, каковым является слогораздел, очень трудно отрешиться от ассоциаций морфологических, вызванных морфологическим членением речи, и даже графических, связанных с правилами переноса». Б. Галя обращает внимание на трудность установления слогораздела в чешском при наличии групп согласных. См.: B. H á l a. Slabika, její podstata a vývoj. Praha, 1956, стр. 35—36.

о том, что славянское слогоделение устанавливается легко и просто на слух не соответствуют действительности. Кроме того, слоговая проблематика значительно шире вопросов слогоделения. Как показал А. Sommerfelt еще в 1931 г. в статье «Sur l'importance générale de la syllabe» («Travaux du Cercle linguistique de Prague», 4, 1931), всестороннее фонематическое описание языка предполагает и детальное изучение слога. В дальнейшем эта мысль норвежского лингвиста была хорошо аргументирована многими фонологами⁵. В отрыве от структуры слога не могут быть решены проблемы дистрибуции фонем и их аллофонов, установления признаков границ между словами (так называемых разграничительных сигналов в языке), мелодического строения речи, многие проблемы стихотворной речи. Важнейшей задачей нашей науки является изучение взаимоотношений между слогом и морфемой. Я уже не говорю о том, что вся поздняя история праславянского языка самым тесным образом связана с историей слога. В данном случае в оправдание славистов можно указать лишь на то, что вообще специалисты по сравнительной грамматике индоевропейских языков и их отдельных групп не проявляют повышенного интереса к слоговой проблематике, несмотря на ее тесную связь со многими центральными вопросами сравнительного языкознания (например, с ларингальной проблемой). Лучшим до сих пор исследованием слога в плане задач сравнительно-исторической грамматики продолжает оставаться старая монография Э. Германа «Silbenbildung im Griechischen und in den anderen indogermanischen Sprachen» (Göttingen, 1923).

Со времени появления работ по праславянскому языку Н. Ван-Вейка и Р. Нахтигалья вся поздняя история звуков праславянского языка рассматривается многими лингвистами в аспекте «закона открытых слогов», который определил существенные и коренные преобразования праславянского языка⁶. Г. А. Ильинский удачно назвал этот закон «движущим нервом значительной части праславянских фонетических явлений»⁷. Я не могу признать убедительными и вескими соображения тех ученых (например, Н. С. Трубецкого), которые скептически относятся к так называемому «закону открытых слогов» и которые не склонны объяснять им глубоких изменений, пережи-

⁵ См.: R. Jakobson und M. Halle. Grundlagen der Sprache. Berlin, 1960, стр. 18. Большое внимание слогу в плане фонологии уделено в новой монографии С. К. Шаумяна «Проблемы теоретической фонологии» (М., 1962, стр. 160—181).

⁶ Подробно этот вопрос освещен в моей книге «Очерк сравнительной грамматики славянских языков», (М., 1961).

⁷ Г. А. Ильинский [Рец.] О. Нугер. Úvod do dějin jazyka českého. Druhé vydání. Praha, 1924. — ИОРЯС, XXXI. Л., 1926, стр. 349.

тых праславянским языком после распада балто-славянской общности. Я убежден, что всякий скептицизм здесь лишен почвы. Совершенно прав был А. И. Белич, который писал в 1958 г.: «Нет, по-моему, сомнения в том, что центральное место (разрядка моя. — С. Б.) в ряду всех закономерностей, касающихся слога (в праславянском языке. — С. Б.), занимает закон открытого слога, отвергнутый некоторыми учеными»⁸.

Только всесторонний учет «закона открытых слогов» дает возможность исследователю объединить многие разрозненные процессы и явления, характеризовавшие поздний период истории праславянского языка, и установить их иерархию. Изложение исторического развития праславянского языка приобретает стройность, отдельные факты находят свое место в сложной эволюции звукового и грамматического строя. Отрицание или даже недооценка указанного закона возвращают историка праславянского языка к уже пройденному этапу науки, когда восторженное преклонение лингвиста перед отдельным фактом заслоняло общую эволюцию языка.

Следует сказать, что не многие из современных лингвистов полностью отрицают значение открытого слога в истории праславянского языка. В большинстве случаев мы сталкиваемся с попытками ограничить значение этого фактора, подчинить его другим закономерностям. Так, А. Вайан высказал предположение, что не стремление избежать закрытых слогов обусловило в праславянском целую цепь взаимосвязанных процессов, а наоборот, эти процессы привели к возникновению в языке только открытых слогов⁹. Согласно этому толкованию, не стремление языка упразднить закрытые слоги вызвало в языке утрату конечных согласных, монофтонгизацию дифтонгических сочетаний, упрощение групп согласных, а сами указанные процессы определили и вызвали возникновение открытых слогов.

Эта точка зрения французского слависта вызвала известное сочувствие у П. С. Кузнецова и Т. Милевского. Однако оба рецензента «Grammaire comparée des langues slaves» фактически существенным образом видоизменили взгляд Вайана. Они предложили компромиссное решение: открытые слоги возникли в результате различных процессов; в дальнейшем наличие в языке большого числа открытых слогов обусловило новые фонетические изменения. Таким образом, открытые слоги явились в результате, и причиной многих праславянских процессов. П. С. Кузнецов пишет: «Но раз такие слоги (открытые. — С. Б.)

---

⁸ А. Белич. Какова была структура слога в праславянском языке. «IV Меѓународни конгрес слависта. Одговори југословенских слависта на питања националног славистичког комитета у Москви.» Додатак Јужно-словенском филологу, књ. XXII, Београд, 1958, стр. 11.

⁹ A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. I. Lyon—Paris, 1950, стр. 285.

устанавливаются все в большем и большем количестве, они в свою очередь могут становиться причиной дальнейших изменений сочетаний, первоначально продолжавших образовывать закрытые слоги»¹⁰. Аналогичную мысль высказывает Т. Милевский: «Prof. Vaillant ma zapewne rację, że typ sylab otwartych był w zasadzie nie przyczyną, lecz skutkiem upraszczania grup spółgłoskowych. Z drugiej strony jednak tendencja do uogólnienia przeważającego w pewnym okresie typu sylab otwartych mogła wywołać pewne zmiany fonetyczne, jak np. ewolucję grup typu *tort; ort*»¹¹. Мне представляется точка зрения Вайана, даже с поправками его рецензентов, бесперспективной. Дело в том, что отдельные случаи перехода закрытых слогов в открытые были хорошо известны многим индоевропейским языкам: могу, например, указать на такие общеизвестные факты, как утрату конечных взрывных согласных в греческом еще в дописменный период (ср. μέλι < *μελιτ, но род. μέλιτος), на монофтонгизацию нисходящих дифтонгических сочетаний в ряде индоевропейских языков (например, в древнеиндийском, греческом, латинском и др.). Случаи перехода закрытых слогов в открытые в индоевропейских языках многочисленны. Они относятся к различным периодам их истории. Именно это дало основание Серенсену защищать сомнительный тезис о том, что праславянские открытые слоги являются наследием индоевропейской эпохи¹².

Несмотря на увеличение в системе многих древних индоевропейских языков открытых слогов, каждый из них продолжал сохранять и закрытые слоги. Простое увеличение числа открытых слогов в праславянском не могло создать условий для перехода всех закрытых слогов в открытые. Ведь и в современном русском языке господствуют открытые слоги (об этом см. ниже). Однако это обстоятельство никак не влияет на существование в нем и закрытых слогов. Своеобразие праславянского языка в кругу родственных индоевропейских языков (даже наиболее близких ему) состояло в том, что праславянский в поздний период своего развития пережил сложный переход всех закрытых слогов в открытые, что привело к существенным преобразованиям праславянской фонетической системы. Тенденция открытого слога действовала здесь как непреложный закон, который не знал исключений. Можно говорить лишь о возможных отдельных случаях

¹⁰ П. С. Кузнецов [Рец.] André Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. I. Lyon—Paris, 1950 — ИАН ОЛЯ, т. X, вып. 4, 1951, стр. 399.

¹¹ T. Milewski [Рец.]. A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. I, Phonétique. Lyon—Paris, 1950. — RS, t. XVIII, cz. I, 1956, стр. 51.

¹² H. Chr. Sørensen. Die sogenannte liquidametathese im slavischen. «Acta linguistica», v. VII, fasc. 1—2. Copenhagen, 1952. Ср. также L. Hjelmslev. La syllabation en slave. «Зборник лингвистичких и филолошких расправа А. Белићу». Београд, 1937.

сохранения закрытых слогов на периферии праславянской территории¹³.

Не исключена, конечно, возможность, что отдельные наиболее древние случаи утраты закрытых слогов в праславянском были как-то связаны с аналогичными явлениями в других индоевропейских языках (например, утрата конечных взрывных согласных). Однако историк праславянского языка не может ограничиваться сопоставлениями этих случаев, так как в праславянском преобразование закрытых слогов в открытые носило универсальный характер. Это преобразование началось после распада балто-славянской общности и охватило значительную часть первого тысячелетия н. э.

Точка зрения А. Вайана не имеет широкой поддержки. Больше сторонников имеет взгляд, согласно которому существовал не «закон открытых слогов», а «тенденция открытых слогов». Этот взгляд был высказан А. Мартинэ в статье «Langues à syllabes ouverts: le cas du slave commun» («Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», Н. 3—4, 1952). Он получил широкую поддержку среди лингвистов. Вот почему в работах последних лет редко встречается термин «закон открытых слогов». Предпочитают говорить о «тенденции открытых слогов». Это нашло отражение и в моем «Очерке сравнительной грамматики славянских языков», где последовательно говорится о «тенденции», а не о «законе». «Действительно, утрата закрытых слогов существенно отличалась от обычных фонетических законов. Это была тенденция, которая медленно, но неуклонно подчинила себе весь строй праславянского языка и вызвала в нем коренные преобразования. Важно то, — писал я, — что мы не знаем позиции, в которой бы эта тенденция в конце концов не была реализована»¹⁴. Вслед за А. Мартинэ и В. Н. Топоров считает, что принципиально важно отказаться от термина «закон открытых слогов»¹⁵.

В настоящее время я вновь возвращаюсь к термину «закон открытых слогов». Для этого у меня есть веские основания.

«Закон открытых слогов» действовал в праславянском в течение определенного времени (конец праславянского периода), тогда как «тенденция открытых слогов» действует в славянских языках и в настоящее время. К концу первого тысячелетия действие закона стало слабеть, что нашло отражение в появлении новых закрытых слогов. Наиболее древними показателями этого могут служить утрата слогового характера сонантами *ɣ* и *ʃ* в восточнославянских языках (ср.

¹³ См.: А. Лампрехт. Несколько замечаний к развитию фонетической системы праславянского языка. «Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university», roč. V. Brno, 1956, стр. 21.

¹⁴ «Очерк...», стр. 49.

¹⁵ В. Н. Топоров. Некоторые соображения относительно изучения истории праславянского языка. «Славянское языкознание». М., 1959, стр. 25.

p'г-вѣ > pьг-вѣ) или переход носовых гласных в сочетании гласных с носовым сонантом на значительной территории лехитских говоров (ср. *męso > menso*). Лехитские говоры, сохранившие носовые гласные, позже пережили общий для всех славянских языков процесс утраты назализаций. Именно эти говоры и теперь не знают носовых гласных (так называемый *teren beznosówkowy*). Современные польские носовые гласные возникли позже из сочетаний гласных с носовым сонантом. Данное решение проблемы дает основание полагать, что современное польское *dąb* [domb] отражает более древнюю стадию, нежели *mieśo* [m'ęso].

Всеобщим показателем прекращения действия «закона открытых слогов» явилась утрата сверхкратких гласных в «слабой» позиции. Этот процесс привел к появлению в системе во всех славянских языках новых закрытых слогов. До полного прекращения действия этого закона сверхкраткие в «слабой» позиции утратиться не могли. Их утрата явилась следствием того, что в славянских языках в первые века второго тысячелетия н. э. возникла потенциальная возможность появления слогов, вершина сонорности которых не совпадала с концом слога. Утрата сверхкратких привела к существенной перестройке границы слога во всех славянских языках.

Однако и после утраты сверхкратких и возникновения новых закрытых слогов во всех славянских языках сохранилась тенденция располагать во внутренних слогах звуки по возрастанию их сонорности. На это в свое время обратил внимание еще Брок. «Потеря ъ и ь закрыла массу слогов (*рабъ > gab* или *gar*, *зѣтъ >* русское *зять*, т. е. *z'ät'*; внутри слова: *думки*, *шапка* и т. д.). Но славянская речь представляет свойства, которые следует, вероятно, считать последствиями ранней структуры. Одно из этих свойств я вижу в сильной склонности притягивать группы согласных между гласными в широком объеме к последнему, разделяя, напр. *ме-сто*, *о-творить* (ср. *за-творить*) и под. . . . Все еще сильная склонность славянской речи притягивать группы согласных к следующему слогу, т. е. ослаблять экспирацию для разграничения слогов не внутри согласной группы, а перед ней, часто поражает слух неславянина; напр., немец склонен разделять *bes-ter*, славянин *be-ster*»¹⁶. Наблюдения Р. И. Аванесова над русским слогоделением хорошо показали, что тенденция открытого слога господствует до сих пор во внутренних слогах. «Основной закон слогораздела в русском языке, — пишет Аванесов, — заключается в том, что неначальный слог в русском языке всегда строится по принципу восходящей звучности, начинаясь с наименее звучного. При этом конечный звук неконечного слога бывает звуком наибольшей звучности, т. е. слоговым, образуя

¹⁶ О. Брок. Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910, стр. 188.

открытый слог, или, находясь после слогового звука (обычно гласного), звуком меньшей звучности — сонорным, образуя закрытый слог, благодаря чему в обоих случаях получается так, что последующий слог имеет в своем начале восходящую звучность»¹⁷. В результате всестороннего изучения русского слогоделения автор приходит к заключению, что «закон восходящей звучности есть основной закон строения слога в русском языке»¹⁸. С еще большим основанием это же можно сказать о сербохорватском языке, в котором в связи с наличием *г*, переходом *ј* в *и*, а после гласного в *о* открытые слоги встречаются еще чаще. По наблюдениям Вуковича, слогораздел в современном сербохорватском литературном языке идет всегда: *ла-ста* (но не *лас-та*), *по-шта*, *зве-зда*, *звн-жда-ти*; *ду-пља*, *зу-бља*, *клетва*, *бра-два*, *бу-ква*, *и-гла*; *зе-мља*, *ме-мља*, *та-мјан*, *ба-рјак*, *жу-вје-ти*, *го-рје-ти* и др.)¹⁹. По свидетельству Ив. Поповича, в Шумадии известны говоры, в которых широко возникают конечные открытые слоги путем утраты конечных согласных. Здесь он зафиксировал, например, утрату конечных звонких и глухих (ср. *наро* < *народ*, *пу* < *пут* и др.)²⁰. И данные о польском слогоразделе указывают на ту же общеславянскую тенденцию. С. Шобер утверждал, что в польском «w śródku wyrazów prze-ważają zgłoski otwarte. W razie zbiegu dwóch lub więcej fonematów spółgłoskowych wszystkie po większej części poczucie językowe odnosi do początku zgłoski następnej np. *kró-tki*, *o-stro-żny*... так, że poprzednia zgłoska kończy się samogłoską»²¹. Анализируя различные типы польских слогов, Шобер показывает, что в современном языке имеется тенденция к открытым слогам («skłonność do zgłosek otwartych»)²².

Можно было бы еще привести ряд высказываний и наблюдений, которые говорят о существовании данной тенденции в разных славянских языках. Должен, однако, заметить, что не всегда приводимые примеры верно интерпретируются. Так, не могу согласиться с Ив. Лековым, который для подтверждения данной тенденции в польском приводит *pięka* (*piłka*)²³. Слог *pię-* является закрытым. Изменение *ł* в *ć* (*w*), хорошо известное многим славянским языкам, не имеет отношения к тенденции располагать звуки в слоге по возрастающей сонорности.

¹⁷ Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка, стр. 42.

¹⁸ Там же, стр. 58.

¹⁹ Ј. Вуковић. Граница слога и растављање речи на слоге. «Наш језик», књ. V, св. 3—4. Београд, 1953, стр. 117.

²⁰ И. Поповић. Историја српскохрватског језика. Нови Сад, 1955, стр. 119.

²¹ S. Szober. Gramatyka języka polskiego, cz. II. Warszawa, 1931, стр. 87—88.

²² Там же, стр. 88.

²³ Ив. Леков. Насоки в развоја на фонологичните системи на славянските езици. София, 1960, стр. 85.

Возможно, что «тенденция открытых слогов» начала проявляться в праславянском еще в ранние эпохи его развития. Нет сомнений в том, что она существует в той или иной степени в современных славянских языках. Однако тенденция не способна активно действовать за пределами слога. Она не способна подчинить себе полностью даже слог. Действие ее выражается лишь в том, что в пределах возможного она стремится построить слог по восходящей сонорности. Вот почему эту тенденцию нельзя смешивать с «законом открытых слогов», который действовал в поздний период истории праславянского языка. Как я уже говорил, этот закон подчинил себе всю звуковую систему языка и произвел в ней коренные преобразования. Только прекращением действия этого закона можно объяснить появление в славянских языках новых закрытых слогов. Существующая до сих пор тенденция распределения звуков по восходящей сонорности не смогла этому помешать.

Не раз высказывались в науке предположения, что «закон открытых слогов» возник в праславянском в результате воздействия неславянского субстрата²⁴. Отрицать такую возможность по теоретическим соображениям нельзя. Однако при современном состоянии вопроса эти предположения нельзя и принять, так как они не опираются на достоверные факты.

Одним из центральных вопросов слоговой проблематики является вопрос о слогаделении. Стоит он и перед историком праславянского языка. Вопрос этот очень трудный и сложный. Речь уже шла о том, что даже наблюдения над живой речью не всегда дают вполне достоверные данные о слогаделении. Конечно, трудности возрастают во много раз, когда проблеме слогаделения пытаются решить применительно к мертвому языку или к языку, факты которого только реконструируются с помощью сравнительно-исторического метода. И тем не менее всестороннее изучение фонетического строя давно исчезнувших языков дает возможность решить и этот вопрос, а иногда даже внести существенные поправки в традиционные представления, восходящие к античным грамматикам. Так, специалисты по латинскому языку в настоящее время на основе ряда косвенных данных предлагают следующее членение на слоги: *as-per, aes-tās, cas-tra, pug-na*, тогда как римские грамматики предлагали: *a-sper, ae-siās, ca-stra, pu-gna*, основываясь на том, что

²⁴ Вот одно из таких высказываний: Příčinou těchto změn mohlo být postupně napodobování zvláštností nějakého jiného jazyka (snad v důsledku toho, že slovanštiny začali užívat ve větší míře nějací Neslované, kteří si ji tak přizpůsobovali pravidlům svého vlastního jazyka), ale o tom se dosud nic určitého nedá říci» (K. Horálek. Úvod do studia slovanských jazyků. Praha, 1955, стр. 114).

сочетания *sp*, *st*, *str*, *gn* встречаются в начале слова. Этим критерием широко пользовались в средние века и в новое время. Ниже я покажу на славянском материале, что наличие сочетаний согласных в начале слова не всегда будет свидетельствовать о наличии этих же сочетаний во всех случаях во внутренних слогах.

Изучение слогоделения в древних языках (известных нам только по текстам или реконструируемых с помощью сравнительно-исторического метода) неотделимо от проблемы возможных сочетаний согласных, так как под сочетанием следует понимать только одно сложное сочетание (т. е. тавтосиллабические сочетания). Таким образом, проблема возможных сочетаний согласных — это одновременно и проблема слогоделения. К сожалению, многие исследователи решают эти вопросы независимо друг от друга, что приводит их к ошибочным заключениям. В моем распоряжении имеется много примеров. Укажу на один.

А. И. Белич утверждал, что сочетания *pt*, *tk*, *pč* в сербохорватском языке в начале слова обычно утрачивают первый затворный элемент. Отсюда *птица* (< *птица*), *каница* (< *тканица*), *чела* (< *пчела*). Однако Белич решительно возражал тем, кто распространял это на сочетания *pt*, *tk*, *pč* во всех позициях. «Меѓутим када су те групе у средини речи (напр. *лептар*, *шаптати*, *лопта* и сл.; *изаткати*, *претка*, *потка* и сл.; *копча*, *топче*, *испунчен* и сл.), први се сугласник никада не губи. Из тога се могао извести закључак да се у почетку речи први сугласник у поменути групама изговара само са имплозијом (дакле, *птица*, *тканица*, *пчела* и сл.), у средини речи и са имплозијом и експлозијом (дакле, *лопта*, *пот-ка*, *коп-ча* и сл.)»²⁵. Существенное различие, однако, двух позиций состоит в том, что во внутренних слогах в сербохорватском вообще отсутствуют сочетания *pt*, *tk*, *pč*, так как слогораздел идет между согласными, на что, кстати, обратил внимание и Белич. Таким образом, несмотря на наличие примеров типа *лопта* и т. п., мы можем утверждать, что в сербохорватском языке вообще отсутствуют сочетания *pt*, *tk*, *pč*, так как они не могут входить в состав одного слога.

Надежной позицией для определения возможных сочетаний согласных является начало слова. Этот критерий был четко сформулирован еще римскими грамматиками, а от них перешел и к нам. Праславянский язык раннего периода знал следующие сочетания в начале слова: *kr* (*krū*), *gr* (*grīva*), *tr* (*trava*), *dr* (*drobitēi*), *pr* (*pro*), *br* (*brū*), *kl* (*klīn-*) *gl* (*glad-*), *pl* (*plakatēi*), *bl* (*blusa*); *sl* (*slab-*), *sl* (*slava*); *sn* (*snoig-*), *sm* (*smois-*); *zn* (*znatēi*), *zm* (*zmija*); *gn* (*gnet-*); *kv* (*kvās-*), *gv* (*gvozdītēi*), *tv* (*tvrd-*)

²⁵ А. Белић. Граница слога и состав речи у српскохрватском језику. «Глас СКА», CLVI, други разред, 79. Београд, 1933, стр. 101. Вукович также указывает в данных позициях слогораздел между согласными: *лоп-та* («Указ. соч., стр. 117).

dv (*dvor-*); *sv* (*svara*), *šv* (*švoit-*), *žv* (*žver-*); *sk* (*skora*), *skr* (*skrīp-*); *st* (*stūd-*), *str* (*stroŭja*); *sp* (*spor-*)²⁶.

Можем ли мы автоматически данные сочетания во всех случаях переносить на внутренние слоги и соответственно этому производить слогоделение? Нет. Внутренние слоги имели свои закономерности, которые необходимо всегда учитывать. Покажу это на примере сочетания *st*.

Сочетание *st-* в начале слова было хорошо известно праславянскому языку. Оно могло быть исконным (*stati*; ср. лит. *stóti*, лтш. *stāt*, др.-прусск. *postāt*, лат. *stō* и др.) или из сочетания *pt-* (*stryjъ*). Можно ли на этом основании в словах типа *kostis*, *gostis* видеть сочетание *st* и соответственно делить на слоги *ko-stis*, *go-stis*? Для древнего периода такое членение принять нельзя, так как краткий слог не мог тогда стоять перед слогом, который начинался сочетанием согласных. В положении перед тавтосиллабическим сочетанием следующего слога предшествующий слог в ранний период истории праславянского языка всегда был долгим. Вот почему для этого периода следует принять слогоделение *kos-tis*, *gos-tis*. Иначе в слове *město-*, где можно допустить слогоделение *mě-sto-*.

Положение коренным образом изменилось в позднюю эпоху, когда во внутренних слогах возникли новые сочетания *st* (из *tt*, *dt*) и когда краткий слог мог находиться перед слогом, который начинался группой согласных. Так, *bod-ti* изменилось в *bo-dti*, откуда *bo-sti* (ср. однако долготу в аористе *bōdsom* > *bāson* > *basъ*).

В ранний период своего развития праславянский не знал сочетаний согласных *pn*, *bn*, *tn*, *dn*; *tl*, *dl*, *dm*; *pt*, *bt*, *tt*, *dt*; *ps*, *bs*, *ts*, *ds*. Во всех случаях здесь слогораздел шел между согласными: *šŭp-nъ*, *dŭp-no-* (< *dŭb-no-*), *dad-mi* и т. д. Когда началось действие «закона открытых слогов», произошло перемещение слогораздела, в связи с чем должны были возникнуть новые сочетания *pn*, *bn*, *tn*, *dn* и т. д. Однако язык не терпел этих сочетаний. Произошла утрата эксплозии первого взрывного элемента (*da-dmi* > *da-đmi*), а затем и полная его утрата (*da-mi* > *da-mъ*). Таким образом, в праславянском упрощения в сочетаниях согласных после перемещения слогораздела напоминают утрату первого затворного элемента в сербохорватских начальных сочетаниях *pt*, *tk*, *pč*.

Рассмотренный нами процесс обычно толкуется иначе. Его не связывают с перемещением слогораздела. Под действием «закона открытых слогов» согласные конца слога просто утратились: *dŭp-no-* > *dŭ-no-*, *dad-mi* > *da-mi*. Ведь утратились же конечные согласные без всякого отношения к слогоделанию

---

²⁶ Подробнее см.: С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков, стр. 136—141.

(ср. аорист *reket* > *reke* > *reče*). Однако здесь очень важно учитывать позицию конца слова, где утрата согласного могла произойти гораздо проще вследствие прекращения фонации. Во внутренних слогах утрата эксплозии, а затем и имплозии согласного могла произойти только во взаимодействии с последующим согласным. А для этого следует допустить изменение слогораздела. Все наши сведения о фонетическом строе славянских языков говорят нам о том, что без перемещения слогораздела во внутренних слогах эксплозия утратиться не могла. Нельзя при традиционном толковании объяснить и наличие сочетания *st* на месте *tt* (*dt*). Именно перемещение слогораздела обусловило переход односложного *tt* в *st* (*met-ti* > *me-tti* > *me-sti*).

Утрата эксплозии первого затворного элемента в новых сочетаниях *pn*, *bn*, *tn*, *dn* и т. д., т. е. изменение этих сочетаний в *pn*, *bn*, *tn*, *dn* и т. д., привела затем к утрате и имплозии. Редкий случай сохранения не только имплозии, но и эксплозии наблюдался в сочетаниях *tl*, *dl* в тех диалектах праславянского языка, которые лежат в основе современных западнославянских языков. Это свидетельствует о том, что здесь при перемещении слогораздела *t* и *d* полностью сохранили свою самостоятельность, которую прежде для всех согласных обеспечивал слогораздел. В этом отношении представляют большой интерес наблюдения Р. Экблома над произношением сочетаний *tl*, *dl* в современных славянских языках (в западнославянских языках — в старых и новых сочетаниях, в восточно- и южнославянских языках — только в новых, возникших в связи с метатезой в группах *tolt*, *telt*, и в связи с утратой сверхкратких в «слабой» позиции)²⁷. По наблюдению шведского лингвиста, оба согласных в сочетаниях *tl*, *dl* в западнославянских языках представляют совершенно раздельную артикуляцию. Второй согласный начинает артикулировать после полного завершения артикуляции первого элемента. Акустическое впечатление свидетельствует о задержке, очень кратком перерыве между двумя артикуляциями. В восточных и в южных славянских языках сочетания *tl*, *dl* произносятся слитно, без всякого интервала. Таким образом, в славянских языках до сих пор в какой-то степени традиционно отражаются очень древние свидетельства того, что сохранение или утрата согласных была связана с характером произношения односложных сочетаний согласных. В западнославянском диалекте праславянского языка сочетания *tl*, *dl* произносились с сохранением эксплозии первого затворного звука. В диалекте восточном, к которому восходят современные и южные славянские языки, сочетания *tl*, *dl* изменялись в *tl*, *dl*, а затем в *l*. Именно так шло развитие всех сочетаний согласных в связи с перемещением слогораздела во всех праславянских диалектах.

²⁷ R. Ekblom. Le développement de *dl*, *tl* en slave. «Symbolae grammaticae in honorem Ioannis Rozwadowski», vol. 2. Cracoviae, 1928.

Характерной особенностью слоговой структуры праславянского языка была устойчивость и стабильность слого-раздела. Изменение словообразовательной структуры слова или изменение слова по падежам, лицам или числам не приводило, как правило, к изменению слогораздела. Это определяло большую самостоятельность, автономность слога. Слогораздел являлся надежной защитой, барьером от воздействия соседних звуков, принадлежавших к различным слогам. Вот почему целесообразно пользоваться термином гетеросиллабические сочетания. Мне уже приходилось писать, что под сочетанием звуков следует помнить только тавтосиллабические сочетания, так как при изучении эволюции праславянского языка приходится учитывать только эти последние.

В поздний период истории праславянского языка в связи с действием «закона открытых слогов» начались наиболее древние случаи перемещения слогораздела. О них я уже говорил. Однако эти случаи не привели, как правило, к нарушению старой автономии слога, так как в связи с упрощением новых сочетаний согласных слогораздел практически сохранился без изменений (ср. *top-ne-tъ* > *to-pne-tъ* > *to-ne-tъ*; *tep-ti* > *te-pti* > *te-ti* и т. п.). Изменение слогораздела нашло отражение в случаях типа *me-sti*, диал. *ra-dlo*. Есть все основания полагать, что в поздний период существования праславянского языка автономия, независимость слога еще больше усилилась в связи с формированием так называемых силлабем, т. е. в связи со сближением тембров смежных звуков внутри слога²⁸. Это было обусловлено смягчением согласных перед *j*, изменением лабиализованных гласных заднего ряда после *j* и смягченных согласных в нелабиализованные гласные переднего ряда, позже по диалектам праславянского языка — смягчением согласных перед гласными переднего ряда. Это привело к эпохе силлабем, когда «в качестве различителей значения выступают нерасчлененно сочетания согласной с последующей гласной, т. е. слог в целом»²⁹. Это, конечно, наложило глубокий отпечаток не только на структуру праславянского слога, но и значительно усилило роль слога в системе праславянского языка вообще.

Эпоха силлабем продолжалась до утраты сверхкратких в «слабой» позиции. Их утрата вызвала «освобождение» твердости или мягкости согласных, резкое уменьшение числа слогов в слове (ср. изменение трехсложного *vsěxъ* в односложное *vsěx*), возникновение в системе языка свободно перемещающегося слогораздела. Утрата *ъ* и *ь* в «слабой» позиции нарушила

²⁸ Об этом см.: В. К. Журавлев. Формирование группового сингармонизма в праславянском языке. — ВЯ, 1961, № 4.

²⁹ Р. И. Аванесов. Из истории русского вокализма. Звуки *i* и *y*. «Вестник Московского ун-та», 1947, № 1, стр. 48.

старую автономию слога. Слогораздел уже не мог защищать слог от воздействия соседних слогов. Все это явилось причиной многих существенных процессов, характеризующих славянские языки после утраты сверхкратких гласных.

Специалисты по сравнительной грамматике славянских языков уже давно обратили внимание на то, что различного рода фонетические процессы, вызванные воздействием *sandhi* и близких явлений, становятся богаче и разнообразнее в поздние периоды истории славянских языков. Это имеет прямую связь с указанным выше свободным перемещением слогораздела, которое наступило после утраты сверхкратких. При наличии постоянного слогораздела последний надежно защищал конечный слог от воздействия начального слога последующего слова. Тогда принципиально не могли возникнуть явления *sandhi* и т. п. Все аналогичные явления возникли позже в истории отдельных славянских языков после утраты *ъ* и *ь* в «слабой» позиции.

Лингвисты часто имеют дело с зиянием (*hiatus*), которым объясняют многие явления (в частности, появление протетических звуков). Под зиянием обычно понимают встречу двух гласных внутри слова или между словами. И здесь в славянских языках наблюдается увеличение числа случаев, которое следует объяснять воздействием зияния. А между тем позиция зияния существовала в языке в самые ранние периоды. Возможность встречи двух гласных в праславянском возникла давно. Например, все слова основ на *-a* в им. ед. всегда оканчивались на гласный. Если следующее слово начиналось гласным, то появлялась позиция зияния. И тем не менее зияния не возникало. Это было связано с наличием постоянного и устойчивого слогораздела. Данный слогораздел предохранял от зияния. Таким образом, под зиянием следует понимать встречу двух гласных при наличии в языке свободно перемещающегося слогораздела.

Воздействие гласного одного слога на гласный соседнего слога (типичным примером здесь может служить южновеликорусское диссимилятивное яканье) могло обнаружиться в языке только после утраты устойчивого слогораздела. Это же можно повторить и в отношении всех тех фонетических процессов, которые определялись воздействием согласных последующего слога (ср. польск. *wiara* — *wierzyć*, *niose* — *niesie* и под.). Примеры такого воздействия дают все славянские языки. В период устойчивого слогораздела отсутствовали случаи стяжения гласных. В эпоху силлабем все фонетические процессы подобного рода не могли иметь места. Это, конечно, не распространяется на многочисленные случаи перемещения ударения, которые были хорошо известны праславянскому в различные периоды его истории. Слогораздел не мог помешать передвижке ударения даже в эпоху существования силлабем.

В докладе затронуты не все проблемы, которые имеют прямое отношение к слогу. Я не касаюсь важного вопроса о зависимости структуры слога от темпа речи. Связь эта очевидна. А. Абеде в свое время хорошо показала, что многие двухсложные слова в латышском при быстром темпе речи произносятся односложно³⁰. Общеизвестны случаи перехода трехсложных слов в двухсложные в русском языке. Однако решать эту проблему применительно к праславянскому очень трудно. Темп речи различается не только у носителей литературного языка, но и у носителей диалекта. Можно полагать, что и в древнейшие периоды славяне в одних жизненных ситуациях говорили медленно, в других прибегали к скороговорке. Однако я не вижу в праславянском слоге фактов, которые можно было бы объяснить быстрым темпом речи.

Слог — категория фонетическая. Однако можно привести много примеров из всех славянских языков, которые хорошо указывают на существование связи между слогом и морфемой. Порой в тождественных фонетических условиях слогораздел будет идти по-разному, в зависимости от границ между морфемами и между словами. Легко показать, что в большинстве случаев данные явления моложе утраты сверхкратких. Надо думать, что в период существования силлабем грамматический фактор не мог оказывать воздействия на слогораздел. Я, однако, не рискую вслед за П. С. Кузнецовым утверждать, что «ни в какую из эпох развития праславянского языка» слогоделение не совпадало с делением на морфемы³¹. Для такого категорического утверждения оснований нет. Этот вопрос еще требует специальных исследований. Как я уже говорил в самом начале доклада, слоговая проблематика очень трудна и многогранна. Хотелось бы надеяться, что пятый международный съезд славистов будет способствовать пробуждению большого интереса к ней во всех ее аспектах. Это тем более важно, что славянский языковой материал дает очень много для решения общих вопросов теории слога. Об этом хорошо сказал О. Брок: «Славянские языки вносят, таким образом, интересный материал в рассуждение о самой теории слога»³².

CONTRIBUTION Á L'HISTOIRE DE LA SYLLABE EN SLAVE COMMUN

Résumé

Le problème de la syllabe est très compliqué et se présente sous plusieurs aspects. Dans ce rapport les problèmes principaux concernant l'évolution de la structure syllabique et de la coupe syllabique en slave commun, de même que certains problèmes

³⁰ А. Абеде. К вопросу о слоге. «Slavia», 1924—1925, гоđ. III, сеš. 1, стр. 2.

³¹ См.: «Сборник ответов на вопросы по языкознанию» (К IV Международному съезду славистов), М., 1958, стр. 84.

³² О. Брок. Указ. соч., стр. 174.

contigus, sont discutés. Nous analysons sous différents aspects «la loi des syllabes ouvertes» qui a déterminé de nombreux processus, hétérogènes en apparence, qui caractérisent la dernière période du slave commun. Le trait original du slave commun qui l'oppose à d'autres langues indoeuropéennes, même aux plus proches, c'est qu'il a connu dans sa dernière période une transformation compliquée de toutes les syllabes fermées en syllabes ouvertes—ce qui a abouti à des changements importants dans le système phonétique slave. La disposition des sons à l'intérieur de la syllabe selon le principe de sonorité croissante y était une loi absolue qui ne connaissait pas d'exceptions. Il est incorrect de ne considérer cette loi que comme une tendance, comme le font M. Martinet et d'autres. «La loi des syllabes ouvertes» se réalisait en slave commun pendant une certaine période, tandis que la «tendance vers les syllabes ouvertes» existe même dans les langues slaves contemporaines. Cependant, une tendance ne peut pas déterminer une transformation de la structure syllabique. Son effet s'exprime en ce qu'elle tend, dans les limites du possible, à organiser la syllabe selon le principe de sonorité croissante.

L'histoire de la coupe syllabique en slave commun est, elle aussi, étudiée en détail dans ce rapport. «La loi des syllabes ouvertes» a déterminé de nombreux déplacements de la coupe syllabique, qui à leur tour ont amené à d'importantes transformations phonétiques. Avant la période du fonctionnement de cette loi, la structure syllabique du slave commun se caractérisait par une grande stabilité de la coupe syllabique, ce qui déterminait une large autonomie de la syllabe. La coupe syllabique donnait une protection contre l'influence des sons voisins appartenant à une autre syllabe. Cependant, les nouveaux déplacements de la coupe syllabique n'ont pas détruit l'ancienne autonomie de la syllabe. Il y a des raisons à croire que, dans la dernière période du slave commun, l'autonomie de la syllabe était même renforcée grâce à la formation des syllabèmes, c. à d. au rapprochement des timbres des sons voisins à l'intérieur de la syllabe. Ceci a laissé une empreinte profonde sur toute la structure syllabique protoslave et, en général, a considérablement renforcé le rôle de la syllabe dans le système du slave commun. L'époque des syllabèmes dura jusqu'à la «chute des yers» dans la position «faible». Cette chute a déterminé «une libération» de l'opposition des consonnes dures et molles, une forte diminution du nombre des syllabes dans le mot, l'apparition d'une coupe syllabique mobile. L'hiatus, les cas de sandhi, le «yakanie» dissimilatif du russe méridional etc., ne pouvaient apparaître qu'à une époque postérieure. À l'époque des syllabèmes aucun des processus phonétiques de ce type n'était possible. Une nouvelle période de l'histoire de structure syllabique slave commence après la «chute des yers».

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
ДОКЛАДЫ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
V Международный съезд славистов
(София, сентябрь 1963)

В. А. Дыбо, В. М. Иллич-Свитыч

К ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОЙ СИСТЕМЫ
АКЦЕНТУАЦИОННЫХ ПАРАДИГМ

Акцентологические исследования Х. Станга продемонстрировали наличие трех акцентуационных парадигм в системе славянского имени и глагола; теперь можно считать окончательно установленным праславянский характер троичного противопоставления: баритонированная а. п.¹ (*vǫlna*, Асс. *vǫlnŏ; sędŏ, sędešь*) — подвижная а. п. (*čěnà*, Асс. *čěnŏ; něsŏ, nesešь*) — окситонированная а. п. (*ženà*, Асс. *ženŏ; mogŏ mŏžešь < *možešь*). Однако уже по вопросу о генезисе этой системы, ее отношении к известным акцентуационным системам других индоевропейских языков мнения акцентологов коренным образом расходятся. Если одни вместе с Х. Стангом и А. Мейе проецируют славянскую троичность акцентуационных парадигм в индоевропейский, то другие готовы вслед за Е. Куриловичем остановиться перед «бездной» преобразований, похоронившей, по их мнению, всякие следы преемственности между славянской и индоевропейской системами.

По-видимому, прежде чем приступать к сопоставлению славянской системы с другими, неславянскими, следует использовать все возможности для ее внутренней реконструкции.

Особенность концепции Х. Станга — в ее имплицитной функциональности. Тот пересчет славянских акцентных парадигм, который производит Х. Станг, основываясь на наиболее общих признаках той или иной славянской акцентной парадигмы, и который сводит все многообразие акцентных парадигм реконструированного праславянского к трем типам, совпадает в основном с результатами чисто функционального подхода. Это, по-видимому, объясняется тем, что в качестве основных общих признаков акцентных парадигм Х. Стангом выбраны именно разграничительные признаки, которые играли основную роль в функцио-

¹ Здесь и ниже а. п. — акцентуационная парадигма.

вировании просодических элементов праславянского. Но имплицитность функциональных моментов этой концепции мешает как утверждению прогрессивных идей Х. Станга, так и дальнейшему анализу праславянской акцентной системы.

Однако пересчет акцентуационных парадигм не зависит от типа акцентной кривой этих парадигм. Акцентуационная парадигма (как определенная модель функционирования просодических элементов слова) занимала в системе языка положение, определяемое двумя факторами: 1) морфологической и словообразовательной системой праславянского языка и 2) основным принципом парадигматического ударения, по которому выбор парадигмы производного определялся парадигмой производящего. Как показывает сравнительно-историческое исследование, этот принцип приводил к построению целой цепи взаимосвязанных парадигм в цепи морфологически или словообразовательно связанных форм и категорий, и эта цепочка продолжалась до тех пор, пока не встречалась с обусловленной фонетически, морфологически или словообразовательно позицией нейтрализации акцентных противопоставлений или пока не раздваивалась под влиянием новых фонетических или морфологических (что обычно вторично) условий, вызванных изменением состава слова, или в результате функционирования слова в фонетико-синтаксическом целом.

Естественно, что этот принцип и должен играть определяющую роль в пересчете акцентных парадигм праславянского языка, т. е. в сведениях их в группы просодических моделей, связанных между собой не только общими особенностями движения в них акцента, но и правилом выбора.

Рассмотрение акцентных моделей праславянского языка в том объеме, в каком возможна или осуществлена их реконструкция, на основе сравнения живых славянских языков с привлечением акцентуированных памятников, приводит к выводу, что их можно объединить по наиболее общим чертам в несколько групп.

I. Акцентные типы с неподвижным акутовым ударением на корне.

A. Имя: *čāsъ, nīть, lěto, kōrva; rādъ, rāda, rādo* и др.

B. Презенс: *lězъ, stāvъ, mŭjъ, dvŭgnъ, rězъ* и др.

C. Действ. прич. наст. вр.: *lězъti, stāvetъi, mŭjъti, dvŭgnъti, rězъti* и др.

D. Инфинитив-супин: *lězъti, *lězъti; stāviti, stāviti; mŭti, mŭti; dvŭgnъti, dvŭgnъti; rězъti, rězъti* и др.²

E. Аорист: **lězъ, lěze, *lězomъ; stāvixъ, stāvi, stāvixomъ; mŭxъ, mŭ, mŭxomъ; dvŭgъ, dvŭže, dvŭgomъ; otъrŭnъxъ, otъrŭnъ, otъrŭnъxomъ; rězaxъ, rěza, rězaxomъ* и др.

² Появление в некоторых глаголах этой группы нисходящей интонации в словенских и кайкавских диалектах объясняется двумя процессами: распространением «нового циркумфлекса» из парадигмы презенса и аналогией с типом супина с циркумфлексовой интонацией.

- F. Действ. прич. прош. вр.: *lězъ, lězъši; stāvъ, stāvъši; mŭvъ, mŭvъši; dvigъ, dvigъši; rězavъ, rězavъši* и др.
- G. l-прич. *lězlъ, lězla; stāvilъ, stāvila; mŭlъ, mŭla; dviglъ, dvigla; rězalъ, rězala* и др.
- H. Страд. прич. прош. вр.: *sěčenъ, stāvjenъ, (mŭtъ), dvizenъ, rězanъ* и др.

II. Акцентные типы с новоакутовым ударением на корне в одних формах и с ударением на следующем слове (теме) — в других (один из этих признаков может отсутствовать). X. Станг, исходя из своей теории происхождения нового акута, восстанавливает этот тип как тип с колонным ударением на теме.

- A. Имя: *stōlъ, stolà, stōlěxъ; pōtъ, pōti; veslō, vėsālā; ženà, ženāmъ, vōljā; nōvъ, novà, novō* и др.
- B. Презенс: *mogō, mōžešъ; prosjō, prōsišъ; mьrō, mьrešъ; topnō, tōpnešъ; pisjō, písješъ* и др.
- C. Действ. прич. наст. вр.: *prose, prōsetji; pisje, písjetji; žbnotji, tōpnotji* и др.
- D. Инфинитив-супин: *mogti, *mogtē (?); prositi, prosītъ; topnōti, topnōtъ; pisāti, pisātъ* и др.
- E. Аорист: **mogē (?); možē; *prosixъ, *prōsī, *prosiχomъ* (акцентная кривая в этом типе глаголов может быть реконструирована лишь предположительно, но существование типа не может быть подвергнуто сомнению, в южнославянских памятниках XIV—XV вв. он еще четко отражен), *pisāxъ, pisā, pisāχomъ; *topē, topē* и др.
- F. Действ. прич. прош. вр.: *sъtvōrjъ или sъtvorjъ, perlōžjъši или perlōžjъši, prišdъ или prišdъ.*
- G. l-прич.: *leglъ, leglā, leglō; prosilъ, prosila; písālъ, písāla* и др.
- H. Страд. прич. прош. вр.: *prōsjenъ, písānъ.*

III. Подвижный маргинальный тип.

- A. Имя: *zōbъ, zōběxъ; sŭnъ, sŭnъmi; kōstъ, kostъmi* и др.
- B. Презенс: *vědō, vedešъ; rōdjō, rodišъ; pōmьnō, pomьnešъ* и др.
- C. Действ. прич. наст. вр.: *rōde, rodētji; vedōtji.*
- D. Инфинитив-супин: *vesti, věstъ; peŭti, pētъ.*
- E. Аорист: *peχъ, pētъ* pomьnoxъ, pōmьnō; *vēsъ, vēde.*
- F. Действ. прич. прош. вр.: *rōdjъ, rodjъši; возможно sъzvavъ, sъzvavъši.*
- G. l-прич.: *kōvalъ, kovalā; rōdilъ, rodilā; zъvalъ, zъvalā; litъ, lilā.*
- H. Страд. прич. прош. вр.: *vedenъ, vedenā; rodjenъ, rodjenā; litъ (litā); kōvanъ, (kovanā, kōvano)* и др.

IV. Смешанный тип, включающий элементы маргинального типа с формами, имеющими ударение на элементе, предшествующем окончанию.

- A. Имя: *golvā, golvō, golvāmъ, golvāmi, golvāxъ, golvāma.*
- D. Инфинитив-супин: *sěkti, sěktъ; kovāti, kōvatъ; roditi, rōditъ; liti, litъ* и др.

Е. Аорист: **sěxъ, sěce; rodixъ, rōdi; zъvāxъ, zъva; lixъ, litъ.*

Рассмотрим распределение этих акцентных типов в морфологической системе языка. Отношение акцентных типов производных прилагательных к акцентным типам существительных определялось, по-видимому, правилом, по которому прилагательное относилось к акцентным типам (соответственно) IA, IIA, IIIA (IVA), если оно было образовано от существительного этого же типа.

Но такого рода отношения не замыкались в сфере именного словообразования. Мы можем связать акцентные типы IA, IIA и IIIA (IVA) соответственно с акцентными типами презенса глагола IB, IIB, IIIB, исходя из того, что при образовании глаголов на *-i-* от имен типа IA, образовывались глаголы типа IB, от имен типа IIA — глаголы типа IIB, от имен типа IIIA и IVA — глаголы типа IIIB.

Представление о распределении акцентных типов в системе глагола и о их связи с акцентными типами презенса может дать табл. 1.

Из табл. 1 видно, что четыре типа акцентных моделей образуют три связанные правилом выбора группы, соответствующие в основном парадигмам *a, b, c* X. Станга. Ближайшее рассмотрение показывает, что типы III и IV не образуют отдельных парадигм, а дополнительно распределены по характеру элемента, предшествующего окончанию. Аналогично, по характеру элемента, предшествующего окончанию, дополнительно распределены и именные типы IIIA (маржинальный) и IVA (смешанный)³.

Следует обратить внимание на типы IIG и IG *-l-*причастий от тематических глаголов подвижной парадигмы. Так как они распределены так же как типы IIID и IVD системы инфинитив-супин, то, по-видимому, они являются результатом нейтрализации противопоставлений III ↔ II и IV ↔ I в системе *-l-*причастий от тематических глаголов. Аналогичное происхождение имеет, вероятно, тип IH страдательных причастий от тематических глаголов подвижной парадигмы. Здесь, вероятно, нужно иметь в виду процесс замены старых форм на *-tъ* причастиями на *-enъ*.

Остается неясным, определялось ли распределение типов III и IV фонетическими факторами. Можно, однако, думать, что

³ Западнославянские языки как будто указывают на единый маржинальный тип в системе имени: ср. чеш.-словацк. *-ām, -āch*; словинск. *-amī* (но *gākaz*). Это поразительным образом соответствует положению в местоимениях, где по южнославянским данным следует реконструировать: *vŭ, vāsъ, vāmъ, vāmī, vāsъ*, при *-těxъ, tēmъ, tēmī, tēxъ* (в литовском оба местоимения дают подвижную парадигму), тогда как западнославянские языки дают основание предполагать парадигму *vŭ, —, vāmъ, vāmī, vāsъ*, ср. словацк. *vās, vām, vāmī*; польск. диал. *vās*. Так как происхождение типа IV, возможно, было связано с сокращением акутовых долгот, то это различие может указывать на расхождение западнославянских и южнославянских языков в протекании этого процесса.

Таблица 1

Типы глагольных основ	-e-	-je/-ā-	-e/-ā-	-ī-	-nq-
В презенс	I II III	I II III	I II III	I II III	I II III
С прич. наст. вр.	I — III	I II III	I II III	I II III	— — —
Д инфинитив- супин	I — III IV	I II IV	I II IV	I II IV	I II III
Е аорист	I II III IV	I II IV	I II IV	I II IV	I — III
Ф действ. прич. прош. вр.	I II —	I II III	I II III	I II III	— — III
Г I-прич.	I II II I	I II III	I II III	I II III	I II III
Н страд. прич. прош. вр.	— — III I	I II III	I II III	I II III	— — —

Примечание. Прочерки обозначают или отсутствие формы, или недостаточность и противоречивость материала.

таким фактором являлось различие между дифтонгическим и акутовым монофтонгическим характером элемента, предшествующего окончанию: IV тип появляется, если этим элементом является *ī, ŷ, ā, ě*, тогда как при *ĕn, ĕm, ĕl, ĕr, ōv* (в открытом слоге?) мы встречаем обычно тип III: ср. распределение корневых глаголов: *pīti, pītъ; liti, litъ; žīti, žitъ; bŷti, bŷtъ; dāti, dātъ; vīti, vitъ*; но *peĕti* (ср. лит. *pīnti*), *žertī* (ср. лит. *gērti*), *perĕti* (ср. лит. *spīrti*), *dertī* (ср. лит. *dīrti*) и др., ср. также тип III при глаголах на *-nq-*, при IV типе в глаголах на *-ā-, -ī-, -ĕ-*. Может быть, это различие вызвано различием в протекании процесса сокращения акутовых долгот в дифтонгах и монофтонгах.

Анализ восстановленных X. Стангом трех акцентуационных парадигм обнаруживает определенную их связь не только с интонацией корневого слога в славянском, что отмечал X. Станг, но и с первоначальным качеством слога. Рассмотрение состава акцентуационных парадигм (т. е. класса слов, объединяемых единым типом просодической модели) показывает, что если в акцентную парадигму с (III) входили основы как со старым циркумфлектированным и краткостным, так и с первоначально акутированным корнем (с изменением интонации по правилу

Мейе), то парадигмы *a* (I) и *b* (II) были дополнительно распределены в зависимости от первоначальной интонации корневого слога (см. табл. 2).

Таблица 2

	<i>a</i>	<i>b</i>	<i>c</i>
≈	—	+	+
“	+	—	+

Именные основы:

c. 1. Имена с ранее акутированным корнем: *rāzъ* (лит. *rūo-žas*), *rēzъ* (лит. *rėžas*), *lūbъ* (лит. *lūobas*), *mīrъ* (лтш. *miērs*), *noftъ* (лтш. диал. *nofts*) и др.

2. Имена с первоначально циркумфлектированным и краткостным корнем: *gofdъ* (лит. *gařdas*), *drūgъ* (лит. *draūgas*), *lōkъ* (лит. *lañkas*), *mīgъ* (лит. *miėgas*), *mēxъ* (лит. *maiřas*) и др.

a. Имена с акутированным корнем: *sūrъ* (лит. *sūras*), *dūmъ* (лит. *dūmai*), *zōrdъ* (лит. *žārdas*), *pōrgъ* (лит. *pėrgas*), *gādъ* (ср. лит. *gėda*) и др.

b. Имена с циркумфлектированным и краткостным корнем: *kōrtъ* (лит. *kařtas*), *pēstъ* (лит. *piėstas*), *sītъ* (лит. *siėtas*), *stōlъ* (лит. *stālas*), *pōdъ* (лит. *pādas*), *sōmъ* (лит. *sāmas*) и др.

Аналогичное распределение прослеживается и в других именных основах.

Подобным же образом распределяются и глагольные основы:

c. 1. Глаголы с ранее акутированным корнем: *prēdetъ* (лит. *sprėsti*), *mōlzetъ* (лит. *mėlžti*), *gryzetъ* (лит. *grāužti*), *sterzetъ* (лит. *sėrgėti*) и др.

2. Глаголы с первоначально циркумфлектированным и краткостным корнем: *zēbetъ* (лит. *žėmbti*), *mētetъ* (лит. *mėsti*), *vōrzetъ* (лит. *veřžti*), *vōlčetъ* (лит. *vilkti*), *bodetъ*, *vedetъ*, *vezetъ* и др.

a. Глаголы с акутированным корнем: *lēzetъ*, *rētetъ*, *sēdetъ*, *vōrzetъ*, *pādetъ*; *rēzetъ* (лит. *rėžti*), *jāsetъ* (лит. *jūosti*), *māzetъ*, *plāčetъ*, *kārpjetъ* и др.

b. Глаголы с циркумфлектированным и краткостным корнем: *pīšetъ* (лит. *piėšti*), *čērpjetъ* (лит. *kiřpti*), *zīdjetъ* (лит. *žiėsti*), *pūšetъ* (лит. *pūsti*), *jōdetъ*, *mōzetъ*, *mētjetъ*, *tēsetъ*, *čēsetъ*, *zōbjetъ* и др.

Глаголы на *-i-* образуют те же группы. По-видимому, точно так же распределялись глаголы на *-no-*, но реконструкция древнего состояния акцентных парадигм в этой группе наталкивается пока на недостаток материала.

Перед нами, безусловно, факт дополнительного распределения парадигм *a* и *b* по характеру интонации корневого слога. В глаголе дополнительное распределение парадигм *a* и *b* сопровождается единством морфологического значения этих парадигм:

анализ распределения форм старославянского аориста показывает, что оно определялось не только типом основы, но и акцентной парадигмой глагола. В тематических глаголах с основной на согласный образовывался сигматический аорист типа **вѣсь**, **вѣде**, если эти глаголы относились к подвижной парадигме (с), и простой аорист (**идъ**, **иде**), если они относились к парадигме а или б:

с: ст.-сл. **цвѣсь** (серб. *цвѣтѣм*, русск. *цветѣт*); ст.-сл. **влѣхъ** (серб. *вѣчѣм*); ст.-сл. **врѣсь** (серб. *врѣзѣм се*); ст.-сл. **сѣхъ** (серб. *сѣчѣм*, русск. *сечѣт*); ст.-сл. **грѣсь** (серб. *грѣбѣм*, русск. *гребѣт*); ст.-сл. **рѣхъ** (серб. *рѣчѣм*); ст.-сл. **нѣсь** (серб. *нѣсѣм*, русск. *несѣт*); ст.-сл. **тѣхъ** (серб. *тѣчѣм*, русск. *течѣт*); ст.-сл. **жѣхъ** (серб. *жѣжѣм*); ст.-сл. **бѣсь** (серб. *бѣдѣм*); ст.-сл. **мѣсь** (серб. *мѣтѣм*); ст.-сл. **вѣсь** (серб. *довѣдѣм*, русск. *ведѣт*), ст.-сл. **трѣса** (серб. *трѣсѣм*, русск. *трясѣт*).

а, б: ст.-сл. **врѣгъ** (серб. *врѣжѣм*); ст.-сл. **падъ** (средне-болг. *пѣдѣтъ*, русск. диал. *упѣдет*); ст.-сл. **сѣдъ** (серб. *сѣдѣм*, русск. *сѣдет*); ст.-сл. **сѣрѣтъ** (серб. *срѣтѣм*); ст.-сл. **-ѣдъ** (русск. *ѣдет*); ст.-сл. **-крадъ** (русск. *крадет*); ст.-сл. **-лѣзъ** (русск. *лѣзет*, серб. *сльѣзѣм*); ст.-сл. **лѣжъ** (серб. *лѣжѣм*, русск. *лѣжет*); ст.-сл. **идъ** (серб. *идѣм*, русск. *идет*); ст.-сл. **могъ** (серб. *мѣжѣм*, русск. *мѣжет*).

Аналогично распределялись также аористы типа **пихъ**, **питъ** и аористы типа **вихъ**, **ви**. В этой группе следует, однако, принимать во внимание, что во 2-м и 3-м лице ед. ч. аориста типы б и с не могли различаться, это привело к тому, что у немногих глаголов парадигмы б корневой аорист был вытеснен дентальным, который стал образовываться в поздний период, по-видимому, вообще от всех глаголов с циркумфлектированным (как изначально, так и по правилу Мейе) корнем.

Очевидно как глагольные, так и именные парадигмы а и б должны рассматриваться как варианты единой неподвижной акцентной парадигмы, так как, во-первых, они имеют общее морфологическое значение и во-вторых, стоят в отношении дополняющей дистрибуции, обусловленной интонацией корня.

Таким образом, праславянская система трех акцентуационных парадигм восходит к более ранней системе двух акцентуационных парадигм, в которой подвижная а. п. противопоставлялась парадигме, характеризовавшейся отсутствием подвижности. Внутренняя реконструкция не дает возможности определить точнее акцентуационную парадигму, противопоставленную подвижной. Факт дополнительного распределения имен и глаголов, входящих в баритонированный и окситонированный типы, предполагает лишь раздвоение первоначально единого класса в связи с различием интонации корня, но не дает никаких указаний на характер исходной «архипарадигмы». Таких указаний следует ожидать от внешнего сравнения. С достаточной полнотой это внешнее сравнение в настоящее время можно

провести лишь для системы именных парадигм; существенные преобразования глагольной акцентуации во всех индоевропейских языках, сохранивших подвижность ударения, мешают осуществлению аналогичного сравнения глагольных систем. Однако идентичность систем глагольных и именных парадигм в славянском, их тесная взаимосвязь, обнаруживающаяся в особенности в акцентуации отыменных глаголов и отглагольных имен, позволяют предположить, что результаты, полученные при анализе имен, в определенной степени характерны для всей славянской системы акцентуационных парадигм.

Уже сравнение славянской системы с балтийской дает основания для важных выводов. В балтийском, как известно, в именной системе обнаруживается противопоставление «баритонированная а. п. — подвижная а. п.»⁴.

В последнее время Х. Станг, развивая некоторые идеи А. Мейе и Ф. Седлачка, продемонстрировал тождество акцентной кривой славянской и балтийской подвижных парадигм. В системе имени эти парадигмы почти полностью идентичны, так что, например, акцентная кривая слав. *golvā* (Gen. *golvŷ*, Dat. *golvĕ*, Acc. *golvŏ* и т. д.) не имеет существенных отличий от акцентной кривой лит. *galvā* (Gen. *galvōs*, Dat. *gālvai*, Acc. *gālvą* и т. п.). Анализ состава подвижных парадигм в балтийском и славянском обнаруживает, кроме этого структурного тождества, также тождество материальное. Так, среди основ на *-ā*, где противопоставление подвижной и «окситонированно-баритонированной» парадигм проведено в славянском достаточно четко, имена с подвижной а. п., надежно восстанавливаемые по совокупности русских и сербско-хорватских диалектных данных: *rosa*, *gręda*, *zima*, *tolka*, *noga*, *kosa*, *kręxa*, *soxa*, *borda*, *golva* (последнее с метатонией в первоначально акутированном корне) — соответствуют именам, представляющим подвижную а. п. на всей территории литовского языка: *rasā*, *grindā*, *žiemā*, *talkā*, *nagā*, *kasā*, *krušā*, *šakā*, *barzdā*, *galvā* (в последнем случае подвижная а. п. подтверждается данными латышского языка, где представлена прерывистая интонация: *gālva*). Аналогично распределение в других типах именных основ.

Для второй славянской а. п., «окситонированно-баритонированной», естественно искать соответствия в литовской баритонированной а. п., противопоставленной литовской подвижной а. п. Соответствие славянских акутированных образований с баритонированной а. п. литовским баритонированным образованиям давно является акцентологической аксиомой (ср. слав. *bāba*, *dŷmъ*, *grīva*, *lāpa*, *vŏrna* и т. п. при баритонированных литовских *bōba*, *dŷmai*, лтш. *grīva*, лит. *lōpa*, *vārna* и т. п.); и здесь,

⁴ Мы отылекаемся от раздвоения этих двух парадигм, осуществившегося в литовском в результате переноса ударения по закону Фортунова—де Соссюра.

следовательно, наряду с тождеством акцентуационной кривой (и в славянском, и в балтийском — колонная баритонеза), отмечается материальное совпадение состава соответствующих акцентуационных парадигм.

Уже подобное распределение акутированных образований явно намекает на то, что в славянской окситонированной а. п., отражающей ту же первоначальную баритонированно-окситонированную а. п., что и славянская баритонированная, следует видеть модификацию баритонированного балто-славянского типа, связанную с определенной характеристикой корня (нисходящая интонация, $\_$ или $\_$). Только игнорирование этого обстоятельства, ставшее своеобразной традицией в славянской акцентологии, могло привести к построению теорий, согласно которым славянская окситонированная а. п. представляет собой старый окситонированный класс, утраченный в балтийском. Сопоставление структуры акцентуационных парадигм в славянском и балтийском заставляет искать соответствия славянским окситонированным образованиям в литовских образованиях с баритонированной а. п. И такие соответствия действительно обнаруживаются. При оценке предлагаемых примеров следует иметь в виду, что в отличие от подвижной а. п., хорошо сохраненной всеми литовскими диалектами и литературным языком, баритонированная а. п. в литовском языке является в значительной степени остаточной категорией, окончательно устраненной в ряде основ (например, среди прилагательных с основой на $-o/-\bar{a}-$) и активно вытесняемой подвижной а. п. в других случаях. Первоначальное литовское состояние лучше всего сохранено в крайних северо-западных (жемайтских) и северо-восточных (дзукских) диалектах, чьи показания в основном совпадают с акцентовкой Даукши (конец XVI—начала XVII в.) и кенигсбергских изданий XVII—XVIII вв. Учет указанных литовских данных позволяет показать регулярность соответствия «славянская окситонированная а. п. — литовская баритонированная а. п.» для слов с циркумфлектированным или краткостным корнем:

слав. *blъxà*, Acc. *blъxò* (с.-хорв. чак. *balxà*, *balxù*, *balxè*⁵ — лит. *blusà*, Gen. *blūsos*, баритонированная а. п.

слав. *mьglà*, Acc. *mьglò* (с.-хорв. чак. *maglā*, *maglū*, *maglè*) — лит. *miglà*, Gen. *mìglos* в ряде дзукских говоров (при более обычном вторичном *miglà*, Gen. *miglōs*);

---

⁵ Объем доклада выпуждает авторов свести до минимума акцентологическую документацию по отдельным языкам, позволяющую восстановить праславянскую а. п., и отказаться от ссылок на соответствующие источники. Не рассматриваются также некоторые категории имен (часть $-o$ -основ), где в славянском произошло вытеснение первоначальной баритонированной а. п. подвижной; следы баритонезы в этом последнем случае обнаруживаются в балтийском.

слав. *osà*, Асс. *osò* (с.-хорв. *òса, òсу, òсе*) — лит. *vapsà, vāpsos* и *vapsvā, vāpsvos* в северо-западных и северо-восточных диалектах (также подвижная а. п.);

слав. *lòkà*, Асс. *lòkò* (с.-хорв. *лўка, лўку, лўке*) — вост.-лит. диал. *luñkon* (направительный падеж), указывающий на первоначальную баритонированную а. п. слова *lankà* 'заливной луг' (обычно подвижная а. п.);

слав. *zvēzdā*, Асс. *zvēzdò* (с.-хорв. *звезда, звезду, звезде*) — лит. *žvaigždė (žvaigždė)*, Gen. *žvaigždės* в северо-восточных говорах (следы такого же употребления в языке Даукши) при более распространенном *žvaigždė* (подвижная а. п.);

слав. *medjā*, *medjò* (с.-хорв. чак. *mejā, mejū, mejē*) — лит. диал. жемайтск. *mėdė, mėdės* 'большой лес', баритонированная а. п.;

слав. *volkà*, *volkò* (с.-хорв. чак. *vlākā, vlākū, vlākē* 'путь, которым волочат лес') — лит. *valkū, valkos*, баритонированная а. п.;

слав. *pěstā*, *pěstò* 'пест' (окситонеза восстанавливается на основании рефлексов предударной долготы в зап.-слав.: чеш. *písta*, польск. диал. *piázda*) — лит. диал. *piestā, piēstos* 'ступа', баритонированная а. п.;

слав. *podž*, *podā* (с.-хорв. чак. *pòd, podā*, русск. диал. *пòд*) — лит. *pādas*, pl. *pādai* 'подошва, глиняный пол', баритонированная а. п.

слав. *sitž*, *sitā* 'растение веревочник' (ст.-чеш. *sít* с долготой, указывающей на первоначальную окситонезу) — лит. *siētas*, pl. *siētai* 'привязь', баритонированная а. п.;

слав. *ščitž*, *ščitā* (с.-хорв. *шчїт, шчїта*, русск. *щит, щитā*) — лит. *skiētas*, pl. *skiētai* 'бердо' (по диалектам также подвижная а. п.);

слав. *p̃rstž*, *p̃rstā* (с.-хорв. черногорск. *p̃rst, p̃rstā*) — лит. *piřštas*, pl. *piřštai*, баритонированная а. п.;

слав. *pěstž*, *pěstā* (русск. *пест, пестā*) — лит. диал. *piēstas*, pl. *piēstai*, баритонированная а. п.;

слав. *pridž*, *pridā* (с.-хорв. *p̃rid, p̃rida* 'придача') — лит. *priēdas*, *priēdai* 'прибавка', баритонированная а. п.;

слав. *somž*, *somā* (с.-хорв. *сѡм, сѡма*) — лит. *šāmas, šāmai*, баритонированная а. п. в западных говорах (обычно подвижная а. п.);

слав. *grqdž*, *grqdā* 'холм' (на окситонезу указывают рефлексы предударной долготы в зап.-слав.: чеш. диал. *hrūd*, ст.-польск. *grąd, grądu*, словинск. *grōūd, grōūdā*) — лит. *grañdas*, pl. *grañdai* в дзукских говорах (обычно по говорам подвижная а. п.);

слав. *glistž*, *glistā* (русск. *глист, глистā*) — лит. *glaištas*, *glaištai* 'слой глины' (также подвижная а. п.);

слав. *ostrž*, *ostrò*, *ostrā* (словен. *òster, òstro, òstra*. Асс. *òstro*) — ст.-лит. *āštrus: баритонированная а. п., судя по наречию *āštrej* в словаре Рунга;

слав. *vyrĭxъ*, Gen. *vyrĭxŭ*, -ŭ-осн. (с.-хорв. чак. *vārĭx*, *varĭä*, блр. диал. *верх*, *верхá*) — лит. диал. (зап.-лит.) *viršus*, Gen. *viřsaus*, смешанная а. п., отражающая изменение первоначальной баритонированной а. п. *viřsus, Gen. *viřsaus* в направлении господствующей в говорах формы *viršus*, Gen. *viřsaus* (подвижная а. п.);

слав. *bobrъ*, Gen. *bobrŭ*, -ŭ-осн. (словен. *bóber*, *bóbra*, русск. *бобёр*, *бобра́*) — ст.-лит. *bēbrus*, *bēbraus* (= *bēbrus, *bēbraus*, баритонированная а. п.), ср. лит. -а-осн. *bēbras*, pl. *bēbrai*, баритонированная а. п.

слав. *ostbъ*, Gen. *ostŭ*, -ŭ-осн. (на первоначальную окситонезу указывает -р- в слов. *řst*, переведенное в подвижный акцентуационный тип, являющийся обязательным для -i-основ в славянском) — лит. диал. *akstis*, Gen. *āksties*, смешанная а. п., восходящая к баритонированной а. п. *ākstis, *āksties*.

слав. *ognbъ*, Gen. *ognŭ*, -ŭ-осн. (укр. диал. закарпатск. *огень*, Gen. *огнŭ*, Dat. *огнŭ*) — ст.-лит. (Даукша), сев.-вост. и сев.-зап. лит. *ūgnis*, *ūgnies*, баритонированная а. п., при обычном *ignis*, *igniēs*, подвижная а. п.

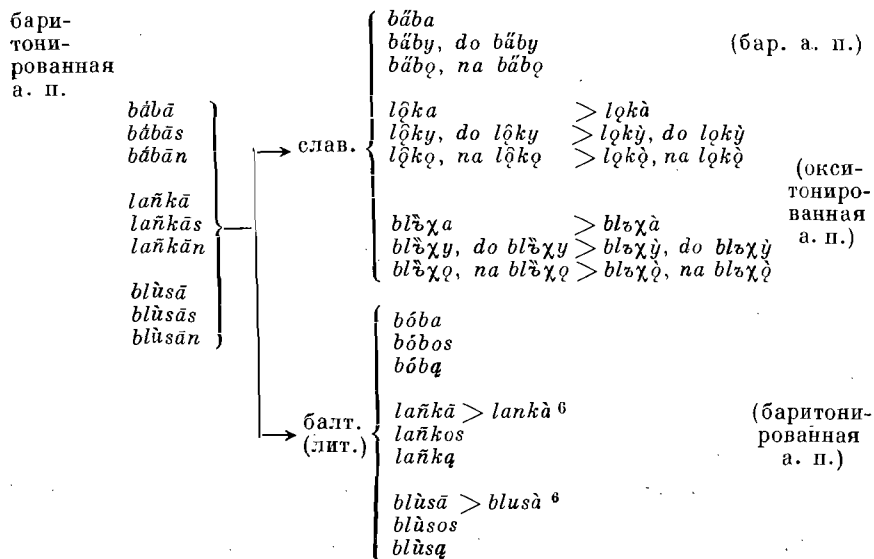
слав. *sestrŭ*, Acc. *sestrŏ*, первоначально -ter-основа (с.-хорв. *cěctra*, *cěcтpe*) — ст.-лит. (Universitas linguarum 1737.) *sēsuo*, Gen. *sēseries*, лит. диал. *sesuđ*, Gen. *sēseres*, смешанная а. п., развившаяся из баритонированной а. п. *sēsuo, *sēseres*.

слав. *motŭ*, Gen. *motъve*, -ŭ-осн., развившаяся из первоначальной -e-основы (на окситонезу указывает рефлекс предударной долготы в зап.-слав.: чеш. *moutev*, польск. *mątew*) — лит. *meñtė*, Gen. *meñtės* 'мешалка, лопатка' (также подвижная а. п.).

Ясно, что соответствия такого рода предполагают преобразование баритонированной парадигмы слов с неакутированным корнем в окситонированную парадигму в славянском. Относительно причин процесса можно высказывать лишь гипотезы. Следует, во всяком случае, подчеркнуть его фонетический характер; при принятии морфологического устранения баритонированных парадигм едва ли можно было бы удовлетворительно объяснить сохранение баритонезы у имен с акутированным корнем. Фонетическая характеристика первого слога слов с окситонированной (первоначально баритонированной) а. п. и слов с подвижной а. п. оказывается различной лишь в сочетании с проклитиками или энклитиками: перенос ударения с первого слога является в этих случаях обязательным в подвижной а. п., но отсутствует в баритонированной а. п. (Acc. Sing. *zīmq*, *nā zīmq*, *zīmqsъ*, но *lŏka, *na lŏkŏ*). По-видимому, именно в этих позициях мог начаться процесс переноса ударения; в таком случае его следует характеризовать как процесс переноса нисходящего ударения (˘ и ˘) со срединных слогов фонетического слова. Известно, что и в позднем праславянском нисходящее ударения срединных слогов устранялись путем оттягивания

ударения на предшествующий слог, приобретавший новоактуальную интонацию.

Таким образом, внешнее сравнение славянской системы с балтийской подтверждает первоначальность дихотомии «подвижная а. п. — баритонированно-окситонированная а. п.» в системе славянских акцентуационных парадигм. Славянскую баритонированно-окситонированную а. п. следует признать продолжением балто-славянской баритонированной а. п. Троичная система акцентуационных парадигм в славянском является развитием более ранней дихотомии и возникла в результате специфической славянской инновации: преобразования баритонированной а. п. слов с неаккутированным корнем в окситонированную. Развитие славянской системы акцентуационных парадигм из более ранней балто-славянской системы может быть, таким образом, представлено следующими схемами (стр. 81 и 82):

Дальнейшее углубление реконструкции требует сопоставления восстановленной балто-славянской системы акцентуационных парадигм с другими известными индоевропейскими системами — древнеиндийской, древнегреческой и германской (восстанавливаемой частично на основании различной — в зависимости от старого места ударения — рефлексации индоевропейских глухих по закону Вернера). Как известно, сопоставление этих трех систем дало возможность восстановить для индоевропейского систему двух противопоставленных в большинстве именных

⁶ Передвижение ударения в литовском по закону Фортунатова—де Соссюра.

основ акцентуационных парадигм. Одна из этих парадигм может быть надежно определена как баритонированная. Противопоставленная ей акцентуационная парадигма, как правило, отражена в упомянутых трех языковых группах как окситони-

по- движ- ная а. п.	{ <i>gālvā</i> <i>gālvās</i> <i>gālvān</i> <i>žeimā</i> <i>žeimās</i> <i>žeimān</i> <i>rasā</i> <i>rasās</i> <i>rāsān</i> }	→ слав.	{ <i>golvā</i> <i>golvŷ, do golvŷ</i> <i>gōlvq, nā golvq</i> > <i>gōlvq, nā golvq</i> ⁷ <i>zimā</i> <i>zimŷ, do zimŷ</i> <i>zīmq, nā zīmq</i> <i>rosā</i> <i>rosŷ, do rosŷ</i> <i>rōsq, nā rosq</i> }	(подвижная а. п.)

роvanная. Существует, однако, целый ряд указаний, свидетельствующих о более ранней подвижности ударения в определенных типах основ.

Так, давные переноса ударения с первой части сложений типа *bahuvrīhi* в древнейших частях Ригvedы в тех случаях, когда эта первая часть является окситонированным словом с основой на *i*, *u*, *r* (закон Вакернагеля), указывают как будто на то, что первоначально индоевропейской дихотомии «баритонированная а. п. — окситонированная а. п.» в основах на *-o-*, *-ā-* соответствовала дихотомия «баритонированная а. п. — подвижная а. п.» в других типах основ, т. е. первоначально в основах с чередованием полной и нулевой ступени в суффиксе основы (*ei:i*, *eu:u*, *(t)er:(t)r* и т. п.). Реликты подвижного ударения, обнаруженные в свое время Мейе в древнегреческом, также ограничены упомянутой группой основ. Колебания ударения в германском особенно значительны в *-i-* и *-u-* основах. Все эти факты как будто указывают на дополнительное распределение подвижной и окситонированной а. п., противопоставленных баритонированной а. п., в зависимости от типа основы и позволяют определить вторую индоевропейскую парадигму как «подвижно-окситонированную». Задача, следовательно, состоит в том, чтобы выяснить, как относится к индоевропейскому

⁷ Метатония в подвижной парадигме в славянском (правило Мейе).

двоичному противопоставлению «баритонированная а. п. — подвижно-окситонированная а. п.» балто-славянское двоичное противопоставление «баритонированная а. п. — подвижная а. п.». Идентичность первых членов обоих противопоставлений (баритонированная а. п.) невольно наталкивает на идею о непосредственном отражении индоевропейского противопоставления «баритонированная а. п. — подвижно-окситонированная а. п.» в балто-славянском противопоставлении «баритонированная а. п. — подвижная а. п.». Такое предположение для балтийского (литовского), как известно, было выдвинуто еще в 1896 г. Ф. де Соссюром. Однако идея Соссюра не была подкреплена сравнением конкретных образований, входящих в соответствующие классы; более того, в классической акцентологии (Я. Эндзелин, Н. Ван-Вейк, Э. Ниеминен) господствовало убеждение, что гипотеза Соссюра, сама по себе весьма вероятная, не может быть доказана подобным сравнением: акцентуационное перераспределение индоевропейских образований в балто-славянском считалось настолько существенным, что установление преемственности признавалось практически невозможным. Весьма естественным в такой обстановке было возникновение учения Е. Куриловича, полностью отрицавшего преемственность между индоевропейской и балто-славянской системой и предполагавшего весьма сложную систему процессов, долженствующих объяснить отсутствие преемственности.

Между тем достаточно тщательное сравнение балтийской и славянской системы именных парадигм с данными других индоевропейских языков показывает обоснованность предположения Соссюра. Такое сравнение обнаруживает, во-первых, идентичность балто-славянской подвижной а. п. и индоевропейской «подвижно-окситонированной а. п.» и, во-вторых, идентичность балто-славянской баритонированной а. п. и индоевропейской баритонированной а. п.

Первое из этих положений укладывается, по-видимому, в рамки построений Е. Куриловича, так что решающее значение для подтверждения гипотезы о непосредственной связи балто-славянской и индоевропейской систем акцентуационных парадигм приобретают соответствия второго рода.

1. балто-слав. подвижная а. п. (слав. подвижная а. п., балт. подвижная а. п.) — и.-е. подвижно-окситонированная а. п. (окситонеза в др.-греч., др.-инд., герм.)⁸

слав. *polsà*, Асс. *polsø* (русск. *полоса́, по́лосу, за́ полосу*) — герм. *falzō (др.-в.-нем. *falg* 'вспаханное поле');

слав. *овьса́*, Асс. *двьсо* (с.-хорв. *овса, овси, овсе*) — др.-инд. (RV) *avikā* 'овца';

⁸ В проводимых списках мы ограничиваемся славянским материалом: они могут быть значительно увеличены за счет балтийских образований, не имеющих соответствий в славянском.

слав. *zola*, Acc. *zōlo* (русск. диал. *золá, зóлу, нá золу*) — греч. *χολή* 'желчь, яд';

слав. *rosa*, Acc. *rōsq* (с.-хорв. *rōsa, rōsu, rōse*), лит. *rasà, rasōs* — др.-инд. (RV) *rasā*;

слав. *snъχà*, Acc. *snъχo* (с.-хорв. диал. *snà* < *snàa, Acc. *snāu*, pl. *snāe*) — др.-инд. (AV) *snusā*, герм. *snuzō (др.-сканд. *snor*);

слав. *cēnà*, Acc. *cēno* (с.-хорв. чак. *cīnā, cīnu, cīne*), лит. диал. *kainà, kainōs* — греч. *ποινή* 'выкуп, пеня; кара';

слав. *sōkъ, sōka* (с.-хорв. *sōk, sōka*), лит. Pl. *sakai* 'смола' — греч. *ὀπός* 'бродильный сок';

слав. *měχъ, mēχα* (с.-хорв. *mēx, mēxa*), лит. *maišas*, Pl. *maišai* 'мешок' — др.-инд. *meśās* 'баран';

слав. *χōdъ, χōda* (с.-хорв. *xōd, xōda*) — греч. *ὁδός* ж. р. 'путь';

слав. *bōsъ, bōso, bosà*, Acc. *bōsq* (словен. *bōs, bosō, bōsa*, Acc. *bosō*) — герм. *bazáz (д.-в.-н. *bar*);

слав. *sūχъ, sūχο, suχà*, Acc. *sūχο* (словен. *sūh, suhō, sūha*, Acc. *suhō*) — герм. *sauzáz (др.-англ. *sear*);

слав. *šūjъ, šūje, šujà*, Acc. *šūjо* 'левый' (словен. *šūj, šujē, šúja, šujō*) — др.-инд. (RV) *savyás*;

слав. *sōkъ, sōkū*, первоначально *-и*-основа (с.-хорв. диал. *sōuk, sōuka*, русск. устар. *сук, сýка*) — др.-инд. (SB) *śaṅkús* 'острый колышек';

слав. *dъkti*, Acc. *dъkterъ* (русск. диал. *дочú*, Dat. *дбчери* — др.-инд. *duhitā*;

слав. *jāje*, Pl. *jajà* (с.-хорв. черногорск. *jāje*, Pl. *jajā*) — греч. *ᾠόν* 'яйцо';

слав. *měso*, Pl. *mēsà* (с.-хорв. *mēso*, Pl. *mēsa*) — др.-инд. (RV) *māmsām*, герм. *timzā ср. р. (гот. *timz*);

2. балто-слав. баритонированная а. п. (слав. окситонированная а. п. имен с неакутированным корнем/баритонированная а. п. имен с акутированным корнем, балт. баритонированная а. п.) — индоевропейская баритонированная а. п. (баритонеза в др.-греч., др.-инд., герм.).

слав. *lěχà*, Acc. *lěχō* (с.-хорв. *léxa, léxy, léxe* 'грядка') — герм. *laisō (др.-в.-нем. *waganleisa* 'след колес');

слав. *vdovà*, Acc. *vdovō* (укр. диал. *вдовá, вдовý, вдовú*) — др.-инд. (RV) *vidhāvā* 'вдова';

слав. *blъχà*, Acc. *blъχō*, лит. *blusà*, Gen. *blūsos*⁹ — греч. (с метатезой) *βόλλα* 'блоха';

слав. *mьglà*, Acc. *mьglō*, лит. диал. *miglā*, Gen. *mīglos* — греч. *ὀμίχλη* 'туман';

слав. *črtà*, *črtō* (русск. *чертá, чертý, чертý*) — др.-инд. (RV) *kṛta* 'ущелье, пропасть' (значение предположительно);

слав. *krupà*, *krupō* (с.-хорв. *крýна, крýпу, крýне*) — герм. *hriúfo* или *hriúfōn* (нем. диал. *rüfe* < др.-в.-нем. *riufa);

⁹ Более подробные данные для славянских примеров, имеющих балтийские параллели, были приведены выше.

слав. *dvorъ, dvorà* (русск. диал. *дворъ, двора́*) — др.-инд. *dvāram*;

слав. *търнѣ, търнà* (с.-хорв. кайкав. *těrn, ternä*) — др.-инд. (RV) *tṛṇam* 'трава';

слав. *тѣхѣ, тѣхà* (слов. диал. *měh, méha*) — герм. *mūsa, ср. р. (др.-в.-нем. *mos* 'мох, болото');

слав. *ситѣ, ситà* 'растение верёвочник', лит. *siėtas, pl. siėtai* 'привязь' — герм. *sāiḥa (др.-в.-нем. *seid* 'шнур');

слав. *чердѣ, чердà* (русск. *черѣд, чередá*) — др.-инд. *sárdham* 'стадо';

слав. *ostrѣ, ostrѣ, ostrà, Acc. ostrѣ* (ст.-лит. *āštrus, см. выше) — греч. *ἄκρος* 'крайний, верхний';

слав. *новѣ, novѣ, novà, Acc. novѣ* (слов. *nòv, nóvo, nóva, Acc. nóvo*) — др.-инд. (RV) *návas*, греч. *νεός*;

слав. *sestrà, sestrѣ* (вторичн. *-ā*-основа), ст.-лит. **sēsuo, sēses* — др.-инд. (RV) *svāsā*;

слав. *вѣлна, вѣлно* 'шерсть' (с.-хорв. *вѣна, вѣну*), лит. *vilna, vilnos* — др.-инд. (RV) *ūrṇā*;

слав. *ива, иво* (с.-хорв. *ива, иву*), лит. диал. *ieva, ievo* — греч. *ῥη, οῖη* 'рябина';

слав. *тѣль, тѣла* (чеш. *těl, с* долготой под старым акутом) — др.-инд. (AV) *tūlam* 'метелка растения, тростник';

слав. **brātrъ, brātra* с вторичной *-o*-основой — др.-инд. (RV) *bhrātā*, греч. атт. *φράτωρ* 'член фратрии', — герм. *brōþar* 'брат' (др.-в.-нем. *bruoder*);

Рассмотренные соотношения не означают, естественно, отсутствия акцентуационных перераспределений в балтийском, славянском или «балто-славянском», так что каждое балтийское или славянское образование точно воспроизводит акцентовку индоевропейской праформы. На прошедшее в отдельных индоевропейских языках перераспределение указывают случаи несовпадения акцентуационных парадигм, обнаруживающегося иногда между балто-славянским и германским (слав. *krъчà, krѣχō*, лит. *krušà, krušōs*, подвижная а. п., но герм. *hrūsō(n)*, др.-в.-нем. *hrosa*) или балто-славянским и древне-индийским (слав. *ognѣ, ogni*, окситонированная а. п. < баритонированной а. п., лит. диал. *ùgnis, ùgnies*, но др.-инд. *agnis*) и, наконец, между балтийским и славянским (слав. *rѣкà, rѣко*, подвижная а. п., но лит. *rankà, raĩkos*, баритонированная а. п.); эти примеры совершенно идентичны известным расхождениям между греческим и древне-индийским (греч. *αῤῥός*, др.-инд. *áj-gas*), древне-индийским и германским и т. п. Важно, что такие случаи несоответствия единичны, а основная масса сопоставимых образований указывает на преемственность между индоевропейской и балто-славянской системой акцентуационных парадигм.

Существует, однако, группа образований, акцентуация которых в славянском и балтийском не согласуется с их акцентуа-

нией в древнеиндийском, древнегреческом и германском. Мы имеем в виду баритонированные имена с акутированным корнем в балто-славянском, противостоящие окситонированным образованиям в упомянутых выше трех языках; для этих случаев обычно принималось оттягивание ударения в балто-славянском (правило Хирта-Микколы). Закономерный характер отклонения в этом случае обнаруживается прежде всего в том, что все имена такого рода имеют одинаковую характеристику корневого слова: все они представляют индоевропейскую неапофоническую долготу корневого слога:

слав. *grīva*, *grīvo* (с.-хорв. *grūva*, *grūvu*), лтш. *grīva*¹⁰, < *grīva при др.-инд. (RV) *grīvā* 'загривок';

слав. *dŭmъ*, *dŭma* (с.-хорв. *дѹм*, *дѹма*), лит. *dūmai* < *dūmas при др.-инд. (RV) *dhāmās*, греч. *θυμός* 'страстное желание';

слав. *pŭrъ*, *pŭra* (с.-хорв. диал. *pir*, *pira* 'полба') < *pūros при греч. *πῦρός* 'полба';

слав. *jāto*, *jāto* (с.-хорв. *jāmo*, *jāma* 'стая') < *jātam при др.-инд. (RV) *yātām* 'езда';

слав. *dŭlgъ*, *dŭlgo*, *dŭlga* (с.-хорв. *дѹг*, *дѹга*, *дѹго*), лтш. *ilgs* < *dŭlgas при др.-инд. *dīrghās*;

слав. *pŭlnъ*, *pŭlno*, *pŭlna* (с.-хорв. *пѹн*, *пѹна*, *пѹно*), лтш. *pilns* < *pŭlnas при др.-инд. *pūrghās*;

слав. *māti*, *mātere* (с.-хорв. *māmu*, *mātere*), лтш. *māte* < *māte при др.-инд. (RV) *mātā* 'мать', герм. *mōdēr (др.-в.-нем. *muoter*).

К этому списку можно добавить слова, представленные только в балтийском: лтш. *duōna*, *virs*, *ātrs*, *jāts*, *znuōts*, *vējs* < *dōnā*, *vīras*, *ātras*, *jūtis*, *žnōtis*, *vējas* при др.-инд. *dhānās*, *vīrās*, герм. *ædrās (др.-в.-нем. *atar* 'быстрый'), др.-инд. *jñātis*, *vāyūs*.

Интересно, что это единственное балто-славянское отклонение от индоевропейской системы акцентуационных парадигм явно имеет индоевропейские корни. В соответствующих случаях баритонезу следует предполагать также в кельто-италийских языках на основании долготы гласного в корне (первоначально предударные долгие в этих языках сократились), ср. лат. *fūmus* 'дым', ирл. *lán* 'полный', лат. *māter* при др.-инд. *dhūmās*, *pūrghās*, *mātā*.

В древнейших частях Ригведы слова рассматриваемой группы, входя в качестве второго члена в сложения типа *bahuvrīhi* с переносом ударения с предшествующего окситонированного члена сложения (по правилу Вакернагеля, о чем см. выше), представляют баритонезу в нарушение общего правила о сохранении места ударения простого слова, ср. др.-инд. *tuvigrīvas* при *grīvā*, *puruvīras* при *vīrās*, *śakadhūmas* при *dhūmās*, ср. еще с неапофонической долготой в корне *pururūpas* при *rūpās* (на связь случаев такого рода с балтославянскими

¹⁰ Во всех приводимых ниже латышских примерах плавная интонация указывает на балтийскую баритонезу.

данными впервые обратил внимание Х. Шельд). Факты такого рода предполагают, как будто, специфическую трактовку (усиление) слога с неапофоническим долгим, обусловившую перетягивание ударения на этот слог. Если в древнеиндийском это усиление привело к устранению только ослабленного ударения сложений (т. е. *purūvīrās > *puruvīras*, но *vīrās* сохранилось как *vīrās*), то для балто-славянского и, вероятно, кельто-италийского следует предполагать оттягивание ударения: *vīrās* > балт. *vīras*, *grīvā* > балто-слав. *grīvā*. Усиление долгого неапофонического слога, приведшее к видимому отклонению в системе балто-славянских акцентуационных парадигм можно рассматривать, таким образом, как общеиндоевропейское явление; процессы ослабления и последующей утраты ларингальных, которые следует предполагать в слогах с индоевропейской неапофонической долготой, могли сыграть при этом определенную роль.

Итак, единственное значительное отклонение балто-славянской акцентуационной системы от предполагаемой индоевропейской оказывается лишь отражением общеиндоевропейской тенденции. Сама же балто-славянская и, следовательно, славянская система акцентуационных парадигм несомненно является непосредственным отражением индоевропейской системы.

CONTRIBUTION À L'HISTOIRE DU SYSTÈME DES PARADIGMES ACCENTOLOGIQUES SLAVES

Résumé

L'établissement du fait que les paradigmes barytone et oxytone du nom et du verbe slaves se trouvaient dans le rapport de distribution complémentaire permet de réduire le triple système des paradigmes slaves à un système plus ancien où s'opposaient un paradigme mobile et un paradigme «barytone-oxytone». La comparaison des données slaves et baltiques révèle l'identité du paradigme oxytone slave et du paradigme barytone baltique pour les noms à racine douce, ce qui confirme l'unité du paradigme «barytone-oxytone» slave et y laisse voir une transformation d'un paradigme originellement barytone. Le processus de transformation du paradigme barytone en un paradigme oxytone ne s'est répandu en slave que sur les noms à racine douce ou à voyelle brève.

La comparaison des données des systèmes nominaux baltique et slave et des données des autres langues indoeuropéennes gardant des reflets d'un accent mobile révèle l'identité du système balto-slave (paradigme barytone — paradigme mobile) et du système indoeuropéen (paradigme barytone — paradigme oxytone-mobile). En balto-slave, on ne trouve des exceptions de ce genre que dans un groupe de noms barytones à longueur non-apophonique dans la racine. Certains faits de la composition nominale en vieil indien indiquent que ce phénomène pourrait remonter à l'époque indoeuropéenne.

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
ДОКЛАДЫ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
V Международного съезда славистов
(София, сентябрь 1963)

В. В. Иванов, В. Н. Топоров

К РЕКОНСТРУКЦИИ ПРАСЛАВЯНСКОГО ТЕКСТА

1.0. Реконструкция в сравнительно-историческом языкознании в принципе возможна как по отношению к системе, так и по отношению к тексту. Однако практически в большинстве сравнительно-исторических исследований реконструируется только система (или отдельные ее элементы). Это связано, во-первых, с наибольшей разработанностью методов восстановления морфов и их фонологических составных частей, т. е. таких единиц, по которым легче судить о системе, чем о тексте (хотя многофонемные морфы могли бы рассматриваться как минимальные тексты, поскольку они представляют собой последовательности морфонологических элементов). Во-вторых, восстановление текстов применительно к достаточно удаленным эпохам затрудняется сокращением (изнашиванием или «размыванием») минимальных текстов (морфем и слов) в процессе эволюции языка; само это сокращение может служить одним из способов измерения языкового времени, т. е. относительного расстояния между разными синхронными срезами. В-третьих, реконструкция текста (как и реконструкция системы, если ее понимать как описание языка-объекта, а не как метаязыковую символику, используемую для записи соответствий между языками), может вызывать возражения методологического характера в тех случаях, когда отсутствует аргументированное историческое истолкование установленных соответствий между языками, т. е. когда равновероятно происхождение родственных языков из диалектов одного языка (случай романских языков и вульгарной латыни) и объяснение сходных черт существованием языкового союза (случай балканских языков). Диалекты одного языка сами могут образовывать языковой союз, причем на основании соответствий между ними можно построить наддиалектную систему, которая сама по себе не является реальным языком и применительно к которой, следовательно, нельзя говорить о реальных текстах; поэтому между двумя названными равно-

вероятными объяснениями (например, по отношению к индоевропейским языкам в целом) существуют только количественные различия и тем самым реконструкция текстов зачастую оказывается лишённой прочной основы. Наконец, в-четвертых, реконструкции текстов могут препятствовать внеязыковые факторы, связанные с радикальными изменениями условий жизни общества, которые могут вести к перерыву в культурно-исторической преемственности: так, например, отрывки на вульгарной латыни из книги Петрония едва ли могли бы быть восстановлены посредством сравнения ранних памятников романских языков.

1.1. Первая из указанных трудностей связана с состоянием разработанности лингвистической теории; некоторые тенденции современных направлений в лингвистике позволяют надеяться на возможность устранения части этих препятствий. В частности, при наличии тех благоприятных условий, которые есть в славянских языках, по-видимому, могут быть восстановлены некоторые особенности распределения фонем в пределах морфем, морфем в пределах слов и даже слов в пределах текстов большего объема. Некоторые из соответствующих фактов были давно уже установлены, например, в работах об «индоевропейских и славянских древностях», которые целиком основаны на реконструкции некоторых текстов (в частности, идиоматических сочетаний морфем в пределах слова), но соответствующие операции оставались обычно неосознанными, как, впрочем, и большинство процедур в классической индоевропеистике. Теоретическое осмысление эмпирически сложившихся способов восстановления единиц, которые можно рассматривать как минимальные тексты, и дальнейшее развитие таких или сходных операций стало возможным и необходимым благодаря разработке нескольких основных идей современной лингвистики. Прежде всего, различие языка и речи и развитие этой идеи Соссюра в глоссематике (отношения в системе и в тексте) и в работах Р. О. Якобсона (разграничение кода и сообщения) позволяет по-новому осмыслить опыт сравнительно-исторического языкознания, разграничив реконструкцию системы (кода) и текста (сообщения). Далее, конкретные достижения дескриптивной фонологии, морфонологии и морфологии (отчасти предвосхищенные Н. С. Трубецким в работах, написанных на старославянском и праславянском материале) снабжают исследователей техническими приемами, позволяющими описать распределение восстановленных языковых единиц в тексте. Некоторое уточнение лингвистического понятия дистрибуции связано с применением идей теории вероятностей и теории информации, благодаря которым стало возможным описывать вероятностные ограничения, наложенные на сочетания элементов в тексте, в том числе в стихотворных текстах, в связи с чем А. Н. Колмогоровым были сформулированы некоторые закономерности, связывающие энтропию речи и гибкость (т. е.

меру равноценных способов изложения одного и того же содержания). Само соотношение кода и сообщения в более строгом смысле нужно понимать так, что в код включаются вероятностные правила, определяющие сочетания элементов в сообщении. Тем самым, согласно этой модели (ср. первую модель Хомского, т. е. язык с конечным числом состояний), как и другим синтезирующим моделям языка, система понимается как устройство, порождающее текст. Поэтому, в отличие от многих предшествующих лингвистических теорий, современная лингвистика рассматривает систему и текст как взаимосвязанные величины, по каждой из которых можно сделать некоторые предсказания относительно другой. Следовательно, если реконструируется система, то соответственно должна существовать возможность реконструкции текста (даже при отсутствии тех условий, о которых речь идет ниже).

1.2. Остальные трудности реконструкции текста, отмеченные в начале доклада, вызываются причинами исторического (пространственно-временного) характера, которые в наименьшей степени сказались применительно к славянским языкам (по сравнению с большинством других индоевропейских языков). В частности, вторая из этих трудностей сопряжена с относительной хронологией языкового развития. В этом отношении положение в славянских языках особенно благоприятное, так как в большей части случаев переход от текстов на исторически засвидетельствованных (в письменных памятниках) славянских языках к соответствующим позднепраславянским фонологическим прототипам можно представить как чисто формальное пофонемное перекодирование (перешифровку); случаи, где перекодируются группы фонем (сочетания типа **ort-*, **tort-*), также носят вполне единообразный характер: в этих случаях происходит либо перестановка двух фонем в пределах трех- или четырехфонемной группы, либо появление одной дополнительной фонемы. Поэтому статистически преобладают такие комбинации, которые не сокращаются (т. е. в которых не уменьшается число фонем) при переходе от позднепраславянского к отдельным языкам. Отклонения от этой нормы, подобные изменению групп с носовыми согласными, начальными *i-*, *u-*, упрощению некоторых других групп согласных и отпадению конечных согласных, все связаны с одной достаточно ясной тенденцией, характерной уже для позднепраславянского, хотя и не доведенной в нем до конца, — тенденцией к открытым слогам. Наличие этой общей тенденции облегчает восстановление предшествующего состояния, которое может быть описано путем указания ограничений, наложенных на ее проявление. Таким образом, поскольку сокращение комбинаций фонем либо отсутствует, либо подчиняется простым правилам, существенно облегчается восстановление предшествующего языкового состояния. Положение было бы намного хуже, если бы преобладали случаи с умень-

шением числа фонем по сравнению с праславянским, как это могло бы быть, если бы нам были известны только славянские языки после известных преобразований, связанных с изменением редуцированных. Следовательно, характеризуя относительное языковое время по сокращению комбинаций фонем, можно прийти к выводу, что позднепраславянский без заметных перерывов переходит в отдельные славянские языки.

В известной степени это связано и с абсолютной хронологией: самые ранние памятники (в частности, старославянские) по фонологическим, морфонологическим и отчасти морфологическим особенностям могли бы считаться текстами на одном из диалектов позднепраславянского языка. Тем не менее задача реконструкции позднепраславянского текста этим не снимается, так как такая реконструкция связана не только с этими уровнями, но и с другими (более непосредственно отражающими внеязыковое содержание текста), где обнаруживаются существенные различия между предполагаемым позднепраславянским и старославянским. Тем более обоснованной является постановка вопроса о реконструкции текста применительно к более ранним эпохам, чем позднепраславянский, который по относительной хронологии непосредственно предшествует отдельным исторически засвидетельствованным языкам (и совпадает с основной массой явлений, охватываемых тенденцией к открытым слогам). Из сказанного следует, что наиболее надежным может быть восстановление фонологического облика позднепраславянского текста; восстановление текста на других уровнях желательнее было бы приурочить к той же эпохе. Хронологическое совмещение разных восстановленных уровней не всегда легко осуществимо, но можно думать, что оно более реально применительно к тому же позднепраславянскому, тогда как по отношению к более ранним эпохам вероятность совмещения элементов текста может уменьшиться.

1.3. Что касается третьей из указанных в начале трудностей, то она применительно к славянским языкам столь же мало заметна, как и в применении к романским. Хотя и нельзя полностью отрицать наличие явлений, объясняемых существованием языкового союза в славянской языковой области (как и в любой другой связанной области, где родственные диалекты находятся в контакте на протяжении длительного времени), тем не менее при реконструкции позднепраславянского текста можно пренебречь большинством диалектных различий — за исключением тех, которые могли использоваться для увеличения гибкости языка в стилистических целях. Поскольку происхождение славянских языков из диалектов одного праславянского не вызывает сомнений, оказывается оправданной задача реконструкции реального праславянского текста (в отличие от условной записи морфонологических соответствий применительно к индоевропейскому).

Имеются в виду такие тексты, которые могли быть составлены на позднеславянском языке в то время, когда его носители в основном составляли компактный коллектив, в пределах которого эти тексты могли циркулировать. По-видимому, это можно приурочить к периоду, когда значительные массы славянского населения еще не порвали связей с основным коллективом, находившимся к северу от Дуная. Подобные соображения, как и другие, более косвенные данные (хронология ранних государственных образований, например, великоморавской державы, сведения о контактах с аварами, о первых следах христианской проповеди, о распространении некоторых датируемых культурно-исторических заимствований и т. п.), позволяют предположительно отнести этот период к VI—VIII вв.

1.4. Последняя из отмеченных трудностей, препятствующих восстановлению текста, т. е. перерыв в культурно-исторической традиции, применительно к славянскому материалу реально могла бы возникнуть прежде всего в связи с принятием христианства (так как новое мировоззрение нетерпимо относилось к следам прежнего, отраженного в неофициальной устной традиции). Эта трудность и заставляет почти отказаться от привлечения ранних письменных текстов (в особенности переводных) при реконструкции тех уровней, которые наиболее непосредственно связаны с внеязыковым содержанием, и избрать круг текстов (главным образом, устных), где влияние христианства либо сказывается в ослабленном виде, либо сводится к переводу элементов дохристианской языческой системы в соответствующие христианские. Вместе с тем именно здесь особенно полезными оказываются типологические сопоставления. Такой подбор источников, естественно, делает проблематичным хронологическое совмещение реконструируемых на их основании уровней с низшими уровнями (собственно языковыми в узком смысле слова), восстанавливаемыми путем сравнения данных, содержащихся в ранних письменных текстах. Но вместе с тем именно эта сторона реконструкции особенно существенна, так как она открывает путь к восстановлению некоторых фрагментов культурной жизни праславян и потому может представить интерес для славяноведения в целом.

1.5. Для славянского языкознания (в соответствии с уже указанным пониманием соотношения между системой и текстом) задача реконструкции процесса порождения текста особенно интересна, так как решение этой задачи позволило бы изучить отношения между разными уровнями в системе и в тексте одновременно. Такое изучение может производиться двумя путями. Можно пытаться построить синтезирующую модель, которая порождала бы тексты, начиная с высших уровней и кончая низшими; такой идеальный автомат моделировал бы деятельность реального человека (например, сказителя), который заданное внеязыковое содержание последовательно преобразовывал бы

в цепочки символов все более и более низких уровней (кончая фонемами и фонологическими дифференциальными признаками позднеславянского языка). Соответствующее анализирующее описание (которое по практическим причинам выбрано в настоящем докладе) может пониматься как обратное по отношению к синтезирующему, т. е. каждая последовательность единиц низшего уровня на следующем (более высоком) уровне рассматривается как одна единица: например, последовательность фонем рассматривается как один морф. Для того чтобы описывать каждый из этих уровней в данной анализирующей модели, необходимо ввести символическую запись для единиц каждого уровня.

2.1. Для записи реконструируемого текста на низшем (фонологическом) уровне вводятся символы двух родов. Символы первого рода обозначают фонологические различительные признаки: V (гласность), C (согласность), Cp (компактность), G (периферийность), Ct (непрерывность), N (назальность), Vc (звонкость), S (мягкость), а также их наличие (+) или отсутствие (—). Символы второго рода обозначают такие фонологические единицы, каждая из которых может быть представлена в виде набора различительных признаков: например, символ второго рода ϵ (для периода, предшествовавшего переходу в α открытое) обозначает единицу, которая может быть представлена в виде набора символов первого рода: (V+, C—, Cp—, G—). Поэтому символы второго рода можно было бы понимать как сокращенные обозначения тех наборов символов первого рода, которые регулярно повторяются в фонологических текстах (морфах). К числу символов второго рода относятся: *a, ё, o, e, u, i, y, p, b, t, d, k, g, s, z, š, ž, č, ц, x, m, n, l, r*; эти символы являются обобщенными, т. е. некоторые из них могут соответствовать не одной, а двум, или более фонемам позднеславянского языка, которые могут быть объединены в более крупные фонологические единицы на основании соображений фонологического и морфонологического характера. Кроме того, для описания просодических явлений вводятся следующие символы: — (долгота), ~ (отсутствие долготы, т. е. краткость), ' (наличие тона); эти символы также являются обобщенными, так как некоторые из них (в частности, последний) могут соответствовать не одной, а двум просодам позднеславянского языка.

Для описания дистрибуции используются символы: $\neg$ (запрет), $\exists$ (существование), $\&$ (следование в тексте), $\vee$ (выбор одного из двух элементов системы), $\#$ (пробел). Правила распределения символов первого рода для позднеславянского записываются следующим образом:

$$(1) \neg (\# \vee (V+)) \& (V+, C-, Cp-)$$

(читается следующим образом: запрещается следование некомпактного гласного за гласным или пробелом)

$$(2a) \quad \neg (V-, C+, G+, Cp+) \& (V+, C-, G-)$$
$$(2b) \quad \neg (V-, C+, G-, Cp+) \& (V+, C-, G+)$$

(читается: запрещается следование за компактным согласным такого гласного, который отличается от предшествующего согласного по значению признака периферийности).

$$(3) \quad \exists (V-, C+, Ct+) \& ((V-, C+, Ct-) \vee (V-, C+, Cp+, G+, Ct+)) \& (V-, C+, N+) \& (V+, C+) \& (V+, C-)$$

(читается: существует следование: I — непрерывный согласный, II — прерывный согласный или *x*, III — носовой согласный, IV — плавный, V — гласный).

Третье правило используется с применением некоторых частных ограничений:

$$(3a) \quad \neg (V-, C+, Ct+, Vc+) \& (V-, C+, Ct-, Vc-)$$
$$(3b) \quad \neg (V-, C+, Ct+, Vc-) \& (V-, C+, Ct-, Vc+)$$

(читается: запрещается следование за непрерывным согласным такого прерывного согласного, который отличается от предшествующего согласного по значению признака звонкости),

$$(3c) \quad \neg (V-, C+, Ct+, Cp+) \& (V-, C+, Ct-)$$

(читается: запрещается следование за компактным непрерывным согласным прерывного согласного).

В формуле (3) любой из первых четырех элементов (I—IV, см. чтение формулы) может отсутствовать, т. е. она представляет собой идеальную модель возможных сочетаний согласных в пределах слога. Пятый элемент (V в указанном выше чтении формулы) всегда присутствует и практически всегда замыкает слог (когда в этой позиции выступает *r* или *l*, то функционирование в качестве гласного обозначается посредством *r* и *l*). Поэтому фонологическая структура позднеславянского текста может быть описана отчасти на основании типологических сопоставлений с другими языками с открытыми слогами, как полинезийские, японский и т. п.

2.2. Изучение таких элементов фонологической системы, как просодемы и структура слога, существенно для выяснения того, какие системы стихосложения возможны при наличии этих фонологических явлений. С другой стороны, знание системы стихосложения и некоторых конкретных типов ее реализации (определенных размеров, строфики и т. п.) дает возможность делать заключения о просодической и силлабической структуре фонологических текстов больших, чем слог. Для праславянского (по крайней мере, для позднеславянского) с точки зрения системы стихосложения характерно прежде всего наличие противопоставления долготы (—) и краткости (○). Что касается

праславянских интонаций (объединяемых в нашей записи — в тех случаях, когда речь идет об интонации ударных слогов — знаком ударения '), то для праславянского нельзя восстановить такую систему стихосложения, которая основывалась бы на закономерном чередовании интонаций разных типов (как во вьетнамском стихе). Более того, если судить по тому, что нам известно о разных видах стиха у славян в исторический период, для доисторического периода можно восстановить только такую систему стихосложения, которая основана на счете слогов и на закономерном чередовании долгих и кратких слогов. Тенденцию к аналогичному ритму, основанному на чередовании долгих и кратких слогов, можно предположить и для нестихотворных текстов (ср. такие процессы, охватывающие разные периоды, как диссимилятивное сокращение долгот типа словацкого, сокращение конечных долгот и т. п.). Ударение в позднепраславянских словоформах является свободным, т. е. может стоять на любом слоге, причем для подавляющего большинства словоформ может быть восстановлено место ударения на основании известных данных живых языков. В парадигмах с одинаковым ударением акцентуация не служит для различения словоформ одного слова, что свидетельствует о некотором ограничении функциональной нагрузки ударения. Относительное ограничение собственно-фонологической функции ударения могло способствовать его стилистическому использованию, в частности, в славянском фольклоре. Показательно, что в языках, сохранивших свободное ударение (русском, болгарском, чакавских говорах сербо-хорватского), стилистическое обыгрывание акцентуационных вариантов (дублетов) одного и того же слова особенно широко распространено в народной поэзии, вплоть до ее новейших ответвлений. Поэтому есть основания предполагать, что для позднепраславянского стихосложения ударение могло быть избыточным (или факультативным) элементом. Более существенным могло быть не столько само место ударения, сколько то, что ударение объединяло целые группы слогов (включая проклитики и энклитики). Место цезуры в известных славянских народных размерах (и их реконструированных прототипах) отражает в преобразованном виде членение текста на такие многосложные группы, которые в то же время можно рассматривать и как элементарные синтаксические единства (во всяком случае, в большинстве примеров).

2. 2. 1. В настоящее время имеются достаточные основания утверждать, что сходные или почти совпадающие размеры в разных славянских (южной, с одной стороны, западной и восточной, с другой) поэтических традициях (которые не являются заимствованиями исторического времени) восходят к праславянским прототипам, и что, таким образом, у праславян существовало стихосложение (см. в особенности работы Р. О. Якобсона, на которых основано излагаемое ниже). Основным источником

для реконструкции праславянского стиха является народная поэзия, менее подверженная иноязычным влияниям: благодаря своей консервативности она сохраняет не только означающую сторону стиха (формальную метрическую схему), но и означаемую сторону (приурочение формальной схемы к определенному жанру). Те нововведения, которые обнаруживаются в отдельных поэтических традициях, часто легко объясняются как следствия преобразования праславянской схемы, вызванного изменением в фонологических системах отдельных славянских языков. В преобразованном виде размеры, восходящие к праславянским, могут сохраняться и в литературных традициях, свидетельством чему служат отдельные сочинения таких поэтов, как Ян Кохановский, Пушкин, Мицкевич и другие. Примером поэтической интуиции, позволяющей проникнуть в закономерности русского (и шире — славянского) народного стиха, могут быть некоторые опыты Пушкина, в которых можно усмотреть предчувствие близости русского и сербско-хорватского эпического стиха. Показательно, что в настоящее время наиболее достоверные реконструкции праславянского эпического стиха основываются именно на сравнении двух этих традиций.

2.2.2. В частности, таким образом восстанавливается праславянский десятисложный стих. Его основные характеристики таковы: 1) в строке десять слогов; 2) после четвертого слога обязательна цезура; 3) количественные отношения последних трех слогов упорядочены таким образом, что девятый слог всегда долгий, предшествующий ему восьмой слог всегда краткий, а последний (десятый) слог безразличен к долготе и краткости. Что же касается количественных отношений в начале строки и распределения ударений в строке, то они подчинены только статистическим закономерностям. Следовательно, вводя (помимо обязательных ранее символов) знак $\times$ для обозначения слога, знак $|$ для цезуры, знак $||$ для конца строки, схему праславянского десятисложника можно записать следующим образом:

$$1) \quad \times \times \times \times | \times \times \times \overset{\sim}{\times} \overline{\times} \overset{\sim}{\times} ||$$

Одним из отражений этого праславянского метрического типа является сербско-хорватский десятисложник («десетерац») типа:

Ўранила | Кѡсѡвка дѣвѡјка, ||
 Уранила | рѡно у нѣдѣљу, ||
 У нѣдѣљу | прије_јѡрка сунца, ||
 Засѹкала | бй_јелѣ рукаве, || ...

В сербско-хорватском «десетераце» сохраняются первые две характеристики праславянского десятисложника, а третья характеристика проявляется в том, что ударный и безударный долгий крайне редко встречаются в 8-м и 7-м слогах. Кроме того, специфическое развитие сербско-хорватской просодической

системы, обусловившее безударность конечных слогов, привело к тому, что перед цезурой и перед концом строки два последних слога (соответственно 3-й и 4-й, 9-й и 10-й) принадлежат к одной словесной группе. Помимо указанных метрических ограничений, в сербско-хорватском «десетераце» обязательно то, что внутри строки хотя бы одна граница каждой словесной группы должна предшествовать нечетному слогу. Из статистических тенденций сербско-хорватского «десетераца» особенно существенны, во-первых, хореическая, сказывающаяся в безударности четных слогов, во-вторых, меньшая ударность 3-го и 7-го слогов по сравнению соответственно с 1-м и 5-м, 5-м и 9-м, в третьих, наличие трех фразовых ударений (из которых одно предшествует цезуре, а два других следуют за ней), в-четвертых, преимущественное тяготение к открытым слогам в конце строки.

Соответствующие русские метрические типы представлены тремя разновидностями стиха былин, описанными Н. С. Трубецким и Р. О. Якобсоном.

2) ×× ×× ×××× ×××

Как во-сто́льном го́роде во Кіеве

А у-сла́вна кня́зя Володи́мера

3) ×× ××× ×××× ×××

Как во-сто́льном во го́роде во Кіеве

А у-ла́скова кня́зя Володи́мера

4) ×× ×××× ×××× ×××

Как во-сто́льном было го́роде во Кіеве

А у-ла́скова у кня́зя Володи́мера

Для этих трех разновидностей былинного стиха общими являются следующие характеристики: 1) дактилическая клаузула, всегда отделенная тремя безударными слогами от обязательного ударения на 7-м слоге, считая с конца; 2) двусложная анакруза, предшествующая обязательному ударению на 3-м слоге, считая с начала. Количество слогов между 3-м слогом, считая с начала, и 7-м слогом, считая с конца, не меньше одного слога, причем один из этих слогов всегда принадлежит в качестве безударного к той же словесной группе, что и предшествующий ударный 3-й слог с начала. Типы (2) и (4) характеризуются закономерным хореическим чередованием ударений в отличие от типа (3), который можно записать в виде 2'2'3'2 (из этой записи видно, что вторая двусложная группа, разрушающая хореический метр, могла возникнуть по аналогии с двусложной анакрузой и двусложной безударной группой в конце строки). Продуктивность типа (3) может служить косвенным аргументом, говорящим в пользу гипотезы о его вторичном происхождении. В былинах особых жанров (в частности, связанных со скоморохами) встречаются формы былинного десятисложного

стиха, которые сходны с типом (2), но отличаются от него женским, а не дактилическим окончанием. Хореический размер особенно явно выступает в тех местах этих былин, где для его соблюдения вставляются многочисленные паразитические словечки:

А ко той вдове да ко Нениле...
Говорил да тот да ведь крестьянин...
Он привез ведь тут да свою матерь...

5) $\times \times \dot{\times} \times \dot{\times} \times \times \times \dot{\times} \times$

Именно последняя разновидность (5) былинного стиха особенно удобна для сравнения с сербско-хорватским «десетерацем» (хотя в этой последней разновидности нарушена закономерная для трех других типов связь 4-го слога с 3-м). Древнейший русский прототип стиха былин может быть охарактеризован следующим образом: сохраняются две первые характеристики, третья преобразуется в акцентуационную (клаузула $\times \dot{\times} \times$, позднее заменяемая дактилической $\times \dot{\times} \times \times$), четные слоги обычно безударны, 3-й и 9-й слоги обязательно ударны. В связи с обязательной ударностью 3-го слога (специфической именно для русского стиха) открываются два пути развития русского стиха былин: либо устраняется цезура при сохранении хореического десятисложного метра (тип 5), либо сохраняется цезура при изменении числа слогов (тип 3).

Различные отражения того же праславянского десятисложного размера (с различными ограничениями и нововведениями) обнаруживаются и в других славянских — южных, западных и восточных — поэтических традициях. В частности, аналогию с преобразованными русскими формами этого размера можно видеть в тех южнославянских (в частности, болгарских) метрических типах, которые (как и русские) основаны не на противопоставлении долготы краткости, а на различии ударности — неударности; таким образом, типология славянских просодических систем может быть распространена и на системы стихосложения. С другой стороны, преобразование праславянской клаузулы в русское дактилическое окончание, которое может выступать и как рифмоид, можно сравнить с такими преобразованиями той же клаузулы в западнославянском стихе, где прежние соотношения по долготе — краткости частично заменяются рифмовкой. В тех славянских поэтических традициях, где сохранились древние жанровые различия, десятисложник выступает в качестве эпического стиха (в частности, у восточных и южных славян); там же, где древние жанры преобразовались, десятисложник употребляется в тех жанрах, которые ближе всего к древнему эпическому (у западных славян).

2.2.3. К праславянским стихотворным размерам, видимо, можно отнести и двенадцатисложный стих, обнаруживающий тесную связь с десятисложным. В десятисложном стихе помимо

рассмотренной выше основной схемы 4+6, характерной для эпического стиха, встречается (преимущественно в лирической поэзии) и схема 5+5, где строка делится цезурой пополам; такое же двойное членение (4+4+4 и 6+6) имеется и в двенадцатисложнике:

6) ×××× | ×××× | ×××× ||

7) ×××××× | ×××××× ||

При членении типа (6) первая группа (до цезуры) сходна с первой группой в основной схеме (1) десятисложника; при членении типа (7) вторая группа (после цезуры) сходна со второй группой в основной схеме (1) десятисложника.

Так же как и основная схема десятисложного стиха, двенадцатисложник типа (6) лучше всего сохранился в двух изолированных областях, не сообщавшихся непосредственно друг с другом: в сербско-хорватской и северно-русской, что делает реконструкцию этих размеров особенно надежной с точки зрения лингвистической географии. Преобразование исходного праславянского типа двенадцатисложника в те формы, которые в сербско-хорватском и русском используются как стих причитаний, в общем соответствует тем же закономерностям, которые отмечались выше применительно к десятисложнику. В частности, в русских причитаниях типа

Ука́тилося | вели́кое | желáньице, ||

Оно в во́душки | желáнье, | во глубóкие, ||

наблюдается обязательность ударения на 3-м слоге, считая с начала, введение дактилической клаузулы и двусложной анакрузы и преобразование границ средней группы, сравнимое с аналогичными чертами в русском стихе былин. Характерно, что тринадцатисложный стих былин типа (4) можно рассматривать не только как расширенный вариант десятисложника, но и как закономерное развитие двенадцатисложника. Чередование десятисложных строк с двенадцатисложными в пределах одного сочинения отмечается в сербско-хорватском стихе, а также в других славянских поэтических традициях (восточных, западных и южных), где наличие десятисложного стиха обычно предполагает и наличие двенадцатисложного. Древность двенадцатисложника подтверждается и другими, более косвенными данными, в частности, наличием соответствующих музыкальных ладов (польский краковяк). Двенадцатисложный стих использовался не только в эпосе и в таких специфических жанрах, как причитания, но и в номологических и подобных им высказываниях, например, в поговорках (ср. аналогичное употребление греческого паронимического стиха, сопоставляемого со славянским десятисложником).

2.2.4. Реконструируемый праславянский восьмисложный стих, представлен, как и предыдущие размеры, в двух вариан-

тах: 5 + 3 и 4 + 4, представленных во всех основных славянских поэтических традициях:

8) $\times \times \times \times \times \mid \times \times \times \parallel$

9) $\times \times \times \times \mid \times \times \times \times \parallel$

Восьмисложный стих типа (9) можно рассматривать как сокращенный вариант типа (6); параллелизм этих двух типов подчеркивается тем, что они выступают в качестве двух форм плачей (или причитаний) как в сербско-хорватской поэтической традиции, так и в северно-русской. Восьмисложник типа (8) встречается в качестве стиха исторических песен, и в этом смысле противопоставлен эпическому десятисложнику (ср. аналогичное противопоставление стиха исторических песен и эпического стиха в кельтской, германской и других индоевропейских поэтических традициях).

2.2.5. Помимо указанных типов стиха, к праславянским прототипам можно возвести еще целый ряд размеров как с еще меньшим числом слогов (например, семисложник со схемой 4 + 3), так и с большим числом слогов (тринадцатисложник со схемой 4 + 4 + 5 и четырнадцатисложник со схемой 4 + 4 + 6). Однако применительно к размерам с числом слогов, большим, чем 12, надежна скорее не реконструкция данного праславянского размера, а тех схем отдельных многосложных групп (из четырех, пяти и шести слогов), путем монтирования которых могли получаться тринадцати- и четырнадцатисложные строки. В качестве аналогии из позднейших славянских поэтических традиций можно указать на то, что в русских народных песнях (например, записанных Р. Джемсом) используются 6-сложные строки типа $\times \times \times \times \times \times$, $\times \times \times \times \times \times$, каждая из которых может рассматриваться как составной элемент стиха русских былин или причитаний.

Рассмотрение этого вопроса приводит от исследования структуры отдельных строк к анализу организации всего текста в целом, о чем речь будет идти ниже.

2.3. Для записи реконструируемого текста на морфологическом уровне вводятся символы четырех родов. Символы первого рода обозначают разные классы морфем в зависимости от их функции и позиции в словоформе: R (корень), Q (основа), P (префикс), S (суффикс). Символы второго рода обозначают различные граммы: Ч (число), Р (род), П (падеж), Ст (степень сравнения), Л (лицо), В (время), Н (наклонение). Символы третьего рода обозначают различные значения, которые принимают граммы: Е (единственное), Дв (двойственное), Мно (множественное), М (мужской), Ж (женский), С (средний), И (именительный), В (винительный), Рд (родительный), Д (дательный), Т (творительный), Лк (местный), Зв (звательность), Пл (положительная), Срв (сравнительная), Прв (превосходная), 1 (первое),

2 (второе), 3 (третье), Нст (настоящее), А (аорист), Ипф (имперфект), Из (изъявительное), Имп (повелительное). Символы четвертого рода обозначают классы слов, различающиеся наборами граммем, выражаемых в пределах словоформы: N (имя), Adj (прилагательное), V (глагол), Adv (наречие), Pfn (личное местоимение). Вводится также символ W (словоформа) и V (квантор общности). Правила употребления символов второго, третьего и четвертого родов записываются следующим образом:

$$1) (V(NW)) \exists ((EЧ) \vee (ДвЧ) \vee (МнЧ)) \& ((MP) \vee (ЖР) \vee (CP)) \& (((ИП) \vee (ВП) \vee (РдП) \vee (ДП) \vee (ТП) \vee (ЛкП)) \vee Зв)$$

(читается: для всякой именной словоформы существует одновременный выбор одного из трех значений граммемы числа, одного из трех значений граммемы рода и либо из шести значений граммемы падежа, либо звательности). Правило (1) используется с некоторыми ограничениями, такими, как:

$$(1a) (V(NW(CP))) \neg (ИП) \vee (ВП)$$

(читается: для всякой именной словоформы, в которой граммама рода принимает значение среднего рода, отсутствует выбор между значениями именительного и винительного падежей)

$$(1b) (V(NW(ДвЧ))) \neg (ИП) \vee (ВП) \\ (V(NW(ДвЧ))) \neg (ДП) \vee (ТП) \\ (V(NW(ДвЧ))) \neg (ЛкП) \vee (РдП)$$

(читается: для всякой именной словоформы, в которой граммама числа принимает значение двойственного числа, отсутствует выбор между значениями именительного и винительного, дательного и творительного, местного и родительного падежей соответственно)

$$(1c) (V(NW(ДвЧ))) \neg П \vee Зв \\ (V(NW(МнЧ))) \neg П \vee Зв$$

(читается: выбор между грамматическими значениями падежа и звательностью имеет место если и только если в данной именной словоформе граммама числа принимает значение единственного числа)

$$(1d) (V(NW(Adj))) \exists (Пл Ст) \vee (Срв Ст) \vee (Прв Ст)$$

(читается: в каждой словоформе прилагательного имеет место выбор одной из трех степеней сравнения).

$$(2) (V(V_L W)) \exists ((E Ч) \vee (Дв Ч) \vee (Мн Ч)) \& ((1 Л) \vee (2Л) \vee (3Л)) \& ((Нст В) \vee (АВ) \vee (Ипф В)) \& ((Из Н) \vee (Имп Н))$$

(читается: для всякой личной глагольной словоформы существует одновременный выбор одного из трех значений граммемы

числа, одного из трех значений граммы лица, одного из трех значений граммы времени и одного из двух значений граммы наклонения)

Правило (2) используется с ограничениями, такими, как

$$(2a) (\forall (VW \text{ (Имп Н)}) \neg ((\text{Нст В}) \vee (\text{АВ}) \vee (\text{Ипф В})))$$

(для всякой глагольной словоформы, в которой грамма наклонения принимает значение повелительного, существует одновременный выбор только между значениями грамм числа и лица).

$$(3) (\forall (Prn W)) \exists ((\text{ЕЧ}) \vee (\text{ДвЧ}) \vee (\text{МнЧ})) \& \\ ((1 \text{ Л}) \vee (2 \text{ Л})) \& ((\text{ИП}) \vee (\text{ВП}) \vee (\text{РдП}) \vee \\ (\text{ДП}) \vee (\text{ТП}) \vee (\text{ЛкП}))$$

(читается: для всякой словоформы личного местоимения существует одновременный выбор одного из трех значений граммы числа, одного из первых двух значений граммы лица и одного из шести значений граммы падежа).

Правило (3) используется с ограничением (3a), аналогичным ограничению (1b) и получаемому из него путем преобразования $NW \rightarrow Prn W$

$$(4) (\forall (AdvW)) \neg Ч \& Р \& П \& Л \& В \& Н$$

(в наречных словоформах отсутствуют перечисленные выше граммы).

Правила употребления символов первого рода записываются следующим образом:

$$(5) \exists Р \& R \& S$$

(читается: существует следование корня за префиксом и суффикса за корнем).

В правиле (5) допускается возможность циклического обращения к каждому из его составных частей (например, при циклическом обращении к R образуются сложные слова). В пределах этой общей схемы словоформы именные словоформы отличаются от глагольных преимущественным использованием последовательностей суффиксов, а не префиксов. Префиксы выражают только деривационные значения; суффиксы, занимающие конечное положение в словоформе, выражают значения, обозначаемые символами третьего рода, тогда как остальные суффиксы преимущественно используются для выражения деривационных значений. Словоформы личных местоимений характеризуются отсутствием префиксов и суффиксов, выражающих деривационные значения.

В максимально полной схеме словоформы

$$P_1 (+ P_2) + Q_1 (+ Q_2) + S_1 (+ S_2 + \dots) + S_n$$

обычно с наибольшей отчетливостью реконструируется последний конечный суффикс (ср. наибольшую достоверность реконструкции конечного гласного в открытом слоге). Что же касается других морфем, то в случае их идиоматического сочетания восстановление всего слова осуществляется с большой достоверностью, в других же случаях можно только оценивать вероятность тех или иных комбинаций морфем применительно к словообразованию. Реконструкции общего облика слова помогает то, что известна общая схема слога, часто совпадающего с морфемой. Переход от последовательности морфем к последовательности фонем определяется морфонологическими правилами (выбор ступени огласовки, чередования согласных фонем, распределение ударений и т. п.).

2.4. Для записи реконструируемого текста на синтаксическом уровне кроме символов второго, третьего и четвертого родов, введенных для морфологической записи, используется символ S (существительное), Ppr (предлог), $V_{св}$ (связка), Y (простое предложение), $\subset$ (импликация). Строение простого предложения описывается следующими правилами:

$$(1) Y \rightarrow N_{И} \& V$$

(простое предложение может разворачиваться в группу имени в именительном падеже и группу глагола; иначе: символ, обозначающий простое предложение, может быть переписан в символы, обозначающие сочетание группы имени в именительном падеже и группы глагола).

$$(2) N_{И} \rightarrow S_{И} \vee Prn_{И} \vee Adj_{И} \vee 0$$

(группа имени в именительном падеже может разворачиваться либо в существительное в именительном падеже, либо в личное местоимение в именительном падеже, либо в прилагательное в именительном падеже, либо может отсутствовать — 0)

$$(3) V \rightarrow V_{Лсв} \vee V_{св} \vee 0$$

(группа глагола может разворачиваться либо в личный глагол — несвязку, либо в группу глагола-связки, либо может отсутствовать)

$$(4) V_{Лсв} \rightarrow V_{Лсв} \& N_{И}$$

(группа личного глагола-несвязки может разворачиваться в личный глагол-несвязку и имя не в именительном падеже)

$$(5) V_{Лсв} \rightarrow V_{Лсв} \& (N \vee V_{л})$$

(группа личного глагола-связки может разворачиваться в личный глагол-связку и либо в имя, либо в неличную форму глагола)

$$(6) N \rightarrow (Adj \& N) \vee (N \& N) \vee (Ppr \& (N \vee Prn)) \vee (Prn)$$

(группа имени может развертываться либо в прилагательное и имя, либо в имя и имя, либо в предлог и имя или личное местоимение, либо в личное местоимение).

$$(7) V \rightarrow Adv \& V$$

(группа глагола может развертываться в глагол и наречие).

$$(8) V \rightarrow V_{\bar{L}} \& V_{\bar{L}}$$

(группа глагола может развертываться в личный глагол и неличную форму глагола).

$$(9) Adj \rightarrow Adv \& Adj$$

(группа прилагательного может развертываться в наречие и прилагательное).

Указанные правила в принципе могут применяться несколько раз и комбинироваться друг с другом путем подстановки соответствующих символов, благодаря чему из этих простых правил легко могут быть получены сложные. Дальнейшее усложнение возможных синтаксических структур получается при допущении циклов, при которых каждый из символов, входящих в правую часть правил (1)—(9), может повторяться несколько раз. Для циклов, а также для некоторых других правил, имеются количественные ограничения, относящиеся к числу возможных применений соответствующего правила в одном и том же предложении: так, в группе глагола ограничено число словоформ существительных, отличных от именительного падежа и не выступающих в качестве определения к другому существительному, при условии, что эти словоформы получены в результате циклического применения правил, т. е.

$$(10) (\exists (V \& N_{\bar{I}_1} \& N_{\bar{I}_2} \& \dots \& N_{\bar{I}_n})) \subset n < C,$$

где $C \leq 5$ при условии, что не учитываются некоторые периферийные падежи, по функции близкие к наречиям; т. е. возможна либо максимальная модель из пяти членов:

$$(10a) V \& N_{V_1} \& N_{D_2} \& N_{T_3} \& N_{L_n} \& N_{P_{D_5}},$$

либо ее варианты, получаемые путем преобразований типа

$$(10b) N_{D_2} \rightarrow N_{V_1}$$

Кроме этих количественных ограничений существуют качественные ограничения, относящиеся к возможным сочетаниям классов слов (символы четвертого рода), грамем (символы второго рода) и грамматических значений (символы третьего рода), такие, как:

$$(11a) \neg S \& Adv (= 11e. 1)$$

$$(11b. 1) \neg Adj \& Adv$$

$$(11b. 2) \neg Adj \& Prn (= 11c. 1)$$

$$(11b. 3) \neg Adj \& V (= 11d. 1)$$

(в случаях 11b.1 и 11b.3 имеется в виду только запрет использования прилагательного как определения).

(11c.1) $\neg$ Prn & Adj (= 11b.2)

(11c.2) $\neg$ Prn & Prn

(11c.3) $\neg$ Prn & Adv (= 11e.2)

(11d.1) $\neg$ V & Adj (= 11b.3)

(11d.2) $\neg$ V & V

(в случае 11d.2 имеется в виду только запрет использования двух личных форм глагола, где одна была бы определяемой, а другая — определяющей)

(11e.1) $\neg$ Adv & S (= 11a)

(11e.2) $\neg$ Adv & Prn (= 11c.3)

(11e.3) $\neg$ Adv & Prp (= 11f.1)

(11f.1) $\neg$ Prp & Adv (= 11e.3)

(11f.2) $\neg$ Prp & Prp

(в правилах 11a — 11f не учитываются сочетания, полученные при циклическом использовании правил).

Правила указанных типов позволяют описать дерево праславянского предложения без отношения к порядку элементов в реальном тексте, который можно рассматривать как проекцию этого дерева на прямую. Для описания того, как дерево проецируется на текст, необходимо иметь сведения о порядке слов. При реконструкции порядка слов следует иметь в виду, что порядок слов часто не использовался для выражения синтаксических отношений и именно поэтому представляет собой менее удобный объект для реконструкции. В текстах разных жанров и типов порядок слов может существенно преобразовываться, причем сохраняются лишь такие константы, как периферийное положение глагола (в начале или в конце предложения), положение энклитик (на втором месте в предложении или в позициях, обуславливающих энклитичность слова по правилам праславянской синтаксической акцентологии, вызывающим передвижение ударения).

На основе правил, описывающих структуру простого предложения, могут быть описаны правила построения сложных предложений, получаемых либо путем циклического соединения простых, либо путем введения некоторых подчинительных союзов, относительных местоимений и т. п. и соответствующего преобразования исходных простых предложений. В результате некоторых специфических преобразований исходные простые предложения могут превращаться в самостоятельные обороты. Как более сложные синтаксические единства по сравнению с простыми предложениями можно рассматривать и предложения, включающие звательные формы.

2.5. Описанные в предыдущем разделе (2.4) правила дают возможность строить грамматически правильные последовательности классов слов, но не описывают смысловых отношений (в том числе синтаксических) между представителями этих классов в предложении. Поэтому за одной и той же схемой, описывающей сочетание классов слов, могут скрываться конструкции, обладающие разным смыслом («конструкционная омонимия»). Для такого синтеза праславянского текста, который идет от смысла к его выражению, нужно обладать знанием разных возможных способов выражения одного и того же смысла в данном языке. Такое описание можно назвать трансформационным.

Для записи реконструируемого текста на трансформационном уровне кроме введенных ранее символов используются дополнительно следующие: $\equiv$ (знак эквивалентности в отношении смысла, сохраняемого в заданных пределах при преобразованиях), S_V (отглагольное имя существительное), N_i (имя в i -той падежной форме), Co (союз), qn (количественное слово), tr (переходность глагола); знак эквивалентности связывает слабее всех остальных логических знаков. В реконструируемых текстах выражаются следующие основные синтаксические отношения («синтаксические смыслы»), которые могут быть заданы посредством указанных эквивалентных преобразований (при чтении следует помнить, что одинаковым числом штрихов обозначены слова лексически тождественные или синонимичные).

(1) Отношение предикативности

$$N_{И} \& V \equiv N_{И} \& V_{св} \& N_{И} \equiv N_{И} \& N_{И} \equiv N_{Д} \& V_{\bar{Д}}$$

(2) Отношение объектности

(2а) Первый объект (O_1)

$$V'_{\bar{Лсв}} \& (N''_В \vee N''_{Рд} \vee N''_{Лк} \vee P_{Гр} \& (N''_В \vee N''_{Рд} \vee N''_{Лк})) \equiv S'_V \& (N''_{Рд} \vee N''_Д \vee N''_{Лк}) \equiv Ad_j' \& S'_V$$

(2в) Второй объект (O_2)

$$V'_{\bar{Лсв}} \& N''_Д \equiv S'_V \& (N''_Д \vee P_{Гр} \& (N''_{Рд} \vee N''_Д))$$

(3) Отношение направленности

$$V'_{\bar{Лсв}} \& N''_Д \vee N''_В \equiv S'_V \& N''_Д \vee N''_{Лк} (\vee P_{Гр} \& (N''_В \vee N''_Д \vee N''_{Лк} \vee N''_{Рд})) \equiv V'_{\bar{Лсв}} \& N''_{Лк} \vee N''_В (\vee P_{Гр} \& (N''_В \vee N''_Д \vee N''_{Лк} \vee N''_{Рд})) \equiv V'_{\bar{Лсв}} \vee S'_V \& Ad_V$$

(4) Отношение места

$$\begin{aligned} V'_{Л} \& (N''_{ЛК} \vee N_{ТВ}) \vee Prp \& (N_{ЛК} \vee N_B \vee N_D \vee N_{РД} \vee N_{ТВ}) \equiv \\ S'_V \& (N''_{ЛК} \vee N_{ТВ}) \vee Prp \& (N_{ЛК} \vee N_B \vee N_D \vee N_{РД} \vee N_{ТВ}) \equiv \\ V'_{Л} \vee S'_V \& Adv \equiv Adj'' + S'_V \end{aligned}$$

(5) Отношение времени

$$\begin{aligned} (V'_{Л} \vee S'_V) \& N_{РД} \vee N_B \vee N_{ТВ} \vee N_{ЛК} \vee Prp \& (N_B \vee N_{РД} \\ \vee N_D \vee N_{ТВ} \vee N_{ЛК}) \equiv (V'_{Л} \vee S'_V) \& Adv \equiv Adj'' + S'_V \end{aligned}$$

(6) Отношение сравнительности

$$\begin{aligned} Adj_{СРВ/ПРВ} \& N_{РД} \vee N_{РД} \vee N_{ТВ} \vee Prp \& (N_{РД} \vee N_{ТВ} \vee N_{ЛК}) \equiv \\ Adj_{СРВ/ПРВ} \& Co \& N_{И} \end{aligned}$$

(7) Отношение подобия

$$\begin{aligned} N' \& Adj'' \& (N'''_{Д} \vee N'''_{ЛК}) \vee Prp \& (N'''_{РД} \vee N'''_{ТВ}) \equiv V''_{Л} \& N'' \equiv \\ N' \& Co \& N''' \equiv \\ N' \& N_{ТВ} \end{aligned}$$

(8) Отношение партитивности

$$S' \& (N''_{РД} \vee N_{ЛК}) \vee Prp \& (N_{РД} \vee N_{ЛК}) \equiv Adj'' \& S'$$

(9) Отношение притяжательности

$$S' \& (N''_{РД} \vee N''_{Д} \vee N_{ЛК}) \vee Prp \& (N''_{ЛК}) \equiv Adj'' \& S'$$

(10) Отношение инструментальности

$$\begin{aligned} (V'_{Л} \& V'_{Д} \& S'_V) \& N'_{ТВ} \equiv (V'_{Л} \& V'_{Д} \& S'_V) \& Prp \& N_{ТВ} \vee N_{ЛК} \equiv \\ Co \& N \equiv \\ Adj'' \& S'_V \end{aligned}$$

(11) Отношение субъектности (эргативности)

$$\begin{aligned} N'_{И} \& V_{ЛТГ} \& N''_B \equiv N''_{И} \& V_{ЛТГ} \& N'_{ТВ} \equiv \\ S_V \& N''_{РД} \& N'_{ТВ} \end{aligned}$$

(12) Отношение атрибутивности

$$\begin{aligned} N' \& N''_{РД} \vee (Adj_{РД} \& N''_{РД}) \equiv Adj'' \& N \equiv N_i \& N_i \equiv \\ N \& N_{ЛК} \equiv N \& Prp \& (N_{ЛК} \vee N_{РД}) \equiv Adv \& Adj \equiv Adv \& V \end{aligned}$$

(13) Отношение меры (количества)

$$\begin{aligned} V_{Л} \& N_{qnB} \& N_B \equiv N \& N_{qn} \& N_{РД} \equiv N \& Prp \& \\ (N_{qnРД} \vee N_{qnТВ} \vee N_{qnЛК}) \vee (Adj_{qn} \& (N_{РД} \vee N_{ТВ} \vee N_{ЛК})) \end{aligned}$$

(14) Направленность на адресат

$$Зв' \& Y \equiv N'_{И} \& V_{Л}$$

Описанные в правилах (1) — (13) преобразования с сохранением смысла (трансформации) возможны тогда, когда им не препятствуют лексические ограничения, из-за которых при данном конкретном слове оказывается необходимым выбрать только один какой-либо способ или некоторые (но не все) способы. Иначе говоря, можно произвести разбиение всех слов по тому, как они могут участвовать в трансформациях. Указанные синтаксические отношения (и другие, им подобные) могли бы быть описаны не только посредством указанных синтаксических трансформаций сочетаний слов в пределах простого предложения, но и с помощью трансформаций, с одной стороны, переводящих сочетание слов в одно слово (например, отношения б и 9 в приведенном выше перечне могут быть выражены одним словом), с другой стороны, переводящих одно слово или сочетание слов в целое предложение (в частности, отношения места, времени, атрибутивности, направленности, в том числе цели, а также отношение причинности могут быть выражены посредством сочетания двух и более предложений, соединенных союзами). Наличие синтаксической и лексической синонимии и соответственное богатство трансформаций (гибкость) делают возможной реконструкцию не одного текста, а ряда вариантов текста, выражающего заданный смысл. Это облегчает задачу реконструкции, если она понимается как указание многих возможных вариантов текста, но вместе с тем приводит к постановке задачи выбора одного из этих вариантов по дополнительным критериям (например, ритмическим — или шире — звуковым и т. п.).

3. 1. Таким образом, возможность стилистического выбора одного из многих способов выражения создается гибкостью языка; следовательно, над перечисленными выше чисто языковыми уровнями надстраиваются такие уровни, на которых языковой материал используется и преобразуется в зависимости от задач, лежащих за пределами языка. Поскольку эти задачи могут быть существенно различными, то и тексты на стилистическом уровне будут сильно отличаться друг от друга, но при этом, во-первых, для определенного круга текстов можно говорить о едином стиле, во-вторых, на низших (собственно языковых) уровнях тексты разных стилей обладают одинаковыми характеристиками, о которых речь шла выше.

Единый стиль определенного круга текстов создается благодаря наличию правил выбора и комбинации таких элементов языка, которые возможны (но не обязательны) с точки зрения низших (собственно языковых) уровней. Однако, если на низших (языковых) уровнях такие элементы и комбинации элементов могут быть случайным результатом работы соответствующих лингвистических правил, то только на стилистическом уровне их подбор и использование становится в какой-то степени самодовлеющей задачей. Так, например, для стиля славянской

эпической поэзии характерна ориентация на совпадающие или сходные последовательности фонем в словах, связанных на синтаксическом и трансформационном уровнях, типа русск. *черный ворон*, с.-хорв. *црни вран*, болг. *черна врана*; русск. *белая лебедь*, с.-хорв., *бијели лабуд*, болг. *бели лебед*. Такой принцип подбора сочетаемых слов, который часто распространяется не только на отдельные словосочетания, но и на целые строки, является частным случаем по отношению к критерию выбора сочетаний слов по фонологическим (в частности, просодическим) признакам, обязательному для метрических текстов в славянской поэзии (см. выше, 2. 2). Необходимость удовлетворения этих дополнительных требований, наложенных на текст, ведет к тому, что должен быть расширен круг возможных трансформаций за счет того, что слово, не смешиваясь с другими словами того же семантического поля (локального словаря), может свободно преобразовываться в слова других семантических полей (так называемая «образность»). Направление таких смысловых преобразований, возможных в текстах данного круга, и определяет характер их стиля. Это может быть показано на примере эпитетов славянской народной поэзии.

Для записи текста на уровне эпитетов вводятся символы двух родов: числа — для кодировки предметов (например, 1 — *лебедь*, 2 — *девица*, 3 — *шатер*, 4 — *снег*, 5 — *лицо*, 6 — *письмо*, 7 — *рука*, 8 — *двор*, 9 — *очи*, 10 — *соболь*, 11 — *ворон*, 12 — *конь*, 13 — *море*, 14 — *коса*, 15 — *недруг* и т. п.; в общем случае — x , y и т. п.) и символы P с индексом для записи предикатов (например, P' 'быть белым', P'' 'быть черным' и т. п.; в общем случае — P). В таком случае можно сформулировать некоторые правила такого вида:

$$(1) (\forall (x) \exists P(x)) \& (\forall (y) \exists P(y)) \supset x \equiv y$$

(читается: если для всякого предмета x верно, что ему приписан предикат P , и для всякого предмета y верно, что ему приписан тот же предикат P , то предмет x эквивалентен предмету y ; под эквивалентностью здесь имеется в виду возможность стилистической трансформации в некотором определенном отношении).

Из этого следует

$$(2) (\forall (1) \exists P' (1)) \& (\forall (2) \exists P' (2)) \supset 1 \equiv 2$$

Последняя формула означает, что предметы 1 (*лебедь*) и 2 (*девица*) эквивалентны в некотором отношении, так как им приписан один и тот же предикат (P' 'быть белым'). Если данным предметам приписывается не один предикат, а два и более, то совпадение одного из предикатов влечет совпадение другого предиката, что в конечном счете может привести к полному отождествлению предметов и к их слиянию в один синтетический образ (*лебедь-девица* в данном примере). Предложенный

способ формального описания стиля не обязательно следует понимать диахронически, хотя в отдельных случаях реальные образы исторически могли возникать по причинам, сходным с описанным процессом. В славянской народной поэзии число так называемых постоянных эпитетов (т. е. предикатов в указанном смысле) весьма ограничено; поэтому те предметы, которым приписываются эти предикаты, могут быть описаны указанием небольшого набора соответствующих предикатов, что, в свою очередь, позволяет предсказать поведение этих предметов в тексте (в частности, их соотношения с другими предметами). Эквивалентность предметов, совпадающих по одному или более постоянным эпитетам, может быть реализована посредством метафор и сравнений (в том числе отрицательных).

3.2. Из рассмотрения элементов стиля можно сделать некоторые выводы об организации текста. Например, если известно, что в славянском эпосе

- (3) V (1) Э P' (1)
 V (2) Э P' (2)
 V (3) Э P' (3)
 V (4) Э P' (4)
 V (5) Э P' (5)
 V (6) Э P' (6)
 V (7) Э P' (7)
 V (8) Э P' (8),

то можно сделать предположение о возможности установления в тексте эквивалентности между данными предметами (1—8). Действительно, в славянском эпосе известны отдельные произведения, текст которых организован на основе установления эквивалентности между этими предметами (и другими, которым приписан тот же предикат P'). Так организован ряд текстов на славянских языках, наиболее характерным представителем которых может считаться сербско-хорватская «Хасанагиница», имеющая параллели в болгарской песне «Яна Кукавица» и в западнославянской народной поэзии. Так, в «Хасанагинице» последовательно перечисляются (или вводятся в повествование) следующие предметы, которым приписан предикат 'быть белым': снег (4), лебедь (1), шатер (3), двор (8), рука (7), письмо (6), лицо (5) (многие из этих предметов неоднократно повторяются на протяжении всего текста).

Сходный принцип организации, при котором линейно выстраиваются в тексте эквивалентные (в определенных отношениях) слова и сочетания слов, может быть выявлен и в других произведениях славянской народной поэзии. Различные приемы построения текста, описанные исследователями начиная с Миклошича вплоть до П. Г. Богатырева, могут быть все сведены

к этому одному принципу, т. е. к такому последовательному сочетанию эквивалентных частей текста, где одна часть избыточна по отношению к другой, но эта избыточность имеет стилистическую функцию. К этому сводится так называемое замедление в тех случаях, когда оно проявляется в повторении одних и тех же или синонимичных слов и выражений, повторение разных видов (простое повторение, повторение предлога, палилогия, связь этимологически родственных слов типа *век вековать* и т. п.). Особым случаем такого же рода можно считать и употребление символа, поскольку символ расшифровывается через ряд эквивалентных слов. Наконец, к этому же кругу явлений примыкает и отрицательное сравнение, поскольку оно основано в конечном счете на соотнесении предметов по какому-либо признаку.

Некоторые из названных приемов используются в качестве «общих мест», которые существуют уже заранее в готовом виде (как, например, постоянные эпитеты) в качестве штампов, из которых монтируется текст, причем каждое из таких общих мест может разрастаться благодаря описанным выше избыточным повторениям. Для реконструкции праславянского текста такие общие места могут быть опорными точками, основываясь на которых можно предсказать повторение (или перифразы) некоторых мест в том же тексте.

К числу таких элементов стиля, которые позволяют предсказать организацию текста, относится наличие соотнесенных или противопоставленных предикатов (типа $P'—P''$): 'быть белым'—'быть черным'). Предметы, характеризующиеся такими противопоставленными предикатами, также могут войти в подобное противопоставление (например, 1—11, *лебедь—ворон*). В свою очередь, это может привести к возникновению некоторых мотивов, основанных на противопоставлении (или столкновении) соответствующих предметов. Этот случай, таким образом, можно рассматривать как противоположный описанному выше установлению эквивалентности разных предметов, приводящему к их отождествлению или слиянию. Вместе с тем, здесь изучение стилистических элементов и организации текста подводит к исследованию структуры текста на следующем (более содержательном) уровне, где, в частности, рассматриваются мотивы и функции.

4.0. Реконструкция текста на уровне мотивов облегчается тем, что каждый мотив можно соотнести с одним или несколькими образами, т. е. единицами системы стиля (см. 3.1 и 3.2), которые содержат в свернутом виде возможности построения соответствующих мотивов. Мотив, следовательно, можно было бы вывести из системы аксиом и определений, если бы она была построена формально для стилистического уровня. Например, из описанных выше соотношений между предметами и предикатами следует возможность построения мотива, основанного

на противопоставлении черного ворона и белой лебеди. Из того, что данному предмету приписан определенный предикат, следует, что предмет может выступать в тексте в некоторой соответствующей функции: так, из наличия предиката 'быть черным' может быть выведена возможность употребления соответствующего предмета в функции такого, который может причинять вред; из наличия предиката 'быть белым' может быть выведена возможность употребления соответствующего предмета в функции положительного (в противоположность отрицательному, который может быть, например, черным и вредоносным). Дальнейшее уточнение функции определяется контекстом ситуации: в данном примере одушевленный предмет (в случае если ему приписан предикат 'быть белым' и тем самым возможность положительной функции) может выступать в функции такого, которому может быть причинен вред со стороны отрицательного предмета (ему приписан противоположный предикат). При отсутствии необходимого контекста функция может не реализоваться; например, наличие предиката 'быть белым' может не вести к употреблению соответствующего предмета в функции положительного или уязвимого, если в ситуации, описываемой текстом, отсутствуют противоположные отрицательные вредоносные предметы. Таким образом, в ситуационном синтаксисе функции могут играть роль, сходную с ролью валентности у слов, входящих в синтаксические сочетания. Под функцией здесь имеется в виду отношение, в котором могут находиться друг к другу некоторые предметы. Если указано не только это отношение (функция), но и сами предметы, то в таком случае возникает мотив. Одно и то же отношение (например, R_5 *причинять вред*) может связывать разные предметы, например,

$$(1) 11 R_5 1 — \text{иначе } R_5 (11, 1)$$

(читается: ворон наносит вред лебеди)

$$(2) 15 R_5 2 — \text{иначе } R_5 (15, 2)$$

(читается: недруг наносит вред девице).

Может оказаться полезным объединение в один класс таких предметов, которые в ситуациях данного типа занимают одно и то же положение по отношению к данной функции, например, 11 и 15 входят в класс α (вредоносный предмет), 1 и 2 входят в класс β (предмет, которому может быть причинен вред).

Тогда мотивы записываются формулами вида

$$(3) \alpha R \beta$$

и выражение вида (1) и (2) можно считать вариантами (алломотивами) по отношению к выражениям вида (3).

Каждый мотив можно считать единым целым (и соответственно обозначить одним символом, а именно римской цифрой).

Сочетание мотивов образует текст. Сочетание мотивов в тексте целесообразно анализировать не только линейно, но и с учетом повторяющихся мотивов, каждый из которых можно считать представителем одного и того же элемента текста. Таким образом, текст анализируется двояко: в зависимости от места мотива в линейной последовательности и в зависимости от места мотива в наборе повторяющихся элементов. Повторение мотивов на протяжении одного и того же фольклорного текста можно сравнить с отмеченным выше (см. 3. 1 и 3. 2) избыточным повторением элементов стиля; но применительно к мотивам особенно отчетливо обнаруживается значение количественных ограничений, определяющих число возможных повторов. Наличие не только количественных, но и качественных ограничений, наложенных на возможные сочетания мотивов, при относительно ограниченном числе всех мотивов, используемых в текстах этого рода, ведет к тому, что общее число всех комбинаций мотивов относительно невелико и, следовательно, можно установить некоторые единообразные схемы построения текста на этом уровне.

4. 1. Так, например, для волшебной сказки, в соответствии с работами В. Я. Проппа, можно предполагать наличие единообразной схемы, которую можно записать с помощью следующих символов: символы первого рода, обозначающие функции или отношения (R), символы второго рода, обозначающие предметы, участвующие в этих отношениях (т. е. имеющие эти функции), символы третьего рода, обозначающие начало и конец отношения и его характер, и символы четвертого рода, обозначающие связи между символами первого или второго рода. К числу символов первого рода относятся: R₁ (движение), R₂ (запрещение), R₃ (получение информации), R₄ (превращение), R₅ (причинение вреда), R₆ (обладание), R₇ (побуждение), R₈ (испытание), R₉ (борение), R₁₀ (различение). К числу символов второго рода относятся: α (наноситель вреда), β (жертва, т. е. уязвимый), γ (герой), δ (даритель), ε (волшебное средство или волшебный помощник), Δ (исходная точка), Σ (цель), Σ' (честь, слава). К символам третьего рода относится ((левая скобка, обозначающая начало отношения),) (правая скобка, обозначающая конец отношения), + (положительный характер отношения с точки зрения γ), — (отрицательный характер отношения с точки зрения γ). К символам четвертого рода относится · (точка, соединяющая различные символы первого рода или символы второго рода). Употребление символов разного рода иллюстрируется следующими примерами:

$$(1) \gamma (R_1 \Delta$$

(читается: герой начал движение из исходной точки).

$$(2) \gamma R_1 \Sigma$$

(читается: герой закончил движение, достигнув цели).

$$(3) (R_2\gamma)$$

(читается: на героя наложен запрет).

$$(4) \gamma R_2)$$

(читается: герой нарушает запрет).

$$(5) R_3 \cdot \gamma R_{10}\gamma -$$

(читается: получение информации о том, что герой отличается от ложного героя).

$$(6) \delta R_4\varepsilon$$

(читается: даритель сам превращается в волшебного помощника

$$(7) \alpha (R_5\beta$$

(читается: наноситель вреда наносит вред жертве, см. 4.0, формула 3).

$$(8) \gamma R_5) + \alpha$$

(читается: герой преодолевает последствия вреда, причиненного со стороны наносителя вреда).

$$(9) \gamma (R_6 - \varepsilon$$

(читается: герою недостает волшебного средства).

$$(10) \gamma R_6) + \varepsilon$$

(читается: герой приобретает волшебное средство).

$$(11) (R_7 \cdot \gamma (R_1\Delta$$

(читается: героя побуждают начать движение из исходной точки).

$$(12) \gamma R_7) \cdot R_1\Delta$$

(читается: герой принимает решение начать движение из исходной точки).

$$(13) \delta (R_8\gamma$$

(читается: даритель испытывает героя).

$$(14) \delta R_8) + \gamma$$

(читается: герой выдерживает испытание со стороны дарителя)

$$(15) \delta R_8) - \gamma$$

(читается: герой не выдерживает испытания со стороны дарителя).

$$(16) \gamma (R_9\alpha$$

(читается: герой начинает борьбу с носителем вреда).

$$(17) \gamma R_9 + \alpha$$

(читается: герой одерживает победу над носителем вреда).

$$(18) \gamma R_9 - \alpha$$

(читается: герой не одерживает победы над носителем вреда).

$$(19) \beta \cdot \gamma R_1 - R_5 + \alpha$$

(читается: герой-жертва спасается от преследования, т. е. движения с целью причинения вреда со стороны носителя вреда).

$$(20) \gamma - R_7 \cdot R_3 \cdot (R_8 -$$

читается: ложный герой предьявляет необоснованные притязания, т. е. каузирует получение информации о том, что у него имеется недостача).

На основе анализа распределения символов первого рода в окружении символов второго рода можно произвести объединение таких функций, как R_8 и R_9 , с одной стороны, R_3 и R_{10} — с другой стороны, в архифункции. Кроме того, на основании анализа распределения мотивов (выражений вида $\alpha R \beta$) в окружении других мотивов можно установить аксиомы вида

$$(21) \delta R_8 + \gamma \supset \gamma R_8 + \varepsilon$$

(читается: если и только если герой выдерживает испытание со стороны дарителя, то герой приобретает волшебное средство)

$$(22) \delta R_8 - \gamma \supset \gamma R_8 - \varepsilon$$

(читается: если и только если герой не выдерживает испытания со стороны дарителя, то герой не приобретает волшебного средства).

$$(23) \beta R_2 \supset \alpha (R \beta$$

(читается: если и только если жертва нарушает запрет, то носитель вреда наносит вред жертве).

$$(24) \gamma R_6 + \varepsilon \supset \gamma R_5 + \alpha$$

(читается: если и только если герой приобретает волшебное средство, то он преодолевает последствия вреда, причиненного со стороны носителя вреда)

Из аксиом (21) и (24) следует вывод:

$$(25) \delta R_8 + \gamma \supset \gamma R_5 + \alpha.$$

(читается: если и только если герой выдерживает испытание со стороны дарителя, то он преодолевает последствия вреда, причиненного со стороны носителя вреда).

Из сравнения аксиом вида (21) и (22) следует, что выбор мотива, следующего за данным, зависит от знака, непосред-

ственно предшествующего символу γ , т. е. алгоритм построения схемы волшебной сказки может работать на основании проверки соответствующего знака.

В качестве примера предлагается запись универсальной схемы волшебной сказки, где над мотивами (для удобства читателя) надписано условное чтение мотива (см. табл. 1).

Таблица 1

Универсальная схема волшебной сказки

отлучка	запрет	нарушение запрета	выведывание	выдача
$(R_1\Delta$ & $(R_2\gamma$ & $\gamma R_2)$ & $\alpha R_7 \cdot (R_3$ & $\alpha R_3) \beta$ &	чужой облик	подвох	пособничество	
$\alpha R_4\alpha - \cdot R_7 \cdot R_3 \cdot \alpha R_{10} - \alpha -$ & $\alpha (R_5 \cdot R_7 \cdot R_6\beta$ & $\beta R_3 \cdot \alpha R_{10} - \alpha -$ &	вредительство	недостача	пооредничество	
$\alpha (R_5\beta$ $\vee$ $(R_6 -$ & $R_7 \cdot (R_3 \cdot \alpha (R_5\beta$ & $(R_7 \cdot \gamma (R_1\Delta$ &	начинающееся путешествие	отправка	испытание	(выспрашивание) реакции героя
$\gamma R_7) \cdot R_1\Delta$ & $\gamma (R_1\Delta$ & $\delta (R_8\gamma$ $\vee$ $\delta R_7 \cdot (R_3\gamma$ & $\delta R_8) + \gamma \vee \delta R_8) - \gamma$ &	снабжение	перемещение	борьба	метка
$\gamma R_6) + \varepsilon$ $\vee$ $\gamma R_6) - \varepsilon$ & $\gamma R_1) +$ & $\gamma (R_9\alpha$ & $R_7 \cdot (R_3 \cdot \gamma \cdot R_{10}\gamma -$ &	победа	преодоление вреда	возвращение	погоня
$\gamma R_9) + \alpha \vee \gamma R_9) - \alpha$ & $R_5) +$ & $\gamma R_1\Delta$ & $\alpha (R_1 \cdot R_5\beta \cdot \gamma$ &	спасение	вредительство	отправка	испытание
$\beta \cdot \gamma R_1) \cdot R_5\alpha$ & $\alpha (R_5\beta \cdot \gamma$ & $\gamma (R_1\Delta$ & $\delta (R_8\gamma$ $\vee$ &	выспрашивание	реакция героя	снабжение	перемещение
$\delta R_7 \cdot (R_3\gamma$ & $\delta R_8) + \gamma$ & $\gamma R_6) + \varepsilon$ & $\gamma R_1 (+$ &	неузнанное прибытие	необоснованные притязания	задача	решение
$\delta \gamma R_1) \Sigma \cdot R_3 \cdot \gamma R_{10}\gamma -$ & $\gamma - R_7 \cdot R_3 \cdot (R_6 -$ & $(R_8\gamma$ & $\gamma R_8) +$ &	узнавание	обличение	трансфигурация	вредитель наказывается
$R_3 \cdot \gamma R_{10} - \gamma$ & $R_3 \cdot \gamma R_{10}\gamma -$ & γR_4 & $R_9) + \alpha$ &	воцарение — свадьба			
$R_6) + \Sigma$				

Универсальную схему волшебной сказки можно описать (в соответствии со сказанным выше), исходя из повторений одной и той же функции в разных частях схемы. Тогда в одну графу таблицы (см. табл. 2) заносятся все случаи употребления одной и той же функции и других символов, непосредственно с ней связанных. Из табл. 2 видно, что функции различаются по числу вхождений в схему: в частности, функции, служащие для связи между частями сказки, употребляются очень часто, в отличие от собственно сюжетных функций (R_2, R_4, R_9), которые статистически очень ограничены. Это последнее обстоятельство можно использовать для реконструкции конкретного текста: тогда как связочные функции типа $R_7 \cdot R_8, R_3 \cdot R_{10}$ могут повторяться практически неограниченное число раз, приводя к появлению циклов в схеме сказки, собственно сюжетные функции определяют индивидуальность данной сказки и подчиняют связочные функции. Если отвлечься от многочисленных повторений, отраженных в табл. 2, можно описать распределение функций в окружении других символов (см. табл. 3).

4.2. Уже начиная с синтаксического и трансформационного уровней (не говоря уже об уровнях стиля и мотивов), реконструкция текста имеет дело с элементами содержания. Однако семантическая интерпретация таких элементов в пределах самого текста оказывается затруднительной хотя бы только по хронологическим соображениям: интерпретация текста (например, волшебной сказки) может быть связана с гораздо более древними периодами, чем другие уровни реконструкции (например, обряд инициации или данный тип погребения). Отсюда возникает потребность поисков дополнительных критериев для оценки внеязыкового (и внестилистического) содержания реконструируемого текста с тем, чтобы это содержание было бы по возможности синхронным с другими реконструированными формальными элементами текста, относительно хронологии которых мы располагаем сравнительно более определенными данными. Такие критерии могут быть установлены, во-первых, на основе использования исторических (включая современные праславянские инославянские источники) и археологических сведений, во-вторых, с помощью типологических аргументов, основанных на сопоставлении с другими обществами аналогичного типа, в-третьих, благодаря опытам структурного соотнесения элементов содержания, реконструированных как на основе самих восстанавливаемых текстов, так и на основе других данных. При помощи этих различных примеров можно восстановить некоторые реалии. Но некоторые из таких реалий, хотя они и достаточно достоверны, могли не иметь большого значения в духовной жизни славян (и поэтому их роль в соответствующих текстах неизвестна). С другой стороны, иногда оказывается возможным восстановить такие тексты, относящиеся к духовной жизни, семантическое истолкование которых остается непол-

R_1	R_2 (= R_8)	R_3	R_4
$(R_1\Delta$ $(R_7 \cdot \gamma(R_1\Delta$ $\gamma R_7) \cdot R_1\Delta$ $\gamma(R_1\Delta$ $\gamma R_1) +$ $\gamma R_1)\Delta$ $\alpha(R_1 \cdot R_5\beta \cdot \gamma$ $\beta \cdot \gamma R_1) \cdot R_5\alpha$ $\gamma(R_1\Delta$ $\gamma R_1 (+$ $\gamma R_1) \Sigma$	$(R_2\gamma$ $\gamma R_2)$	$\alpha R_7 \cdot (R_3$ $\alpha R_3) \beta$ $R_7 \cdot R_3 \cdot \alpha R_{10} - \alpha -$ $\beta R_3 \cdot \alpha R_{10} - \alpha -$ $R_7 \cdot (R_3 \cdot \alpha (R_5\beta$ $\delta R_7 \cdot (R_3$ $R_7 \cdot (R_3 \cdot \gamma R_{10}\gamma -$ $\delta R_7 \cdot R_3\gamma$ $R_3 - \cdot \gamma R_{10}\gamma -$ $\gamma - R_7 \cdot R_3 \cdot (R_6 -$ $R_3 \cdot \gamma R_{10} - \gamma$ $R_3 \cdot \gamma R_{10}\gamma -$	$\alpha R_4\alpha -$ γR_4
R_5	R_6	R_7	R_8
$\alpha \cdot (R_5 \cdot R_7 \cdot R_6\beta$ $\alpha (R_5\beta$ $R_7 \cdot (R_3 \cdot \alpha (R_5\beta$ $\gamma R_5) + \alpha$ $\alpha (R_1 \cdot R_5\beta \cdot \gamma$ $\beta \cdot \gamma R_1) \cdot R_5\alpha$ $\alpha (R_5\beta \cdot \gamma$	$\alpha (R_5 \cdot R_7 \cdot R_6\beta$ $(R_6 -$ $\gamma R_6) + \varepsilon \sqrt{\gamma R_6} - \varepsilon$ $\gamma R_6 + \varepsilon$ $\gamma R_6) + \Sigma$	$\alpha R_7 \cdot (R_3$ $R_7 \cdot R_3 \cdot \alpha R_{10} - \alpha -$ $\alpha (R_5 \cdot R_7 \cdot R_6\beta$ $R_7 \cdot R_3 \cdot \alpha (R_5\beta$ $(R_7 \cdot \gamma (R_1\Delta$ $\gamma R_7) : R_1\Delta$ $\delta R_7 \cdot (R_3\gamma$ $R_7 \cdot (R_3 \cdot \gamma R_{10} \cdot \gamma -$ $\delta R_7 \cdot (R_3\gamma$ $\gamma - R_7 \cdot R_3 \cdot (R_6 -$	$\delta (R_8\gamma$ $\delta R_8) + \gamma \sqrt{\delta R_8} - \gamma$ $\delta (R_8\gamma$ $\delta R_8) + \gamma$ $(R_8\gamma$ $\gamma R_8) +$
R_9	R_{10}	$R_7 \cdot R_3$	$R_3 \cdot R_{10}$
$\gamma (R_9\alpha$ $\gamma R_9) + \alpha \sqrt{\gamma R_9} - \alpha$ $R_9) + \alpha$	$R_7 \cdot R_3 \cdot \alpha R_{10} - \alpha -$ $\beta R_3 \cdot \alpha R_{10} - \alpha -$ $R_7 \cdot (R_3 \cdot \gamma R_{10}\gamma -$ $R_3 - \cdot \gamma R_{10}\gamma -$ $R_3 \cdot \gamma R_{10} - \gamma$ $R_3 \cdot \gamma R_{10}\gamma -$	$\alpha R_7 \cdot (R_3$ $R_7 \cdot R_3 \cdot \alpha R_{10} - \alpha -$ $R_7 \cdot (R_3 \cdot \alpha (R_5\beta$ $\delta R_7 \cdot (R_3$ $R_7 \cdot (R_3 \cdot \gamma R_{10}\gamma -$ $\delta R_7 \cdot R_3\gamma$ $\gamma - R_7 \cdot R_3 \cdot (R_6 -$	$R_7 \cdot R_3 \cdot \alpha R_{10} - \alpha -$ $\beta R_3 \cdot \alpha R_{10} - \alpha -$ $R_7 \cdot R_3 \cdot \gamma R_{10}\gamma -$ $R_3 - \cdot \gamma R_{10}\gamma -$ $R_3 \cdot \gamma R_{10} - \gamma$ $R_3 \cdot \gamma R_{10}\gamma -$

Распределение функций

I	II	III	IV
γ $\beta \cdot \gamma$ a R_7	γ R_2 γ	a R_3 a β $a-$ $\gamma-$ β δ $\gamma \pm$ R_7 R_5 R_6- $R_{10} \pm$	a R_4 $a-$ γ
V	VI	VII	VIII
a R_5 a $\beta \cdot \gamma$ β γ $\beta \cdot \gamma$ R_1 R_6 R_3 R_7 R_7	a R_6 β γ ϵ R_5 Σ R_7	a R_7 $a \pm$ $\gamma \pm$ β δ $\gamma \pm$ R_5 Δ R_1 R_3 R_5 R_{10}	γ R_8 γ δ
	IX	X	
	γ R_9 a	a R_{10} $a-$ β $\gamma \pm$ γ R_3 R_7	

ным; наконец, о содержании некоторых текстов можно строить только более или менее вероятные гипотезы.

5.0. В предыдущих разделах были изложены некоторые теоретические предпосылки реконструкции и предложены способы записи применительно к различным уровням. Из предшествующего изложения должно следовать, какого рода тексты могут быть реконструированы для позднего праславянского и в какой форме предлагается записывать результаты реконструкции текстов. Ниже приводятся некоторые примеры разно-

видностей текстов, в применении к которым реконструкция наиболее оправдана: от минимальных связанных текстов (имен богов и других собственных имен) до свободных текстов, выступающих в качестве произведений устного творчества.

5.1. В качестве первого примера можно указать на некоторые реконструируемые праславянские имена богов (и других мифологических существ). Имена такого рода и ранее изучались и восстанавливались в сравнительном славянском языкознании и сравнительной мифологии, но в работах по языкознанию они рассматривались не как минимальный текст, а как отдельные слова (т. е. только как элементы языка), тогда как в исследованиях по мифологии носители этих имен изучались лишь как элементы набора мифологических представлений. Факты, накопленные в этих прежних работах, можно переосмыслить с несколько иной точки зрения, при которой на первый план выступает то, что мифологическое собственное имя — при условии, если известно место его носителя в мифологической системе — можно представить как свернутый текст мифологического содержания. Поэтому в записи на уровне мотивов такого более обширного текста, часть которого представляет это собственное имя, это последнее можно приравнивать к отдельному мотиву или даже к сочетанию нескольких мотивов. Следует оговориться, что если мифологическое содержание данного имени полностью неизвестно (т. е. известно только, что оно отлично от других имен богов, с которыми оно соотносилось), то его нельзя представить как минимальный текст (так же как нельзя представить таким образом и те нарицательные имена, относительно которых неизвестна их семантическая ценность для данного периода и для данного круга текстов).

5.1.1. Как пример несоставного имени бога можно привести название Перуна. Поскольку это имя известно в разных славянских языках (и в некоторых других, ближайше родственных) и поскольку оно не может рассматриваться как заимствование (хотя на его употребление в восточнославянском могли отразиться скандинавские влияния), имеется достаточно оснований для того, чтобы считать его праславянским, тем более что оно засвидетельствовано или содержательно описано в старых славянских источниках и в еще более древних известиях неславянских авторов о славянах.

На фонологическом уровне с помощью символов первого и второго рода данный минимальный текст может быть записан в виде матрицы, где каждая вертикальная графа озаглавлена символом второго рода, а каждая горизонтальная строка — символом первого рода (см. 2.1):

К числу заслуживающих внимания особенностей записи данного текста на фонологическом уровне относится чередование положительных и отрицательных значений признака соглас-

	<i>p</i>	<i>e</i>	<i>r</i>	<i>u</i>	<i>n</i>	<i>й</i>
V	—		+		—	+
C	+	—	+	—	+	—
Ср				—		
G	+	—		+	—	+
Ct	—		—		—	
N		—			+	
Vc	—					
S			—		—	

ности (C), отражающее простую слоговую структуру и поэтому с некоторыми изменениями характеризующее и другие праславянские тексты, а также специфическое уже лишь для данного текста единообразие значений различительных признаков, например, компактности (где только во второй вертикальной графе возможно значение $\pm$, а во всех остальных — значение —), гласности, или, наоборот, регулярное их чередование (иногда с нулевым значением данного признака, которое обозначается пробелом в нашей матрице): ср. признаки периферийности и непрерывности.

На морфологическом уровне (см. 2.3) этот текст может быть записан как $R \& S_1 \& S_2$, причем грамматическая информация, выраженная в нем, записывается как $MP \cdot EЧ$; эта информация сохраняется при всех морфологических преобразованиях данного текста (трансформация $EЧ \rightarrow MнЧ$ меняет его смысл, т. е. переводит в другой текст), сохраняющих сочетание $R \& S_1$ (где $R = per-$, $S_1 = -in-$) и преобразующих S_2 , которое может быть выбрано из морфов (*й v a v u v й т і v o т і v ё v e*) в зависимости от выбора одного из значений: $(ИП \vee ВП \vee РдП \vee ДП \vee ТП \vee ЛкП) \vee Зв$. В свою очередь выбор одного из этих значений определяется строением на синтаксическом и трансформационном уровнях более обширного текста, в состав которого включается данный: ИП выбирается при структуре, соответствующей правилу (2) на синтаксическом уровне (см. 2.4) и отношениям предикативности (1) и эргативности (11) на трансформационном уровне (см. 2.5); ВП выбирается при структуре, соответствующей правилу (10) на синтаксическом уровне и отношениям (2а) и (11) на трансформационном уровне (в других случаях ВП может выбираться и при отношениях (3), (4), (5) и (13) на трансформационном уровне, но в данном случае это

исключается из-за ограничений содержательного характера); РдП выбирается при структуре, соответствующей правилу (10) на синтаксическом уровне и отношениям (2а), (2в), (3), (6), (7), (9), (11), (12) на трансформационном уровне (отношения (4), (5), (8) и (13) исключаются); ДП выбирается при структуре, соответствующей правилу (10) на синтаксическом уровне и отношениям (1), (2а), (2в), (3), (7), (9) на трансформационном уровне (отношения (4) и (5) исключаются); ТП выбирается при структуре, соответствующей правилу (10) на синтаксическом уровне и отношениям (6), (7), (10), (11) на трансформационном уровне (отношения (4), (5) и (13) исключаются); ЛкП выбирается при структуре, соответствующей правилу (10) на синтаксическом уровне и отношениям (2а), (3), (6), (7), (9) на трансформационном уровне (отношения (4), (5), (8), (12) и (13) исключаются); Зв выбирается при организации более сложного текста на синтаксическом уровне (см. 2.4), выражающего отношение (14) на трансформационном уровне.

Для записи мотивов, сокращенным представлением которых может быть имя Перуна, вводится дополнительно символ R_{11} (отношение нахождения) и обозначения предметов 16 — *гора*, 17 — *дуб*, 18 — *гром-молния*. Тогда эти мотивы записываются следующим образом:

- (1) $\gamma R_{11} (16 \vee 17)$
- (2) $\gamma R_6 \varepsilon$ при $\varepsilon = 18$
- (3) $\gamma R_7 \cdot R_1 \varepsilon$
- (3а) $\alpha \cdot \gamma R_7 \cdot R_1 \varepsilon \cdot R_5 \beta$

Эти мотивы последовательно читаются следующим образом:

- (1) Герой мифа (=Перун) находится (обитает) на горе и/или в дубовой роще.
- (2) Герой мифа обладает волшебным средством (=громом-молнией).
- (3) Герой мифа побуждает волшебное средство к движению (насылает гром или молнию)=
- =(3а) Герой мифа, оказывающийся носителем вреда, насылает гром или молнию, причиняя тем самым вред уязвимым существам.

Эти мотивы могут быть восстановлены на основании совокупности разрозненных сведений, относящихся к славянским древностям; все детали этой реконструкции совпадают с соответствующими мотивами в балтийском мифологическом наследии, отраженном в фольклоре, который помимо этого содержит целый ряд других архаичных подробностей того же мифа. Дополнительным подтверждением правильности реконструкции является индоевропейская этимология имени Перуна, раскрывающая в его внутренней форме мотив (1), который вместе с тем для славян подтверждается и археологическими

свидетельствами (ср., в частности, результаты недавних раскопок в Новгороде на древнем капище Перуна, называемом Перынью). Уточнение места носителя этого имени в мифологической системе праславян достигается, с одной стороны, посредством сопоставления с другими индоевропейскими мифологическими системами, в частности, с литовской (где отражена и более поздняя стадия в эволюции балто-славянских представлений об этом боге), с другой стороны, благодаря определению места Перуна в такой славянской религиозной системе, которая включала нескольких богов с дифференцированными функциями. Каждый из таких богов характеризуется отношением (R_{12}) к определенной социальной группе (воины, жрецы, производители). Тем самым появляется новый источник для исследования этих социальных отношений, которые, в свою очередь, могут использоваться для уточнения места, занимаемого Перуном.

Восстановление мотивов, связанных с Перуном, позволяет сделать некоторые заключения о стилистическом уровне текстов, в которых выступает это имя. В частности, мотивы (1), с одной стороны, (2) и (3), с другой, могли трансформироваться в постоянные эпитеты, которые изображали соответствующий мотив в сокращенном виде, например, в форме сложного слова (типа «горе-живущий» = (1), «громовежец» = (2) и (3) и т. п.). Такие постоянные эпитеты отражают соответствующие предикаты.

5.1.2. Для позднепраславянского наряду с несоставными именами богов (см. 5.1.1) можно реконструировать двучленный составной тип имени бога. Восстановление такого типа имени бога можно считать вполне надежным в свете данных, относящихся к восточнославянской и западнославянской мифологии, но скудость этих данных затрудняет реконструкцию конкретных праславянских имен, относящихся к этому типу. Несмотря на то, что мы не можем реконструировать конкретный текст на всех уровнях, мы можем восстановить особенности некоторых уровней (в частности, синтаксического), которые практически не могут быть восстановлены применительно к несоставным именам (в 5.1.1. речь шла только о синтаксисе более обширного текста, включающего данный минимальный текст). Тем самым удается восстановить правила образования целого класса имен этого типа, хотя не всегда можно сказать, какие имена входили в этот тип в праславянском.

Особенности составных имен с точки зрения реконструкции текста можно пояснить некоторыми замечаниями, относящимися к именам Стрибог и Дажьбог. Сопоставление этих имен друг с другом, а также с возможными отражениями этого типа имен у балтийских славян (ср. *Zcerneboch* у Гельмгольда — *Чернобог*, быть может, противопоставлявшийся *Белбогу*), позволяет восстановить модель структуры имени бога $Q_1 + Q_2$ (см. 2.3), где $Q_2 = bogŭ$, а Q_1 определяет индивидуальную лексическую характеристику данного слова. Второй элемент (Q_2), независимо от

того, как понимается его соотношение с соответствующим иранским словом, с несомненностью может быть восстановлен для праславянского. Относительно его использования в сложных именах людей см. также ниже. Что же касается первого элемента, то его выделение в имени Стрибог, засвидетельствованном в восточнославянском, осуществляется не только путем вычитания второго элемента (Q_2), но и путем сопоставления с некоторыми другими словами, где можно предположить наличие того же первого элемента. В частности, таким словом может быть восточнославянское название стрекозы. Вопреки обычной этимологии, объясняющей второй элемент — *коза* как результат позднейшего переосмысления (из-за чего становится туманным смысл первого элемента), видимо, целесообразно предполагать старое деление *стре-коза*, где второй элемент действительно связан с обозначением соответствующего животного, а первый элемент совпадает с первым элементом в имени Стрибог. В пользу излагаемой гипотезы говорит, с одной стороны, общий славянский способ обозначения стрекозы (болг. *водно конче*, польск. *konik polny*, чеш. *koníček* и т. д.), где неизменно фигурирует животное, обладающее теми же предикатами, что и коза; с другой стороны, факты литовского языка, где название стрекозы образуется двучленным сочетанием. Вторым членом этого сочетания обозначает лошадь в разных трансформационных вариантах (*žirgis, arklys, kumelė, drigantas*; ср. выше о болгарском, польском и чешском); тогда как в сходных названиях некоторых других насекомых и птиц в качестве второго элемента употребляется название козла (*oželis, ožys*; ср. также *ožiužas* 'кузнечик'), ср. *стрекозел* у Маяковского и в современном индивидуальном словоупотреблении. В качестве первого члена в литовских названиях стрекозы используются названия нечистой силы (*laumė, velnias*); *laumžirgis* (двучленное сложное слово), *velnio arklys, velnio kumelė, velnio drigantas*. Сходным образом используется имя Перкунас в названии с аналогичной структурой *perkūno ožys* 'клевц' (букв. 'Перунов козел'), ср. также *perkūno ōželis* 'кулик' (в синонимах *dangaus oželis, dievo oželis* в качестве первого элемента используется слово со значением 'небо' или 'бог', с исторической точки зрения — 'бог неба'). На основании всех этих сопоставлений можно предположить, что первый элемент в восточно-славянском названии стрекоза совпадает с первым элементом в восточнославянском имени Стрибог.

Принимаемое в настоящее время этимологическое объяснение этого первого элемента дает возможность связать имя Стрибог с аналогичным двучленным индоевропейским названием бога **pater d̥ieus*, отраженным в древнеиндийском *dyauh pitā*, греческом *Zeus πατήρ*, латинском *Iupiter*, оскско-умбрском *Iu pater*, ср. также лувийск. *tiyaz tatiš* (хеттск. *attaš Eštanuš*). Для древнейшего периода это индоевропейское сочетание может означать

‘отец-небо’, тогда как позднее оно, видимо, получило значение ‘отец-бог’, что является точным семантическим эквивалентом восточнославянского Стрибог. Таким образом, это славянское имя оказывается сокращенной записью предиката, который, в конечном счете, мог быть связан с еще более древним мотивом; характерно в этой связи упоминание о ветрах как Стрибожьих внуках в «Слове о полку Игореве». По схеме, рассмотренной выше на примере *черные вороны — белые лебеди*, комбинация *отец-небо* может быть сопоставлена с комбинацией *мать-земля*, древность которой для славянского подтверждается фольклорными данными, в частности, употреблением обеих комбинаций вместе в заговорах (ср. также балтийские параллели). Противопоставление *отца-неба*, которому приписан предикат ‘быть сияющим’, и *матери-земли*, которой в славянском и в балтийском приписан предикат ‘быть темной, черной’ (наряду с другими предикатами: ‘быть сырой’), дает основание для реконструкции древнего индоевропейского мотива, отраженного также в «Ведах». В отличие от Перуна, который, — во всяком случае, в поздний период восточнославянского язычества — по функции R_{12} (см. 5.1.1) соотносился с социальной группой воинов, Стрибог скорее может быть соотнесен с группой жрецов.

Реконструкция мотива, скрытого в первом элементе имени Дажьбог, осуществляется на основе данных, говорящих о его связи со Сварогом, культом огня и солнца, а также благодаря возможности установления его этимологической связи со словом, означающим ‘гореть, жечь’ (к тому же корню, возможно, относится имя бога *Podaga* у балтийских славян). Если признать надежным имя сербского Дабога как повелителя земли, то в нем можно видеть отражение культа бога — покровителя урожая, чем объяснилось бы и позднейшее переосмысление имени Дажьбог как ‘дающий благо’.

Некоторые из славянских составных имен богов могут быть древними эпитетами, позднее заменившими более старое название бога. Так, имя *Triglov* у балтийских славян по существу является составным прилагательным, соответствующим сложному предикату ‘быть о трех головах’. Образование такого рода известно в других древних индоевропейских языках, где они используются и как собственные имена (др.-инд. *Tri-dhanvan*, иллирийск. *Tri-tebta*, ирландск. *Mac Tri Con*). В славянских языках старые образования этого типа немногочисленны (ср., напр., ст.-сл. *тръ-зоуькъ*, *trizь*) и обычно не используются в качестве собственных имен (ср., однако, *Осмо-мысл*). Название *Triglov*, соотносимое с соответствующим трехголовым идолом, вводит нас в круг эпических или морфологических ситуаций, где выступает либо трехголовое существо, либо одно существо в трех ипостасях (в том числе в славянских народных сказках, например, русских). Такие явления можно сравнить

с тройным циклическим повторением в эпосе и с символической ролью числа *три* (ср. символику трех богатырей, трех дорог, трех попыток и т. п.). Этот мотив тройственности выходит далеко за пределы славянского материала и имеет многочисленные индоевропейские и неиндоевропейские параллели. Таким образом, на основании данного западнославянского имени можно восстановить минимальный текст (*tri-golъŭ), отражающий архаичный мифологический мотив.

5.2.0. К составным именам богов близки составные имена людей, праславянское происхождение которых подтверждается согласным свидетельством ономастики древних славянских языков и соответствующими данными балтийских, иранских и других индоевропейских языков. В различных славянских языках засвидетельствованы многочисленные составные имена, позволяющие установить набор основных и служебных элементов, из сочетания которых строились имена по правилам, сходным для всех этих языков.

К числу основных элементов относится более 120 основ, перечисленных в табл. 4. Из этих основ — при предположении, что они могут сочетаться друг с другом в любом порядке (выступая и на первом, и на втором месте) — могло бы быть образовано около 10 500 минимальных текстов, т. е. составных собственных имен. Реально засвидетельствовано около 300 составных имен (т. е. около 3% от 10 500), из которых более 130 образовано с помощью только двух основ (№ 1 и № 2 в табл. 4, ср. табл. 5, рис. 1). В именах, где любая из двух этих основ № 1 и № 2 находится на втором месте, она может рассматриваться как грамматикализованный полуслужебный элемент, что связано и со статистическими характеристиками этих элементов. Часть этих сложных имен кроме двух основных элементов содержит служебные элементы типа *bez-, iz-, na-, ne-, o-, ob-, per-, pod-, pere-, pri-, roz-, sŭ-, u-*.

Правила построения праславянских сложных слов из элементов этих типов определяются такими общими принципами:

1) служебный элемент может занимать лишь первое место, причем он может предшествовать двучленному сочетанию основных элементов;

2) основной элемент может входить либо в трехчленное сочетание, где первый элемент — служебный, либо в двучленные сочетания;

3) основные элементы, сочетающиеся друг с другом, всегда должны быть различными (запрет редуцированных собственных имен).

Помимо этих общих принципов имелся целый ряд ограничений, наложенных на сочетания конкретных элементов, использовавшихся в отдельных языках (см. табл. 4, в которой существенно использованы результаты исследований Т. Милевского).

Номер предшествующего элемента	Основной элемент	Номер последующего элемента
1	2	3
11, 27, 48	1. <i>čest</i> 2. <i>da</i> 3. <i>mir</i>	3, 45 3, 5, 47 5
1, 2, 5, 9, 10, 11, 12, 13, 16, 18, 20, 21, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 36, 37, 39, 40, 41, 42, 46, 48, 49, 50, 51, 54, 56, 64, 71, 72, 74, 75, 77, 78, 79, 80, 85, 87, 88, 89, 91, 93, 94, 95, 97, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 110, 115	4. <i>vid</i>	5
5, 118	5. <i>slav</i>	3, 7, 9
2, 3, 4, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 15, 16, 17, 18, 19, 21, 27, 28, 29, 30, 32, 34, 35, 37, 38, 39, 42, 43, 48, 49, 50, 51, 53, 54, 56, 63, 64, 67, 68, 69, 72, 74, 81, 82, 84, 86, 87, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 97, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 115.	6. <i>bog</i>	5, 7, 9, 21, 22, 26, 37, 91, 101, 102
21, 41, 83	7. <i>dar</i>	
5, 6	8. <i>bron</i>	5, 52
5, 6, 12, 18, 20, 27, 32, 39, 42, 43, 49, 86, 90, 101, 104	9. <i>bor ber</i>	3, 5, 12, 13
	10. <i>dě</i>	3, 5, 47, 60
	11. <i>by</i>	1, 3, 5, 12, 13, 14, 21, 37, 45, 61, 62, 63.
9, 11, 16, 33, 34, 35, 37, 49, 50, 51, 53, 72, 74, 91, 96, 98, 106.	12. <i>voj</i>	3, 5, 9, 37
9, 11, 38, 86, 89, 94, 107.	13. <i>gnev</i>	3.
11	14. <i>lut</i>	
15, 43	15. <i>ję</i>	4, 5, 16
	16. <i>vold</i>	3, 5, 12
	17. <i>ča</i>	5
	18. <i>dom</i>	3, 5, 9, 52, 62, 64
	19. <i>pqt</i>	5
	20. <i>sěd(lo)</i>	3, 9, 60
6, 11	21. <i>chval.</i>	3, 5, 6.
6, 23, 24, 25, 28, 31, 32, 37, 43, 50, 90	22. <i>mil</i>	23, 24

Таблица 4 (продолжение)

Номер предшествующего элемента	Основной элемент	Номер последующего элемента
1	2	3
22	23. <i>děd</i>	22, 60
22, 72	24. <i>brat</i>	22
	25. <i>sestra</i>	22
6	26. <i>dan</i>	
	27. <i>bole</i>	1, 3, 5, 9
	28. <i>vět</i>	3, 5, 22
	29. <i>vyše</i>	3, 5
	30. <i>uně</i>	3, 5
	31. <i>pače</i>	3, 22
	32. <i>dale</i>	3, 5, 9, 22
	33. <i>jače</i>	3, 12
45	34. <i>suli</i>	3, 5, 12, 45
	35. <i>draže</i>	5, 12, 60
	36. <i>blaže</i>	3, 45
6, 11, 12, 40, 59	37. <i>těch</i>	3, 5, 11, 22, 42, 53, 76
	38. <i>dob</i>	5, 12, 76
	39. <i>sebe, sobe</i>	3, 5, 9, 91
42, 95	40. <i>dorg</i>	3
	41. <i>svoj</i>	3, 6, 42
37, 41, 49, 64, 111, 112	42. <i>mysl</i>	3, 5, 9, 40.
	43. <i>vse</i>	5, 9, 16, 22, 44, 45, 59
43	44. <i>bud</i>	
1, 11, 34, 36, 43, 48, 64	45. <i>rad</i>	34, 36
	46. <i>zna</i>	3, 47
2, 10, 46, 64, 86	47. <i>vuj</i>	
	48. <i>če</i>	1, 3, 5, 45, 64, 65
	49. <i>xotě</i>	3, 5, 9, 12
	50. <i>bud</i>	3, 5, 12, 22, 52
	51. <i>vert/vart</i>	3, 5, 12, 52
8, 18, 50, 51	52. <i>živ</i>	
37, 73, 119	53. <i>gor</i>	5, 12
	54. <i>drž</i>	3, 5, 55
54	55. <i>kraj</i>	
	56. <i>stan</i>	3, 5
56	57. <i>vlk</i>	
	58. <i>dadz</i>	6
43	59. <i>bqd</i>	37
10, 20, 23, 35, 64	60. <i>vit</i>	

Таблица 4 (продолжение)

Номер предшествующего элемента	Основной элемент	Номер последующего элемента
1	2	3
11, 86	61. <i>drug</i>	
11, 18, 70	62. <i>goj</i>	
11	63. <i>neg</i>	5
18, 48, 98, 107, 123	64. <i>gost</i>	3, 5, 42, 45, 47, 60, 76
48	65. <i>plzk</i>	60, 76
22	66. <i>xat</i>	
	67. <i>baji</i>	5
	68. <i>běl</i>	5
	69. <i>brod</i>	5
	70. <i>cěl</i>	62
	71. <i>květ</i>	3
	72. <i>des</i>	3, 5, 12, 24
	73. <i>div</i>	53
	74. <i>god</i>	3, 5, 12
	75. <i>gon</i>	3
37, 38, 64, 79	76. <i>měr</i>	
	77. <i>jad</i>	3
	78. <i>kar</i>	3
	79. <i>kaz</i>	3, 76
100	80. <i>kras</i>	3
	81. <i>kres</i>	5
	82. <i>man</i>	5
	83. <i>modl</i>	6
	84. <i>mor</i>	5
	85. <i>mqt</i>	3
	86. <i>mьst</i>	5, 9, 13, 47, 61
	87. <i>nos</i>	3, 5
	88. <i>pros</i>	3
	89. <i>rost</i>	3, 5, 13
	90. <i>rat</i>	5, 9, 22
6, 39	91. <i>sqd</i>	3, 5, 12
	92. <i>stran</i>	5
	93. <i>stroj</i>	3, 5
	94. <i>tol</i>	3, 5, 13
	95. <i>tom</i>	3, 5, 40
	96. <i>tm</i>	12
	97. <i>tvor</i>	3, 5
	98. <i>vst</i>	12, 64
	99. <i>vad</i>	5
	100. <i>věr</i>	5, 80

Таблица 4 (окончание)

Номер предшествующего элемента	Основной элемент	Номер последующего элемента
1	2	3
	101. <i>volst</i>	3, 5, 9
	102. <i>vol</i>	3, 5
	103. <i>xran</i>	3, 5
	104. <i>žel</i>	3, 5, 9, 122
	105. <i>skzb</i>	3
	106. <i>strež</i>	3, 5, 12
	107. <i>sboji</i>	3, 5, 13, 53, 64
	108. <i>trvp</i>	3, 5
	109. <i>zvbn</i>	5
	110. <i>žid</i>	3, 5
	111. <i>meč</i>	5, 42
	112. <i>svět</i>	5, 42
	113. <i>tréb</i>	3, 5, 42, 60
	114. <i>semo</i>	5, 40, 42, 45, 60
	115. <i>žit</i>	3, 5, 116
	116. <i>vrъx</i>	5
	117. <i>vod</i>	
	118. <i>sno</i>	4, 79
	119. <i>lub</i>	3, 5
	120. <i>lud</i>	3, 5, 22
	121. <i>spyt</i>	13
104	122. <i>stryj</i>	
64	123. <i>qs</i>	
	124. <i>jar</i>	5, 60, 65

На основании анализа дистрибуции элементов можно выделить их классы, соединяемые по определенным грамматическим правилам, и тем самым реконструировать некоторые типы синтаксических сочетаний. В частности, таким образом устанавливаются следующие принципы:

4) на последнем месте может стоять только имя (из класса имен в этом случае исключаются прилагательные в сравнительной степени и местоименные слова типа возвратных местоимений и кванторных слов);

5) личные формы глагола в изъявительном наклонении не могут участвовать в составных именах (к неличным формам в этом случае примыкают формы чистой основы без окончания, которые могли позднее переосмыслиться как формы повелительного наклонения);

7	9	45	1
8	8	41	1
9	7	13, 43	2
10	6	18, 48	2
11	5	1, 16, 21, 34, 42, 47, 50, 53, 60, 86, 91, 107, 114	13
12	4	10, 27, 32, 39, 49, 51, 52, 72, 76, 104, 113	11
13	3	2, 4, 15, 20, 23, 24, 28, 35, 38, 40, 54, 62, 89, 90, 94, 95, 101, 106, 115, 120	20
14	2	7, 8, 29, 30, 31, 33, 36, 46, 59, 61, 63, 79, 80, 87, 93, 97, 98, 100, 102, 103, 108, 110, 111, 112, 118, 119	26
15	1	14, 17, 19, 25, 26, 44, 55, 56, 57, 58, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 73, 74, 75, 77, 78, 81, 82, 83, 84, 85, 88, 92, 96, 99, 105, 109, 116, 121, 122	36

Таблица 5

Номер № по убыванию частоты входящих элемента в составные имена	Число n входящих	Номера элементов с данным числом входящих (по таблице 4)	Число m элементов с данным числом n входящих
1	71	5	1
2	62	3	1
3	21	12	1
4	19	9	1
5	13	6, 22	2
6	12	11, 37, 64	3

6) имя, выступающее в качестве первого элемента в двухчленном сочетании, может быть либо именной основой (*Q*), либо формой, совпадающей со словоформами дательного и местного падежа. Что касается форм именительного и винительного падежей, то они совпадают с основой, в которой затем происходят процессы переразложения.

Помимо грамматических классов, наличие которых связано с грамматическими ограничениями, наложенными на сочетание

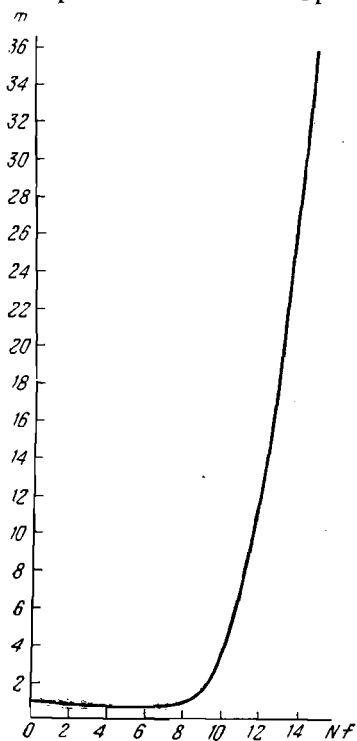

Рис. 1. Зависимость между *Nf* и *m* (по табл. 5)

элементов, можно выделить семантические классы: например, глаголы с абстрактным значением типа *dě-*, *by-*, *je-*; более конкретные характеристики отношения, которое мыслится в положительном плане, типа *xval-*, *mil-*, *rad-*, связанные с положительным отношением характеристик более конкретных качеств — обычно в форме сравнительной степени — типа *bole*, *vyše*, *suli*; сами эти качества, полезные для реконструкции морального кодекса праславянина, типа *čestь*, *slav-*, *volstь-*, *gnev-*; слова, указывающие на отношение к коллективу, типа *svoj*, *sebe*, ср. также *mir-*; имена родства — названия членов коллектива — преимущественно по мужской линии, типа *brat-*, *děd-*, *vuj-*, *stryj-*; наконец, название покровителя коллектива — *bogъ*. В отличие от других древних индоевропейских языков в качестве таких покровителей коллектива, от названий которых образуются собственные имена членов коллектива, не выступают животные (ср. в особенности показательное отсутствие собственных имен, включающих название лошади, известное антропонимике других индоевропейских языков). Отдельные изолированные случаи этого типа (название волка в южнославянских именах) лишь подчеркивают эту особенность славянских имен. Характерно также, что подавляющее число указанных семантических типов связано с положительной оценкой называемого героя (+ в записи, предложенной выше для мотивов); некоторые исключения типа *zly-*, *jače-* нуждаются в дополнительном разъяснении.

Естественно, что не все элементы этих семантических классов свободно сочетаются друг с другом; иначе говоря, имеет место ряд дополнительных семантических ограничений. При се-

мантической классификации разных элементов обнаруживается, что некоторые семантически сходные элементы связаны этимологически и потому могут быть вариантами одного и того же прототипа (например, *volst-/vold-*, *dorg-/dorgje*, *ber-/bor-*, *žir-/žit-*, *dar-/dan-/da-*); такие случаи могут быть полезны при реконструкции морфонологии и морфологии праславянского.

5.2.1. Ниже приводятся примеры реконструкции славянских собственных имен и восстанавливаемых на их основе минимальных праславянских текстов. В качестве материала для реконструкции используются те случаи, когда реконструируемое имя засвидетельствовано в древних текстах всех трёх групп славянских языков. Разумеется, это не значит, что те собственные имена, которые сохранились в двух (или даже в одной) группах не могут быть источником для реконструкции.

Вместе с тем имена, содержащие наиболее продуктивные элементы, могли быть образованы в каждой из трех групп уже после общеславянского периода. Поэтому приводимые примеры являются лишь небольшой выборкой из гораздо более обширного материала.

5.2.1.1. Как пример трехчленного собственного имени реконструируется общий праславянский источник русск. *Сдеславъ*, с.-хорв. *Здеслав*, польск. *Zdzisław*. На фонологическом уровне с помощью символов первого и второго рода данный минимальный текст может быть записан следующим образом:

	S	ǫ	d	ě	s	l	a	u	ǫ
V	-	+	-	+	-			+	
C	+	-	+	-	+				-
Cp			-				+		-
G	-	+		-				+	
Ct	+		-		+				
N			-						
Vc	-		+		-				
S						-			

На морфологическом уровне этот текст может быть записан так $P \& R_1 \& (R_2 \& S)$, где $P = s\check{y}$, $R_1 = d\check{e}$, $R_2 = slau\check{z}$, $S = \check{y}$. Всему тексту в целом приписывается грамматическая информация, содержащаяся в S и совпадающая с той, которая содержится в S_2 имени Перуна (см. 5.1.1); поэтому к данному тексту — при включении его в другие, более обширные — относится все то, что сказано в 5.1.1 о синтаксическом и трансформационном уровнях. Этот текст, состоящий из сочетания первого служебного элемента с двумя последующими основными, может рассматриваться как результат свертывания сочетания типа $*s\check{u}-d\check{e}ti\ slau\check{z}N$. Это сочетание, с одной стороны, является элементарной синтагмой ($(Adv \& V) \& N$), с другой стороны, фразеологизмом, который может быть мотивирован только с точки зрения сравнения с другими индоевропейскими языками, ср., в частности, др.-инд. *sam-dhā* — в значении 'достигать, добывать' и др.-инд. *dha- + śravaḥ* 'добывать славу' («Ригведа», 40, 4; 73, 7; 91, 18; 165, 12; 415, 11; 712, 5; 778, 7); ср. также синонимичную конструкцию такого же типа в «Слове о полку Игореве»: *ищучи себѣ чти, а князю слави* и т. п. В результате сравнительного анализа можно установить, что в сочетании $*s\check{u}-d\check{e}ti\ slau\check{z}N$ (а через него и в сложном имени *S\check{u}-d\check{e}-slau\check{z}*) скрывается мотив получения славы героем: $\gamma(R_6) + \Sigma'$ (герой приобретает славу). Этот мотив часто встречается в славянском эпосе (в том числе и в таких вырожденных архаичных формах эпоса, как сказка), где он обычно следует за мотивом отправки: $\gamma(R_1 \Delta \cdot \Sigma(\gamma(R_6) + \Sigma'))$, т. е. отправка с целью приобретения славы.

В реконструированном минимальном тексте $*S\check{u}-d\check{e}-slau\check{z}$ можно производить такие замены его частей, которые сохраняют этот текст отмеченным, т. е. правильно построенным праславянским именем. Над указанным текстом можно совершать следующие трансформации с сохранением отмеченности:

(1) $s\check{u} \rightarrow per$ (при сохранении двух следующих элементов).

Таким образом может быть получено имя $*Pr-d\check{e}-slau\check{z}$ (ср. польск. *Przedzielaw*, чеш. *Předislav*, с.-хорв. *Предислав*), которое на различных уровнях может быть описано так же как $*S\check{u}-d\check{e}-slau\check{z}$. Древность этого имени, которое можно представить как результат свертывания сочетания $*per\ d\check{e}ti\ slau\check{z}N$, может быть подтверждена сравнением с указанными выше древнеиндийскими сочетаниями и с сочетаниями типа дринд. *pari dha-* (в частности 'достигать'), греч. *περι-τίθημι* (в частности 'облекать, даровать').

(2) $d\check{e} \rightarrow by$ (при сохранении первого и третьего элементов).

Таким образом может быть получено имя $*S\check{u}-by-slau\check{z}$ (ср. польск. *Zbysław*, с.-хорв. *Збислав*, русск. *Сбыслав*), которое можно рассматривать как результат свертывания сочетания $*s\check{u}-byti\ slau\check{z}N$, ср. др.-инд. *sam-bhū-* 'соединять'.

(3) *slauŕ* → $\begin{cases} \textit{mirŭ} \\ \textit{ŕiŕi} \\ \textit{uitŭ} \\ \textit{borŭ} \\ \textit{boNdŭ} \end{cases}$ (при сохранении первых двух элементов)

Возможность таких замен элемента *slauŕ*, который в сложных именах (особенно в более позднее время) приближается в полуаффиксу, видна из имен типа с.-хорв. *Zdemir*, польск. *Zdziewuj*, *Zdzievit*, *Zdziebor*, *Zdziebqd*.

(4) *sŭ* → *u* (при *dě* → *by*, см. (2), и при сохранении третьего элемента).

Это имя, которое некогда могло осмысляться как свернутое сочетание *u byti slauoN и тем самым выступало как противоположность имени *sŭ-dě-slauŕ, можно проиллюстрировать на таких западнославянских примерах, как польск. *Ubystaw*, чеш. *Ubislav* (ср. к семантике этого имени польск. *Ot-jeŕ-staw* и другие имена с пейоративным значением).

(5) *sŭ* → *pri* (при *dě* → *by*, см. (2), и при сохранении третьего элемента).

Это имя, которое можно представить как свернутое сочетание **slaua + pri byti*, восстанавливается на основе польск. *Przybyslaw*, чеш. *Přibislav*, с.-хорв. *Прибислав*.

(6) *dě* → *jeN* (при *sŭ* → *per*, см. (1), и при сохранении третьего элемента).

Ср. русск. *Переяслав*, а также указанное выше польск. *Ot-jeŕ-staw*, где *sŭ* → *ot*.

(7) *slauŕ* → *l'utŭ* (при *dě* → *by*, см. (2), и при сохранении первого элемента)

gneŕ → (при *dě* → *by*, см. (2), или при *dě* → *jeN*, см. 6, и при *sŭ* → *sŭ*)

ŕoiŕ → (при *dě* → *by*, см. (2), и *sŭ* → *sŭ* или при *sŭ* → *per*, см. (1) и *dě* → *dě*)

uiŕ → (см. 3; при (8) *dě* → *da* и при *sŭ* → *sŭ*).

Ср. польск. *Zbylut*, *Zbygniew*, *Zjęgniew*, *Zbywoj*, *Przedziwoj* (с.-хорв. *Предивой*), *Zdawuj* (ср. выше *Zdziewuj*).

Путем дальнейших подстановок можно получить другие трехчленные слова, где все элементы отличаются от элементов исходного имени, ср. польск. *Nie-zna-wuj*, *U-by-čest*, *Przybygniew* и т. п.

5.2.2. Лингвистическая реконструкция праславянских имен дает основания для некоторых выводов, относящихся к надязыковым уровням. В частности, указанные выше (5.2.0) семантические классы и способы сочетаний единиц, входящих в эти классы, позволяют судить о принципах называния, вводящих в мир праславянина (а иногда и отсылающих к еще большей индоевропейской древности) и в организацию того коллектива, модель мира которого отображена в этих сложных именах. Не случайно все они относятся к мужским (Vi) именам, а не женским (последние, — см. о них работы М. Карплюкувны, —

даже если аналогичны мужским именам, следует рассматривать как вторичные), официальным (Of), а не к неофициальным, запрещенным в известных ситуациях, требующих церемониального обращения; не аффективным ($\bar{A}$), а не к аффективным, включающим уменьшительные и другие ласкательные, уничижительные и др.; к воинским (Mi), а не к именам других социальных групп последнее различие формально соответствует противопоставлению составных имен, от которых образуются отчества на *-ič'i*, и простых, от которых образуются отчества на *-oč'i*, ср. различие между разговорным русским *Всеволодыч* и *Иванов сын*. На основании этих четырех различительных признаков можно реконструировать типы ситуаций, в которых эти имена употреблялись. Различительный признак Vi позволяет реконструировать ситуации мужского общения, где с полной достоверностью одним из участников ситуации нужно считать мужчину, а для обществ с делением на мужской и женский языки (типа шумерского, чукотского, яна и других) и второй участник ситуации должен быть женщиной: ситуация R (Vi, Vi). Исключительно мужской характер реконструированных минимальных текстов говорит в пользу предположения, что и те более обширные тексты, которые включали эти минимальные, производились мужчинами (в отличие от текстов, порождавшихся женщинами, — типа заговоров, женских песен и т. д., где составные мужские имена не удается реконструировать). Различительный признак $\bar{A}$ позволяет реконструировать ситуации, где соблюдался этикет величания (ср. феодально-вельжские языки в средневековой Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии и параллели в средневековых европейских языках). В таких ситуациях одним из участников с полной достоверностью можно считать члена коллектива Ko (т. е. такого коллектива, который в составе большего коллектива, подмножество которого он составляет, выступает в функции кибернетической управляющей системы), а для обществ, где формы величания используются только членами коллектива Ko, и второй участник ситуации должен быть членом этого коллектива. Исключительно официальный характер реконструированных минимальных текстов говорит в пользу предположения, что и те более обширные тексты, которые включали эти минимальные, производились членами коллектива Ko (служившего, таким образом, не только для контроля, но и для коммуникации). Различительный признак $\bar{A}$ позволяет реконструировать такие ситуации, в которых не обнаруживается дальнейшего разбиения множества Ko на подмножества (в отличие от различительного признака A, который позволяет реконструировать специфические ситуации фамильярного общения, где обнаруживается дробление коллектива на более мелкие объединения). Различительный признак Mi позволяет реконструировать ситуации воинского общения. Таким образом, тексты, включающие составные имена

людей, характеризуют ситуации официального неаффективного общения мужчин-воинов и сами могут быть охарактеризованы как мужские, официальные, несемейно-бытовые, воинские.

Участники ситуаций указанного типа пользовались такими моделями мира, в которых в качестве доминанты выступали понятия, связанные с названными выше семантическими классами. На основании этих классов можно сделать вывод, что эта модель была направлена на осуществление некоторой специфической задачи (ср. обозначения конечной цели, результатов, качеств, необходимых в избытке для осуществления цели, положительной оценки всего, связанного с этой целью и т. п.). Особо следует отметить наличие терминов, указывающих на структуру самого коллектива *Ko* и на вхождение в этот коллектив.

Заключения о более далеких связях (и датировке этих связей) коллектива, пользовавшегося составными именами описанных типов, можно извлечь из их сравнительно-исторического анализа; ср. показательные совпадения некоторых типов в балтийском и славянском или в славянском и иранском, но не во всех трех группах одновременно (например, использование сравнительной степени как первого члена и образования на *-n* в славянском и иранском и тип *V & N* в славянском и балтийском).

5.3. Рассмотренные выше (5.2.) типы составных имен людей (как и составные имена богов, см. 5.1.2) представляют собой частный случай сложных слов, которые могут быть реконструированы в качестве минимальных праславянских текстов.

5.3.1. Особенно важно то, что совпадают не только общие типы образования составных имен и сложных слов, но и некоторые конкретные элементы, из которых они строятся. Благодаря этому, с одной стороны, мы получаем дополнительный критерий для проверки правильности минимальных текстов, восстановленных на основе анализа составных имен (см. 5.2); с другой стороны, оказывается возможным существенно увеличить число окружений, которые восстанавливаются для данного элемента. Так, например, для элемента *dě-* на основании сложных слов, вторым элементом которых является *dě-*, можно восстановить возможные комбинации с элементами **čarŭ-*, **dobro-*, **zlo-*, **lubā* и т. п., выступающими в качестве первого элемента соответствующего сложного слова. Аналогичным образом анализ сложных слов позволяет восстановить ряд контекстов для элементов **slavŭ-*, **mirŭ-*, **domŭ-*, **bogŭ-* и др., выступающих одновременно и в составных именах, и в сложных словах.

5.3.2. Естественно, что при реконструкции праславянских сложных слов необходимо отличать собственно праславянские слова от сложных слов, возникших в большом количестве позднее в связи с распространением христианства и другими культурными влияниями. По образцу этих калек в дальнейшем

в разных славянских языках независимо друг от друга возникли сходные сложные слова, которые, разумеется, нельзя использовать при реконструкции конкретных сложных слов (хотя самый тип образования и в более поздних словах мог совпадать с достаточно архаичными собственно славянскими типами); ср., например, сочетание трех типов сложных слов (древнего славянского имени *Святослав*, архаичного по типу сложного имени *Светозар*, греческой полукальки-полузаимствования *Светофор*) в строке Б. Ахмадулиной «Светофор. Святослав. Светозар». Различение сложных слов, относящихся к разным эпохам, оказывается возможным ввиду наличия ряда безусловно древних праславянских слов этого типа, к которым, в частности, относятся отмеченные выше имена богов, имена людей, названия мест (например, типа *Новгород*), а также несколько сложных слов, часть которых разбирается ниже. Некоторые соображения исторического и пространственного характера (в частности, наличие сложных слов в диалектах и соответствия в других родственных языках) исключают предположение о более поздних кальках применительно к отдельным сложным словам.

5.3.2.1. В качестве первого примера архаичного праславянского сложного слова может быть приведено название нетопыря *netopiri (*netoperi*), ср. русск. *нетопырь*, чеш. *netopýr*, польск. *nietoperz*, *mętoperz*, с.-хорв. *метопир* и т. д. Для более древнего периода, предшествовавшего изменению сочетания *-kt- > -t-*, предполагается сочетание основ *nektō-peri со значением 'летающий ночью' (ср. огласовку в названии ночи, вечера в хеттском и тохарском). Несмотря на выдвигавшиеся возражения, эта этимология представляется более оправданной, чем другие, по ряду соображений; в частности, семантическое ее подтверждение дают такие позднейшие названия нетопыря, как польск. диал. *носка*, *носек*, *podwieczorek*, *wieczorek*, чеш. диал. *večerek*, *věcurek*, *večeralek*, *podvečerek*. Существенно то, что данная этимология позволяет реконструировать не только минимальный контекст и принцип названия животного, но и такие варианты морфем (алломорфы), которые практически утрачены в других формах. Поскольку связь между этими морфемами и другими вариантами тех же морфем, более обычными для праславянского, ослабевала или вовсе порвалась, праславянское название подвергалось деэтимологизации (иногда при этом превращаясь из сложного слова в простое), ср. в старых текстах формы типа *нопотырь*, *нептырь*, а также диал. польск. *mętoperz*, (характерно, что эта форма, более близкая к первоначальной по сравнению с другими польскими диалектными формами этого названия, сохранилась на периферии, судя по карте Нича в статье, посвященной этому названию), *scętoperz*, *niedopérz*, *latoperz*, *gacoperz*, *kacoperz*, *garcopierz*, *gancopierz*, *gracopiórz* и т. д., чеш. диал. *nedopajr*, *letopeř*, *hastopier* и т. п.

5.3.2.2. Не меньшее разнообразие позднейших форм обнаруживается в славянских названиях вурдалаков или оборотней — волков, ср. русск. *волколак*, *волкодлак*, ст.-сл. *вѣлкодлакѣ*, *вѣурколакѣ*, болг. *вѣлкодлакѣ*, *вѣрколакѣ*, с.-хорв. *вукодлак*, *влокодлак*, польск. *wilkolek* и т. п. Для большинства этих названий можно восстановить такую исходную общую форму, которая состоит из двух элементов **ul̥k-* & *dlakŭ. Первый элемент отождествлялся с праславянским названием волка, второй же — со словом, к которому восходит сербско-хорватское и словенское *длака* 'шерсть, волос', ср. соответствующее балтийское название медведя (*t*)*lōkis*. Двучленность этого праславянского сложного слова несомненна, но его внутренняя форма остается неясной, что связано с различными возможностями объяснения его составных частей для более древнего периода: в них можно искать либо следы древнего индоевропейского названия медведя (хеттск. *hartagga-*, греч. *ἄρκτος* и т. п.), либо отражение древних индоевропейских морфем, позднее отождествленных с их омофонами (ср. лит. *vilkas* 'волк', *vilkti* 'волочить, одевать, надевать' и т. д., *vilktrasa* 'оборотень'). Преобразование древней формы (а, может быть, и значения) этого сложного слова могло быть вызвано исчезновением в славянских языках древнего индоевропейского названия медведя. Вместе с тем мотив чело-века, превращающегося в волка, широко распространен в славянском эпосе, как и в представлениях некоторых соседних народов (ср. возможное влияние тюркских мотивов и слов). Таким образом, в данном слове можно видеть отражение древних тотемических представлений, связанных с медведем и с волком.

5.3.2.3. Древнее индоевропейское название медведя, возможные следы которого отмечались выше (5.3.2.2), было заменено в праславянском сложном словом **medu-ēdī-* 'едящий мед', ср. в «Ригведе» (1, 164, 22) *madhvād-* 'едящий сладость—сладкоежка' (о птицах). В праславянском это слово сохраняло свою внутреннюю форму и лишь позднее в результате фонетических изменений (изменение *u > v* и падение *ŷ* в названии меда) произошла деэтимологизация, которая, однако, не была полной. Прозрачность внутренней формы этого сложного слова позволяет достоверно реконструировать праславянское сочетание *medŭ ēsti; другие контексты, в которых мог употребляться корень *ēd-*, реконструируются на основании таких сложных слов, где этот корень выступает в качестве второго элемента, как русск. *сухойеда*, *сыроежка*, *тунейедец* и их соответствия в других славянских языках (для образований этого типа характерно, как правило, употребление в качестве первого элемента названия достаточно абстрактного качества, что позволяет объяснять и первый элемент в *medu-ēdī сходным образом). Древность второго элемента с суффиксом *-i-* гарантируется не только его изолированным положением в славянском, но и многочисленными балтийскими аналогиями. С культурно-исто-

рической стороны табуистическое употребление данного сложного слова представляет особый интерес для выяснения роли медведя в системе праславянских представлений. Ввиду наличия большого числа параллельных явлений на всей территории евроазиатского языкового и культурно-исторического союза (вплоть до Японии, ср. культ медведя у айнов и далее продолжение этого ареала в Америке и т. п.) можно думать, что этот факт можно рассматривать как ареальный. Характерно, что к западу и к югу от этого ареала расположена область, где с древних времен отмечается тотемическая роль волка (Ирландия, Галлия, Германия, Италия, Балканы, Малая Азия, Кавказ). Лишь в некоторых областях, в частности, в славянской, эти ареалы пересекаются (ср. также одновременное упоминание «медвежьих людей» и «волчьих людей» в хеттских ритуалах). Рассмотренное выше (5.3.2.2) название вурдалака можно было бы рассматривать как свидетельство позднейшего наложения представлений этого юго-западного «волчьего» комплекса на евроазиатский.

5.3.2.4. Характерный пример, где на основании сложного слова оказывается возможным восстановить текст, существенный в социально-правовом отношении, представляет собой праславянский термин **poti-bęga-* (**podĭ-bęga-*), к которому восходят названия разведенной жены в древних славянских текстах: ст.-сл. и др.-русск. *подъпѣга*, *потъпѣга*, *подъвъѣга*, др.-польск. *počbiega*, чеш. *podbĕha*. На основе этого сложного слова можно восстановить еще более древнее сочетание, восходящее к древней индоевропейской диалектной конструкции типа **begaŋeġ potei(e)s*. Термин **poti*, означающий господина семейства, встречается не только в этом тексте, но и в форме **podĭ*, и в праславянском **gos-podĭ*, где отражено именное окружение основы **podĭ* в праславянском, включающее его в целую цепь аналогичных именных образований в других индоевропейских языках, в том числе в балтийских (что касается чередования *d:t* в этой основе, то оно может быть диалектным индоевропейским явлением, объединяющим праславянский и тохарский). Рассматриваемое сложное слово, связано с выходом члена коллектива из этого коллектива, объединяемого властью господина (**poti*, **podĭ*), но выяснение деталей реальной интерпретации остается еще делом будущего.

5.3.3.0. Аналогичным образом можно анализировать и другие сложные слова, на основании которых можно восстановить целый ряд элементарных сочетаний (часто фразеологического характера).

5.3.3.1. В качестве примера серии фразеологических сочетаний, восстанавливаемых на основе сложных слов, можно привести сочетания с глаголом **dęti* (ср. выше, 5.2.1. и 5.3.1.). В этом контексте оказываются противопоставленными друг другу два противоположных по значению имени: **dobro* и **zlo*,

о чем свидетельствуют многочисленные сложные слова с этими элементами, отмечаемые в разных славянских языках, ср. русск. *злодей, злодейство, злодеяние, добродей, добродетель* и т. п.; несмотря на то, что некоторые из этих образований имеют точное соответствие в греческом и могут быть объяснены как кальки, в целом для этой группы слов с несомненностью восстанавливается праславянский источник.

Противопоставление при глаголе *děti* имен *zlo* и *dobro* можно связать с аналогичными явлениями в культурно-религиозных представлениях, господствовавших на протяжении длительного времени на территории Ирана и в смежных областях, ср. др.-иранск. *zurah-kara* 'зло-дей'; следы такого дуализма у праславян могли бы быть отмечены и в других случаях. Вместе с тем следует отметить и наличие аналогичных литовских форм: *geradėjas* 'добродей', *piktadėjas* 'злодей'. К этому же кругу названий религиозных понятий, сочетающихся с **dēti*, принадлежит слово **čarū* 'чары', ср. *чародей* и соответствующие слова в других славянских языках, позволяющие восстановить сочетание глагола **dēti* с вин. п. слова **čarū* (ср. опять-таки иранские аналогии к этому слову и литовское *keras, kėreti*).

К этому же кругу представлений может принадлежать и употребление *dēti* в значении 'говорить', отраженное в ряде славянских языков (русск. *де, дѣти*, др.-чеш. *díti* 'говорить' и т. д.), ср. *заговор* как название чародейства. Древность этого последнего употребления, связанного с отождествлением вещи, дела и слова, подтверждается хеттским *te-ḫhi* 'кладу, говорю' (ср. хеттск. *uttar* 'слово, вещь') и другими параллелями. В свете этих фактов (и других, им аналогичных) можно предположить существование праславянского сочетания глагола *dēti* с именами типа **slovo*, **iimeN* (ср. вед. *nāmadheya*, греч. *ὀνομαδέτης*). В таком случае отношение *dēti* 'говорить' и *dēti slovo* 'говорить (слово)' было бы аналогично отношению сербо-хорв. *чараму* (лит. *kerėti*) и праславянск *dēti + čarū* (ср. также др.-русск. *молитву дѣяти* 'молиться').

Все рассмотренные выше сочетания с корнем *dēti* примыкают к комбинациям корня **dhē-* со словами абстрактного характера (типа **men*, **krd-* в смысле названия чувств, средоточием которых было сердце, и т. п.), засвидетельствованными в различных индоевропейских языках; ср., например, **men + dhē* и др.-русск. *память дѣяти* и т. п.

Дальнейшее умножение контекстов, в которых употребляется *dēti*, достигается благодаря конкретизации тех абстрактных понятий, названия которых сочетаются с *dēti*: *зло* → *прѣлюбы, влждъ* и т. п. С другой стороны, во многих из указанных сочетаний *dēti* может заменяться другими синонимичными глаголами: *dēti* → *činiti, tvoriti, dělati*, где глаголы, заменяющие *dēti*, так же восходят к праславянской древности.

5.3.3.2. Другим примером реконструкции фразеологического сочетания на основании сложного слова может служить сочетание *ieNti ѹeroN, восстанавливаемое при анализе сложного слова **НЕ-ИЖ-ВЪРЪ** и других связанных с ним слов и выражений. Это слово, засвидетельствованное в старославянских текстах, построено по типу, к которому принадлежит ограниченное число архаичных сложных слов: **НЕ-ИЖ-СЫТЬ**, **НЕ-ВЪ-ГЛАСЪ** (ср. слов. *vedeti glas čemu* 'умеющий что-нибудь'). Лежащее в основе данного сложного слова сочетание *ieNti ѹeroN отражено в соответствующих конструкциях в древних славянских текстах, а также в сложных словах типа русск. *вероятный*.

Некоторые другие окружения для основы **ѹer-* реконструируются на основании других сложных слов — в тех случаях, когда они не являлись кальками (ср. польск. *wiarogodny* и *wiary godny*, русск. *сугубый*, *правоверный*, *единоверный*, *старовер* и т. п.). Возможно, что по своей семантике основа **ѹer-* соотносится с рассмотренными выше противопоставленными друг другу словами *dobro и *zlo (ср. иранское *vara* 'выбор', предполагающее выбор одной из двух возможностей).

5.3.4. На основании приведенных выше примеров реконструкции минимального текста, опирающейся на анализ сложных слов и целого ряда других примеров, им подобных, можно установить некоторые структурные типы сочетаний:

а) *Nqn + N* (количественное имя + имя), ср. *Tri + golŭŭ* (см. выше, 5.1.2), *tri-zoNbŭ (см. там же), **polu + noŭŭi*, *tri + na + deseNte* (со вставкой *Prp*: *Nqn + Prp + N*), **mŭnog- + N* (**mal- + N*) и т. п.

б) *Adj + S* (прилагательное + существительное), ср. **čŭn- + golŭŭ* (см. выше, 5.1.2), **noŭ- + gordŭ* (общеславянский тип топонима), **sux- + roNk-* и т. д.

в) *V + Ni* (глагол + имя в *i-* том падеже), ср. *su-děti slaŭoN (см. 5.2.1.1.; с вставкой *Adv*) *{*dobro*, *zlo*, *čar-*, и т. п.} *děti* (5.3.3.0), **slaŭa + pribyti* (см. там же, 5), **nekt- + per-* (см. 5.3.2.1), **medŭ + ěsti* (см. 5.3.2.3), **ŭoi- + ѹed-* (ср. *воевода* и т. п.), *(ne) ieNti ѹeroN* (5.3.3.2; с возможной отрицательной трансформацией), *(ne) ѹěděti gols-* (ср. там же), *běga- + podŭ* (см. 5.3.2.4) и т. п.

д) *Adv + V √ Prp + S* (наречие + глагол или предлог + имя), ср. *šěd- + soN* (ср. *сосед* и т. п.), **ne + būti + bogŭ* (ср. **НЕБОГЪ**, **ОУБОГЪ** и т. п.), **děti + na + N_{ДК}* (ср. **НАДЪЯТИ СЯ ВЪРЪ**), **boroti + seN + po + N_{ДК}* (ср. *поборенье*, *поборник*, с одной стороны, и выражения типа *по господи боря*, с другой), *kosnoNti + seN + pri + N_{ДК}* (ср. *прикоснуться*, с одной стороны, и *коснѣтися при камь*, с другой); **běgati + N_{РД}* (ср., с одной стороны, **ПТЬВЪГА**, см. 5.3.2.4 и ст.-чеш. *robĕhati čeho* — с другой) и т. д.

5.4. Выше приводились примеры реконструкции праславянских фразеологических сочетаний на основании анализа сложных слов. Но фразеологические сочетания могут реконструироваться и более непосредственным образом — путем

сравнения фразеологизмов, засвидетельствованных в разных славянских языках.

5.4.1. Из целого ряда возможных примеров рассмотрим более подробно лишь один. Речь идет о сочетании со значением 'умирать своей смертью', о котором в свое время писал Нидерман. Наличие в праславянском этого сочетания подтверждается существованием однотипных сочетаний (засвидетельствованных уже в ранних памятниках) во всех славянских языках, причем параллельное новообразование можно считать исключенным. Дополнительными важными аргументами, подтверждающими надежность реконструкции, является совпадение с аналогичными конструкциями в ряде других индоевропейских языков, а также некоторые этнографические данные относительно представлений о смерти у индоевропейских и других племен.

Такие конструкции, как русск. *умереть, умирать своей смертью*, с.-хорв. *умерети, умирати својом смрти*, польск. *swą śmiercią umrzeć, umierać*, чеш. *umřítí, umíratí svou smrtí* и т. д. дают возможность восстановить праславянское сочетание **umirěti suojoN sūmirťioN*.

На фонологическом уровне данный текст с помощью символов первого и второго рода записывается следующим образом:

	u	m	ĩ	r	ě	t	i	#	s	ɣ	o	ĩ	o	N	#	s	ũ	m	ĩ	r	t	ĩ	ĩ	o	N	#
V	-	-	+	-	+	-	+	-	+	-	-	+	-	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	-	-
C	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+
Cr.			-						-	+	-	+								-					+	
G	+		-						-	+	-	+				-	+			-					+	
Ct		+		-	-				+							+	+			-						
N		+			-														+					-		
Vc					-				-							-							-			
S				-																			-			

К числу заслуживающих внимания особенностей данного текста на фонологическом уровне относится чередование положительных и отрицательных значений признака согласности С (в тех случаях, когда его значение меняется при переходе к следующей вертикальной строке матрицы), а также распространение одного значения признака на целое слово или на большую часть слова (признаки *Sp*, *G*), неравное число вхождений положительных и отрицательных значений некоторых признаков. На морфологическом уровне этот текст может быть записан как

$$P'_1 \& R'_1 \& S'_1 \& S'_2) (R''_1 \& S''_1) (P'''_1 \& R'''_1 \& S'''_1 \& S'''_2), \text{ где} \\ P'_1 = u, R'_1 = R''_1 = mir, S'_1 = \check{e}, S'_2 = ti, R''_1 = suoi, S''_1 = S'''_1 = \\ = oN, P'''_1 = s\check{a}, S'''_1 = ti.$$

Грамматическая информация, выраженная в словоформах этого текста, может быть записана как $(V_{\overline{1}}) (NW (Prn Adj) \cdot \cdot \text{ЖР} \cdot \text{ЕЧ} \cdot \text{ТП}) (NW \cdot \text{ЖР} \cdot \text{ЕЧ} \cdot \text{ТП})$. Совпадение целых фрагментов грамматической информации ($\text{ЖР} \cdot \text{ЕЧ} \cdot \text{ТР}$), выраженной во 2-й и 3-й словоформах текста, обнаруживает действие оператора согласования, указывающего на синтаксическую связь между этими словоформами, входящими в одну конфигурацию. Грамматическая информация, содержащаяся в первой словоформе текста, при его включении в более широкий текст или ситуацию подвергается трансформациям, принимая все возможные для $V_{\overline{1}}$ и $V_{\overline{1}}$ значения (см. 2.3), причем сохраняется морфема R'_1 , но по морфонологическим правилам могут быть выбраны другие ее алломорфы. Грамматическая информация, содержащаяся в двух последних словоформах, остается неизменной, если не осуществляется на трансформационном уровне преобразование всего текста в целом в другие, ему синонимичные.

На синтаксическом уровне этот текст может быть записан как дерево, узлы которого связаны между собой в качестве членов конфигураций b и c , (где $i = \text{ТП}$), указанных в 5.3.4. Возможные трансформации, сохраняющие смысл, могут быть предположены на основании анализа семантики этого текста, производимого по лингвистическим и этнографическим данным. Значение этого текста может быть определено путем отрицательной трансформации в соотнесенный с ним текст, обозначающий 'умирать не своей (т. е. насильственной) смертью'. В этом втором праславянском тексте, соотнесенном с первым, используется не термин $*s\check{u}m\check{i}rt\check{i}$ 'смерть' (где $s\check{u}$ - связывается с индоевропейским $*su$ - 'хороший, благой' в отличие от совпавшего с этой морфемой на славянской почве $s\check{y}$ -, сопоставляемого с древнеиндийским sam и т. п., см. выше), а другой термин $*na\check{c}\check{i}$ -, обозначающий неестественную смерть. Это различие двух видов смерти сохраняется и в ряде современных

славянских языков, использующих только слова, восходящие к *sūmirtī, в сопровождении уточняющих эпитетов, ср. словенск. *nasilna smrt* 'насильственная смерть', *naravna smrt* 'естественная смерть', словацк. *násilná smrt*, *prirodzena smrt* (ср. *zomriet prirodzenou smrt'ou*) и т. п. Следы различения двух этих видов смерти (или двух, им изоморфных, к которым они восходят) наблюдаются и в других древних индоевропейских языках, знающих противопоставление **nek-*: **m_r-*; причем второй член противопоставления в целом ряде индоевропейских языков используется в контекстах, аналогичных реконструированному праславянскому, ср. показательные иранские и балтийские параллели: др.-персидск. *uvāmrsīyuš amariyatā* 'своей смертью умер', лит. *jis mirė savo mirtimi* 'он умер своей смертью' и т. д. Эти индоевропейские примеры подтверждают надежность реконструкции данного праславянского текста, причем и в праславянском, и в других древних или архаичных индоевропейских языках в этой конструкции используется стилистический прием сочетания двух слов (глагола и имени) одного корня и одного значения, что (на основании большого числа аналогичных примеров) может быть включено в инвентарь праславянских и индоевропейских стилистических приемов, ср. сочетания типа *век вековать*, *горе горевать*, для которых, с одной стороны, легко восстанавливается праславянский прототип, с другой — особенно отчетливо прослеживается связь с мотивами новейшей славянской поэзии (ср. мотивы *века*, *векования* у Мандельштама).

Что же касается второго текста, соотнесенного с первым и имеющего значение 'умирать насильственной смертью', то его праславянская форма может отличаться от индоевропейской (типа комбинации глагола со значением индоевропейского **nek-*, в этом значении не сохранившегося в праславянском, и существительного со значением **nāc-*, где в конечном счете — если учесть возможность выделения детерминативов в этих индоевропейских основах — тоже можно было бы предположить стилистический прием, первоначально аналогичный **m_r-m_rtī-*, а позднее переосмысленный как аллитерация). Можно отметить, что эти два обозначения смерти соотносились с обозначением жизни типа *век вековать*, построенным по такому же стилистическому принципу.

Противопоставленная друг другу пара фразеологических сочетаний (текстов) и выраженных в них понятий может быть соотнесена и с возможным различием двух видов погребальных обрядов — посредством трупосожжения и захоронения в ладье. Второй тип погребения, нашедший широкое отражение в символике ладьи в славянском фольклоре и подтверждающийся археологическими и иконографическими данными (а также свидетельствами письменных текстов), находит подкрепление в возможной индоевропейской этимологии праславянского **nač-*, формально точно соответствующего индоевро-

пейскому названию ладьи, судна. В таком случае реконструированный выше праславянский текст **umīrēti sꝋoiŋ sūmīr-tiŋŋ* для некоторого периода может быть соотнесен с обрядом трупосожжения. Тогда оказалось бы, что этот текст косвенным образом связан с той программой ритуальных действий, которая отразилась и в соответствующих мифах у индоевропейских и других народов.

На уровне мотивов указанные программы могут быть записаны следующим образом при введении дополнительных символов 19—*ладья*, 20—*огонь*, p''' — 'быть мертвым', p'''' — 'быть живым':

$$(II) p'''(\gamma) \cdot R_5\gamma \supset \gamma(R_1\Sigma''' \cdot \gamma R_6) + \varepsilon \text{ (где } \varepsilon = 19)$$

(читается: если и только если герой мертв и герою нанесен вред, доведенный до конца, т. е. насильственная смерть, то герой отправляется в путь к цели и герой приобретает волшебное средство — ладью).

$$(I) p''''(\gamma) \cdot R_5\gamma \supset \gamma(R_1\Sigma'' \cdot \gamma R_6) + \varepsilon \text{ (где } \varepsilon = 20)$$

(читается: если и только если герой мертв и герою не нанесен вред, то герой отправляется в путь к цели и герой приобретает волшебное средство — огонь).

В записи (II) цель (обозначенная как Σ''') интерпретируется иначе, чем цель (обозначенная как Σ'') в записи (I): Σ''' обозначает подземное царство, путь к которому лежит через воду, Σ'' обозначает верхнее царство, путь к которому связан со стихией огня, устремляющегося вверх. Таким образом, указанные противопоставления в древней структуре индоевропейского ритуала и мифа оказываются в одном семантическом поле с противопоставлениями *вода—огонь, земля—небо (низ—верх)*, ср. выше о противопоставлении *земля-мать; небо-отец* (ср. также в русских заговорах: «Ты, *небо-отец*, ты, *земля-мать*, ты, корень свят, благослови себя взять на добрые дела, на добро»).

Противопоставление текстов II и I может быть истолковано с прагматической точки зрения (т. е. применительно к коллективу, использовавшему эти тексты) как различие отрицательного для коллектива (т. е. имеющего знак —) и неотрицательного (т. е. имеющего знак +); самый термин *sꝋoi в (I) скорее всего обозначал (как обычно в праславянском и индоевропейском) вхождение в коллектив, принадлежность к коллективу, в данном случае — нечто закономерное в пределах коллектива. В этом заключается отличие от внешне сходных оборотов «умирать своей смертью» в ряде психоаналитических работ, в прозе и стихах Рильке и в прозе Мальро:

O Herr, gib jedem *seinen eignen Tod*,
Das Sterben, das aus jenem Leben geht»

(R. M. Rilke. Das Buch von der Armut
und vom Tode)

«il avait toujours pensé qu'il est beau de mourir de *sa mort*, d'une mort qui ressemble à sa vie»

(A. Malraux. La condition humaine)

У Рильке эта идея более подробно раскрывается в «Die Aufzeichnungen des Malte Laurids Brigge», где массовой смерти в новых коллективах противопоставляется индивидуальная смерть личности в старых коллективах («Sie alle haben *einen eigenen Tod gehabt*»); для первого члена этого противопоставления также можно обнаружить аналогию в некоторых древних индоевропейских языках (ср. хеттскую медиопассивную форму *akkiskittari*, служащую в молитве Мурсила в во время чумы точно таким же обозначением безличной массовой смерти, как *es stürbe sich* в названном прозаическом произведении Рильке).

Положительный знак по отношению к общим текстам (I) и (II) имеет противопоставленный им текст III (типа *век вековатъ*), где основной посылкой является p''' (γ) (читается: герой жив).

5.4.2. Уже по приведенным в 5.4.1. примерам видно, как увеличение длины реконструируемого текста приводит к резкому возрастанию числа надъязыковых семиотических противопоставлений и ситуаций, которые удается восстановить одновременно с реконструкцией текста. Это можно было бы проиллюстрировать большим числом примеров, относящихся к реконструкции фразеологизмов, связанных с различными семантическими и социальными сферами (ср., например, группу фразеологизмов, связанных с заключением брака, типа *pojati ženě, ženiti se, iti za mužī* и т. д., ср. также выше о термине *poŭ bęga*, входящем в то же семантическое поле). Часть фразеологизмов, которые можно реконструировать для праславянского, граничит с такими грамматическими типами, которые представлены лишь небольшим числом слов (ср. конструкции с предложениями); с другой стороны, практически ту же самую задачу восстановления конкретных сочетаний приходится решать при реконструкции семантики каждого отдельного слова, поскольку для этого нужно изучение распределения разных вариантов значения слов в различных контекстах. Для настоящей работы перечисление всего этого множества сочетаний не является основной задачей, так как авторы намеревались лишь проиллюстрировать на простейших примерах принципиальную возможность предлагаемых форм реконструкции применительно к праславянскому.

5.5.0. В заключение излагаются некоторые соображения, относящиеся к реконструкции текстов большого объема, которые обычно не включаются в тексты большей длины. За недостатком места авторы не дают примеров реконструкции этих текстов на всех уровнях (что будет сделано в специальной

публикации) и совсем не останавливаются на тех уровнях, которые у этих текстов являются общими с реконструированным в 5.1.—5.4. (в предположении, что читатель может легко произвести аналогичную работу и по отношению к текстам ббльшего объема). Ниже делаются замечания лишь о специфических особенностях текстов некоторых жанров.

5.5.1. Реконструкция праславянских текстов заговоров представляет значительные преимущества в силу двух обстоятельств — простоты структуры заговора и ограниченности предметной области, с которой они связаны. Эта предметная область пересекается с той моделью мира, которая отражена и в постоянных эпитетах славянского эпического творчества. Поэтому тот формальный аппарат, который удобен для описания постоянных эпитетов (см. 3.1. и 3.2.), может быть применен и для записи заговоров: правило (1) из 3.1. с небольшим видоизменением оказывается приложимым к описанию схемы заговора, построенного по правилу

$$(1) (\forall (x) \exists p(x)) \& x \equiv y' \supset y' \exists p(y')$$

(читается: если для всякого предмета x верно, что ему приписан предикат p , и x и y' эквивалентны, то для данного y' верно, что ему приписан предикат p'). Поэтому заговоры относятся к числу текстов, общие принципы организации которых указаны в 3.2., т. е. таких текстов, которые построены на основе установления эквивалентности между предметами.

Для заговоров специфическим является выражение отношений типа R_{13} (разъединение), R_{14} (соединение), которые являются целью (Σ) для всего текста и лежащего в его основе ритуала. Типичная структура заговора может быть иллюстрирована следующим примером, являющимся одним из возможных результатов работы такого порождающего устройства, которое восстанавливается на основе анализа многих различных заговоров. Для записи вводятся дополнительные символы p'''' (предикат 'быть синим'), p''''' ('быть горючим'), p'''''' ('принадлежать богу'), 21 (камень), 22 (престол), 23 (мать), 24 (перо), 25 (болезнь), 26 (голова), 27 (брови), 28 (тело), 29 (печень), 30 (легкое).

$$(1) \forall (13) \exists p''''$$

$$(2) \forall (21) \exists p' \& p''''''$$

$$(3) R_{11}(21, 13)$$

$$(4) 22 \exists p''''''$$

$$(5) R_{11}(22, 13)$$

$$(6) (23) \exists p''''''$$

$$(7) R_{11}(23, 22)$$

$$(8) p'(7)$$

$$(9) R_{11}(7, 23)$$

- (10) p' (1)
- (11) R_{11} (1, 7)
- (12) p' (24)
- (13) R_{11} (24, 1)
- (14) R_7 (23, (R_{13} (24, 1)))
- (15) R_{13} (24, 1)
- (16) R_{14} (γ , 25)
- (17) R_{11} (26, 8)
- (18) R_{11} (7, γ)
- (19) R_{11} (9, γ)
- (20) R_{14} (25, (26 & 7 & 9))
- (21) p'' (27)
- (22) p'' (29)
- (23) p' (28)
- (24) p' (30)
- (25) R_{13} (24, 1) & (24 $\equiv$ 25) & ($\gamma \equiv 1$) $\supset$
 R_{13} (25, γ)

Указанной схеме в общих чертах соответствует, например, следующий текст русского заговора: «...на синем море лежит бел горюч камень, на этом камне стоит божий престол, на этом престоле сидит пресвятая мать, в белых рученьках держит белого лебедя, обрывает, общипывает у лебедя белое перо; как отскокнуло, отпрыгнуло белое перо, так отскокните, отпрыгните, отпряните, от раба божия, родимые огневицы и родимые горячки, с буйной головушки, с ясных очей, с черных бровей, с белого тельца, с ретивого сердца, с черной с печени, с белого легкого, с рученок, с ноженек...»

Данный текст организован посредством постепенного нанизывания друг на друга фрагментов, у которых совпадают либо отношения и предикаты (обычно не у смежных фрагментов), либо предметные переменные (в смежных фрагментах), что особенно отчетливо можно представить при матричной и многомерной записи. Весь текст скрепляется воедино не только наличием основной импликации (22), которая является кульминацией заговора, но и наличием постоянных эпитетов (*белый*) и отношений R_{11} и R_{13} , R_{14} , которые проходят через весь текст. На более формальном уровне единство текста обеспечивается и звуковыми средствами, которые в некоторых заговорах становятся самодовлеющими, приближающими их к зауми. Еще более отчетливо чисто формальная цементирующая роль постоянного эпитета *синий* (соответствующего предикату 'быть синим') видна в следующем русском тексте, относящемся к тому же классу заговоров: «есть славное синее море, есть на славном синем море синей остров, есть на синем острове синей

камень, на том *синем* камени сидит *синей* человек, у *синего* человека *синей* лук бестетивный, *синяя* стрела без перья, и отстреливает *синей* человек *синим* луком бестетивным, *синей* стрелой без перья, притчи и призоры, и уроки, переломы и грыжища всякие, падежи и удары, и пострелы, всякую нечисть» (архaicным в этом тексте является только самый прием и первое вхождение эпитета, по образцу которого построены все остальные).

Основной текст заговора, содержащий импликацию, обрамлен стандартным зачином и концовкой, представляющими собой запись программы соответствующего ритуала. Непосредственная соотнесенность с ритуалом выделяет заговоры из других текстов, содержащих мифологические элементы, и позволяет считать их (для определенной эпохи) специфически шаманскими; поэтому их анализ дает дополнительные данные о социальной структуре коллектива.

5.5.2. Тот же инвентарь основных предикатов, характеризовавших праславянскую поэтическую модель мира, и в общем сходные принципы монтажа отдельных фрагментов позволяют описать разные более обширные поэтические тексты типа причитаний, сюжетных песен и других эпических произведений, где при увеличении объема текста возникает необходимость в сюжетном сцеплении его частей помимо формального. Весь этот класс текстов объединяется не только общностью набора предикатов и характером их использования, но и описанными выше принципами метрической структуры; по этому последнему формальному критерию к этому же классу примыкают наиболее элементарные метрические тексты пословиц и поговорок (ср. соотношение древнегреческого гномического и эпического стиха). Но в то же время пословицы и поговорки отличаются от рассматриваемых здесь текстов большего объема тем, что они обычно функционируют в составе более обширных текстов.

Из общеславянского фонда поэтических средств выражения стандартизованных приемов моделирования мира выбирались те или иные метрические схемы, стилистические шаблоны и способы их комбинации в зависимости от более специфических целей, благодаря чему можно говорить о жанровых различиях, отделяющих, например, причитания от героического эпоса.

Причитания занимают промежуточное место между заговорами, с которыми их объединяет близость к ритуалу, отсутствие единого сюжета и большая роль формальных способов сцепления фрагментов, с одной стороны, и героическим эпосом, с которым их объединяет наличие некоторой последовательности картин, метрическая форма, особенности социальной функции текста, связанные с введением героической личности-модели, с другой стороны. Однако отдельные картины, из последовательности которых складывается причитание, монтируются гораздо более свободно, чем в эпосе; вместе с тем самый инвен-

тарь этих картин (т. е. комбинаций некоторых мотивов) весьма ограничен, что компенсируется относительным безразличием к их порядку, связанным с отсутствием хронологического развития всего причитания. В связи с этим отдельные фрагменты причитаний оказываются более независимыми и могут рассматриваться как отдельные тексты, легко перемещаемые из одного более крупного текста в другой (причем и само причитание в целом может быть включено в эпический текст). В некоторых из этих фрагментов находим достаточно полное отражение тех праславянских мифологических мотивов, которые разбирались выше. Так, связанные с Перуном мотивы, запись которых приведена выше в 5.1.1 (1—3а), более пространно отражены в причитаниях типа русского «Плача об убитом громом-молнией»:

«Наставала туча темна — неспособная,
Со громом да эта туча со толкучиим,
Вдруг со молвией-то тученька свистучей,
Со этым огнем да она палящим;
На горы шла туча на высокие,
Горы с этой тучи порастрескались,
Мелки камышки со страсти покатилися;
Уже шла да грозна туча эта темная,
По лесам шла она по дремучиим...
... Мать-сыра земля со грому надрожалася...
... Тут молили они бога от желаньца,
Оны кланялись во матушку-сыру землю...»

В последних трех строках отчетливо выявляется тот мифологический мотив матери сырой земли в функции божества, который собран в 5.1.2.

Для причитаний характерно то, что подобные мифологические картины природы легко переходят в ритуальные заклания природы, которые, по-видимому, генетически древнее соответствующих мифологических мотивов, в конечном счете связанных с ритуалом:

«Вы рассыпьтеся, все желты пески,
Расступись-ка-ся ты, сыра земля...
... Вы задуйте-ка, ветры буйные.
... Ты промолви мне, сиротиночке...»

(«Плач невесты-сироты»)

«Не простонет ли мать-сыра земля,
Не промолвит ли родитель-мамонька...
Подымитесь вы, ветры буйные,
Разнесите вы все желты пески.»

(«Плач сироты»)

«Поднимитесь, ветры-вихори,
Расступися, мать-сыра земля,
Пади с неба, бел-горюч камень...»

(Свадебная «слезливая» песня
«То не ласточка-касаточка»)

Глубокая древность соответствующего праславянского заклятия, отраженного в трех приведенных текстах (число таких примеров можно существенно увеличить), подтверждается разительным сходством с балтийским материалом, ср. в литовском:

Vai kad papūstų
Šiaurus vėjelis,
Kad nupūstytų
Gelsvą smėlelį
Kad nupūstytų
Gelsvą smėlelį,
Kad prasiskirtų
Siera žemelė.
Kad prasiskirtų
Siera žemelė,
Kad prakalbėtų,
Mano tėvelis...

(«Iš mažumėlės be motinėlės»)

Явно ритуальный характер подобных заклятий заставляет отнести их к той же категории шаманских текстов, о которых шла речь выше по поводу заговоров. Это подтверждается полным текстуальным совпадением некоторых фрагментов причитаний с наиболее характерными текстами шаманских песен, повторяющихся в совершенно единообразной форме на всей территории евразийского шаманского ареала, ср. распространенные тексты типа

«На сине море, на сине море
Гуси-лебеди купаются...»

Приемы организации текста, очень близкие к тем, что отмечались выше по отношению к заговорам и причитаниям, обнаруживаются и в собственно эпическом славянском стихе, причем именно эти элементы эпического праславянского стиха легче всего поддаются реконструкции, так как они сохранились и при позднейшем включении новых мотивов. Выше (3.2.) уже приводилась в качестве примера такой организации текста, основанной на эквивалентности предметов, соотносенных с одинаковыми предикатами, сербо-хорватская «Хасанагиница» и соответствующие ей тексты в других славянских эпических традициях. Сходство между этими текстами не ограничивается этим приемом организации, выбором конкретных предикатов и переменных, но простирается и на общее синтаксическое построение с отри-

цательным параллелизмом, что, вместе взятое, исключает вероятность случайного совпадения. Так, на основании сербо-хорватского:

«Шта се б'јели у гори зеленој?
Ал' је снијег, ал' су лабудови?
Да је снијег, већ би окопнио,
Лабудови већ би полетјели.
Нит' је снијег, нит' су лабудови,
Него шатор аге Хасанаге...»,

болгарского:

«Що белеи, що лелеи
На върх бяла Белашица?
Дали ме се сосни снеги,
Или сет бели лебеде?—
Не сет бели сосни снеги,
Не сет бели лебеде;
Тук е бил еден бял чадир...»,

моравского:

«Na horách, na dolách
Co sa to tam bělá,
husy-li to sed'á
nebo snihy ležá?
Dybu byly husy,
už by ulétaly,
dyby sněhy byly,
už by otajaly.
A to sa tam bělá
postelka vystlaná...»,

словацкого:

«Hentam hore na kopci,
hentam hore na kopci,
ej, čosi sa tam bielá,
čosi sa tam bielá.
Či to tam snehi ležá,
Či to tam snehi ležá,
ej, či holubi sedá?
Či holubi sedá?
kebi to boli snehi,
kebi to boli snehi,
ej, bi sa roztápali,
bi sa roztápali,
kebi boli holubi,
kebi boli holubi,
ej, bi sa rozliétali,
bi so rozliétali,
lež je to tam postielka»

и близких к этим текстам (по синтаксической организации) литовских песен восстанавливается праславянский текст. Для записи этого текста дополнительно вводятся операторы вопроса (?) и отрицания (— знак отрицания, который навешивается на все выражение). Общая схема текста выглядит следующим образом:

$$x \equiv ? (R_{11}(x, 16) \& p'(x))$$

$$\frac{2(x \equiv 4) \vee ?(x = 1)}{(x \equiv 4) \& (x \equiv 1)}$$

$$x \equiv 3$$

Эта общая схема согласно 3.1 и 3.2 выводится из утверждений типа $\forall(1) \exists p'(1)$, $\forall(3) \exists p'(3)$, $\forall(4) \exists p'(4)$, см. 2.3 (3).

Одной строке записи текста на уровне предикатов и мотивов может соответствовать несколько реальных метрических строк, но эти строки, связанные семантически, обычно обнаруживают параллелизм и в своей синтаксической и ритмической организации (ср., выше о возникновении строк с большим числом слогов путем объединения двух более коротких строк).

На основании подобных данных можно восстановить основные черты устройства, способного порождать праславянские эпические тексты при условии, что заданы основные мотивы, которые в дошедших до нас эпических стихах (за некоторыми исключениями, о которых говорится в 5.5.3.) чаще всего датируются более поздним временем и не могут быть прямо возведены к праславянскому. Этим затруднена реконструкция тех более обширных текстов, где скрепление всех фрагментов воедино достигается не столько описанными выше чисто формальными приемами, которые легко реконструируются, сколько посредством сюжета.

5.5.3. Из текстов, организация которых строится на сюжете, с наибольшей достоверностью могут быть реконструированы сказки, где имеется наименьший алфавит элементарных единиц и простые фиксированные способы их сочетания. Общая схема волшебной сказки, определяющая работу соответствующего порождающего устройства, приведена в 4.1.

Для описания структуры сказки целесообразно исходить из того, что задан некоторый набор утверждений, определяющий используемую в сказке модель мира (этот подход к сказке, как и некоторые излагаемые здесь идеи, относящиеся к роли предикатов и соответствующих эпитетов для описания мира, были выработаны в совместных обсуждениях с группой сотрудников Лаборатории машинного перевода 1 МПНИИЯ, занимающихся структурной семантикой). Часть таких утверждений и наиболее простых выводов из них в сказках некоторого типа формируется в явном виде (например: «коровы нужны для того, чтобы их доить»). За этими истинными утверждениями часто следуют такие, которые в данной модели мира следует рассматривать

как ложные, бессмысленные или парадоксальные (например, в литовской сказке: «бабы нужны для того, чтобы тереть порох»). При этом начальные аксиомы и истинные выводы, с одной стороны, ложные выводы, с другой, даются в одинаковой синтаксической форме, причем обычно в начале сказки формулируются истинные утверждения, а затем совершается постепенный переход к ложным (ср. задание метрической схемы в явном виде в начале поэтического текста и увеличение числа отступлений от схемы в дальнейшем). Наличие таких необычных утверждений, нарушающих некоторую заранее данную картину мира, можно связать с аналогичным приемом остранения, который используется в текстах типа загадок, анекдотов и т. п. Такое остранение в сказке служит для построения и развертывания сюжета. На основе таких остраненных сюжетов может строиться новая собственно сказочная модель мира, характеризующаяся снятием большого числа ограничений, наложенных на комбинации событий в обычной модели мира. Такая интерпретация сказки, однако, справедлива лишь при синхронном описании; с генетической же точки зрения противоречия между истинными и ложными утверждениями могут сниматься, так как утверждения, позднее переосмысленные как ложные, в начале могли иметь ритуальную или мифологическую мотивировку.

Сказки указанной структуры, где синтаксическая композиция (строющаяся часто на чередовании вопросов и ответов) непосредственно связана с сюжетной, восстанавливаются с большей надежностью, чем другие; к этому классу текстов относится ряд сказок, которые можно восстановить на основании балтийских и славянских данных. Особенно показательны такие случаи, где литовской сказке соответствует восточнославянский текст, сохраняющий следы ритуального происхождения, ср. например:

Литовский текст

- Dalgiai pirkti.
- Kam tas dalgis?
- Šieneliui piauti.
- Kam tas šienelis?
- Karvėms ēsti.
- Kam tos karvės?
- Pieneliui melžti.
- Kam tas pienelis?
- Kiaulėms ganyti.
- Kam tos kiaulės?
- Šlaitams knisti.
- (вариант: Kalnam kniscie)
- Kam tie šlaitai?
- Kviečiams sėti.

Русский текст

- Косу клепать.
- На что косу?
- Траву косить.
- На что траву?
- Коров кормить.
- На что кормить?
- Молоко доить.
- На что молоко?
- Свиной поить.
- На что поить?
- Горы рыть.
- На что горы рыть?
- Хлеб сеять.

Продолжение литовского текста, который через мотив печення булки или баранки переходит к комическому окончанию, имеет соответствие (но вполне серьезное) в русском тексте: *корова, коровка, масляна головка*. Речь идет об обрядовом печении, когда в первый день рождества пекутся из теста фигурки коров, баранов или коньков и раздаются колядующим (сельскохозяйственная магия). Указанные тексты имеют ряд важных параллелей в колядах, связанных с аграрными обрядами, и тем самым позволяют восстановить ситуацию первоначального действия; для некоторых из таких древних ритуальных текстов удается восстановить и первоначальную метрическую форму (опять-таки подтверждающуюся совпадением балтийских и славянских отражений более древнего прототипа), утратившуюся позднее в большинстве сказок. Ритуальный характер этих текстов постепенно выветривается и теряется их моделирующая роль, благодаря чему они превращаются в тексты с минимальной моделирующей функцией, т. е. в тексты, сопровождающие игры (такие семиотические системы, где семантика сведена к минимуму, — т. е. к моделированию схем поведения — и практически остаются только синтаксическая и отчасти прагматическая функции). В некоторых из подобных сказочных и песенных текстов со сходной структурой отразились ритуальные символы индоевропейской древности, например, образ говорящей конской головы в сербской и восточнославянских песнях, которыми навеяно пушкинское переложение Мериме «Что ты ржешь, мой конь ретивый?»

Ритуальное происхождение можно предполагать и для других сказочных текстов, в частности, для сказок, где фигурирует баба-яга, образ которой на основе типологических аналогий может быть сопоставлен с руководительницей ритуальных действий (в некоторых типологически сходных текстах, например, хеттских, жрица является одновременно и автором — исполнителем заклинания, поэтому сказки этого рода можно связать со специфически женскими текстами, ср. выше о специфически мужских текстах).

К числу сказочных мотивов, по-видимому, ритуального происхождения, которые можно реконструировать для праславянского, относится представленный главным образом в южнославянском и восточнославянском эпосе мотив волка-оборотня (змея — огненного волка), ср. выше о культе волка и его географических связях на территории Евразии (следует отметить, что евразийский культурный ареал характеризуется не только единообразием эпических мотивов, но и единообразием эпических стихотворно-музыкальных форм, что делается особенно важным при сопоставлении с такими ареалами, как американский, где эпос в фольклоре аборигенов отсутствует, в отличие от животной сказки, соединяющей евразийский ареал с американским и возможно позднее послужившей основой для древ-

них форм евразийского эпоса). Этот мотив, как и некоторые другие праславянские мотивы, нашел отражение и в таком тексте позднейшей эпохи, как «Слово о полку Игореве». Здесь, как и далее в позднейшей истории славянских литератур, можно обнаружить постепенный переход безличной традиции в личную, постоянно пользовавшуюся общеславянским инвентарем поэтических средств. В этом смысле можно говорить о многовековом действии описанного выше порождающего устройства, которое позднее сознательно изучалось крупнейшими художниками слова (достаточно напомнить, что использованная выше филологическая работа Блока о заговорах хронологически совпадает с соответствующими циклами его стихов).

TOWARDS RECONSTRUCTION OF A PROTO-SLAVIC TEXT

Summary

It is suggested that the reconstruction of a Proto-Slavic text should be made possible by the recent development in the field of the basis of linguistic theory (in particular, by the elaboration of the concept of a linguistic system as a text-generating device) as well as by the special features proper to the Slavic languages (such as the absence of the chronological gap between Proto-Slavic and separate early Slavic languages, the historical reality of Proto-Slavic and the possibility of the reconstruction of the content of the texts based on later Slavic oral tradition). It is possible to describe the process of generation of a Proto-Slavic text in two ways: by constructing a synthetic model where a text is generated from the upper levels (starting with the content) to the lower levels (such as morphological and phonological) or by building an analytic model starting from the lower levels (the second model can be described as the reverse of the first). For practical reasons the second way was chosen in the present report. For each level (starting with the phonological one) special systems of notation are introduced. Thus, for the phonological level the symbols for distinctive features, phonemes and their relations are introduced; by means of this notation several rules of distribution (that is, restrictions laid on the possible combinations in the text) are expressed. In connection with the phonological description the main characteristics of Proto-Slavic verse are discussed. For the morphological level the symbols for different positional classes of morphemes, grammemes (elementary members of grammatical oppositions) and word-forms are introduced and the rules describing the restrictions laid on the combinations of grammemes in a given word-form are expressed. The syntactical level is described by means of a set of rewriting rules (several restrictions laid on the possibility of the cyclic application of the rules are discussed). The transformational level is described by means of a set of equivalence relations between

different syntactical constructions that express the same syntactical meaning (that is, the meaning-preserving mapping of syntactical constructions is made the basis for the transformational level). The flexibility of a language (in the technical sense of the term introduced by A. N. Kolmogorov) can be measured by the number of all the possible meaning-preserving transformations. Out of all these possible constructions only one can be chosen because of stylistic aims. The stylistic level is described by means of introduction of special notation for objects and predicates (expressed by epithets). It is suggested that simple deductive rules can explain the use of predicates and the equivalence between objects that have the same predicates. The main principles of stylistic organization of a large class of texts are deduced from this system of rules. The possible connections between predicates and the motives based on these predicates are discussed. The notation system introduced for the level of motives is illustrated by the example of the fairy tale analysed according to V. Y. Propp. The last part of the report is dedicated to the analysis of several examples of reconstructed texts beginning with the shortest and simplest forms. As a first example several simple (non compound) Proto-Slavic names of gods taken as minimal Proto-Slavic texts are analysed. After them several compound names of gods are discussed. These names are reconstructed on all the levels starting from the phonological one and ending with the levels of the motives representing the mythological content of the name. The Proto-Slavic compound personal names are described on the basis of the material collected in separate Slavic languages. Several extralinguistic suggestions following from the analysis of these names can shed the light upon the social structure of the Proto-Slavic society. Proto-Slavic compounds discussed in the report are taken as the basis for the reconstruction of the corresponding Proto-Slavic phraseological combinations. One of such combinations is reconstructed on the basis of the direct comparison between phraseological combinations found in separate Slavic languages. The report ends with a discussion of larger texts such as charms (that are organized on the same principle of the equivalence of the objects having identical predicates that serves as a model for the description of the Proto-Slavic style), lamentations (where the survivals of mythological motives and of shamanistic ritualistic songs can be reconstructed), fragments of Proto-Slavic epics and fairy-tales (based on the comparison with Lithuanian material). It is suggested that not only the general scheme of the text, but ritualistic basis of some fairy tales as well can be reconstructed.

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
ДОКЛАДЫ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
V Международнѣй сѣзд славистов
(София, сентябрь 1963)

О. Н. Трубачев

О СОСТАВЕ ПРАСЛАВЯНСКОГО СЛОВАРЯ
(Проблемы и задачи)

Ряд соображений отчасти практического, а главным образом — теоретического характера заставляет нас уже сейчас обратиться к решению проблемы состава праславянского словаря, которая приобретает особую актуальность в связи с возможностью или даже более того — необходимостью по-новому рассматривать этот старый вопрос. Предлагаемый доклад подготовлен на основе пока еще небольшого опыта работы над новым этимологическим словарем славянских языков в Институте русского языка Академии наук в Москве¹, а также некоторых предыдущих исследований², если иметь в виду только специальные работы о древнем славянском словаре как совокупности. Кроме того, постоянные занятия славянской этимологией приводили и приводят почти на каждом шагу к проблеме состава праславянского словаря. Они также в немалой степени вынудили нас определить свою позицию в вопросе состава праславянского словаря, сначала эмпирически, от этимологии к этимологии, а затем и в более общем плане.

Следовательно, обращение к названной теме при таких обстоятельствах, без сомнения, представляется естественным и закономерным. Однако нужно признать, что мы еще далеки от решения проблемы состава праславянского словаря, хотя бы в том объеме, в котором мы представляем ее себе сейчас. Можно ожидать, что в ходе ближайших нескольких лет работы,

---

¹ См. подробно: О. Н. Трубачев. Этимологический словарь славянских языков (Проспект. Пробные статьи). М., 1963, к которому отсылаем читателя, чтобы не повторять здесь положений этой работы. См. также нашу статью «О праславянских лексических диалектизмах серболужицкого». «Серболужицкий лингвистический сборник». М., 1963.

² Ср., например, «Принципы построения этимологических словарей славянских языков». — ВЯ, 1957, № 5.

с накоплением материала, усложнятся и наши представления о проблеме, несколько изменится и понимание наших задач, связанных с ее решением. Но сегодня на вопрос о том, как мы мыслим решение проблемы состава праславянского словаря, мы бы ответили следующим образом:

полная инвентаризация живой лексики праславянского языка, выяснение соотношений общих и частных (региональных, диалектных) ее элементов, установление древних междиалектных изолекс и внешних (славянско-неславянских) изолекс и параллелизмов, новый полный лексический комментарий к праславянскому диалектному членению и описание праславянского словообразования на основе полного отобранного (реконструированного) праславянского лексического фонда.

Ясно, что для того, чтобы приблизиться к такому решению поставленной проблемы, необходимо прежде всего проделать всю работу по отбору праславянского словника нового «Этимологического словаря славянских языков», не говоря уже о надеждах на дальнейшее общее развитие славянской этимологии и пополнение литературы по этимологии, выход этимологических словарей отдельных славянских языков и т. д. Может создаться впечатление (и мы готовы допустить это), что решение проблемы состава праславянского словаря сейчас еще преждевременно. С большим основанием и во всей конкретности вопрос о решении проблемы будет поставлен на следующем, VI Международном съезде славистов. Мы позволили бы себе даже, пользуясь трибуной нашего съезда, сделать уже сейчас заявку на новый доклад для очередного съезда славистов, сформулировав его тему: «О составе праславянского словаря (проблемы и результаты)». Мы исходим из понимания того, что для удовлетворительного решения такой проблемы необходимы не только новые идеи, но и широкая фактическая база, а не выборочные данные, как это вынужденно представлено в нашем теперешнем докладе. Ниже излагаются отдельные предварительные фрагментарные наблюдения над уже собранным материалом по проблеме состава праславянского словаря, приводятся данные о взаимоотношении основных компонентов праславянского словаря — общеславянских и региональных (локальных) элементов — с более пристальным вниманием к этим последним, а не к повторяющемуся общеславянскому фону; наконец, предпринимается очень осторожная попытка обобщения цифровых данных по результатам подготовки праславянских словариков, проведенной автором по некоторым славянским языкам.

Тем не менее, уже сейчас нельзя уклоняться от постановки проблемы в плане принципов и методологии, а также методики.

Промедление здесь может сказаться на всем дальнейшем направлении хода работ в данной области нашей науки. Из такого именно понимания задач исходят, кажется, и организаторы настоящего съезда, включившие, например, в число вопросов к V Международному съезду славистов следующий важный вопрос: «В какой мере и каким образом можно реконструировать лексический фонд праславянского языка? Каким путем следует решать вопрос лексических различий праславянского языка?»

Прежде чем углубиться в специальный вопрос о составе праславянского словаря, видимо, для существа дела будет полезно остановиться на некоторых типичных моментах, которые позволяют нам рассматривать проблему состава праславянского словаря как конкретный вариант более общей проблемы состава словаря³.

Здесь можно отметить правомочность в принципе по крайней мере двух основных решений, подходов к проблеме состава словаря:

I. Предметно-семантический.

II. Структурно-генетический.

Название предметно-семантического подхода к проблеме состава словаря достаточно говорит само за себя, чтобы понять его как учение о сложной совокупности смысловых или предметных групп, образующих то, что мы называем словарем. Предметно-семантический подход составляет основу теории идеологической лексикографии, которая сейчас имеет уже значительные традиции и насчитывает ряд больших трудов как на материале отдельных современных языков, так и на материале целых групп языков. Назовем здесь такие имена как Дорнзайф, Касарес, Бак, Так, Ф. Дорнзайф⁴ представил весь основной словарь немецкого языка в следующих двадцати группах: 1) время; 2) пространство, положение, форма; 3) величина, масса, число, степень; 4) сущность, отношение, совершенство; 5) видимость, свет, цвет, звук, температура, вес, состояния вещества, вкус; 6) неорганический мир, вещества; 7) органический мир, растения, животные, человек (физиология); 8) перемещение; 9) воля и действие; 10) чувственные восприятия; 11) чувства, аффекты, свойства характера; 12) мышление; 13) знак, сообщение, язык; 14) поэзия, письменность; 15) искусство; 16) общество и общность; 17) орудия, техника; 18) хозяй-

³ Кстати о терминологии: русское языкознание не располагает такой удобной парой терминов как Wortschatz — Wörterbuch, słownictwo — słownik, поэтому мы всецело возлагаем надежды только на то, что контекст наших рассуждений о праславянском словаре недвусмысленно указывает на употребление термина *словарь* в значении 'Wortschatz, słownictwo', прибегая к недостаточным синонимам *лексика* и *словарный состав* возможно реже. Омонимичность терминов *словарь I* и *словарь II* не всегда улавливают переводчики на западные языки.

⁴ F. Dornseiff. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen, 3. Aufl. Berlin, 1943.

ство; 19) мораль, право; 20) религия, сверхчувственные категории. X. Касарес⁵, работая над испанским материалом, предлагает следующий общий план идеологической классификации испанского словаря: бог, религия; вселенная: неорганический мир (материя и сила; география, астрономия, метеорология; геология, минералогия); органический мир; растительное царство: ботаника; животное царство: неразумные существа; зоология; человек; индивидуум (как живое существо — анатомия, физиология, медицина; питание, одежда жилище; как разумное существо — чувствительность, разум, воля; чувствительность, смысл, чувства; априорное познание, понимание, мнение, суждение; существование, изменение; отношение, порядок, причинность; пространство; время; количество; пространство, форма, движение, положение; как деятель — поведение, действие); общество (общение, мысли и чувства — язык, искусство; общественные институты — государство, народ, нравы, право и правосудие, собственность, армия; промышленность и занятия — торговля, банк и биржа, сельское хозяйство, животноводство, средства сообщения, горное дело и металлургия, продовольственная промышленность, производства, связанные с одеждой и с жильем.

К. Д. Бак⁶, обследуя уже целый ряд новых и древних индоевропейских языков, располагает лексический материал по такой семантической схеме: 1) физический мир в его наиболее крупных аспектах; 2) человечество: пол, возраст, семейное родство; 3) животные; 4) части тела; функции и свойства тела; 5) пища и питье; приготовление пищи и утварь; 6) одежда, украшения и уход за телом; 7) жилище, дом, утварь; 8) сельское хозяйство, растительность; 9) различные физические действия и действия, связанные со специальными искусствами и ремеслами, орудиями, материалами и продуктами; 10) движение, перемещение, средства сообщения, плавание; 11) владение, собственность и торговля; 12) пространственные отношения: место, форма, объем; 13) количество и число; 14) время; 15) чувственное восприятие; 16) душевное волнение (с некоторыми физическими проявлениями волнения); понятия, связанные с темпераментом, моралью и эстетикой; 17) душа, мысль; 18) произнесение звуков, речь; чтение и письмо; 19) территориальные, социальные и политические деления; общественные отношения; 20) военное дело; 21) закон; 22) религия и суеверие.

Наконец, Тер-Сплавинский и некоторые его ученики обращаются к предметно-семантической классификации словаря

⁵ J. Casares. Diccionario ideológico de la lengua española. Desde la idea a la palabra; desde la palabra a la idea. 2da edición. Barcelona, 1959, стр. XXXIV—XXXV.

⁶ C. D. Buck. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. A Contribution to the History of Ideas. Chicago, 1949.

в плане несколько специальной задачи выделения праславянских пластов лексики некоторых современных славянских литературных языков. Отбираемую лексику (до 2000 единиц) они разносят по рубрикам следующей предметно-семантической схемы⁷:

А. Духовная жизнь человека: душевные эмоции и чувства; некоторые отвлеченные понятия; названия психических действий; психические свойства; психо-физические функции.

В. Мир и внешняя жизнь: земля и небо; растения и их части; животные, их тело и т. д.: а) млекопитающие, б) прочие животные, в) птицы, г) рыбы, д) тело животных, общие понятия, и т. д.; человек: а) общие понятия, б) человеческое тело, в) болезни, г) физические функции; семья. Общественная, религиозная, культурная жизнь; военная жизнь; названия народов; хозяйственная жизнь; пища, посуда; одежда и ее производство; названия физических действий; названия действий, звукоподражательные по происхождению; названия физических особенностей; прочее.

Изложение нескольких предметно-семантических классификаций словаря различных языков, на котором нам пришлось задержаться, имело смысл с разных точек зрения. Прежде всего, совершенно очевидно, что все эти классификации организованы по внеязыковому принципу и материала для суждений о составе словаря они непосредственно не дают. Дорнзайф, видимо, по-своему прав, осуждая алфавитный порядок расположения слов в словарях и выступая в поддержку порядка вещных групп. Он писал: «Таким образом, в практике подачи словаря господствует примерно такое же положение, как в городе, в котором бы население никогда не показывалось на улицах, а вызывалось бы для постороннего посетителя по книге жильцов поодиночке»⁸. Следовательно, по справедливому мнению автора, распространенный до сих пор порядок (буквенный алфавит) — чистая условность, лишенная опоры в языке. Но, предлагая группировку по значениям, предметно-смысловым разрядам, автор по сути дела подменяет один порядок другим, тоже условным порядком, базирующимся главным образом на внеязыковых критериях. Нетрудно, далее, заметить, что упомянутые выше классификации, примененные к весьма различным словарям, отличаются друг от друга в общем несущественно, произвольным размещением материала, формулировкой отдельных разрядов. Так, если мы исключим рубрики, наиболее ярко отражающие позднюю стадию цивилизации (банк,

7 T. Lehr-Splawinski. Element prasłowiański w dzisiejszym słownictwie polskim. «Studia historyczne ku czci Stanisława Kutrzeby», t. II. Kraków, 1938, стр. 469 и след.; T. Z. Orłowski. Element prasłowiański w dzisiejszym słownictwie czeskim. «Studia z filologii polskiej i słowiańskiej», 3. Warszawa, 1958, стр. 267 и след.

⁸ F. Dornseiff. Указ. словарь, стр. 33.

биржа и т. п.), то все по сути дела приведенные идеологические классификации словаря представляются близкими вариантами какой-то одной классификации, более или менее пригодной для широкого круга языков; ср. хотя бы любопытные рассуждения Мошинского о словаре так называемых первобытных народов⁹, который, вопреки устойчивым предрассудкам отдельных исследователей, всегда отражает не один только физический мир (орудия, одежда, полезные ископаемые, растения, животные, производственная деятельность), но также и абстрактные понятия (время, принадлежность, отношение, действие, жизнь, качества предметов, психические состояния).

Таким образом, если мы определим, с одной стороны, основную особенность сравниваемых идеологических классификаций как повторение существенных моментов схемы, а с другой стороны, отметим реальное глубокое своеобразие состава словаря каждого из двух (или более) языков, укладывающихся в одну и ту же идеологическую классификацию, то следует вывод о недостаточности предметно-классификационного подхода к проблеме состава словаря для удовлетворительного решения этой проблемы. Мы склонны расценивать скорее отрицательно перспективы исследования нашей проблемы, которое велось бы исключительно или главным образом в предметно-семантическом плане.

Структурно-генетический подход к проблеме состава словаря основан на признании актуальности не семантического аспекта (смысловые группы слов), а аспекта морфемно-словообразовательных отношений внутри словаря языка и в его связях с другими родственными языками. Понятие семантической группы является центральным в исследовании, для которого анализ такой группы служит самоцелью. Напротив, в исследовании, изучающем состав словаря в его совокупности, понятие семантической группы, думается, не будет достаточно продуктивным, если иметь в виду ответ на вопрос о типичных особенностях состава данного словаря.

Для решения проблемы состава праславянского словаря исследователями накоплен значительный материал по идентификации главным образом инвентаря морфем и их родственных связей, охватывающих, как правило, все или большинство славянских языков и ряд других индоевропейских; такова сущность традиционной постановки вопроса. Современное исследование считает наиболее актуальным выявление этимологических соответствий и параллелей, представленных целыми словами в славянских и неславянских языках; выявление, далее, родственных форм и цельнолексемных соответствий, охватывающих часть славянских языков или один славянский язык и другие индоевропейские языки (проблема праславянских лексических диалектизмов и их удельного веса в общем лексическом составе прасла-

⁹ K. Moszyński. Słownictwo ludów tzw. prymitywnych. — BPTJ, zesz. XV, 1956, стр. 93 и след., особенно — стр. 103.

вянского, о чем специально будет сказано ниже); наконец, внутриславянская лексико-словообразовательная стратиграфия и изолексы — это также почти совсем неразработанный участок проблематики состава праславянского словаря.

К решению вопроса о типичных особенностях состава словаря интересно подойти в плане рассмотрения структуры словообразовательной модели, ее селективных признаков, если позволительно будет так назвать осуществление в конкретной словообразовательной модели сочетания данного корня именно с данным аффиксом при теоретически возможной широте выбора любой другой из определенного круга морфем. Значение внеславянских соответствий целых лексем при этом, естественно, особенно возрастает, представляя некоторые внешние ресурсы определения возраста того или иного сочетания морфем. Систематическая работа в этом направлении, как кажется, еще не начиналась. Интересы этимологии до сих пор направлялись обычно по другому пути, были обращены на иные объекты. Красноречивое подтверждение сказанному находим почти на каждой странице многих этимологических словарей, в которых наиболее точные и полные соответствия и параллелизмы погребены в недрах гнездовых статей. В жертву искусственному принципу расположения материала, искажающему реальную ситуацию и создающему подчас неверное представление о действительном соотношении и степени самостоятельности отдельных словообразовательных моделей, до сих пор на каждом шагу приносились ценнейшие факты. Регулярный учет этих фактов, конкретных словообразовательных моделей, целых лексем должен стать основной функцией этимологии. С этим связано понятное предпочтение одноморфемному соответствию двухморфемного соответствия (обычно «корень + аффикс», реже — «корень + корень», еще реже — «корень + корень + аффикс»), что увеличило бы достоверность результатов этимологического анализа. Двухморфемное соответствие, которое должно стать основным понятием этимологии, придаст последней принципиально новое качество. Разумеется, архаические корни-основы представляют определенное исключение в силу своего своеобразия, но огромное большинство индоевропейских слов вполне подходит под дихотомическое определение корня, оформленного аффиксом, и должно поэтому этимологизироваться в соответствии с этим свойством. В этимологии обычно недооценивается именно сочетаемость различных морфем, их «избирательное сродство» (*Wahlverwandtschaft*) друг с другом. Между тем глубокий интерес представляют как древность селективной характеристики, так и значительные проявления параллельного развития с тождественным результатом. И в том и в другом случае многое пока остается нераскрытым даже в материале, уже добытом этимологическим исследованием. Было бы желательно, чтобы этимологи систематически обращались к решению этих задач.

При рассмотрении вопроса о составе праславянского словаря разграничение элементов исконно славянских и заимствованных (само по себе важное) может иметь, как нам кажется, лишь ограниченную актуальность (кроме таких ярких включений, как германизмы), так как для ранних стадий провести серьезное различие между исконной и заимствованной лексикой очень трудно (ср. противоположные мнения о родстве праслав. *roka и балт. *rankā и о заимствовании праславянского слова из балтийского). Конечно, исследователь проблемы состава праславянского словаря не может пройти мимо того факта, что большая часть славянской лексики носит исконный индоевропейский характер, как и в балтийском, в отличие от армянского, албанского, греческого, германского; число древних заимствований относительно невелико (особенно если учесть, что гипотеза Махека о «праевропейских» элементах в составе славянского словаря не опирается на надежный материал). В остальном для нас важнее и практически удобнее довольствоваться констатацией праславянского характера слова.

Вместе с тем имело бы смысл предпринять в плане исследования проблемы состава праславянского словаря пересмотр некоторых генетических и смежных аспектов, ограничиваясь в отдельных случаях пока постановкой вопроса, а в иных, наиболее благоприятных, решаясь и на более коренную перестройку. Основной компонент состава праславянского словаря восходит к лексике ряда различных, хотя и близких индоевропейских диалектов. В принципе ничто не мешает нам сделать вывод, что между отдельными индоевропейскими диалектами, консолидировавшимися позднее в праславянский, было различие, как между протобалтийскими и протославянскими (в собственном смысле) диалектами. Постепенно накапливается новый материал для пересмотра учения о балто-славянских связях в словаре, причем намечаются уточнения по двум основным линиям: 1) конкретизация аспектов (не вообще балто-славянские отношения и изолексы, а балто-южнославянские, восточнобалтийско-болгарские, балтийско-лужицкие, балтийско-украинско-белорусские и т. п.); 2) пересмотр тезиса об абсолютном превосходстве балто-славянских связей во всех сферах словаря (попытка показать фактически иную ориентацию праславянского словаря была нами предпринята на анализе материала ремесленной терминологии).

В тесной связи с вышесказанным находится проблема общей ориентации состава праславянского словаря. Напомним положение Мейе: «Индоевропейский словарь славянских языков ярче, чем словарь балтийских языков, свидетельствует о его родстве с словарем восточных диалектов».¹⁰ Однако некоторые новые наблюдения и систематически выявляемые новые факты уполномочивают нас к пересмотру этого тезиса о восточной

¹⁰ А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 405.

ориентации как слишком категорического и во всяком случае преждевременного (ср. наши наблюдения о почти трехкратном превышении германско-славянских связей над балто-славянскими в старой текстильной и смежной терминологии). Что касается мнения о западной ориентации балтийского, то тут можно сослаться опять-таки на целый пласт иранско-балтийских словарных параллелей, игнорировавшихся до недавнего времени, весьма внушительных количественно и подкрепляемых иранско-балтийскими соприкосновениями в топонимии¹¹.

Основным правилом при структурно-генетическом подходе к проблеме состава праславянского словаря является, таким образом, выдвижение на первый план формально-словообразовательного и пространственного критериев.

Предметно-семантический подход сохраняет свое подчиненное значение ввиду связи с культурным фоном, а также ввиду обязательности учета последнего при исследовании лексики. Практически на данном этапе наиболее целесообразны и удобны промежуточные решения проблемы состава словаря; компромисс такого рода между предметно-семантическим и структурно-генетическим подходами вызван сохраняющейся пока недостаточностью материалов, на которые можно было опереться в более последовательном осуществлении второго из этих подходов. Что касается самих монографических исследований предметно-семантических групп лексики, то их можно было бы также полнее использовать в наших интересах и поставить на службу проблематике состава словаря как совокупности. Здесь можно упомянуть о перспективе изучения чисто языковых, морфемно-словообразовательных отношений через призму предметно-семантической группы, ср. отчасти уже упоминавшиеся балто-славянские, славяно-германские, славяно-италийские и др. отношения в свете результатов изучения старой текстильной терминологии в славянском и родственных диалектах; попытки реконструкции древних состояний лексики и словообразования¹². Вместе с тем, сознавая слабости предметно-семантического подхода как некоей повторяющейся внеязыковой схемы (в плане исследования всего словаря как совокупности), незначительно варьирующей от языка к языку, нужно уже сейчас искать пути постепенного их преодоления.

Одним из таких путей может быть, как это следует из предыдущих рассуждений, более широкое допущение вопросов

¹¹ Ср. перечень и характеристику соответствующего апеллятивного и топонимического материала в кн.: В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, стр. 231.

¹² См. наши работы: «Формирование древнейшей ремесленной терминологии в славянском и некоторых других индоевропейских диалектах» — в сб.: «Этимология», вып. I (печатается); «К вопросу о реконструкции различных систем лексики» — в кн.: «Лексикографический сборник», вып. VI (печатается).

словообразования в проблематику исследования состава праславянского словаря и вообще — в проблематику состава словаря группы родственных диалектов. Исследование словообразовательно-лексического состава должно вестись по линии выявления архаизмов и новообразований. Наряду с совершенно изолированными случаями того и другого речь идет о каких-то общих инновациях или архаизмах, что дает нам право говорить уже об изоглоссах (изолексах). Общие ранние инновации, как справедливо полагают, — наиболее ценный и показательный материал, однако следовало бы воздержаться от недооценки архаизмов, особенно общих. В конце концов и в том и в другом случае мы можем говорить о возможности независимого параллельного развития. Есть также примеры, характеристика которых как архаизмов или инноваций вообще сопряжена со значительными трудностями. Немалая часть приводимых соответствий теоретически может быть отнесена к числу проявлений параллелизма.

Дальнейшее исследование состава праславянского словаря следует понимать в основном как работу с изоглоссами (изолексами), общими словообразовательно-лексическими особенностями, соединяющими или разъединяющими отдельные группы славянских и неславянских диалектов. Границы между языками, например, между исторически сложившимися славянскими языками, современное классификационное деление славянских языков не обладают достаточным авторитетом в глазах исследователя проблемы состава праславянского словаря. Триумфом исследования состава праславянского словаря следует считать выявление в словаре следов группировок и связей, предшествующих последующей конвергенции и консолидации в существующие славянские языки. Наиболее оправданно и осторожно было бы пользоваться таким более конкретным и ограниченным понятием как «словарь диалекта», и поэтому определение каких-то изолексов как украинских и белорусских и т. п. следует принимать снисходительно, как неизбежный компромисс. Внутриславянские изолексы носят весьма сложный характер и представляют для нас не меньшую ценность, чем славянско-неславянские. Основное положение, из которого важно исходить, изучая проблему состава праславянского словаря, — это автономность праславянских состояний лексики славянских диалектов (языков), на что мы уже указывали в одной из работ.

Главная практическая задача — всесторонняя разработка изолексов разного рода во всех возможных аспектах. Выше уже указывалось на необходимость дальнейшей детализации балтославянских, славяно-германских лексических отношений и изоглосс. Теоретически материал славянско-неславянских лексических отношений нуждается в систематическом пересмотре с точки зрения каждого отдельного славянского и каждого неславянского языка. В результате следует ожидать накопления

большого количества цельнолексемных соответствий и параллелизмов. Характер славянско-неславянских лексических соответствий оказывается различным: а) спорадические изолексы (словацко-латышские, серболужицко-литовские, латышские); б) массовые изолексы, пучки изолексов (южнославянские, болгарско-балтийские).

Между славянско-неславянскими и внутриславянскими изолексами, по-видимому, нет принципиального различия. И здесь в ряде случаев получатся красноречивые пучки изолексов, а остальные случаи представляют единичные, спорадические или второстепенные сходства в лексике, слабо выделяющиеся на фоне словаря, общего для всех славянских языков. Наиболее показательны, разумеется, будут пучки, группы изолексов. Так, самая предварительная проверка обнаруживает ряд выразительных белорусско-сербско-хорватско-словенских, украинско-белорусско-словенско-сербско-хорватских, украинско-белорусских, серболужицко-сербско-хорватских, серболужицко-украинско-белорусских изолексов. Можно предполагать, напротив, отсутствие столь же заметных серболужицко-великорусских, болгарско-украинских изолексов.

Общее замечание, которым целесообразно руководствоваться при отборе изолексов: необходимо наиболее полно описывать не монолитный фон, а более изолированные явления. Это правило хорошо известно из практики внутренней реконструкции. Отбираемые таким образом факты словаря и словообразования, несмотря на свою обычно небольшую численность и кажущуюся случайность, обладают определенной доказательной силой.

Итак, мы подошли к кардинальной проблеме соотношения общих и частных (диалектных, региональных) элементов в составе праславянского словаря. Одним из наиболее актуальных в проблематике состава праславянского словаря является понятие диалектного праславянского лексического элемента. Это понятие выдвигалось нами в статье о проблематике этимологических словарей, где специально обсуждаются «древние диалектизмы, не имеющие других славянских соответствий, но зато располагающие вероятными соответствиями в других индоевропейских языках»¹³. Там же приводится ряд примеров таких лексических диалектизмов из различных славянских языков. Мысль о важности праславянских лексических диалектизмов в составе праславянского словаря находит поддержку у некоторых ученых. Очень внимательно отнесся к ней безвременно скончавшийся И. Попович¹⁴, широко применивший понятие праславянского

¹³ О. Н. Трубачев. Принципы построения этимологических словарей славянских языков. — ВЯ, 1957, № 5, стр. 69.

¹⁴ I. Popović. Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960, стр. 5—6, 16—17, 25—28, 342, 522, 537—541, 544—545, 546—547; е го же. Les noms slaves de 'printemps'. «Annali del Istituto universitario orientale. Sezione linguistica», I, Roma, 1959, стр. 185.

лексического диалектизма на сербско-хорватском материале. Конечно, и здесь изредка приходится встречаться с неполнотой материала изолексов, но в этом виноват не столько Попович, сколько общее отставание данной области славянского языкознания. Так, исключительную, по мнению этого автора, словенско-чакавско-чешскую изоглоссу — словен. *golec* 'юноша', *golica* 'девушка', чак. *golcina* 'парень', *golica, golicina* 'девушка', чеш. *holec, holka* — «sonst unbekannt»¹⁵ — мы могли бы пополнить русским просторечным словом *оголёц* (все вместе — из праслав. *golьььь).

Для нас представляет глубокий интерес то место книги Поповича, где он предварительно определяет количество праславянских слов в сербско-хорватском языке (общеславянские элементы, древние южнославянские, западно-южнославянские регионализмы, исключительно сербско-хорватские праславянские лексические диалектизмы в общенародном языке и говорах): «Можно предположить для них количество в 4 000—5 000 слов. Это должны показать будущие исследования»¹⁶. Отметим, что наши картотеки праславянских словников (индексов) для отдельных славянских языков дают в среднем 5 000 праславянских слов в каждом славянском языке.

Работу с изолексами осложняет трудность хронологизации изолексов и их географической проекции, что побудило нас проявить крайнюю сдержанность в выводах о членении праславянского, простительную, впрочем, в этом предварительном докладе, не опирающуюся еще на полный материал.

Иллюстративный материал, обработанный для настоящего доклада, мы предлагаем в виде нескольких неравноценных фрагментарных эпизодов праславянских лексических отношений: 1) праславянские диалектизмы русского словаря; 2) характеристика праславянских лексических архаизмов и изоглоссов в белорусском; 3) праславянские лексические диалектизмы нижнелужицкого; 4) изолексы словенско-сербско-хорватско-украинско-белорусские, нижнелужицко-украинские (белорусские), лужицко-сербско-хорватские; 5) балто-славянские изолексы (состояние вопроса); 6) возможные выводы о диалектном членении праславянского языка.

1. ПРАСЛАВЯНСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ РУССКОГО СЛОВАРЯ

Приводимый ниже перечень носит предварительный характер и, разумеется, не полон; он представляет собой первую пробу, причем почти исключительно из случаев этимологического характера, в то время как словообразовательные диалектизмы и материалы для внутриславянских изолексов такого рода здесь

¹⁵ J. Popović. Geschichte der serbokroatischen Sprache, стр. 33.

¹⁶ Там же, стр. 522.

почти не представлены. Основным источником нашего списка послужила выборка из «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера, за исключением отдельных случаев, подчеркнутых из собственных этимологических наблюдений. Следовательно, почти весь перечень в несколько десятков слов отражает известные из литературы существующие этимологии. Он достаточно внушительен, чтобы показать ошибочность удерживающегося до сих пор мнения об однородности словаря восточнославянских языков. Правда, и в нашем списке даются отдельные интересные слова, имеющие соответствия в украинском и белорусском, но их меньшинство; праславянские лексические диалектизмы и изолексы, например, в белорусском имеют другой состав. Вначале каждый раз приводится реконструированная праславянская форма, затем краткие сведения о слове; ссылки на Фасмера приводятся по немецкому изданию.

1. **olyni?* — диал. (владим., костромск.) *алынья* 'корова', ср. кимр. *elain* 'оленья самка' из *el-yni; Ильинский (см. ВЯ, 1957, № 6, стр. 93).

2. *bagatyje — диал. *багатые* 'огонь, тлеющий под золой', укр. *багаття*, блр. *багатуце* то же, ср. греч. *φῶγ* 'жарю', др.-в.-нем. *bahhan* 'печь'; Фасмер I, 36.

3. *bagъrъ — *багър*, укр. *багър* 'обод колеса'; неясно, ср. англосакс. *becca* 'мотыка', ср.-в.-нем. *bicke*; Фасмер I, 37.

4. *buga — диал. *буга* 'низкий берег реки, кустарник в пойме', ср. лтш. *bauga* 'болотистое место у реки'; Фасмер I, 134.

5. *bugъrъ — *бугър*, ср. лтш. *baugurs* 'холм'; Фасмер I, 134.

6. *vadъnъ — диал. *вадэнь* 'овод, слепень', блр. *вадэнь* то же, ср. лит. *uodas* 'комар'; Фасмер I, 163.

7. *vaznъ — др.-русск. *вазнь* 'счастье, удача'; Фасмер I, 164.

8. *vebylica, *vebylъ — диал. *вэблица* 'червь', ср. др.-в.-нем. *wibil* 'червь, жук'; Фасмер I, 176.

9. *vъrtъje, *vъrtъ — др.-русск. *вермие* 'черви, саранча', ср. лат. *vermis* 'червь' и др.; Фасмер I, 189.

10. *vъrро, *vъrpti — др.-русск. *верпу* 'рву, граблю', ср. лит. *veŕpti* 'прясть'; Фасмер I, 189.

11. *vetъla — *ветла*, укр. *ветлина*, ср. лтш. *vituðls* 'ива', Фасмер I, 194.

12. *vъlmina, *vъlмъ — др.-русск. *волмина* 'название дерева'.

13. *vorba, *vorbъ — диал. *ворба* 'вид циркуля', *воробы* (мн.) 'приспособление для размотки пряжи', *вороб* 'мотовило', ср. др.-в.-нем. *warf* 'основа ткани'; Фасмер I, 227.

14. *galъka, *gala — диал. *гала* 'горящая головня', ср. ср.-в.-нем. *galm* 'пар, чад'; Фасмер I, 255.

15. *glipati — диал. *глыпать* 'глядеть, озираться', укр. *глыпати* 'мигать'; Фасмер I, 274.

16. *gluda — диал. *глюда* 'глыба, ком', ср. ср.-в.-нем. *klôz* 'глыба, ком'; Фасмер I, 276.

17. *gludъkъjъ — диал. *гладкий* 'гладкий, скользкий', ср. лит. *glaudūs* 'гладкий, прилегающий'; Фасмер I, 276.

18. *gluzdъ — диал. *глузд* 'разум, ум, память', укр. *глузд* то же, блр. *глузды* (мн.) 'мозг', ср. др.-исл. *glögg* 'умный, ясный'; Фасмер I, 276.

19. *glyba — *глыба*, укр. *глыба*, ср. лат. *gleba* 'ком, глыба земли'; Фасмер I, 277.

20. *dorbъ — диал. *дóроб* 'короб, сито', блр. *дóроб* 'короб', укр. *доробáйло* 'сито', ср. др.-инд. *darbhá* 'пучок травы'; Фасмер I, 363.

21. *dukъ — диал. *дук* 'ямка при игре в клюшки, в которую нужно загонять шар'; неясно; Фасмер I, 379.

22. *durъnъjъ, *durъ — *дурной*, *дурь*, укр. *дурний*, блр. *дурны*; Фасмер I, 382.

23. *edme — диал. *эмины* (мн.) 'харч, пища, особенно хлеб, оставляемый для домашнего запаса, не продажный', ст.-русск. *емена*, блр. *эме* (ср.) 'съестное', *эмина* (ж.) 'продовольствие, харчи', *эмя* (ср.) 'предназначенное в пищу', ср. лит. *édmenė* 'съестное', лтш. *ėdmanis*, *ėdminis*, *ėdmenis*, др.-инд. *ádma* ср. 'пища'; «Этимологический словарь славянских языков. Проспект» 50—51.

24. *eršъ? — *эрш*, ср. лит. *erškėtis* 'терновник', лтш. *ērškis*; Фасмер I, 404.

25. *ženъ/**žъnъ*? — диал. *жень* 'бортнические ремни для лазания', ср. лит. *genys*, *geinys* то же; Фасмер I, 419.

26. *žъrstva — диал. *жерст(в)а* 'щебень', укр. *жорствá*, блр. *жерствá*, ср. авест. *zarstva-* 'камень'; Фасмер I, 421.

27. *žuda, *žudъ — диал. *жудá*, *жуть*, блр. *жуда*, ср. лит. *žudyti* 'убивать', англосакс. *gietan* то же; Фасмер I, 430—431.

28. *zordъ — диал. *зарóд*, *зорóд*, *озорóд* 'огороженное место для стога', блр. *азарóд*, ср. лит. *žárdas* 'приспособление для сушки снопов'; Фасмер I, 461.

29. *zatějati, *zatěvati — *затэять*, *затевать*, блр. *зацэяць*, *зацевáць*, укр. *витівáти*, ср. лтш. *tievēt* 'стремиться к чему-либо'; Фасмер I, 445.

30. *zudъ, *zuděti — *зуд*, *зудеть*, ср. лит. *žaudus* 'раздражительный'; Фасмер I, 464.

31. *kyšěti/**kyšati*? — *кишеть*, укр. *кишіти*, блр. *кишаць* то же, ср. лит. *kušėti* 'шевелиться'; Фасмер I, 564.

32. *klekъ — диал. *клёк* 'лягушачья икра', *клёкнуть*, ср. лит. *klėkti* 'густеть'; Фасмер I, 567.

33. *klypati — диал. *клыпать* 'хромать', ср. лит. *klūpti* 'спотыкаться', *klūpoti* 'стоять на коленях'; Фасмер I, 574.

34. *komъlъ — *комель*, ср. лит. *kamienas* 'ствол, комель'; Фасмер I, 607.

35. *kъrzina, *kъrza — *корзйна*, укр. *корзйна*, ср. лтш. *kuřza* 'кузовок для ягод, корзина'; Фасмер I, 626.

36. *kormyslo — *коромысло*, укр. *коромисло*, блр. *карómисел*; неясно, Фасмер I, 631.
37. *korь — *корь* 'моль', ср. греч. *κόρις* 'клоп'; Фасмер I, 639.
38. *kustь — *куст*, укр. *куст*, *куц*, блр. *куст*, ср. лит. *kuókštas* 'куст'; Фасмер I, 704.
39. *lezo, *lezvo, *lezvьje — *лэзвие*, укр. *лэзо*, *лэзво*, блр. *лэзіва*; неясно, Фасмер II, 26.
40. *lěkь — русск.-ц.-сл. *лѣкь* 'остаток', ср. лит. *atlaikas* то же; Фасмер II, 27.
41. *lepestь — *лепест(ок)*, ср. греч. *λέπος* 'кора'; Фасмер II, 32.
42. *lěть — *леть* 'течка', укр. *літь*, *літити* 'оплодотворять', ср. ср.-ирл. *lath* 'течка'; Фасмер II, 36.
43. *libiti — *лѣбить* 'ловить (раков на приманку)', блр. *лѣбіць* то же; Фасмер II, 39.
44. **ligoziti?*/*ligati — диал. *лигозить* 'путать нити при тканье', укр. *полігатися* 'связываться', *налігати*, ср. лат. *ligāre* 'связывать'; Фасмер II, 40.
45. *luna — диал. *лунá* 'смерть', блр. *лўнуць* 'погибнуть', ср. лит. *lavonas* 'труп', *liautis* 'перестать'; Фасмер II, 69.
46. *mězgyrь/*mozgarь — диал. *мизгўрь* 'паук', *мазгáрь* то же, ср. лит. *mezgù*, *mėgsti* 'вязать', др.-в.-нем. *masca* 'петля'; Фасмер II, 133.
47. *mьšelь — др.-русск. *мышель* 'стяжание', ср. др.-инд. *miśam* 'обман'; Фасмер II, 182.
48. *evinь — *овін*, ср. лит. *jauja* 'амбар, сушилка', авест. *yavīn-* 'хлебное поле'; Фасмер II, 249.
49. **o(b)sverь*, *sverь — диал. *освѣр*, *освѣр* 'рычаг', ср. лит. *sveřti* 'взвешивать', *svāras* 'гиря, весы'; Фасмер II, 280.
50. *plenyь/*plěnyь — диал. *плень* 'гниль', ср. лит. *plėnys* (мн.) 'пепел, зола'; Фасмер II, 369.
51. *pylba — *пóлба*, ср. греч. *πόλφος* 'лапша'; Фасмер II, 391.
52. *prijutь/**prijotь?* — *приют*, ср. лтш. *jūmte*, *jumta* 'крыша', *ra-jumte* 'приют'; Фасмер II, 436.
53. *ružь, *ruža — диал. *ружь* 'наружность', *рўжа* то же, ср. лтш. *raūgs* 'глазное яблоко, зрачок', греч. *ρουγός* · *πρόσωπον*; Фасмер II, 545.
54. *svigati — диал. *свигáть* 'гоняться, спешить, бегать', ср. лит. *svaigti* 'испытывать головокружение', англосакс. *swīcan* 'странствовать'; Фасмер II, 592.
55. *spina — *спинá*, укр. *спинá*, ср. лат. *spīna* 'шип, хребет', лтш. *spina* 'прут'; Фасмер II, 708.
56. **igr'umъь*, **gr'umъ* — *угрюмый*, ср. нем. *grauen* 'вселять страх'; Фасмер III, 172.
57. *uditi/*udēti — диал. *ўдить* 'зреть, наливаясь' (о зерне), ср. н.-е. название вымени; Фасмер III, 174.
58. *uslo — диал. *услó* 'начатая ткань', ср. лит. *audžiu*, *áusti* 'ткать', др.-инд. *ótum* то же; Фасмер III, 190—191.

59. *utrinъ — русск.-ц.-сл. *утринъ*, *утрънь* 'полотняной', ср. др.-инд. *ótum* 'ткать'; Фасмер III, 194.

60. *ušь — др.-русск. *ушь* 'чертополох', ср. лит. *usnìs* 'чертополох'; Фасмер III, 198.

61. *ujotъ — *у́ют*, *у́ютный*, см. *приют*, *ютить*; Фасмер III, 198.

62. *xmyliti, **xmyl'ati* — диал. *хмылить*, *ухмыляться*, ср. ср.-в.-нем. *smielen* 'улыбаться'; Фасмер III, 252.

63. *čьrvъ — диал. *черв* 'серп', ср. лит. *kīrvis*, лтш. *cirvis* 'топор'; Фасмер III, 317.

64. *šeludь/**šelodь?* — *шэлуди* (мн.), *шелудивый*, укр. *шблуди* (мн.), блр. *шблудзи* (мн.); Фасмер III, 388.

65. *šьstъ — *шест*, ср. лит. *šėkštas* 'выкорчеванный ствол, колода'; Фасмер III, 394.

66. *šustrъjь — *шустрый*, ср. лит. *siuntù*, *siùsti* 'сходить с ума', *siaūsti* 'буйствовать'; Фасмер III, 439.

67. **ščelokъ?* — *щёлок*, ср. др.-исл. *skola* 'полоскати, стирать'; Фасмер III, 447.

68. *ščьlbъ — диал. *щолб* 'красная глина', укр. *щовб* 'крутая вершина, утес', ср. др.-исл. *skjölf* 'возвышенность, мель', англ. *shelf* 'полка, мель'; Фасмер III, 453.

69. *jotiti — *ютить*; Фасмер III, 474.

70. **jag(ъ)ljь*, **jag(ъ)liti* — диал. *яглый* 'ярый, усердный, быстрый', *яглить* 'сильно желать, стремиться', блр. *яглиць* 'горячо желать, донимать просьбами', ср. лит. *jėgà* 'сила', греч. ἴβη 'крепкий возраст, юность'; Фасмер III, 480.

Праславянский словарь для русского языка, составляемый В. А. Меркуловой (ИРЯ АН СССР), содержит свыше 5000 слов; несколько десятков праславянских лексических диалектизмов в русском словаре, перечисленных нами, представляют собой внешне небольшую долю этого количества. Однако многие из них принадлежат к числу наиболее употребительных слов общенародного русского языка: *багор*, *бугор*, *ветла*, *гыба*, *дурной*, *ёрш*, *жуть*, *затаять*, *зуд*, *кишеть*, *клёкнуть*, *комель*, *корзина*, *коромысло*, *куст*, *лезвие*, *лепесток*, *полба*, *наружу* (*снаружи*), *спина*, *угрюмый*, *ухмыляться*, *шелудивый*, *шест*, *шустрый*, *щёлок*, *ютиться* (*приют*, *уют*). Остальные слова нашего списка распределяются между диалектами и древнерусским языком. Обращает на себя внимание семантическое разнообразие перечисленных слов, которые охватывают буквально все жизненные сферы: предметы хозяйственной деятельности, растительный и животный мир, части земного рельефа, физические признаки предметов, названия частей тела и физических качеств человека, названия духовных качеств и состояний, названия ряда действий. Все это позволяет нам расценивать довольно высоко долю праславянских лексических диалектизмов в словаре русского языка.

2. ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАСЛАВЯНСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ АРХАИЗМОВ И ИЗОГЛОСС В БЕЛОРУССКОМ

Ставя такую проблему на материале белорусского языка, мы отдаём себе отчет в ее трудности. Прежде всего, для русского языка мы могли довольно легко составить подобный список, опираясь на новый этимологический словарь; белорусского этимологического словаря еще нет, и в каждом отдельном случае нужно проделывать всю работу с самого начала. Поэтому предлагаемый нами анализ, естественно, может быть не свободен от пробелов. Вместе с тем и в таких невыгодных условиях удалось, как нам кажется, выдвинуть ряд новых этимологий, указать некоторые словообразовательно-лексические изоглоссы и в целом собрать довольно интересный материал. Перечень белорусских фактов, собранных под таким углом зрения, может, кроме того, иметь значение и для преодоления некоторых еще удерживающихся предрассудков во взглядах на состав праславянского словаря вообще, на степень монолитности словаря восточнославянских языков — в частности. Учитывая, что белорусский материал вообще собран очень неудовлетворительно и в этимологии используется плохо, а его источники весьма разнородны, мы старались изложить свои данные подробнее, не страшась неизбежных длиннот. На основании этих же соображений мы предпосылаем нашей характеристике библиографию словарных и других источников, использованных нами при составлении праславянского словника для белорусского языка в целом.

- М. Байкоў і С. Некрашэвіч. Беларуска-расійскі слоўнік. Менск, 1925 (Байкоў — Некраш.).
- П. В. Владимиров. Доктор Франциск Скорина. Спб., 1888 (Скорина, Владимиров).
- М. Гарэцкі. Беларуска-расійскі слоўнічак, выд. 3. Менск, 1925 (Гарэцкі).
- Н. Горбачевский. Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и Царства Польского. Вильна, 1874 (Горбач.).
- Е. Ф. Карский. Белоруссы, кн. (т.) I—III. Вильна, Варшава, М.—Пг., 1904—1922 (Карский. Белор.).
- М. І. Каспяровіч. Віцебскі краёвы слоўнік (матар'ялы), пад рэд. М. Я. Байкова й праф. Б. І. Эпімаха-Шыпілы. Віцебск, 1927 (Каспяровіч).
- «Матэрыялы для слоўніка народна-дыялектнай мовы» пад рэд. Ф. Якоўскага. Мінск, 1960 (Мат.).
- И. П. Новицкий. Справочный словарь юридических терминов древнего актового языка юго-западной России. Киев, 1871 (Новицкий).
- И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. Спб., 1870 (Носович.).
- И. И. Носович. Дополнение к Белорусскому словарю. Спб., 1881. — Сб. ОРЯС, т. XXI, № 6 (Носович., Доп.).
- П. А. Расторгуев. Северско-белорусский говор. Исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров. Л., 1927 (Расторгуев, Северск.-блр.).
- Е. Р. Романов. Белорусский сборник, вып. 1—9. Киев, Витебск, Вильна, 1886—1912 (Романов).
- «Русско-белорусский словарь» под ред. Я. Коласа, К. Крапивы, П. Глебки. М., 1953 (Русск.-блр.).

- А. К. Сержпутовский. Грамматический очерк белорусского наречия дер. Чудина, Слуцкого уезда, Минской губернии. — Сб. ОРЯС, т. LXXXIX, № 1. Спб., 1911 (Сержпутовский, Чудина).
- Chr. S. Stang. Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen. Oslo, 1935 (Stang, Westruss. Kanzleispr.).
- Chr. S. Stang. Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk. Oslo, 1939 (Stang, Urk. Polozk).
- M. Fedegowski. Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej. Kraków, t. I—III, 1897—1903 (Feder.)
- «Хрэстаматыя па гісторыі беларускай мовы», ч. I—II. Мінск, 1961 (Хрэст.).
- М. В. Шатэрнік. Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны. Менск, 1929 (Шатэрнік).
- Ф. Янкоўскі. Дыялектны слоўнік. I. Мінск, 1959 (Янкоўскі I).
- Ф. Янкоўскі. Дыялектны слоўнік. II. Мінск, 1960 (Янкоўскі II).

1. *абравіта* 'прямо' (Расторгуев, Северск.-блр. 139). Неясно.

2. *абрўд* 'нижняя часть деревянной посуды, от дна': *вадро цячэ ў вабрудзе* (Шатэрнік 5). — Из праслав. диал. *ob(ъ)-rodъ? ср. *redъ, русск. *ряд*, лит. диал. *rindà* 'ряд, линия'; см. о последних Миклошич EW 276, Фасмер II, 561, Френкель LEW 735.

3. *агáзны, агáзьлівы* 'надоедливый, озорной' (Касьпяровіч 9), праслав. *o(b)gazъnъ, *o(b)gazъlivъjъ? Ср. слав. *gaziti, лит. *gòžiti* 'прокинуть, пролить; разрастаться; неуклюже шагать'; см. о последних Бернекер EW I, 299, Френкель LEW 162. — Или из *g(v)azd-, ср. русск. *гвázдять* 'марать, пачкать': *gad-/ *gyd-; ср. еще укр. диал. (зап.) *огáзнути* 'покрыться ином'.

4. *азарбд* 'переплёт на столбах, сделанный из жердей для хлебных снопов вроде лестницы' (Носович. 3), *азеруѡд* (Сержпутовский, Чудина 49), *азярбд* 'прясло для сушки снопов' (Русск.-блр., Касьпяровіч 17, Мат. 161), диал. *азярбт* 'скразны вецер, пройма' (Мат. 151). — Из праслав. диал. *ob(z)erdъ, *zordъ (наряду с *gordъ), см. выше о русск. диал. *зарбд, зорбд*.

5. *анярзáць* 'ударыць, перацягнуць' (Мат. 121), *перазáцца* 'опоясывать' (Байкоў — Некраш. 232), *надперазáць* 'подпоясать' (Русск.-блр.). — Из праслав. диал. *o(b)perzati, *perzati, откуда также укр. *оперзáти* 'опоясать' и, возможно, с.-хорв. *запрéзати, зáпрéжём* 'gürten, vorschürzen, praecingo' (Вук Карадж. 199); далее связано с *perz 'через'. См. Миклошич EW 244, «Этимологический словарь славянских языков. Проспект».

6. *аталéк* 'покой; отбой': *ад свáней аталéку нет* (Касьпяровіч 26). — Вместе со ст.-сл. *отълéкъ* 'остаток', русск. диал. *отлéчитьсá* 'остаться' восходит к праслав. *otъlěkъ, наряду с *otlěkъ, откуда русск. стар., диал. *блэк*, бортнический термин. Ср. лит. *átlaikas, /átliekas* 'остаток', см. о близких формах Бернекер EW I, 710, Траутман BSW 155, Френкель LEW 331, Фасмер II, 263, 291. Заимствование блр. слова из литовского маловероятно.

7. *ббрзды* 'быстрый, проворный' (Русск.-блр.), ст.-блр. *борздо, борздый* (с XV в., Карский. Белор. II, I, 447; Скорина, Влади-

миров 302; Храст, I, 173 и след., Stang, Westruss. Kanzleispr. 147; Urk. Polozk 141). — Блр. *бѣрзды* вместе с с.-хорв. *брзѣѹца* 'стремнина в ручье' восходит к праслав. диал. *bъrzdъ, ср. лит. *burzdùs, bruzdùs* 'подвижный', в то время как во всех остальных славянских языках представлен тип *bъrztъ, — см. уже Траутман BSW 40, Попович, Geschichte 544 (последний — ошибочно, без блр. соответствия).

8. *вад* 'зной' (Байкоў — Некраш. 54, Гарэцкі 26), *вадны* 'знойный' (Байкоў — Некраш. 55, Носович 42: *вадны́й дзень*). — Это исключительно белорусское слово представляет собой лексему древнего вида, не имеющую надежных связей в славянском словаре, которую мы восстанавливаем как праслав. *vadъ; дальнейшие связи последнего неясны.

9. *верабѣй* 'воробей' (Русск.-блр.), *веребѣй* (Носович 48), др.-русск. *веребии* 'воробей' (Переясл. летоп. под 6454 г., Срезн. I, 243) продолжают праслав. диал. *verbъjъ, связанное отношением чередования гласного корня с *vorbъjъ (русск. *воробѣй* и др.), *vorbъсь; см. Траутман BSW 342.

10. *всапа* 'оса' *Vespa vulgaris* (Касьярови́ч 61) с известной осторожностью может быть объяснено из *vospa, реликта древней метатезы, представленной в лат. *vespa* 'оса' (из *vospa, Вальде² 827) и соврем. нем. *Wespe* то же, при более распространённом первоначальном типе **vo(p)sa* из и.-е. *uobhsa, откуда праслав. *(*v*)*osa*, русск. *оса́*, блр. *асá*, *асвá* и др., лит. *vapsà*, др.-в.-нем. *wafsa* (Траутман BSW 342, Покорный, I, 1179).

11. *вусны* pl. tant. 'уста, губы' (Русск.-блр.) восходит к праслав. *ustъna, представленному в значении 'губа, губы' главным образом в ю.-слав.: ст.-сл. *оустъна*, болг. *ѹстна*, с.-хорв. *ѹсна*, словен. *ustna*, см. Миклошич EW 372; по-видимому, это — древнейшее название губы, ср. Porzig, Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets 114, где указывается на множественность названий губ в и.-е. языках. Ср. также «Этимологический словарь славянских языков. Проспект»: пробная статья *vorga и карта 'губа'.

12. *вѣсаланѣць* 'высунуть язык' (Гарэцкі 34), *вѣсалунѣць*, *высалунѣць* 'высовывать, высунуть (язык)' (Байкоў-Некраш. 70), *высолунѣць*, *вѣсолунѣць* 'выставлять напоказ, высовывать', *солунѣць* то же (Носович 96, 599—600); укр. *вѣсолонити* 'высунуть, вываливать (язык)', по-видимому, продолжают праслав. диал. *vysolpiti/*vyselpiti, *vysolpati/*vyselpati, *selpati, ср. ст.-сл. *слѣпати* 'ἀλλεσθαι, salire', русск.-ц.-сл. *слѣпати* 'течь, бить ключом' (Срезн. III, 441), далее ср. лит. *išselp-inėti* 'расходиться, разделяться', см. о последних Миклошич EW 307, Траутман BSW 256, Френкель LEW 760.

13. *галѣча* 'бедность, нищета' (Русск.-блр.), 'гололедица; голытьба' (Гарэцкі 37), 'бедняк, беднота' (Касьярови́ч 73), восходит через *goletja к праслав. диал. *golotja, которое мы реконструируем также на основе укр. *голѣча*, с.-хорв. *голдѣа*,

словен. *golóca*; см. «Этимологический словарь славянских языков. Проспект».

14. *gámatny* 'плотный, массивный' (Русск.-блр.) может вместе с чеш. *hmotný* 'материальный, телесный', диал. (мор.) *hamatný* 'сильный, толстый, плотный, свалаявшийся' продолжать праслав. *gomotъnъjъ от *gomotъ, *gomota. См. об этих словах (без белорусского) Бернекер EW I, 327, Machek Etym. slovn. 123, 133.

15. *glýca* (ж.) 'весенний ветер' (Гарэцкі 40, Байкоў-Некраш. 80); неясно.

16. *glýza* (ж.) 'глыба' (Байкоў-Некраш. 81) может в качестве праслав. *glyza представлять одну из многочисленных словообразовательных разновидностей общей исходной основы, ср. праслав. *glyba (русск. *глыба*), праслав. *gluda (русск. *глыда*), праслав. *gluta (словен. *gluta*) — все с близкими значениями 'глыба, ком, шишка'. Сюда же, с отличием в вокализме праслав. *glazъ (русск. *глаз*, польск. *glaz*).

17. *gusyčeca* 'густы зараснік', диал. (Mat. 163), возможно, продолжает праслав. диал. *gystotja, ср. *галеча*, *малеча* и др. на *-otja, имеющие параллели, кроме украинского, еще в западной группе ю.-слав. языков.

18. *daбáд* 'лебедь': *дабады висока лётаюць* (Касьяровіч 89). Следует обратить внимание на это, по-видимому, старое слово с темной формой, не служившее предметом этимологического исследования. Утверждать о его связи с другими славянскими названиями лебедя — *elbedь, *olbqđь пока затруднительно. Быть может, первоначальная форма здесь затемнена по мотивам табу.

19. *дброб* 'короб', *дорóбка* 'коробка' (Носович 141, 142) — из праслав. диал. *dorbъ, см. выше раздел о русских словах.

20. *драгбá* 'топь' (Касьяровіч 97), *дрыгвá* 'топь', 'трясина' (Русск.-блр., Касьяровіч 99) — из праслав. диал. **dreg(ъ)va*, родственного лит. *drėgnas*, лтш. *drėgnis* 'сырой', Фасмер I, 368—369, где сюда же относится вост.-слав. племенное название *дреговичи*.

21. *дрўзлы* 'дряблый' (Русск.-блр.), 'обрюзгший' (Касьяровіч 98), вероятно, из праслав. диал. *drqzľъjъ, ср. лит. *drumzlūs*, *drumžlinas*, *drumžlūs* 'мутный', далее сюда же — с другой ступенью вокализма и отличиями в суффиксе — ст.-сл. **ДРАСЕЛЪ**, **ДРАХЛЪ** 'печальный, скорбный', русск. *дряхлый* и др., о которых см. Бернекер EW I, 222—223, Фасмер I, 376, Френкель LEW 106.

22. *éме* ср. 'употребление в пищу, ядение': *отбираем жито, што на éме, а што на семе* (Носович 723), *éме* 'съестное' (Касьяровіч 102), *éмина* (ж.) 'продовольствие, харчи' (Байкоў-Некраш. 100), *éмінка* (ж.) 'отборный картофель для употребления в пищу' (Касьяровіч 102), *éмя* 'предназначенное в пищу' (Гарэцкі 52) — из праслав. диал. *édme, *-mene*, откуда и русск.

диал. *емны*, ст.-русск. (XVII в.) *емена*, см. соответствующее в разделе о русских словах, выше.

23. *жупіць* 'говорить, беседовать, разговаривать' (Байкоў-Некраш. 103) — из праслав. *žipiti, ср. русск. диал. *жупётъ* 'петь (о птицах)', о котором см. Фасмер I, 433; далее ср. русск.-ц.-сл. *жупелица*, *жупельць* 'жук' (Срезн. I, 885). Сюда же с другим расширением той же основы — русск. *жук* и родственные.

24. ст.-блр. *зерема*, *зеремени* «*месца, дзе знаходзіцца статак баброў*», Литовский статут 1588 г.: *о бобровые гоны* (Хрест. I, 220, 221, 470), *зереме* 'отдельное место, в котором находилось особое стадо бобров. На расстоянии брошенной палки от зеремени запрещено было законом орать поле или иметь сеножать' (Горбач. 395). Другим славянским языкам неизвестно. Для древнерусского периода *зерема* приводится только из юго-западных памятников (Срезн. I, 977, с XV в.). Насколько известно, до сих пор исследователями не этимологизировалось. — Ст.-блр. *зерема*, *зереме* может быть объяснено из праслав. диал. *zerdmę, собственно — **zerd-men-* 'огороженное', которое связано чередованием гласного корня с праслав. диал. *zordъ, **o(b)zordъ*, см. выше блр. *азарбд*, *азярбд*, русск. диал. *зарбд*, *зорбд*. Территории праслав. диал. *zerdmę и *zordъ в значительной части покрывают друг друга, в обоих случаях центр — в белорусском языке. На это обстоятельство, как и на сохранение только в этом районе праславянского диалектного продолжения и.-е. **ǵherdh- / *ǵhordh-* (наряду с повсеместным отражением **ǵhordh-* в остальных славянских), стоит обратить особое внимание. Реальная сторона этимологии праслав. диал. *zerdmę — 'огороженное' как названия места обитания речного бобра-строителя *Castor fiber* как будто не должна вызывать сомнения.

25. *знушчáцца* 'глумиться' (Гарэцкі 69), 'глумиться, издеваться' (Расторгуев, Северск.-блр. 144), укр. *знущáтися* 'издеваться' могут продолжать праслав. диал. *znušcati se, ср. с другой приставкой польск. *poduszczac* 'подстрекать', см. подробнее «Этимологический словарь славянских языков. Проспект». Булаховский («Питання походження української мови», Київ, 1956, стр. 65) объясняет *знущатися* из *zgnušcatися.

26. *золь* 'непогодь, ненастье, сырой туман' (Гарэцкі 69), *зблкі* 'надта халодны' (Мат. 27), возможно, восходят к праслав. диал. *zoltъkъjъ, *zoltъ, ср. лат. *gelidus* 'очень холодный', *gelu* 'холод, мороз', англосакс. *ciele* (< *kali) 'холод' и родственные, см. Вальде² 335, Покорный I, 365—366.

27. *зурьць* 'старательно гнать': *пугу вазьмі ды зуры свьіньней* (Шатэрнік 120), возможно, из праслав. *zuriti, откуда, например, и чеш. *zuriti* 'бушевать, свирепствовать, приходиться в ярость' (последнее объясняется иначе Махеком — Etym. slovn. 589); далее родственно лит. *žiaurūs* 'жестокий, свирепый'.

28. *какалѹга* 'черемуха' (Касьярович 149), *какалѹша* 'черемуха' (Шатэрнік 126), *калакалѹша* то же (Байкоў-Некраш. 139, Касьярович 149) Не вполне ясное слово.

29. *каліва* 'зерно; очень малое количество чего-либо' (Носович 228), *каліва* ср. 'особь (растения); зерно, крупинка' (Байкоў-Некраш. 139), *каліва* ср. 'молодое растение; немножко; зерно': *каліва гароху* (Касьярович 150), *каліва* 'стебли картофеля' (Расторгуев, Северск.-блр. 145); ср. еще Романов 1, 2, 244: *на гарбѣдзи на градзе три калівы мяты... три калівы бобу... три калівы пшонки...*; Карский. Белор. II, 2, 23: *kāliwo* (Чечот). — Из праслав. диал. *kalivo или *kǎliwo, ср.* *kǎlǐ* 'росток', *kǎlǐti 'давать росток, прорастать', см. перечень форм у Бернекера EW I, 661 (без блр. слова); там же все эти слова относятся к **kol'g*, *kolti, русск. *колоть* и др. Преображенский I, 285 и Фасмер I, 508—509 приводят форму *каліво* только из пограничных русских говоров и дают ей менее вероятные толкования.

30. *калматы* 'косматый' (Гарэцкі 74), 'косматый, лохматый' (Байкоў-Некраш. 139: *мох калматы*). Возможно, продолжает *kǎlmatǐjь, дальнейшие связи которого неясны. Ср. укр. *кѣмно* (ср.) 'вязка конопля или льна' (Гринч. II, 262) из праслав. *kǎlmo.

31. *камѣзы* 'комолый, безрогий' (Гарэцкі 74) — из *komezǐjь, словообразовательный вариант праслав. *komolǐjь, о котором см. подробно Бернекер I, 554. — Подобно тому как праслав. *komolǐjь/**gomolǐjь* (польск., чеш.) сближаются с лит. *gamulà* 'безрогая скотина', *gùmulti* 'мять', (см. Френкель LEW 132), праслав. диал. *komezǐjь можно сравнить с лит. *gāmužas* 'ком', лтш. *gùmza* 'изгиб, неровность, складка'. Ср. и др.-прусск. *camstian* 'овца'.

32. Ст.-блр. *кремъ* 'соты, оставшиеся в улье, в котором вымерли пчелы', Литовский Статут (Горбач 187), не совсем ясно. Ср., с одной стороны, праслав. *kremǐjь (русск. *кремль*), *kremь, *kroma со значением края, ломтя, части; с другой стороны — ср. лит. *korǐs* 'сот, ячейка в нем', наконец, греч. *κρομαίωμα* 'вешаю': и.-е. **kr-/*kor-* (лит. *kárti* 'повесить') и идентичные расширения *-em-*. См. соответствующий материал у Фасмера I, 659, 666, Френкеля LEW 224, 283, Буазака, Dictionnaire étym.⁴ 513.

33. *курáпа* 'жаба' (Гарэцкі 85), 'лягушка' (Расторгуев, Северск.-блр. 146) — из праслав. диал. *korpa (через *koropa, ср. *смурод* < *смород*), откуда также укр. *корѡпа*, *корѡпавка*, *корѡпавиця* 'жаба', словен. *krápravica* 'жаба', см. Бернекер EW I, 574—575, Фасмер I, 632, которые связывают далее славянские слова с лит. *kárpa* 'бородавка'. Сюда же польск. *gorpicha* 'жаба' < *chgorpicha < праслав. **xorp-/*koorp-*, как правильно понимал уже Брюкнер — Slown. etym. 463. Сближение с лит. *rùpžė* 'жаба' (Френкель LEW 751) нуждается поэтому в пересмотре.

34. латно́ 'выгодна, вельмі добра, зручна' (Мат. 141) — из праслав. *latъnъ, которое родственено праслав. *latja, *latvъjъ, *latjъnъjъ, см. последние у Бернекера EW I, 694.

35. лыч 'рыло (свиньи)' (Русск.-блр., Гарэцкі 89, Сержпутовский, Чудина 54) — из праслав. диал. *lyčь < lūkjo-, ср. лит. laičkas 'с белым пятном на лбу (о животном)', лат. lūcidus 'светлый', сюда же праслав. *lučь (русск. луч); ср. особенно лит. liaukà 'железа (шейная)', laukos (мн.) 'железы у свиньи', лтш. laukas (мн.), ļauka 'болезнь свиньи, опухоль желез'; см. об этих словах, кроме белорусского, Траутман BSW 151, Френкель LEW 344, 361.

36. макрѣча 'мокрядь, мокрота' (Русск.-блр.) — из *mokrotja, ср. галѣча, малѣча и др.

37. малѣча 1. 'малолетний', 2. 'мальчуги' (Носович 278), укр. малѣча (собр.) 'малые дети, малыши', с.-хорв. малѡћа 'малость, малое количество', словен. talѡča 'мелочь' — из праслав. диал. *malotja, см. «Этимологический словарь славянских языков. Проспект».

38. маркѣч 'баран-производитель' (Русск.-блр., Носович 280) — из *търкачъ, ср. болг. диал. мъркалѣц то же (см. подробнее: Трубачев. «Происхождение названий домашних животных». М., 1960, стр. 81).

39. мѣлица (ж.) 'камыш', 'тросточка' (Байкоў-Некраш. 170) — из праслав. диал. *milica, *milь, откуда также в.-луж., н.-луж. (wѡдна) mīl 'стреловист, шильник'; см. подробнее: Трубачев. «Серболужицкий лингвистический сборник».

40. мнѣц 'работник, мнущий искусно лен или пеньку; мяльщик' (Носович 286), ср. укр. мнѣць 'кожемяка', словен. menč «der Hirsetreter, der Ölschläger» — из праслав. диал. *тъньсь (: *meŋi), ср. далее др.-прусск. туніх 'кожевник', лит. minikas 'мяльщик', см. «Этимологический словарь славянских языков. Проспект».

41. мѣлиць 'натирать, надавливать' (Байкоў-Некраш. 172), а также ю.-в.-р. мѣлѣти, укр. мѣлѣти, с.-хорв. мѣлѣти 'мять (виноград)', словен. mīliti 'тереть, притуплять, срывать (листья)' — из праслав. *muliti, см. подробно Фасмер II, 172.

42. напавѣць 'напоить' (Расторгуев, Северск.-блр. 147), особенно укр. напувѣти то же, ср. н.-луж. пароваš то же, — из праслав. диал. *parovati; см. подробнее: Трубачев. «Серболужицкий лингвистический сборник».

43. палѣтак, род. -тка 'клин (напр. яровой)' (Русск.-блр.), палѣтак (Сержпутовский, Чудина 52), ср. сербохорв. пѣлетак 'остаток на поле после сбора урожая' — из праслав. *palětъkъ/ *polětъkъ; см. еще «Этимологический словарь славянских языков. Проспект».

44. пашиѣк 'род червей, находящихся у лошадей в заднепроходной кишке': у коня пашиѣки торчаць (Носович 395). — Может быть понято как *pošakъ < *postjak- от и.-е. *post(i)

‘после, сзади’, ср. лит. *pāstaras* ‘последний’, особенно — *pasčiūkai* (мн.) ‘жидкое пиво, брага’, далекое семантически, но с близким суффиксальным расширением (см. о литовском слове Френкель LEW 543—544).

45. *nėtavaць, nėtaць* ‘бить, колотить’ (Байкоў-Некраш. 237) — из *petati, ср. лат. *petō, -ere* ‘набрасываться, стремиться, желать’ и др., о которых см. Покорный I, 825—826.

46. *прастѣча* (ж.) ‘простота’ (Байкоў-Некраш. 248) — из *prostotja, ср. *галѣча, малѣча* и т. п.

47. *прид* ‘край в дне деревянного сосуда’: *бочка у придах процекаець* (Носович 500), сюда же русск.-п.-сл. *придѣ* ‘прибыль, выгода’ (Срезн. II, 1399), с.-хорв. *прид* ‘придача, прибавка (при купле-продаже)’ — из праслав. *pridъ, родственного лит. *priėdas*, лтш. *prieds* ‘придача, прибавка’, см. (без упоминания блр. слова) Френкель LEW 652. Образование *pri-dъ совершенно аналогично, например, *sp-dъ (русск. *суд* и др.). Заимствование из балтийского в белорусский невероятно в данном случае.

48. *пустѣча* (ж.) ‘пустошь’ (Русск.-блр.), ‘пустота’ (Шатэрник 235) — из *pustotja, к которому восходят также с.-хорв. *пустоћа*, словен. *pustōca*; см. «Этимологический словарь славянских языков. Проспект».

49. *рўжа* (ж.) ‘суша’: *цi ты йшла на ружы, цi на балоту* (Каспяровіч 271) — из *ruža/**ruзь*? Ср. соответствующее слово выше, в разделе о диалектизмах русского.

50. *рунь* ‘озимь, озимые всходы’ (Русск.-блр.); неясно. Ср. Фасмер II, 548, где есть сравнение с диал. *рунiтъ* ‘быстро делать’ *руж, рўшiтъ*.

51. ст.-блр. *русмистый* ‘коричневый’ (XVI в., Хрест. I, 277, 497) — из *rusmistъjъ, прилагательное от основы **rud-sm-*, ср. др.-в.-нем. *rosamo* (**rudh-s-men-*) ‘краснота, красный цвет’, др.-исл. *rosmi-fjoll* ‘красноватые горы’ (см. о германских словах Покорный I, 872).

52. *скiвiца* ‘челюсть’ (Русск.-блр.), *скiвiцы* (Сержпуптовский, Чудина 53) — по-видимому, старое слово, для которого можно предположить праславянскую форму *skyvica, образование и связи которой для нас неясны.

53. *скрыль* (м.) ‘ломоть (о плодах, сыре)’ (Русск.-блр.), Каспяровіч 284, Мат. 106), в русских говорах отмечено только на юго-западной периферии, ср. затем с.-хорв. *скирила, шкриља* ‘тонкая каменная пластинка’, словен. *skril* (ж.) ‘сланец’, *skrila* ‘каменная пластинка’, чеш. *skřidla, škridla* ‘сланец’, словацк. *škridla* то же. — Из праслав. *skridlъ, родственного *krojiti, см. Фасмер II, 652.

54. *скумiць* ‘разуметь, догадываться’ (Носович 588), другим восточнославянским языкам неизвестно; точно соответствует только чеш. *skoumati* ‘исследовать, изучать’, *koumati* ‘замечать, наблюдать, понимать’. — Из праслав. диал. *skumati < **kou-m-*,

ср. **keu-* в *čuti; см. уже Бернекер EW I, 643; иначе см. Махек. Etym. slovn. 228.

55. *сўкрывца* 'завиваться': *у яё усі калдункі сукраца* (Каспяровіч 296) — из *sukriti se, связанного с прилагательным **sukrъ(jь)*, далее — *sučiti, *sъkati. Или основано на заимствовании из балтийских языков? Ср. в обоих случаях лит. *sukrūs* 'вертлявый, проворный, быстрый', *sūkras* то же, лтш. *sukrs* 'бойкий, энергичный' (ср. о последних словах Френкель LEW 938).

56. *сум* (м.) 'печаль, уныние' (Русск.-блр.), укр. *сум* 'печаль, грусть'. Этот общий украинско-белорусский лексический элемент не имеет этимологии. Ср. с.-хорв. *сумбран* 'угрюмый, хмурый, мрачный'? См. некоторые соображения и литературу у Славского, Słown. etym. 71—73.

57. *таўсматы* 'ужываецца пры назвах асобы, жывёлы, дрэва... — прысадзісты, моцны' (Янкоўскі I, 181); не вполне ясно по образованию, хотя связь с *tъlstъ — блр. *таўсты*, русск. *толстый* — кажется естественной. Не исключено происхождение от поздней контаминации. Однако можно рассматривать и как праслав. диал. *tъlsmatъ, прилагательное на *-atъjь* от сущ. *tъlsmъ/*tъlsmo, ср. лтш. *tulzums* 'опухоль'.

58. *трабл* 'живот обжоры', сюда же *трыблаты* 'с толстым брюхом' (Каспяровіч 310, 312), возможно, продолжают праслав. диал. **treb(ъ)lo*, **treb(ъ)latъ*, которые ближе всего родственны лат. *strebula (мн.) 'мясо на бедрах жертвенного животного'; далее сюда же праслав. *trebuxъ, *trъbuxъ, русск. *требуха*, блр. *трыбу́х* и родственные, с которыми непосредственно связывает это латинское слово Грошель («Slavistična Revija» V—VII, 1954, 122). О латинском слове см. подробнее Вальде² 743.

59. *трымцець* 'трепетать, дрожать' (Русск.-блр.), ср. укр. *тремтіти* то же, — из праслав. диал. *tremъtĕti, которое представляется важным региональным архаизмом, в то время как большинство славянских языков имеет контаминированное *tręsti из **trem-* и **tres-* (русск. *трястѹ* и родственные). Ср. Миклошич EW 360, Траутман BSW 329—330.

60. *угбрьч* 'угорь *Anguilla fluviatilis* Neck.' (Каспяровіч 317), наряду с *вугбр* в том же значении (Русск.-блр.). В блр. диал. *угбрьч* мы видим очень старый элемент лексики, праслав. *ogoritъjь, с соответствием фактически только в словен. *ogórič* 'маленький угорь, угорек'; далее лит. *unguriŷtis* 'маленький или молодой угорь' (см. Траутман BSW 8, без белорусского слова).

61. *халадзѣча* (ж.) 'холод, стужа' (Байкоў — Некраш. 333), *халаднѣча* то же. Ср. с тождественным оформлением *галѣча*, *малѣча*, *пустѣча*; см. также «Этимологический словарь славянских языков. Проспект».

62. *цѣмиць* 'помнить, припоминать; понимать, примечать' (Носович 694), *цѣмиць* 'примечать, понимать, соображать' (Бай-

коу — Некраш. 341), 'понимать, схватывать' (Касьярович 340), ст.-блр. *нетмилъ* 'поп observavis' (Скорина, Владимиров 315); сюда же укр. *тїмтити* 'смыслить, понимать; помнить'. — Эти несомненно старые слова следует признать пока неясными. См. некоторый материал (с приведением южновеликорусских диалектных слов) у Фасмера III, 167.

63. *чайнци* 'говорить вздор' (Касьярович 344), ср. укр. *човпті, човпү* 'твердить, повторять одно и то же'. На основании этих слов, а также по аналогии семантического развития блр. *вярзці* 'плести вздор' < 'вязать' мы принимаем здесь исходное праслав. диал. **čьlpro, *čьlpti*, родственное прежде всего лит. *kilpoti* 'делать петли, складки, запутываться', лтш. *ciľpiot* 'делать петли, вязать крючком', далее — лит. *kilpa* 'петля'.

64. *чобкльй* 'настоящий, прямой, точь в точь': *Чокльй татї* (Носович 700) — из *čeklъjъ? Дальнейшие связи неясны.

65. *чїты* 'резвый' (Касьярович 347), сюда же периферийное русск. диал. (псков.) *чїтый* то же. В остальном характерно для части южнославянских языков, ср. с.-хорв. *чїт* 'целый, невредимый', *чїтав*, болг. *чїтав* 'целый'. — Из праслав. диал. *čitъjъ, ср. лит. *kietas* 'твердый, жесткий', лтш. *cičts* то же, Бернекер EW I, 158, Траутман BSW 124, Фасмер III, 343.

66. *шўниць* 'понимать, разбираться' (Касьярович 356, Носович 179), укр. *шўнити* 'смыслить, понимать'; неясно. Ср. Фасмер III, 437.

67. *япа* (ж.) 'грыжа ў живёліны' (Янкоўскі I, 201), *уяпа* (ж.) 'нарост на цеде, вальбука' (Янкоўскі I, 188) — из *јара < *ѣра < *oj-p-ā, ср. лтш. *iēra* 'волдырь на коже', о котором см. Мюленбах-Эндзелин II, 49.

Таким образом, в результате проверки на белорусском материале довольно полного праславянского словника, составленного нами к моменту проведения настоящей работы и насчитывающего свыше 5000 слов, мы отобрали группу в несколько десятков слов, которые в своем абсолютном большинстве могут быть охарактеризованы как древние, праславянские лексические элементы ограниченного распространения. Соотношение между 5000 всех праславянских слов для данного славянского языка и 60—70 древними словообразовательно-лексическими диалектизмами получается то же, что и в русском языке, хотя мы далеки от мысли, чтобы считать те и другие данные окончательными. Тем не менее, мы получаем что-то такое, на что можно опереться в дальнейших разысканиях по проблеме состава праславянского словаря и на чем можно строить определенные, отнюдь не беспочвенные прогнозы о результатах дальнейших этапов исследования.

Как мы видели, повторения между белорусскими и собственно великорусскими праславянскими диалектизмами в лексике мини-

мальны, они почти исчерпываются общими элементами в словаре сопредельных говоров. В итоге мы уже сейчас насчитали 120—140 старых слов, не только почти не известных за пределами восточнославянского, но и четко отграничивающихся в самом восточнославянском. Ясно, что это предвещает новые перспективы для исследования словаря, например, одних только восточнославянских языков и диалектов. Выше мы уже отмечали четкое различие в составе праславянских лексических диалектизмов русского и белорусского языков. Поэтому некоторые старые точки зрения в этой области¹⁷ нуждаются в преодолении или, по крайней мере, в проверке на специально собранном надежном и большом фактическом материале. Степень изученности материала в этой области можно себе представить, хотя бы обратив внимание на то обстоятельство, что больше половины слов, привлеченных нами выше при изложении древних лексических диалектизмов белорусского языка, еще не исследовались в этимологической литературе.

Довольно многие слова в этом нашем списке объединяют белорусский язык с украинским, противопоставляя их великорусскому. Конечно, для части этих случаев мы можем принимать вторичное, исторически обусловленное распространение с части территории на всю территорию, тем более что есть ряд примеров только белорусского распространения древних лексических диалектизмов. Аналогичную работу по выявлению праславянского словника в украинском, а также по отбору древних лексических диалектизмов и изоглосс украинского языка еще только предстоит провести. Эта задача обследования украинского словаря представляется очень интересной и важной в общей серии задач, стоящих перед исследователями состава праславянского словаря. Есть основания полагать, что число архаических диалектизмов лексики в украинском языке окажется весьма внушительным. В целом уже сейчас можно рассчитывать, что систематическое обследование материала словаря восточнославянских языков даст 200—300 праславянских лексических диалектизмов, характерных главным образом только для этих языков. Можно также предполагать, что основные группы изолексов в этих языках и диалектах распадутся главным образом на две совокупности, которые условно охарактеризуем как южную и северную, отнеся к последней собственно великорусский материал, а к первой — материал украинского и белорусского языков. Разумеется, намеченное деление обладает весьма приблизительной степенью точности и будет еще модифицировано впоследствии. Второе предположение, которое мы вправе выдвинуть уже сейчас, касается большого вопроса о соотношении общих и частных

¹⁷ Ср.: Л. А. Булаховський. Питання походження української мови. Київ, 1956, стр. 138: «...е порівняно мало такого, що є характеристичним саме для східнослов'янських мов і не може бути вказане в інших слов'янських — південних або західних».

элементов в составе праславянского словаря. Пользуясь изложенными данными, а также известными сведениями о степени различий между другими славянскими языками и диалектами, мы можем допустить, что число праславянских лексических диалектизмов ограниченного распространения составит не менее 1000—1500 слов в целом в рамках всего праславянского лексического фонда, который можно исчислять в среднем в 6000 слов. Следовательно, можно ожидать, что до 20—25% состава праславянского словаря образуют всевозможные диалектизмы, элементы ограниченного распространения. Исследование должно проверить и уточнить высказанные предположения, а также вплотную заняться изучением характера выявляемых изолексов.

Ниже мы кратко остановимся на праславянских лексических диалектизмах нижнелужицкого. Обращение с этим вопросом к нижнелужицкому, вообще — к сербо-лужицкому материалу неслучайно и продиктовано отчасти теми же соображениями, что и в случае с белорусским. Эти языки равным образом лишены пока еще этимологических словарей и вообще довольно слабо обследованы в этимологическом отношении. Можно было бы еще увеличить число аналогий, указав на определенные черты переходного характера, характеризующие эти языки, но уже сказанного достаточно, чтобы отметить, например, лужицкий материал к числу важных участков в плане исследования проблемы состава праславянского словаря.

3. ПРАСЛАВЯНСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ НИЖНЕЛУЖИЦКОГО

Результаты этого обследования будут сообщены очень кратко, так как подробно они изложены в специальной статье, уже называвшейся выше. Суть этой статьи сводится к тому, что в нижнелужицком словаре выделяются следующие несколько десятков слов, в большинстве неизвестных верхнелужицкому, но носящих характер ранних образований: *bagi* (мн.) 'болота' (праслав. *bagy), *beno* 'желудок, брюхо, пузо (у скота)' (*bъdno), *bluraś* 'разбрызгивать, нагадить' (*bjurati, ср. лит. *biauróti* 'гадить, загадить'), *drastwa*, *drasta* 'одежда, платье' (*drasta), *gnybaś* 'грызть' (*gnybati), *grěba* 'горстка хлеба или сена, образовавшаяся от одного удара косца' (*grěba), *grud*, *gruda* 'тошнота, отвращение' (*grudъ, *gruda, ср. лит. *graudà* 'грусть, печаль'), *jaduś* 'одышка, удушье' (*jaduśъ), *jašk* 'отверстие верши или рыбацкого кузова' (*jaškъ), *jěsny* 'быстрый, скорый; ранний' (*asnъjъ), *jurica* 'пырейник' (*jurъ), *kastwej* 'осока' (*kasty), *kšida* 'сито' (*krida), *ksud* 'бич, плеть' (*křudъ ?), *mil* 'стреловид, шильник' (*milъ), *muris* 'мутить, омрачать; тревожить' (*muriti), *muś* 'куриная трава; плющ' (*myśъ), *napowaś* 'напаивать; напоить' (*napovati), *rakoŭež* 'вьюнок заборный' (*rakъ), *póraś* 'приводить в движение, приглашать, побу-

ждать' (*porati), *pšiski* 'поспешный, суетливый; отвесный, крутой' (*prěškъjb), *pulaš* 'приводить в движение, гнать' (*pulati), *rěso* 'толпа, шайка' (*rěso, ср. др.-в.-нем. *reisa* 'отправление, поход'), *šcerizna* 'вши' (*steriznъ ?), *šćęgor* 'мачта' (*stęgorъ, ср. лит. *stęgaras* 'сухой стебель, ствол'), *šnelo* 'яичко' (*snelo ?), *srokopel* 'сорокопут' (*sorkopъlb), *špęnc* 'заноза, ость, колючка, жало; стрела; росток' (*spęncъ ?), *waka* 'жук' (*waka), *wōtery* 'иной, кое-какой' (*jetery), *wowa* 'бабушка' (*ova).

Двух третей этой лексики, как уже отмечалось, верхнелужицкий не знает. На основании этого массового свидетельства словаря мы солидаризировались в упомянутой статье о праславянских лексических диалектизмах нижнелужицкого с теми учеными, которые считают, что между верхне- и нижнелужицким пролегал глубокий рубеж, и что нет оснований говорить о серболужицком праязыке. С другой стороны, эти языки обнаруживают определенный словообразовательно-лексический материал, имеющий соответствия в некоторых более отдаленных славянских языках, на что мы укажем несколько подробнее ниже.

Здесь же ограничимся немногочисленными дополнениями к материалу статьи о праславянских лексических диалектизмах нижнелужицкого:

wawriš 'говорить дичь, городить чепуху, молоть вздор, пусто-словить' (Muka Sł. II, 845) — из праслав. диал. *vavriti, собственно редупликация **va(r)-vr-*, ср. греч. перф. εἶρηκα 'я сказал' < **ueiŕā-*.

bajaš se 'тлеть, мерцать', в.-луж. *bać so* 'незаметно гореть, тлеть' — из праслав. диал. **bajati(se)*, ср. др.-инд. bhāti 'светит, блестит', Бернекер EW I, 39, Покорный I, 104.

zібes 'хрипнуть, охрипнуть, осипнуть' (Muka Sł. II, 1192) — из праслав. диал. *dibęti, ср. лтш. *dibēt* 'греметь'.

4. ВНУТРИСЛАВЯНСКИЕ ИЗОЛЕКСЫ

Материал внутриславянских изолексов очень ценен и поучителен как для уточнения классификации славянских языков, так и для выяснения их первоначального расположения относительно друг друга. Едва ли следует особо раскрывать необходимость учета здесь не массовых общеславянских словарных повторений, а также не продуктивных явлений в словообразовании, а более изолированных фактов словаря и словообразования, общность которых наиболее показательна в нашем смысле. Соответствующий материал собран еще далеко не полностью, поэтому нам в настоящем докладе приходится довольствоваться отдельными примерами и фрагментами отношений.

К числу словенско-сербохорватско-украинско-белорусских изолексов могут быть отнесены с.-хорв. *zapręzати* 'опоясать' — укр. (о)перезати, блр. (а)перазать то же (см. выше); с.-хорв. *брэд-йца* 'стремнина в ручье' — блр. *ббрзды*

'быстрый' (см. выше); словен. *golôča*, с.-хорв. *goldha* — укр. *го-лѣча*, блр. *галѣча* 'бедность; беднота' (см. выше); словен. *krápravica* 'жаба' — укр. *коропáвица*, *корóпа*, блр. *курапа* то же (см. выше); словен. *malôča*, с.-хорв. *малдѣа* — укр. *малѣча*, блр. *малѣча* (см. выше); словен. *menèc* — укр. *мнець*, блр. *мнец* 'мяльщик' (см. выше); словен. *múlitni*, с.-хорв. *мўлати* — укр. *мўлитни*, блр. *мўлиць* (см. выше); с.-хорв. *paljetak* — блр. *палѣтак* (см. выше); с.-хорв. *príd* — блр. *прид* (см. выше); словен. *rustôča*, с.-хорв. *пустоѣа* — блр. *пустѣча*; словен. *skril*, *skrila*, с.-хорв. *скрилла*, *шкрильа* (а также чеш. *skřidla*, *škřidla*, словацк. *škridla*) — блр. *скрыль* 'ломоть' (см. выше); словен. *ogórič* — блр. *угóрыч* 'угорь' (см. выше); с.-хорв. *хладнѣа* — укр. *холоднѣча*, блр. *халаднѣча*, *халадзѣча* 'холод, стужа' (см. выше); с.-хорв. *čйт* (а также болг. *чѣтав*) — блр. *чыты* 'резвый' (см. выше); с.-хорв. диал. (икавск.) *рина* 'песок' — укр. *ринь*, др.-русск. *рѣнь* 'песчаная отмель' (Попович, *Geschichte* 540). — Эти пятнадцать примеров составляют только часть всех словенско-сербско-хорватско-украинско-белорусских изолекс. Предварительные и еще не обработанные результаты проверки других специалистов говорят о том, что, например, количество сербско-хорватско-украинских (особенно западноукраинских) изолекс поистине огромно и исчисляется многими десятками и даже сотнями (устное сообщение Н. И. Толстого). Но трудно было бы недооценивать и значение приведенного выше перечня, в котором представлены важные единицы словаря, общие для названных языков. Существенным в наших данных представляется и несомненное указание на участие белорусского языка в ряде словенско-сербско-хорватско-украинских изолекс; больше того, ряд важных изолекс представлен с восточнославянской стороны только белорусским (ср. блр. *борзды*, *палетак*, *прид*, *скрыль*, *угорыч*, *чыты*), без участия украинского языка. Все эти слова глубоко интересны в фонетическом, словообразовательно-морфологическом и семантическом отношениях. В ряде случаев их особенности упоминчивают нас говорить о существенных общих инновациях в очерченной группе. Такой общей инновацией словообразования, возможно, является развитие суффикса *-otja*, хорошо прослеживаемое на целом ряде тождественных словенских, сербско-хорватских, украинских и белорусских слов в нашем списке. Точка зрения Р. Бошковича о суффиксе *-otja* как исключительном словенско-сербскохорватском новообразовании нуждается, вероятно, в пересмотре.¹⁸

Любопытны нижнелужицко-украинские/белорусские изолексы, которые, насколько нам известно, еще не служили предметом специального научного исследования: н.-луж. *jaduš* 'одышка, удушье' — укр. *ядўха* 'удушье'; н.-луж., в.-луж. *mil* (ж.) 'стреловист, шильник' — блр. *міліца* 'камыш; тросточка';

¹⁸ Р. Бошкович. — *ИФ*, кн. XV, 1936, стр. 125 и след.

н.-луж. *napowaś* — укр. *napuwaćи*, блр. *napawać* 'напаивать, напоить'; н.-луж. *rośaś* 'приводить в движение, приглашать, побуждать' — укр. *ńorати* 'обрабатывать, убирать, ухаживать'; н.-луж. *špěnc* 'заноза, ость, колючка, жало' — укр. диал. *spĩnь* 'острый конец веретена'; н.-луж. *wenkach* 'на улице, снаружи' — блр. *вонках* 'вне, снаружи', ст.-блр. *вонкахъ* (Скорина, Владимиров 303); *Wuskidź*, название населенного пункта с восточнолужицким наречием (Щерба. Вост.-луж. наречие I) — блр. *вўскідзь* (ж.) 'выворот (дерева)' (Байкоў—Некраш. 62).

Далее, нуждаются в выявлении и полной инвентаризации серболужицко-сербско-хорватские изолексы, ср. в качестве примеров такие важные словообразовательно-лексические общности как в.-луж. *česel* 'гребень' (Pfuhl 78) — с.-хорв. *čешаль* то же (Вук Карадж. 852), достаточно древние формы из праслав. диал. *česьb (при *greby, *-ene* в прочих славянских), ср. соответствие в лтш. *kaslis* 'скребница, щетка' (Мюленб.-Эндз. II, 169); в.-луж. *čėrić*, н.-луж. *sėriś* 'гнать' (Pfuhl 97, Muka II, 710) — серболуж. *mjėpamu* 'гнать' (Вук Карадж. 765); в.-луж. *čriј* 'башмак, сапог' (Pfuhl 87), н.-луж. *srjej* 'башмак', *srjeja* 'Pflugsohle' (Н. Fasske. «Unbekanntes niedersorbisches Wortgut aus Werben». — ZfS, Bd. V, 1960, 521) — с.-хорв. *црѣвља* 'башмак' (Вук Карадж. 842) из праслав. диал. *červььb, *červьja (при *červikъ в большинстве славянских языков; н.-луж. *traś*, в.-луж. *trać* 'продолжаться' (Muka Sl. II, 769) — с.-хорв. *trajamu*, болг. *trāя* то же (см. Миклопич EW 360) из праслав. диал. *trajati при *trьvati в некоторых других славянских языках.

5. БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ИЗОЛЕКСЫ (СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА)

Если говорить о внешних изолексах, то балто-славянские соответствия, хотя и не абсолютно самые многочисленные во всех случаях (см. об этом отчасти выше), все-таки по-прежнему остаются наиболее трудоемким материалом. Сложность этого материала даже увеличивается теперь, когда ощущается потребность в конкретизации аспектов балто-славянских лексических отношений и в пересмотре балто-славянских изолексов с точки зрения каждого отдельного языка (см. выше). В последнее время здесь были выдвинуты отдельные оригинальные мысли, в основном опирающиеся на удачно обобщенный известный ранее материал. Сейчас надлежит серьезно заняться проверкой и уточнением этих общих положений, а также систематическим сбором материала. Пожалуй, именно сбор критически проверенных данных сейчас самое главное, потому что, если верно, что принципиально правильное решение вопроса зависит от определения степени кучности и количества изолексов, то правильное представление об этих последних определяется полнотой нашего знания материала. Только в итоге полного сбора материала мы сможем уверенно характеризовать одни из балто-славянских

изолексы как спорадические, другие же — как совокупности (пучки) изолексов.

В первую очередь упомянем о плодотворной идее Иллича-Свитыча, выдвинутой им в выступлении на IV Международном съезде славистов в Москве в 1958 г. и поддержанной его учителем Бернштейном¹⁹. Суть этой концепции состоит в том, что одни из древних славянских диалектов могли поддерживать более тесные связи с балтийскими, чем остальные славянские диалекты, иными словами, — занимали положение, в известном смысле переходное между балтийским и славянским. Предполагается, что это были диалекты предков восточной группы современных южных славян. При этом указывается ряд действительно убедительных балто-славянских изолексов, известных главным образом из болгарского словаря, и делается вывод, что диалекты, лежащие в основе болгарского и македонского языков, занимали первоначально северную периферию праславянской территории, гранича с балтийскими диалектами (Бернштейн. «Очерк...», стр. 70). Названными учеными приводится следующий материал: лит. *burnà* 'рот' — болг. *бърна* 'губа' (с.-хорв. *бръница* 'намордник'), лит. *žiaunos* (мн.) 'жабры' — болг. *джуна* 'губа', лит. *tarpas* 'промежуток, щель' — болг. *тран* 'яма' (с.-хорв. *trän*), лит. *saisti* 'ворожить' — ст.-сл. *сѣтити сѣ*, болг. *сеця*, *сецам* (с.-хорв. *сѣтити се*, словен. *sētiti se*), лит. *draskyti* 'царапать' — болг. *драскам* 'царапаю', лит. *dėšinas* 'правый' — ст.-сл. *деснь*, болг. *десен* (с.-хорв. *děсан*, словен. *dēsen*), лит. *šalnà*, лтш. *šalna* — болг. *слана* 'изморозь' (с.-хорв. *слана*, словен. *slāna*), лит. *atlaikas* 'остаток' — болг. *лек* 'чутьочка', лит. *judėti* 'двигать' — болг. *юда* 'дракон', лит. *ožys*, *ožinis* 'козел, козливый' — ст.-сл. *азьно*, лит. *kriaiušė* — болг. *кръша* (с.-хорв. *крѹшка*) 'группа', лит. *gerklė* 'горло', *gurklỹs* 'зоб, кадык' — болг. *грѣклян* (с.-хорв. *грѣклян*), лит. *āvinas*, лтш. *āuns* 'баран' — ст.-сл. *овьнь*, болг. *овѣн* (с.-хорв. *ован*, словен. *oven*), лит. *mėlžiu*, *mėlžti* 'донть' — ст.-сл. *мльзж*, болг. *мльзѣ* 'дою' (сербохорв. *mъзем*, словен. *mólzem*).

Этот перечень можно несколько дополнить: лит. *alsuoti* 'тяжело дышать', *ilsti* 'устать', лтш. *ēlst* 'задышаться, страдать одышкой', 'дуть', *ēlsāt* 'глубоко вздыхать' — болг. *лѣхам*, *лѣхна* 'подуть, повеять' из праслав. диал. *лѣхати, *лѣхоти (представляет интерес как общее искл. восточнобалтийско-болгарское слово-образовательно-семантическое новообразование); лит. *gruzdūs* 'рыхлый, ломкий' — болг. *грѣздав* 'бугристый, шероховатый' (Шюц); лтш. *braukts* 'деревянное приспособление для очистки льна' — серб.-ц.-сл. *бруть* 'clavus', болг. *брут* 'железный гвоздь' (Бер-

¹⁹ См.: «IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. II. Проблемы славянского языкознания». М., 1962, стр. 436; С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 73—75. — К сожалению, полными материалами Иллича-Свитыча мы не располагаем, поэтому в своих дополнениях невольно можем дублировать его наблюдения.

некер EW I, 90, Покорный I, 170, Френкель LEW 55); лит. *dūrėti* 'глядеть, подстергать' — болг. *дъря* 'ипу' (Траутман BSW 56); лит. *glėžti* 'слабеть, делаться мягким', *glėžnas* 'нежный, вялый' — болг. *глѣзя* 'балую, делаю нежным' (Бернекер EW I, 302, Мюленб.-Эндз. I, 626); лит. *gōžti* 'разрастаться; неуклюже шагать' — болг. *гѣзя*, с.-хорв. *gǎzumi* 'переходить, наступать ногами' (Френкель LEW 162); лит. *kietas*, лтш. *ciets* 'твердый, жесткий' — болг. *чѣтав*, с.-хорв. *чѣт* 'целый, невредимый' (Бернекер EW I, 158, Траутман BSW 124, Френкель LEW 252); лит. *stābaras* 'сухой сук' — болг. *стѣбор* 'решетка, забор', с.-хорв. (стар.) *стѣбор*, словен. *steber* 'столб' (Френкель LEW 891); др.-прусс. *sawx*, лит. *kaiškas*, лтш. *kūkis* — болг. *кук*, *кукир*, *кукер* (балтийско-болгарская мифологическая параллель, Топоров).

Однако, во-первых, в самих диалектах восточной группы южнославянских языков наличие балто-славянских изолекс, по-видимому, неодинаково. Так, специального изучения требует вопрос о выявлении соответствующего материала в собственно македонском и его диалектах. Некоторые балто-славянские изолексы, прослеживаемые в болгарском (см. выше), вероятно, никогда не были известны македонским диалектам, другие проникли в них вторично. С другой стороны, теоретически возможно существование на македонской территории таких локальных балто-славянских изолекс, которые в свою очередь неизвестны из болгарского словаря. С этим связана проблема незадочного на первый взгляд отсутствия многих балто-славянских изолекс в древних литературных версиях соответствующих языков, например, в старославянском, при наличии их в новоболгарском (точно так же — в древнерусском, в отличие от украинского, белорусского, русского). Причину этого не обязательно искать в позднем появлении таких балто-славянских соответствий. Их возможное отсутствие в древних текстах может объясняться по-другому: иной диалектной основой древней письменной версии, ср. македонскую, а не собственно болгарскую диалектную основу старославянского языка; народным характером балто-славянских изолекс (болгарских, белорусских, украинских), не нашедших отражения в соответствующих древних книжных языках.

Во-вторых, следует обратить внимание на значительность балто-славянских изолекс, сосредоточенных в западной группе южнославянских языков и прежде всего — в сербохорватском словаре, что, как кажется, недооценивают, говоря в первую очередь о балтийско-болгарских лексических связях. Но уже из приводившихся списков явствует участие сербохорватского во многих болгарских соответствиях балтийским словам. Кроме того, известно немалое число только сербохорватско-балтийских изолекс, иногда — со словенскими и некоторыми другими соответствиями, о которых говорится ниже. Вот несколько примеров из цитировавшейся книги Поповича: с.-хорв. *кланац* 'ущелье', словен. *klanc* 'лощина, ущелье, деревенская улица, русло

ручья' — лит. *klānas*, лтш. *klans* 'лужа' (Ягич сближал с лит. *kālnas* 'гора'); с.-хорв. *брздица* 'стремнина' — лит. *burzdūs* 'подвижный'; с.-хорв. *дѹмача* 'глубокая долина', *дѹман* 'очень глубокая поперечная долина' — лтш. *diomis* 'пещера, пропасть'; с.-хорв. *двизак* 'двухгодовалый баран' — лит. *dveigys* 'двухгодовая скотина'; с.-хорв. *гѹван* 'жадный, алчный' (*gyvny) — лтш. *gūt* 'схватить, поймать'; с.-хорв. диал. *глāда* 'пастушеская хижина из дерева, крытая корой' — лтш. *gālds* 'доска, стол'; с.-хорв. *кѹк* 'горб' — лтш. *kākis*, *kūkums* 'горб'; с.-хорв. диал. *корѹтина* 'крупная вытянутая плоскость в карсте' — лтш. *karuote* 'ложка'; с.-хорв. диал. *кукаль* 'плоскогорье' — лит. *kāukolė* 'череп'; с.-хорв. *пѹкѹ* — лит. *baūžas*, лтш. *bauzis* 'безрогий'; с.-хорв. *стрѹка* 'вид' — лит. *rauka*, *raiķas* 'складка'.

И если не все эти сравнения убедительны этимологически, то факт наличия целой группы изолекс, тем не менее, налицо. Сюда же можно добавить еще с.-хорв. *грѹмѹн* 'ком, комок' (праслав. диал. *grudmenъ/**grudmy*) — лит. *graumenys* (мн.) 'пустынные места, чащи' (Френкель LEW 164); с.-хорв. *гѹрпѹти се* 'съезживаться, корчиться' — лтш. *gūdrīt* 'потягивать, вытягивать' (Френкель LEW 177); с.-хорв. *крāне* (мн.) 'неровности, шероховатости' — лит. *kārpa*, лтш. *kārpa* 'бородавка' (Френкель LEW 222); с.-хорв. *крѹне* (мн.) 'ножны' (сюда же чеш. *krňe* 'черенок ножа, лезвие') — лит. *kriaunā* 'рукоятка' (Френкель LEW 296); с.-хорв. *стѹга* 'полый ствол дерева для хранения зерна' — лит. *stulgas* 'округлый, овальный' (Френкель LEW 930); с.-хорв. *пмѹћ* 'птенец', словен. *ptič* 'птица' (русс.-ц.-сл. *пѹтимить* 'птенец, детеныш') — лит. *putytis* 'цыпленок' (Траутман BSW 233); с.-хорв. *врāнић*, словен. *vrānič* — лит. *varnytis* 'вороненок' (Траутман BSW 343); с.-хорв. *вѹчић*, словен. *vōlčič* — лит. *vilkytis* 'волчонок' (Траутман BSW 359).

Совершенно очевидно, что и этот список не может даже приблизительно претендовать на исчерпывающий перечень балто-славянских изолекс для сербско-хорватского, тем более что по-прежнему нет этимологического словаря сербско-хорватского языка, который бы мог облегчить нашу задачу. Полная инвентаризация южнославянско-балтийских изолекс во всех возможных аспектах (болгарский, македонский, старославянский, сербско-хорватский, словенский) — первоочередная задача исследовательской работы над проблемой состава праславянского словаря. Эта работа должна вестись параллельно с внимательным выявлением всех прочих (спорадических), локальных балто-славянских изолекс.

Интересно, далее, отметить, что в украинском и белорусском материале мы находим соответствия, как правило, именно для локальных балто-славянских изолекс сербско-хорватского (и словенского), а не болгарского. Мы не располагаем пока, естественно, всеми данными, которые давали бы нам право на более категорические утверждения, но

уже те наши примеры, которые упоминались в иной связи выше, кажутся достаточно красноречивыми. Ср. с.-хорв. *брэд-ѣца* — блр. *ббрэды* — лит. *burzdūs*; с.-хорв. *кряне* (мн.), словен. *krāpavica* — укр. *коронавиця, корона*, блр. *курапа* — лит. *kāpra*; словен. *тепес* — укр. *мнець*, блр. *мнец* — лит. *minikas*; с.-хорв. *прѣд* — блр. *прѣд* — лит. *priēdas*; словен. *ogōrič* — блр. *угорыч* — лит. *ungurītis*; с.-хорв. *чѣт* — блр. *чѣты* — лит. *kietas*. Белорусские слова, приводимые здесь, даже если и считать их возможными балтийскими элементами, относятся явно к более древнему слою, чем новые (литовские и др.) заимствования из балтийских языков в белорусском словаре. Кроме того, весьма знаменательно совпадение этих слов с соответствующими южнославянскими. Возможно, мы имеем здесь результат хронологически близких совместных общений части праславянских диалектов с частью балтийских. Нам кажется, что отмеченные белорусско-украинские соответствия локальным балто-славянским изолексам сербско-хорватского имеют определенное научное значение и должны скорее поступить в научный оборот, в этимологические словари и исследования по диалектным отношениям в праславянском.

Есть, по-видимому, много проблематических моментов, затрудняющих однозначную интерпретацию болгарско-балтийских соответствий в словаре в том смысле, в каком ее выдвигают ученые, акцентирующие эти соответствия. Почему, например, при наличии древних польско-(лехитско-)болгарских изоглосс (Бернштейн. «Очерк...», 72—73), польский язык, имея ряд собственных древних и новых лексических соприкосновений с балтийским, не обнаруживает параллелей к балтийским связям болгарского? Ничего похожего на белорусско-украинские соответствия балтийским изолексам сербско-хорватского мы здесь не имеем.

Наконец, можем ли мы, обращаясь к вопросу о пространственной проекции изучаемых нами лексических отношений, уверенно помещать праболгарские диалекты на севере славянской территории, по границе с балтийскими, а прасербско-хорватские и прасловенские — на юге праславянской территории, в тылу у праболгарских? Ставя этот, может быть, все еще преждевременный вопрос, мы переходим к последней, внешней задаче своего доклада.

6. ВОЗМОЖНЫЕ ВЫВОДЫ О ДИАЛЕКТНОМ ЧЛЕНЕНИИ ПРАСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Опираясь по возможности равномерно на внутренние и внешние изолексы, мы попытаемся представить себе древние диалектно-территориальные отношения в праславянском, в основном определяя их относительно одной и той же исходной точки — балто-славянских лексических связей (понимая последние в описанном выше смысле детализованно).

Использование лексических данных в вопросах классификации и диалектного членения языков все еще остается слабым местом языкознания, и причем не одного только славянского²⁰. Однако нельзя не отметить, что опыты выявления характера древних языковых отношений, опирающиеся в значительной степени на лексику, уже предпринимались неоднократно на материале различных индоевропейских языковых территорий. Траутман специально широко использует данные словаря и их этимологию как показатели старых диалектных отношений внутри балтийского; он разбирает прусско-литовские, прусско-латышские лексические связи, элементы только прусские, родственные формам за пределами балтийского, — в германском, славянском и т. д. Исключительно прусских элементов словаря Траутман приводит, судя по списку, 36²¹. Эта группа слов служит веским подтверждением обособленного положения древнепрусского сравнительно, например, с восточнобалтийскими языками. Этот опыт весьма поучителен и может быть использован в работе над проблемой состава праславянского словаря, праславянского диалектного членения. Много полезных аналогий такого рода можно найти в работах Френкеля и особенно Порцига, который использовал общность целых групп лексики как важный критерий определения диалектных отношений внутри индоевропейского²².

Работа над славянской лексикой рождает уверенность, что общность определенного количества старых слов и словообразовательных особенностей позволяет судить о древних отношениях самих диалектов. Более того, исследуя проблему состава праславянского словаря, нельзя не обращаться к вопросам диалектного членения с тем, чтобы снова возвращаться к исходной и основной для нас проблеме. Схематическая пространственная проекция диалектных отношений праславянского не является здесь нашей главной целью, но, заключая в себе некоторые объективные моменты, конкретизирует наши дальнейшие поиски в плане проблемы состава словаря, облегчает постановку новых вопросов.

Предлагаемая схема, естественно, многим обязана научной традиции, что мы с благодарностью признаем. Некоторые звенья размещены в ней более условно (впрочем вполне традиционно), будучи менее обеспечены новым материалом сравнительно с другими звеньями. Есть, однако, и отличия. За ориентир взят

²⁰ Cp. A. Zajączkowski. *Leksyka języków tureckich*. «Sprawozdania z prac naukowych wydziału nauk społecznych PAN», rok II, zesz. 1. Warszawa, 1959, стр. 60.

²¹ R. Trautmann. *Die altpreussischen Sprachdenkmäler*, 2. Teil. Göttingen, 1910. стр. IX.

²² E. Fraenkel. *Die baltischen Sprachen*. Heidelberg, 1950; W. Porzig. *Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets*. Heidelberg, 1954. — Так, 32 италийско-германские лексические и словообразовательно-морфологические изоглоссы говорят, по мнению Порцига, о древнем соседстве этих диалектов (стр. 116).

балтийский и локальные лексико-словообразовательные изоглоссы (изолексы), тянущиеся от него к отдельным частям славянского. Они вынудили нас принять более интимную близость сербско-хорватско-словенского и балтийского (рядом с болгарским и македонским). Упомянутый рубеж между лужицкими языками получил так же графическое выражение, как и связи лужицких с сербско-хорватским, а также нижнелужицкого — с украинским и белорусским (последнее здесь отмечается как будто впервые).

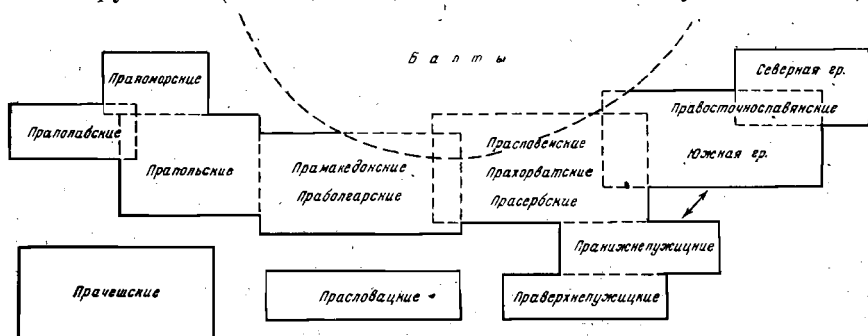

Рис. 1. Схема праславянского членения начала н. э.

Лексико-словообразовательные общности в отношениях с балтийским у сербско-хорватско-словенского и украинского/белорусского тоже повлияли на их расположение в схеме. Имело смысл также отразить старые лексико-словообразовательные различия между древним югом и севером восточнославянских диалектов. Дальнейшие уточнения схематической пространственной проекции праславянского диалектного членения мы надеемся получить от продолжающейся систематической работы над составом праславянского словаря, а также от изучения топонимических ареалов и их общностей (сербско-хорватско-украинской; словенско-восточнославянской и т. д.).

В заключение подчеркнем, что в предлагаемой пространственной схеме, как и во всей методике изучения состава праславянского словаря, основным критерием для нас был праславянский лексический диалектизм, древние локальные группы словообразовательно-лексических изоглосс (изолексы).

SUR LA COMPOSITION DE L'ANCIEN VOCABULAIRE SLAVE (PROBLÈMES ET BUTS)

Résumé

L'ensemble des problèmes concernant la composition de l'ancien vocabulaire slave (slave commun) est caractérisé comme étant d'actualité du point de vue de l'étymologie en général et des travaux préparatoires pour le nouveau Dictionnaire étymologique des langues slaves. Pour résoudre le problème posé il nous faut

dresser l'inventaire complet du lexique vivant de l'ancien slave, se faire un image clair des rapports d'éléments communs et dialectaux de ce lexique, établir des anciens isolexes et parallélismes à l'intérieur du slave et en dehors de lui en admettant constamment la formation des mots à notre investigation des éléments de vocabulaire. La présente communication tâche d'élucider la nécessité de traitement structurel et génétique du problème de composition de vocabulaire. L'investigation de ce problème pour l'ancien slave doit avoir pour but la concrétisation de tous les aspects des rapports lexicaux, et avant tout de ceux qui ont été étudiés jusqu'à présent comme quelque chose de monolithe (p. ex. les rapports balto-slaves). Le besoin le plus urgent d'une telle investigation constitue l'accumulation de matériaux complets qui sont appréciés selon un principe nouveau (la thèse de la position autonome des états anciens du lexique des dialectes (langues) slaves et le problème des dialectismes de lexique dans l'ancien slave). L'ancien fonds lexical slave dans le vocabulaire de chaque langue slave est apprécié approximativement à 5000 mots. Une hypothèse est formulée selon laquelle un quart de vocabulaire entier de l'ancien slave est constitué par les vieux éléments dialectaux qu'il nous reste encore à étudier.

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
ДОКЛАДЫ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
V Международный съезд славистов
(София, сентябрь 1963)

Ю. С. Маслов

**ЗНАЧЕНИЕ ДАННЫХ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ОБЩЕЙ
ТЕОРИИ СЛАВЯНСКОГО ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА**

Распространенные в науке представления о сущности и современном состоянии славянского глагольного вида складывались главным образом на базе изучения материалов русского, польского и чешского языков. Из современных южнославянских языков отчасти привлекались сербско-хорватский и словенский. В исторических исследованиях по вопросам вида старославянский материал, естественно, занимал заметное и даже, пожалуй, первое место. Однако современные болгарские и македонские факты вовсе или почти вовсе не учитывались в работах аспектологов, как, впрочем, оставались неиспользованными и данные украинского, белорусского, кашубского и, до недавнего времени, словацкого и обоих лужицких языков.

Неучет славянской аспектологией материалов ряда языков был отчасти связан с недостаточной разработанностью вопросов вида в грамматиках некоторых из этих языков, с отсутствием соответствующих предварительных работ. Но для современного болгарского языка, равно как и для македонского, сюда присоединялось и главную роль играло другое — ходячее убеждение, что эти два языка не могут дать много слависту-сравнительнику, поскольку их морфологическое развитие пошло в ряде отношений своими особыми путями, не находящими параллелей в других славянских языках. Между тем это убеждение неверно. Если в области выражения синтаксических связей имени болгарский и македонский действительно резко отличаются от остальных славянских языков (хотя и здесь их факты не могут быть оставлены без внимания при построении славянской сравнительной грамматики), то в области глагола дело обстоит совершенно иначе. Общеизвестно, что уже по самому составу парадигмы «времен» современный болгарский или македонский глагол стоит довольно близко к позднему прасла-

вянскому (что, конечно, само по себе еще не свидетельствует о функциональном тождестве в каждом звене системы). Если же говорить о совершенном и несовершенном (перфективном и имперфективном) виде, то именно болгарский язык (вероятно, и македонский, но я не подвергал его специальному исследованию) показывает картину чрезвычайно последовательного осуществления ряда тенденций, в той или иной мере присущих развитию этой категории во всех славянских языках.

Задача настоящих строк и заключается в том, чтобы выделить пункты, в которых болгарский материал помогает отчетливее увидеть черты, свойственные системе вида всех славянских языков; заставляет взглянуть на эти черты несколько другими глазами, чем это было бы возможно без учета болгарских фактов.

1. СООТНОШЕНИЕ ВИДА (СОВЕРШЕННОСТИ — НЕСОВЕРШЕННОСТИ) И СПОСОБА ДЕЙСТВИЯ

В современном болгарском языке значительно отчетливее, чем в других славянских, выступает раздельность категорий вида (совершенности — несовершенности) и способа действия (Aktionsart).

Как известно, разграничение этих двух категорий было проведено не на болгарском материале. Постепенно оно получило широкое (хотя пока еще не всеобщее) признание в работах по глагольному виду различных славянских языков. Однако в практике грамматических исследований, а тем более в сводных описательных грамматиках, еще и теперь некоторые значения способов действия нередко принимаются за видовые значения или за варианты (оттенки) видовых значений. Это мешает выявлению подлинной сущности грамматического противопоставления совершенный — несовершенный вид.

Например, Л. А. Булаховский выделяет в русском совершенном виде, в частности, такие «видовые (подчеркнуто мною. — Ю. М.) оттенки», как «охват длительности» (*посидел, просидел*), «наступление начала в длительности явления» (*забарабанил, застучал*), «мгновенность действия» (*боднул, кольнул*)¹. М. И. Морозова пытается доказать, что наличие в образованиях типа русск. *качнуть, кольнуть* характерного для них «значения мгновенности или однократности действия» нисколько не препятствует их «чисто видовой соотносительности» с несовершенными образованиями типа *качать, колоть*². Иными словами, значение «мгновенности или однократности» рассматривается ею

¹ См.: Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. I. Киев, 1952, стр. 180—181.

² См.: М. И. Морозова. К вопросу о видовой соотносительности глаголов типа *качать — качнуть*. «Ученые записки Московского гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина», т. LXXIII, 1959, стр. 59—68.

как оттенок значения совершенного вида. Аналогичные точки зрения высказываются и другими авторами³.

Между тем уже С. Агрелль говорит об упомянутых сейчас значениях и соответствующих типах образований как о способах действия — в его (теперь отчасти устаревшей) терминологии — «претеритивном» (польск, *roszezać, posiedzieć*) и «пердуративном» (*przeszezać*), «инхоативном» (*zagać*) и «моментальном» (*blysnąć*, также *ukłuć* и др.)⁴. Тем самым речь идет о чем-то, что не подчинено видам, не входит в тот или иной вид как часть в целое, о чем-то, что принадлежит несколько другой сфере, располагается в несколько другой плоскости⁵. Вместе со многими я считаю, что в принципе прав Агрелль. Но каковы объективные доказательства того, что это действительно так, что перечисленные значения не относятся к видовым?

Бесспорным доказательством принципиальной непричастности того или иного из рассматриваемых значений к «оттенкам совершенного вида» была бы способность этого значения выступать и в противоположном, несовершенном виде. Это еще в прошлом веке прекрасно понимал А. А. Потебня, использовавший данный аргумент в полемике с А. Х. Востоковым, который подразделял совершенный вид, в частности, на «начинательный» и «окончательный» (не говоря о дальнейших подразделениях), что и послужило прототипом более поздних «подвидов», доживших, в сущности, как мы могли сейчас убедиться, и до наших дней. Потебня писал: «Значения начинательности и окончательности выходят за пределы совершенности: *заговорю* (начну говорить) есть глагол совершенный, *заговариваю* (с кем, начинаю говорить) глагол несовершенный, но начинательность в них одинакова; *заговорю зубы* (заговором утолю зубную боль) есть глагол совершенный, *заговариваю* — глагол несовершенный, оба с равным значением окончательности. Согласно с этим мы должны были различать начинательность и окончательность как в глаголах совершенных, так и несовершенных»⁶. Ср. в наши дни близкое по основной мысли рассуждение Дж. Феррелла: «Исторически начинательные глаголы, взятые как целое, чаще являются

³ См., напр., Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. Современный русский язык. М., 1957, стр. 328; Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина, В. В. Чапукевич. Современный русский язык. М., 1962, стр. 216; «Курс сучасної української літературної мови». За ред. Л. А. Булаховського, т. I. Київ, 1951, стр. 392 и др.

⁴ См.: Sigurd Agrell. *Aspektänderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeitworte*. Lund, 1908, стр. 53, 67, 78, 82 и др.

⁵ Впрочем, роковой ошибкой Агрелля было то, что он исследовал выделенные им способы действия только в рамках совершенного вида. Тем самым он не показал со всей наглядностью отличия своих способов действия от выделявшихся уже и раньше «подвидов».

⁶ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. IV, М.—Л., 1941, стр. 15—16.

дефективными, чем не являются таковыми. Но уже тот факт, что некоторые из них все же имеют оба вида, препятствует какой бы то ни было корреляции (речь идет о том, что в русских работах называется «чисто видовой соотносительностью». — Ю. М.) этих форм с простым, бесприставочным глаголом⁷.

Конечно, наличие таких имперфективных форм, как *заговаривать, заболевать, заводиться* (в смысле 'начинать водиться'), *загораться, зажигать, запевать* и др.⁸, доказывает неправомерность отнесения начинательного значения к «оттенкам» значения совершенного вида. Но, например, для мгновенного, или лучше одноактного значения (действие, выполненное одним движением), отмечаемого в образованиях типа *кольнуть, боднуть*, или для значения «охвата длительности» — по крайней мере в том его варианте, который отмечается в образованиях с приставкой *по-*, — в русском, польском или чешском языках не засвидетельствована способность выступать в несовершенном виде. Поэтому легко может показаться, будто рассмотрение упомянутых значений как «видовых», как частных вариантов значения перфективности, более или менее соответствует действительности.

Между тем в современном болгарском языке все названные и другие подобные значения систематически выступают в обоих видах и тем наглядно обнаруживают свое безразличие к противопоставлению совершенный — несовершенный вид. Так, рядом с совершенными начинательными *забарабанил, затракам, заиграя* существуют несовершенные начинательные *забарабанил, забарабанил* 'начинать барабанить', *затракам* 'начинать стучать', *заигравам* 'начинать играть', 'начинать плясать'; рядом с сов. одноактными *бодна, мушна, блъсна* — несов. одноактные *бодвам* 'производить один отдельный укол или несколько отдельных уколов', *мушвам* (с аналогичным значением), *блъсвам* 'производить один отдельный удар, толчок, или несколько отдельных ударов, толчков'; рядом с *поседа, пролежа* — несов. *посеждавам* 'проводить некоторое время сидя', *пролеждавам* 'проводить какое-то время лежа'. Подобным же образом русскому финитивному *отшуметь*, исключительно совершенному и не имеющему несовершенной «пары», в болгарском соответствует не только сов. *отшумя*, но и несов. *отшумявам*, русскому «сатуративному» *надивиться* — не только сов. *надивя се*, но и несов. *надивявам се*, русскому суммарно-дистрибутивному *перебить* (всю посуду) —

⁷ James Ferrell. The Meaning of the Perfective Aspect in Russian. «Word», VII, 2, 1951, стр. 116.

⁸ Согласно подсчетам Феррелла (указ. соч., стр. 114) по словарю под ред. Д. Н. Ушакова, из 187 «исторически начинательных глаголов» (от *заалеть* до *закутить*) при 19 есть имперфективные формы. В действительности последняя цифра должна быть еще уменьшена, так как некоторые из перечисленных Ферреллом имперфективных форм (напр., *забивать, забиваться, зазнаваться, закидывать*) не имеют и, вероятно, никогда не имели начинательного значения.

не только сов. *изпочупя*, но и несов. *изпочупвам*. И так во всех случаях⁹. Интересно, что даже фономорфологическая невозможность суффиксальной имперфективации (связанная с наличием уже в составе перфективной основы какого-либо суффикса, содержащего *-в-*) не ведет в болгарском языке к невозможности имперфективного осмысления соответствующего глагольного значения. Глаголы *зарисувам*, *запразнувам*, *залудувам*, *зарадвам* (*се*), *развълнувам* (*се*), *пропътувам* и подобные, содержащие словообразовательные суффиксы *-ува-*, *-ва-*, не могут образовать никаких форм с суффиксами имперфективации, но вполне могут функционировать и в несовершенном виде, т. е. совмещают в одной форме два противоположных видовых значения¹⁰. Ср. несовершенное значение в историческом настоящем: «Известието не ни *зарадва*. То е приятно за здравите, не за нас» (Л. Стоянов. «Холера»).

Ясно, что в рассмотренных сейчас случаях о чисто видовой соотносительности можно говорить лишь по отношению к «парам» типа *забарабаня* — *забарабаням*, *бодна* — *бодвам*, *поседа* — *посеждавам*, *надивя се* — *надивявам се*, также *зарадвам* (сов.) — *зарадвам* (несов.) — без формальных различий в строении перфективной и имперфективной основы — и т. д. Формы же *барабаня*, *бода*, *седа*, *дивя се*, *радвам* остаются вне «пар», являются глаголами *imperfectiva tantum*. Конечно, семантическое расхождение между такими *imperfectiva tantum* и их производными оказывается то большим, то меньшим. Например, оно очень велико между *дивя се* и *надивя се* (или *надивявам се*), но сравнительно невелико между *бода* и *бодна* (или *бодвам*), где в определенных случаях можно говорить о лексической синонимии исходного и производного глагола: если *бодвам* маркированно выражает отдельный укол (ряд отдельных уколов), то немаркированно один укол может быть обозначен и формой *бода*. Это позволяет говорить о *бода* и других подобных глаголах как об относительных *imperfectiva tantum* (в отличие от таких абсолютных *imperfectiva tantum*, как, например, *седа* или *дивя се*). Соответственно и в русском языке *дивиться* и *надивиться*, *сидеть* и *посидеть*, кажется, уже никто не объединяет в «видовые пары», а *колоть* и *колынуть*, за неимением для *колынуть* более близкого эквивалента несовершенного вида, как раз обычно объединяют. Возможно, что подобное объединение практически оправдано, но теоретически оно есть лишь своего рода компромисс, и то, что это так, явствует из сравнения с болгарским.

⁹ Текстовых примеров здесь не привожу ради экономии места. Некоторое их количество собрано в моей статье «О своеобразии морфологической системы глагольного вида в современном болгарском языке» (КСИС, 15, 1955, стр. 30, 33—35, 37—39). Особенно массово представлены подобные имперфективные формы в тех болгарских текстах, в которых широко используется историческое настоящее.

¹⁰ Это, правда, далеко не всегда фиксируется словарями.

Ведь русские формы *колоть* и *кольнуть*, *махать* и *махнуть* и т. п. противопоставлены друг другу и по виду, и по способу действия (мультипликативность или «диффузность», впрочем, не очень подчеркнутая — маркированная одноактность), так что лишь тщательный семантический анализ может отделить в этом противопоставлении видовое от невидового. В противоположность этому в болгарском обе оппозиции представлены отдельно одна от другой: оппозиция вида — «парами» *бодна* — *бодвам*, *махна* — *махвам* (где оба члена сохраняют один и тот же способ действия — одноактный), а оппозиция способа действия — «парами» *бодна* (и *бодвам*) — *бода*, *махна* (и *махвам*) — *махам*, где в первом члене «пары» вид не играет (с точки зрения рассматриваемого противопоставления) никакой роли. Мы видим, следовательно, что видовое, грамматическое противопоставление совершенность — несовершенство выступает в болгарском языке во всех подобных случаях в наиболее чистой форме, свободное от каких бы то ни было привходящих или остаточных моментов иного порядка. Видовое значение уже полностью обособлено здесь от тех полулексических значений способов действия, из своеобразной переработки которых оно исторически вышло.

Можно сказать, что тенденция к формализации, к отрыву грамматической категории от ее исходной семантической «базы», к ее максимальному обобщению и распространению на возможно более широкие пласты лексики внутренне присуща в той или иной мере развитию любой грамматической категории. Для славянского вида эта тенденция раскрывается как тенденция к обособлению вида от способа действия, к существенному сужению сферы видовой дефективности («непарности»), как стремление иметь для все большего числа глаголов парные формы обоих видов. Приведенные выше факты показывают, что в болгарском языке эта общая, присущая всем славянским языкам тенденция осуществлена особенно последовательно и полно.

Вместе с тем, и в болгарском языке есть все же способы действия, представленные только в одном виде, но в виде несовершенном. Наиболее ясный пример — стательный способ действия, отмечаемый в глаголах, обозначающих состояние (*лежа*, *сядя*, *стоя*, *вися*, *спя*), постоянное отношение (*владая*, *обичам*, *завися*, *принадлежа*, *съответствувам*, *доминирам*), также действие, не связанное с каким-либо изменением в субъекте или объекте и потому не предусматривающее в своем протекании какого-то предела, завершения (*свирепствувам*, *кокетнича*, *жестикуюлирам*, *учителствувам*, *държа*) и т. п. Глаголы подобной семантики оказываются и в болгарском, и в русском, и вообще во всех славянских языках «непарными», или лучше дефективными в видовом отношении, глаголами *imperfectiva tantum*, и притом абсолютными *imperfectiva tantum*, не имеющими в совершенном виде даже приблизительного соответствия. Такого

рода видовая дефективность неизменно обнаруживается во всех славянских языках, и причины ее лежат в принципиальной невозможности чистой перфективации всех неопределенных глаголов. В этих случаях способ действия предопределяет видовую приуроченность: вид может здесь быть только несовершенным, и замена вида мыслима лишь при обязательном условии одновременного изменения и способа действия (ср. *полежа, пролежа*, также *залежа* 'начать лежать, слечь' и т. п.).

В последние годы была предпринята попытка пересмотреть учение о способах действия. Я имею в виду чрезвычайно интересный во многих отношениях книгу А. В. Исаченко «Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Часть II» (Братислава, 1960) и другие работы А. В. Исаченко и его учеников. Отдавая должное и книге в целом, и, в частности, замечательно тонкому и обстоятельному анализу важнейших способов действия русского глагола, развернутому в ней на протяжении почти 150 страниц, я не могу согласиться с А. В. Исаченко по некоторым общим вопросам, о чем следует сказать несколько слов.

Как известно, вместо понятия способа действия А. В. Исаченко вводит два понятия: одно он называет по-русски «совершаемость», по-чешски «slovesná akce» и по-немецки «Aktionsart» (sic!); другое — «(общим) характером (глагольного) действия», «obecný charakter slovesného děje», «allgemeiner Verbalcharakter»¹¹. Реальным основанием для разграничения одного и другого служит наличие или отсутствие в глаголе словообразовательных морфем (приставок, суффиксов, приставки в сочетании с возвратной частицей): если такие морфемы есть, мы имеем дело с «совершаемостью», если нет — с «характером действия». Таким образом, «совершаемости» бывают только в производных глаголах. Вместе с тем, А. В. Исаченко накладывает на свои «совершаемости» еще одно существенное ограничение: «Глаголы, выражающие ту или иную совершаемость, — пишет он, — представлены всегда лишь одной видовой формой»¹², т. е. обязательно являются глаголами perfectiva (либо imperfectiva) tantum. Ясно, что производность глагола и его видовая дефективность — разные, несовпадающие признаки: есть немало глаголов производных, но не дефективных в видовом отношении. Эти глаголы не находят себе места в схеме А. В. Исаченко ни среди «совершаемостей», ни, по-видимому, среди «характеров

¹¹ Кроме названной книги А. В. Исаченко см. его статью «Slovesný vid, slovesná akce a obecný charakter slovesného děje». (SaS, 21, 1960, 1, стр. 9—16).

¹² А. В. Исаченко. Грамматический строй. . . , II, стр. 218. — Отметим, что А. В. Исаченко даже считает, что видовая дефективность является «основной (выделено мною. — Ю. М.) приметой совершаемости» (там же, стр. 217).

действия». В таком положении оказываются, например, глаголы, обозначающие «конечный фазис действия» типа русск. *догореть*// *догорать*, многие глаголы, обозначающие «начальный фазис действия» типа русск. *разгореться*// *разгораться*, *разболеться*// *разбалливаться*, — причем другие глаголы с аналогичным значением, напр. *разахаться*, *разбежаться*, *разлентиться*, *разбушеваться*, *разговориться*, *расшалиться* образуют «эволютивную совершаемость», так как они дефективны¹³. Получается, что единое по сути явление разрывается надвое, причем это далеко не единственный пример: та же картина повторяется во многих других типах образований¹⁴.

Если попытаться применить понятие «совершаемость» к материалу болгарского языка, то окажется, что в этом языке и вовсе нет никаких «совершаемостей», кроме, разве, такой, как «сопроводительная», напр. *пригласям, припявам*¹⁵ (ср. русск. *приговаривать*) или «многократная», представленная одним глаголом *бивам*. Основной массе «совершаемостей» русского языка, как они описаны у А. В. Исаченко, в болгарском соответствуют глаголы, выступающие в формах обоих видов¹⁶.

Мне представляется нецелесообразным отказываться от понятия способа действия, как оно разработано, например, в трудах Эрв. Кошмидера, — от понятия, которое уже стало классическим и не раз оправдало себя в практике аспектологических исследований. Я еще раз¹⁷ подчеркиваю, что определяющим формальным признаком способа действия являются не те или иные словообразовательные морфемы, а направление словообразовательной активности, синтаксическое употребление и тип взаимодействия с категорией вида. Любой глагол — производный он или непроизводный — относится к тому или иному способу действия (а нередко и к двум или трем способам действия сразу, так как способы действия не составляют единой системы с единым основанием деления)¹⁸. Различение среди способов действия а) таких, которые имеют словообразовательную (морфемную) характеристику, и б) таких, которые не имеют подобной характеристики, а также, конечно, еще и в) таких, которые

¹³ См.: А. В. Исаченко. Грамматический строй... II, стр. 233 и 250—251.

¹⁴ Подробнее см. в рецензии А. В. Бондарко на книгу А. В. Исаченко (ВЯ, 1962, № 5, стр. 140—141).

¹⁵ Правда, АР и Т дают и перфективную форму *припях*, но она вряд ли-способна выступать в сопроводительном значении.

¹⁶ Ср. в рецензии К. Ивановой на книгу А. В. Исаченко (БЕ, XII, 1962, 3, стр. 257): «постановката на Исаченко, приложена към българския материал, би довела до отричане на възможността да съществуват редица основни начини на действие в български език».

¹⁷ Ср. «Вопросы грамматики болгарского литературного языка». М., 1959, стр. 186—188 и 190—191.

¹⁸ Ср. E. Koschmieder. Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie. Wilno, 1934, стр. 4 (то же в сб. «Вопросы глагольного вида». М., 1962, стр. 108—109).

в одних глаголах имеют, а в других не имеют этой характеристики¹⁹, вероятно, в ряде отношений оказалось бы полезным, и идею эту можно было бы принять²⁰. Но особенно большие возражения вызывает второй (по мысли Исаченко — главный, см. выше сноску 12) признак «совершаемости» — ее обязательная связь с видовой дефективностью. Следует признать, что среди способов действия (как среди «морфемно выраженных», так и среди «морфемно невыраженных») могут быть и бывают как связанные с видовой дефективностью, так и не связанные с нею. Это зависит от семантики данного способа действия и от практики, установившейся в данном славянском языке. В литературе известны попытки сгруппировать способы действия некоторых славянских языков по их разному отношению к виду и к видовой дефективности²¹. В двух словах положение может быть описано следующим образом.

Непредельные способы действия выступают во всех славянских языках, в том числе и в болгарском, только в несовершенном виде. Среди остальных способов действия одни выступают в обоих видах повсеместно и вполне свободно, другие же, в зависимости от языка, либо свободно, либо лишь с известными ограничениями, либо даже вообще только в одном виде (именно, совершенном).

Понятие «совершаемости», как оно сформулировано и разъяснено у А. В. Исаченко, представляет собой нечто среднее между «подвидом» традиционной грамматики и способом действия. С одной стороны, А. В. Исаченко четко отграничивает видовое значение от «совершаемостных» значений, отнюдь не сводит эти последние к «оттенкам» первого, с другой, — требованием обязательной дефективности фактически упраздняет самостоятельность «совершаемостных» значений, поскольку игнорирует наиболее объективное доказательство их независимости от вида. Двойственность и внутренняя противоречивость понятия «совершаемости» ярко проявляются и в том, что «совершаемостные образования» не признаются А. В. Исаченко «вполне самостоя-

¹⁹ Так, например, мультипликативный способ действия во многих глаголах характеризуется суффиксом *-а-* (русск. *качать, толкать*, болг. *махам, бъркам* и др.), а в других не имеет специального морфемного выражения (ср. русск. *колоть*, болг. *бода* и др.). Ср. в указанной рецензии А. В. Бондарко, стр. 141.

²⁰ При этом «морфемно выраженный способ действия» можно было бы, если угодно, назвать «совершаемостью», но его нельзя было бы без дальнейшего ограничения обозначать термином «Aktionsart»: принцип *totum pro parte* повел бы здесь лишь к новому запутыванию и без того сложного вопроса.

²¹ Первый шаг в этом направлении представляет статья А. И. Стендер-Петерсена «О функциях глагольных приставок в русском языке» («Slavia», XII, 1933/34, стр. 321—324). Более развернутую схему дает для польского языка Kristine Netteberg. *Études sur le verbe polonais*. Copenhagen, 1953, стр. 72—74 (сб. «Вопросы глагольного вида», стр. 65—67). Отдельные замечания имеются и у других авторов.

тельными глаголами»²². Он пишет: «Глаголы типа *закричать*, *покричать*, *накричаться*, *крикнуть* не образуют и не могут образовать форм несовершенного вида потому, что они уже в известном смысле соотнесены с глаголом несовершенного вида — а именно с бесприставочным глаголом *кричать*. Эта соотнесенность, конечно, не чистовидовая»²³.

Верно, что «в известном смысле» соотнесенность с бесприставочным *кричать* имеет здесь место и что соотнесенность эта «не чистовидовая». Соотнесенность эта — словообразовательная, т. е. такая, которая вообще существует между производной и производящей основами как между основами разных, вполне самостоятельных, хотя и связанных по смыслу слов. То, что при этом производящая и производные основы оказались основами разного видового значения, не может помешать имперфективации и, как мы видели, не мешает ей в русском языке — во многих подобных, а в болгарском — практически почти во всех относящихся сюда случаях. Ср. при исходном глаголе *викам* — начинат. *завикам*||*завиквам*, сатурат. *навикам се*||*навиквам се*, одноактн. *викна*||*виквам* и т. п. И здесь между исходным глаголом и его производными (взятыми в любой видовой форме) существует оппозиция по способу действия, а внутри каждого из производных — чисто грамматическая оппозиция по виду между совершенной и несовершенной формой.

2. ГЛАГОЛЫ С ТАК НАЗЫВАЕМЫМИ «ПУСТЫМИ» («ЧИСТОВИДОВЫМИ») ПРИСТАВКАМИ

В предыдущем разделе мы видели, что в современном болгарском языке от перфективных основ начинательного, одноактного и ряда других упоминавшихся выше способов действия систематически образуются производные основы несовершенного вида, обычно в точности сохраняющие лексическое значение и способ действия соответствующей перфективной основы. Но сходная картина наблюдается и в отношении основ, в которых традиционно усматривают так называемую «пустую» («чистовидовую») приставку, «*préverbe vide*». От этих основ также систематически образуются производные основы несовершенного вида с суффиксами имперфективации. Русскому совершенному *написать*, содержащему «пустую приставку», в болгарском языке соответствует не только сов. *напиша*, но и несов. *написвам*, русскому сов. *сделать* — не только сов. *направя*, но и несов. *направлям*, русскому *потемнеть* — сов. *потъмнея* и несов. *потъмнявам* и т. д. Можно сказать, что в болгарском языке вовсе нет случаев²⁴, когда лексическая «опустошенность» при-

²² А. В. Исаченко. Грамматический строй... II, стр. 224.

²³ Там же, стр. 217.

²⁴ Не считая, может быть, нескольких глаголов, принадлежащих

ставки вела бы к отсутствию производной основы с суффиксом имперфективации. Там же, где суффиксальная имперфективация невозможна по фономорфологическим причинам (присутствие в составе перфективной основы суффикса, содержащего *-в-*), глагол с так называемой «пустой» приставкой оказывается способным и к имперфективному употреблению (наряду с перфективным). Так, русским совершенным *нарисовать, отпраздновать, скомандовать* и т. п. соответствуют болгарские двувидовые (чаще совершенные) *нарисувам, отпразнувам, изкомандувам* и др.²⁵

Важно выяснить, каковы семантические соотношения в рядах *пиша — напиша — написам, правя — направя — направам, тъмнея — потъмнея — потъмнявам, рисувам — рисувам (сов.) — рисувам (несов.)* и т. д., в частности, каково соотношение первого и последнего члена внутри каждой подобной «тройки» и, если их значения не тождественны, то который из них стоит ближе ко второму, перфективному члену.

По словам проф. Л. Андрейчина, такие формы, как *пиша* и т. д. «употребляются в реальном (в моей терминологии — актуальном, конкретно-процессном. — Ю. М.) настоящем времени», а такие, как *написам* и т. д. — в «настоящем повторительном или настоящем историческом»²⁶. К этому можно было бы добавить, что в языке достаточно широко представлены и формы имперфекта типа *написвах, написваше*, причем как по отношению к многократному действию, так и по отношению к отдельному действию, рассматриваемому в процессе его развития; нередко встречается и процессное существительное типа *написване*, пересказывательные формы, формы конъюнктива и некоторые другие (примеры будут приведены ниже). Что касается презенса типа *написам*, то наряду с наиболее обычными его применениями в значении многократного действия и в историческом настоящем (многократного и однократного действия) изредка встречаются и другие случаи. Ср., например, актуальное однократное настоящее в «коинцидентном» типе: *Пожелавам ви всичко зубаво*²⁷; настоящее ожидаемого в момент речи, но не осуществляющегося действия: «...последните есенни цветя.. Взemi де! — смърах го престорено. — Чуден кавалер: нито ги взема, нито *поблагодарява* даже» (Г. Райчев. «Мерзавец»).

к эмоционально-экспрессивной лексике (они нуждались бы в специальном рассмотрении, для которого нет места в рамках этого доклада).

²⁵ Двувидовость таких основ далеко не всегда отмечается словарями. Так, один лишь совершенный вид указан в Т и в АР для *нарисувам*, хотя при толковании глагола *надрасквам* АР использует глагол *нарисувам* в его имперфективной функции.

²⁶ См.: Л. Андрейчин, М. Иванов, К. Попов. Съвременен български език. Част II. София, 1957, стр. 29.

²⁷ О «коинциденции» см.: Е. Koschmieder. Указ. соч., стр. 109 (сб. «Вопросы глагольного вида», стр. 163); его же. Zu den Grundfragen der Aspekttheorie. — IF, 53, 1935, стр. 280—300.

В общем, мне представляется, что смысловое разграничение форм *написвам* и *пиша* следует искать не столько по линии многократности — однократности, неактуальности — актуальности и т. д., сколько по линии подчеркнутости — неподчеркнутости предельного значения, т. е. значения: а) направленности действия на достижение «внутреннего предела», или же — в ряде случаев — б) реальной достигнутости этого предела. Проиллюстрирую это на примерах.

а) Подчеркнутая направленность на достижение предела: «Разсъмваше се. Небето на изток все повече и повече *побеляваше*» (И. Йовков. «Земляци». IX). Вместо *побеляваше* можно было бы сказать *белееше*. Но эта бесприставочная форма, имеющая наряду с инхотативным значением ('становиться белым') также и статальное ('быть, видется белым'), была бы здесь, очевидно, менее четкой, даже несмотря на обстоятельство нарастания признака (*все повече и повече*), казалось бы устраняющее всякую неясность. Ср. еще: «Деловодителят. . от един час *почистваше* циферблата с една кибритена клечка и се мъчеше да разплете увития около оста на минутника голям косъм» (Чудомир. «И я че изокам некой ден»). Аналогично в некоторых случаях исторического настоящего, при картинном описании процессов, характеризующихся известной продолжительностью: «А Индже се разхожда пред чадъра си, ходи по самия гребен на Бакъджика, гдето вятърът развява високата трева. Небето *потъмнява*, блясва като елмаз голяма звезда на юг. Индже ходи и мисли. . .» (И. Йовков. «Индже»). Как и в первом примере из Йовкова, и даже с большим основанием, бесприставочная форма (*тъмнее*) могла бы быть воспринята здесь как статальная (в смысле 'темнее се', 'видится темным').

б) Реальная достигнутость предела.

При значении многократности имеется в виду достигнутость предела в каждом отдельном акте многократного действия: «Когато *написвал* това турско име, байко въпросително погледвал към своя учител» (Т. Влайков. «Преживяното»). То же содержание можно было бы выразить формами совершенного вида: «когато (щом) *напишел*» или, в «прямом» высказывании, «когато (щом) *напишеше*», «когато (щом) *напише*» (в русском переводе 'когда бывало напишет'). Но здесь нельзя было бы сказать «когато *пишел*» ('когда писал'), так как в этом случае отсутствие подчеркнутого указания на предел повело бы к единственно возможному пониманию 'в самом процессе писания'. Аналогично: «Когато майка ѝ *побесняваше* от яд срещу Елка и разпенено я обсипваше с клетви и укори, Йовка. . . *изкрещяваше* безумно — Мамо! Мамо! И падаше като убита» (Елин Пелин. «Гераците». II). В случае замены подчеркнутых форм бесприставочными *беснееше* и *крещеше* момент наступления одного и вслед за ним другого события был бы утрачен, вместо него мы получили бы статическое описание двух па-

раллельных процессов. Ср. еще «Виктор Ефимич отвори вратата на апартамента чак след третото позвъняване» (Д. Димов. «Тютюн». II, XV).

Реальная достигнутость предела одного единичного действия выступает в случаях исторического настоящего, соответствующего в плане прошедшего перфективному аористу. Например: «За родоначалник на новата литература и възраждането ние считаме атонския монах Паисий Хилендарски, българин от околностите на Рила, който *написва* в 1762 г. своята Славянобългарска история и я разпространява широко сред нашия народ» (Б. Пенев, «Българска литература, Кратък исторически очерк», 1946, стр. 8). Если бы было сказано «който *пише* в 1762 г. . .» и т. д., можно было бы подумать, что в названном году Славянобългарска история только писалась, тогда как в действительности она была в этом году написана, завершена. Ср. еще: «Една чешма шурти и колата е спряла. Коларят *напоая* конете, после *поглежда* в колата» (Л. Стоянов. «Холера»). Аналогично и в случаях «сценического настоящего», например: «Д-р Кръстев се *покланя* с подчертана любезност» (А. Гуляшки. «Обещание». II, I) — ремарка недвусмысленно указывает на один поклон. Во всех рассмотренных примерах выделен один акт действия и, несмотря на несовершенный вид, этот акт обозначен как полностью осуществившийся, реализованный субъектом. То же мы имеем и в некоторых случаях процессного 'существительного, например «*Отпразнуването* на 9 септември в София» (газетный заголовок) — от двувидового *отпразнувам* (фономорфологическая невозможность имперфективации).

В общем наблюдаемые здесь отношения можно подвести под следующее правило: приставочная имперфективная форма характеризуется значением предельности, объединяющим ее с соответствующей формой совершенного вида; бесприставочная имперфективная форма противостоит обеим приставочным как непредельная.

Случаи суффиксальной имперфективации глаголов, содержащих приставку, традиционно рассматриваемую в качестве «пустой», отмечены и в других славянских языках, в частности в русском, в чешском. По-видимому, они есть везде, хотя в других языках не получили такого систематического распространения, как в болгарском. Что касается смысловых соотношений между членами соответствующих «троек», то Л. А. Быкова, исследовавшая многие относящиеся сюда факты русского языка, пишет: «в некратном употреблении приставочная форма (несовершенного вида. — Ю. М.) отличается от бесприставочной дополнителным оттенком: имеется в виду конечный пункт, к которому как бы с самого начала начинает приближаться действие. В кратном употреблении бесприставочная форма и вторичный глагол несовершенного вида разнятся в том отношении, что

первая констатирует факт повторения действия без четкого указания на его завершенность (*читал, учил*); второй ярко подчеркивает повторение каждый раз завершенного действия (*выучивал, прочитывал*)»²⁸. Эти формулировки хорошо согласуются с нашими наблюдениями над болгарским материалом. Другой лингвист, исследовавший русские факты, А. Н. Тихонов выделяет три главных случая: 1) случай стилистической дифференциации бесприставочного и приставочного глагола (ср. экспрессивно-окрашенные и поэтические формы *грозит, томит, стремится, хранит* и т. п. вместо нейтральных и прозаических *угрожает, утомляет, устремляет, сохраняет* и т. д.); 2) случай семантической дифференциации бесприставочного и приставочного глагола (в последнем отмечается большая конкретность по сравнению с первым, например *вянуть — завядать, увядать, молкнуть — замолкать, умолкать, липнуть — прилипнуть, хмуриться — нахмуриваться, громоздить — нагромождать, стывать — остывать* и т. д.) и 3) случай «дублетности», т. е. абсолютной синонимии, например *упасть = падать* в спенических ремарках Лермонтова²⁹. Бросается в глаза, что и среди примеров, отмеченных Тихоновым в первую и в третью рубрику, есть ряд таких, где явно ощущается смысловая дифференциация того же типа, что и в наших болгарских примерах. Ср. «прикосновение невинной руки *целит* мою измученную душу» (из А. Толстого), где *целит* 'благоприятно действует', а не 'до конца исцеляет, делает совершенно здоровой', что было бы выражено приставочным глаголом. Или: «Мы *научаемся* языку с детства, незаметно для самих себя, слушая и повторяя слышанное от взрослых. ; глухонемой же не может так *учиться* языку потому именно, что он глухонемой» (из С. О. Карцевского), где приставочный глагол *научаемся* обозначает процесс постепенного накопления навыков, процесс, неуклонно приводящий к цели, а бесприставочный *учиться* указывает на процесс как таковой, вне учета перспективы этого процесса. Иными словами, и здесь налицо противопоставление предельного и неопредельного значения.

Традиционная точка зрения на «пустые приставки» исходила из предположения об абсолютном тождестве лексического значения бесприставочного глагола типа *писать* и его приставочного деривата типа *написать*. Это тождество в свою очередь предполагало абсолютную ненужность и потому невозможность «вторичной имперфективации», что как будто подтверждалось, например, отсутствием в русском языке формы «написывать» и

²⁸ Л. А. Быкова. Несоотносительные глаголы несовершенного вида в современном русском языке. «Труды філологічного факультету Харківського державного університету ім. О. М. Горького», т. 6, 1958, стр. 117.

²⁹ См.: А. Н. Тихонов. О стилистической и смысловой дифференциации вариантных форм несовершенного вида глаголов с грамматикализованными префиксами. — Узбекский гос. ун-т им. А. Навои. Кафедра русского языкознания. Краткие сообщения. Самарканд, 1959, стр. 13—21.

ряда других подобных. «Пустая приставка» трактовалась как чистая морфема вида, как чистый показатель совершенности, а глаголы типа *писать* и *написать* как случай «чисто видовой соотносительности», как «чисто видовая пара» и даже как формы одного слова. Факты, рассмотренные в этом параграфе, по существу опровергают подобную схему. Попытки отстоять ее могли бы идти по двум линиям.

Во-первых, можно было бы ограничить понятие «пустая приставка» случаями, когда производная основа несовершенного вида действительно отсутствует. Такое ограничение было бы возможно в ряде славянских языков, хотя оно повело бы к разрыву однородных (для языкового чувства) явлений и, в отношении многих глаголов, к значительной неопределенности. Так, в русском языке, в глаголе *написать* приставка должна была бы считаться «пустой» (поскольку в современном литературном языке нет «написывать»), а в полностью аналогичном глаголе *нацарапать* — «непустой» (поскольку существует *нацарапывать*). Неопределенность возникала бы в связи с тем, что в индивидуальной речи нередко встречаются такие образования с суффиксами имперфективации, которые не фиксируются словарями; вообще потенциальная возможность этих образований значительно шире их реальной зафиксированности в словарях и даже в картотеках больших словарей славянских языков. Если же взять болгарский язык, то в нем при подобном подходе, как явствует из предшествующего изложения, вообще не оказалось бы глаголов с пустыми приставками.

Во-вторых, можно было бы для какого-то круга глаголов предположить все-таки полную синонимию приставочной и бесприставочной имперфективной формы и эти-то глаголы (в основном — третью рубрику А. Н. Тихонова) именно и считать глаголами с «пустой приставкой». Приблизительно по такому пути и пошли некоторые чешские языковеды, исследовавшие имперфективацию глаголов с «пустыми приставками» в чешском языке. Тезис о ненужности производных основ несовершенного вида в этом случае не снимается, но реальное появление таких основ объясняется как своего рода «Systemzwang», как порождение автоматизма системы суффиксальной имперфективации. Фр. Конечный прямо пишет, что вторичные *imperfectiva*, квалифицируемые им как «*nadpárová imperfectiva*»³⁰, возникают «*pod tlakem dokonalejšího systému imperfektivisačního*»³¹.

³⁰ См.: Фр. Коречный. Slovesný vid v češtině. Praha, 1962, стр. 92—94.

³¹ Фр. Коречный. Morfologické prostředky vidové v nynější češtině. «Posta Fr. Trávníčkovi a F. Wollmanovi». Brno, 1948, стр. 242. В книге, названной в предыдущей сноске, Конечный добавляет и другую причину: присоединение приставки создает «более описательные оттенки исходного значения» («*deskriptivnější odstíny základního významu*»), которые иногда хочется сохранить в несовершенном виде. Но там, где ясно чувствуются «описательные оттенки» и где говорящий хочет сохранить их в несовер-

По мнению Ив. Польдауфа и Фр. Копечного, именно синонимия приставочной и бесприставочной форм служит критерием, доказывающим, что мы имеем дело с «чистовидовой» приставкой³².

Без специального исследования чешского материала мне трудно сказать, в какой мере теория «пустых приставок» может быть сохранена для чешского языка. Но русские и особенно болгарские факты, приведенные выше, скорее говорят в пользу другого: следует вообще отказаться от традиционного понятия «пустых» («чистовидовых») приставок. «Пустые» приставки (включая и так называемые «классифицирующие приставки», «řadicí předpony»³³) суть вовсе не «морфемы вида», а, подобно всем другим приставкам, лишь носители значения определенного способа действия, именно (используя старый термин) «общерезультативного». Отмеченная нами выше предельность и есть общерезультативное значение. И подобно глаголам многих других способов действия, глаголы, образованные с помощью «пустых» приставок, входят в ряде славянских языков в значительной своей части в группу глаголов perfectiva tantum, а в болгарском являются нормальными, недефективными глаголами, представленными параллельно в обоих видах. Но и в болгарском, и в других славянских языках исходный бесприставочный глагол (*права, тъмнея, писатъ* и т. д.) остается глаголом imperfectivum tantum.

Напомню, что уже С. О. Карцевский называл «пару» типа *играть — сыграть* «довольно искусственной, так как она не соответствует никакой лингвистической реальности»³⁴. «Что касается исходных глаголов, — писал он, — то они не вступают ни в какие видовые пары»³⁵. В наши дни против традиционного учения о «пустых приставках» очень ярко и убедительно выступает А. В. Исаченко. Допуская, что «в единичных случаях»

шенном виде, очевидно, нельзя усматривать полную синонимию исходного и производного глагола. Вероятно, в этих случаях, как и в отмеченных Тихоновым случаях «большей конкретности» приставочных форм по сравнению с бесприставочными, речь должна бы идти скорее всего именно о большей подчеркнутости предела действия, направленности его на достижение предела, или даже о подчеркивании самой достигнутой предела, как в рассмотренных выше примерах из болгарского языка.

³² См.: I. Poldauf. Podíl mluvnické a nauky o slovníku na problematice slovesného vidu. «Studie a práce lingvistické. I. K 60. narozeninám akad. B. Havránka». Praha, 1954, стр. 223, сноски; е го же. Ještě k «prostě vidovým předponám» v češtině. — SaS, 17, 1956, стр. 170; Fr. Kopečný. Dvě nové práce o prostě vidových předponách v češtině. — там же, стр. 31; е го же. Slovesný vid v češtině, стр. 94.

³³ См.: I. Poldauf. Spojování s předponami při tvoření dokonavých sloves v češtině. — SaS, 15, 1954, стр. 49—65, а также работы Польдауфа и Копечного, названные в предыдущей сноске.

³⁴ S. Karcsevski. Système du verbe russe. Prague, 1927, стр. 107 (Сб. «Вопросы глагольного вида», стр. 229).

³⁵ Там же.

(вроде русск. *сделать*, словацк. *urobit'*, чеш. *udělat*) в приставке действительно «выветрились», как он говорит, «последние следы лексического значения», А. В. Исаченко подчеркивает, что это «лишь отдельные, частные случаи, притом сравнительно редкие. Основная масса бесприставочных глаголов несовершенного вида остается в наших языках без точного соответствия на стороне совершенного вида»³⁶. По мнению А. В. Исаченко, следует говорить не о «пустой приставке» или «видовом префиксе», а «о префиксе, сообщающем простому глаголу значение результативной совершаемости»³⁷. Фр. Копечный, одно время как будто тоже склонявшийся к этой точке зрения³⁸, в настоящее время polemизирует с нею³⁹, отстаивая (с теми нововведениями, о которых говорилось выше) концепцию «чисто видовых приставок». Думаю, что факты болгарского языка заставляют скорее согласиться в этом вопросе с Карцевским и с Исаченко, чем с Польдауфом и Копечным.

Говоря об общерезультативном способе действия, важно подчеркнуть, что составляющие его глаголы особенно часто оказываются (это-то и повлияло на взгляды ученых) более или менее близкими (хотя и не абсолютными) лексическими синонимами исходных бесприставочных глаголов. Дело в том, что и бесприставочный глагол в соответствующем контексте (например, с дополнением, обозначающим конкретный, ограниченный объект воздействия и т. п.) нередко получает результативное или, по меньшей мере, предельное значение, маркированно выраженное его приставочным дериватом. Отсюда довольно широкая возможность замены «третьего» члена рассмотренных выше «троек» их «первым» членом (иногда и наоборот). Ср. пример из А. Константинова, приведенный Р. Мутафчиевым: «Стопанинът седи като на бодли и не знае как по деликатен начин да експедира временно сладкодумния си гост. Той *звъни*, явява се един слуга. . Влиза след малко майка му. Бай Ганю. . *прави* с ръка едно двойно движение към челото си и снисходительно изговаря». Как отмечает Р. Мутафчиев, подчеркнутые формы стоят здесь вместо ожидаемых *позвънява* (или *звънва*) и *направля*, и это оказалось возможным лишь потому, что выдвигению терминативного значения способствует контекст (в частности — дополнение при глаголе *прави*)⁴⁰.

Наличие такого рода синонимии позволяет трактовать соответствующие perfectiva tantum (русск. *написать*, *пометнуть*

³⁶ А. В. Исаченко. Грамматический строй..., II, стр. 175.

³⁷ Там же, стр. 167, сноска.

³⁸ См.: Фр. Кореџнѹ. Bemerkungen zu zwei Arbeiten über die schlechthin perfektivierenden Vorsilben im Tschechischen. — ZIS, 4, 1959, стр. 117.

³⁹ См.: Фр. Кореџнѹ. Slovesný vid v češtině, стр. 90—91.

⁴⁰ Радослав Мутафчиев. Сегашно историческо време като заместник на минало свършено и несвършено време в съвременния български език. — ЕЛ, 15, 1960, 5, стр. 346—347.

и т. п.) как относительные *perfectiva tantum* (и, следовательно, *писать, темнеть* — как относительные *imperfectiva tantum*). Именно данное обстоятельство и послужило объективной опорой традиционного учения о «чистовидовых» приставках, позволило объединять *писать* и *написать*, *темнеть* и *потемнеть* в якобы «чистые» видовые пары. Но на современном этапе развития аспектологии и в этой области вид (совершенство) и способ действия (результативность) должны быть четко отделены друг от друга, а традиционные «пары» вроде *писать* — *написать* должны быть осмыслены как своего рода компромиссные, гибридные, смешанные образования. В свете этих фактов «пустые приставки» определяются как такие, лексическое значение которых (в силу ли того, что оно сильно «побледнело», или в силу того, что оно «поглощается» лексическим значением глагольной основы) не препятствует широкой синонимичности приставочного и бесприставочного глагола. Лишь в единичных случаях вроде *делать* — *сделать* дело доходит здесь, пожалуй, до полного семантического тождества.

3. МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ СОВЕРШЕННОГО — НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА.

Из материалов двух предыдущих параграфов явствует, что как приставки, в том числе и «пустые» (кроме, может быть, нескольких единичных случаев), так и назальный суффикс должны быть принципиально исключены из арсенала «чистовидовых морфем» славянских языков, должны составить класс морфем, выражающих вид лишь «по совместительству» со способом действия, а во многих глаголах, как мы еще убедимся, даже и вовсе не выражающих вида. О «парах» вроде русск. *писать* — *написать* или *колоть* — *кольнуть* можно говорить лишь как о «приблизительных парах», «парах не полностью соответствующих друг другу глаголов», «парах неточных дублетов» (*dublety niedokładne*)⁴¹ и т. д. Когда мы рассматриваем морфологический механизм совершенного—несовершенного вида, речь должна идти в первую очередь, разумеется, не об этих «приблизительных парах» или о примыкающих к ним случаях супплетивности (*брать* — *взять* и т. п.), а о морфологическом выражении «чисто видовой соотносительности». Основной принцип, действующий здесь, можно сформулировать так: в глаголах, обладающих соотносительными формами обоих видов, несовершенство выражается нали-

⁴¹ Эти выражения принадлежат Э. Копмидеру (см. *Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie*. Wilno, 1934, стр. 9—10; то же в сб. «Вопросы глагольного вида», стр. 112), только он использовал их для более узкой группы случаев, где несоответствие лексических значений основ противоположного вида особенно ярко бросается в глаза.

чием, а совершенство — отсутствием суффикса имперфективации. При этом подразумевается не просто факт наличия или отсутствия суффикса, а факт его наличия или отсутствия в качестве непосредственного составляющего данной основы. Необходимость такого уточнения вытекает из факта существования образований вроде болг. *нападам* (*нападаха ябълки*), русск. *напа́даты* и т. п., в которых присутствует — не в качестве непосредственного составляющего — суффикс имперфективации [*на + (над + а)*], а видовое значение является совершенным.

В языках, на базе изучения которых складывались традиционные аспектологические представления, действие указанного принципа во многих случаях затемнено или ограничено различными привходящими обстоятельствами. В болгарском языке он проведен наиболее последовательно.

Впрочем, в отношении «нехарактеризованных» основ совершенного вида (так называемых *perfectiva simplicia*), не имеющих никакого положительного «знака» своей перфективности, указанный принцип выступает очень четко и в таких языках, как русский. Это уже было отмечено в свое время С. Карцевским: «Бесприставочные перфективные глаголы, — писал он, — существуют не изолированно, сами по себе, но всегда в сопровождении соответствующих несовершенных: *решить/решать*, *благословить/благословлять* и т. д. . . . Перфективность *решить* определяется тем, что оно противопоставлено *решать*. Отсюда можно утверждать, что *решить* перфективно потому, что *решать* — имперфективно, но не наоборот»⁴². Иными словами, в *решать* вид выражен положительно, суффиксом имперфективации *-а-*, тогда как в *решить* — отрицательно, нулевой морфемой, значащим отсутствием суффикса имперфективации на фоне наличия этого суффикса в противопоставленной имперфективной форме.

По-существу, то же самое следует сказать и о приставочных основах совершенного вида, рядом с которыми стоят их производные с суффиксами имперфективации. *Подписать*, *разрубить*, *догореть* и т. д. перфективны потому, что рядом существуют *подписывать*, *разрубить*, *догорять* и т. д. Традиционная грамматика считает в этих случаях приставку положительным «знаком» перфективности. Но такая точка зрения не выдерживает критики: ведь приставка есть и в имперфективной форме. Единственное формальное различие между двумя противопоставленными основами состоит здесь в наличии — отсутствии суффикса имперфективации. Таким образом, в этих случаях приставка не должна и не может учитываться при анализе соотношения между членами видовой оппозиции: это соотношение остается тем же, что и в бесприставочных глаголах. Здесь, как

⁴² S. Karcevski. *Système du verbe russe*, стр. 111.

и там, несовершенный вид выражен суффиксом имперфективации, а совершенный — исключительно отсутствием этого суффикса. Приставка же в этих случаях есть морфема, выражающая только тот или иной способ действия, да, пожалуй, еще значение предельности, общее ряду способов действия, но не более. Никакого прямого отношения к видовому противопоставлению она, собственно говоря, не имеет.

Несколько иное положение в приставочных *perfectiva tantum* (русск. *забарабанить*, *посидеть*, *отшуметь*, *написать* и т. д.). Здесь формы без суффикса имперфективации не противопоставлены в рамках того же лексического значения (а в ряде случаев — в рамках всех глаголов данного способа действия) каким-либо формам, содержащим такой суффикс. Поэтому здесь с большим правом можно считать, что носителем перфективности является приставка, хотя этим и не снимается ее первая и главная функция — выражать данный способ действия, данный оттенок лексического значения. Впрочем, и здесь все же остается в силе противопоставление *in abstracto* всем формам с суффиксом имперфективации других глаголов⁴³. С учетом этого обстоятельства можно было бы предложить такую специальную формулировку: в приставочных *perfectiva tantum* приставка не только выражает тот или иной способ действия, но в сочетании с отсутствием суффикса имперфективации служит приметой совершенного вида. Но в болгарском языке, собственно, нет приставочных *perfectiva tantum* (в случае, когда присоединение суффикса имперфективации невозможно по фономорфологическим причинам, в глаголе развивается, как мы уже знаем, видовая двойственность). Поэтому для болгарского языка отпадает необходимость в специальной формулировке вроде только что приведенной.

В большинстве славянских языков, однако не в болгарском, в группе приставочных производных от глаголов движения наблюдаются некоторые особые отклонения от принципа суффиксального выражения несовершенного и отрицательного выражения совершенного вида. Вместо суффиксов имперфективации в этих глаголах обычно используется старое противопоставление моторно-кратных и моторно-некратных основ, т. е. принцип супплетивности (основ и даже корней) и тем самым — положительного выражения обоих членов оппозиции (ср. русск. *пройти* — *проходит*). Болгарский язык и в этой группе глаголов, как убедительно показал Л. Андрейчин, чрезвычайно последовательно применяет обычную процедуру суффиксальной имперфективации⁴⁴. Что же касается форм с нулем суффикса,

⁴³ Ср. А. В. Бондарко. Опыт общей характеристики видового противопоставления русского глагола. — «Ученые записки Ин-та славяноведения», XXIII, 1962, стр. 180—182.

⁴⁴ См.: Л. Андрейчин. Към морфологичната характеристика на видовата система в съвременния български език. — Славистичен сборник, I.

в том числе и образованных с приставкой от старых моторнократных основ (*проходя, донося* и т. д.), то в современном литературном болгарском языке все они, на общем основании, являются исключительно перфективными.

Принцип положительного выражения несовершенного и отрицательного выражения совершенного вида ярко проявляется в болгарском языке и в отношении бесприставочных глаголов с заимствованными суффиксами *-с-, -ас-, -ос-, -ис-, -дис-* и т. д. Исторически перфективность связана здесь с тем, что *-с-* восходит к греческому показателю аориста. Но в синхронии современного языка мы видим другое: основы с перечисленными суффиксами перфективны лишь постольку, поскольку за *-с-* не следует суффикса имперфективации *-ва-*. В синхронном плане дело здесь, таким образом, не в этом *-с-*, а в противопоставлении основ с суффиксами имперфективации и основ без этого суффикса (*брадясам — брадясам* и т. п.).

Бесприставочные перфективные основы с назальным суффиксом в таких славянских языках, как русский или польский, являются основами *perfectiva tantum*. Им противопоставлены в этих языках не производные от них основы с суффиксами имперфективации, а, как правило, основы мультипликативного способа действия, объединенные с ними в «приближительные пары». Некоторые из этих мультипликативных основ имеют словообразовательный суффикс *-а-*, омонимичный суффиксу имперфективации (напр. *качаю*), но другие не имеют этого суффикса (*колю, машу*), иногда же мультипликативная основа вообще отсутствует (напр., в русском литературном языке при *рухнуть*). Таким образом, в *качнуть, колынуть, махнуть, рухнуть* и т. д. назальный суффикс, будучи суффиксом способа действия, по совместительству выражает и перфективность. В болгарском языке мы снова видим несколько иную картину: рядом со всеми перфективными основами рассматриваемого типа стоят производные от них основы с суффиксом имперфективации (ср. *бодна — бодвам, магна — магвам, ругна — рухвам* и т. д.) либо основы, пусть исторически и не являющиеся их производными, но воспринимающиеся в качестве таковых в синхронии современного языка (ср. *седна — сядам, падна — падам, легна — лягам*). Хотя назальный суффикс, как правило, отбрасывается при образовании имперфективной формы (впрочем, ср. архаические или областные формы типа *шавнувам*) и в силу этого оба члена оппозиции оказываются формально характеризованными с помощью взаимоисключающих положительных

София, 1958, стр. 260—261 (сб. «Вопросы глагольного вида», стр. 235—236). Подробнее см.: Г. К. Венедиктов. Морфологические типы видовых корреляций глаголов движения в болгарском языке. — КСИС, 30, 1961, стр. 84—99.

морфем, принцип противопоставленности в рамках одного лексического значения (в рамках одного способа действия) основы с суффиксом имперфективации и основы без такого суффикса полностью применим в болгарском языке и к этому типу глаголов. Показательно, что основы с назальным суффиксом, рядом с которыми не стоят образованные от тех же корней основы с суффиксами имперфективации, остаются исключительно несовершенными (*везна, якна, шушна* и т. п.).

Вне системы положительного (суффиксального) выражения несовершенного и отрицательного (нулевого) выражения совершенного вида (хотя, разумеется, не вне грамматической категории вида!) стоят в болгарском языке только две большие группы глаголов — одна по семантическим, другая по формальным причинам.

Первая группа — глаголы с неопредельными значениями. В силу своей неопредельности эти глаголы во всех славянских языках могут выступать только в несовершенном виде и потому не нуждаются в специальном «знаке» своего имперфективного значения. Это многочисленные первичные и отыменные *imperfectiva tantum*, абсолютные (т. е. исключительно неопредельные — *лежа, спя, обичам* и т. д.) и относительные (т. е. такие, в которых под влиянием контекста и ситуации могут обнаружиться и известные предельные значения — *шия, правя, тъмнея* и т. д.). Положение всей этой группы в видовой системе одинаково в болгарском и в остальных славянских языках: это — «невыраженные *imperfectiva*». Внешне они как будто никак не отграничены от «нехарактеризованных (т. е. положительно не характеризованных) *perfectiva*»; между теми и другими есть даже посредствующее звено — «нехарактеризованные *communia*», двувидовые основы. Ср. несов. *хапя*, двувид. *сия* и сов. *стъпя* или в русском языке несов. *мостить*, двувид. *крестить* и сов. *пустить*. Но парадигматические связи у этих внешне сходных образований разные: *хапя* и *мостить* не противопоставлены другой имперфективной форме в рамках того же лексического значения (*хапявам* отличается по способу действия и непосредственно соотносено не с *хапя*, а с *хапна*); а *стъпя* и *пустить* противопоставлены лексически тождественным *стъпям* (или *стъпявам*) и *пускать* и отличаются от них именно отсутствием суффикса имперфективации. Двувидовые основы занимают промежуточное положение: в русском языке рядом с ними обычно нет производных основ несовершенного вида, в болгарском же такие основы, как правило, образуются (*сия: сиявам, кръстя: кръщавам* и т. д.). Этим определяется и тенденция развития двувидовых основ в болгарском языке: во многих случаях перфективное значение становится в них господствующим (напр. в *видя, чуя, кажа, гостя, даря* и др.) или даже единственным (в *глобя, главя, платя*, имперфективные употребления которых

в современном языке почти полностью исчезли)⁴⁵. Аналогичны отношения и в некоторых суффиксальных глаголах: ср. не-пределный и потому всегда только несовершенный глагол *доминирам* и предельный глагол *анулирам*, выступающий как глагол с двувидовой основой и в современном языке уже образующий недвусмысленно имперфективные формы с суффиксом имперфективации (*анулирвам*).

Вторая группа — глаголы, для которых образование форм с суффиксом имперфективации исключено по фonomорфологическим причинам. Для болгарского языка, как уже было упомянуто выше, это глаголы с основой, содержащей какой-либо суффикс со звуком *-в-*. В других славянских языках также есть соответствующая группа, хотя конкретные признаки принадлежности глаголов к этой группе в разных языках разные. Специальное рассмотрение этой группы было бы связано с некоторыми деталями и увело бы нас в сторону от основных вопросов нашей темы⁴⁶.

Весьма последовательное проведение в болгарском языке в глаголах, представленных формами обоих видов, общего для всех славянских языков основного принципа положительного выражения несовершенного и отрицательного выражения совершенного вида ведет к тому, что морфологическая система вида оказывается в болгарском языке, по сравнению с другими славянскими, наиболее стройной и непротиворечивой. Это позволяет, исходя из болгарского материала, предложить решение еще одного спорного вопроса славянской аспектологии — вопроса о том, объединяются ли формы противоположных видов в каких-то случаях в систему форм одного глагола, или же они всегда принадлежат разным глаголам.

Идея, согласно которой «соотносительные парные формы совершенного и несовершенного вида — при отсутствии различий в лексических значениях — являются формами одного и того же глагола»⁴⁷, выдвигалась в грамматической литературе не раз. Однако на практике даже ученые, выдвигавшие эту идею, обычно продолжали говорить о «глаголах такого-то вида», как мы говорим о «существительных такого-то рода». Мне представ-

---

⁴⁵ Переход в болгарском языке ряда двувидовых основ в число перфективных не ведет, однако, к уменьшению группы двувидовых основ, так как группа эта в свою очередь пополняется за счет основ несовершенного вида, что, безусловно, связано с характерной для болгарского языка легкостью суффиксальной имперфективации. Подробнее см. в моей работе «Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке» (печатается).

⁴⁶ См.: Ю. С. Маслов. По въпроса за видовата дефективност (несъотносительност на глаголите от свършен и несвършен вид) в българския и в руския език. — БЗ, VIII, 1958, стр. 509—510, 511—513.

⁴⁷ В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.—Л., 1947, стр. 498.

ляется, что среди других причин, мешавших практическому объединению форм противоположных видов в одну лексему, немаловажную роль играла морфологическая разнотипность традиционно выделяемых «пар» и особенно отсутствие единообразия в оформлении «пар», возникающих в результате префиксации. В самом деле, трудно было считать *написать*, *прочитать*, *почувствовать*, *озябнуть*, *смастерить* парадигматическими формами слов *писать*, *читать*, *чувствовать*, *зябнуть*, *мастерить* (или наоборот), трудно было включить всю разношерстную массу соотносительных по виду (и одновременно по способу действия) образований в рамки парадигматики глагольного спряжения. Поэтому сторонник традиционной трактовки вопроса о границах глагольной лексемы П. С. Кузнецов, видящий в образованиях противоположного видового значения обязательно разные глаголы (может быть лишь за исключением случая двувидовых основ), ссылается именно на отсутствие «структурно-грамматических оснований» для отнесения таких образований к одной лексеме⁴⁸.

Но в отношении «пар», возникших в процессе суффиксальной имперфективации, возражение П. С. Кузнецова отпадает. Мы видели, что в семантическом плане «пары», создаваемые в порядке имперфективации, противостоят всем остальным типам как наиболее чистые носители грамматической, видовой соотносительности. Однако и в формальном плане они характеризуются наибольшей регулярностью, особенно в сравнении с «парами», образованными с помощью префиксации. Вместо большого количества разных приставок, каждая из которых может быть и не «пустой», приставок с семантически обусловленной и очень прихотливой дистрибуцией, мы имеем в сфере суффиксальной имперфективации небольшое количество вариантов исторически единого суффикса, объединенных и в синхронной плоскости известным подобоозвучием и разграниченных довольно строгой дистрибуцией, обусловленной чисто морфологическими и фонетическими факторами. Лишь в некоторых определенных случаях четкость механической дистрибуции нарушается здесь конкуренцией вариантов (напр. русск. *приготовлять* и *приготавливать*, болг. *стъпявам* и *стъпям* и т. п.), что, впрочем, не меняет общей картины. Перфективные же формы во всех случаях единообразно характеризуются отсутствием суффикса имперфективации.

Таким образом, и по семантическим и по формальным основаниям напрашивается следующее решение: рассматривать в качестве форм одного глагола образования противоположных видов, если они удовлетворяют двум требованиям: а) если они тождественны по лексическому значению, б) если их морфологическое отношение таково, что несовершенная форма

---

⁴⁸ См.: «Современный русский язык. Морфология». М., 1952, стр. 323.

является суффиксальной производной от совершенной (или же обе образуются от одной и той же двувидовой основы). Для болгарского языка такая формулировка достаточна. Для русского, польского и некоторых других второе требование должно звучать немного иначе: вместо слов «является суффиксальной производной от совершенной» для этих языков следует сказать: «является производной от совершенной с помощью суффикса имперфективации или эквивалентных ему чередований в основе (в приставочных глаголах движения)». Конечно, это добавление вносит момент неполной правильности, некоторой нерегулярности, отсутствующей в болгарском.

Там, где из двух условий выполнено только первое (напр. в русск. *делать* — *сделать*), можно говорить о неправильных, супплетивных формах одного слова. Таких случаев в славянских языках очень немного, так как обычно при отсутствии второго условия нет и абсолютного тождества лексических значений (*писать* — *написать* и пр.), так что уже и по семантическим причинам приходится говорить не о формах одного слова, а лишь о «приблизительных парах»; т. е. о лексической синонимии двух разных глаголов. Наконец, если выполнено только второе условие, речь скорее всего должна идти о лексикализации грамматической формы несовершенного вида, о развитии в ней каких-то неопределенных значений и о ее выпадении в этих значениях из состава лексемы (как в болг. *познавам* 'знать' при сов. *позная* 'узнать, познать', *струвам* 'стоять' при сов. *стора* 'сделать', и т. д.) либо же о ее независимом от перфективной формы образовании посредством одновременного присоединения приставки и суффикса имперфективации (как в *разговарям* непосредственно от *говоря*, минуя редкое *разговоря*), причем в последнем случае объединение в одну лексему, конечно, вообще не имеет места⁴⁹.

Там, где выполнены оба условия, следует говорить о глаголах с полной видовой парадигмой (с формами обоих видов); к ним относятся и глаголы с двувидовыми основами, отличающиеся лишь тем, что одноименные формы совершенного и несовершенного вида оказываются у них полностью либо почти полностью омонимичными⁵⁰. Там, где указанные условия не выполнены, речь должна идти о дефективных в видовом отношении глаголах (глаголах с формами одного какого-нибудь вида), о *perfectiva* и *imperfectiva tantum*, абсо-

⁴⁹ См. «Вопросы грамматики болгарского литературного языка». М., 1959, стр. 178—179. А. В. Бондарко (в упомянутой выше рецензии на книгу А. В. Исаченко, стр. 138) отмечает еще один случай — отсутствие имперфективации для какой-либо части лексических значений перфективной основы.

⁵⁰ Неполную омонимию одноименных форм имеем, например, в русском: будущее несов. *буду жениться* и будущее сов. *женюсь*.

лутных (не входящих ни в какие пары) и относительных (составляющих «приблизительные пары»). В болгарском языке процент глаголов с полной видовой парадигмой значительно выше, чем в других славянских языках, а глаголы perfectiva tantum практически отсутствуют, поскольку семантически обусловленных perfectiva tantum здесь вообще нет или почти нет, а в фоновоморфологически обусловленных дефективность регулярно преодолевается развитием видовой двойственности. В других языках процент дефективных глаголов и удельный вес «приблизительных пар» выше, но от этого «приблизительные пары» не становятся, конечно, точными, т. е. «чистовидовыми», и, следовательно, «принципиальная схема» видового механизма остается здесь такой же, какой она выступает в современном болгарском языке.

4. ОПОЗИЦИЯ АОРИСТ—ИМПЕРФЕКТ В ЕЕ ОТНОШЕНИИ К ОПОЗИЦИИ СОВЕРШЕННЫЙ—НЕСОВЕРШЕННЫЙ ВИД

Известно, что болгарский и македонский языки не только сохранили в живом и обильном употреблении обе формы общеславянского простого претерита, имперфект и аорист, но сохранили и четкую раздельность в рамках простого претерита двух оппозиций, названных в заголовке этого раздела. Перекрещивание двух оппозиций дает четыре заполненные «клетки» и, таким образом, простое прошедшее выступает здесь, как это было и в ряде древних славянских языков, в четырех разновидностях как 1) аорист сов. вида, 2) аорист несов. вида, 3) имперфект несов. вида и 4) имперфект сов. вида. Подобного благоприятного для исследователя положения мы, как известно, не имеем в современном сербско-хорватском, где (не говоря о прогрессирующем вытеснении простого претерита сложным) обе оппозиции проявляют сильную тенденцию к смешению, так что вторая разновидность встречается крайне редко, а четвертая в литературном языке и в большинстве диалектов вообще отсутствует. Тем более не имеем мы благоприятной для исследователя ситуации в лужицком, где обе оппозиции уже фактически слились в одну, и аорист образуется только от перфективных, а имперфект только от имперфективных основ⁵¹.

Известно также, что в науке до сих пор не прекращаются споры о природе оппозиции аорист—имперфект в славянских языках. По мнению большинства ученых положительным, маркированным ее членом является имперфект⁵². Но в чем именно

⁵¹ См.: A. Došlál. Aorist a imperfektum v lužické srbštině z hlediska slovesného vidu. «Slavica Pragensia», I, 1959, стр. 113—121; F. V. Mareš. Praeteritum simplex v lužické srbštině. — там же, стр. 123—131.

⁵² Этот тезис был выдвинут Б. Гавранком (см.: B. Havránek. Aspect et temps du verbe en vieux slave. «Mélanges de linguistique offerts à Ch. Bally». Genève, 1939, стр. 226—227; то же в сб. «Вопросы

состоит присущий имперфекту положительный семантический признак, определяют по-разному.

Те, кто как Б. Гавранек или Л. Андрейчин толкует рассматриваемую оппозицию как временную, определяют имперфект как «относительное время», «прошедшее одновременно», «настоящее в прошедшем» и т. д.; грамматическую его сущность усматривают в обозначении действия, одновременного другому прошедшему действию, сопровождающего такое действие и составляющего его фон⁵³. Несомненно, подобное употребление имперфекта является весьма распространенным, по крайней мере — в контексте связного повествования. Но даже и в повествовании возможны случаи, в которых славянский имперфект не выражает одновременности какому-либо прошедшему событию, а используется, например, для обозначения фактов, предшествующих основной линии повествования⁵⁴, или даже составляющих новое звено в последовательном развитии повествования⁵⁵, а также в авторских отступлениях, вообще вне соотносительности с каким-либо другим действием, т. е. абсолютно. Что касается живой диалогической речи, то и в болгарском, и в других языках для нее довольно типичны случаи такого абсолютного употребления имперфекта при отсутствии в контексте не только каких бы то ни было упоминаний о другом прошедшем действии, но даже и каких-либо обстоятельств времени вроде «тогда», «когда-то», «однажды вечером». Болгарские примеры (из прямой речи героев в «Под игото» Ив. Вазова), приведенные мною в одной давней статье⁵⁶, подверглись критике со стороны М. А. Леонидовой⁵⁷. Правда,

глагольного вида», стр. 178). Но с ним вполне солидарен и (пользующийся другой терминологией) Х. Кр. Серенсен, коренным образом расходящийся с Гавранком по вопросу о природе рассматриваемой оппозиции (см. ниже).

⁵³ См.: L. Andrejczin. Kategorie znaczeniowe koniugacji bułgarskiej. K. Bunków, 1938, стр. 38—39, 40; его же. Основна българска граматика. София, 1944, стр. 206—208 и 233—234; В. Навгáнек. Указ. соч., стр. 227 (сб. «Вопросы глагольного вида», стр. 178).

⁵⁴ Некоторые болгарские примеры приведены мною в другом месте (см. «Вопросы грамматики болгарского литературного языка», стр. 136 и 258).

⁵⁵ Сюда относится старославянский пример *Отроча же растъаше и крѣпѣаше съ дѣомъ* (Лука, I, 80) и другие подобные примеры, приведенные И. К. Буниной (см. И. К. Бунина. Система времен старославянского глагола. М., 1959, стр. 120—122) и произвольно толкуемые ею как обозначение эпизодов, несущественных, второстепенных с точки зрения евангелиста.

⁵⁶ См.: Ю. С. Маслов. Из наблюдений над категориями вида и времени в современном болгарском языке. «Доклады и сообщения филологического ин-та ЛГУ», вып. 1, 1949, стр. 139. Несколько болгарских и сербохорватских примеров приведены также в «Вопросах грамматики болгарского литературного языка», стр. 161—162 и 255.

⁵⁷ См.: М. А. Леонидова. Употребление временных и видовых форм в русских переводах И. Вазова (прошедшие времена). — ГСУ, филологический факультет, т. LIV, 1, 1959/60, стр. 127—128.

мой критик вынужден признать, что в этих примерах действительно нет никакого указания на «другой ориентационный момент», но считает, что такой момент в них «совершенно ясно подразумевается». Фактически при этом имеется в виду просто отнесенность действия к прошлому, которую, конечно, никто и не думал отрицать и которая в равной мере присуща и формам аориста, употребленным в изолированных репликах. Опусшением каких-то фактов, с которыми в сознании говорящего соотнесена форма имперфекта, объясняет аналогичные старославянские примеры из прямой речи И. К. Бунина⁵⁸. Думаю, что подобное примысливание к текстам того, чего в них нет, хотя бы и подкрепленное, как у И. К. Буниной, ссылками на общую «имплицитность» диалогической речи, может завести исследователя довольно далеко в дебри субъективных толкований.

Поскольку, таким образом, временная интерпретация оппозиции имперфект — аорист натолкнулась на существенные трудности, ее сторонники были вынуждены либо добавлять к первоначальным формулировкам осторожное «в большинстве случаев»⁵⁹, либо так или иначе расширять определение семантики имперфекта⁶⁰, что, впрочем, все равно не позволяло без натяжек охватить этим определением все случаи употребления. К. ван Схонефельд и вовсе отказывается от идеи временной соотнесенности имперфекта с другим прошедшим действием и видит специфику этого образования (в древнерусском языке) в «самодовлеющем» характере выражаемого действия, в обязательном отсутствии «последствий, длящихся по окончании действия»⁶¹. Ясно, что такая формулировка фактически означает отход от чисто временного понимания имперфекта.

Вторая точка зрения на оппозицию имперфект — аорист состоит в том, что оппозиция эта является по своему содержанию видовой, но вместе с тем в чем-то отличной от оппозиции совершенный — несовершенный вид. Йенс Хольт пытался разграничить обе оппозиции семантически: он писал, что одна из них (аорист — имперфект), представленная только в прошедшем времени, обозначает наличие/отсутствие «реального предела» действия, тогда как другая (совершенство — несовершенство), существующая не только в прошедшем времени, — наличие/отсутствие его «виртуального предела»⁶². При-

⁵⁸ См.: И. К. Бунина. Указ. соч., стр. 123—124.

⁵⁹ Ср., напр., A. Nera d. Význam staroslovenského imperfekta.—LF, 68, 1941, стр. 1, 12—13.

⁶⁰ Ср., напр., формулировки И. К. Буниной (указ. соч., стр. 124—126).

⁶¹ См.: C. H. van Schooneveld. A Semantic Analysis of the Old-Russian Finite Preterite System. 's-Gravenhage, 1959, стр. 58, 165 и др.

⁶² См.: Jens Holt. Études d'aspect. Aarhus — København, 1943, стр. 67—68.

менимость этих определений, носящих слишком умозрительный характер, к языковому материалу пока не была проверена практическим исследованием. Думаю, что проверка дала бы здесь скорее отрицательные результаты. Несколько иной путь избрал Х. К. Серенсен, видящий различие двух рассматриваемых оппозиций исключительно в их «ориентации», т. е. в расположении «интенсивного» и «экстенсивного» члена при полном тождестве «семантической зоны», покрываемой одной и другой категорией: «интенсивными» членами являются совершенный вид, выражающий «лимитацию», и имперфект, выражающий «антилимитацию»; «экстенсивными» — соответственно несовершенный вид и аорист⁶³. Мне представляется, что и эта концепция не дает вполне удовлетворительного решения, так как предположив (в стремлении к простоте описания) полное тождество «семантической зоны», Серенсен лишил себя возможности правильно понять перекрещивание двух оппозиций и особенно специфические значения таких форм, как несовершенный аорист и совершенный имперфект. Я думаю, что анализ болгарского материала дает основания для несколько другого решения⁶⁴.

Оппозиция имперфект — аорист является видовой, но все же несколько отличной от оппозиции совершенность — несовершенность прежде всего по своему семантическому содержанию. С тонким смысловым различием двух оппозиций связано и различие в ориентации их подозначных членов.

Общее значение совершенного вида может быть сформулировано как значение неделимой целостности действия. Оно конкретизируется либо как значение «естественной» целостности одного единичного факта (конкретно-фактическое значение), либо как значение более или менее «фиктивной» целостности в случаях суммирования, конденсации в единое целое объективно множественного и сложного действия (суммарное значение) или в случаях «экземплификации», т. е. показа объективно многократного действия на наглядном примере одного отдельного акта (наглядно-примерное значение). Несовершенный вид является немаркированным членом противопоставления и характеризуется в целом отсутствием подчеркнутого указания на неделимую целостность действия, а в конкретных своих использованиях — рядом частных значений (важнейшие из которых — конкретно-процессное, неограниченно-

⁶³ См.: H. Chr. Sørensen. Aspect et temps en slave. Aarhus, 1949, стр. 133—140 (сб. «Вопросы глагольного вида», стр. 189—193).

⁶⁴ Ниже излагаются, без конкретных доказательств и иллюстраций (а также без ссылок на предшествующую литературу), некоторые общие выводы, к которым я пришел в работе «Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление)» и, в частности, в ее разделе «Видовые различия в простом прошедшем времени» (сб. «Вопросы грамматики болгарского литературного языка», стр. 157—312, а особенно 252—275).

кратное, обобщенно-фактическое, обще-фактическое, постоянно-непрерывное, конативное).

Общее значение имперфекта может быть сформулировано как значение неограниченного протекания. «Неограниченное протекание» не есть абсолютный логический антоним «неделимой целостности». Неполная антонимичность этих формулировок и отражает то отличие в «семантических зонах», которого не заметил или которым пренебрег Серенсен. Общее значение имперфекта конкретизируется либо как значение протекания одного единичного действия (конкретно-процессное, постоянно-непрерывное, конативное), либо как значение протекания ряда однородных действий, т. е. повторения действия (неограниченно-кратное). Все частные значения имперфекта совпадают с большинством частных значений несовершенного вида, т. е. не покрывают всего их комплекса. Аорист, как немаркированный член оппозиции, характеризуется в целом отсутствием подчеркнутого указания на протекание или неограниченное повторение действия, а в конкретных своих использованиях — рядом частных значений, существенно зависящих от различия совершенности—несовершенности.

Очерченные таким образом смысловые различия между совершенным и несовершенным видом, с одной стороны, и между имперфектом и аористом, с другой, вступают в сложное взаимодействие. Положительное значение совершенного вида наиболее полно гармонирует с отрицательным значением аориста, а положительное значение имперфекта — с отрицательным значением несовершенного вида. В силу этого именно совершенный аорист и несовершенный имперфект представляют собой наиболее употребительные разновидности простого прошедшего времени. В аористе несовершенного вида действие изображается без указания на его целостность и без указания на его протекание. Такое двоякое отрицательное значение выступает в несовершенном аористе как обще-фактическое или обобщенно-фактическое, но в зависимости от контекста может получить и иную конкретизацию. В имперфекте совершенного вида положительное значение совершенности и положительное значение имперфекта накладываются друг на друга таким образом, что возникает специфический вариант наглядно-примерного значения: эта форма обозначает действие, каждый отдельный акт которого рассматривается в его целостности, а все действие — в его неограниченной повторяемости. Потребность в таком специфическом рассмотрении действий возникает в случаях их особой соотносительности внутри повторяющегося цикла, когда неограниченная повторяемость всего цикла требует использования имперфекта, а характер связи данного действия с другим или другими в пределах каждого цикла подсказывает употребление совершенного вида.

Разумеется, я далек от мысли, будто эти выводы, получен-

ные на материале современного болгарского языка, можно механически перенести и в область древних славянских языков, имевших в своем распоряжении те же четыре варианта простого прошедшего времени. Осторожность требуется здесь по ряду причин, и, в частности, потому, что семантическое развитие перфекта, приведшее, в сочетании с известными воздействиями извне, к формированию в болгарском языке системы пересказывательных форм, способствовало в этом языке некоторым важным сдвигам в значении простого прошедшего. Но я все же полагаю, что отношения внутри простого прошедшего между его четырьмя вариантами могли остаться совершенно незатронутыми этими (внешними по сравнению с ними) сдвигами и даже, по логике вещей, не должны были быть затронутыми ими. Поэтому я довольно оптимистически смотрю на перспективы проверки на материале древних славянских языков определений, сформулированных здесь для болгарского, тем более, что в отношении одной из четырех разновидностей, именно совершенного имперфекта, исследование фактов древних славянских языков уже было проведено мною ранее⁶⁵.

Наоборот, такой, например, вопрос, как вопрос о семантике перфекта (генетически — тоже вида), я даже не включил в настоящий доклад. Не потому, что в этом вопросе неважен учет болгарского материала, а потому что здесь есть болгарская специфика, уводящая в сторону от общеславянской проблематики, тогда как в других рассмотренных в докладе вопросах болгарская специфика, напротив, помогает глубже понять сущность явлений, по своему характеру общих для всех или для многих славянских языков.

DAS NEUBULGARISCHE UND DIE SLAWISCHE ASPEKTLEHRE

Zusammenfassung

In der slawischen Aspektlehre blieb das Neubulgarische (Nbg.) bis jetzt vollständig unbeachtet. Es weist aber eine besonders konsequente Durchführung mancher Entwicklungstendenzen auf, die dem Aspektsystem aller slawischen Sprachen mehr oder weniger eigen sind.

So hält das Nbg. Aspekt und Aktionsart besonders scharf auseinander, indem es für alle Aktionsarten, die im perfektiven Aspekt auftreten, bei allen Verben auch imperfektive Formen gebraucht, so daß hier die Aspektkorrelation, z. B. in *бодат*: *бодват* usw. von jeder Verquickung mit der Aktionsart-Korrelation befreit erscheint. Deshalb ist der Vorschlag von A. V. Isačenko die Aktionsart («совершенство») schon par définition mit

⁶⁵ См.: Ю. С. Маслов, Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках.—ВСЯ, 1, 1954, стр. 68—138.

der «Unpaarigkeit» zu verbinden vom Standpunkt des Nbg. unannehmbar. «Unpaarig» erscheinen im Nbg. nur aterminative Zeitwörter, die auch in allen anderen slawischen Sprachen Imperfectiva tantum sind.

Die sogen. «schlechthin perfektivierenden» Präfixe (les préverbes vides) sind keine «Aspektmorpheme», sondern Träger einer gewissen Aktionsartbedeutung, nämlich der «allgemein-resultativen». Das gilt für alle slawischen Sprachen, tritt aber besonders klar im Nbg. hervor, weil hier die mit den «préverbes vides» versehenen Zeitwörter regelmäßig sekundäre Imperfectiva bilden und somit sich durch nichts von allen anderen präfixhaltigen Verben unterscheiden.

Der Vorschlag von V. V. Vinogradov u. a., die Bildungen konträrer Aspekte bei gleicher lexikalischer Bedeutung als Formen eines Zeitworts (eines Verballexems) zu betrachten, ist anzunehmen; dies gilt jedoch nur für die Fälle, in welchen die imperfektive Form von der perfektiven abgeleitet ist (oder aber beide Formen denselben Stamm haben, wie im russ. *жить*, pf. und ipf). Falls dieses formale Verhältnis nicht besteht, kann nur von einem «ungefähren Verbpaar», nur von den «dublety niedokładne» die Rede sein, d. h. in solchen Fällen haben wir es jedesmal mit zwei verschiedenen Verben zu tun, die semantisch einander nahestehen, sich aber nie ganz decken und deshalb nicht in allen Bedeutungsschattierungen vertauschbar sind. Ein solches Verbpaar kann aus zwei aspektlich defektiven Verben bestehen (z. B. russ. *писать* und *написать*), oder aber aus einem defektiven und einem nichtdefektiven (nbg. *пиша* und *напиша*//*написвам*).

Morphologisch wird die Aspektkorrelation innerhalb eines Zeitworts gewöhnlich so zum Ausdruck gebracht, daß die imperfektive Form durch ein Imperfektivierungssuffix und die perfektive Form durch die Abwesenheit des Imperfektivierungssuffixes, d. h. durch ein Nullmorphem, gekennzeichnet ist. Im Nbg. tritt diese für alle slawischen Sprachen geltende Regel besonders klar und ungehindert zutage. Die aterminativen Zeitwörter, die ihrer lexikalischen Bedeutung und ihrer Aktionsart nach nur imperfektiv sein können, bedürfen keiner morphologischen Merkmale ihrer Imperfektivität. Sie bilden die Gruppe der «uncharakterisierten Imperfectiva».

Die slawische Opposition Aorist: Imperfektum ist eine Aspektopposition, ist aber mit der Opposition Perfektivum: Imperfektivum inhaltlich nicht gleichbedeutend. Das merkmalthaltige Glied der letzteren, das Perfektivum, signalisiert die unteilbare Ganzheit (Totalität) der Verbalhandlung, das merkmalthaltige Glied der ersteren, das Imperfektum, — den unbegrenzten Verlauf (einer einzigen Handlung, bzw. einer Reihe von Handlungen). Natürlich sind «Totalität» und «Verlauf» keine eigentlichen Antonyme. Die Sachlage im Nbg. ist für die Er-

forschung dieser Verhältnisse besonders günstig, da hier beide Oppositionen sich im einfachen Präteritum auf solche Weise kreuzen, daß alle vier theoretisch möglichen Kombinationen auch tatsächlich im lebendigen Sprachgebrauch vertreten sind. Jede Kombination wird dabei durch ihren eigenen Bedeutungskomplex charakterisiert und ist von den drei anderen deutlich geschieden.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- AP — Речник на съвременния български книжовен език, I—III. София, 1955—1959.
BE — Български език. София.
ГСУ — Годишник на Софийския университет.
ЕЛ — Език и литература. София.
Т — Л. Андрейчин и др. Български тълковен речник. София, 1955.
IF — Indogermanische Forschungen. Straßburg—Berlin—Leipzig.
LF — Listy filologické. Praha.
SaS — Slovo a slovesnost. Praha.
ZfS — Zeitschrift für Slawistik. Berlin.

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
ДОКЛАДЫ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
V Международнѣй сѣзд славистов
(София, сентябрь 1963)

Н. И. Толстой

**ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ЛОКАЛЬНЫХ ТИПОВ
ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
ПОЗДНЕГО ПЕРИОДА**

(вторая половина XVI—XVII в.)

Необходимость детального и всестороннего изучения древнеславянского (церковнославянского) языка была достаточно убедительно аргументирована на дискуссии во время предшествующего IV Международного сѣзда славистов¹. Обсуждение вопросов формирования и развития национальных литературных славянских языков, в первую очередь восточно- и южнославянских, показало также необходимость построения истории древнеславянского языка как единого литературного (культурного) языка славянства. Однако до сих пор серьезное внимание уделялось лишь древнейшему этапу истории древнеславянского языка — языку старославянскому, языку памятников X—XI вв.; что касается изучения древнеславянских памятников более поздних эпох — вплоть до XVIII в., то они изучались спорадически, главным образом в целях обнаружения в них конкретных локальных, диалектных черт, присущих отдельным народным (национальным) славянским языкам. Большинство исследователей отказывалось от опытов создания общей истории древнеславянского языка даже в тех или иных локальных ареалах (восточно- или южнославянском или уже — русском, украинско-белорусском, сербском, болгарско-македонском, хорватском глаголическом, влахо-молдавском и т. д.)²,

---

¹ См. доклады и выступления Й. Курца, Б. Гавранка, А. Достала, Й. Хамма, В. Д. Левина, Л. М. Шакуна, В. Кнаса и др. в кн. «IV Международнѣй сѣзд славистов. Материалы дискуссии», т. II. М., 1962.

² Ср. сетования и замечания А. И. Соболевского о том, что «историк (литературы. — Н. Т.) должен быть также и лингвистом и между прочим уметь различать церковно-славянский язык русского извода, восходящий

не говоря уже о создании общей истории, которая бы охватывала всю территорию так называемого «греко-славянского мира»³.

Отсутствие таких опытов и построений не было в свое время лишено оснований и может быть во многом объяснимо. Во-первых, исследователи младограмматического направления не всегда осознавали необходимость существования двух достаточно четко размежеванных дисциплин: истории языка как такового (вернее, исторической грамматики и исторической диалектологии) и истории литературного языка (здесь для древних эпох важно также разграничение письменного языка вообще и языка «литературного»)⁴; во-вторых, древнеславянский язык в более поздние эпохи своего развития в разных локальных ареалах по-разному взаимодействовал со славянскими народно-разговорными субстратами, подвергался их влиянию и был связан с ними то более тесными, то более слабыми узами. Это создавало серьезные препятствия для выявления норм древнеславянского языка в каждом отдельном ареале, не говоря уже о за-

---

к южно-славянскому оригиналу, от церковно-славянского языка русского извода, вышедшего из под пера русского грамотея, церковно-славянский язык русского извода, обработанный русским грамотеем XI—XII веков, от церковно-славянского языка, обработанного в XIII—XIV или в XV—XVI веках. Как известно, истории церковно-славянского языка как литературного языка древней Руси не существует у нас даже в зачатках и потому историк, рискующий прикоснуться к массе «безличных произведений древней России», должен пролагать себе дорогу сам и работать не только в области истории литературы, но и в области истории языка» (А. И. Соболевский. Несколько мыслей об древней русской литературе.—ИОРЯС, т. VIII, кн. 2. СПб., 1903, стр. 156—157).

³ Необходимость создания такой истории прокламировалась еще в знаменитых «Тезисах» Пражского лингвистического кружка: «Для исследования позднейшего состояния древнеславянского языка в его различных редакциях начиная с XII века, эпохи, когда наблюдается регулярное проникновение в него фонетических изменений, присущих живым славянским языкам и происходящих в них тем временем, следует шире использовать название «среднецерковнославянский». Крайне необходимой задачей, до сих пор полностью пренебрегавшейся славистикой, является выработка научной истории церковнославянского языка, охватывающей период до наших дней» (TSLP, I. Prague, 1929, стр. 22).

⁴ В Пражских «Тезисах» под рубрикой «Актуальные проблемы изучения церковнославянского языка» отмечается, что «если понимать под старославянским язык, употреблявшийся (славянскими) апостолами и их учениками для литературных нужд и ставший с X по XII век литературным языком для всех славян, пользующихся славянской литургией, нельзя будет, по соображениям методическим, допустить идентификации этого языка с каким-либо историческим славянским языком и толкования его с точки зрения исторической диалектологии.

В языке, который с самого своего начала не был предназначен для местных нужд, который опирался на традиции греческого литературного языка и который принял затем роль славянского койне, следует априори предположить существование искусственных, смешанных и условных элементов. Следует интерпретировать эволюцию древнеславянского языка в зависимости от принципов, которые определяют историю литературных языков» (TSLP, I, стр. 21).

дачах их установления в масштабе всего «греко-славянского мира». В этом, как указывали неоднократно многие исследователи⁵, основное отличие истории древнеславянского литературного языка от истории, например, латыни и ряда других древних «международных» языков (арабского, санскрита и др.).

История древнеславянского литературного языка, в отличие прежде всего от истории любого славянского языка (не литературного), есть довольно последовательная смена периодов централизации (нормализация) и децентрализации (потеря строгости нормы и проникновение локальных явлений) в плане структурно-нормативном и миграция центров (воздействие народно-разговорных субстратов) в плане экстралингвистическом, т. е. в данном случае географическом⁶. История древнеславянского языка, таким образом, представляется как процесс дискретный, при котором нормализация, как правило, вела к архаизации языка, а история любого славянского языка (предмет исторической грамматики и исторической диалектологии) представляется как процесс более непрерывный, эволюционный.

Естественно, что для истории древнеславянского литературного языка наиболее эффективными и показательными будут исследования, устанавливающие его характер и строй в эпохи

---

⁵ Ср., например, интересные, правда, не лишенные известных крайностей, параллели И. Курца: «Приведем теперь небольшое сравнение с латынью, роль которой на западе Европы иногда сравнивается с функцией церковнославянского языка. Думаю, что это сравнение не основывается на величинах, вполне равноценных, и что значение церковнославянского языка для славянских народов на востоке Европы значительно превышает значение латыни на западе. Я хотел бы сказать, что церковнославянский язык служил славянам гораздо больше, дольше и значительнее, чем латынь жителям западных стран. В то время как латынь была лишь языком церкви, общественных документов, специальной литературы и научной поэзии, наряду с которой, как правило, развивались местные литературные языки, сформировавшиеся на основе государственного центра, всеобъемлющий (досл. *полный*. — Н. Т.) церковнославянский язык среди многих славянских народов долгое время выполнял роль единственного письменного и литературного языка. Он применяется в гораздо большем объеме, чем латынь. В то время как латынь оставалась в отношении к западным языкам, по сути дела, миром в себе, церковнославянский язык имел гораздо более тесные, иногда прямо интимные связи с большинством славянских языков и глубоко повлиять на их развитие. Он был хорошо понятным органом государственной и общественной жизни быстро растущих и расцветающих славянских речевых культур и, будучи близким к местным языкам, мог во всех своих функциях лучше и дольше сохраняться, чем латынь» (J. Kurz, *Církevně-slovanský jazyk jako mezinárodní kulturní (literární) jazyk Slovanstva*. «Československé přednášky pro IV Mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě», Praha, 1958, стр. 34—35; см. также «IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии», т. II, стр. 135—136).

⁶ Несколько подробнее об этом см. в нашей статье «К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян» (ВЯ, 1961, № 1). Там же см. предварительную периодизацию древнеславянского литературного языка (стр. 66).

так называемой централизации, например, в период деятельности тырновской школы, ресавской школы, связанного с ней и за ней следовавшего второго южнославянского влияния на Русь, или период последнего по времени влияния церковнославянского (древнеславянского) языка русского извода на письменную языковую культуру южных славян (XVIII в.). Древнеславянский язык этих периодов может на определенных этапах исследования при отсутствии дополнительных задач, связанных с историей отдельных славянских литературных языков, моделироваться самостоятельно как вполне автономное целое, и такая модель будет «рабочей» для всех ареалов его распространения. Гораздо хуже обстоит дело с исследованием древнеславянского языка периодов так называемой децентрализации, ослабления и изменения нормы в отдельных ареалах, которые в некоторых случаях хронологически совпадали с процессом перемещения центра (например, с юга славянства на восток, из Западной Руси в Московскую Русь и т. п.). В этом случае отвод материала взаимодействующих с ним, зарождающихся народных (потенциально-национальных) славянских литературных языков будет в принципе невозможен; кроме того, потребуются в полной мере учет системы языка предшествующего периода централизации, а в ряде случаев — и последующего периода той же централизации и нормализации. Хронологические срезы, без которых едва ли возможно изучение истории древнеславянского литературного языка⁷, демонстрируют в системе литературного языка явления предшествующих эпох (здесь следует учитывать исключительно явления литературного языка, а не народно-разговорного субстрата), в некоторых случаях даже «архаизмы», неизвестные более ранним хронологическим срезам, т. е. так называемые гиперцерковнославянизмы.

Эти явления, характерные и для других средневековых международных языков, способствовали более широкой коммуникации не только в пространстве (для древнеславянского — в ареале «греко-славянского» мира), но и, что не менее важно, во времени. Последнее давало возможность сохранения и усвоения почти в полном объеме всего полуторыхвечельного литературного и культурного славянского наследия и вполне соответствовало идеям рассматриваемой эпохи, идеям приемственности древней культуры и даже ее незыблемости (ср., например, отстаивание принципов «святой старины» и никонианцами и старообрядцами).

Между зарождающимися народными («национальными») литературными языками (белорусским, украинским, отчасти русским, сербским, болгарским) и древнеславянским литературным язы-

⁷ На бóльшую целесообразность использования термина «хронологический срез» в применении к литературному древнеславянскому языку, чем «синхронный срез», указал нам Б. В. Горнунг (ВЯ, 1960, № 6, стр. 147).

ком происходил процесс креолизации⁸ и вырабатывался ряд провизорных систем соответствий между ними. Примером такого креолизованного, гибридного языка может служить хотя бы язык Библии Ф. Скорины, возникший в результате нескольких идиолектных установлений соответствия между древнеславянским языком и белорусской народной речью и элементами чешскими и польскими⁹.

Таким образом, при построении истории древнеславянского литературного языка мы сталкиваемся с соотношениями, типологически сходными с явлениями известными нам, например, из истории санскрита, требующими в целом панхронического подхода и демонстрирующими, наряду с системой классического санскрита (со строгой нормализованностью и регулярностью норм), систему (или системы) гибридного санскрита¹⁰. Древнеславянский литературный язык позднего периода, или несколько шире — периода после второго южнославянского влияния можно было бы, идучи путем аналогии с санскритом, назвать гибридным древнеславянским литературным языком. В нем, так же как и в гибридном санскрите, на основе модели восточнославянских языков «восстанавливались» церковнославянские формы в духе представлений того времени о древнеславянском языке¹¹. Представления эти не были лишены силь-

---

⁸ О креолизации как одном из основных результатов установления соответствия между языковыми системами см.: В. В. Иванов. Лингвистика как теория отношений между языковыми системами и ее современные практические приложения. — Сб. «Лингвистические исследования по машинному переводу», вып. 2, Изд. ВИНТИ, М., 1961.

⁹ См.: П. В. Владимиров. Доктор Франциск Скорина. Часть вторая. СПб., 1888; см. также: А. В. Флоровский. Чешская библия в истории русской культуры и письменности. Фр. Скорина и продолжатели его дела. «Sborník filologický», XII (1940—1946). Praha, 1946.

¹⁰ «Буддийский гибридный санскрит является не просто результатом введения в среднеиндийскую основу этого языка элементов, существовавших в самом санскрите, но и результатом переработки среднеиндийского текста на основании существовавших в то время представлений о соответствиях между санскритом и среднеиндийским. Эти представления служили базой для воссоздания санскритских форм на основе среднеиндийских. В действительности такие одно-однозначные соответствия могли бы быть установлены лишь при учете диалектных различий между данным среднеиндийским диалектом и диалектной базой санскрита. Составители текстов на буддийском гибридном санскрите не знали о таких различиях и поэтому некоторые восстановленные ими в духе санскрита формы тем не менее не являются собственно санскритскими; такие формы можно назвать гиперсанскритизмами. Изучение этих явлений очень интересно для установления возможностей реконструкции одного языка на основании данных другого, ему родственного, но относящегося к другой стадии развития» (В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Санскрит. М., 1960, стр. 26—27).

¹¹ Это явление в реликтовом виде наблюдается и в современном русском языке. На него вновь обратил внимание Б. Унбегаун на прошлом съезде славистов: «Например, слово *вратарь*, конечно, странно назвать церковнославянизмом, особенно в том значении, в котором оно появилось»

ного воздействия модели греческо-византийского языка, а их применение касалось главным образом тех литературных жанров и тех контекстов, которые не были характерны или известны в древнеславянском языке классического периода, т. е. старославянском.

Все восточное славянство (так же как и южное) сохраняло в рассматриваемый нами период многие представления о древнеславянском языке, возникшие в эпоху его нормирования и централизации, которую мы традиционно называем «вторым южнославянским влиянием». Положение, создавшееся в результате этого влияния, было в общем исходным для процессов, характеризующих языковую ситуацию во второй половине XVI и XVII веках.

Особенности второго южнославянского влияния в отношении графического оформления рукописей (форма букв, графика), орнамента и орфографии достаточно четко и полно изложены в известных работах А. И. Соболевского, В. Н. Щепкина, М. Н. Сперанского и др., и здесь нет нужды излагать их подробно. Важно еще раз подчеркнуть характерную для нормализующей деятельности тырновской и последовавшей за ней ресавской школ, для характеристики их влияния на Руси особенность: смена одной манеры письма другой, одной орфографии другой произошла решительно, с весьма недолгим и незначительным по числу и типу рукописей переходным периодом. Старший полуустав резко сменяется младшим полууставом. «Это почерки, — отмечает Д. С. Лихачев, — различного характера, смешать которые опытному палеографу невозможно. Существенно, что между ними нет никаких переходов. И, вместе с тем, младший полуустав, не завися от старшего, совершенно ясно выражает свою зависимость от южнославянской графики — от письма болгарских и сербских рукописей»¹². Несколько сложнее дело с орфографией и языком, но и здесь в принципе то же самое: решительное преобладание нелогогласных форм (широко известных и ранее), форм с жд, шт (щ), на месте русских ж, ч (в сочетаниях типа межда, ноць — черта широко известная и ранее), написания рь, лъ, рь, ль, на месте русских ор, ол, ер (врѣхъ, врѣхъ), частое употребление ж, наряду с 8 (и смешение с ним), написание а, вместо и после гласных (добра), ѣ в конце слов вместо ѣ (последние две черты до 30-х годов XV в. в восточнославянской письменности были неизвестны).

(см. «IV Международный съезд славистов, Материалы дискуссии» т. II, стр. 107—108); см. также В. О. Unbegaun. La formation des langues littéraires slaves: problèmes et état des questions, «Langue et littérature». — «Actes du VIII Congrès de la FILLM. Liège, 1961, стр. 138.

¹² Д. С. Лихачев. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. Доклад на IV Международном съезде славистов. М., 1958, стр. 4.

Этих и некоторых других, в основном орфографических черт было достаточно для паспортизации и классификации рукописей, для предварительной периодизации истории славянской, и в первую очередь восточнославянской письменности. Однако суждения новейшего исследователя второго южнославянского влияния Д. С. Лихачева на его недостаточную изученность можно отнести не только к вопросам идейных течений, живописи, архитектуры, церковной жизни, но и к вопросам, казалось бы, более изученным — вопросам языка. Мы до сих пор не имеем исследований по синтаксису и лексике в связи со вторым южнославянским влиянием и располагаем только отдельными, хотя и интересными, наблюдениями по словообразованию (исключительно по *composita*) и стилистике.

А именно в этих сферах литературного древнеславянского языка в новых восточнославянских книжных центрах (в Москве, а также Вильне, Киеве, Остроге, Львове и др.) шел процесс дальнейшего становления и развития языковых и поэтических элементов и норм, генетически связанных с прежними южнославянскими центрами.

Хронологические рамки второго южнославянского влияния вслед за А. И. Соболевским и другими исследователями определяют XIV—XV веками, однако вызванный им процесс развития древнеславянского литературного языка на новой, восточнославянской почве продолжался и в XVI и даже в XVII в., сохраняя в принципе почти неизменным ряд релевантных признаков, которые воспринимались современниками как необходимое соблюдение принципов священной старины.

Эпоха XVI в. в Московской Руси — эпоха, связанная с деятельностью Максима Грека и его сподвижников, была проникнута представлениями, хорошо выраженными Зиновием Отенским в заявлении о том, что следует не книжные речи народными «обесщещать», а наоборот, от книжных речей и общие народные исправлять. Книжная традиция митрополита Киприана и его соратников продолжалась Максимом Греком и его учениками.

• Споры по отдельным частным вопросам нормализации литературного древнеславянского языка, которые могли восприниматься некоторыми учеными даже как протест против южнославянского влияния (см. Д. С. Лихачев. Указ. соч., стр. 61—62), например, известный и не совсем справедливый упрек ученика Максима Грека Нила Курлятева в адрес митрополита Киприана, высказанный им в предисловии к Псалтыри (рукопись 1552 г.)¹³

---

¹³ В предисловии к псалтыри (хранится в ГИМ в Москве, собрание И. Н. Царского (позже гр. Уварова) № 327) Нил Курлятев писал: «А прежнии преводници нашего языка извѣстно не знали и они перевели оо гречьскы, ово словенскы, и ино сербскы и другая болгарскы, ихже неудовлишася преложити на рускый языкъ; а Киприанъ митрополитъ погречьскы гораздо не разумѣль и нашего языка довольно не зналъ же (аще и съ нами единъ нашъ языкъ сирѣчь словѣнскый, да мы говоримъ

не затрагивали самых основ древнерусской, или шире говоря, древнеславянской книжности той поры, основ, требующих в принципе удаления от разговорной, диалектной речи, возвы-

по своему языку чисто и шумно, а они говорить моложаво, и въ писаніи рѣчи наши съ ними не сходятся), и онъ мнилъся что поправилъ псалмовъ по нашему, а болши неразуміе въ нихъ написалъ, въ рѣчехъ и въ словехъ все посербьскы написалъ; и нынѣ многыя у насъ и въ ся времена книги пишутъ, а пишутъ отъ неразумія все посербьскы и говорятъ по писму по нашему языку прямо не умѣють, а многыя неразумныя смущаются». Однако, как явствует из остального текста предисловия Нила Курлятева, он сам пользовался, в принципе, древнеславянским литературным языком русской редакции, который не отличался существенно от языка митрополита Киприана. Авторитет последнего, и прежде всего его филологической, «книжной» деятельности был очень высок на Руси.

До нас дошли отзывы книжников XV в. панегирического характера по отношению к Киприану (из записи на рукописи Успенского собора № 7, 1403 г.): «... при святѣйшемъ и пресвященнѣмъ Киприанѣ... его же благословеніемъ земля русьская миръ глубокий приемень, церкви же божиа православія одежею свыше истканною одѣся, и исправленіемъ книжнымъ и ученіемъ его свѣтлѣется паче солнечныхъ зарей и наваается яко отъ источника приснотекуща». «Во всяком случае, — отмечает А. И. Соболевский, — современники охотно делали списки с принадлежащих Киприану богослужебных текстов и хвалили его за его заботы об «исправлении книжном» (см.: А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, стр. 12).

Не менее знаменательно, однако, что в начале XVII в. (в 1627 г.) на заседании в книжной палате игумен Илья и справщик Григорий, упрекая Лаврентия Зизания в еретических отступлениях, говорили, что «Киприан, митрополит Киевский і всеа Русіи, егда приде ис Константиа града на рускую митрополию, и тогда с собою привез правильные книги христіанского закона греческогого языка правила и перевел на словенскіи язык и божиею милостию пребывают и донныне без всяких смутов и прикладов новых вводов» (см. «Прение литовского протопопа Лаврентия Зизания с игуменом Илиею и справщиком Григорием по поводу исправления составленного Лаврентием катехизиса». «Летописи русской литературы и древности», кн. 4. М., 1859, стр. 99 отд. пагинация). Трактат второй половины XVII в. «О исправлении в преждепечатных книгах» апеллирует к высказываниям Киприана как к непреложному завету и дает цитату из его приписки к служебнику (нами эта цитата для экономии места сокращается): «Киприана во стѣхъ Шцѣ нашъ митрополитъ московскій и всеа Русіи, ѿже преписа съ грѣческиѣ книгѣ на словенскій языкъ книгу службъникъ, ѿ закѣцъ ничѣмъже прѣмѣнѣти превѣду гвѣ, ниже чѣ Шмѣти, пишѣ сѣи: ... Шре ли же ктѣ восхѣлетъ сѣа книги преписовати, смотраѣи нѣ приложити ѿли Шложити ѣдино нѣкое слово, ѿли тѣчкѣ ѣдину, ѿли крѣчкы ниже сѣтъ по^а строкѣми в' радѣхъ, ѿли прѣмѣнѣти слѣбно ѣдину (см.: К. Никольский. Материалы для истории исправления богослужебных книг. — ПДПИ, вып. CXV. СПб., 1896, стр. 61—62). Обращение к авторитету Киприана в более позднюю эпоху свидетельствует о длительной устойчивости норм и представлений об «исправлении книжном», сложившихся во время второго южнославянского влияния и сохранившихся почти до начала XVIII в. (О трудах Киприана по установлению литургических норм и введению некоторых новшеств по иерусалимскому уставу см. в монографии: И. Мансветов. Митрополит Киприан в его литургической деятельности. М., 1882; см. также: Архим. Амфилохий. Что внес св. Киприан, митрополит Киевский и всея России, а потом Московский и всея России, из своего родного наречия и из переводов его времени в наши богослужебные книги? «Труды III археологического съезда», т. II. Киев, 1878).

ленного стиля, «плетения словес», «писания с великою нуждою». Они были направлены, надо полагать, в первую очередь против излишних грецизмов и «старых иностранных пословиц», против механического копирования и бессмысленного восприятия южнославянских по своей модели «норм» древнеславянского литературного языка. Примером такого восприятия явились хорошо известные в восточнославянской письменности гиперцерковнославянизмы типа «о мланіахъ (русск. *молонья*; ц.-сл. *маънини*), о муждау (ц.-сл. *мжжоу*), скажду (ц.-сл. *скажж*), пръвюю стражду (ц.-сл. *стражж*), стрѣждаше (ц.-сл. *стрѣжаше*), мождаше (ц.-сл. *можаше*), погрождаемъ (ц.-сл. *погржжамъ*), вѣинїи (ц.-сл. *вонни*), дѣкълѣѣ (ц.-сл. *дѣкълѣтъ*), дѣ (ц.-сл. *до*) и т. д., и т. п. (см. примеры у А. И. Соболевского. «Славяно-русская палеография». СПб., 1906, у В. Н. Перетца. «Матеріяли до історїі української літературної мови». — ЗНТШ, ХСШ. Львів, 1910 и др.) и наоборот, гипервосточнославянизмы типа *мормор* (*мрамор*).

Второе южнославянское влияние, как подчеркивалось неоднократно, сыграло громадную роль в развитии восточнославянской (русской) культуры, и в первую очередь литературы. По утверждению А. И. Соболевского¹⁴, почти дословно повторенному В. С. Иконниковым, «по окончании южнославянского влияния (XV в. — *Н. Т.*) русская литература оказалась увеличившеюся почти вдвое и... вновь полученные ею литературные богатства отличались разнообразием, удовлетворяли всевозможным потребностям и вкусам и давали обильный материал русским авторам»¹⁵.

В целом второе южнославянское влияние оказалось прочным фундаментом для развивавшегося древнеславянского литературного языка конца среднего и позднего периода его истории и функционировавшего при складывании древнерусской литературы XVI—XVII вв. Этот фундамент не удалось устранить и существенно поколебать и в ту пору, когда по Европе прокатился мощный прибой протестантизма, вызвавший ответную волну католической реакции.

Рассмотрение интересующего нас периода — второй половины XVI и XVII в. — следует начать с определения языковой ситуации у восточных славян, так как в это время на их территории находились центры книжных церковнославянских школ, определявших во многом характер единого древнеславянского литературного языка во всем ареале «греко-славянского мира», т. е. и у южных славян. Такими центрами были Вильна, Киев (отчасти Львов, Острог, Кутейно как их своеобразные филиалы)

¹⁴ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков, стр. 13—14.

¹⁵ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 2. Киев, 1908, стр. 1104.

и Москва. К концу рассматриваемого нами периода Москва начинает играть роль все более и более доминирующего центра, однако до этого в Юго-Западной Руси, т. е. на землях украинских и белорусских, происходил, почти независимо от Москвы, сложный процесс нормирования древнеславянского (церковнославянского) языка, шедший параллельно с формированием литературного староукраинского и старобелорусского языка.

Принятые нами хронологические рамки — вторая половина XVI — конец XVII в. определяются историческими условиями в центральной, отчасти южной и восточной Европе, повлиявшими на судьбы ряда литературных языков, в том числе и славянских и интересующего нас древнеславянского (церковнославянского).

Реформационная волна, эпицентром которой была средняя Европа, докатилась сначала до Западной, а затем частично и до Московской Руси, а также до славянского Юга. Очень скоро она столкнулась с заслоном контрреформации, с деятельностью Конгрегации de Propaganda Fide, вызвавшей острые религиозные и идеологические столкновения и создавшей на долгий период атмосферу резкой полемики, затрагивающей почти все стороны духовной и социальной жизни. Борьба шла не только по линии католицизма и реформации в том или ином ее виде, борьба шла и по линии католицизма, или «унии» и православия¹⁶. Наконец, не следует забывать, что религиозные столкновения были часто лишь внешней формой глубоких социальных противоречий. Для нас особенно важен тот факт, что все эти противоречия находили свое яркое отражение в письменной литературе, которая после изобретения книгопечатания и его быстрого расцвета в Европе приобрела значительно больший круг читателей и шла по пути демократизации. Poleмические задачи, остро стоящие перед литературой той поры, требовали ее более широкого распространения и доступности массам, чье участие в общей борьбе и полемике было важно для всех воюющих сторон. Московская Русь, хранившая «чистоту риз», и православные южные славяне, заслоненные жестким турецким кордоном от «прелестных ересей» Запада, менее других переживали остроту борьбы, хотя и не оставались к ней безучастными.

Движения реформации и контрреформации ускорили процесс образования ряда европейских народных литературных языков. Он начался очень бурно в середине XVI в. Под непосредственным влиянием протестантизма возникает в результате деятельности Приможо Трубара, Себастьяна Креля, Юрия Далматина и других словенский литературный язык на основе доленьского («краньского») наречия. С необычайной интенсивностью и жиз-

¹⁶ См.: К. Харлампович. Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, отношение их к инославным, религиозное обучение в них и заслуги их в деле защиты православной веры и церкви, Казань, 1898.

ненностью развивается словенская, по преимуществу конфессиональная литература, лишенная до того какой бы то ни было национальной языковой традиции. В короткий срок, охватывающий около четырех десятилетий, начиная с 1551 г., появляется около пятидесяти печатных книг на словенском языке, в том числе и знаменитая словенская грамматика Адама Богорича (1584)¹⁷. Параллельно со словенской литературой формируется хорватская протестантская литература¹⁸, опирающаяся, правда, на литературно-языковые традиции хорватской «глаголяшской» письменности¹⁹. Реформация вызывает к жизни литературу у сербов-лужичан: в 1548 году Николай Якубиц переводит евангелие (оставшееся в рукописи) на нижнелужицкий язык, а в 1574 году в Будишине выходит первая печатная лужицкая книга «Катехизис» Альбина Моллера²⁰.

В пределах «греко-славянского мира», а в то же время также и в связи с реформацией возникает румынский литературный язык²¹, обслуживающий довольно значительную литературу, хотя в пределах Трансильвании, Валахии и Молдавии еще широко бытует древнеславянский язык. Южные соседи южных славян — албанцы и греки также переживают процесс развития народных литературных языков. В связи с деятельностью римской Конгрегации пропаганды в 1555 г. появляется первая печатная книга на албанском языке (гегском диалекте) Meshari — служебник Гьона Бузука²².

В ортодоксальной Греции, в стране с богатой литературно-языковой традицией, идущей от времени античности и блистательной Византии, в той же середине XVI в. обнаруживается целый ряд случаев, когда книжники и проповедники отказываются от кафареуса и обращаются к димотике²³.

В эту же эпоху, в «славяно-латинском мире», в Чехии успешно развивается чешский литературный язык, прочные основы которого были заложены еще в предшествующем веке Яном Гусом и его соратниками. Деятельность «чешских братьев», которая распространялась отчасти и на Польшу, во второй половине XVI в. привела к созданию стилистически образцовой чешской прозы («Кралицкая библия» 1545—1599), послужившей

¹⁷ См.: «Zgodovina slovenskega slovstva. T. I. Do začetkov romantike». Ljubljana, изд. «Slovenska Matica», 1956. Там же см. обширную литературу предмета, стр. 259—260; см. также: F. Kidrič. Zgodovina slovenskega slovstva, snopič I. Ljubljana, 1929.

¹⁸ См.: F. Bučar. Povijest hrvatske protestantske književnosti za reformacije. Zagreb, 1910.

¹⁹ См.: V. Jagić. Hrvatska glagolska književnost. Zagreb, 1913.

²⁰ См.: R. Jenč. Stawizny serbskeho pismowstwa. Budyšin, 1954.

²¹ См.: Al. Rosetti, B. Cazacu. Istoria limbii române literare, t. I. București, 1961.

²² См.: M. Roques. Recherches sur les anciens textes albanais. Paris, 1932.

²³ P. C. Hesselting. Histoire de la littérature grecque moderne. Paris, 1924.

много позже примером для филологов и писателей чешского национального возрождения. Этот язык был лингвистически зафиксирован Яном Благодославом в его известной грамматике (1571)²⁴. Очень бурные и сложные процессы литературного и литературно-языкового порядка проходят в пределах Речи Посполитой накануне и после ее возникновения, т. е. после Люблинской унии 1569 г. Для польской литературы и литературного языка вторая половина XVI столетия была, как и в Чехии, «золотым веком». Здесь тоже шел процесс упорядочения правописания и грамматических форм, формирование прозаического и поэтического языка, поиски новых, «совершенных» норм, опирающихся, в основном, на узус краковского центра. Этот процесс отражался также и в соседних землях, прежде всего в различных опытах переводов евангелия²⁵. К блестящим образцам светской литературы — произведениям Рея, Кохановского, Бельского, Оржеховского — была близка по языку «духовная», проповедническая и переводная литература таких авторов, как Петр Скарга, Яков Вуек и др.

Земли, сопредельные с польскими и объединенные с ними в 1569 г., переживали общий процесс восприятия идей реформации и сопротивления им. В 1547 г. в Литве М. Мажвидас перевел лютеранский катехизис и положил этим начало своеобразной полемике поисков переводческих норм. Затем следовал перевод кальвинистского катехизиса М. Петкявичуса (1598) и наконец католического катехизиса М. Даукши (1595), который во многом определил дальнейшие нормы литовского литературного языка. Кальвинист Симон Будный, ставший впоследствии арианом, переводит в 1562 г. кальвинистский катехизис на белорусский язык, а арианин Василий Тяпинский около 1570 г. издает текст евангелия параллельно на белорусском и древнеславянском. Происходит весьма значительный акт: в конфессиональной литературе, считавшейся священной, наряду с принятым и освященным традицией древнеславянским, вводится новый литературный язык, близкий к народно-разговорному субстрату. Двуязычие воспринимается как заковное явление. Несколько иначе, возможно, не без влияния известной ему практики в отношении чешского литературного языка того времени, еще в начале XVI столетия (в 1517 г. — за пять лет до лютеровского перевода евангелия!) разрешал эту проблему Франциск Скорина: сохранив церковнославянскую базу текста,

²⁴ См.: В. Наврѓанек. *Vývoj spisovného jazyka českého*. «Československá vlastivěda, II řada (Spisovný jazyk)». Praha, 1936.

²⁵ «Кажется, наверно, на первый взгляд парадоксальным, что спекуляция с догмами и с евангельскими текстами была в XVI веке во многих отношениях более смелой и более радикальной в Польше, которая оставалась в основном католической, чем в странах, где протестантизм утвердился, так сказать, с первого шага и достаточно крепко» (С. В а с к в и с. *L'antitrinitarisme en Pologne*, отд. оттиск б. м. и б. г.).

он подновил ее живой народной в основе своей белорусской речью.

К этому же времени относятся выполненные на Волыни первые опыты перевода евангелия на украинский язык, знаменующие собой значительный отход от церковнославянской традиции, но еще не окончательный разрыв с нею. В период между 1556 и 1560 г. появилась Пересопницкая рукопись, затем в 1571 г. Житомирская рукопись, в 1581 г. рукописное евангелие арианина Валентина Негалеевского — перевод с польского евангелия Мартина Чеховича (Раков, 1577). Сюда же можно отнести и рукопись Летковского евангелия, появившегося в 1595 г.²⁶ Так как все эти переводы остались в рукописи, то для дальнейшего формирования литературного языка на Волыни и в Западной Руси вообще большого значения они не имели. Тем не менее они указывают на интенсивный процесс складывания литературного украинского языка на новой основе, порывающей с общими традициями древнерусской письменности и обращающейся к национальным источникам, к народно-разговорному субстрату. Эти явления можно было наблюдать и раньше в деловой письменности, юридических кодексах, грамотах и т. п., однако их следует несколько ограничивать от общей истории литературного языка, основу которой составляет прежде всего язык литературы. Во второй половине XVI и в начале XVII в. на Украине и в Белоруссии был в принципе единый литературный язык, не считая древнеславянского, однако к его характеристике мы обратимся несколько позже. Отметим только, что для территории Украины, также как и Белоруссии, характерно для этой эпохи двуязычие или даже многоязычие.

В эту же пору начинает формироваться литературный русский («московский») национальный язык, хотя в Московской Руси этот процесс не столь ярко выражен и «скачкообразен» как, например, на Руси западной, и осложнен устойчивым бытованием древнеславянской (церковнославянской) традиции²⁷.

Подводя итоги беглой характеристики языково-литературного «ландшафта» в середине XVI в. в Центральной и Восточной

---

²⁶ Обширная литература вопроса до 1938 г. тщательно собрана и в целом ряде случаев прокомментирована в превосходной монографии Антуана Мартеля. См.: А. Martel. La langue polonaise dans les pays ruthenes Ukraine et Russie Blanche 1569—1667. Lille, 1938.

²⁷ «Начальный этап образования национального русского языка (устного и письменного) мы относим к длительному промежутку со второй половины XVI в. до середины XVIII в.». «Важным характерным признаком образования национального языка надо считать органическое, проникающее сближение ранее противопоставленных и обособленных систем письменного и разговорного языка» (Б. А. Ларин. Разговорный язык Московской Руси. — В кн.: «Начальный этап формирования русского национального языка». Л., 1961, стр. 25).

Европе, мы можем разделить все нами перечисленные литературные языки на несколько групп:

I. Литературные языки, вновь возникшие, не имевшие ранее (или почти не имевшие) своей литературно-языковой традиции: словенский, лужицко-сербский, литовский, румынский, албанский. Здесь устанавливалось многоязычие: в Словении — латинско-немецко-словенское, в Лужицкой Сербии — латинско-немецко-лужицкое, в Литве — латинско-польско-(отчасти русско)-литовское, в Валахии, Молдавии и Трансильвании — славяно-румынское. Такой билингвизм был гетерогенным.

II. Литературные языки, продолжавшие свою письменную традицию, основа которой была заложена в предшествующие эпохи: чешский, польский, хорватский. Здесь наблюдалось латино-славянское двуязычие, а в некоторых случаях и латино-славяно-немецкое²⁸, латино-славяно-итальянское триязычие. Этот би- и три-лингвизм был также гетерогенным.

III. Литературные языки, также продолжавшие свою письменную традицию при наличии иного типа двуязычия гомогенного, — греческий, русский (великорусский), болгарский, сербский, отчасти «западнорусский» (украинский и белорусский).

Принципиальное отличие такого двуязычия от упомянутого выше заключается в том, что компонентами его являлись литературные языки одной ветви, близко родственные генетически и формально. В некоторых случаях, как для греческого языка и в известной степени для старославянского (древнеславянского) и, например, русского или болгарского, можно говорить о том, что компонентами этого гомогенного двуязычия — двумя его членами — оказывается один и тот же язык (чаще литературный) на разных стадиях его исторического развития: архаический и современный. Аналогичное соотношение, как мы уже указывали, наблюдалось между классическим санскритом, с одной стороны, и буддийским гибридным санскритом, джанайским

---

²⁸ Следует, однако, отметить, что влияние немецкого литературного языка в то время было гораздо менее значительным, чем влияние латинского. Можно говорить о значительном влиянии на упомянутые языки (не литературные) и на их диалекты со стороны немецкой народно-разговорной и диалектной речи (что не одно и то же!), а затем уже о проникновении отдельных элементов в литературный язык. На принципиально важное различие во влиянии литературного и разговорного языка (а для более отдаленных эпох это различие особенно ощутимо!) указывал на прошлом съезде Б. Гавранек: «Если мы говорим о влиянии разговорного языка на разговорный, то это означает не влияние литературного языка на литературный, а лишь то, что элементы, заимствованные из другого языка, как и свои, не заимствованные явления, постепенно проникали в народный язык, а из него — в литературный язык. Например, в чешский литературный язык проникли факты чешского просторечия, вместе с ними вошел и ряд немецких слов, которые в литературном языке отсутствовали и которые по своему оформлению относятся не к литературному немецкому языку, а диалектам или жаргонам» (см.: «IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии», т. II, стр. 65).

санскритом и, наконец, различными среднеиндийскими диалектами, — с другой стороны. Применительно к восточно- и южнославянским языкам подобный характер двуязычия дает достаточное основание некоторым исследователям говорить о двух «типах» литературного языка²⁹.

В Греции и в греческих культурных центрах (Константинополе и др.) употребляется «кафаревуса» и «димотика» (при разграничении сферы функционирования), в Московской Руси — древнеславянский и русский (при все более значительном смещении сфер функционирования), в Сербии и Болгарии — древнеславянский наряду с сербским и болгарским; в Западной Руси (Белоруссии и Украине) — древнеславянский и «западнорусский» (белорусско-украинский), а также польский и отчасти латинский.

Таким образом, для ареала «греко-славянского мира» в предшествующий и рассматриваемый периоды было характерно гомогенное двуязычие (исключение составляет румыно-славянский билингвизм), для остальных же языков, т. е. для центральноевропейского ареала, охватывающего восточную половину широко понимаемого латинского ареала, было характерно гетерогенное двуязычие. Западная Русь — Украина и Белоруссия, где смыкались «греко-славянский» и «славяно-латинский» миры, в середине XVI в. была территорией с очень сложным лингвистическим ландшафтом в смысле употребления литературного языка. Здесь в основном также наблюдалось гомогенное многоязычие, осложняющееся иногда употреблением латинского языка и переходящее в гетерогенное.

Языковая ситуация в Западной Руси во второй половине XVI и в XVII в. нас интересует в первую очередь потому, что в эту эпоху, как отмечалось выше, эта территория являлась центром, где определялись нормы древнеславянского языка, оказывающие воздействие на весь греко-славянский ареал. Во второй половине XVI в. и начале XVII в. этот центр находился в северо-западном крае (условно назовем таким центром город Вильну), в начале и середине XVII в. он сместился на юг (условно обозначим центром Киев), а со второй половины XVII в. господствующее положение занимает Москва. Изложившую в самых общих чертах миграцию центра не следует понимать прямолинейно: нужно учитывать, что в определенные периоды существовала конкуренция центров (Вильны и Киева, Киева и

---

²⁹ Нами не используется терминология «два типа» — «книжно-славянский» и «народно-литературный» (см.: В. В. Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. «IV Международный съезд славистов. Доклады». М., 1958), так как мы видим в ней известное разграничение в сфере функционирования, справедливое для древнерусского языка, но уже трудно применимое к языковому состоянию в Западной Руси (Белоруссии и Украине) во второй половине XVI в.

Москвы), параллельное их функционирование, что, наконец, в Западной Руси, в отличие от Московской, где был только один центр — Москва, существовали и менее значительные очаги древнерусской книжности, такие как Острог, Львов, Кутейно и др.

Во второй половине XVI в. и в самом начале XVII в. языковая ситуация в Западной Руси была очень своеобразной. Едва ли можно на территории греко-славянского мира для этого периода, а также последующего и предшествующего обнаружить аналогичное положение, где бы бытующие «типы», «варианты» или лучше сказать различные манифестации литературного языка образовывали столь широкий спектр, с многочисленными переходами и оттенками, в котором на одном фланге находился польский язык (тоже славянский!), а на другом — древнеславянский в довольно чистом виде (т. е. близкий к языку эпохи второго южнославянского влияния — XIV—XV вв.). Среднее приблизительное положение занимал западнорусский литературный язык — «для простых людей языка русьского» (см. Несвижский катехизис 1562 г.), в одних случаях более приближающийся к белорусскому народно-разговорному субстрату, в других к украинскому, но в принципе никогда не являющийся фиксацией того или иного белорусского или украинского диалекта, а представляющий собой часто эксперимент создания своеобразного литературного койне, основным носителем и потребителем которого была нарождающаяся городская мелкая и средняя торговая буржуазия, военное сословие, отчасти городское и сельское духовенство и мелкая шляхта. Если для польского литературного языка того времени установление нормы (грамматической и лексической) не представляет особых трудностей, если для церковнославянского языка той поры также в конечном итоге была предложена норма (см. грамматику М. Смотрицкого, изданную в Евю), то промежуточные звенья спектра оказывались менее нормализованными и представляли собой часто компромиссные опыты литературного языка: древнеславянско-западнорусские, западнорусско-польские, древнеславянско-западнорусско-польские и т. п.

Пестрота лингво-литературного спектра в Западной Руси во второй половине XVI и начале XVII в. отражала собой значительную свободу филологического обращения с текстами, в том числе и конфессиональными, волюнтаризм, не допускавшую ни в пределах Московской Руси, ни у южных православных славян. Этот факт отражает известную толерантность в этом отношении в эпоху правления Сигизмунда II Августа, Стефана Батория и Сигизмунда III Вазы. Свобода выбора литературного языка и свобода норм западнорусского литературного языка, находящегося в стадии становления, во многом устраивала все воюющие и полемизирующие стороны — право-

славных, католиков, протестантов (кальвинистов, антитринитариев и др.).

Не следует полагать, что древнеславянский язык был основным орудием борьбы православных³⁰ украинцев и белорусов за свою национальную самобытность и культуру против католицизма и ипоземного шляхетства, владеющих языками латинским и польским. Такое мнение может сложиться в результате ряда свидетельств современников, хотя бы известных высказываний Петра Скарги и возражений Ивана Вишенского. В своем знаменитом сочинении «О jedności Kościoła Bożego» (1574) Скарга писал, что «со словенским языком никто ученым стать не может. И теперь уже почти никто его досконально не понимает», что словенский не имеет ни правил, ни грамматик, ни словарей, и если нужно что-либо понять, то толкуют по-польски, а «счастливый костел Римский» основывается на школах латинских и тем осуществляет свое единство³¹. Со страстью истового полемиста Иван Вишенский возражал, что «дiаволь толикую зависть имаеть на словенскій языкъ, же ледво живъ отъ гнѣва... А то для того дiаволь на словенскій языкъ борбу тую маеть, занеже есть плодоноснѣйшій отъ всѣхъ языковъ и Богу любимѣйшій: понеже безъ поганскихъ хитростей и руководствъ, се же есть, кграматикъ, риторикъ, дiалектикъ и прочіихъ ихъ коварствъ тщеславныхъ, дiавола вмѣстныхъ»³².

Однако следует заметить, что в Западной Руси и древнеславянский, и греческий, и латинский были в какой-то мере более символами, за которые боролись, хоругвями, осеявшими ратующие станы, что вообще было свойственно духу того времени, сама же борьба велась более светским, более острым оружием — языком, близким к народно-разговорному: «простой русской мовой», польским языком. Древнеславянский язык, функционировавший в сферах «высокой» литературы не был и не мог быть полностью приспособлен к полемическому жанру.

---

³⁰ Следует отметить, что за употребляемыми нами дефинициями православие, протестантизм, католичество, соответствующими дефинициям того времени, кроется не только, а иногда и не столько религиозное различие, сколько различие социальное. Православие в условиях жизни в Речи Посполитой было религией, в основном социально низких слоев, так как западнорусская аристократия довольно быстро, хотя и не без борьбы, покидала веру своих предков, а католичество — религией (и можно сказать шире — нормой поведения, характером духовной культуры) господствующего класса.

³¹ Piotr Skarga. O jedności Kościoła Bożego pod jednym Pasterzem. W Wilnie, Roku 1577. — РИБ, т. VII, «Памятники полемической литературы в Западной Руси», кн. 2. СПб., 1882, кол. 485—486.

³² См.: И. Вишенский. Послание ко князю Василию Острожскому и ко всемъ православнымъ христіанамъ въ Малой Россіи. «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», т. II. СПб., 1865, стр. 210, 225. (Ср. новое издание: И. Вишенский. Сочинения. Изд-во АН СССР, серия «Литературные памятники». М.—Л., 1955, стр. 23).

Безусловно, ряд деятелей католической реакции в Речи Посполитой, в том числе и Петр Скарга, пытались проводить политику прямого запрета или ограничений древнеславянского языка и даже «простой русской мовы». Однако общая ситуация и результаты борьбы к началу XVII в. оказались иными, чем, например, в Словении, где контрреформация добилась ощутительной парализации литературы на словенском языке³³.

Достаточно стабильное положение «простой русской мовы» и древнеславянского языка, борьба за распространение унии и другие пропагандные интересы побуждали часто католическую партию в Речи Посполитой и даже панский престол в Риме обращаться к языку «простому русскому» и древнеславянскому³⁴, а защитников восточного обряда и приверженности к Константинопольской патриархии — пользоваться языком польским и латинским.

Тот же Петр Скарга уже во втором издании своей знаменитой книги «O jedności Kościoła Bożego» (1590), несколько изменив свою политику, писал: «Если бы мы были прозорливыми, мы бы могли давно иметь русские школы, просмотреть всю их письменность и иметь своих католиков, обученных их славянскому языку», а одно из самых боевых полемических произведений в защиту западнорусской (украинской и белорусской) народности и православия *Orthos* (1610) было, как известно, написано на польском языке. Следует отметить, что с 20-х гг. XVII в. вообще письменная полемика с униатами велась, в основном, по-польски.

Сколь бы ни были резко противоположны основные догматические и общественно-социальные взгляды полемизирующих сторон и как бы ни была велика их стойкость в борьбе и полемике, именно полемика давала основание для выработки общих стилистических приемов, общих композиционных и языковых конструкций и оборотов. Двуязычие (или многоязычие) в лингво-литературном плане оказалось своего рода ареной для риторических турниров, наиболее удобной почвой для языковых влияний, заимствований прямых и скрытых (кальки и т. п.).

---

³³ «После литературного подъема, который связан с именем Хрена, наступил печальный застой и перерыв: более чем за полвека не вышло ни одной словенской книги» (см.: «Zgodovina slovenskega slovstva». t. I, глава «Protireformacija in Barok»).

³⁴ Известно, что еще в XIV—XV вв. до острого столкновения католической и православной партии в Литовской Руси, вероятно и в Кракове, западнорусские католики пользовались в известной мере древнеславянским языком. Однако прямой связи между более древним периодом и более поздним обращением к древнеславянскому языку со стороны униатов и Конгрегации Пропаганды, видимо, не было. См.: А. И. Соболевский. «Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии». «Сб. ОРЯС», т. LXXXVIII, № 3. СПб., 1910.

Одной из характерных для «западнорусской» (белорусской и украинской) литературы особенностей, не известных ранее во всем «греко-славянском мире», было появление книг с параллельным древнеславянским и «западнорусским» текстом или сравнительно частые публикации одного и того же текста и на польском, и на «западнорусском» языке (на «простой мове»). Наконец, ряд переводов с польского напоминает местами своеобразную транслитерацию с латиницы в кириллицу, с изменением только некоторых фонетических соответствий и сохранением устойчивых морфологических восточнославянских черт.

Таким образом, как мы отмечали, создавался многосегментный языковой спектр и большая свобода нормы, при которой соотношение между различными типами или, лучше сказать, манифестациями «западнорусского» литературного языка было весьма скользким. Это положение становится очевидным даже из примеров, не исчерпывающих всего разнообразия фактов.

Первым памятником³⁵, где славянский и «западнорусский» (белорусский) текст печатались в две колонки, было Евангелие социанина Василия Тяпинского (около 1570 г.).

Образец языка*:

Зачало ёвангеліа ісуса хри-
стока сына божиа іакоже
ёсть пїсано въ пророцѣхъ.
се азъ посылаю а҃нгела моего
предъ лицемъ твоимъ, иже
зготовитъ путь твой предъ
тобою. Гласа вопиющаго въ
пустыни. зготовайте путь
господень, прѣвы творите
стежа его. Бысть и҃данъ
крестъ въ пустыни. и про-
повѣдаѣ крещеніе покаяннѣ

Початокъ ёвангеліа ісуса
христа сына божего. Іакъ
ёсть написано въ пророцѣхъ.
ѣто азъ посылаю а҃нгела моего
передъ бѣлицемъ твоимъ,
который зготовитъ дорогу
твою предъ тобою. Голоса
крѣпчачога въ пустыни. готуйте
дорогу паньскую, простые
чините сътежкі его. Былъ
и҃данъ крестъечи въ пдстыни.
и проповѣдаѣчи крещѣннѣ по-
кальнѣ наіпщеньѣ грехокъ.

³⁵ Сведения об упоминаемых ниже памятниках (старопечатных книгах), их авторах и литература о них могут быть почерпнуты из справочников: «Українські письменники. Біо-бібліографічний словник», т. 1. Уклад Л. Махновець. Київ, 1960; В. Ластоўскі. Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі. Спроба паясьніцельнай кнігопісі ад канца Х да пачатку ХІХ стагодзьдзя. Коўна, 1926. Образцы языка некоторых из этих памятников в довольно обширных отрывках недавно опубликованы в книге «Хрестоматія па гісторыі беларускай мовы» (Мінск, 1961); см. также «Хрестоматія давньої української літератури», упорядкував О. І. Білецький. Київ, 1952. Тексты на польском и параллельно западнорусском языке в большинстве своем опубликованы в IV, VII и XIX томах «Русской исторической библиотеки» (сокр. РИБ) в серии «Памятники полемической литературы в Западной Руси» (кн. 1 — 1878 г.; кн. 2 — 1883 г.; кн. 3 — 1903 г.). См. также обстоятельную библиографию в книге А. Мартеля «La langue polonaise...».

* В образце текста строчная буква е оригинала передается буквой е.

во ѿпущѣніе грѣховъ. Ни-
схождаше к' нему въ са-
иудейскѣмъ страна, и иеросо-
лим'лане. и крещашася въ си-
во иерданіи рецѣ ѿ него
исповѣдающе грѣхѣ свои. (л. 43)

И выходила к' нему къ са-
иудейскѣмъ сторона, иеросо-
лим'лане. и крещалися въ си-
во ердане рецѣ ѿ него-
выз'накаючи грѣхѣ свои.
(Марка V гл. 1—5 ст.) л. (43)

Того же рода (однако изданная уже православными) старо-
печатная книга, вышедшая в свет в Остроге в 1607 г. под
заглавием: «Лекарство на оспалый умыслъ челоувѣчїи а осовли
ве на затвердѣлыа людскїи заведеныа свѣтомъ, альбо іакими
грѣхами, до Ѳеодора Мниха, а въ осовеѣ его до каждого
члоувѣка, кто въ іакомъ колѣквѣ естъ грѣхѣ, съ приложенїемъ
при концѣ тестаментѣ Василя Царя Греческого сынѣ сквомѣ
Львѣ Философѣ; переложено съ Греческого Дамїаномъ Пресви-
теромъ». Приводим для иллюстраціи начало первой главы.

На древнеславянскомъ языкѣ:

«Иже въстѣ ѿца нашего
Іоанна архїепископа констан-
тина града златоуѣстаго слово
упокаянїи, къ ѡвѣдору мнихѣ
испадшему.

Кто дастъ главѣ моеѣ
водѣ, и ѡчию моею источ-
никъ слезъ. благо время и мнѣ
ѣсть ннѣ рецїи. и мнѣ же
паче, нежели прѣрѣкоу ѡному.
ѡце во инеграды мнѣгы,
ниже съвршѣны страны и зыкъ
хотѣща плакатиса, іакоже
ѡнъ. но мнѣхъ таковы
языкъ дша достойна, паче же
ичѣтнѣйша. и бо лѣчши ѣсть
ѣдинъ творѣи болю гѣдню,
нежели тмѣ законопрестоуп-
ныхъ. лѣчши оубо вѣ итѣ
перѣтѣ ѡтѣмъ іудейскїи.
тѣмъ да никтоже ми зазрїтѣ
ннѣ, ѡце ирѣданїа іаже въ
прѣрѣцѣ писаннаа множайша
съпишоу, и заблѣнїишїи пока-
жоу плачѣ. ииѣо града разо-
ренїе плачю азъ. ниже зако-
нопрестоупны мѣжеи пѣвнѣ-

То же «русской мовой»:

«Тѣбѣ же слово дождождо кто
впалъ въ іакїи колѣ векъ грѣхѣ.

Кто дастъ головѣ моеѣ
водѣ, и ѡчю моею жрѣдло
слезъ, пристѣйный ѣсть часъ
и мнѣ ннѣ тѣе мѣвити, и да-
леко болшей, ииѣжели ѡномѣ
прѣрѣкоу. если бо вѣмъ ине-
мѣста мнѣгы, ииѣ целѣме
повѣты народокъ хочоу ѡпла-
ковати, іакъ ѡнъ. едина же
таковы мнѣгы народомъ ров-
ное дши, або снѣтъ и зацнѣи-
шей. а бо вѣмъ лѣпшїи ѣсть
ѣдинъ котѣрый чинїтѣ волю
бжїю, ииѣжели тѣсача злост-
ливы. лѣпшии бо вѣмъ итѣ
былесь прѣтѣмъ на тѣсачи
жидѣвскїе. апрѣто жаденъ
ми втѣмъ нехѣи ииѣмѣетъ
зазле если и на ѡписанныи
оупрѣрѣкокъ ламейтѣ, ширшїи
и бо шїи напишоу, и жалост-
нѣйшю оукажоу причинѣ плачѣ.
немѣста бо вѣмъ зѣбрѣе
ѡплакѣю, ииѣ злостѣи вы лю-
дѣи зѣовае, але дши стѣ-

ніе. но дѣи сївейныя ўпоустѣ-
ніе. и хрѣма хрѣтобснаго
низложеніе и погубленіе.
красотѣ во помысла твоѣго,
бже попали дѣволъ нѣѣ. . . »

ливое спѣстоше^е, и цркви хрѣ-
всоѣ мѣочью оупа^ккоу изги-
бели. цоудности вогѣ^н оу-
мыслѣ твоѣго которю попа-
лигѣ дѣволъ тепе^е. . . »

В 1596 г. в Вильне одновременно на польском и «западно-русском» (белорусском) была издана книга Стефана Зизания «Казанье святого Кирилла патріарѣхи іерусалимьскаго, о антихристѣ и знаках его з розширеніем науки против ересей розъ-ных. (текст на польском языке: Kazanie ś. Cyrylla Patryarchy Ieruzolimskiego, o Antychryście y znakoch jego, z rozszerzeniem nauki przeciw herezyam roznyum).

Образец языка:

Coż tu uczynimy? Dziwo-
walibyśmy się temu, kiedy-
byśmy nie wiedzieli, że ten,
który raz przystoyności y wsty-
dliwości granice przeskoczył,
pospolicie nader niewstydl-
wym zwykł bywać; a kto się
raz przysięgę zgwałcić ochy-
nie, temu y potym zawsze
krzywo przysiędz, iak iagodkę
połknać. Ganiłibyśmy wam
to y przywodziliśmy do oba-
czenia y do pokuty, kiedy-
byśmy tego skutek iaki y was
sobie obiecowali, abo kiedy-
byśmy. dalej w tak niepew-
nych osobach waszych korzy-
stowali.

Штѣжъ тутъ учинимо?
Дивовалибысмы тому, кгда
бысмы не вѣдали, же тотъ,
которій разъ пристойности и
встыдливости границу пере-
скочиль, посполите наддаръ
невстыдливъ звыкъ бывати;
а кто ся разъ присягу зк-
валтити охинеть, тому и по-
томъ завше криво присяг-
нути, яко ягоду проколкнути!
Ганилибысмы вамъ то и при-
водилибысмы до обаченья и
до покуты, коли бысмы того
скутокъ який у васъ собѣ
обѣцвали, албо коли бысмы
далѣй въ такъ непевныхъ
особахъ вашихъ користили
(РИБ. VII, 1181—1182).

Вслед за ней, также в полемических целях защиты «восточного обряда» и народности, вышел в 1597 г. в Вильне на польском знаменитый «Апокрисис» Христофора Филалета («АПОКРИСИΣ» або odpowiedź na xiążki o synodzie brzeskim, imieniem ludzi starożytney religiey greckiey, przez Christophora Philaletha w poruwczą dana), переведенный два года спустя, в 1599 г. на «западнорусский» язык и изданный тоже в Вильне («Апокрисисъ албо отповѣдь на книжки о соборѣ берестейскомъ, именемъ людей старожитной релѣи греческой, черезъ Христофора Филалета врихлѣ дана»).

«Апокрисис» Х. Филалета вызвал ответное сочинение со

стороны противной партии — «Антиризис» Игнатия Потея³⁶, напечатанный на «западнорусском» языке, вероятно, в Вильне, в 1599 г. и на польском языке — тоже в Вильне в 1600 г. (ANTYPRYZIS albo APOLOGIA przeciwko Krzysztofowi Philaletowi, który niedawno wydał książki imieniem starożytney Rusi religij Greckiey przeciw książkom o synodzie Brzeskim napisanym w roku Pańskim 1597, W Wilnie. Roku Pańskiego 1600.)

Образец языка:

Ачь кольвекъ бы слушная речъ была для тыхъ, которые Латиньского езика не розумеють, а звлача наша Русь милая, на тые его выкруты одъписати, и не треба бы много въ томъ працювати, только, знашедъши вси тые противные выкруты (которыми Филиалеть, яко недошлый, ремесникъ, выбравши съ кузни геретической, робить), тамже отказы на кождую речъ написанные — переложити на Руское, — але воделемъ то кому ученшому зоставити...

А што поведаетъ: же бито, до везенъя сажано, кгвалтомъ до тое единости прымушано, — то неправда, Филиалете! Дано было одному шевчыкови, а снатъ томужъ предотечи, киемъ отъ старосты; але не за то (хотя бы за таковое блюзнерство огня былъ годе!), але за то, ижъ до вряду замкового, будучы заволаный, ити не хотель,

Ачколвiek by słuszna rzecz była dla tych, którzy Łacińskiego ięzyka nie umieją, a zwłaszcza nasza miła Ruś, na te jego wykryty odpisać, y nie trzeba by się pracować, tylko, nalaszszy wszystkie te obiekcy (w księgach Bellarminowuch) (ktoremj Philalet, iako niedoszły rzemieśnik, wybrawszy z kuźni heretyckiey, robi), tamże responsa na każdą rzecz napisane — przełożyć na Ruskie, — ale wolałem to komu wczeszemu zostawić...

(РИБ, XIX, 899—900).

А co powiadasz: że bito, do więzienia sadzano, gwałtem to tey iedności przymuszano, — to nieprawda, Philalecie! Dano było iednemu szewczykowi, a снаć temusz, co się to precursorem wdział, (a inszego Krystusa wkażował) od starosty kiiem; ale nie za to (chocia by za takowe bluźnierstwo ognia był godzien!), ale za to, isz do vřędu

³⁶ Перу того же Игнатия Потея принадлежат еще два полемических сочинения в пользу унии «Ответ клирику острожскому» («Отписъ на листъ ниякого клирика острозьского безименного, котрый писаль до владыки володымерского и берестейского», 1598 г.; то же на польском языке «Odpis na list nieiakiiego kteryka ostrozskiego bezimiennego, który pisał do władyki Włodzimierskiego y Brzeskiego» 1599) и «Лист к князю Константину Константиновичу Острожскому 3 июня 1598 года» (опубликован также на двух языках).

и слугу подьстаростего зсо-
ромотиль.

Отрывок из «Отписа»:

Блазень бы то кождый
таковый быти мусель, если бы
для того, ижъ недавно вы-
друковано, о речи добре ве-
домой мель вонтьпити!

zamkowego, będąc pozwany,
iść nie chciał, służę podsta-
rościego zesromocił.

(РИБ, XIX, 941—942.).

Błazen by to każdy taki
bydź musiał, ieśliby dla tego,
isz niedawno wydrukowano,
o rzeczy dobrze wiadomey
miał wątpić!

(РИБ, XIX, 1105—1106).;

Наиболее популярными полемическими произведениями като-
ликов были сочинения иезуита Петра Скарги, издававшиеся на
польском языке. Из переводов на «западнорусский» нам известно
только «Описание и оборона събору руского берестейского,
въ року 1596, мѣсеца октебра, пристойне одъ старъшихъ згрома-
жоного. У Вильни. Року Божего нароженья 1597»³⁷.

Образец языка:

Rzeczecie: «nie może trwać
to ziednoczenie, iako y inne nie
trwały». A kto wie darow Bo-
zych hoyność y szafowanie?
Dali Bog, ta będzie trwała. Bo
iuz Grekowie y patryarchowie
Carogrodzcy (czego się, Boże,
pożał) poniżeni barzo od Pana
Boga, zapalać was y burzyć do
odszczerpieństwa iuz nie mogą.

Речете: «не может трвать
такъ тое зьедноченье, яко
иные не трвали». А хто ве-
даетъ даровъ Божыхъ гоиность
и шафованье? Дастъ ли Богъ
туть будетъ трвала. Бо вжо
Кгрекове и патриярхове Царо-
городские (чого се пожалъ,
Боже) понижень барзо отъ
Пана Бога, запалять васъ и
бурить до отщепенства вжо
не могутъ.

(РИБ, XIX, 311—312).

Даже при достаточно беглом взгляде на приведенные выше
отрывки становится ясным, что «западнорусский» язык тяготел
в одних случаях более к древнеславянскому (ср., например,
сохранение в языке В. Тяпинского дательного самостоятельного³⁸;
в других к польскому (ср. не только полный параллелизм

³⁷ Следует отметить, однако, что авторство П. Скарги в отношении
упомянутого сочинения не установлено окончательно. П. Гильтебрандт,
редактор третьей книги «Памятников полемической литературы в Западной
Руси» (СПб., 1903) не ставит авторства П. Скарги под сомнение. А. Мартель
(указ. соч., стр. 133) сопровождает указание автора — П. Скарги — знаком
вопроса. Сама книга вышла без указания автора.

³⁸ О церковнославянизмах в языке В. Тяпинского и Ф. Скорины
см.: А. І. Жураўскі. Да пытання аб ролі царкоўнаславянскай мовы
ў развіцці беларускай літаратурнай мовы XVI ст. «Матэрыялы да IV Міжна-
роднага з'езда славістаў». Мінск, 1958.

в синтаксисе и лексике, но и передачу ряда фонетических черт, например, *вонтъпнѣти* — *wątpić* и т. п.). Наиболее непроницаемой в «русской мове» была морфология, но и она — не едина, не вполне устойчива и не лишена, в ряде случаев, некоторых инославянских (польских, древнеславянских) черт.

При всей своей показательности, наглядности и характерности для того времени, параллельные тексты не отражают достаточно полно общего многообразия типов «русской мовы», принятой в литературе (исключая, однако, юридические акты, административные и хозяйственные документы, т. е. деловой язык).

Время бытования параллельных текстов непродолжительно: с конца XVI в. до 30-х гг. XVII в. Однако этот период очень важен для процессов формирования древнеславянского языка позднего периода (виленского и киевского центров), «русской мовы» и проникновения польского литературного языка на территорию Белоруссии и Украины. Параллельные тексты, написанные на «русской мове» и польском языке, характерны только для полемической литературы, которая, начиная с 30-х г. XVII в. и вплоть до 60-х г. того же века, ведется почти исключительно на польском языке (в том числе и православными). Одноязычные тексты, т. е. известные только на одном «западнорусском» языке, часто демонстрируют более тесную связь с традицией, сохраняют значительную близость к древнеславянскому литературному языку. Таким памятником, например, является рукописное «Списание против люторов» (1580) и ряд других произведений. «Проста мова» Ивана Вишенского, деятельность которого связана с Афоном, изобилует церковнославянскими. Противоположным по своему характеру, хотя и близким по субстратно-диалектной основе можно считать язык Захарии Коныстенского, который в своей знаменитой рукописной «Палинодии» (1621) продемонстрировал довольно чистую «русскую мову», почти лишенную церковно-славянизмов и базирующуюся на украинской народной речи.

К компромиссному решению стремился их современник и земляк Кирилл Транквилион Ставровецкий, пытавшийся даже обосновать в предисловии к книге «Зерцало богословия» (1618) необходимость синтеза «простого» языка и «словенского»³⁹.

На Украине и в Белоруссии литература конца XVI и особенно начала XVII в. изобиловала различными опытами создания нового литературного языка. Основным материалом все чаще выступает

39 «Въ ка́ждѣй ѿ тѣхъ ласкѣвѣй чѣтѣннѣхъ для чо́го покладѣлося въ той кни́зкѣ прѣстѣй ѣзыкъ и сло́вѣнскій, а́не все́ по прѣстѣ. та́ причина бѣтъ по сло́вѣнскій са́ кабанъ сло́ва бѣгослѣвцавъ и до́воды писма́ стѣгъ. а́ дрѣгѣе ѿжь сло́ва нѣкѣторѣи сло́вѣнскѣго ѣзыкъ трѣданы на прѣстѣй ѣзыкѣ́ также на́вѣдно по́нѣтъи ѿко́ тѣхъ качѣствъ ѿко́ ѿкѣствъ по прѣстѣ. и́ много́ тако́вѣхъ на́йдѣтся, а́чѣ прѣстѣкѣи все́ крѣво хотѣи и́ напрѣстѣише, а́ мѣдрѣи и́ крѣвѣ спрѣвѣнѣи мо́же». «Зерцѣло́ бѣгослѣвѣи» из «Прѣдмовѣи» (цитируется по Уневскому изданию 1692 г., стр. 4 оборот).

народная диалектная речь, однако она фиксируется не в чистом виде, а сильно препарированная для нужд литературного языка (возможно, подобную «препарацию» подготавливало львовское, виленское и киевское койнэ), часто с меньшим или большим (иногда и преобладающим) числом церковнославянизмов или полонизмов⁴⁰.

В этой ситуации, так же как и в «кризисе» церковнославянского (древнеславянского) языка и литературы, было бы неправильным видеть что-либо предосудительное. Напротив, шел интенсивный процесс формирования новой литературы и новых литературных языков, процесс, сопутствующий развитию гуманистических идей, освобождению от средневековой схоластики. Историк литературного языка вряд ли сможет без вреда для своих исследований игнорировать процессы, наблюдавшиеся в истории литературы того времени. Возникновение новых задач, ставших перед литературой, новых жанров, расширение и в значительной степени изменение ее функций; ее более светский и полемический характер, наконец, появление массового читателя — все это отражалось на судьбах литературного языка. Процессы, происходившие на Украине и в Белоруссии, находили свое типологическое соответствие в большей или меньшей мере и в центральной Европе, и в Московской Руси, и у южных славян, и, естественно, в Польше. Описывая ход истории польского литературного языка, Т. Лер-Сплавинский отмечал, что «около середины XVI в. постепенно наступил перелом: наряду с латинской письменностью, которой суждено было еще развиваться и дальше, в течение почти всего XVII в. возникает и начинает развиваться литература на польском языке. Она не ограничивается теперь одними псалтырями и молитвенниками, предназначавшимися преимущественно для женщин и для простого народа, но дает произведения разнородного содержания, как духовного, так и светского, предназначенные для всего образованного и жаждущего знаний общества»⁴¹. Если попытаться в самом схематическом и упрощенном виде представить жанровое разнообразие литературы, бытовавшей в интересующий нас период на Украине и в Белоруссии, и функционирование в ней различных языков (древнеславянского, «русской мовы», польского), то это можно выразить в таблице, данной на стр. 255.

Возникшими, в общем неизвестными до второй половины XVI и начала XVII в. жанрами была достаточно многочисленная

⁴⁰ Следует отметить также обратный процесс: в польском языке «во второй половине XVI в. начинают усиливаться восточнославянские и украинские и белорусские влияния . . . им предстояло сыграть в будущем большую роль по сравнению с мимолетными воздействиями итальянского или французского языка. . . Особенно возрастает число этих заимствований, равно как и пришедших через Русь заимствований из восточных языков (татарского и турецкого), во второй половине XVII в.» (см.: Т. Лер-Сплавинский. Польский язык. Русский перевод. М., 1954, стр. 199—200).

⁴¹ Там же, стр. 159.

Литературный жанр	Язык		
	др.-слав.	русск. мова	польск.
Конфессиональная литература			
Литургическая (служебники, требники, часословы и т. п.)	+	—	—
Каноническая («Священное писание»)			
а) псалтырь, апостол	+	+*	+*
в) евангелие, библия	+×	+	
Гомилетическая (включая учительные евангелия)	+×	+	
Агиографическая	+×	+*	+
Дидактическая (катехизисы)		×+	+
Конфессионально-светская литература			
Церковно-ораторская	+×	+	+
Полемическая	×	+	+
Светская литература			
Исторические сочинения	×	+	+
Переводные повести	×	+	+
Виршевая	×	+	+
Драматическая		+	+
Сатирическая		+	+

Примечание. Знак * обозначает единичность случаев; знак × указывает на переходно-смешанный тип.

полемическая литература (около 140 произведений, сочиненных православными, униатами и католиками), отдельные виды церковно-ораторской литературы (погребальные слова, недельные проповеди и т. п.), новые виды исторических сочинений, почти вся виршевая, драматическая и сатирическая литература; в сфере конфессиональной литературы появился новый и важный тип произведений — катехизисы, расширилась сфера собственно гомилетической литературы. Во всех этих жанрах широко применялась «русская мова», иногда почти без церковнославянизмов, иногда, как, например, в церковнопроповеднической литературе, число церковнославянизмов было уже столь значительно, что следует говорить об использовании древнеславянского литературного языка. Показательно, однако, что «русская мова» проникла и в сферу конфессиональной литературы, в каноническую, евангельскую литературу: иногда лишь в частичном симбиозе с церковнославянским языком (переводы Ф. Скорины), иногда же и в более значительном (переводы В. Тяпинского, Пересопницкое, Житомирское евангелия, евангелие Негалевского). Нарративный характер «нового завета» и «ветхого» этому способствовал. Но определяющим был здесь, пожалуй, другой дифференциальный признак — вероисповедный (см. таблицу ниже). Наи-

более устойчиво сохранялся древнеславянский в псалтыри, служившей основой при овладении грамотой и выдержавшей около 30 изданий. Ф. Скорина в своем издании псалтыри решился дать лишь некоторые глоссы «не рѣшаючи самое ѷальтыри ни в чемъ же», но нам известны два рукописных опыта перевода псалтыри с польского на «западнорусский» язык⁴². В связи с вопросом о языке псалтыря, евангелия и вообще книг рассматриваемого периода следует подчеркнуть важность применения статистического критерия: было бы полезно учесть все известные нам издания на древнеславянском языке и «русской мове» и установить их приблизительное количественное соотношение по жанрам. Рукописные тексты нужно учитывать отдельно. Правда, незнание нами тиражей отдельных книг сделает такой подсчет приблизительным, однако это не снимает необходимости подобной работы. Наконец, несколько различно было отношение к древнеславянскому литературному языку «русской мове», польскому языку, смешанному «русско-древнеславянскому» смешанному польскому с «русской мовой» в среде представителей разных вероисповедных групп. Некоторое представление об этом может дать опять-таки значительно упрощенная и схематическая таблица на стр. 257, в которой сознательно не учитываются дипломатика, памятники юридического и хозяйственно-экономического характера и т. п.

Обе приведенные таблицы свидетельствуют о том, что многоязычие в Западной Руси — Украине и Белоруссии не носило характера совершенно стихийного и функционально не упорядоченного явления. Наблюдается определенная закономерность в разделении сфер функционирования, отмеченная, кстати, еще современниками. Известно указание униатского епископа Иосафата Кунцевича (см. его «**Ѹставы стго Івасафата** "Архїєпї копѧ Полоцкаго списаны для презвитеровъ" рукоп. 1700 г.) о том, что «**кгда тежъ читаю^т Бѡга^а геаїе, або якю молите^с в голо^а, або ектенїи, не маю^т выкладат^и словѣ^а ски^х словъ по рѣ^аку, але такъ читати яко написано. Счита^аное за^а Бѡга^а геаїе або житїе сты^х читаючи людѣ^а, могу^т выкладати...**» (цит. по кн.: Е. Ф. Карский. Белорусы, т. III, ч. 2. Пг., 1924, стр. 143). Все же необычайная широта языкового спектра в Западной Руси (Украине и Белоруссии), начиная от древнеславянского и доходя через различные переходные типы и варианты «русской мовы» до польского, появление новых литературных жанров и использование в них бурно развивающегося «западнорусского» литературного языка («русской мовы»), наконец, проникновение последнего в сферу традиционной конфессиональной литературы, где

⁴² См.: Е. Ф. Карский и др. Западнорусские переводы псалтыри в XV—XVII веках. Варшава, 1896.

Литературный жанр	Вероисповедание			
	православные	униаты	католики	протестанты
Конфессиональная литература				
Литургическая (служебники, требники и т. п.)	др.-сл.	др.-сл.	лат.	—
Каноническая				
а) псалтырь, апостол . . .	др.-сл.	др.-сл.	лат., польск.	русск. *
б) евангелие, библия	др.-сл., русск.	др.-сл., русск.	лат., польск.	русск.
Гомилетическая (включая учительные евангелия)	др.-сл., русск.	др.-сл., русск.	лат., польск.	русск. *
Агиографическая	др.-сл., русск./др.- сл.	др.-сл., русск./ др.-сл.	польск. (русск.)*	—
Дидактическая (катехизисы) . .	русск., др.-сл./ русск.	русск., др.-сл./ русск.	лат. польск- (русск.)*	русск.
Конфессионально-светская литература				
Церковно-ораторская	др.-сл./ русск., русск., польск.	др.-сл./ русск., русск., польск.	лат. польск.	
Полемическая	русск., польск., русск./ польск.	русск., польск., русск./ польск.	русск., польск., русск./ польск.	

Светская литература

Исторические сочинения	} не дифференцировались по вероисповедному признаку
Переводные повести	
Виршевая	
Драматическая	
Сатирическая	

Примечание. Знак * обозначает единичность случаев.

раньше безраздельно господствовал древнеславянский язык, вызвало кризис древнеславянского языка и необходимость борьбы за его нормализацию и стабилизацию. Именно этот факт, а не упадок образованности и малопонятность языка⁴³, как полагали многие исследователи, явился главной причиной кризиса и основным стимулом, побудившим Лаврентия Зизания, Мелетия Смотрицкого, деятелей Острожского кружка и других приняться за нормализацию древнеславянского языка в плане лингвистическом, за защиту его авторитета и распространения в плане общественно-политическом. Не случайно поэтому возникновение первых грамматик древнеславянского языка произошло именно на территории Западной Руси (Украины и Белоруссии), т. е. там, где в этом особенно остро ощущалась необходимость, и не случайно, что на территории всего греко-славянского ареала вплоть до середины XVIII в. не появилось ни одной грамматики отдельного славянского «народного» (литературного) языка, подобной многочисленным грамматикам, возникшим вне этого ареала: чешским Бенеша Опата и Петра Гзеля (1533), Матвея Бенешовского (1577), Яна Благослава (1571), Лаврентия из Нудождер (1603) и др., словенской Адама Богорича (1584) и др., хорватской Бартола Кашича (1604) и др., польской Петра Статориуса (1568), Фряндиска Менинского (1649)⁴⁴ и др. Авторитет древнеславянского литературного языка был еще достаточно силен и на нем по-прежнему зиждилось начальное обучение и дальнейшее образование (уже наряду с греческим и латин-

---

⁴³ А. С. Архангельский отмечает, что «во времена Курбского в Литовской Руси, по-видимому, легче можно было найти человека, знающего греческий или латинский язык, чем знающего язык славянский; по крайней мере такое мнение выражал сам Курбский» (см. «Очерки из истории западно-русской литературы XVI—XVII вв.» М., 1888, стр. 8). Это положение основывается на известном высказывании князя Курбского о том, как трудно найти переводчика на древнеславянский язык — «аще . . . и добуду грецкимъ умѣющаго, або латинскимъ: но словенскій не будутъ умѣти» (см. «Сказания князя Курбского». СПб., 1868, стр. 224). Однако для интересующего нас периода, вероятно, в полной мере справедливо замечание М. Н. Сперанского: «Что же касается жалобы Курбского, что трудно найти человека, хорошо знающего по-славянски, то, если это не преувеличение со стороны ревностного деятеля, эту жалобу приходится признать не особенно существенной; конечно, далеко не одно и то же, списывать аккуратно славянские тексты, каких много дошло до нашего времени от эпохи и из западных областей, и вновь переводить на мертвый, притом близкий еще к родному языку. Но не надо забывать, что мы имеем дело с концом XVI века, когда славяно-греческие школы уже широкой сетью раскинулись по краю, когда деятельность того же Курбского и Острожского продолжалась в интересах охранения старого языка уже не одно десятилетие; жалоба же Курбского относится к начальному периоду этой деятельности». («Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности». М., 1904, стр. 386).

⁴⁴ Полную библиографию старых польских грамматик и словарей см.: M. R. Maue nowa. *Walka o język w życiu i literaturze staropolskiej*. Warszawa, 1955.

ским)⁴⁵. Способ нормализации древнеславянского литературного языка в начале XVII в. был двойным. Один — более древний, который по терминологии того времени можно назвать «исправлением книжным», заключался в филологической обработке древних текстов, преимущественно канонического содержания, в работе, основанной на соблюдении принципа «святой старины» и ставящей своей задачей в общем сохранение архетипа. Всякая филологическая вольность и отклонение от представлений о норме рассматривались как «растление» и «бляденіе дѣвольское» и могли повлечь за собой в Московской Руси жестокую кару вплоть до острога и заточения. В довольно многочисленных, хотя и отрывочных свидетельствах о текстологической работе на Руси вопросы, которые нам сейчас кажутся чисто филологическими и грамматическими, идут наравне или перемешиваются с вопросами догматическими, т. е. наиболее важными и авторитетными. Сравнить хотя бы уже упоминавшееся прение в Московской книжной палате, где наряду с вопросами о формах аориста *собра* и *изведе*, оптатива *да освятится*, *да приидет*, *да будет*, лексических *купина* и *куст* разрешались злободневные для того времени догматические вопросы о «единстве Троицы», о «кратности суда божия» и т. п.⁴⁶ Здесь нет нужды в дополнительной аргументации и иллюстрации, — каждый, кто ознакомился с обстановкой вокруг никоновской реформы и начала старообрядчества, хорошо себе представляет ситуацию в Московской Руси. В Западной Руси, как уже отмечалось, филологическая вольность не влекла за собой какой-либо строгой физической кары⁴⁷, однако и здесь многие ревнители восточной церкви и ее «святой старины» понимали свою задачу в том же плаве, — достаточно

⁴⁵ См.: К. Харлампович. Западнорусские православные школы XVI, начала XVII века; его же, Борьба школьных влияний в допетровской Руси. «Киевская старина», т. LXXVIII, июль-август, сентябрь, 1902, т. LXXIX, октябрь, 1902; Н. Ф. Каптерев. О греко-латинских школах в Москве в XVII в. до открытия Славяно-греко-латинской академии. «Творения св. отцов в русском переводе», кн. IV. М., 1889; А. И. Соболевский. Образованность Московской Руси XV—XVII веков. «Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1891 год». СПб., 1892.

⁴⁶ См. «Прение...», «Летописи русской литературы и древности», кн. 4, стр. 81, 88, 95 (отдельной пагинации).

⁴⁷ Согласно указу от 1 июня 1689 г. «а буде за симъ великихъ государей указомъ тѣ книжные справщики самовольствомъ на чистыхъ переводѣхъ стануть речения перемѣнять или убавливать или прибавливать или переплавливать вновь не противъ нынѣшнихъ печатныхъ книгъ и о тѣхъ ихъ переплавкахъ наборщикомъ всѣхъ становъ извѣщать въ приказѣ книгопечатного дѣла начальнымъ людемъ а имъ начальнымъ людемъ о томъ потому же докладывать святѣйшаго патріарха и книжнымъ справщикомъ въ тѣхъ переправкахъ за неислушаніе къ великимъ государемъ быть въ жестокомъ наказаніи...» (см.: И. Мансветов. Как у нас правилась церковные книги. Материал для истории книжной справы в XVII столетии (по бумагам архива Типографской библіотеки в Москве). М., 1883. Приложение В, стр. 58—59.

вспомнить, хотя бы уже приведенную цитату из раннего Ивана Вишенского, утверждавшего, что языкъ «простымъ прилѣжнымъ читаніемъ безъ всякаго ухищренія, к Богу приводитъ, простоту и смиреніе будуетъ и Духа святого подѣмлетъ» и потому не нужна ни грамматика, ни риторика, ни тому подобное⁴⁸. Естественно, что такая «текстологическая» работа вела к нормализации древнеславянского литературного языка в основном в сфере канонических текстов и текстов, унаследованных от предшествующих эпох⁴⁹, главным образом от второго южнославянского влияния; все, что оказывалось вне этой сферы (в основном сферы конфессиональной литературы) с трудом поддавалось нормализации: были жанры и контексты, не имевшие своего стилистического, лексического и даже грамматического соответствия

---

⁴⁸ См. «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», т. II. СПб., 1865, стр. 210; впоследствии (после 1604 г.) Иван Вишенский несколько изменил свою точку зрения: он призывал «въ первыхъ, ключь, или грецкую или словенскую грамматику, да учить», а в послании к старице Домникии писал: «Не бо азъ хулю граматичное ученіе и ключь къ познанію складовъ и речей, яко же нѣдѣи мнать...». См.: Иван Вишенский, Сочинения. Подгот. текста И. П. Еремина. М.—Л. 1955, стр. 163, 249. В Московской Руси во второй половине XVII в., во всяком случае после выхода в Москве грамматики Мелетия Смотрицкого, считалось недостаточным лишь текстологическое изучение древнеславянского языка («простообычное») и ставилась задача овладения правилами грамматическими. Это мнение отражено в «Паисия Лигарда опровержении челобитной попа Никиты» (1666), где между прочим говорится: «Иллирическа, или славенска языка весьма учиться подобаетъ Россомъ, но со правиломъ грамматическимъ, а не просто — обычно и кромѣ основанія обычаемъ... [одно слово не разобрано]. Ибо языкъ истинно преславный есть, и зѣло преславенъ, якоже отъ самого реченія слава явъ есть, аще что и противно повѣствуетъ Прокопій, отъ имени Греческаго... оно производяще, отъ плѣнниковъ прешествія. Ибо сей языкъ вамъ матерній веищуется и отъ дву святую отцу, Меодіа и Кирила, пречудно расширенъ же и просвѣщенъ» (см. «Материалы для истории раскола за первое время его существования» под ред. Н. Субботина, т. IX, ч. 1. СПб., 1894, стр. 240). Любопытно употребление термина «иллирический» как синонима «словенский», свидетельствующее о том, что идеи славянского единства, пробудившиеся в XVI в. и широко распространенные в XVII в. у южных славян (особенно в западной их части), проникали разными путями и в Московскую Русь. Одними из посредников могли быть венецианские греки. Таким образом, Юрий Крижанич в этом отношении не был в «Московии» одинок. Термин «иллирический» довольно широко употреблялся и в петровскую эпоху, но больше применительно к южным славянам.

⁴⁹ Весьма важно учитывать, какие книги предшествующих эпох считались «справочными, правильными» при «исправлении книжном», каков был библиотечный арсенал «правщиков». Известно, что в начале и в середине XVII в. в Москву выписывались рукописи из Пскова, Новгорода, Кирилло-Белозерского монастыря и других мест «на Печатный Дворъ для книжные справки». В нашем распоряжении покамест имеется только одно, образцовое в своем роде исследование А. А. Покровского «Древнее Псковско-Новгородское письменное наследие. Обзорение пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей Библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ» (см. «Труды пятнадцатого археологического съезда в Новгороде 1911 г.», т. II. М., 1916, стр. 215—494).

в конфессиональной литературе. Это было обширное поле для смешения двух стихий — древнеславянской и народно-разговорной.

Второй путь нормализации, до начала XVII в. почти не применявшийся в ареале «греко-славянского мира» и привитый не без влияния филологических традиций, установившихся в мире «славяно-латинском», — путь создания грамматик, выработки грамматических норм для древнеславянского языка и фиксации его словарного состава в лексиконах. Дело в том, что до появления грамматики Мелетия Смотрицкого у восточных и южных славян фактически не было грамматической кодификации древнеславянского языка, так как известные, собранные почти все И. В. Ягичем⁵⁰ грамматические труды, начиная от «Восьми частей слова» и рассуждения Константина Философа «О письменах» и кончая грамматическими трудами Максима Грека, касались главным образом орфографии, правописания «иноземных имен и речений», преимущественно греческих, и частных отрывочно взятых грамматических вопросов. О том, что нужда в достаточно полных грамматических пособиях на Руси была велика, свидетельствует перевод Доната, который также не может считаться кодификацией древнеславянского языка. Не выполнили этой задачи, хотя и гораздо ближе подошли к ней, предвосхитившие труд Мелетия Смотрицкого «Букварь» Ивана Федорова (1574), «Грамматика» Львовской Братской типографии (1591) и виленская «Грамматика» Лаврентия Зизания (1596), возникшие в рассматриваемый нами период тоже в Западной Руси⁵¹.

К концу XVI и в самом начале XVII в. в Западной Руси были успешно применены упомянутые мною два способа нормализации древнеславянского языка — текстологический и грамматический. Первый нашел свое яркое выражение в деятельности Острожского кружка⁵², с которым были связаны усилия и князя Курбского и отчасти старца Артемия и которые венчались великолепным изданием знаменитой Острожской библии (1581). Текст этой библии, соответствующий в основном фундаментальной Геннадиевской библии 1499 г., оказался для позднего периода истории древнеславянского литературного языка каноническим; он воспроизводился почти без изменения в Москве в 1663 г. и был известен во всем «греко-

⁵⁰ См.: И. В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке. «Исследования по русскому языку», т. I. СПб., 1895.

⁵¹ См.: Ф. Я. Шолом. Зарождения і розвиток наукової філологічної думки в Росії і на Україні в XVI—першій половині XVII ст. «Філологічний збірник». Київ, 1958.

⁵² См.: К. Харлампович. Острожская православная школа. «Киевская старина», т. LVII, май, июнь. Киев, 1897.

славянском мире» как образец вплоть до появления новой редакции в XVIII в., на основе указа Петра I от 14.XI 1712 г.⁵³ Текст и язык Острожской библии, принятый не только восточными славянами, в том числе и старообрядцами, но и южными славянами — сербами, болгарами, отчасти хорватами и, наконец, валахами и молдаванами — послужил моделью-эталонном для языка канонических древнеславянских текстов позднего периода⁵⁴. Естественно, что этот язык не только сильно отличался от языка ранних канонических текстов старославянской эпохи, но он отличался и от языка среднего периода истории древнеславянского языка XIV—XV в. и был ярко выраженным образцом позднего восточнославянского извода, без юсов и ряда других характерных старо- и среднеславянских черт. Однако такой извод в рассматриваемую нами эпоху оказался авторитетным образом для всего греко-славянского ареала: вот почему мы его принимаем за общую и в какой то мере обязательную для всех норму позднего периода истории древнеславянского литературного языка.

Литература, в жанровом отношении подчиненная классическому каноническому кругу, но входящая в следующий ярус, более близкий к светскому фундаменту, была проникнута еще более восточнославянскими, особенно западнорусскими элементами, хотя и оставалась по своему языку, в общем, церковнославянской (древнеславянской). Нормированием такого языка во многом и занималась грамматика Мелетия Смотрицкого, отразившая собой, при всем ее сопротивлении стихии «простой мовы», языковую ситуацию Западной Руси. Но грамматика Мелетия Смотрицкого отразила и филологические воззрения своего времени, требующие взгляда на древнеславянский язык сквозь призму греческого языка⁵⁵. По справедлив-

---

⁵³ См.: П. Е. Евсеев. Очерки по истории славянского перевода библии. Пг., 1916, стр. 74—101; его же, Геннадиевская библия 1499 г. «Труды пятнадцатого археологического съезда в Новгороде 1911 г.», т. II. М., 1916; В. С. Иконников. Максим Грек и его время. Киев, 1915, стр. 33—34.

⁵⁴ См.: М. Н. Сперанский. Иван Федоров и его потомство. «Труды Московского археологического общества», т. XXIII, вып. 2. М., 1914, стр. 86—88; П. Е. Евсеев. Очерки..., стр. 101—137.

⁵⁵ Паисий Лигарид в своем опровержении челобитной попа Никиты писал: «Рѣхъ, яко первіе языку греческому изучитися лѣпотствует того ради, занеже бо есть корень и пріискрній языкъ. Тіа бо, иже гречески писаша, яко же святіа и евангелистове, духа святаго вдохновеніемъ писанія греческая изобразиша. Ибо болшая есть чистота источника, нежели потока. Отнюдуже, къ началу греческихъ реченій, аки къ твердыни, въ недоумѣнныхъ вещьхъ прибѣгаемъ, паче же аки къ источнику нетлѣнному жаждущіи притекаемъ...» («Материалы для истории раскола за первое время его существования», т. IX, ч. 1. Под ред. Н. Субботина. СПб., 1894, стр. 236). Число подобных высказываний современников, притом отнюдь не только греческого происхождения, можно было бы значительно умножить.

вому замечанию проф. П. М. Бицилли, на которое недавно обратил внимание В. В. Виноградов в своем исследовании о языке М. В. Ломоносова, «каждый национальный язык начинается с того, что является „вульгарным“ простонародным языком и развивается по образцу другого, „высшего“ языка, языка, служащего для него „классическим“. Таким классическим языком был в свое время... для староболгарского — греческий „общий“ язык; позже для всех православных славян — уже тот же староболгарский, ставший для них „классическим“ в качестве языка церкви, „церковно-славянского“. Структуры данного „вульгарного“ языка и соответствующего „классического“ определяют собою отношения второго к первому, а тем самым характер эволюции „вульгарного“ языка»⁵⁶.

Деятельность в Западной и отчасти Московской Руси по установлению грамматических и даже лексических норм древнеславянского литературного языка была по отношению к «классическому» греческому языку в какой-то мере ренессансом Кирилло-Мефодиевской миссии и ситуации⁵⁷, с той только разницей, что отдельные ультра «грекофильские» опыты были иногда еще более крайними, но, к счастью, в конечном итоге почти всегда ocasionальными. Это вызвало в ту пору

---

⁵⁶ П. М. Бицилли. Язык и народность. «Труды V съезда русских академических организаций за границей», ч. 1. София, 1932, стр. 221—222; см.: В. В. Виноградов. Проблемы стилистики русского языка в трудах Ломоносова. — Сб. «Ломоносов», V. М.—Л., 1961.

⁵⁷ Любопытно отметить, что в Западной Руси (на Украине и в Белоруссии) в полемике с «латинянами» и «папешниками» прибегали к авторитету Кирилла и Мефодия, подробно излагали, цитировали и комментировали некоторые места из их жития (см., например, «Палинодию» З. Копыстенского. — РИБ, IV. СПб. 1878, кол. 986—990). К их же авторитету пытались прибегнуть и сторонники католической партии (см., например, «Оборону унии» Л. Кривзы. — РИБ, IV, кол. 225—226). П. Скарга, как известно, упрекал православных в незнании греческого языка (см. его «O Jedności...» — РИБ, VII, СПб., 1882, кол. 486) и утверждал фактически превосходство латинского как одного из самых богатых и функционально интерлингвистического. Этой концепции противостояла другая, хорошо выраженная З. Копыстенским: «И слушне: маеть бо вѣмъ языкъ славенскій таковуу въ собѣ силу и зацность, же языку грецкому якобы природне съгласуетъ, и власности его съчиняется: и въ перекладъ свой приличне, и не яко природне онъ беретъ и приимуетъ, въ подобныи спадки склоненій и съчинения падаючи; венць, и найзвизнѣйшее сложное грецкое слово, подобнымъ также звязнымъ, и сложнымъ по словенску выложити есть можно, чого иншимъ жаднымъ, а нѣ латинскимъ недоказати языкомъ: чого доводомъ есть, же латинскіи переводники таковыи слова, обширне зъ околичностями на свой прикладають языкъ, многими околичностями ширити мусятъ. Копыстенский отмечает, что латинский язык не даром сравнивают «по ученой конской едноходы: а грецкій до прирожной», славянский же «есть знаменить... и славный былъ: для чого отъ славы славянскимъ названный естъ» (см. «Предмову» к беседам «Иже въ святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго...». Киев, 1623, типогр. Киево-Печерской Лавры, л. 4.).

ряд протестов, среди которых, как известно, был и голос Ю. Крижанича⁵⁸.

Выход в свет грамматики М. Смотрицкого в Москве в 1648 г. можно считать значительной вехой, символизирующей победу московского центра и утверждение за ним доминирующего авторитета в отношении норм древнеславянского литературного языка во всем грекославянском ареале⁵⁹. Дата выхода совпадает с началом ратных походов за объединение Руси Малой и Великой (Украины и России — 1648-1654 гг.), с периодом максимальной экспансии польского шляхетства и, скажем, одновременно польского языка на Руси Белой⁶⁰. Московское анонимное издание 1648 г. не было, как известно, простой перепечаткой: в грамматику вводился ряд общевеликорусских черт, например значительно изменились парадигмы склонения⁶¹. Впрочем, следует отметить, что эти «нововведения» фиксировали то, что уже бытовало в древнеславянском языке позднего московского «извода».

Рамки настоящего доклада не дают возможности охарактеризовать подробно менее сложную, чем в Западной Руси, но все же достаточно своеобразную языковую ситуацию на Руси Московской. Ряд новых исследований, посвященных начальному этапу формирования русского национального языка, довольно полно осветил интересующую нас эпоху⁶².

---

⁵⁸ Ю. Крижанич писал: «како сѣт Греки нашѣ бесидѣ на своѣ копито набѣли: сѣ јест, вѣс состав и обличје нашего језика (: по обзорѣ на своѣ језик:) изо днѣ извратѣли и претворѣли: тако да ни он јест Грѣчскиѣ, ни он Рѣскиѣ језик. Гледѣ раздѣла јѣд. (см. «Граматиѣчно изказанје», изд. О. Бодянского. М., 1859, стр. IV).

⁵⁹ К сожалению, еще нет единого обобщающего труда, в котором бы исследовалась богатая традиция и история изданий и переделок грамматики Мелетия Смотрицкого во всем греко-славянском ареале. Однако существует ряд предварительных работ, где излагается судьба грамматики Смотрицкого или ее влияние на грамматическую мысль в разных локальных ареалах — Сербии, Далмации, Болгарии, Валахии, Молдавии, Закарпатье; см.: Н. Засадкевич. Мелетий Смотрицкий как филолог. Одесса, 1883; П. А. Кулаковскій. Начало русской школы у сербов в XVIII веке. СПб, 1903 (отд. отгиск. из ИОРЯС, т. VIII, кн. 2, 3), стр. 162—165; М. Stojković. Pokušaj uvodjenja rusko-slavenske gramatike Meletija Smotrickoga kod Hrvata katolika. «Nastavni Vjesnik», knj. XXXVIII. Zagreb, 1930; Н. М. Дылевский. Грамматика Мелетия Смотрицкого у болгар в эпоху их возрождения. — ТОДРЛ, т. XIV. Л., 1958; D. Strungaru. Gramatică lui Smotrițki și prima gramatică românească. «Romanoslavica», IV. București, 1960; I. Панькевич. Славено-руська граматика Арсенія Копака другої половини XVIII вѣка. «Науковий зборник товариства „Просвіта“, рѣчн. V. Ужгород, 1927.

⁶⁰ См.: A. Martel. La langue polonaise. . .

⁶¹ См.: П. С. Кузнецов. У истоков русской грамматической мысли. М., 1958, стр. 33—36.

⁶² Из работ после IV съезда славистов см. дискуссию «Об образовании восточнославянских национальных литературных языков» в В. Я.

По общему признанию, литературный язык Московской Руси в эту эпоху не был единым. В общих чертах можно признать наличие двух типов — «народно-разговорного» и «книжно-славянского», однако, с одной стороны, каждый из них в отдельности существенно отличался от соответствующего «типа» предшествующей эпохи, с другой стороны, становились иными их соотношения и функциональная валентность.

Существенное расширение состава литературы в конце XVI в. и особенно в XVII в. привело к демократизации языка значительной ее части. Бытовавший и в прежние эпохи канцелярский, теперь «приказный» язык и уже достаточно оформившийся разговорный язык — «московское» койнэ нашли свое яркое выражение в демократической литературе, в повествовательной прозе: в «гипсториях», «сказаниях», «баснословных повестях» и «смехотворных письмах»⁶³.

Этому языку противостоял древнеславянский, приукрашенный западнорусским казнодейским «барочным платьем» и продолжавший, в значительной мере, хотя и в несколько иной, частично латинизированной, форме традицию «плетения словес» эпохи второго южнославянского влияния. В сфере древнеславянского языка московского типа в интересующий нас период более в области стилистической, или синтаксической и лексической, чем в формальнограмматической существовала также двойственность — два «типа», или две разновидности. Во-первых, уже упомянутая разновидность с цветистым «барочным платьем» и, во-вторых, разновидность со сравнительно строгой «чистотой древних риз», не принимавшая крайностей стилистической системы барокко и стоявшая на том, чтобы, по словам Зиновия Отенского, «не премѣняти простыя рѣчи на краснѣйшія»⁶⁴. Подобно тому как народно-литературный язык и книжнославянский распределялись в общем по разным жанрам, две разновидности древнеславянского языка также имели свою жанровую дистрибуцию.

Древнеславянский без «краснейших» речей обслуживал усвоенную от предшествующих эпох каноническую и примыкающую к ней литературу конфессионального характера, а также вновь возникающие произведения, близкие к этому

за 1959—1962 гг.; сб. «Начальный этап формирования русского национального языка». Л., 1961; сб. «Вопросы образования восточнославянских национальных языков». М., 1962.

⁶³ Терминология взята нами в основном у современника — стольника Ивана Бегичева (см. его «Послание о видимом образе божием» 1640 г.). О соотношении «московского» койнэ с древнеславянским языком, приказным языком, диалектной речью и языком фольклора см. наш ответ на вопрос «Создание койнэ в славянских языках и его влияние на литературные языки» в сборнике «Славянска филология», том I, София, 1963, стр. 44—46.

⁶⁴ См. «Истинны показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи». «Православный собеседник». Казань, 1863—1864, стр. 967.

кругу. Такая разновидность древнеславянского языка представлена, например, в «Синодике» XVII в.⁶⁵ Древнеславянский, преисполненный «красных слов», барочного красноречия, обслуживал исключительно новые произведения и жанры, в основном ораторского и ораторско-полемического типа с большей степенью западнорусского влияния, например сочинения Елифания Славинецкого, Симеона Полоцкого, или с меньшей — например сочинения раскольника Герасима Фирсова⁶⁶.

И. П. Еремин справедливо отмечает, что «„славенский“ язык в эти годы обнаруживает тенденцию к своеобразной изоляции, к выделению в особый, рафинированный язык, призванный обслуживать преимущественно „высокие“ формы литературы. . . Сугубо книжный, рассчитанный на узкий круг знатоков и ценителей, он подчас наглухо замыкается в своей собственной системе, искусственно, теплично взращенной»⁶⁷.

Это стремление к изоляции справедливо связывается с жанровой дистрибуцией. Однако ни изоляция древнеславянского языка, ни жанровая дистрибуция не были достаточно четкими и устойчивыми. Были гибридные образцы, из которых наиболее любопытны почти мозаично разнородные по языку памятники старообрядческой литературы⁶⁸. На некоторую условность жанровой дистрибуции указывают отдельные произведения и жанры (например переводная историческая литература)⁶⁹, которые служили своеобразным полем для соперничества древнеславянского и народно-литературного русского языка. Был, наконец, новый деловой, научный жанр: таковой явилась, например, возникающая специальная, частично переводная, литература — «Арифметика, сиречь наука числительная» Магницкого, «Козмография», «Аристотелева экономика», и др., где делалась попытка применения древнеславянского языка, но широко был представлен и «народно-литературный», наряду с «иноземными речениями»⁷⁰.

---

⁶⁵ См.: Е. В. Петухов. Очерки из литературной истории Синодика. — ИДПИ, вып. СУП. СПб., 1895.

⁶⁶ См.: Н. Никольский. Сочинения соловецкого инокa Герасима Фирсова по неизданным текстам. — ИДПИ, вып. СLXXXVIII. СПб., 1916. См. краткую характеристику языка Фирсова в «Очерках по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.» В. В. Виноградова (М., 1938, стр. 34).

⁶⁷ См. ответ И. П. Еремина на вопрос «Какова была роль художественной литературы в развитии русского литературного языка со второй половины XVI в. до начала XVIII в.?» — ВЯ, 1960, № 6, стр. 64.

⁶⁸ См.: В. В. Виноградов. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума. — Сб. «Русская речь», I. Пг., 1923; H. Ch. Sørensen, Die stylistische Verwendung kirchenslavischer Sprachelemente in der Autobiographie Avvakums. Kopenhagen, 1957.

⁶⁹ См.: Е. М. Иссерлин. Лексика русского литературного языка XVII века. М., 1961.

⁷⁰ См.: А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков.

В Московской Руси постоянно скрещивались и сталкивались две противоположные тенденции — тенденция к сближению с народно-разговорным языком и тенденция к нормированию и моделированию «словенского» «высокого» языка, к его обособлению, и вытекающее из этого обращение к неизвестным в народно-разговорном субстрате лексемам и грамматическим формам. В этом отношении показателен трактат того времени «О исправлении в преждепечатных книгах», где почти всегда при наличии двух древнеславянских синонимов — русском (или общевосточнославянском) и южнославянском по происхождению — дается рекомендация и предпочтение последнему. Так, например, в соответствии с «греческим речением нефру́с», в некоторых минеях, по мнению автора трактата, неправильно пишется «Ѹтрѣвы», «славѣнски же не нѣкѣ, нѣ издрѣвале преводѣмѣмъ глѣтса вѣврѣги, пѣчки, ѣтеси, нѣрки, тѣки, токоношѣнѣа». Перечисляя ряд синонимов, автор предлагает остановиться на одном синониме *вѣврѣги*⁷¹.

Перейдем к беглому обзору языковой ситуации на славянском Юге.

Если строго придерживаться установленных рамок «греко-славянского» ареала и оставить в стороне рассмотрение положения в землях Далмации⁷², Боснии, собственно Хорватии и Славонии и ограничиться Сербией, Воеводиной, Черногорией, Македонией, Болгарией, а также Молдавией, Валахией и Трансильванией, то следует отметить, что именно интересующий нас период — вторая половина XVI в. и XVII в. — был перио-

⁷¹ См: К. Никольский. Материалы для истории исправления богослужебных книг. — ИДП, Вып. СХУ. СПб., 1896; краткий анализ дифференциации синонимов в этом памятнике дан В. В. Виноградовым (см. его «Очерки...», стр. 14, 18), который отмечает также соответствие форм времен, приводимых в трактате, нормам грамматики М. Смотрицкого.

⁷² XVII в. был для небольшого локального ареала хорватской глаголической письменности также поворотным моментом, с этого времени и здесь началось влияние языка восточнославянских центров древнеславянской письменной культуры. По свидетельству В. Стефанича, «второй решительный момент наступил в конце XV и в XVI столетии, когда книжный репертуар богослужебных и дидактических книг стал репродуцироваться при помощи печати. Глаголяши, правда, пользовались дальше, наряду с печатными и старыми рукописями, с пезначительными нововведениями, но это не могло продолжаться долго. Рукописи окончательно вытеснил новый момент, а именно тридентская ревизия церковных книг, которой должны были подчиниться и глаголяши. Глаголические литургические книги в ревизированном виде были опечатаны в 1631 и 1648 году, а, кроме того, они удалились от старых глаголических текстов и в отношении языковой редакции — русской. Так возник окончательный разрыв между старыми рукописями и новыми изданиями». См. V. Štefanić, Glagoljski rukopisi otoka Krka, Zagreb, 1960, стр. 25.

дом самым тяжелым и трудным для книжной образованности и письменности, порой лихолетья и глубокого застоя, которого даже нельзя назвать кризисом, так как он был вызван чисто внешней причиной — усилением турецкого гнета. Битва под Веной 1683 г. была кульминацией турецкой экспансии в Европу; затем начался постепенный спад и движение вспять, которое ложилось тяжелым бременем на бесправную «раю» — христианских подданных султана. Литература в славянских землях, подвластных туркам, в этот период почти не развивалась, и многие литературные процессы, свойственные в эту эпоху восточным славянам, она переживала, правда в ускоренном темпе, уже в XVIII в. и даже отчасти в начале XIX в.⁷³

Сербское книгопечатание, предвосхитившее русское⁷⁴, испытало в первой половине XVI в., частично на своей, частично на чужих территориях (Венеция, Тырговиште) процесс быстрого роста⁷⁵ почти прервавшийся, однако, к концу 60-х г. XVI столетия, с тем, чтобы возродиться с новой силой уже в XVIII столетии. В ту пору печатались книги исключительно канонические — евангелии, псалтыри, минеи, служебники, октоихи. В этой сфере конфессиональной литературы средневековья южнославянская редакция довольно быстро сменяется русской, так как уже с начала XVII в. восточно-славянские издания проникали на славянский Юг, а затем хлынули туда обильным потоком⁷⁶.

---

⁷³ См.: Н. И. Голстой. Роль древнеславянского литературного языка в истории русского, сербского и болгарского литературных языков в XVII—XVIII вв. — Сб. «Вопросы образования восточнославянских национальных языков». М., 1962; Г. Гачев. От синкретизма к художественности. «Вопросы литературы», 1958, № 4.

⁷⁴ Первые кириллические печатные книги появились в 1491 г. в Кракове (Швайцпольт Фиоль), в 1494 г. в Черногории (иеромонах Макарий), в 1517 г. в Праге (Франциск Скорина), в 1564 г. в Москве (Иван Федоров); первая глаголическая книга была напечатана в 1483 г. в Венеции. См.: И. Каратаев. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами, т. 1. — Сб. ОРЯС, т. XXXIV, № 2. СПб. 1883.

⁷⁵ Основные центры сербского книгопечатания: Цетине — 1494, 1495; Руйно — 1537; Грачаница — 1539; Милешево — 1544, 1556, Белград — 1552; Мршкина Црква — 1562; Горажде — 1519, 1521, 1523; Венеция — 1519, 1520, 1536—1540, 1546, 1547, 1554, 1561, 1566, 1597; Скадар — 1561. См.: Д. Медаковић. Графика српских штампаних књига XV—XVII века. Београд, 1958.

⁷⁶ См.: И. Снегаров. Културни и политически врзки между Българи и Русия през XVI—XVIII в. София, 1953, стр. 109—120; П. Кулаковский. Начало русской школы..., стр. 74—75, 158—160; Љ. Стојановић, Стари српски записи и натписи, кн. IV. Карловци, 1923; см. описания Б. Цонева Софийской и Пловдивской библиотеки и др. Очень любопытное обследование было произведено в приходах северной Трансильвании в окрестной области древнего «греко-славянского мира». По свидетельству П. Олтяну, «недавно в двухстах церквях Бихорского района было найдено больше 900 книг, из которых: 277 были изданы в Валахии — и в том числе 115 в Рымнику Вельчи; 12 напечатаны

Влияние древнеславянского языка московского центра особенно сильно сказалось в XVIII в. на возрождающейся сербской и болгарской литературе. Оно было столь глубоким, что оставило некоторый след даже в народных говорах⁷⁷. В XVIII в. произошло восприятие южными славянами особенностей древнеславянского литературного языка позднего московского «извода», а во второй половине XVI в. и в XVII в. все еще во многом продолжались традиции средневекового славянского языка тырновского и ресавского «изводов». Не слишком многочисленные, но все же широко распространенные в Старой Сербии, Македонии, Западной Болгарии, а отчасти Воеводине, Молдавии и Валахии и Трансильвании списки произведений, унаследованных от предшествующих эпох, были преимущественно ресавской редакции⁷⁸; язык их в основном оставался древнеславянским и новые черты народно-разговорного субстрата проникали в него sporadически. Существенно иную языковую картину демонстрировали «дамаскины» — сборники поучительного содержания, возникшие по образцу новогреческого сборника «Сокровище» (Θησαυρός) Дамаскина Студита⁷⁹ (первое издание 1557—1558, Венеция) и распространявшиеся преимущественно в Болгарии и Македонии. Они часто хорошо отражали народно-разговорную речь, своим лексическим фондом и особенно грамматическим строем сильно отличающуюся от древней болгаро-македонской (переход от синтетизма к аналитизму, возникновение членных форм и т. д.). Вместе с тем целый ряд списков отражает гибридный язык, проникнутый иногда в весьма значительной степени церковнославянскими элементами⁸⁰. Тем не менее, от

в Москве; 2 — во Львове; 2 — в Венеции» (П. Олтяну. Некоторые особенности славянского языка Трансильвании. «Romanoslavica», II. Bucureşti, 1958, стр. 79). Чем дальше на юг, тем число московских книг должно быть значительнее. К сожалению, слависты почти не занимаются такой важной отраслью истории культуры, как география книги.

⁷⁷ Так, например, в говоре южномакедонского села Дъмбени (Костурско) зафиксирована лексема *крест*, хотя согласно общей звуковой системе следовало бы ожидать *крѣст* (запись от баба Манушевой — собств. наблюдения).

⁷⁸ «В первое время, в XVI в., как будто болгары и сербы сознают, что имеют общий книжный язык, и когда они вынуждены писать на [языке] русской редакции, они как будто извиняются, что нашли не сербский, или болгарский, а русский источник. На этом сербско-болгарском языке пишется очень много сочинений, которые в первое время ближе к сербскому, чем к болгарскому языку. Так что этот язык мы можем разделить: в первый период сербизмов больше, а во второй — меньше» (Б. Цонев, История на български езикъ, т. II. София, 1934, стр. 289—290).

⁷⁹ См.: П. А. Лавров. Дамаскин Студит и сборники его имени «Дамаскины» в юго-славянской письменности. Одесса, 1899.

⁸⁰ «Язык дамаскинов не представляет единства в отношении того, что мы можем назвать народными элементами, потому что дамаскины пишутся разными лицами, употребляются в различных местностях и

языка ряда дамаскинов, через язык Паисия Хилендарского, Софрония Врачанского и других писателей конца XVIII и начала XIX в. можно провести довольно прямую линию к болгарскому национальному литературному языку.

В собственно Сербии во второй половине XVI и в XVII в. не существовало литературы на языке, достаточно ярко отражающем народно-разговорный субстрат (в отличие, например, от Дубровника, Далмации, Хорватии и Боснии.) Средневековый «сербульский» тип, во многом отличный от средневекового древне-славянского в более чистом его виде, был представлен в небогатой литературе переписчиков, сохранив свою традицию до начала XVIII в., до плеяды «рачан». Из этой литературы в языковом и культурно-историческом отношении особый интерес представляют списки сербских летописей. Сербская канцелярская и дипломатическая письменная традиция (грамоты), широко распространенная в предшествующую эпоху и бытовавшая, как известно, даже при дворе турецкого султана⁸¹, в интересующий нас период была достаточно жизненной только в валахских и молдавских господарьских и воеводских канцеляриях.

Молдавия и Валахия еще с эпохи второго южнославянского влияния, с деятельности Григория Цамблака и др. выполняла роль активной культурной посредницы между южными и восточными славянами. Эта роль во многом за ней осталась и во второй половине XVI в. и в XVII в. Несмотря на параллельное развитие литературы на румынском языке, славянская письменность и литература в этих областях продолжали свое существование. Если исключить обширную дипломатику, изучение которой, вероятно, следует производить автономно от исследования литературного языка вообще, но не исключать летописи, остается значительный круг рукописных памятников (среди них и ряд оригинальных) и печатных книг, отражающих (и это вполне естественно), то восточный, то южный типы древнеславянского литературного языка, однако преимущественно последний. В XVII в. с укреплением киевского центра древнеславянского литературного языка⁸², с приездом в Молдавию киевских учителей и мастеров-печатников, при господарях Василии Лулу и Матее Басарабе, устанавливается восточнославянский тип, и он сохраняется до конца бытования древне-

---

тем самым в них вносятся различные элементы болгарского языка. Дамаскины — народные книги, и их передавали из города в город, переписывали от руки разные священники и учителя, вносившие разные элементы» (Б. Цонев. История..., т. II, стр. 296).

⁸¹ См.: М. Костић. Српски језик као дипломатски језик југо-источне Европе од XV—XVIII вв. Скопје, 1924.

⁸² См.: Р. Р. Папаитеску. L'influence de l'oeuvre de Pierre Moghila, archevêque de Kiev, dans les Principautés roumaines, «Mélanges de l'Ecole roumaine en France», pt. 1. Paris, 1926.

славянского литературного языка в пределах будущей Румынии (до второй половины XVIII в.).

В XVIII в. усиливается приток церковнославянских книг из Москвы и отчасти из Киева в южнославянские земли и на Афон, распространяются нормы, установленные грамматикой М. Смотрицкого, происходит последняя в истории древнеславянского литературного языка централизация и нормализация на основе языка московского центра. Рассмотрение этого периода, чрезвычайно важного для истории восточно-и южнославянских литературных языков донациональной эпохи, уже выходит за хронологические рамки настоящего доклада.

Важно, однако, подчеркнуть одно обстоятельство. Можно, по нашему представлению, говорить о едином древнеславянском литературном языке и его истории именно на том основании, что в разные периоды его развития язык доминирующего центра становился наиболее авторитетным и почти обязательным во всем греко-славянском мире, т. е. во всех локальных ареалах. Так было в эпоху второго южнославянского влияния, так было при обратном воздействии на южных славян в XVII и XVIII вв. Таким образом, в конечном итоге, не было локально замкнутого, независимого и параллельного развития древнеславянского языка в отдельных странах или локальных ареалах, а шел процесс развития, при котором соотношения между отдельными изводами устанавливались по «принципу сообщающихся сосудов», с обнаружением стремления к общему уровню.

L'INTERDÉPENDANCE DES TYPES LOCAUX PENDANT LA DERNIÈRE PÉRIODE DU DÉVELOPPEMENT DU VIEUX-SLAVE LITTÉRAIRE (2me MOITIÉ DE XVIe ET XVIIe SIÈCLE)

R é s u m é

On peut présenter comme un changement successif de des périodes de centralisation (= normalisation) et de décentralisation (= perte des normes strictes et activation des phénomènes locaux) dans un plan structural et normatif, et comme une migration des centres (= influence des substrats populaires) dans un plan extralinguistique, c. à d. dans celui de géographie culturelle.

L'histoire du vieux-slave littéraire se présente donc comme un processus discontinu dont la normalisation, en général, menait à l'archaïsation de la langue, à la différence de l'histoire de toute langue slave non-littéraire (= objet de la grammaire historique et de la dialectologie historique), qui doit être traitée comme un processus évolutif ininterrompu.

Au milieu du XVIe siècle un processus impétueux de développement ou de naissance de nombreuses langues littéraires

slaves avait eu lieu étant lié partiellement avec le processus européen commun de l'époque de la Réformation et de la première période de la Contre-Réformation. Les rapports mutuels des nouvelles langues littéraires slaves pendant la seconde moitié du XVIe s. et pendant le XVIIe s., dans les limites du «monde greco-slave», avec le vieux slave étaient très compliqués et on a l'habitude de considérer cette période comme époque de la «crise» du vieux slave littéraire. La «crise» a mené aux essais d'une nouvelle normalisation du vieux slave sur base de normes produites dans les centres russes occidentaux en Russie—Blanche et en Ukraine (voir p. ex. la grammaire de M. Smotricki). Ces normes furent quelque peu transformées à Moscou pendant le XVIIe s. et acceptées dans une certaine mesure par les Slaves orthodoxes du Sud.

Donc le vieux-slave ne se développait pas restant localement fermé indépendant et parallèlement dans chaque pays et dans chaque «microaire» du monde greco-slave, mais il se développait en forme de corrélation de différentes rédactions ce que pourrait prêter analogie au principe des vases communicants.

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
ДОКЛАДЫ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
V Международный съезд славистов
(София, сентябрь, 1963)

Е. В. Чешко

НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ПАДЕЖНЫХ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ
В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ СКЛОНЕНИЯ
СТАРΟΣЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

До сих пор история падежей в славянских языках изучалась в двух планах: в плане морфологическом — история падежных форм в связи с фонетическими и аналогическими изменениями падежных флексий, или в плане синтаксическом — история функций и значений отдельных падежей, иногда во взаимодействии с параллельными или синонимичными предложными и беспредложными конструкциями, образованными с другими падежами. Мы предприняли попытку объединить эти два плана исследования, поставив в центре внимания проблему нейтрализации падежных противопоставлений.

Задача исследования, итоги которого излагаются в настоящем докладе, состояла в том, чтобы рассмотреть аналогические изменения падежных форм, зафиксированные в языке старославянских памятников, с точки зрения тех последствий, к которым они привели в области перераспределения падежного синкретизма, и далее осмыслить процессы «преобразования и перераспределения падежного синкретизма»¹ с точки зрения функционирования падежей: их распределения относительно друг друга в потоке речи и тех значений, которые они выражают, выступая в различных противопоставлениях друг другу.

В постановке задачи мы исходим из того, что история падежных форм должна быть рассмотрена с точки зрения главной их функции — различительной. Разграничение падежей в потоке речи опирается, однако, не только на показатель формы, но

---

¹ Этот вопрос был выдвинут в качестве важнейшей проблемы исследования истории склонения Р. О. Якобсоном в докладе на IV Международном съезде славистов «Морфологические наблюдения над славянским склонением». «American contributions to the fourth international congress of slavists». 's-Gravenhage, 1958.

также на контекст, благодаря чему совпадение форм отдельных падежей не мешает функционированию падежной системы. Взаимодействие падежных форм и контекста в разграничении падежей и будет стоять в центре нашего внимания. В этом плане нас будут интересовать три типа противопоставления падежей. Два из них относятся к парадигматическому плану: противопоставление падежей по форме и противопоставление падежей по значению. Противопоставление падежей по форме выражается в том, что падежи одной парадигмы имеют разные флексии. Совпадение форм каких-либо падежей одной парадигмы (синкретизм падежей, по Якобсону) мы рассматриваем как нейтрализацию противопоставления падежных форм. Поскольку мы имеем дело с письменным текстом, акцентные различия не принимаются во внимание.

Противопоставление падежей по значению состоит в том, что разные падежи какого-либо слова при одном и том же управляющем слове выражают различное значение: например, В. и Р. в сочетаниях *дай хлеб* и *дай хлеба*. Если замена одного падежа другим не вносит изменений в значение словосочетания, мы говорим о нейтрализации противопоставления падежных значений. Например, В. и Р. при глаголах *слышати*, *видѣти* и т. п., где Р. не выражает значения неполного охвата действием: *тжътънъ гласа слыша... мжжан са и крѣпи са александре о имени моимъ* (Супр. 162, 17); и *слыша гласъ глаголющъ отъ свѣта того* (Супр. 282, 29); или Р. и Д. в именных словосочетаниях: *гдѣ виноградоу* и *гдѣ винограда*, *избытки оукроухъ* и *избытки оукроухомъ*.

Третий тип противопоставлений, о котором говорится в нашей работе, относится к синтагматическому плану. Имеются в виду случаи одновременного употребления в контексте двух или нескольких падежей, связанных отношениями управления с одним и тем же словом. Мы называем это позицией взаимного противопоставления падежей в контексте. Например: *единъ отъ конь коннемъ ревра емоу прободе*, где четыре падежа: И. (*единъ*), Т. (*коннемъ*), В. (*ревра*), Д. (*емоу*), связаны с одним глаголом *прободе*. В позиции взаимного противопоставления в контексте падежи наиболее четко противопоставлены друг другу по значению, так как они выступают обычно в своих главных, или первичных функциях². Вместе с тем возможность употребления при одном управляющем слове двух или нескольких падежей означает, что данное управляющее слово само по себе не определяет, какой из возможных падежей будет употреблен в каждом отдельном случае. По-

² Подробнее об этом см.: Е. В. Чешко. Падежи и предлоги. «Вопросы грамматики современного болгарского литературного языка». М., 1958. К. И. Ходова. Система падежей старославянского языка, М., 1963.

этому, например, в предложении и **класы отъре**, где падежная форма также не сигнализирует о том, Т. или В. употреблен в данном случае, возникает возможность двоякого понимания текста. В позиции взаимного противопоставления падежей в контексте функцию различения падежей в значительной степени несет на себе падежная форма, хотя и здесь возможно однозначное определение падежа благодаря лексическому значению слов, порядку слов, дополнительному контексту (например, в тех случаях, когда при омонимии форм И. и В. субъект действия выражен одушевленным существительным, а объект неодушевленным. Эти случаи будут рассмотрены ниже). При различии форм отпадает необходимость в поддержке контекста, как это видно на примере шуточного предложения: *Голова голове голову головой прошиб*. Синтагматическое противопоставление падежей можно рассматривать как сильную позицию, в которой наиболее полно проявляется как противопоставление падежных значений, так и различительная роль падежной формы.

Случаем, противоположным данному, является контекст, который однозначно определяет возможность употребления одного какого-либо падежа, исключая употребление другого интересующего нас падежа. Например, допускается употребление лишь одного из двух падежей, обладающих синкретичными формами: *прикоснѣ са ризѣ его* (Сав. 134, Мрк. V, 27) и *прикоснѣ са кра^а ризѣ его* (Сав. 52, Л. VIII, 44). В этих предложениях падеж слова *ризе* определяется безошибочно, несмотря на общую форму М. и Д., так как условия контекста предполагают возможность употребления только одного из этих падежей: в первом случае только М., во втором — только Д.

Однозначное определение контекстом возможности употребления того или иного падежа делает избыточным действие различительной функции формы.

1

Реальное соотношение падежных форм в текстах старославянских памятников отличается от классических парадигм, восстанавливающих наиболее старые, представленные в древнейших памятниках падежные формы. Эти расхождения представляют материал для суждения о процессах изменения в области нейтрализации противопоставления падежных форм, наблюдаемых в старославянском языке.

Изменения, происшедшие в этот период, коснулись главным образом соотношения форм И.—В., В.—Р., Р.—Д., Р.—М. и Д.—М. падежей единственного числа имен существительных мужского рода всех склонений³.

³ В меньшей мере эти изменения коснулись соотношения В.—Т. и И.—Т. падежей множественного числа. Новые формы Т. множественного числа встречаются относительно редко и не во всех памятниках.

В этой категории слов столкнулись две тенденции, определяющие развитие славянского склонения: тенденция объединения разных типов склонений по родовому признаку, — с одной стороны, и тенденция дифференциации форм одушевленных и неодушевленных существительных, — с другой. Взаимодействие этих двух тенденций в развитии древнеславянского склонения привело к перераспределению падежного синкретизма, к упорядочению одних и возникновению других типов нейтрализации противопоставления падежных форм в классах одушевленных и неодушевленных существительных.

Первой нашей задачей является рассмотрение изменений в области падежных флексий, которые привели к перераспределению падежного синкретизма в склонении имен существительных мужского рода единственного числа старых *й*-основ, *о*-основ, *і*-основ и основ на согласный⁴.

Для истории форм мы учитываем материал всех древнеболгарских памятников (македонских и восточноболгарских). Исследование употребления падежей выполнено на материале «Саввиной книги» с учетом материала других памятников⁵.

1. Изменения в области форм Р. В старославянском языке намечается тенденция закрепления флексии *-оу* за неодушевленными существительными и флексии *-а* — за одушевленными. Эта тенденция проявляется в том, что в склонении *й*-основ флексия *-оу* неодушевленных существительных оказывается более устойчивой, чем у одушевленных, и даже проявляется тенденцию к распространению на ту же категорию слов других склонений, например, *гласоу* (Син. 73, 23); *дѣгоу* (Супр. 552, 2); *идоу* (Супр. 420, 30).

Одушевленные существительные других склонений эту флексию Р. никогда не заимствуют. Наоборот, в одушевленных существительных склонения *й*-основ флексия *-оу* вытесняется флексией *-а*, заимствованной из склонения *о*-основ. Так, флексия *-оу* сохраняется только в существительном *коль* и вытесняется флексией *-а* в слове *сынѣ*. Форма Р. *сыноу* зафиксирована только в приименных конструкциях: два раза в Саввиной книге (наряду с *сиа*) и один раз в Синайской псалтыри: *спа дѣ къ конецъ о тайныхъ сноу дѣдокъ* (Син. 9, 1). В приглагольном употреблении встречается только новая форма.

В склонении *і*-основ одушевленных существительных старые формы Р. на *-и* также заменяются новыми на *-ѣ* или на *-а*. Так, наряду с *тъсти*, *господи*, *зѣти* (например: *а пришьдѣша зѣти не прикъмъши*; Супр. 335, 20) употребляются формы

⁴ Развитие категории одушевленности в старославянском языке не затронуло множественного числа. Поэтому парадигмы множественного числа в данном докладе рассматриваться не будут.

⁵ Мы привлекли, в частности, данные указанной выше монографии К. И. Ходовой, где подробно исследованы вопросы падежной синонимии.

звѣрѣ (например: и въземъ дѣтишта отъ звѣрѣ; Супр. 44, 29), господѣ и т. п. (В Синайской псалтыри отмечено 62 случая гѣ̄ и только 9 г̄и; в Саввиной книге 4 раза зафиксирована старая форма г̄и и 8 раз новая в твердой разновидности г̄а).

2. Изменения в области форм В. характеризуются тем, что в классе одушевленных существительных старые формы В., совпадающие с И., начинают вытесняться новыми формами, совпадающими с Р. При этом В. заимствует у Р. преимущественно флексию -а, в мягкой разновидности -а, -ѣ. Например: и тако ведоша вѣка къ ногала стоуоумоу кононоу (Супр. 44, 22); възвѣдичите гѣ̄ со множ (Син. 33, 4). Отмечены редкие случаи употребления родительно-винительной флексии -и, например: ѡко прѣданника развоиника тати тоаикоу доброу съподови (Супр. 409, 24); и господи бога благословиша (Супр. 326, 15). Но никогда в функции В. не выступают формы на оу.

В разных типах склонения отмечается разная степень интенсивности проникновения новых форм в В. Наиболее последовательно формы В. на -а употребляются в существительных склонения о-основ. Отражая эти формы в парадигмах склонения, А. Вайан пишет, однако, что «форма родительного-винительного падежа не была постоянной, даже в названиях лиц, кроме собственных имен; в славянских языках она представляет собой позднее явление, развитие которого в эпоху существования старославянского языка еще не закончилось, о чем свидетельствуют многочисленные формы винительного падежа у имен со значением лица, в особенности в древнейших текстах»⁶. В склонении й-основ (сынѣ), i-основ (татѣ, затѣ) старые формы В. удерживаются дольше. Это, возможно, объясняется тем, что форма -а (-ѣ) для этих типов склонений была не собственной, а заимствованной. Однако и здесь в некоторых словах отмечены только новые формы В. Так, в слове господѣ (гѣ̄) новые формы употребляются последовательно во всех памятниках в твердой или мягкой разновидности, т. е. г̄а или гѣ̄. (В Саввиной книге и Супрасльской рукописи отмечен только твердый вариант г̄а, в Зографском евангелии, Синайской псалтыри и Клоцовом сборнике, как и в Р., преобладает мягкая разновидность).

3. Изменения в области форм Д. В области форм Д. единственного числа наблюдается распространение флексии -оу на все типы склонений. При этом в склонении й-основ старая флексия -ови полностью вытесняется у неодушевленных существительных (домоу, полоу, раддоу, чиноу), сохраняясь в некоторых памятниках у имен одушевленных (сынови) и лишь в слу-

⁶ А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 206, 207.

чаях персонификации — у неодушевленных существительных. Например: *яко намъ хоцещи живити са а не мироки* (Сав. 101, Jo. XIV, 22); *спение емоу и всемоу домоки его быти* (Евх. 14 в. 13).

В свою очередь флексия *-ови* (в мягкой разгласности *-еки*) проникает в Д. одушевленных существительных других склонений, например: *загради оуста лькови* (Супр. 158, 9); и *рече іс сътънникови* (Сав. 35, Мф. VIII, 13); и *рече вратареке* (Сав. 110, Jo. XVIII, 16); *чловѣкови, בני, גבי* (господеки) и т. п., а также в склонение имени собственных и заимствованных слов, например: *перевки, носифови, кесаревки*.

4. Изменения в области форм М. В М., как и в Р. форма на *-оу* сохраняется у неодушевленных существительных *й*-основ и проявляет тенденцию распространения на неодушевленные существительные других склонений, в частности склонения *о*-основ (например *дароу, джеоу, грѣмоу*), вытесняя в этих словах флексию *-ѣ*. В одушевленных существительных наблюдается обратный процесс проникновения флексии *-ѣ* в М. склонения *й*-основ. Форма *сноу* встречается в памятниках сравнительно редко, чаще употребляется форма *снѣ*. В Саввиной книге формы *сноу* и *снѣ* отмечены в одном и том же контексте: *да прославитъ са оць о сноу* (Сав. 100, Jo. XIII, 13); и *о снѣ* (Сав. 25, Jo. XIV, 13).

Вследствие рассмотренных процессов результаты перераспределения надежного синкретизма в классах одушевленных и неодушевленных существительных оказываются различными. В классе неодушевленных существительных в результате проникновения флексии *-оу* в Д. *й*-основ и в Р. *о*-основ создаются новые нейтрализации противопоставления надежных форм этих типов склонений. В склонении *й*-основ к существующей нейтрализации Р.—М. падежей добавляется нейтрализация Р.—Д. и М.—Д. падежей. В-склонении *о*-основ появляются все три нейтрализации как новые; правда, они имеют ограниченное распространение. Нейтрализация противопоставления надежных форм Р.—Д.—М. падежей, свойственная ранее только склонению *і*-основ, становится, таким образом, признаком всех склонений неодушевленных существительных мужского рода. В склонении основ на согласный неодушевленных существительных мужского рода также наблюдается тенденция к унификации окончаний Р., М. и Д.: флексия Д. *-и* с разной степенью интенсивности вытесняет флексию *-е* в Р. и М.: например, Р., М. *корене* вытесняется формой *корени*.

В результате вытеснения формы И. типа *камъ, корѣ* формой В. *камень, корень*, свойственной большинству памятников, создается нейтрализация противопоставления форм И.—В., присущая неодушевленным существительным всех остальных склоне-

ний мужского рода. Есть говоры, в которых возобладала форма И. Такое положение отмечается, в частности, в Супрасльской рукописи. Например: и камы великъ възложити на прьси кмоу (Супр. 104, 27). Однако результаты нейтрализации оказываются одинаковыми. Таким образом, в старославянском языке наблюдается тенденция к типологической унификации всех склонений неодушевленных существительных мужского рода по признаку нейтрализации противопоставления падежных форм.

Аналогичный процесс типологической унификации наблюдается и в развитии склонений одушевленных существительных, с тем различием, что тенденции перераспределения падежного синкретизма там действуют в диаметрально противоположном направлении: нейтрализация противопоставления форм И.—В. уступает место нейтрализации противопоставления форм В.—Р.; наблюдается ярко выраженная тенденция сохранить противопоставление Р.—Д. и В.—Д., Это выражается не только в том, что одушевленные существительные заменяют флексии Р. -оу и -и, совпадающие с Д., флексией -а, Д. не свойственной, но также в тенденции вытеснения флексий -оу и -и в самом Д. одушевленных существительных флексией -оми, которая не свойственна ни Р., ни В., ни М. падежам. Тенденция к сохранению разграничения форм В. и Д. проявляется в том, что В. заимствует у Р. только флексию -а. Флексия -и в В. является редкой и неустойчивой, а флексия -оу, широко употребляемая в Д. как неодушевленных, так и одушевленных существительных, в В. никогда не встречается. Нарушается далее свойственная ранее склонениям *й*-основ и *і*-основ нейтрализация противопоставления форм Р.—М. падежей. Это происходит в результате появления флексии -а в Р. обоих склонений, а также флексии -ѣ в М., вытесняющей флексию -оу в склонении типа сынъ.

Различие тенденций перераспределения падежного синкретизма в классах одушевленных и неодушевленных существительных может быть представлено следующей схемой, в которой сходящиеся стрелки обозначают возникновение синкретизма форм, а расходящиеся — разрушение синкретизма между двумя соседними падежами.

Одушевленные существительные И. $\leftrightarrow$ В. $\rightarrow$ $\leftarrow$ Р. $\leftrightarrow$ Д., М.
 Неодушевленные существительные И. $\rightarrow$ $\leftarrow$ В. $\leftrightarrow$ Р. $\rightarrow$ $\leftarrow$ Д., М.

Устойчивым и прогрессирующим типом синкретизма форм во всех категориях существительных оказывается синкретизм Д.—М. падежей. Устойчивым противопоставлением падежных форм в обоих классах склонений является противопоставление Д. и В.

2

Определив тенденции перераспределения синкретизма в классах одушевленных и неодушевленных существительных мужского рода, мы сделаем попытку выяснить необходимость и

возможность этих изменений с точки зрения условий функционирования падежей. Рассматривая соотношение каждой пары падежей в потоке речи, мы определяем, употребляются ли (и насколько часто) данные падежи в позиции взаимного противопоставления в контексте. Если встречаются, то с помощью каких средств избегается двусмысленность понимания текста при условии совпадения форм; возможно ли употребление этих падежей при одних и тех же управляющих словах вне позиции взаимного противопоставления в контексте; в аналогичных или различных функциях эти падежи выступают, происходит или нет в данных условиях нейтрализация падежных значений.

1. Соотношение именительного и винительного падежей. Употребление И. и В. в позиции взаимного противопоставления в контексте относится к числу случаев типичных и наиболее часто встречающихся. Эти падежи всегда противопоставлены друг другу как субъект и объект действия. Если при переходном глаголе употреблены существительные, обозначающие одушевленный и неодушевленный предметы, одушевленный выступает обычно в роли субъекта, а неодушевленный — в роли объекта действия, и, следовательно, двусмысленности не возникает даже при совпадении форм И. и В., например: и дастъ емоу гѣ бѣ прѣстолъ дда оца его (Сав. 151, Лук. I. 32). В редких случаях возможно обратное соотношение, например: еда законъ нашъ осждаеть чѣка (Сав. 28, Ио, VII, 51). Но в подобных случаях форм со старым винительным в тексте Саввиной книги не встретилось.

В тексте памятника встречаются старые формы В. от одушевленных существительных сынъ, младеньць, прѣвѣньць, от собирательного народъ и собирательного олицетворенного миръ. Однако эти старые формы употреблены в контекстах, исключаящих их двойное толкование. Это достигается различными средствами: направление действия на данный объект может определяться формой глагола, например: приведухъ снъ мой къ тебѣ (Сав. 78, Мрк. IX, 17) или обратете младеньць повитъ лежащъ въ ислахъ (Сав. 138, Л. II, 12).

Иногда значение существительного определяет его положение по отношению к действию, например: и не знааше еа дондеже роди снъ свои прѣвѣньць (Сав. 137, Мф. 1, 25).

Мы не говорим уже о тех случаях, когда падеж подлежащего определяется однозначно, и тем самым механически определяется падеж слова, обладающего синкретичными формами И.—В., например: и пришдѣтъ онъ обличитъ миръ (Сав. 105, Ио. XVI, 8).

Постоянные трудности возникали бы при употреблении синкретичных форм И. и В. в тех случаях, когда в роли субъекта и объекта действия выступают существительные, значения которых не способствуют выявлению направления действия, напри-

мер, имена собственные: **иакѡвъ же роди ивсифа мжжа ма-
рина** (Сав. 136, Мф. 1, 16); **вари петра іс** (Сав. 41, Мф. XVII,
25); **обрѣтѣ филипъ натаналѣ** (Сав. 74, Мрк. III, 46) и вообще
существительные личного значения, например: **милосръдѡваѣ же
гъ раба того** (Сав. 43, Мф. XVIII, 27); **благослови съмеонъ ба**
(Сав. 139, Л. II, 28) и т. п. Не случайно в единственном числе
существительные мужского рода личного значения (за исклю-
чением слов **сынъ, младенць, прѣтнць**, рассмотренных выше),
употребляются в Саввиной книге только в новых формах В.:
петра, іса, ив^а, лазора, пилата, брата, цра, раба, га, бга,
дрѡга, оца, аггла, подроуга, мжжа и т. п., мягкие основы
имеют окончания **а** или чаще **ѣ**: **дѣлатѣа, крѣститѣѣ, оучи-
тѣѣ, натаналѣ, салатилѣ**.

Исключительно в новых формах употребляются также суб-
стантивированные причастия и прилагательные, например: **и абне
принесоша емоу ослабена** (Сав. 37, Мф. IX, 2); **придетъ и обра-
цетъ въдаша** (Сав. 59, Л. XII, 38); **приведоша къ нему
гдѡха гжгнѡва и молѣхж і** (Сав. 76, Мрк. VII, 32); **възауби
внжѡнаго своего іако і самъ са** (Сав. 47, Мф. XXII, 39).

Указательные местоимения единственного числа при обозна-
чении лица также употребляются только в новой форме В.:
придѣте да оувнемъ сего (Сав. 46, Мф. XXI, 38). При обозна-
чении предмета употребляется старая форма и **имъшжж са
прѣжде рыбъ възъми іж и отеръзи еи оуста обрацешн статиръ.
тъ възъми и дждъ имъ за ма и за са** (Сав. 41, Мф. XVII, 27).

Выступая в роли определения, прилагательные, причастия
и местоимения употребляются в старой или новой форме в за-
висимости от формы имени существительного, с которым они
согласованы, например: **приведоша емѡ чѡка глауха вѣскноуѡца
са** (Сав. 38, Мф. IX, 32), но **видѣхъ дхъ съхѡдѡщъ...** (Сав.
148, Іо. 1. 32).

Употребление новых форм В. при согласовании с существ-
тельным личного значения могло способствовать утверждению
этих форм и при самостоятельном употреблении в значении
лица тех причастий и прилагательных, которые не имели син-
кретичных форм И. и В. падежей.

Во множественном числе имен существительных мужского
рода, тех же склонений, где синкретизма форм И.—В. в эту
эпоху нет, употребляются только старые формы В. Например:
любите врагъи ваша (Сав. 30, Мф. V, 44); **посъла къ нему
старъца юдеискы** (Сав. 49, Лук. VII, 3). Соответственно с этим
и во множественном числе субстантивированных прилагательных
и причастий формы Р. в значении В. встречаются в Саввиной
книге исключительно редко и только от полных (местоименных)
форм. Например: **остави мръткыа погрети своныхъ мрътвѡхъ
сав.** 34, Мф. VIII, 22), наряду с **погрети мръткыа своа**
(Сав. 57, Лук. IX, 60), и **всѣхъ боащнхъ ицѣан** (Сав. 34, Мф.

VIII, 16). Преобладающими являются здесь старые формы. Это находит свое объяснение в том, что аналогия с приименными сочетаниями не способствует укреплению новых форм.

Употребление родительно-винительных форм в личных местоимениях, где не было синкретизма форм В. и И., связано с процессом развития корреляции кратких — полных форм, характеризующего дальнейшую историю болгарского языка. В Саввиной книге на более чем 160 кратких форм в беспредложном употреблении приходится 22 полных, совпадающих с Р.

Рассмотренный нами процесс развития новых форм В. приводит к возникновению синкретизма форм В.—Р. падежей. Возникает вопрос, почему нейтрализация противопоставления форм В.—Р. в категории одушевленных существительных не мешает функционированию падежной системы.

2. Соотношение винительного и родительного падежей. В приглагольном употреблении В. и Р. падежи почти не встречаются в позиции взаимного противопоставления в контексте⁷. Это падежи, которые при одних и тех же глаголах взаимоисключают или взаимозамещают друг друга.

Р. может заменить В. при всех глаголах и в любых противопоставлениях другим падежам при условии замены положительной конструкции отрицательной. Это мы встречаем даже и в таких специфических конструкциях В., как конструкция с В. внутреннего объекта, где связь объекта с действием является наиболее тесной. Например: *а не до коньча плода творатъ* (Сав. 49, Л. VIII, 14); *не твори ми трудо* (Сав. 67, Л. XI, 7); *онъ же не отъвѣща еи словесе* (Сав. 66, Мф. XV, 23); или в конструкции с двойным В., например: *юже не глжъ вась рабъ. . . кы же рѣхъ другы* (Сав. 103, Ио. XV, 15); в конструкциях с В. внешнего объекта, например: *не съкрывайте себѣ съкровиць на земли. . . съкрывайте же себѣ съкровица на небехъ* (Сав. 73, Мф. VI, 20).

В отдельных случаях в конструкциях с отрицанием зафиксирован В., например: *милостынжъ вашъ не творите прѣдъ члкъ* (Сав. 71, Мф. VI, 1); и *никтоже емоу можаше отъвѣщати слово* (Сав. 47, Мф. XXII, 46). Параллельно употребляется и Р., например: *онъ же не отъвѣща еи словесе* (Сав. 66, Мф. XV, 23) или *аще ли не отъпустите члкомъ съгрѣшени ихъ ни оцъ вашъ отъпуститъ вамъ съгрѣшени вашихъ* (Сав. 72, 73, Мф. VI, 15). Таким образом, в конструкциях с отрицанием возможна нейтрализация противопоставления значений Р. и В.

В положительных конструкциях Р. и В. также могут выступать параллельно друг другу при одних и тех же глаголах.

⁷ Исключение представляют лишь сравнительно редкие конструкции с Р. второго объекта, которые будут рассмотрены ниже.

Соотношение их в этих конструкциях может быть двойким. Значения В. и Р. падежей могут быть противопоставлены, когда Р. выступает в значении неполного охвата действием. Например: и имѣли брашна такожде да творитъ (Сав. 147, Л. III, II). Б оно вѣсть кѣннѣ ісви въ домѣ единого кѣназа фарисѣиска... хлѣба дастъ (Сав. 61, Л. XIV, 2); отъпѣсти народы да шѣдѣше... коупати себѣ брашна (Сав. 39, Мф. XIV 15); оу оца снѣ свои въспроситъ хлѣба (Сав. 67, Л. XI, 11). В противоположность этому; когда речь идет об объекте, полностью охваченном действием, употребляется В. например: и възаша избѣтъкы оукроухомъ (Сав. 39, Мф. XIV, 20); и прѣломъ дастъ оученикомъ хлѣбы (Сав. 39. Мф. XIV, 19). Если же значение глагола или значение существительного не предполагают возможности проявления партитивного значения Р., В. и Р. падежи перестают противопоставляться по значению. В старославянском языке часто встречаются случаи нейтрализации значений этих падежей, употребляемых при одном и том же глаголе. Так, например, К. И. Ходова относит к таким случаям употребление В. и Р. при глаголах восприятия, где, по ее наблюдениям, Р. употребляется чаще, чем В.: видѣти, съмотрѣти, зърѣти, слоушати, слышати, оуслышати, посласлушати, вѣнмати, желати, желѣти, хотѣти, въсхотѣти, ненавиѣти, разоумѣти, чѣтити, прѣовидѣти. Ходова отмечает также, что В. и Р. чередуются без различия в значении при глаголах посѣтити, повѣдити, съврѣшити, сътворити; отмечает случаи, когда при глаголах ѣати, имати, имѣти, въззати, дати, принести употребляются параллельно В. и Р. от существительных, не обозначающих вещества, где, следовательно, Р. не имеет партитивного значения⁸.

Возможность использования одной из форм Р. для выражения В. существительных одушевленных также объясняется именно тем, что эти существительные относятся к категории слов, которые в силу своей семантики не могут образовать Р. с партитивным значением.

Редкие случаи употребления В. и Р. в позиции взаимного противопоставления в контексте возможны при переходных глаголах отължчити, разлжчити, отъврѣшити, съелѣшити, лишити, просити, избавити, очистити, оучистити, съпасти, оутанти. Например: разлжчаа, доухомъ стѣнимъ плѣвы пшеница (Супр. 143, 21, 22). Здесь Р. выступает в функции второго объекта, обозначая предмет устраняемый или избавляемый от чего-то⁹. Однако уже в старославянском языке наблюдается тенденция вытеснения беспредложного Р., выступающего в функции второго объекта, конструкцией с предлогом отъ. По наблюдению К. И. Ходовой, «родительный второго объекта имеет богатую

⁸ К. И. Ходова. Указ. соч., § 34.

⁹ Подробнее см.: К. И. Ходова. Указ. соч., § 45.

синонимиику. «Предложные конструкции Р., конкурирующие с беспредложными, количественно преобладают над последними»¹⁰. Таким образом, всегда имеется возможность заменить Р., совпадающий по форме с В., конструкцией с предлогом **отъ**. Возможно, процесс вытеснения Р. второго объекта предложными конструкциями, наблюдаемый в старославянском языке, связан с развитием синкретизма форм В. и Р.

3. Соотношение винительного и дательного падежей. Если В. и Р. являются взаимозаменяемыми падежами, причем Р. при известных условиях может замещать В. в его главной функции — функции объекта действия, то соотношение В. с Д. носит иной характер: В. и Д., выступая в своих главных функциях, почти всегда могут употребляться в позиции взаимного противопоставления в контексте, причем совместное употребление В. и Д. встречается довольно часто. Это объясняется возможностью противопоставления их в самых различных значениях. Так, В. внутреннего объекта зафиксирован в противопоставлении Д., выступающему в значении адресата сообщения, например: **что естъ оудобѣ рещи ослабѣноу** (Сав. 48, Л. V, 23), или адресата причинения, например: **и кгда оубо приде гь виноградоу что створи ть дѣлательмь** (Сав. 46, Мф. XXI, 40); Д. предназначения, например: **любитъ бо азыккъ нашъ и снѣтъмице ть създа намъ** (Сав. 50, Л. VII, 5).

В противопоставлении с В. внешнего объекта Д. также может выступать в значениях: адресата сообщения, например, **покажѣте ми скълазъ киносокы** (Сав. 46, Мф. XXII, 19), адресата причинения, например: **и откъзи еи оуста** (Сав. 41, Мф. XVII, 27), а также адресата предоставления¹¹: **прѣломъ дастъ оученикомъ хлѣбы** (Сав. 39, Мф. XIV, 19).

Выступая в этих значениях, Д. выполняет функцию воспринимающего объекта. В форме Д. выступает обычно существительное одушевленное. Правда, Д. предназначения может быть образован от существительного неодушевленного, например: **оуготеаи нѣчто вечери** (Сав. 64, Л. XVII, 8), однако такое употребление встречается сравнительно редко.

В В. чаще выступают существительные неодушевленные, но возможны и одушевленные, например: **и абие принесоша емоу ослабена** (Сав. 37, Мф. IX, 2); **приведѣте ми снѣ теои** (Сав. 55, Лук. IX, 41). При условии омонимии В. и Д., особенно от имен одушевленных, естественно может возникнуть опасность смешения падежей, т. е. здесь возникает ситуация, аналогичная соотношению в контексте И. и В. одушевленных существитель-

¹⁰ К. И. Ходова. Указ. соч., стр. 89.

¹¹ Определение значений Д. п. взято из статьи А. Б. Правдина «Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках». «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. XIII, 1956, стр. 26 и след.

ных. Отсюда понятно, почему В. заимствует у Р. только форму на -а и не заимствует форм, омонимичных Д. Возможность употребления форм Р. на -и в значении В., отмечаемых в поздних памятниках (ЗЛТИ, ТАТИ), обусловлена, видимо, тем, что в этих памятниках появились новые формы Д. типа ЗАТЪКИ.

4. Соотношение родительного и дательного падежей. Соотношение Р. и Д. является более сложным, чем соотношение Р. и В. или В. и Д., так как включает в себя оба рассмотренных типа соотношений: и взаимное противопоставление в контексте, и отношения взаимозамещения и полной нейтрализации значений. Как уже говорилось выше, в позиции противопоставления Д. падежу Р. может заменить В. в значении внутреннего и внешнего объекта действия при отрицании. Д. выступает при этом в функции воспринимающего объекта, выражая значения: адресата сообщения, например: онъ же не откъѣща еи словесе (Сав. 66, Мф. XV, 23); адресата предоставления, например: и мнѣ николиже не даль еси козылате (Сав. 69, Л. XV, 29); адресата причинения, например: не твори ли труда оуже во двѣри затворены сѣтъ (Сав. 67, Лук. XI, 7); в противопоставлении Р. может выступать и Д. субъекта, например: ни самому мнѣж мируу вмѣстити пишемыхъ, сихъ кънигъ (Сав. 28, Ио. XXI, 25).

В позиции противопоставления Д. может выступать Р. и не в отрицательных конструкциях, например: откъѣсти народы да шкъдѣше въ окръстнѣа вси коупатъ себѣ брашна (Сав. 39, Мф. XIV, 15); нѣсть добро отати хлѣба члдомъ и покрѣци пѣсомъ (Сав. 66, Мф. XV, 26).

В этих примерах Р. противопоставлен Д. заинтересованного лица или Д. адресата причинения. Таким образом, возможности противопоставления в контексте Д. у Р. не меньшие, а, пожалуй, даже большие, чем у В., если принять во внимание, что, например, каждой конструкции В. с существительным вещественного значения могут соответствовать две конструкции с Р.: с отрицанием и со значением неполного охвата действием. Правда, конструкции эти фактически встречаются значительно реже, чем конструкции с В.

Важно отметить, что Р. в позиции противопоставления Д. выступает в функции, общей с В., — функции объекта действия, т. е. обозначает предмет, тесно связанный с действием, который однако может не полностью, а лишь в ограниченной своей части охватываться действием. Родительному при отрицании соответствует представление о не состоявшемся или не осуществленном в полной мере действии, например: въждадохъ сѧ и не напоисте мене (Сав. 71, Мф. XXV, 42).

Наконец, есть сфера значений, где Р. обозначает предмет, который совсем не участвует в действии, выступая обычно как объект отношения. Это обширная сфера приглагольного (часто это глаголы на сѧ) и приименного употребления, где Р. и Д.

выступают не как взаимно противопоставленные в контексте, а как взаимозамещающие или взаимоисключающие друг друга падежи.

Такое употребление Р. при глаголах, обозначающих различные человеческие чувства, например: **болати сѧ**, **стыдѣти сѧ**, **отъчѣати сѧ**, **гноушати сѧ**, **чаѣти**, **ненавидѣти** и т. п.; проявления этих чувств, например: **плакати сѧ**, **трепетати**, а также действия органов чувств и проявления сознания, например: **видѣти**, **внимати**, **послоушати**, **знати**, **разоумѣти** и т. п. При этих глаголах Р. выступает в функции объекта отношения и восприятия. Параллельно Р., при некоторых из этих глаголов возможны конструкции с другими падежами, при переходных глаголах чаще всего с В., но иногда и с Д., например: при глаголах **хотѣти**, **разоумѣти**, **внимати**, **послоушати**: **не вси разоумѣсте словоу** (Сав. 43, Мф., XIX, 11); **ср.: снхъ же не разоумѣша оученици его прѣжде** (Сав. 86, Ио. XII, 16); **аще ти послушаетъ приобращеши брата своего, аще ли тебе не послушаетъ...** (Сав. 29, Мф. XVIII, 15, 16); Д. может соответствовать здесь не только Р. с отрицанием, но и положительная конструкция, например: **азъ же вѣдѣхъ яко всегда мене послушаеши** (Сав. 83, Ио. XI, 42) или **послушаетъ гласа моего** (Сав. 113, Ио. XVIII, 37); **оупъка на ба да избежитъ и нѣша аще хоретъ емоу** (Сав. 119, Мф. XXVII, 43); **милости хоржа не жръткы** (Сав. 36, Мф. IX, 13).

Здесь мы можем констатировать нейтрализацию значений Р. и Д. Это находим также при глаголах **послѣдовати**, **сподобити сѧ**¹².

При других глаголах Р. и Д. исключают друг друга. Например, при глаголах **радовати сѧ**, **дивити сѧ** возможен только Д., а при глаголах **болати сѧ**, **трепетати**, **чаѣти** и других, а также глаголах с аблятивным значением, например **лишати сѧ**, **отърицати сѧ**, **оубѣжати** и т. п. в старославянском возможен только Р. и не употребляется Д.

В пределах общей функции границы между взаимоисключающими и взаимозамещающими падежами могут меняться в силу изменения глагольного управления. Так, например, глаголы **болати сѧ**, **стыдѣти сѧ**, **отъвергати сѧ**, **оубѣжати**, требующие в древнеболгарском Р., в современном болгарском управляют Д. Вероятно, был период, когда при этих глаголах могли употребляться оба падежа.

Аналогичные процессы наблюдаются в применном употреблении Р. и Д. падежей, где позиции нейтрализации значений чередуются с взаимоисключающими позициями в древнеболгарском, и где в дальнейшей истории болгарского языка Р. вытесняется Д.

¹² См.: К. И. Ходова. Указ. соч., стр. 74.

В языке Саввиной книги Д. в приименных конструкциях встречается примерно в три раза реже, чем Р., причем Д. возможен не во всех приименных конструкциях. Так, например, при существительных, обозначающих действие, объектные конструкции возможны с Р. и Д., а субъектные только с Р., например: *оумноженне безаконна* (Сав. 87, Мф. XXIV, 12); *знамение твоего пришьствени* (Сав. 86, Мф. XXIV, 3); *зачатие крстелю* (Сав. 131, Лук. XXI, загл.); *поклонение крств*, наряду с *поклонение чьствнаго дрѣва* (Сав. 127 Л. XI). Однако только *пришьствени сна* (Сав. 46, Мф. XXIV, 37); *ажкавство нхъ* (Сав. 45, Мф. XXII, 18); *коньчанне вѣка* (Сав. 86, Мф. XXIV, 3); *любвы многыхъ* (Сав. 87, Мф. XXIV, 12).

В притяжательных конструкциях параллельное употребление Р. и Д. встречается только при выражении отношения органической принадлежности, например: *она же рѣста емоу ги да отеръзета са очи наю милосрдовакъ же іс коснж са очию има и авне отеръзоста са очи овѣма* (Сав. 44, Мф. XX, 33, 34). При выражении неорганической принадлежности употребляется только Р.

Параллельное употребление Р. и Д. широко представлено в определениях по отношению, например: *къназь мира сего осжденъ вьствъ* (Сав. 105, Ио. XVI, 11) и *о кънази еѣсомъ изгонитъ вѣсы* (Сав. 38, Мф. IX, 3); *възлежахъ съ ісомъ и оученици емоу* (Сав. 35, Мф. IX, 10); и *къпрашахъ же і оученици его* (Сав. 49, Лук. VIII, 9).

Только Р. употребляется при существительных, обозначающих меру и количество, например: *чашж... воды, антра мурра стадо свинни, тьмѣ талантъ*.

Объяснение этих различий не входит сейчас в нашу задачу, но его можно найти в анализе системы значений каждого из падежей.

Таким образом, Р. занимает в системе падежей промежуточное место между В. и Д. падежами. С В. его объединяет функция объекта действия, с Д. — функция объекта восприятия и отношения. Выступая в функции объекта действия при одних и тех же глаголах, В. и Р. оказываются противопоставленными по значению только в неодушевленных существительных, где может проявиться партитивное значение Р. Поэтому именно в неодушевленных существительных оказывается важным формальное разграничение этих падежей. Разграничение форм Р. и Д. неодушевленных существительных не играет какой-либо роли, потому что при глаголах отношения и восприятия, где они могут выступать параллельно в функции объекта восприятия и отношения, они находятся либо во взаимоисключающих позициях, либо их значения нейтрализуются. То же самое наблюдается и в приименном употреблении. При глаголах действия в позиции взаимного противопоставления в контексте Р. и

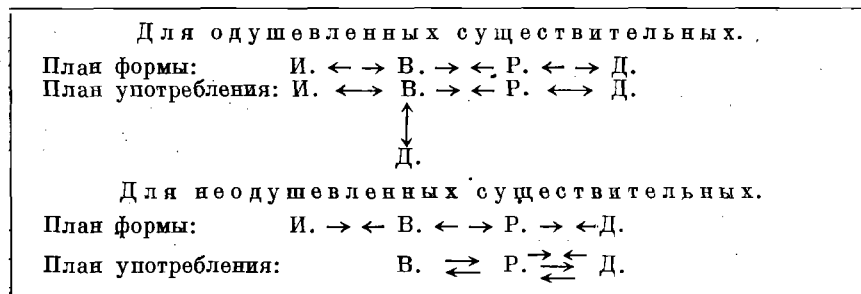
Д. неодушевленных существительных встречаются крайне редко, так как при этих глаголах выступает обычно Д. одушевленных существительных в функции воспринимающего объекта. Поэтому формальное разграничение Д. и Р. играет роль лишь в одушевленных существительных.

Итак, распределение падежей относительно друг друга в потоке речи может характеризоваться тремя типами отношений: 1) отношениями совмещаемости — позициями взаимного противопоставления падежей в контексте, где различительная функция формы играет наиболее важную роль. Исключение представляют лишь случаи, когда различение падежей опирается на какие-либо факторы, однозначно определяющие падеж хотя бы одной из омонимичных форм (это мы наблюдали в позиции противопоставления винительного неодушевленных именительному одушевленных существительных); 2) отношениями взаимозамещаемости, где различительная функция формы может быть существенной, что наблюдается при различии значений взаимозамещающих падежей, или не существенной, что наблюдается при нейтрализации противопоставления значений взаимозамещающих падежей; 3) отношениями взаимоисключения, при которых падежная форма перестает выполнять различительную функцию, так как контекст однозначно определяет возможность употребления того или иного падежа.

Наблюдения над распределением в потоке речи падежей старославянского языка показали, что падежи, обычное распределение которых характеризуется отношениями совмещаемости или взаимозамещаемости, предполагающими устойчивое противопоставление падежных значений, не только не развивают нейтрализации противопоставления форм (например, В. и Д. одушевленных или В. и Р. неодушевленных существительных), но стремятся избавиться от исторически сложившихся типов нейтрализации (например, пары И. и В. или Р. и Д. одушевленных существительных).

Нейтрализация противопоставления падежных форм развивается между такими падежами, которым свойственны отношения взаимозамещаемости, сопровождающейся нейтрализацией противопоставления падежных значений (это наблюдается в соотношении пар В. и Р. одушевленных, Р. и Д. неодушевленных существительных), или употребление в контекстах, однозначно определяющих падежи и без показателя формы. Это относится ко всем случаям употребления падежей во взаимоисключающих позициях. Однозначное определение падежа возможно иногда и в позиции взаимного противопоставления падежей в контексте. Это, в частности, наблюдается в частых случаях противопоставления В. неодушевленного И. одушевленному, где естественное направление действия от одушевленного предмета к неодушевленному делает излишним формальную дифференциацию падежа субъекта и падежа объекта.

Соответствия двух планов падежных соотношений могут быть представлены следующей схемой.

Условные знаки плана употребления:

- $\leftrightarrow$ взаимное противопоставление падежей в контексте (отношения совмещаемости)
- $\rightleftarrows$ отношения взаимозамещаемости
- $\rightleftarrows$ нейтрализация падежных значений в позиции взаимозамещения.

Отношения взаимоисключения и однозначное определение падежа контекстом в позиции взаимного противопоставления падежей на схеме не отражены.

Таким образом, возникновение и разрушение нейтрализации в области противопоставления падежных форм находится в зависимости от действия различительной функции формы, которое в свою очередь определяется характером распределения падежей в потоке речи и соотношением значений, которые выражают эти падежи в разных позициях,

Разграничительная функция формы и нейтрализация противопоставления падежных форм связаны отношениями обратной зависимости, а именно: нейтрализация возникает там, где разграничительная функция формы оказывается не существенной, и разрушается между такими падежами, нормальное функционирование которых опирается на различительную функцию форм.

NEUTRALISATION DES OPPOSITIONS DES CAS DANS L'HISTOIRE DU SYSTÈME DE LA DÉCLINAISON DU VIEUX SLAVE

Résumé

Le rôle de la neutralisation des oppositions des cas dans l'histoire du système casuel est étudié. Nous analysons les paradigmes de déclinaison des noms masculins au singulier, où les changements analogiques des formes casuelles observés dans les monuments vieux slaves amènent à des changements dans le domaine de la neutralisation des oppositions casuelles (c. à d. à une rédis-

tribution du syncrétisme casuel, suivant la terminologie de R. Jakobson).

L'étude a montré que la formation des paradigmes indépendants dans les sous-classes des noms animés et des noms inanimés, qu'on observe en vieux slave, est obtenue par une unification des types de syncrétisme casuel dans tous les paradigmes du masculin. Les tendances d'unification sont diamétralement opposées dans la classe des animés et dans celle des inanimés, ce qui aboutit justement à la formation des paradigmes spéciaux pour les animés et pour les inanimés masculins.

Ceci peut être représenté par le schéma suivant, où les flèches convergentes symbolisent l'apparition et les flèches divergentes la destruction du syncrétisme des formes casuelles voisines:

Classe des animés	$N \leftrightarrow A \rightarrow \leftarrow G \leftrightarrow D. L$
Classe des inanimés	$N \rightarrow \leftarrow A \leftrightarrow G \rightarrow \leftarrow D. L$

Tous les changements analogiques des flexions casuelles observés en vieux slave trouvent leur place dans le cadre de ce schéma.

Le problème de la neutralisation des oppositions casuelles permet de lier l'histoire des formes à la distribution des cas dans la chaîne parlée et au caractère des significations propres aux cas dans de différentes positions. Ces deux facteurs déterminent le rôle de la fonction distinctive d'une forme.

Notre étude montre que la neutralisation se produit entre les cas dont la répartition dans la chaîne parlée est caractérisée: a) par le rapport d'interchangeabilité accompagné d'un syncrétisme des significations casuelles (ceci a lieu dans la paire A.-G. pour les animés et dans la paire G.-D. pour les inanimés); b) par le rapport d'exclusion réciproque et, en général, par l'apparition dans des contextes qui déterminent complètement le cas, même sans indice formel (ceci a lieu, en particulier, dans l'opposition fréquente de l'A. et du N. des animés), où la direction naturelle de l'action (d'un objet animé à un objet inanimé) rend superflue une différenciation du cas de sujet et du cas d'objet.

Les cas dont la distribution dans la chaîne parlée est caractérisé par le rapport d'interchangeabilité, mais avec une opposition stable des significations casuelles, ne neutralisent pas leurs formes (A. et G. des inanimés, A. et D. des animés), mais, au contraire, tendent à se libérer des neutralisations héritées (N. et A. de même que G. et D. des animés).

III

ВОПРОСЫ
СЛАВЯНСКОЙ
ДИАЛЕКТОЛОГИИ

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
ДОКЛАДЫ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
V *Международный съезд славистов*
(София, сентябрь, 1963)

Р. И. Аванесов

**ОПИСАТЕЛЬНАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ
И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА**

0. 0. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

0. 1. Каков предмет диалектологии? Каково ее отношение к лингвистической географии? Существует ли как особая дисциплина историческая диалектология в отличие от диалектологии описательной? В каких отношениях находятся описательная и историческая диалектология к истории языка? По всем этим вопросам современная лингвистика не дает однозначного ответа. Между тем они охватывают существеннейшую проблему структуры языка в ее синхроническом и диахроническом аспектах. Поэтому решение их важно для дальнейшего развития славянской диалектологии и истории славянских языков.

0. 2. Диалектология, зародившаяся в недрах этнографии, уже к эпохе младограмматического языкознания выделилась в отдельную дисциплину. В начале она представляла собой своеобразный придаток к этнографии, в котором местные языковые особенности рассматривались наряду с элементами материальной и духовной культуры как своеобразные признаки определенных этнических групп. В дальнейшем диалектология уже в составе лингвистики представила собой некий каталог языковых черт, на основе которых «классифицировались» диалекты; причем эти особенности обычно выделялись вне связи с системой языка. И только в наше время диалектология — я имею в виду в данном случае описательную диалектологию — превратилась в подлинно лингвистическую дисциплину, в науку о структуре диалектного языка и диалектах.

Предмет этой науки в ее отношении к истории языка, в частности, к исторической диалектологии, а также понятия диалектного языка и диалектов будут раскрыты ниже.

0. 3. В настоящем докладе автор излагает лишь свои мнения по рассматриваемым вопросам. Критического обзора соответ-

ствующей литературы не дается, так как это увеличило бы объем доклада в несколько раз, загромоздило изложение и — в какой-то мере — затемнило бы выдвигаемые положения.

Доклад носит теоретический характер и касается избранного круга более общих вопросов. Рассмотрение более частных вопросов, а также иллюстрации к высказанным положениям можно найти в других, более специальных по своему характеру работах автора.

Автор отдает себе полный отчет в том, что не все выдвигаемые им положения легко можно непосредственно применить в исследовательской практике (например, положение о лингвистической хронографии и лингвистической хроно-географии — ввиду отсутствия массового территориально и хронологически приуроченного материала, относящегося к разным эпохам прошлого). Однако, по его глубокому убеждению, фундаментальные положения науки не становятся от этого менее важными. Их теоретическая разработка помогает глубже освоить конкретную проблематику на основе имеющегося и доступного исследовательского материала, зорче проникнуть в структуру языка в его современном состоянии и историческом развитии.

0.4. Так как предметом настоящего доклада является структура диалектного языка как целого, автору не лишним представляется следующее замечание предварительного характера.

Любой современный национальный язык в отношении своей структуры представляет весьма сложное и многообразное явление. В разных сферах своего употребления он во многом различен, но в то же время он всегда остается самим собой, характеризуется определенным комплексом общих структурных признаков. Его основные разновидности — литературный язык с его многочисленными функционально-стилистическими ответвлениями, письменной и устной формами и диалектный язык в его территориальном варьировании. Между ними — разнообразные формы народно-разговорной речи, одни из которых в большей или меньшей степени приближаются к литературному языку, другие — к диалектному. Вопрос о структуре национального языка как целого во всем многообразии его разнокачественных разновидностей относится к числу самых сложных и неразработанных вопросов современного языкознания.

В дальнейшем изложении мы будем иметь в виду лишь диалектный язык, в принципе бесписьменный и притом в его стилистически нейтральной форме. Однако диалектный язык мы будем рассматривать не только в его территориальном распространении, но также и в его историческом развитии¹.

---

¹ Вопрос о структуре диалектного языка как целого (на фонологическом материале) автором был поставлен в статье «Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка» (Известия ОЛЯ АН СССР, т. V, вып. 3, 1947), в книге «Очерки русской диалектологии» (ч. I, М., 1949) и в ряде последующих работ.

Оговоримся также, что под понятием истории языка здесь будем иметь в виду историю именно диалектного языка. Литературный язык имеет свою специфику и свои особые законы развития, во многом отличающиеся от специфики диалектного языка и законов его развития, в связи с чем он изучается в особой научной дисциплине — истории литературного языка².

1. 0. ДИАЛЕКТНЫЙ ЯЗЫК

1. 1. Как известно, язык как система недоступен для непосредственного наблюдения. Наблюдаются только результаты функционирования языка, т. е. речевая деятельность (речь), текст в широком смысле (то есть в том числе и устный). Иначе говоря, система языка есть величина не данная, а заданная, искомая. Ее надо моделировать, изучая ее функционирование в речи, а затем описывать построенную модель. Таким образом, непосредственный материал лингвиста — речь, текст, для диалектолога — диалектная речь. Именно она и только она дана непосредственно и может быть предметом наблюдения³.

1. 2. Мы исходим из положения, что структурные элементы языка всегда дискретны, четко отграничены друг от друга, в то время как их материальные и семантические субстраты в диалектной речи носят непрерывный характер.

1. 3. Наблюдая диалектную речь в одном населенном пункте (т. е. выключая фактор пространства⁴, иначе — территориальные различия) в пределах только нейтрального стиля (т. е. выключая фактор стилистических различий) и в одно время (т. е. выключая фактор временной), мы, тем не менее, обычно встречаемся со своеобразной «текучестью» субстратов одних и тех же языковых знаков, с разного рода противоречивыми фактами, со скользящими их переходами одного в другое, которые несмотря на их исключительное многообразие можно охарактеризовать как сосуществование в реальной речевой деятельности элементов разных систем (разных диалектных систем, системы лите-

² О разграничении истории диалектного языка и истории литературного языка, а также о некоторых специфических закономерностях развития литературного языка см. в статье автора «О некоторых вопросах истории языка» («Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию». Сборник статей. М., Изд-во АН СССР, 1956).

³ См. об этом в настоящем томе: И. А. Мельчук. Автоматический анализ текстов (на материале русского языка).

⁴ Под пространством здесь имеется в виду двухмерное пространство (т. е. плоскость), так как обычно только оно имеет значение для территориального распределения языковых явлений (проблемы рельефной лингвистической географии, которая актуальна для некоторых горных районов, здесь мы не касаемся). Территориальные объекты (населенные пункты), расположенные на разной высоте, проецируются на лингвистической карте без учета высоты. Поэтому третье измерение в настоящей работе используется для временной координаты (иначе — для учета фактора времени).

ратурного языка и местной диалектной системы, реликтов местной старшей, уходящей системы и элементов местной нарождающейся, младшей системы и т. д.) на фоне основной и господствующей. Моделируя местную микросистему, диалектолог вместе с тем выделяет все выходящее за ее пределы, давая ему соответствующую интерпретацию.

1.4. Сопоставляя микросистемы ряда населенных пунктов, иначе — диалектный язык на более или менее обширной территории (т. е. с включенным фактором пространства, территориальных различий), мы встречаемся с целым морем непрерывных, нестрых и часто на первый взгляд противоречивых явлений диалектной речи, в которых функционирует диалектный язык. Текучесть и изменчивость субстратов одних и тех же языковых знаков здесь оказывается особенно велика. Поэтому вопрос о тождестве и различиях, об идентификации того, что есть «то же», т. е. относится к одному и тому же знаку, к одному и тому же структурному элементу языка, отличающемуся лишь в своем материальном или семантическом субстрате, и, напротив, об ограничении того, что есть «другое», т. е. относится к другому знаку, к другому структурному элементу языка, приобретает особенно важное значение.

Моделируя диалектные микросистемы на базе наблюдений над стилистически нейтральной речью в каждом отдельном населенном пункте, исследователь обычно убеждается в том, что они, отдельные диалектные микросистемы, едины и тождественны, не отличаются друг от друга по одним чертам (неодинаковым для разных микросистем) и, напротив, неодинаковы, отличаются друг от друга по другим чертам (также неодинаковым для разных микросистем). Поэтому отдельные микросистемы представляют собой не внешние по отношению к друг другу объекты, а как бы переплетаются между собой, взаимно проникают: разные группы их «то же» с одной точки зрения, с точки зрения одних языковых признаков, и «другое» — с другой точки зрения, с точки зрения других языковых признаков. Иначе говоря, совокупность микросистем определенной территории образует вместе с тем макросистему, или систему систем, которая характеризуется, с одной стороны, определенными общими чертами (для макросистемы в целом), с другой — чертами, отличающими одни микросистемы (или группы их), входящие в данную макросистему, от других.

Диалектные микросистемы, не имеющие «измерений», т. е. взятые в одном хронологическом срезе, каждая из которых характеризует стилистически нейтральный тип языка и одну территориальную точку, и совокупность таких диалектных микросистем, характеризующих ряд территориальных точек, т. е. определенную, большую или меньшую территорию, образующая диалектную макросистему, или своеобразную систему систем (систему микросистем), есть то, что мы называем диалектным языком.

Следует отметить, что понятие микросистемы как не имеющей измерения точки относительно: оно есть то, что принято исследователем за нечто однородное, гомогенное, т. е. за объект, не имеющий измерений, всегда равный самому себе.

Так же относительно противоположное микросистеме понятие макросистемы. Последняя представляет собой упорядоченное множество, т. е. такой объект, в котором исследователь видит наряду с общностью различия. Однако то, что принято исследователем за макросистему по отношению к его непосредственно составляющим — ряду микросистем, может быть в свою очередь принято за микросистему, т. е. за гомогенный объект по отношению к макросистеме «высшего ранга». Таким образом, какая-нибудь система b может быть одновременно принята как макросистема по отношению к системе a (а также $a_1, a_2, a_3 \dots$), функционирующей в качестве микросистемы, и как микросистема (наряду с другими микросистемами $b_1, b_2, b_3 \dots$) по отношению к системе c — макросистеме «высшего ранга».

Таким образом, в пределах одного хронологического среза следует различать диалектные микросистемы (системы, взятые в одной точке, не имеющие измерений), с одной стороны, и диалектные макросистемы разного объема (с включенным пространством), территориально варьирующиеся в отдельных своих элементах, — с другой.

1.5. Однако те самые структурные элементы языка, которые могут отличать в составе данной макросистемы одновременные (монокронные) разнотерриториальные (политопические) микросистемы, могут отличать и разновременные монотопические микросистемы. Поэтому следует говорить не только о макросистеме территориальной и территориальных вариантах системы языка, но также и о макросистеме временной и временных вариантах системы языка. При этом последние относятся не только к диахроническому языкознанию, но также и к синхроническому языкознанию в его широком понимании.

Языковые различия типа [водá]:[вадá] или [гус']:[γус'] одновременно представляют собой различия, сосуществующие на разных территориях (ср. русские северные и южные говоры), и явления, следующие друг за другом во времени на одной территории (на территории нынешних южных русских говоров, которым в прошлом аканье не было свойственно). Структурные отношения между членами этих диалектных различий вне зависимости от того, даны ли они в территориальной или временной проекции, остаются одними и теми же, ни в какой мере не меняются. Эти отношения иллюстрированы в схеме на стр. 298.

Деления по горизонтали ($a - b$) в этой схеме указывают на территорию; деления по вертикали ($\alpha - \beta$) — на время. В плане структурном соотношения [водá]:[вадá] как по горизонтали $a - b$, где имеются в виду варианты, относящиеся к одному

времени, но к разным территориям, так и по вертикали α — β , где имеются в виду варианты, относящиеся к разному времени, но к одной (более частной) территории, не отличаются друг от друга, равны самим себе.

Правда, обычно считают, что между сосуществующими (и потому одновременными) и следующими друг за другом (и потому разновременными) вариантами системы языка есть одно

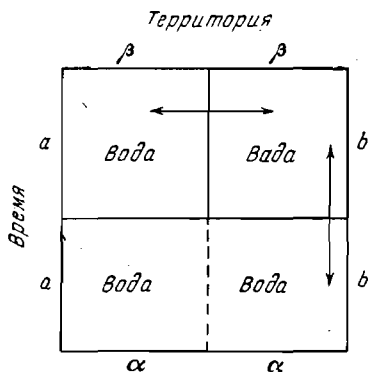

Рис. 1.

заметное отличие — первые являются достоянием одного коллектива, вторые — разных. Однако это отличие условно и относительно, так как всякий отличительный элемент разных микросистем в составе макросистемы является диахроническим по происхождению. В любом обществе сосуществуют и объединяются в совместной деятельности представители нескольких поколений — носители разных микросистем, и потому диахронические по происхождению различия в этих микросистемах оказываются противопоставленными в своем сосуществовании и должны быть осмыслены с синхронической точки зрения. Признак отнесенности системы языка к одному коллективу условен еще по другой причине: то, что в одном отношении может быть принято за «один коллектив», так как характеризуется общими языковыми чертами, в другом отношении может быть принято за «разные коллективы», если характеризуется в разных своих частях разными языковыми чертами⁵.

1.6. Таким образом, следует различать, с одной стороны, микросистемы (с выключенным пространством и временем), характеризующие какую-то точку в пространстве и времени,

⁵ О применимости понятий синхронической лингвистики к диахронии, к истории языка на фонологическом уровне (в частности о вариантах фонемы и законе фонологического тождества) см. в книге С. К. Шаумяна «История системы дифференциальных элементов в польском языке». М., 1958, стр. 81—83.

с другой — макросистемы, различные не только по своему объему, но также по отношению к пространству и времени.

Монохронная языковая система (т. е. система с выключенным временем) может быть монотопической, когда выключено пространство, и политопической, когда пространство включено. Первая образует микросистему, не имеющую измерений, вторая — макросистему, которая в своих местных вариантах характеризует определенную площадь, территорию.

С другой стороны, монотопическая языковая система (т. е. система с выключенным пространством, характеризующая какую-то точку в пространстве) может быть монохронной, когда выключено время, и полихронной, когда время включено. Первая образует микросистему, не имеющую измерений, вторая — макросистему, которая в своих временных вариантах характеризует определенный, больший или меньший, отрезок времени.

Из высказанного в качестве следствия вытекает, что диалектная микросистема, характеризующая точку в пространстве и времени, имеет одинаковое отношение и к пространственному и к временному аспектам макросистемы и является исходным как при синхроническом так и диахроническом изучении диалектного языка.

Итак система может быть: монохронной монотопической (а. а), монохронной политопической (а. б), полихронной монотопической (б. а) и полихронной политопической (б. б).

а. а представляет микросистему, не имеющую измерений, следовательно, не знающую изоглосс. Система а. б — это макросистема с выключенным пространством. Она знает двухмерные изоглоссы, которые мы назовем типо-изоглоссами, известными в описательной диалектологии и лингвистической географии. Система б. а — макросистема с включенным временем. Она знает одномерные изоглоссы особого рода, которые мы называем хроноизоглоссами. Хроно-изоглоссы указывают на общность и различия языковой системы во времени при выключенном пространстве (т. е. применительно к одной территории) и представляют собой одну из основных категорий истории языка. Наконец, система б. б представляет собой «объемную» макросистему, знающую трехмерные изоглоссы (топо-хроно-изоглоссы), относящиеся к сфере исторической диалектологии.

1.7. Каждая в отдельности топо-изоглосса характеризует общность и различия в системе языка на определенной территории (при выключенном времени, практически применительно к одному времени). Каждая из них и все они вместе взятые существенны для характеристики структуры диалектного языка в его пространственной проекции. Пучки топо-изоглосс определенного комплекса избранных явлений, проходящие близко друг от друга, позволяют выделить диалектные территориальные массивы, каждый из которых характеризуется единством своей системы по отношению к комплексу избранных явлений,

и «критические» зоны, на которых распространены разного рода «переходные» и «смешанные» говоры. Они существенны для выделения диалектов (наши соображения о выделении диалектов см. в следующем разделе настоящего доклада — 2.0). Таким образом, те и другие относятся к сфере описательной диалектологии.

1.8. Каждая в отдельности хроно-изоглосса характеризует общность и различия в системе языка на определенном отрезке времени (при выключенном пространстве, практически применительно к одной территории). Каждая из них и все они вместе взятые существенны для характеристики структуры диалектного языка в его временной проекции, т. е. для истории диалектного языка. Пучки хроно-изоглосс определенного комплекса языковых явлений, проходящие в одно время или во времени близко друг от друга, позволяют выделить временные варианты системы языка, каждый из которых характеризуется единством по отношению к данному комплексу языковых явлений, а также смену систем и «критические» переходные эпохи, к которым относятся отдельные хроно-изоглоссы данного пучка. Именно на их основе строится структурная периодизация истории языка (имеем здесь в виду исторические фонологию, грамматику и лексику).

1.9. Каждая в отдельности трехмерная хроно-топо-изоглосса характеризует общность и различия в системе языка по данному языковому признаку на определенной территории и в определенный более или менее длительный отрезок времени. Каждая из них и все они вместе взятые существенны для характеристики структуры диалектного языка в его пространственно-временной проекции. Пучки хроно-топо-изоглосс, проходящие на одной или близкой территории, в одно или близкое время, позволяют вскрыть динамику развития диалектов, их историческую изменчивость во времени и пространстве, перегруппировки и смены. Таким образом, трехмерные хроно-топо-изоглоссы как отдельные, так и их пучки, целиком относятся к сфере исторической диалектологии. История языка (уже сама по себе предполагающая включенное время) с включенным пространством и представляет собой историческую диалектологию.

1.10. Уже отмечалось, что макросистема — понятие относительное, она может быть большей или меньшей по своему объему (например, характеризовать большую или меньшую территорию, больший или меньший отрезок времени), а также относиться к времени и пространству (ср. топо-макросистему и хроно-макросистему).

Структура макросистемы отличается большей сложностью. Представляя собой как бы результат наложения друг на друга большего или меньшего ряда микросистем, она включает в себя, с одной стороны, элементы, свойственные всем микросистемам, с другой стороны — элементы, свойственные только некоторым

из них или даже хотя бы одной из них. Первые можно назвать устойчивыми, центральными, конститутивными элементами макросистемы, вторые — элементами подвижными, периферийными, факультативными⁶ (конечно, факультативными только в структуре макросистемы, но не микросистемы).

Представим себе, что данная макросистема включает в себя элементы *a, b, c, d, e, f, g, h*, причем элементы *a, b, c* представлены только в одной или некоторых микросистемах, а элементы *d, e, f, g, h* — во всех. В этом случае последние явятся элементами устойчивыми, центральными, конститутивными для данной макросистемы, а первые — элементами подвижными, периферийными, факультативными в макросистеме⁷.

Однако на самом деле структура диалектной макросистемы представляет собой картину значительно более сложную, настолько сложную, что здесь нет возможности описать ее даже применительно к одному языку⁸. Дело в том, что отсутствие определенного языкового знака в данной микросистеме (при наличии его в другой) обычно бывает связано с различиями в функции знака ближайшего (по отношению к этому отсутствующему). Для фонологической же системы и грамматического строя указанная связь почти всегда налицо. Так, например, утверждение, что в одних микросистемах русского диалектного языка представлена фонема [ô], а в других она отсутствует, было бы весьма неточным, так как в связи с отсутствием в данной микросистеме фонемы [ô] в ней расширяется функция фонемы [o]. Более точным является утверждение, что фонемам [ô] и [o] данной микросистемы соответствует фонема [o] других микросистем (в которых она функционирует как в соответствии с фонемой [ô], так и в соответствии с фонемой [o] микросистем, различающих [ô] и [o]). Неточным будет также утверждение, что одним русским диалектным микросистемам свойственна форма род. п. ед. ч. существительных на [-á] с флексией [-í], а другим — с флексией [-é] (*у сестры: у сестрѣ*).

При наличии в род. п. ед. ч. флексии [-í] в дат и местн. п.

⁶ Об устойчивых и подвижных элементах в общей системе русского языка см. в уже упоминавшейся статье автора «Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка», 1947.

⁷ Интересные — и в общем близкие к только что изложенному — соображения о структуре языка как целого на основе применения теоретико-множественных операций имеются в неопубликованной статье Р. Г. Пиотровского, с которой автор настоящего доклада имел случай познакомиться. Впрочем, по другим вопросам, затронутым в этой статье (в особенности о разграничении и классификации диалектов), автор держится иных взглядов.

⁸ Структура диалектной макросистемы тесно связана с теорией диалектных различий и их типологией. См. по этому вопросу уже упоминавшуюся статью автора 1947 г. и другие его работы. Более подробно на материале русского языка этот вопрос разработан в книге «Вопросы теории лингвистической географии» под редакцией Р. И. Аванесова (М., 1962).

может быть флексия [-é] или [-í]. В первом случае род. п. — с одной стороны и дат. и местн. — с другой различаются, а во втором случае не различаются (ср. *у сестры, к сестре, о сестре* и *у сестры, к сестры, о сестры*). При флексии же [-é] как в род. п. ед. ч., так и в дат. и местн. п. ед. ч. оказывается совпадение всех трех падежей (*у сестре, к сестре, о сестре*).

Таким образом, в пределах данного уровня строя языка (например, фонологической системы или системы флексий) структура макросистемы представляет собой модель, из которой путем определенных операций можно получить структуру любой микросистемы как одной из непосредственно составляющих данной макросистемы.

Однако особая сложность структуры диалектной макросистемы объясняется также ее многоярусностью, наличием ряда уровней (фонологической системы, грамматического строя, словообразования, лексики и семантики), находящихся в сложных взаимных отношениях. Одни и те же конкретные факты разных микросистем могут представлять собой одновременно тождество и различия — тождество на одном уровне и различия на другом. Ср., например, [водá]: [вадá] — тождество слов, различие в фонологической системе, а именно в безударном вокализме («оканье»: «аканье»), *пелух: кочет* — тождество значения, различие слов; *пахать* 'обрабатывать почву': *пахать* 'мести пол' — тождество «означающего», различие «означаемого» и т. д. Это, в свою очередь, означает, что устойчивые, центральные, конститутивные элементы, с одной стороны, и подвижные, периферийные, факультативные элементы макросистемы — с другой, находятся между собой в отношениях сложного сплетения. Наконец, огромное значение имеет грамматикализация фонологических явлений, лексикализация фонологических и морфологических явлений и фразеологизация явлений синтаксических, процессы, которые могут затронуть разные микросистемы не в одинаковой степени. Например, фонологическому явлению одной микросистемы в другой может соответствовать «закостеневшее» лексикализованное явление, относящееся к области лексики (фонемного оформления слова); свободному синтаксическому сочетанию одной микросистемы в другой может соответствовать более или менее устойчивое фразеологическое сочетание.

Ограничиваясь по необходимости этими немногими замечаниями, отметим, что структура диалектной макросистемы на каждом из ее уровней и во взаимоотношении ее различных уровней настоятельно требует дальнейшего теоретического исследования.

2. О. ДИАЛЕКТЫ

2.1. Диалектный язык (одного хронологического среза) в его пространственной проекции представляет сложное единство в многообразии, сложную структуру. На любой территориаль-

ной точке он обладает своей системой (представляет собой микросистему в выше разъясненном значении). Отдельные микросистемы на разных территориальных точках обладают, с одной стороны, чертами, общими для них, с другой — чертами, их отличающими. Территория распространения диалектного языка (диалектной макросистемы) обычно оказывается пересеченной в разных направлениях изоглоссами отдельных языковых явлений, каждая из которых указывает на общность и отличие отдельных частей этой территории в отношении данного явления. Благодаря этому при помощи разных изоглосс выделяются и противопоставляются друг другу разные части этой территории. Одни изоглоссы выделяют два или несколько крупных территориальных массивов, другие — значительно большее количество более дробных территорий. Изоглоссы разных явлений нередко перекрывают друг друга в самых разных направлениях. Территориальное распространение некоторых явлений характеризуется «чересполосностью» — разные варианты соотносительного языкового явления не занимают компактной территории, а перемежаются друг с другом (это бывает, например, по отношению к реликтовым явлениям и их общеупотребительным соответствиям; разные варианты одного соотносительного явления часто «соседствуют» также на территориях новой колонизации).

2.2. Однако как ни разнообразны изоглоссы разных явлений по своей конфигурации и по тому, какие территории они выделяют и противопоставляют друг другу, все же среди них обычно встречается большее или меньшее количество типичных изоглосс, проходящих близко друг от друга и выделяющих собой одни и те же, в основном, территории — иначе говоря, образующих целую группу или «пучок» изоглосс. Именно благодаря наличию такого рода пучков изоглосс противопоставляются друг другу большие территориальные массивы, характеризующиеся относительной общностью языковой системы (точнее — общностью по соотносительным вариантам языковых явлений данного пучка изоглосс), иначе говоря, выделяются диалекты. При помощи пучков изоглосс выделяются и меньшие подразделения диалектного языка — поддиалекты и говоры.

2.3. Однако нередко языковая территория пересекается не одним, а двумя или несколькими пучками изоглосс, проходящими в разных направлениях и противопоставляющими собой разные территории. Поэтому особое значение имеет в ы б о р тех или иных черт, предпочтение того или другого пучка изоглосс как основы для выделения диалектов.

Например, можно себе представить территорию ABCD, по которой один пучок изоглосс (a, b, c) проходит с востока на запад, а другой (α, β, γ) — севера на юг (см. схему на стр. 304).

По соотносительным вариантам языковых явлений a, b, c выделяется север и юг данной территории, а по соотносительным вариантам явлений α, β, γ — восток и запад. В том и другом

случае одновременно выделяется «переходная» зона. Какие же признаки должны быть приняты для выделения диалектов? Вопрос решается свободным выбором языковых черт, которые по соглашению признаются существенными (конститутивными) при выделении диалектов. «Выбор» языковых черт по «согласшению» одновременно означает важное значение внеязыковых факторов при выделении диалектов (об этом подробнее ниже). Это первый вывод из нашего рассмотрения вопроса о диалектах.

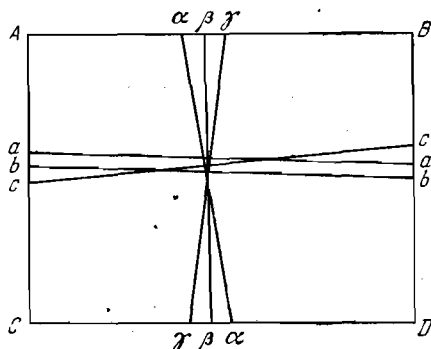

Рис. 2.

2.4. Второй вывод заключается в том, что диалекты выделяются не по одному признаку, а обычно по целому комплексу (большому или меньшему) признаков. Поэтому они не могут быть предметом классификации, если вкладывать в этот термин его общепринятое содержание.

Диалекты выделяются по так называемой «скользящей» классификации, при которой объекты по одной группе признаков входят в один класс, а по другой — в другой. Объекту (т. е. диалектному языку и предполагаемым диалектам) вместо одного признака класса приписывается определенная информация, т. е. ряд признаков, которые считаются по тем или иным причинам (в том числе внеязыковым) релевантными⁹.

Здесь уместно вернуться к тому, что было сказано в начале настоящего доклада: исследователю в непосредственном наблюдении дана лишь диалектная речь. Диалектная микросистема и тем более диалектная макросистема и диалектный язык в более широком объеме лишь модулируются на базе изучения функционирования диалектного языка. К этому теперь надо добавить, что моделируются также диалекты и другие территориальные его подразделения (поддиалекты, говоры).

⁹ См. о «скользящей классификации» в упомянутом выше докладе И. А. Мельчука «Автоматический анализ текстов (на материале русского языка)».

2.5. Итак, для выделения диалектов существенно определенная избранная группа признаков. Однако надо подчеркнуть, что для более широкой области лингвистической географии равно существенны все признаки, занимающие в структуре языка самое различное место и противопоставляющие более или менее ярко самые различные по территории части диалектного языка — более крупные и более дробные. Существенны также и те признаки, которые не выделяют компактной территории, а взаимно проникают, переплетаются. Все они важны для изучения во всей полноте структуры диалектного языка, как в его современном состоянии, так и в его историческом развитии.

2.6. Следует подчеркнуть необходимость разграничения структурно-лингвистического и социально-исторического аспектов в изучении диалектной речи. В первом случае моделируется структура диалектного языка — его микросистем и макросистем в их различиях и единстве, во втором — диалекты (и их более мелкие подразделения) как особый тип макросистем.

2.7. Моделируя диалектный язык, исследователь имеет дело с системой языка в его территориальном варьировании. К какому диалекту (а в иных случаях даже — к какому языку, если речь идет о близко родственных языках) относится та или другая микросистема, для него не имеет особого значения: существенно лишь выделение элементов системы языка, одни из которых объединяют диалектный язык как единое структурное целое, а другие противопоставляют и разграничивают разные его части как разные структурные единства «низшего» ранга (входящие в состав структурного единства «высшего» ранга). Таким образом, моделируя диалектный язык, мы целиком находимся в сфере структурного изучения языка.

2.8. Иначе обстоит дело с диалектным членением языка, или — что то же — с выделением диалектов (а в некоторых случаях также с выделением диалектов разных, но близкородственных языков). Этот вопрос обычно не решается только структурной общностью и различиями, хотя они, конечно, и имеют определенное значение (так, например, можно постулировать, что разные языки вообще имеют между собой больше структурных различий, чем разные диалекты, а последние — больше, чем их более мелкие подразделения — поддиалекты и говоры). Здесь существенное значение приобретают внеязыковые, социально-исторические факторы. Выше уже отмечалось, что диалекты выделяются по так называемой «скользящей» классификации, по определенному комплексу признаков, которые в результате выбора принимаются как существенные. Причины, по которым принимается в качестве существенных та или иная группа признаков, как раз и кроются обычно за пределами структуры языка, в факторах внеязыковых.

2.9. Отметим прежде всего такой внешний фактор, как территория. Обычно не существенны для выделения диалектов те

языковые признаки, которые в территориальном отношении взаимно проникают, один из вариантов которых (собственно диалектный) образует островки на территории другого (общепотребительного). Мало существенны в этом отношении обычно и такие языковые признаки, которые выделяют большое количество дробных территорий. При этом те и другие не существенны или мало существенны при выделении диалектов вне зависимости от того, какое место данные языковые признаки занимают в структуре языка. Напротив, существенны такие языковые признаки, которые выделяют и противопоставляют друг другу большие компактные территории. Они существенны даже тогда, когда речь идет о языковом признаке, маловажном в структуре языка (например, о различиях в материальном субстрате общей для диалектного языка фонемы, не меняющих соотношений элементов фонологической системы).

2.10. Большое значение для выделения диалектов (точнее — для выбора языковых признаков, на основе которых диалекты будут выделяться), а также для разграничения диалектов близко родственных языков имеет этническое и национальное самосознание, самооценка и оценка «соседей», элементы материальной и духовной культуры, историко-культурные традиции, наличие или отсутствие единого литературного языка, обслуживающего культурные потребности на данной территории и т. д. Обычно предпочтение дается тем языковым признакам (вне зависимости от занимаемого ими места в структуре языка), которые, выделяя большие компактные территории, в то же время отвечают возможно большему комплексу внеязыковых факторов.

2.11. Конечно, эти территории (а следовательно и диалекты) для лингвиста отличаются друг от друга определенным комплексом языковых признаков в их соотносительных вариантах. Поэтому естественно говорить об определенных и специфических чертах того или иного диалекта. Однако выбор этих признаков обычно определяется не их местом в структуре диалектного языка.

2.12. Осветим это последнее положение несколько подробнее. Признаки, которые отличают диалектный язык на разных территориях (т. е. разные микросистемы, входящие в состав данной макросистемы), могут относиться ко всем уровням системы языка (к фонологической системе, флексии, словообразованию, лексике, синтаксическому строю). Они могут занимать на каждом из уровней системы языка самое различное место.

Различия могут, например, относиться к составу языковых ценностей, знаков данного уровня (фонем, морфем, флексий и парадигм, слов, конструкций), к их материальным субстратам, их функциям, вносящим в большей или меньшей степени изменения в соотношения элементов системы или не вносящим таких изменений и т. д. Однако данные микросистемы могут

отличаться друг от друга глубокими и существенными чертами в одном уровне системы языка и несущественными чертами в другом (например, существенными различиями в фонологической системе и несущественными различиями в синтаксическом строе и наоборот, а также разными комбинациями более и менее существенных признаков на всех других уровнях системы языка). Если мы будем исходить из фактора структурного и выберем наиболее существенные в структурном отношении признаки, то отдельные из избранных признаков — а может быть, и каждый из них — могут выделить разные территории. Но диалекты есть единицы прежде всего территориальные. И мы сумеем их выделить, если выберем такие признаки, соотносительные варианты которых в своем территориальном распространении одинаковы или близки друг другу. Но вне сомнения, эти признаки по их месту в структуре языка окажутся самыми различными — и существенными и менее существенными и, может быть, самыми несущественными. Однако с точки зрения выделения диалектов все они будут одинаково существенны, коль скоро они выделяют и противопоставляют друг другу одни и те же территориальные массивы.

Нельзя, например, думать, что отличия разных диалектных микросистем в составе фонем для выделения диалектов обязательно более важны, чем отличия в материальном субстрате одной данной фонемы, хотя в структурном отношении впервые действительно более существенны. Могут быть случаи, когда отличительные признаки «высшего» ранга имеют для выделения диалектов меньшее значение, чем отличительности признака «низшего» ранга, если, например, последние, в отличие от первых, выделяют большие компактные территории. Можно, например, отметить, что различие большего или меньшего количества сильных гласных фонем (гласных фонем ударного слога) в русском диалектном языке не имеет существенного значения для выделения основных диалектов («наречий») русского языка: речь идет о различии или неразличии в ударном слоге фонем [ó] и [o], о наличии или отсутствии в том же слоге особой фонемы [ê]. В противоположность этому различие большего или меньшего количества слабых гласных фонем (например, оканье-аканье в первом предударном слоге) оказывается в этом отношении одним из важнейших признаков: первое не дает четко противопоставленных больших территорий, в то время как второе (оканье-аканье) противопоставляет два больших компактных территориальных массива. Отметим также, что такой, казалось бы, сравнительно мало существенный в структурном отношении признак русского диалектного языка, как качество фонемы «г», взрывной или фрикативной ([ɣ] или [ɣ̣]), вносящее лишь частное изменение в фонологическую систему, в одно из звеньев консонантизма (в соотношения этой фонемы с фонемами [к] и [х]), также оказывается весьма

существенным (наряду с оканьем-аканьем) для выделения основных русских диалектов. Эти последние черты не только противопоставляют друг другу большие компактные территории, но также связаны с рядом существенных элементов материальной культуры и историей населения на соответствующих территориях¹⁰.

Из сказанного вытекает, что едва ли могут быть критерии чисто структурного характера, при помощи которых можно было бы в иных случаях отличать диалекты одного языка от диалектов близко родственных языков, поддиалекты от диалектов и т. д. Признаки, отличающие один диалект от другого, могут занимать разное место в структуре языка. Эти признаки объединяются лишь общностью изоглосс, — тем, что последние выделяют и противопоставляют друг другу одни и те же территориальные массивы, на которых распространены соответствующие диалекты. Именно такой внешний фактор как территориальная общность определенного комплекса отличительных признаков структуры диалектного языка в кооперации с другими, внеязыковыми факторами имеет первенствующее значение для установления диалектного членения языка.

2. 13. На основании предыдущего изложения диалект можно определить как часть диалектного языка, как макросистему, обладающую общностью по избранному комплексу соотносительных в масштабе языка в целом языковых черт устойчивых, центральных, конститутивных для всех входящих в ее состав микросистем. Однако обычно наличествует не один, а два или несколько диалектов. Поэтому принципиально целесообразно определить также и диалекты (во множ. числе!): разные диалекты это — макросистемы, характеризующиеся различиями по избранному комплексу соотносительных языковых черт.

3. 0. НАУЧНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

3. 1. Современной лингвистике свойственно стремление изучать язык как систему, отдельные элементы которой взаимно обусловлены и как таковые не существуют изолированно, сами по себе, вне системы. Примечательно, что это относится к изучению не только современного состояния языка или вообще языка в одном хронологическом срезе, но также к истории языка. При этом стремление изучить язык как систему характеризует и те отделы науки о данном языке, которые в связи с характером поставленных задач обращаются к таким внешним, а также внеязыковым факторам, как территориальное размещение языковых явлений, материальная и духовная культура, социальная и культурная история и т. д.

---

¹⁰ См. об этом подробнее в нашей статье «Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка».

3. 2. Из предыдущего изложения (см. разделы 1.0 и 2.0) вытекает: если оставить в стороне непосредственно данную в наблюдении диалектную речь как своего рода протокольную базу для научного исследования, то перед нами предстанут два объекта: диалектный язык и диалекты (а также их более мелкие подразделения) в их современном состоянии и истории, в динамике их территориального размещения.

Попытаемся теперь ответить на вопрос, поставленный в начале этого доклада, — какие же науки эти объекты изучают?

3. 3. В зависимости от того, изучаются ли диалектный язык и диалекты в одном хронологическом срезе (практически — в современном состоянии) или в их историческом развитии, этим объектам соответствуют две научные дисциплины — описательная диалектология и история языка. Каждая из них подразделяется на два отдела, которые по характеру поставленных задач, по их отношению к внеязыковым факторам, по существу представляют самостоятельные дисциплины. Первый отдел как описательной диалектологии, так и истории языка изучает структуру диалектного языка, второй отдел той и другой — диалекты, или диалектное членение языка; при этом в каждом из них эти объекты изучаются в своем специфическом аспекте — с выключенным временем в описательной диалектологии и с включенным временем в истории языка.

3. 4. Итак, современная описательная диалектология по существу представляет собой две научные дисциплины, каждая из которых имеет свой особый объект, или — что практически удобнее — описательная диалектология делится на два в значительной мере самостоятельных отдела.

3. 5. Объект первого отдела описательной диалектологии — монокронная структура диалектного языка в его общих и специфических отличительных элементах, микросистемы (с выключенным пространством)¹¹ и макросистемы разного объема (с включенным пространством). Задача этого отдела описательной диалектологии — установление топо-изоглосс отдельных языковых явлений, моделирование микросистем, относящихся к разным точкам в пространстве, и территориальных макросистем, а также структуры диалектного языка в целом. Этот отдел носит чисто структурный характер, он не знает обращения к внеязыковым факторам. В центре внимания этого отдела изучение «иерархии» диалектных различий, относящихся к разным уровням системы языка, по их месту на данном уровне (в фонологической системе, системе флексий, синтаксическом строе, лексике),

---

¹¹ Отметим здесь для полной ясности, что микросистемы с выключенным пространством и временем, будучи «вне времени и пространства», или, точнее, занимая во времени и пространстве только определенную точку, в равной мере относятся к сфере описательной диалектологии и истории языка.

а также по их взаимодействию между разными уровнями (например, фонологическим явлениям одних микросистем могут соответствовать лексические или грамматические в других, грамматическим явлениям одних микросистем — лексические в других, синтаксическим явлениям одних микросистем — фразеологические в других и т. д.).

3. 6. Объект второго отдела описательной диалектологии — диалекты данного языка как монокронные макросистемы с включенным пространством, характеризующие определенные территориальные массивы, макросистемы, объединенные общностью или противопоставленные друг другу различиями по избранному для них комплексу соотносительных языковых явлений, признанных в качестве конститутивных для их выделения. Задача этого отдела описательной диалектологии — установление пучков изоглосс, принятых для выделения диалектов, моделирование структуры диалектов и «переходных», «критических» зон, по которым проходят изоглоссы соответствующих пучков. Так как здесь налицо выбор изоглосс, на основе которых производится выделение диалектов, и притом выбор, обусловленный в значительной мере внеязыковыми факторами, этот отдел описательной диалектологии не является чисто структурным по своему характеру: обращение к внеязыковым факторам в нем неизбежно. Однако системность и здесь — как и вообще в современной лингвистике — является основополагающим началом: общие и отличительные черты диалектов и подразделений понимаются не как изолированные языковые особенности, а как элементы структуры языка, так как учение о диалектах (второй отдел описательной диалектологии) строится на основе учения о структуре диалектного языка (первого отдела описательной диалектологии).

3. 7. Если мы будем проецировать эти два отдела описательной диалектологии в прошлое, в историю, то окажется, что им будут соответствовать две такие по существу различные дисциплины, как историческая грамматика¹² первой из них и историческая диалектология второй. Для удобства и симметрии (ср. два отдела описательной диалектологии) ту и другую мы примем как два отдела более общей дисциплины — истории языка.

3. 8. Объект исторической грамматики — полихронная структура диалектного языка с выключенным пространством (практически — одной территории). Историческая грамматика (как и описательная диалектология в своем первом отделе) может иметь дело и с микросистемой, например, при описании исходного или конечного состояния системы языка. Однако главным ее объектом

---

¹² Под исторической грамматикой здесь для краткости будем иметь в виду историческую фонологию, грамматику и лексикологию диалектного языка.

является именно структура диалектного языка в ее временном варьировании, в качестве хроно-макросистемы. Если лингвистическая география¹³ представляет собой метод, при помощи которого проецируются на географическую карту отличительные элементы макросистемы с включенным пространством и выключенным временем (территориальной макросистемы), то рядом с нею можно выдвинуть понятие лингвистической хронографии как метод графического обозначения отличительных элементов макросистемы с выключенным пространством (т. е. однотерриториальной) и включенным временем. Топо-изоглоссам лингвистической географии, обозначающим территориальное распределение вариантов соотносительных монокронных элементов системы языка, в лингвистической хронографии соответствуют хроно-изоглоссы, обозначающие распределение во времени вариантов однотерриториальных полихронных элементов системы языка. Точно так же, как топо-изоглосса является категорией описательной диалектологии, хроно-изоглосса является категорией истории языка вообще и исторической грамматики прежде всего. Конечно, практическое применение лингвистической хронографии весьма ограничено недостатком материала: мы редко имеем достаточные разновременные сведения о языке одной территории. Однако в плане принципиальном это несколько не снижает важность данного понятия. Задача исторической грамматики — установление хроно-изоглосс, моделирование микросистем, относящихся к разным точкам во времени, и временных макросистем, а также их смен, моделирование развития диалектного языка в его устойчивых во времени и подвижных, исторически меняющихся элементах. «Иерархия» диалектных различий, относящихся к разным уровням системы языка, а также их взаимодействие между разными уровнями (лексикализация и грамматикализация фонологических явлений, лексикализация грамматических явлений и т. д.) в хроно-макросистеме и топомакросистеме (т. е. в первом отделе описательной диалектологии) в целом не различается (ср., например, что говорилось выше о соотношении [вода] : [вада] как явлению одновременном и разнотерриториальном и явлению разновременном однотерриториальном). Важной задачей исторической грамматики является изучение пучков хроно-изоглосс: последнее позволяет выделить эпохи с относительно устойчивой системой и «критические», переходные эпохи, по которым проходят хроно-изоглоссы. Чрезвычайно важно соотношение устойчивых и переходных эпох для хроно-изоглосс, относящихся к разным уровням системы языка (фонологической системе, флексии, синтаксическому строю

---

¹³ Кстати, если бы термин «лингвистическая география» не был давно и повсеместно принят, то, может быть, более уместным было бы название «лингвистическая топография».

лексики). Именно на основании изучения пучков хроно-изоглосс должна строиться структурная периодизация истории языка.

Возможно построение частной структурной периодизации истории диалектного языка, относящейся к одному из уровней структуры языка (например, к фонологической системе или морфологическому строю), и общей периодизации, охватывающей структуру языка в целом. Первая строится на основе пучков хроно-изоглосс, относящихся к данному уровню структуры языка, вторая — на основе пучков хроно-изоглосс, относящихся к разным (по возможности ко всем) уровням структуры языка.

Из всего сказанного вытекает, что, как и первый отдел описательной диалектологии, историческая грамматика как научная дисциплина носит чисто структурный характер, так как она не знает обращения к внеязыковым факторам (если же она обращается к внеязыковым факторам, то она превращается в историческую диалектологию, о чем см. ниже, 3. 9).

3. 9. Наконец, объект исторической диалектологии — диалекты как макросистемы с включенным пространством (обладающие общностью или различиями по избранному комплексу соотносительных признаков) при одновременной включенности времени иначе — диалекты в их историческом развитии (т. е. в их хроно-вариантах), а также в их сменах, характеризуемых различиями как в структуре, так и в территории. Может быть, точнее можно определить объект исторической диалектологии как диалекты в их территориально-временной динамике и сменах. Задача исторической диалектологии — выбор пучков хроно-топо-изоглосс, существенных для диалектов в их разных хронологических срезах, моделирование диалектов в их хроно-вариантах и сменах во времени на основе этих пучков, в их территориально-временной динамике. Если описательная диалектология имеет дело с лингвистической географией и топо-изоглоссами, а историческая грамматика с лингвистической хронографией и хроно-изоглоссами, то естественно, что категорией исторической диалектологии должна явиться лингвистическая хроно-география с ее двумерными хроно-топо-изоглоссами.

Не может быть сомнения в том, что историческая диалектология, как и второй отдел описательной диалектологии, не является чисто структурной дисциплиной, так как она не может существовать без обращения к внеязыковым фонемам. Выбор языковых признаков для выделения диалектов в разных хронологических срезах, как это указывалось выше, бывает обусловлен в значительной мере внеязыковыми факторами; большое значение имеет характер территориального распределения соотносительных языковых явлений. К внеязыковым факторам относятся прежде всего данные истории, археологии, этнографии, социальной и культурной истории, без которых

редко обходится историческая диалектология. Однако современная историческая диалектология в соответствии с характером современной лингвистики в целом должна органически усвоить идею системности языка. Здесь, как и во втором отделе описательной диалектологии, общие и отличительные черты диалектов (в исторической диалектологии — диалектов в разных хронологических срезах и их сменах) трактуются как элементы структуры языка, занимающие в ней то или иное место, а не как изолированные и разрозненные языковые особенности. Это объясняется тем, что историческая диалектология строится на основе не только учения о диалектах (второго отдела описательной диалектологии), но также прежде всего таких чисто структурных дисциплин, как учение о диалектном языке в одном хронологическом срезе (первый отдел описательной диалектологии) и учение о развитии строя диалектного языка (историческая грамматика).

3. 10. В предыдущем изложении неоднократно говорилось, что даже диалектная микросистема в ее современном хронологическом срезе не дана исследователю непосредственно. В еще большей мере это относится к диалектной макросистеме в ее современном хронологическом срезе или диалектной микросистеме в одном из ее хронологических срезов, относящихся к той или иной эпохе прошлого. В наибольшей степени это относится к диалектной хроно-топо-макросистеме, т. е. к макросистеме в ее разных хронологических срезах и в ее территориальной динамике во времени. Все это исследователь моделирует, исходя из того, что ему непосредственно дано, — из текста в широком смысле слова: из диалектной речи, которая может быть непосредственным объектом наблюдений, и из письменного текста более или менее древних эпох, который, однако, может «заговорить», т. е. дать материал для истории диалектного языка только при условии освещения фактов письменного языка данными живого языка — преемника (прямого или косвенного) последующей эпохи. Это объясняется многими обстоятельствами и прежде всего — принципиально ретроспективным методом истории диалектного языка, как и истории группы родственных языков, в равной мере пользующихся сравнительно-историческим методом. Примат живой диалектной речи для исследователя диалектного языка несомненен не только потому, что, наблюдая диалектную речь, исследователь может непосредственно моделировать диалектную микросистему, а наблюдая факты, извлеченные из письменного памятника, он может ее моделировать только при условии привлечения данных живой диалектной речи позднейшей эпохи. Он несомненен также потому, что сравнительно-историческое изучение данных современного диалектного языка в их территориальном распространении позволяет в той или иной мере воссоздать историю отдельных языковых явлений и динамику их территориального распространения.

существенное значение имеет обращение к внеязыковым факторам — данным истории, археологии, исторической географии, этнографии.

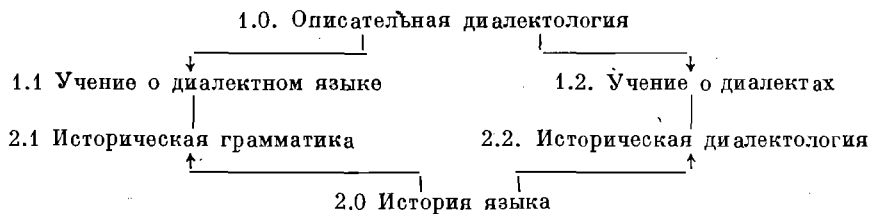
4.0. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основная идея доклада — единство науки о диалектном языке. Описательная диалектология и история языка довольно существенно различаются лишь на первичных этапах исследования, носящих в значительной мере источниковедческой характер и ставящих прежде всего цели привлечения нового фактического материала (например, при моделировании диалектной микросистемы на материале наблюдений над диалектной речью или на материале письменного памятника с привлечением диалектных данных). При большем проникновении в исследование диалектного языка и решении основных и глубинных вопросов описательная диалектология и история языка в значительной мере оказываются едиными.

Моделирование макросистем (территориальных или временных), установление устойчивых и подвижных, изменчивых отрезков (территориальных или временных) одинаково относятся как к описательной диалектологии, так и к истории языка. Аналогично обращение к внеязыковым факторам как во втором отделе описательной диалектологии (в учении о диалектах), так и во втором отделе истории языка (в исторической диалектологии). Здесь речь может идти не о коренных различиях в поставленных научных задачах, а лишь о последовательном усложнении этих задач — от моделирования микросистемы в первом отделе описательной диалектологии до моделирования диалектов в их территориально-временной динамике в исторической диалектологии.

В описательную диалектологию органически вписывается лингвистическая география с ее топо-изоглоссами, в историю языка — лингвистическая хронография с ее хроно-изоглоссами. Исторической диалектологии, увенчивающей собой цикл дисциплин о диалектном языке, свойственна лингвистическая хроногеография с ее трехмерными хроно-типо-изоглоссами.

Содержание доклада можно подытожить или иллюстрировать следующей заключительной схемой:

Эти возможности заметно усиливаются при привлечении данных письменных памятников, если последние имеются.

Сказанное означает, что на базе непосредственно данной исследователю диалектной речи и опосредственно данных письменных текстов прошлых эпох исследователь моделирует не только диалектные микросистемы и макросистемы временные или пространственные, но также топо-изоглоссы и хроно-изоглоссы. Таким образом, хроно-изоглоссы могут быть выведены ретроспективно, путем критического изучения современных топо-изоглосс (при привлечении данных письменных памятников, если они имеются). Известно, что современные границы соотносительных диалектных явлений представляют собой не непосредственный продукт тех более древних эпох, когда они образовались — нередко после нескольких перегруппировок — в результате процесса языковой дифференциации, но также прежде всего продукт пережитых в позднейшую эпоху развития национального языка процессов нивелировки диалектов, частичной их интеграции, воздействия нормализованной формы национального языка. В результате этих позднейших процессов старые границы диалектных явлений очень часто оказываются в той или иной степени «размытыми», «стертыми». Поэтому задача исследователя заключается в том, чтобы, насколько это возможно, последовательно «снять» эти позднейшие наслоения разных эпох. Ее можно выполнить лишь в том случае, если изучается не только конфигурация изоглоссы, но и внутренняя история языкового явления в его диалектных вариантах, причем учитывается то, какой из этих вариантов представляет новообразование и в каком сохраняется старина, учитывается, какой из них вошел в состав норм национального языка и приобрел в связи с этим тенденцию к своему территориальному расширению и какой, напротив, представляет чисто диалектное явление и имеет тенденцию к сужению своей территории.

Большое значение имеет для выполнения этой задачи установление соотносительной хронологии структурно связанных языковых явлений, для чего лингвистическая география представляет широкие возможности.

Особенно благоприятные возможности для ретроспективного выведения хроно-изоглосс имеет дополнение всех перечисленных данных материалами письменных памятников¹⁴.

Само собой разумеется, что при моделировании диалектов в их разных хронологических срезах, как это уже не раз отмечалось,

---

¹⁴ О роли ретроспективного метода в истории диалектного языка и соотношении основных его источников — диалектной речи и данных письменных памятников — см. в статье автора «О некоторых вопросах истории языка». О данных лингвистической географии как источнике истории языка см. в упомянутой книге «Вопросы теории лингвистической географии».

1.0 и 2.0 отличаются друг от друга выключенностью или включенностью фактора времени; 1.1 и 2.1, с одной стороны, и 1.2 и 2.2, с другой, — чисто структурным характером построений в первом случае или обращением также к внеязыковым факторам — во втором.

В заключение можно сказать, что если описательная диалектология в принципе и может обходиться без привлечения данных истории языка, то история языка, не может обходиться без данных диалектологии. Это положение подтверждается всей историей русского и славянского языкознания.

DESCRIPTIVE DIALECTOLOGY AND THE HISTORY OF LANGUAGE

Summary

The paper deals with some of the most general problems of dialectology and history of language (to be more precise — the history of language dialects, because the history of the literary language is left out of consideration). We propose to distinguish between dialectal speech as a given entity (immediate reality), «text» and systems modeled by the investigator, that is microsystems, and also macrosystems, different in volume and quantity. It is also necessary to distinguish between dialectal language as a complex macrosystem including macrosystems of a smaller volume and microsystems and dialects as special macrosystems, characterised by the sameness or difference of the chosen complex of language features, the choice being conditioned by various reasons, including extralinguistic included. The system may be: 1) with space and time excluded (microsystem); 2) with space included and time excluded; 3) with space excluded and time included; 4) with space and time included (pp. 2—4 deal with macrosystems different in volume and quality). An idea is advanced about linguistic chronography (when time is included and space included) which may co-exist with linguistic geography (studying dialectal language with time excluded and space included) and accordingly about chrono-isoglosses (in the time coordinate) alongside of topo-isoglosses (in the space coordinate). An idea is also advanced about linguistic chrono-geography with its chrono-topo-isoglosses, as the top-section of the history of language, — i. e. historic dialectology. It is established which sections of dialectology and history of language are purely structural disciplines and which of them cannot be studied without taking account of extralinguistic factors. Consideration is given to the periodisation of language history. We claim a unity of descriptive dialectology and history of language which have the same objects — dialectal language and dialects in their time and space projections. In descriptive dialectology these two objects corre-

spond to the theory of dialectal language (a purely structural discipline) and a theory of dialects (where it is necessary to go beyond the study of linguistic structure and turn to extra-linguistic factors). In language history these two objects correspond to historic grammar and lexicology (a purely structural discipline) and historic dialectology (where it is necessary to go beyond the study of linguistic structure and turn to extra-linguistic factors).

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
ДОКЛАДЫ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
V *Международный съезд славистов*
(Собия, сентябрь, 1963)

Ф. П. Филин

**О СОСТАВЛЕНИИ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**

НЕСКОЛЬКО ОБЩИХ ЗАМЕЧАНИЙ

Полная, по возможности исчерпывающая, регистрация словарного состава и фразеологии всех славянских языков и диалектов на протяжении всей их письменной истории (от первых памятников письменности до современных литературных письменных языков) и во всех их современных устных разновидностях — цель, к которой должна стремиться славянская лексикография. Лексикографы пока еще далеки от этой цели, хотя сделано уже многое. Между тем совершенно очевидно, что славянская лексикология будет иметь должную фактическую базу лишь тогда, когда будет зарегистрирована относительно исчерпывающе вся славянская лексика во всей ее совокупности. Изучение истории отдельного слова, начиная с момента его образования, лексико-семантических групп слов и тематических кругов лексики, сложения и развития лексики литературных языков и диалектов, лексических взаимосвязей славянских языков и диалектов, выяснение системных отношений в лексике и много других проблем современной и исторической лексикологии нуждается в таких словарных документах, которые заключали бы в себе непрерывность хронологических и территориальных «координат» отдельного слова и всей лексики в целом (какую позволяют установить сохранившиеся письменные памятники и современные литературные языки и диалекты).

В настоящее время славянские языки в лексикологическом отношении описаны очень неравномерно. Наиболее полно в словарях отражена лексика современных литературных языков (XIX—XX вв.). В последние годы почти во всех славянских странах ведется составление многотомных толковых словарей, в которых литературная лексика представлена достаточно широко. Впрочем, мы пока еще не имеем толковых словарей

таких важных языков, как украинский и белорусский. Двухязычные русско-украинский, украинско-русский, русско-белорусский и белорусско-русский словари, являясь ценными пособиями не только в практическом, но и в научном значении (особенно следует отметить многотомный «Українсько-російський словник» под ред. И. М. Кириченко), конечно, не могут заменить собой академических толковых словарей украинского и белорусского языков. Я не говорю уже о словарях Гринченко и особенно Носовича, которые очень неполны и имеют много других недостатков. Наряду с подготовкой словарей общеупотребительной литературной лексики ведется большая работа по регистрации огромной массы специальной лексики (сельскохозяйственной, ремесленной, промышленной, научной т. п.), хотя и здесь достигнутые результаты очень неравномерны. Этот важный источник лексикологии еще мало вводится в обиход научных исследований.

Если регистрация основных фондов лексических богатств современных славянских литературных языков далеко продвинулась вперед, хотя и не закончена (насколько она может быть закончена вообще), то описание лексики древних и старых письменных памятников в сущности только начато. Наиболее успешно осуществляется лексикографическое описание старославянского языка. Уже «*Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*» Миклошича явился фундаментальным пособием для изучения лексики старославянских памятников. Однако после выхода в свет этого труда были введены в научный обиход новые тексты, которые Миклошич не мог учесть. В настоящее время коллектив чехословацких ученых под руководством И. Курца начал публикацию нового капитального словаря старославянского языка, который будет главной материальной базой для лексикологических исследований старославянской письменности и важным пособием для славянской исторической лексикологии. Гораздо хуже обстоит дело с историческими словарями других славянских языков. Словари Срезневского, Гебауэра, Даничича и другие содержат очень неполные сведения о словарном составе древней и старой письменности. Словарь Срезневского охватывает в основном только лексику древнерусской письменности XI—XIV вв., да и то далеко не полно. Словарь Срезневского предполагается заменить новым словарем древнерусского языка XI—XIV вв., который подготавливается под руководством Р. И. Аванесова. Будем надеяться, что публикация этого важного словаря начнется в недалеком будущем. Начаты подготовительные работы по составлению старорусского словаря XV—XVII вв. (руководитель С. Г. Бархударов) и русского словаря XVIII в. (руководитель Ю. С. Сорокин), а пока что XV—XVIII века в истории русского литературного языка вовсе не представлены какими-либо обобщающими лексикографическими пособиями. Мы не имеем исторических словарей и других славянских языков. Серьезная работа по созданию исторических словарей поль-

ского языка развернута польскими учеными (словаря древнепольского языка и словарей XVI и XVII — первой половины XVIII в.). Было бы очень важно начать работу над словарями церковнославянского языка всех его редакций.

Таким образом, слависты пока не располагают такими лексикографическими пособиями, которые позволили бы им проследить историю подавляющего большинства слов в ее хронологической непрерывности, начиная от первого письменного употребления до настоящего времени. Это обстоятельство чрезвычайно затрудняет не только создание обобщающих трудов по истории лексики того или иного славянского языка, но и является не малым препятствием для осуществления всякого рода частных лексикологических исследований. Как известно, кроме хронологического аспекта, важнейшего и обязательного элемента любого исторического исследования, существуют и другие (стилистический, социальный и пр.), и среди них аспект территориальный, пространственный, без учета которого невозможно воссоздать историю взаимоотношений славянских языков и диалектов, историю большого количества слов. Сведения о территориальном распространении слов имеются в старой и новой славянской письменности, однако они очень неполны и часто не совпадают с фактическим употреблением слов в народной речи или вообще не поддаются расшифровке. Для установления лексических ареалов необходимо изучение устной речи во всех ее разновидностях и в особенности территориальных диалектов. В диалектах, как хорошо известно, сохраняется множество слов различных исторических эпох, по разным причинам не нашедших свое отражение в старой письменности, а также отсутствующих в современных литературных языках. Без должного учета лексики местных диалектов историческая лексикология как полноценная научная дисциплина вообще не может существовать. Нужно также иметь в виду, что соотношение общенародной и диалектной лексики всегда было изменчиво. Многие общенародные слова перешли в разряд диалектизмов, а многие диалектные в прошлом слова получили права литературного гражданства. Соотношение общенародных и диалектных слов в различных славянских языках часто неодинаково, что проливает свет на своеобразие путей формирования и развития славянских литературных языков и диалектов. Русск. *во́лна* 'овечья шерсть' является диалектным словом, тогда как укр. *во́вна*, белорусск. *воўна*, польск. *wetna* — общеупотребительные слова литературных языков (см. об этом в статье В. Дорошевского «Gwara w utworach literackich». «Poradnik językowy», 1961, zesz. 8(193), стр. 341—342). Одно перечисление историко-лексикологической проблематики, которая не может решаться без учета богатств диалектной лексики, заняло бы много места. Достаточно хотя бы напомнить, что диалектная лексика — первоисточник для этимологических исследований, для

реконструкции праславянского состояния и взаимоотношений праславянского языка с другими индоевропейскими, а также и неиндоевропейскими языками и диалектами, для ранней и поздней истории славянских народностей и наций. То, что не нашло своего отражения в письменности, восполняется диалектной речью (хотя, конечно, многое утрачено безвозвратно). Естественно поэтому рассматривать диалектный источник, как важнейшую составную часть комплекса сведений о языке, его современном и прошлом состоянии. Из этого должно вытекать, что целью славянских лексикографов является создание таких капитальных пособий, которые более или менее исчерпывали бы словарный состав славянских языков, как он представлен в старой и новой письменности и во всех разновидностях современной устной речи. В этот комплекс должны входить: словари старой славянской письменности (применительно к русскому языку это словарь XI—XIV вв., словарь XV—XVII вв., словарь XVIII в., словарь церковнославянского языка русской редакции), словари современного литературного языка (для русского языка — словарь XIX—XX вв.), терминологические словари, сводные диалектологические словари, ономастические словари. Отсутствие одного из названных типов словарей будет означать недостачу важнейшего звена, без которого нельзя будет построить цельное здание славянской лексикологии. Каждый из этих словарей важен в научном отношении, но ценность каждого из них значительно возрастет, когда лексикографический комплекс будет завершен. Хотя практическое осуществление всех перечисленных словарей в общеславянском масштабе — дело не близкого будущего, все же, как нам представляется, всегда важно не терять из виду общую цель — полное описание всей славянской лексики.

СВОДНЫЕ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ

Важность лексикографического описания диалектной лексики для всех должна быть очевидной. Языковеды (и не только они) вынуждены постоянно обращаться к диалектному источнику, однако всякий исследователь знает, с какими трудностями ему приходится сталкиваться в этой области. Диалектная лексика очень богата, территория ее распространения очень обширна. По моим приблизительным подсчетам, только на территории русского языка употребляется не менее двухсот-трехсот тысяч диалектных слов, не входящих в лексику современного русского литературного языка. Любая неполнота сведений в области диалектной лексики может привести исследователя к ошибочным выводам или не позволит ему сделать необходимые обобщения. Но откуда можно извлечь нужные сведения? Конечно, исследователь обращается прежде всего к диалектологическим словарям. Однако положение дел с этими словарями

таково, что практически они оказываются в подавляющем своем большинстве недоступными. Только русских диалектологических словарей и словариков XIX и XX вв. нами учтено свыше двух тысяч. Эти словарные материалы помещены в самых различных изданиях, абсолютное большинство которых является библиографической редкостью. Большая половина словарей и словарных сведений вообще не опубликована и хранится в различных архивах страны, центральных и местных. Количество публикаций и особенно рукописей и частных картотек непрерывно возрастает, поскольку наблюдения над говорами расширяются. В настоящее время почти все кафедры русского языка университетов и педагогических институтов начали подготовку региональных диалектологических словарей. Эти словари, как правило, составляются на основе дифференциального принципа отбора слов, о котором подробно см. ниже, поэтому их задача и методика построения словарных статей в основном те же, что и сводного «Словаря русских народных говоров». Говоря о принципах «Словаря русских народных говоров», мы тем самым говорим и о важнейших установках региональных словарей.

Очень много диалектного словарного материала содержится в фонетико-грамматических описаниях говоров, в лингвистических записях живой диалектной речи, в фольклорных и этнографических публикациях и рукописях и других источниках. Чтобы только учесть и охватить этот колоссальный материал даже для решения какого-либо частного вопроса, исследователю не хватило бы всей его жизни. Поэтому обычно в лучшем случае используются несколько десятков наиболее известных диалектологических словарей, вся же остальная масса материала оказывается вне досягаемости. И это только диалектологические материалы по одному русскому языку! Для того чтобы сделать все эти чрезвычайно необходимые для славянской лексикологии сведения доступными, необходимо их свести в одном обобщающем лексикографическом труде.

Идея сводного диалектологического словаря впервые была осуществлена коллективом русских ученых под руководством А. Х. Востокова. В 1852 г. был опубликован «Опыт областного великорусского словаря», а в 1858 г. — «Дополнение» к нему (см. об этом статью Л. И. Валаховой «История составления „Опыта областного великорусского словаря“ и „Дополнения“ к нему». «История русской диалектологии», М., 1961, стр. 98—124). Однако после выхода в свет этого замечательного труда прошло более ста лет. За эти сто лет русские диалектологи и любители русского народного слова накопили материалы, во много раз превосходящие те, которые имеются в «Опыте». Материалы эти нашли только частичное свое отражение в известном словаре Даля и в выпусках академического словаря под редакцией Шахматова (приходится сожалеть, что этот словарь и наполовину не был закончен продолжателями дела Шахматова). Основная

масса словарных диалектологических сведений остается необобщенной, причем количество таких разрозненных сведений, как уже было сказано выше, непрерывно растет.

В 1958 г. автор настоящих строк выдвинул предложение создать сводный диалектологический словарь русского языка, в который должны войти материалы всех доступных нам источников XIX—XX вв., относящиеся ко всей территории русских говоров. Предложение это было принято. В том же году началась работа по сбору библиографических сведений (составление списка источников), выработке теоретических принципов словаря, составлению инструкций и пробных словарных статей. Итоги этой работы были опубликованы в моей книге «Проект „Словаря русских народных говоров“» (М—Л., 1961; см. также статью «Wyraz gwarowy i jego granice». «Poradnik językowy», 1960, zesz. 6(181), стр. 247—264). В настоящее время начата подготовка выпусков словаря (выпуск первый, содержащий словарные статьи на букву А, уже подготовлен к печати).

В 1900—1911 гг. вышел в свет шеститомный сводный «Słownik gwar polskich» Яна Карловича. В этот словарь вошла лексика польских говоров по записям до 1896 г. Труд Карловича — значительное явление славянской лексикографии, но в нем имеются существенные недостатки, которые в свое время были указаны К. Нитшем (см. его рецензию в журнале «Rocznik ślawistyczny», 1911, т. IV, стр. 199—243). Карлович не определил принципов отбора лексики и вносил в свой словарь много слов, к диалектизмам не имеющих никакого отношения. В его словаре можно найти слова польского письменного языка XVII в., ставшие теперь архаизмами и в говорах не употребляющиеся, общепольские слова, арготизмы, собственные имена разного происхождения и употребления, восточнославянские слова, не свойственные польскому языку и т. п. Многие диалектные слова не имеют географической документации. Если у Карловича имеются богатые сведения о диалектной лексике восточной части польских говоров, то западные говоры представлены слабо. Наконец, после 1896 г. польские диалектологи собрали новые обширные материалы. Опубликованы региональные словари Блятта, Матусяка, Быстрини, Клиха, Конэчной, Павловского, Зарембы и других авторов. Особенно широко развернулось изучение диалектной лексики в Народной Польше. Все это привело к необходимости подготовки нового сводного диалектологического словаря польского языка, важнейшие принципы которого изложены в статье руководителя словаря М. Карася «Wytyczne doboru wyrazów języka ogólnonarodowego do słownika gwar polskich», «Język polski», 1960, XL, 3 и 4, отдельный оттиск, Kraków, 1960, 28 стр. Новый сводный диалектологический словарь польского языка несомненно будет одним из важнейших источников славянской лексикологии.

Крайне необходимо развернуть работу по созданию сводных диалектологических словарей других славянских языков. Эта задача будет выполнена славистами лишь тогда, когда будет зафиксирована в доступных для общего пользования трудах вся диалектная славянская лексика. Конечно, работа эта должна планироваться с учетом местных условий. Например, пока не было возможностей приступить к подготовке сводных диалектологических словарей украинского и белорусского языков (о составлении украинских диалектологических словарей см. статью Б. А. Ларина «Приципи укладання обласних словників в українській мові». «Діалектологічний бюлетень», Київ, 1956, вып. VI, стр. 3—18). Успех создания сводных словарей названных языков в значительной степени зависит от составления толковых словарей литературных языков, которые позволяют более уверенно разграничивать общенародную и диалектную лексику. Надо полагать, что наряду с составлением региональных диалектологических словарей в недалеком будущем начнется и подготовка сводных диалектологических словарей украинского и белорусского языков. В Белоруссии предполагается в ближайшие годы составить полный словарь белорусских говоров. Начало работы над региональными словарями послевоенного времени положено Ф. М. Янковским, напечатавшим «Дыялектны слоўнік» (I, Мінск, 1959; II, Мінск, 1960), в который вошли слова говоров Глуского района Могилевской области.

Конечно, составление диалектологических словарей, отличающихся по составу своих словарных статей от общих толковых словарей, возможно и целесообразно не во всех областях славянской языковой территории. Изучение и регистрация лексики верхнелужицкого и нижнелужицкого языков целесообразно вести по линии создания общих словарей, как это было начато еще Э. Мука. Особое место на польской территории занимают кашубы и словинцы. Очень важно по возможности исчерпывающе записать их лексику и подготовить полные общие словари этих своеобразных лехитских диалектов (с включением материалов старых словарей Ст. Рамулта, Ф. Лорентца и др.). Македонский литературный язык на современной ступени его развития еще не представляет собой систему, четко противопоставленную диалектной речи. Македонские диалекты расположены на территории различных балканских государств. И по теоретическим, и по практическим соображениям в настоящее время целесообразно подготовить полные (с включением и чисто местных слов) словари отдельных македонских диалектов и диалектных групп. Вопрос о сводном словаре македонского языка и его говоров может быть решен лишь после этой подготовительной работы. Одним словом, формы лексикографического описания словарного состава славянских языков и их диалектов могут быть различными, но цель должна быть одна — полное описание славянской лексики, представленное в таких лексикографических трудах,

в которых это описание было бы обозримо и общедоступно. Нужно также не забывать, что диалектная лексика в основных областях славянской языковой территории в связи с значительным усилением нивелирующей роли литературных языков быстро отмирает и многое в ней в недалеком будущем безвозвратно исчезнет.

Качество сводных диалектологических словарей во многом будет зависеть от качества материалов, записанных нашими предшественниками и современниками. Качество этих записей очень различно. В записях диалектной лексики принимали участие крупнейшие языковеды и малообразованные любители народного слова, уроженцы той или иной местности, практически владеющие местным диалектом, и лица, прошедшие свои наблюдения во время кратких поездок в какую-либо сельскую местность, выходцы из крестьянских низов, хорошо знающие быт сельского населения, и представители городской интеллигенции, имеющие смутное представление о жизни простого народа, и т. д., и т. п. Нужно также учитывать, что записи диалектной речи производились и производятся с разными целями языковедами, принадлежащими к различным школам и направлениям. В одних словарях и иных описаниях, содержащих диалектную лексику, слово дается в точной фонетической записи, с подробной грамматической характеристикой, с хорошим определением значения, с иллюстрациями его употребления и т. д., в других сведения о слове очень скудны и даже неточны.

В связи с тем, что накопленные записи диалектной лексики очень пестры по своему качеству и во многом не отвечают требованиям современной лексикологии и лексикографии, может быть, при составлении сводных диалектологических словарей нужно вовсе отказаться от них или рассматривать их как подсобный справочный материал и ориентироваться только на наблюдения современных высококвалифицированных лингвистов? Согласиться с таким скептическим отношением к накопленным поколениями наблюдателей сведениям невозможно, если мы считаем, что сводные диалектологические словари должны быть созданы. Отказ от диалектологического наследия равносителен отказу от самой идеи сводных диалектологических словарей. В таком отказе нет никакой необходимости. Наоборот, мы должны приложить все усилия, чтобы должным образом обобщить накопленные материалы. Для этого имеются все основания. Во-первых, в записях наших предшественников имеется немало слов и значений слов, которых уже нет в современных говорах и которые невозможно записать даже самыми совершенными современными научными способами. Каждый полевой диалектолог хорошо знает, как глубоки и разносторонни утраты в различных слоях диалектной лексики современных говоров, особенно в названиях, обозначающих отмирающие и отмершие

производственные отношения, орудия труда и трудовые процессы, уходящий в прошлое быт и т. п. (ср. наблюдения автора, напечатанные в статье «Новое в лексике колхозной деревни». «Литературный критик», М., 1936, кн. 3, стр. 135—159). Во-вторых, практически невозможно обеспечить регистрацию основной массы диалектной лексики (десятки и сотни тысяч слов!), употребляющейся на обширных территориях, кадрами наблюдателей, которые владели бы современными совершенными методами исследования. Само понятие «совершенные методы» относительно, поскольку среди диалектологов имеются и будут иметься различные теоретические направления, различное понимание многих принципиальных вопросов. В-третьих, языкознание непрерывно развивается, и то, что нам теперь представляется передовым и совершенным, в недалеком будущем может оказаться устарелым и не будет в полной мере отвечать новым требованиям лексикологии и лексикографии. Записи, которыми мы можем гордиться в наше время, будут вызывать к себе такое же скептическое отношение, какое вызывают к себе наблюдения наших предшественников. При скептическом подходе к диалектологическому наследству невозможно никакое капитальное лексикографическое предприятие. Нужно лексикографически суммировать факты в том виде, как они нам даны, тем более, что всякого рода ошибки и недоразумения, допущенные отдельными наблюдателями, в большинстве своем поддаются исправлению, если в распоряжении лексикографа имеются не единичные, а многочисленные записи, позволяющие делать сопоставления и сравнения, и если лексикограф хорошо владеет предметом своей специальности.

В сводном «Словаре русских народных говоров» принято считать минимальными следующие сведения о слове: правильное орфографическое или фонетическое написание диалектного слова, определение значения слова, указание на место его употребления. Желательным объемом сведений считается: орфографическое (этимологическое) и фонетическое написание слова с обязательной постановкой ударения, минимум грамматической характеристики слова, принятый в современных толковых словарях русского языка, точное определение значения (значений) слов (в случае необходимости сопровождаемое историко-культурными, этнографическими и иными комментариями и рисунками), иллюстрации употребления слова в диалектной речи в виде сочетаний, законченных предложений или более широкого контекста, точное указание места (населенный пункт, район, область или уезд, губерния и т. п.) и времени (год) записи слова (или публикации работы, в которой имеются сведения о слове), сведения о наблюдателе (авторе словаря-источника или иной работы). Все эти сведения находят свое отражение в словарных статьях. Этим «Словарь русских народных говоров» будет серьезно отличаться от «Опыта областного вели-

корусского словаря», словаря Даля и шахматовских выпусков словаря, в которых диалектные слова оказывались обезличенными, не документированными (за исключением документации в виде самых общих географических помет типа «южное», «сибирское», «новгородское» и т. п.). Надлежащая документация диалектного слова крайне необходима для установления исторической и лингво-географической перспективы в лексикологических исследованиях. Правда, указанные сведения мы не всегда можем приводить в нашем «Словаре», так как те или другие из них нередко отсутствуют в наших источниках. С этим приходится мириться. В XVIII в. научное языковедение только что зарождалось. В наше время лингвистические требования к лексикографическим трудам неизмеримо возросли и в дальнейшем будут еще более возрастать, однако такие словари, как «Лексикон тринаязычный» Ф. Поликарпова (1704), первый академический словарь русского языка («Словарь Академии Российской», ч. I—VI, 1789—1794) и многие другие славянские лексикографические труды того времени являются и будут являться важными источниками славянской лексикологии. Если бы лексикографы XVIII в. могли зафиксировать словарный состав славянских языков и диалектов в полном его объеме (конечно, для того времени такая цель не могла быть даже поставлена), мы давно уже имели бы прочный материальный фундамент для наших лексикологических исследований, несмотря на все несовершенство лексикографической теории и практики предпрошедшего столетия. Как бы ни велики были недостатки источников сводных диалектологических словарей и, следовательно, недостатки самих этих словарей, как бы далеко ни шагнула наука о языке в будущем, значение лексикографических трудов, представляющих весь словарный запас славянских диалектов, будет непреходяще. Сказанное относится и ко всем другим типам словарей, в совокупности которых будет отражена основная масса славянской лексики.

ОТБОР СЛОВ — ГЛАВНАЯ ПРОБЛЕМА СОСТАВЛЕНИЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ

Как известно, в основе каждого территориального диалекта лежит общенародная система языка. Это, разумеется, относится и к лексике. Основа обиходной лексики диалекта состоит из слов, распространенных на всей территории языка. В то же время каждый территориальный диалект имеет более или менее значительное количество слов, которые употребляются только на части территории языка. Именно эти слова составляют специфику диалекта, отличают его от общенародной речи и других диалектов. Противопоставление: общенародная лексика — диалектная лексика в истории языка существенно изменяется, в разных языках имеет неодинаковые пропорции. В сов-

ременном русском языке, как мы полагаем, общенародное (не имеющее изоглосс в пределах распространения русского языка) и литературное совпали. В рамках литературного языка различаются стилистически нейтральные и стилистически окрашенные слова, в своей совокупности составляющие сложную, но единую лексико-стилистическую систему (со своим «ядром» и «периферией» — просторечной лексикой). Особое место в этой системе занимает обширная узко-специальная терминология, употребление которой зависит от потребностей обозначить понятия, связанные с тем или иным видом профессиональной деятельности современного общества. Переход узкоспециальных терминов в категорию общеупотребительных слов не затрудняется какими-либо стилистическими запретами и целиком зависит от общественной актуальности обозначаемых этими терминами понятий. Слово *вокзал* первоначально означало место общественных увеселений для знати, затем — «конечная станция в Павловске первой в России железной дороги, в помещении которой устраивались публичные концерты» и только с развитием железнодорожной сети вообще — «здание железнодорожной станции, предназначенное для обслуживания пассажиров», а позже и «здание для пассажиров на пристани» (*морской вокзал, речной вокзал*), в сложных словах — *автовокзал, аэровокзал*. Обиходная лексика современного русского литературного языка пополнилась весьма значительным количеством слов, при своем образовании бывших узкоспециальными.

Наличие единой лексико-стилистической системы современного русского литературного языка отражается в современных русских нормативных словарях с их стилистическими пометами, показом семантической структуры слов, синонимических и антонимических связей, омонимов, употреблений слов в определенных словосочетаниях и грамматических конструкциях и т. п. Все это подтверждается (если, разумеется, слово описывается правильно) практикой речи широких масс населения, овладевших литературным языком. Мы обходим здесь вопрос о всякого рода искажениях и неправильностях, лишь подчеркивающих наличие единой и устойчивой лексико-стилистической системы.

Иное место в языке занимает диалектная лексика (как и фонетико-грамматические особенности диалектной речи). Диалектная лексика стоит за пределами лексико-стилистической системы литературного языка. Диалектное слово имеет территориально-ограниченную зону своего употребления, свою изоглоссу, оно в принципе чуждо говорящим на литературном языке. Диалектное слово или имеет себе соответствие в литературном языке, или обозначает понятие, не входящее в номенклатуру общенародных понятий. Литературному *сажа* соответствует диалектное (тульск.) *сопуха́, сыпуха́*, причем это не синонимы, поскольку *сопуха́, сыпуха́* неизвестны за пределами зоны своего распространения, следовательно, *сажа* и *сопуха, сыпуха* не

связаны между собой в речевой практике. Отношение между *сажа* и *сопуха́*, *сыпуха́* в принципе такое же, как между русским *сажа* и немецким *der Russ*, с той, конечно, существенной разницей, что *сопуха́*, *сыпуха́* образованы от русских корней *соп-*, *сып-* при помощи русского суффикса *-уха́*. Диалектному (тульск.) *ендовйше* 'ложбина, своєю формой напоминающая старинный сосуд ендову' вовсе нет никакого соответствия в современном литературном языке, так как эта особенность местного ландшафта является несущественной в общенародном масштабе. Конечно, некоторые диалектные слова попадают в литературный язык, осваиваются им (например, слово *мудный* в значении 'надоедливый', 'скучный', как полагает В. В. Виноградов, см. его статью «Из истории лексических взаимоотношений между русскими диалектами и литературным языком». «Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка АН СССР», 1947, вып. 1, М.—Л., стр. 43—46, вошло в литературный язык из южновеликорусских говоров в XIX в.; ср. еще *шумиха*, *неразбериха*, *щуплый* и некоторые другие слова, о диалектном происхождении которых В. В. Виноградов пишет в других своих работах). Диалектные слова нередко употребляются в литературных произведениях, но это употребление обычно ограничено определенными стилистическими рамками и не становится достоянием всего общества, говорящего на русском литературном языке. Нужно сказать, что подавляющая масса диалектных слов вовсе не нашла никакого отражения в литературном языке (о чем наглядно свидетельствуют материалы обширной словарной картотеки Института русского языка АН СССР, в которых большая часть собранных в этой картотеке диалектных слов не имеет ни одной иллюстрации из литературных произведений).

Таким образом, противопоставление в общих рамках языка литературной (общенародной) лексики лексике диалектной является объективно существующим и очень важным фактом, с которым лексикологи и лексикографы не могут не считаться. Члены этого противопоставления неравноценны. Если литературная лексика представляет собою на данном этапе ее развития единую систему, то диалектная лексика принадлежит различным частным системам. Выявляется она только в сравнении диалектов друг с другом и с литературным языком. В системе отдельного говора все слова обычно равноценны. Для говорящего на старорусском диалекте слова *пшеница* и *жито* 'ячмень', *пригожий* и *баской* 'хороший', 'красивый', *до* праздника и *о* празднике и т. д. одинаково нормативны, не имеют никаких стилистических различий. «Переоценка ценностей» начинается лишь тогда, когда носитель диалекта стремится овладеть литературным языком и начинает сравнивать нормы своего родного говора с литературными нормами. Каждый архаичный говор представляет собой относительно замкнутую систему, в которой и реали-

зуется живое слово во всем своем многообразном функционировании, в том числе и диалектное слово. Тульское *скорбдить* и владимирское *волочить* — не синонимы, так как не взаимосвязаны в реальной языковой действительности, не употребляются в речи одного и того же коллектива. Эти слова — взаимно заменяющие друг друга лексические факты, слова разных лексических систем. Многозначность слова реально осуществляется также в пределах одного говора (или группы близких говоров). Слово *жито* в русских говорах означает 'ячмень', 'рожь', 'зерно вообще', 'пшеница', 'овес'. Однако это только сводка значений, а не действительно полисемантическое слово. Нет одного говора, чтобы все указанные значения слова *жито* сосуществовали. Только в отдельных говорах значение 'зерно вообще' совмещается с каким-либо частным значением (в некоторых севернорусских говорах *жито* 'зерно вообще' и 'ячмень' — случай реальной полисемии). Сказанное относится и ко всем другим формам существования диалектного слова: к его месту и функционированию в лексико-семантической группе слов, к его реализации в грамматических конструкциях, фразеологических связях и т. п. Говоря об отдельном говоре как об относительно замкнутой системе, не следует, конечно, забывать, что в генетическом плане говоры одного языка тесно связаны друг с другом, имеют одни общие истоки, представляют собой частности в общей и вполне реальной истории языка. Сводки значений, о которых говорилось выше, имеют огромную познавательную ценность, поскольку в них отражается история одного и того же слова. Если бы эти сводки представляли собой всего лишь механическую сумму случайно собранных фактов, то сводные диалектологические словари, этимологические и исторические словари не имели бы никакого научного значения. Такое утверждение было бы, конечно, абсурдным.

Диалекты отличаются от литературного языка не только наличием в них территориально ограниченных в своем употреблении слов и значений слов. Их особенностью является также то, что в них отсутствует большое количество литературных слов и отдельных значений этих слов. Это относится не только к разного рода книжным образованиям и заимствованиям, к терминологии науки, городской культуры и промышленности и иной лексике, обозначающей понятия, отсутствовавшие у основной массы носителей территориальных диалектов, но и ко многим словам старого происхождения. Например, литературное *бодать* не только не употреблялось, но вне достаточно ясного контекста не было даже понятным в говорах, в которых употреблялось (пережиточно и теперь употребляется) *брухать* 'бодать'. Во многих говорах слово *худой* идентично литературному *плохой*, которое для этих говоров не свойственно. Отсутствие такого рода слов в тех или иных диалектах можно назвать «нулевыми диалектизмами». Исследование «нулевых диалектизмов» очень важно

для истории языка; оно, в частности, может раскрыть пути проникновения диалектной лексики в литературный язык, утраты теми или иными говорами общенародных слов. Слово *очень* употреблялось в немногих архаичных говорах, в которых вместо него были устойчивыми в том же значении *дуже*, *порáто*, *горáз* (*горáздо*, *горáзно*), *вельми* (*вельми*) и др. Из каких говоров пошло *очень* в литературный язык, что оно там первоначально означало, почему оно завоевало права литературного гражданства? От решения таких вопросов зависит, между прочим, и установление этимологии этого слова, продолжающей оставаться спорной. «Нулевыми» или отрицательными показателями говор отличается не только от литературного языка, но и от других говоров. «Нулевые диалектизмы» для исследователя, пожалуй, не менее важны, чем диалектизмы «положительные». Как должно вестись изучение «нулевых диалектизмов», доступны ли они лексикографам при современном состоянии наших сведений о диалектах, это уже другой вопрос, на который мы постараемся ответить ниже.

В лингвистической литературе не раз уже отмечалось, что диалектная речь отличается от литературной и в стилистической оценке многих слов. Стилистическое расслоение архаичной диалектной речи еще не изучалось никем (если не считать немногих случайных замечаний на этот счет), но уже сейчас можно сказать, что по сравнению с литературным языком диалекты в стилистическом отношении дифференцированы очень слабо. Многие разговорно-просторечные и даже вульгарные слова, архаизмы употребляются в диалектной речи как стилистически нейтральные. Слово *баба* 'замужняя женщина', 'жена', 'женщина вообще' в литературном языке имеет ярко выраженную стилистическую окраску. Толковые словари современного русского литературного языка квалифицируют его как просторечное (неверны пометы в I томе академического «Словаря русского языка в четырех томах» 1957 г. «устар. и обл.» «прост. и обл.» (стр. 52), так как слово является общенародным и к диалектизмам не имеет никакого отношения). В архаичных говорах *баба* во всех своих значениях нейтрально, как и *женщина*, *жена*, *муж* и т. п. Стилистические расхождения между говорами и литературным языком — чрезвычайно ценный материал для исследования возникновения и развития сложной стилистической системы литературного языка. Весьма важно также изучение серьезных различий между литературной и диалектной речью в области семантической структуры полисемантических слов (объем значений слова, членимость значений, характер связи между значениями и т. п.), лексико-семантических групп слов (например, состав слов, обозначающих погоду и ее частных проявлений, значения этих слов и связь между ними в литературном языке и во многих говорах серьезно расходятся), реализации значений в зависимости от грамматических конструкций, контекста речи и т. п.

Сравнение литературной и диалектной лексики имеет много других исследовательских аспектов, важных для языкознания. Весь вопрос только в том, насколько все это доступно для методов лексикографического (не лексикологического!) описания слов, возможности которых ограничены, тем более для сводных диалектологических словарей, опирающихся на весьма пестрые в качественном и количественном отношении материалы, записанные на протяжении многих десятилетий с разными целями лицами с разной подготовкой.

Итак, в нашей лексикографической практике мы не можем не считаться со следующими основополагающими фактами. Лексика современного русского литературного языка представляет собой единую и замкнутую сложную лексико-стилистическую систему, функционирование отдельных частей которой зависит от их места и назначения в общей системе. Стилистически нейтральных слоев лексики не существовало бы, если бы не было противопоставленного им «периферийного» просторечия, нельзя было бы выделять особо лексику общеупотребительную, если бы не было лексики специальной и т. п. Между определенными группами разных стилистических пластов существуют синонимические и иные семантические связи, одни лексико-семантические группы перекрещиваются с другими, вся лексика цементируется обязательными для всех говорящих на литературном языке грамматическими и фонетическими закономерностями и т. д. Естественно, поэтому, что любой грамотно составленный словарь современного русского литературного языка в том или ином объеме отражает лексическую систему этого языка. Отбор слов в словари современного литературного языка зависит только от объема словарей и их целевых установок. Лексике литературного языка противостоит диалектная лексика. Это противопоставление принципиально иного порядка, чем, например, противопоставление лексики нейтральной лексике просторечной: нейтральная и просторечная лексика противопоставлены в рамках одной системы, тогда как диалектная лексика находится вне пределов этой системы. Конечно, в более широком смысле все разновидности одного языка объединяются в одну систему и генетически тесно связаны друг с другом. Речь здесь идет о реализации языковых средств в практике речевого общения на данном этапе развития языка. Все разновидности литературного языка обуславливают друг друга, они общенародны и их употребление зависит от целеустановки конкретного речевого общения и от уровня речевой культуры говорящего. Наличие же диалектов вовсе не обусловлено существованием литературного языка, наоборот, литературный язык и диалекты антагонистичны. В наше время литературный язык одерживает решительную победу над диалектами.

Диалектная лексика, в отличие от лексики литературной, если иметь в виду все говоры на территории языка, не пред-

ставляет собой какой-либо единой системы. Вместе с общенародной лексической основой диалектная лексика образует систему только в пределах одного конкретного говора. Лексическая система говора находится не только вне пределов лексики литературного языка, но и вне пределов лексических систем других говоров. Разумеется, расхождения между говорами очень различны. Многие очень близкие друг к другу говоры объединяются между собой в более или менее обширные и относительно монолитные группы, но это для целей настоящего доклада не имеет существенного значения.

Наличие реально существующей в практике речевого общения лексической системы одного говора (группы близких говоров) и отсутствие такой системы в совокупности всех или многих говоров языка (вне пределов одного говора) должно подсказывать лексикографам, какими должны быть типы словарей диалектной лексики. Следует различать словарь диалекта (говора) и диалектологический словарь. Словарь диалекта — словарь всех слов, употребляющихся в одном говоре или группе очень близких говоров, полный словарь, в который включаются как общенародные, так и диалектные слова. Такой словарь, если он составляется на научной основе и опирается на достаточно полный и достоверный материал, будет отражать лексическую систему говора на данном этапе ее развития. В принципе словарь диалекта имеет те же задачи, что и словарь литературного языка. Теоретическая основа указанных словарей является общей, хотя между ними будут и различия, обусловленные различиями, существующими между лексикой литературного языка и лексикой говора (объем лексики, стилистическая дифференциация и т. п.). Составление полных словарей диалектов — интересная и важная задача лексикографии. Однако таких полных словарей пока еще не существует, так как составление их наталкивается на чрезвычайно большие трудности. Хотя говор и замкнутая речевая система, но замкнутость его относительна. Любой говор русского языка в течение длительного времени подвергался воздействию литературного языка. Это воздействие резко возросло после коллективизации сельского хозяйства и прежде всего в области лексики. Слова, «заимствованные» из литературного языка, наслаиваются на исконную лексику говора отнюдь не механически. Они не только пополняют лексику диалекта, но и перестраивают ее, в связи с чем лексическая система диалекта оказывается очень подвижной. Исследователь никогда не может быть уверен в том, что он правильно отделил «заимствованную» литературную лексику от лексики исконной, что в его записях исчерпан словарный состав говора во всем его многообразном функционировании. Чтобы хотя бы относительно полно записать реально употребляющийся носителями говора словарный состав, наблюдатель должен жить с этими носителями долгие годы и все время быть начеку. Такая задача

неизмеримо труднее, нежели запись фонетической и грамматической системы говора. Трудность ее можно наглядно себе представить, когда наблюдатель попытался бы исчерпывающе записать свой собственный словарный запас.

Конечно, словарь диалекта может быть и ограниченным. Наблюдатель может сосредоточить все свое внимание только на записи определенных групп слов, не ставя перед собой задачу составить словарь-thesaurus говора. Если семантика и употребление групп слов записаны достаточно полно, можно проследить системные отношения в лексике говора в ограниченных пределах. Принципы составления словаря останутся те же — в словарь будут включаться как общенародные, так и диалектные слова. Подобного рода словари диалекта могут представлять интерес и в других отношениях, например, для обстоятельного сравнения лексики одного говора с лексикой других говоров. Как пример такого словаря заслуживает внимания словарь М. Кудалы «Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich», Wrocław, 1957, в котором представлена общепольская и диалектная лексика говора селения Вендурки, сравниваемая с лексикой говоров селений Сидзины и Фацимеха. Дальнейшая работа над словарями диалекта несомненно выдвинет немало новых лексикологических и лексикографических проблем.

От словарей диалекта принципиально отличаются диалектологические словари. Диалектологический словарь — словарь диалектных слов, о чем должно свидетельствовать и само его название. Словарь нескольких говоров, имеющих существенное расхождение в лексике, а тем более словарь всех говоров языка не может воспроизвести системные отношения, может быть только сводным, так как его объектом являются слова, употребляющиеся в разных диалектных системах. Если сводный словарь к тому же составляется не только на основе современных записей, но и включает в себя записи предшествующих поколений наблюдателей, разносистемность его материалов еще более усиливается. Совершенно очевидно, что сводный словарь из-за самой сущности его объекта может быть только дифференциальным, т. е. в него должна включаться только собственно диалектная лексика. Предложения некоторых языковедов составлять сводные диалектологические словари как словари полные, с включением в них и лексики общенародной, никаких теоретических обоснований иметь не могут и свидетельствуют о непонимании структуры современного русского языка. Конечно, соединять в одном словаре лексические богатства литературного языка и говоров можно, если задаться целью создать свод лексики всего русского языка, т. е., словарь типа thesaurus, но это будет не словарь диалекта и не диалектологический словарь. Словарь типа thesaurus был бы весьма ценным пособием, поскольку в одном издании было бы объединено все лекси-

ческое богатство языка, но, разумеется, собранный в нем материал был бы чрезвычайно разнородным и не отражал бы системных отношений в лексике. Кроме того, диалектная лексика в таком словаре растворилась бы среди остальной массы лексики. Но главная трудность составления словаря типа thesaurus состоит в том, что такое лексикографическое предприятие практически неосуществимо. Опыт составления такого рода словарей ясно говорит об этом. Для исследователей было бы еще удобнее иметь лексикографический труд, в котором была бы приведена вся зафиксированная лексика всех славянских языков и диалектов, начиная с первых письменных памятников и кончая нашим временем, однако задача подобного рода относится к области неосуществимой фантастики, а не к науке. Полный сводный словарь говоров неприемлем и по другим соображениям. Имеющиеся в нашем распоряжении записи в основном содержат диалектные слова, слова общенародные встречаются в них случайно, так как почти все наши предшественники сознательно или стихийно ориентировались на собиранье тех лексических особенностей говоров, которые чем-либо отличаются от лексики литературного языка. Пришлось бы перечеркнуть работу многих поколений собирателей диалектных особенностей и начинать все заново. Обследовать заново все диалекты с установкой записывать не только диалектные, но и общенародные слова, означало бы отказаться от составления сводных диалектологических словарей в течение неопределенно длительного времени, так как сбор материала для полных сводных словарей нельзя осуществить в обозримые сроки. Такой сбор неосуществим вообще, если учесть, что через одно-два поколения все население, в том числе дети и внуки теперешних носителей диалектов, будет говорить только на литературном языке. Да и зачем его осуществлять? Повторение в фантастическом полном сводном словаре говоров большинства словарных статей толковых словарей литературного языка (общих и специальных) в огромном количестве случаев ничего не дало бы для науки, и огромные затраты труда и времени оказались бы бессмысленными. Такое повторение может лишь подтвердить, что основа любого территориального говора является общенародной, однако это положение и теперь является аксиомой.

Сказанное выше относится не только к сводному словарю всех говоров языка, но и к сводным словарям неоднородных говоров. Например, акающие и окающие говоры Псковщины во многих отношениях неодинаковы. На протяжении длительной истории Псковской земли взаимоотношения между псковскими говорами, с одной стороны, и псковскими говорами с соседними диалектами, с другой, неоднократно и существенно изменялись. Особенности псковских говоров в старой псковской письменности отражались далеко не полно и в разных жанрах письменности

по разному. Если задаться целью составить словарь псковских говоров, да еще с включением в этот словарь лексики псковских памятников XIV—XVIII вв., то такой словарь может быть только сводным, основывающимся на определенных принципах отбора слов, но ни в коем случае не полным, не «системным». Поэтому нельзя согласиться с установками Б. А. Ларина, изложенными им в «Инструкции псковского областного словаря» (Л., 1961), согласно которым задуманный псковский словарь должен быть словарем «полного типа», в котором будут содержаться «не только исключительные слова и выражения псковских говоров, а по возможности весь их активный словарный запас» (стр. 3) с включением лексических данных псковских памятников письменности XIV—XVIII вв. (стр. 4), с прояснением и отражением «системных отношений лексики» (стр. 5). Правда, в этом словаре предполагается исключение окказиональных, инодиалектных, иноязычных слов, слов литературной речи сельской интеллигенции и явно книжной профессиональной лексики. Однако такое исключение можно проводить только «на глазок», опираясь лишь на субъективные соображения, так как практически невозможно отделить (особенно собирателям материалов в полевых условиях) указанные категории слов и значений слов (по крайней мере, в большинстве случаев) от «исконной» псковской лексики. Подобный отбор слов, опирающийся на субъективную оценку лексики, конечно не поможет собрать материал, в котором можно было бы показать системные отношения лексики, а при отсутствии возможностей показа таких отношений «полный тип» словаря не имеет никакого смысла. Нужно также учитывать, что запись устной речи носителей псковских говоров в полевых условиях всегда будет неполной, не будет отражать всего разнообразия функционирования слова. То, что было сказано о трудностях, стоящих перед составителями словаря одного говора, одной относительно замкнутой системы, в еще большей степени относится к составлению такого словаря, как словарь обширной группы псковских говоров.

От словарей диалекта и диалектологических словарей, конечно, следует отличать тематические словари, составители которых ставят перед собой задачу собрать с большей или меньшей полнотой сведения об отдельных отраслях или разрядах лексики. Таких словарей и лексикологических исследований, включающих как общенародную, так и диалектную лексику, имеется очень много. Ср. «Česká a slovenská jména rostlin» В. Махка (Praha, 1954), «O jménech motýlů v slovenských nářečích» В. Важного (Bratislava, 1955), «Słownictwo Warmii i Mazur. Hodowla» Г. Городысской (Wrocław, 1958) и многие другие работы. Диалектная лексика так или иначе используется в других самых разнообразных лексикологических и лексикографических трудах, но авторы этих трудов никогда не ставят

перед собой цели объяснить системные отношения в лексике в полном их объеме, вне тематических, лексико-семантических и иных групп слов. Не ставят они перед собой и задачу фиксирования всех диалектных слов. Полное собрание диалектных слов, представленных в качестве лексикографического свода, не ограниченное какими-либо тематическими и иными рамками, возможно только в словаре диалекта (т. е. в словаре, описывающем относительно замкнутую систему одного говора или группы близких говоров) и в диалектологическом словаре (т. е. в сводном дифференциальном словаре или дифференциальном словаре одного говора).

Из сказанного выше следует, что «Словарь русских народных говоров» будет словарем дифференциальным. Его установки, изложенные в упомянутом выше «Проекте», в процессе составления словарных статей могут кое в чем изменяться, но главный принцип — отбор в словарь только диалектной лексики — останется неизменным. На той же основе будет создаваться и «Słownik gwar polskich». М. Карась («Wytuczne doboru wyrazów...», стр. 22) правильно считает, что решающим критерием отбора слов в этот словарь будет география слов. Если слово, как и его значение, форма, имеет свой особый территориальный ареал, оно будет помещаться в словарь. Нужно подчеркнуть, что к такому выводу руководители русского и польского сводных диалектологических словарей пришли независимо друг от друга. Другого вывода и не могло быть: соотношение общенародной и диалектной лексики в русском и польском языках в принципе одинаковое, хотя некоторые частные различия имеются.

КАК НУЖНО ПОНИМАТЬ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП СОСТАВЛЕНИЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ

Дифференциальный принцип хотя и ясен в своей основе (в словарь включаются только диалектизмы, «областные» слова), все же нуждается в комментариях. Во-первых, все ли слова, имеющие в современном языке местное употребление, включаются в словарь? Вопрос этот может быть решен неодинаково. М. Карась отмечает, что в некоторых польских районах появятся регионализмы, обусловленные специфическим развитием литературного языка в местных условиях. Ср., напр., краковск. *blocek*, *skoczek* 'перерыв между двумя лекциями, перемена', *literatka* 'узкий бокал', варшавск. *okienko* 'часовой и более промежуток времени между лекциями, уроками', *łobusz* 'озорник', 'хулиган'. Такие регионализмы никак не связаны с диалектным субстратом, их описание должно относиться к лексикологии и лексикографии литературного языка, в «Słownik gwar polskich» они включаться не будут (цит. соч., стр. 14). Мы пришли к такому же решению. В русском языке (главным образом, в речи горожан) также нередко образуются слова,

местные по употреблению, но не связанные с историей местных диалектов. Ср. ленингр. *вставка, вставочка* 'ручка (принадлежность для письма)', *сапоги* 'любая обувь' и др. К этому разряду слов примыкают многочисленные окказионализмы и неустойчивые слова, вроде зафиксированного на Урале *квартирники* 'дрова, которые можно хранить в квартире', ленингр. *дистрофики* 'очень тонкие папирсы, употреблявшиеся курильщиками в осажденном Ленинграде во время Отечественной войны' и т. п. Подобного рода слова по мере надобности создаются и употребляются не только городским населением, но и носителями диалектной речи, любым лицом или группой лиц. Они должны составить особый предмет изучения, так как к истории говоров прямого отношения не имеют.

Иначе обстоит дело с диалектными словами, которые вошли в обиходную литературную речь той или иной местности, употребляются не только носителями говоров, но и городским населением, говорящим на литературном языке. М. Карась приводит такие слова, как *краковск. dregutnia* — варшавск. *dgwalnia* — познанск. *drewnik* 'дровяной сарай', *малопольск. rowała (rował)* — великопольск. *posoba (posowa)* — мазовецк. *rułar (rułer)* 'деревянный потолок', 'потолок', *южнопольск. chuża* — севернопольск. *chuzu* 'дом', 'хата' и др. Эти слова являются своего рода синонимами в системе польской литературной лексики, в толковых словарях современного польского литературного языка они обычно помещаются как равноправные варианты. Так как подобного рода провинциализмы вышли из субстратной диалектной среды и до сих пор сохраняют местные ареалы своего употребления, решение включить их в «*Słownik gwar polskich*» является безусловно правильным. В современном русском литературном языке дело обстоит иначе: в нем сосуществование региональных «синонимов» в принципе исключается. Процесс унификации и нормализации в русской литературной лексике продвинулся вперед так далеко, что невозможно себе представить, чтобы для обозначения одного и того же понятия в Москве употреблялось одно слово, а в Ленинграде другое, и оба слова считались бы одинаково литературными. Конечно, в язык интеллигенции (городской и особенно сельской) проникают диалектные слова, но такие слова, если они не получили общенародного признания и утверждения, от этого не перестают быть чисто диалектными. Южное *баз* 'скотный двор', 'задний двор в крестьянской усадьбе' хотя и употребляется писателями-южанами в авторской речи, пока что типичное «областное» слово. Разумеется, диалектизмы, встречающиеся в произведениях писателей, будут помещаться в «Словаре русских народных говоров» наравне со всеми другими «областными» словами. Однако это совсем иное явление. Слова, бывшие в прошлом диалектизмами, в современном литературном языке не имеют региональных признаков, их диалектное

происхождение может быть установлено только посредством специальных историко-лексикологических исследований. Состояние исторической лексикологии русского языка и изучения современной диалектной лексики пока таково, что нам известны лишь немногие случаи типа литературного *квашня* (диалектное *дежа*), которые в диалектной речи (не в литературном языке) имеют изоглоссы. Включение слов вроде *квашня* (кстати, уже хорошо описанных в толковых словарях литературного языка) в «Словарь русских народных говоров» мало бы что дало, так как об их распространении в наших материалах имеются лишь отрывочные, случайные сведения. Несомненную пользу для изучения таких слов дадут материалы диалектологического атласа русского языка, однако, в анкете для атласа («Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка», М.—Л., 1947) имеется ничтожное количество лексических примеров, совершенно несоизмеримое с огромной массой диалектной лексики. Кроме того, решено не включать в «Словарь русских народных говоров» такие слова, как *квашня*, по принципиальным соображениям: в лексической системе современного литературного языка *квашня* совершенно равноправно с такими общенародными словами, как *вода*, *небо*, *стол*, *дверь* и т. п. Эти слова не являются диалектизмами, поэтому они не подлежат включению в наш словарь согласно общему правилу дифференциального диалектологического словаря. Изучение их происхождения и истории — предмет лексикологических исследований, а не диалектологической лексикографии. Расхождение по этому вопросу между польским и русским диалектологическими словарями обусловливается особенностями развития польского и русского языка.

Регионализмы, употребляющиеся не только исключительно в диалектной речи, но и противопоставленные друг другу в рамках самого литературного языка, — объект диалектологических словарей. Именно так должен комментироваться дифференциальный принцип.

Второй вопрос, связанный с комментированием указанного принципа, касается структуры слова и его функционирования в диалектной речи. Этот вопрос неоднократно освещался в советской диалектологической литературе. Довольно подробно об этом говорится в «Проекте „Словаря русских народных говоров“» (стр. 35—38). В диалектологические словари включаются: 1) словарные диалектизмы. К ним относятся диалектные слова, вовсе отсутствующие в литературном языке, противопоставленные (ср. *дюже* — *очень*) и непротивопоставленные (ср. смол. *андарак* 'особый род сарафана, понева') словам литературного языка. И противопоставленные, и непротивопоставленные диалектизмы этого рода в русских говорах весьма многочисленны. К словарным диалектизмам относятся также различные словообразовательные и лексикализованные фонетико-морфологиче-

ские диалектные варианты слов, имеющих в литературном языке (например, *черныйца* 'черника', *взгреметься* 'начать сильно греметь', *иржаной* 'ржаной', *крыжа* 'крыша' и т. п.); 2) семантические диалектизмы, т. е. слова, которые в говорах имеют иные значения, чем в литературном языке (*погода* 'непогода', 'ненастье', *губы* 'грибы' и т. п.); 3) фразеологические диалектизмы, т. е. идиомы, отсутствующие в литературном языке (ср. *андроны едут*, *поехали* — о вздоре, пустой болтовне). Диалектное слово может иметь и многие другие особенности (в объеме общего с литературным словом значения, степени употребительности, реализации в грамматических конструкциях, стилистической окраске и т. д.). Однако практически эти стороны слова для составителей диалектологических словарей недосыгаемы. Сведения о них, которые имеются в наших разнородных материалах, очень скудны и случайны. Случайность сведений не пополнит наших знаний о слове, а только может ввести в заблуждение, так как реальное употребление слова в словаре будет не отражено, а искажено, поэтому мы не ставим перед собой задачу лексикографического описания всех сторон реализации слова в речи. В сводном разносистемном диалектологическом словаре такое описание невозможно не только по практическим, но и по принципиальным соображениям. Оно очень желательно в словаре диалекта (отдельного односистемного говора), но и здесь трудности будут очень велики.

И. А. Оссовецкий в своей статье «О составлении региональных словарей» («Вопросы языкознания», № 4, 1961) пишет: «Каждое слово в пределах лексики одного говора представляет собой сложное и в части своих компонентов неповторимое целое. Но если это так, то сам собой напрашивается вывод о том, что принцип дифференциальности по отношению к словарю одного говора, т. е. словарю, где слово по возможности должно быть представлено во всей полноте своего семантического объема, представляется теоретически несостоятельным. По существу, каждое слово диалекта будет чем-то если не полностью, то частично отличаться от соответствующего слова литературного языка и, следовательно, для каждого слова теоретически можно найти основания семантического или формального порядка, по которым слово нужно будет поместить в словаре» (стр. 79). Конечно, возможности индивидуального употребления слова безграничны. В каждом разовом своем употреблении слово будет чем-то отличаться от других употреблений. Безграничность индивидуального употребления слова имеется не только в диалекте, но и в литературном языке, в речи любого человека. Однако мы не будем следовать за А. А. Потебней, который в свое время утверждал, что при каждом воспроизведении слова в речи мы имеем дело с особым, самостоятельным словом. Безграничное употребление слов не может отразить ни один словарь, на какую бы полноту он ни претендовал. Лингвисты

имеют дело только с теми сторонами слова, которые являются результатом устойчивых, принятых в данном коллективе обобщений (семантических и формальных), имеющих свои более или менее определенные границы. Лексика говорков и лексика литературного языка в основе своей имеет одни и те же обобщения, поэтому большинство слов диалекта ни по теоретическим, ни по практическим соображениям не нуждается в помещении в дифференциальный диалектологический словарь. Смешение устойчивых значений и их оттенков с употреблением слов, с их контекстуальными особенностями, как это хорошо известно лексикографам, было бы чревато тяжелыми последствиями. Выдать контекстуальную особенность употребления слова за его значение или оттенок значения (а это случается с составителями словарей) — первородный грех лексикографов, который они обязаны искупать. Что касается дифференциального словаря одного говорка, то теоретически такой словарь так же правомерен, как и полный. Все зависит от цели, которую ставит перед собой составитель.

Для лексикологии очень важное значение имеет изучение лексико-семантических групп слов или отдельных семантических микросистем (микроструктур, микрополей и т. п.). Как известно, в течение последних десятилетий возникла обширная литература, посвященная этой проблеме. Изучение функционирования слова в отдельной микросистеме имеет огромные преимущества перед «атомарным» изучением отдельного слова, так как реальное слово живет и развивается в пределах какой-либо лексико-семантической группы. Впрочем, эта сторона дела в известной мере всегда учитывается в словарях (слово так или иначе сопоставляется с другими словами), однако такой учет очень недостаточен и в значительной степени случаен. Говоры многими (но, разумеется, не всеми) микроструктурами отличаются как друг от друга, так и от литературного языка. Как хорошо показал Н. И. Толстой в своем докладе «Можно ли представить структурную типологию лексики славянских языков в лингво-географическом плане?» (см. тезисы его доклада в сб. «Межвузовская конференция по исторической лексикологии, лексикографии и языку писателя», Тезисы докладов, Л., 1961, стр. 4—6), исследование лексико-семантических микросистем может обнаружить такое деление диалектов и такие взаимосвязи между ними, которые остаются еще неизвестными. О значении изучения лексико-семантических групп слов писал также и автор настоящего доклада (Ф. П. Филлин. «О лексико-семантических группах слов». «Эзиковедски изследвания в чест на академик Стефан Младенов», София, 1957, стр. 523—538). Однако здесь нужно сделать существенные оговорки. Во-первых, лексико-семантические группы слов реально существуют в языковой системе. Наличие их в диалектной речи можно устанавливать только в системе одного какого-либо говорка (или группы близких говорков)

и только лишь после этого будут иметься возможности их сравнительного изучения в историческом, лингво-географическом или ином каком-либо плане. В сводном разносистемном диалектологическом словаре показать их нет никакой возможности. К тому же в имеющихся в нашем распоряжении материалах об этих группах мы и не найдем нужных сведений. Во-вторых, слово обычно входит не в одну лексико-семантическую группу, а в несколько групп. Группы эти находятся в сложных взаимосвязях друг с другом, часто перекрещиваются в самых различных направлениях. Сколько таких групп и тем более их взаимоперекрещиваний существует в языке или диалекте? Об этом мы пока не можем даже и судить. Во всяком случае их имеется такое огромное количество, какое не поддается никакому учету. Исследователи имеют дело только с немногими лексико-семантическими группами. А между тем задача диалектологического словаря — описать возможно большее количество диалектных слов, охватить диалектную лексику во всей ее полноте. Следовательно, возможности и задачи лексиколога и лексикографа здесь не могут совпадать.

Вообще не нужно забывать, что, как уже было сказано выше, возможности лексикографии ограничены. То, что можно и нужно реализовать в монографических исследованиях и статьях, часто оказывается недоступным для лексикографов. Каждый хороший словарь содержит в себе ценные, иногда решающие материалы для исследователей, однако не следует смешивать разных «жанров» изучения лексики, в том числе и диалектной. «Словарь русских народных говоров» и другие сводные славянские диалектологические словари будут фундаментальными пособиями для историков лексики славянских языков (в этом и заключается их главное назначение), но эти пособия, как и любые другие словари, не могут заменить собой лексикологических монографий и в них нельзя искать того, чего никогда не может быть в лексикографических трудах, пока существуют серьезные различия между лексикологией и лексикографией, как различными способами описания и изучения лексики. Мне представляется, что возражения (иногда остро полемические) против дифференциального принципа составления диалектологических словарей, которые приходится слышать время от времени, вольно или невольно основываются на нереалистическом желании видеть в этих словарях решение чуть ли не всех проблем истории и диалектологии. К этому можно добавить, что ту же основу имеют и максималистские требования к другим словарям. Разумеется, мы вовсе не собираемся утверждать, что лексикография может не учитывать достижения современного языкознания.

Наконец, последний вопрос — соотношение диалектной лексики с «нулевыми» диалектными показателями, с лексикой различных тематических разрядов и с просторечием. Как уже было

отмечено выше, изучение не только того, что есть в говорах, но и того, чего в них нет (по сравнению с другими говорами и литературным языком), имело бы очень большое значение для лексикологии. Однако пока что мы имеем весьма скудные и случайные сведения о «нулевых диалектизмах». В записях диалектных материалов, как правило, представлены такие слова, которые наблюдатель слышал, и очень мало утверждений, что в таком-то говоре такого-то слова нет. Это относится как к диалектным, так и к общенародным словам. Вообще утверждение, что в таком-то говоре такого-то слова нет, всегда таит в себе опасность ошибок. Например, я был твердо убежден, что в моем родном говоре д. Селино Дубенского района Тульской области, которым я свободно владею до сих пор и где много лет проводил наблюдения, нет слова *березняг*, а есть только *березник*. Однако, к моему удивлению, в 1959 г. я впервые услышал *березняг*, род. ед. ч. *березняга́*, в речи старой женщины, коренной местной жительницы, никуда из деревни не выезжавшей. Возможность ошибок неизмеримо возрастает, когда запись производится не местным лицом, приехавшим с диалектологическими целями на короткий срок. Особенно это относится к словам общенародного распространения. Отсутствие в диалектологической записи литературного слова само по себе еще ни о чем не говорит. М. Карась («Wytuczne dobrogu wugazów...», стр. 12) полагает, что общенародные слова, имеющиеся в диалектологических записях, не следует игнорировать при составлении диалектологического словаря. По его мнению, в конце каждого тома словаря следовало бы помещать индекс таких слов. Такой индекс показал бы количественные ресурсы лексики говоров и предотвратил бы возможность ошибочного представления, что такие-то слова, не имеющие никаких диалектных особенностей, не употребляются в говорах. С мнением М. Карася вряд ли можно согласиться: индекс общенародных слов в диалектологическом словаре ничего не даст исследователям и может лишь толкнуть их на ложные выводы, так как он будет составлен на основе случайных материалов. В записях одного говора будет, например, зафиксировано слово *herbata* 'чай', а в записях другого говора такого слова не окажется, но из этого вовсе не должно следовать, что слово *herbata* в другом говоре не употребляется. Наблюдатель просто не записал его. Проверить же употребление или отсутствие в говорах всей массы литературной лексики, да еще с достаточной гарантией правильности ответов, задача совершенно нереальная.

Диалектная лексика в тематическом отношении весьма разнообразна. Это земледельческая, скотоводческая, рыбацкая, ткацкая, гончарная, плотницкая, портновская, охотническая терминология, термины народной медицины, народных игр, местные названия явлений живой и неживой природы, слова, связанные с особенностями местного быта, поверий и т. д., и т. п. Вся

многообразная материальная и духовная жизнь народа находит то или иное свое отражение в диалектной лексике. Любой термин, любое слово, если оно имеет ограниченную, местную зону распространения на территории языка, должно включаться в диалектологический словарь. Но как быть с терминами, обозначающими специфические особенности деревенской и вообще местной жизни, которые не имеют изоглосс, распространены на всей территории языка? Многие из этих терминов имеют узко специальный характер, поэтому вовсе не помещаются в толковых словарях литературного языка (их нет и в энциклопедиях) или освещаются в этих словарях очень слабо, без приведения необходимых для исследователя данных. Между тем, народная и этнографическая терминология, не принадлежащая к диалектной лексике, чрезвычайно важна для исторической лексикологии. Не может быть и речи о том, чтобы оставить эту лексику вовсе без внимания. Но в каком словаре она должна быть помещена? Здесь могут быть разные решения. М. Карась считает, что вся этнографическая и народная терминология, независимо от того, относится она к диалектной или общенародной лексике, должна быть включена в «Słownik gwar polskich». Правда, это будет очень серьезным нарушением дифференциального принципа составления словаря, но ради удобства исследователей можно отступить от этого принципа. В «Словаре русских народных говоров» намечено иное решение вопроса, которое, с нашей точки зрения, является более правильным. Общепринятая терминология, является ли она широко употребительной или узкоспециальной, относится ли к обозначению особенностей городской или деревенской жизни, общераспространенных или местных явлений, в нашем словаре помещаться не будет. Эта терминология — объект тематических терминологических словарей. Таких словарей составлено уже немало и, конечно, будет составлено еще больше. Соединять в одном труде разные типы словарей — диалектологический и профессиональный, диалектологический и этнографический, диалектологический и топографический и т. д. — нецелесообразно не только по теоретическим, но и по практическим соображениям. Как уже было сказано выше, зафиксированных диалектных слов на территории русского языка наберется не менее двухсот-трехсот тысяч. Лексикографическая обработка этой громадной массы слов потребует больших затрат времени и сил. «Словарь русских народных говоров», в который будут помещены только диалектные слова, не может быть составлен в течение короткого времени. Объем его составит не менее 1500—2000 авторских листов. Если же включить в него всю народно-этнографическую терминологию, не только диалектную, но и общераспространенную, литературную, то окончание работы над словарем затянется на неопределенно-длительное время. Такая задача практически неосуществима. Иначе обстоит дело с такими терминами, кото-

рые по тем или иным причинам очень трудно определить, являются ли они общераспространенными или диалектными. Во всех сомнительных случаях (а их будет довольно много) вопрос будет решаться в пользу помещения терминов в словарь. Это замечание относится и к разграничению диалектной и просторечной лексики. Просторечная лексика, как лексика общенародная, составляющая периферия лексической системы литературного языка, в принципе не должна включаться в диалектологический словарь. Однако слова, которые могут истолковываться и как просторечные, и как диалектные, будут помещаться в нашем словаре.

Мы не ставили перед собой задачу дать общий обзор современного состояния работы над диалектологическими словарями всех славянских языков и диалектов, так как такой обзор превратился бы в критико-библиографическое описание, в котором трудно было бы ставить общие принципиальные вопросы. Между тем, в постановке и обсуждении этих вопросов диалектологическая лексикография нуждается особенно остро, так как успех таких крупных предприятий, как сводные диалектологические словари, зависит от должной разработки теоретических основ диалектологической лексикографии. Если мне удалось сформулировать некоторые основные теоретические положения выдвинутой темы с достаточной ясностью и аргументированностью, цель моего доклада достигнута.

SUR LES PRINCIPES DE L'ÉLABORATION DES DICTIONNAIRES DIALECTOLOGIQUES SLAVES.

Résumé

L'élaboration des dictionnaires dialectologiques des langues slaves est une des tâches les plus sérieuses de la lexicologie et de la lexicographie slave. La préparation des dictionnaires dialectologiques généraux où le vocabulaire dialectal de toutes les langues slaves doit être présenté dans toute la plénitude possible est particulièrement importante. Les dictionnaires de ce genre sont une partie nécessaire du complexe lexicographique (dictionnaires historiques fondamentaux; dictionnaires des langues littéraires contemporaines) contenant la description complète de tout le lexique des langues slaves témoigné par les textes.

La préparation des dictionnaires dialectologiques généraux — se réalise actuellement dans l'URSS (à Léninegrad) et en Pologne (à Cracovie). Il est nécessaire de souligner que les rédacteurs du dictionnaire russes et du dictionnaire polonais ont abouti indépendamment à des mêmes conclusions générales. Les deux dictionnaires doivent être différenciaux c.-à-d. ils ne contiendront que de mots dialectaux. Cela ne signifie pas que les dictionnaires dialectologiques généraux de toutes les autres langues slaves (qui doivent encore être préparés) doivent être aussi redigés confor-

mément aux principes des dictionnaires russes et polonais. Les principes théoriques des autres dictionnaires slaves dépendent des particularités de la corrélation du lexique de la langue littéraire et du vocabulaire dialectal dans chaque langue slave. Ils dépendent aussi de l'état actuel de la différenciation entre le lexique de la langue littéraire et le vocabulaire dialectal. Par exemple, il ne serait peut être pas justifié de rédiger un dictionnaire dialectologique général de la langue macédonienne dont la forme littéraire ne se sépare pas distinctement de la forme dialectale. C'est pourquoi qu'il est évident qu'on doit préparer des dictionnaires complets (non différenciaux) pour les divers groupes des dialectes macédoniens.

Les variétés possibles des dictionnaires dialectologiques des langues slaves sont caractérisées au cours du présent rapport.

IV

ВОПРОСЫ ПОЭТИКИ
И СТИХОВЕДЕНИЯ

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
ДОКЛАДЫ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
V Международный съезд славистов
(София, сентябрь 1963)

И. Г. Богатырев

ДОБАВОЧНЫЕ ГЛАСНЫЕ В НАРОДНОЙ ПЕСНЕ
И ИХ ФУНКЦИИ

(О языке славянских народных песен и его отношении
к разговорной речи)

Лингвисты (И. А. Оссовецкий, А. М. Селищев, Н. С. Трубецкой, А. А. Реформатский, Р. О. Якобсон и др.), а также музыковеды (И. Зданович, В. Г. Каратыгин, А. В. Руднева и др.) писали о склонности в песенном языке прославлять согласные гласными (часто редуцированными). Эти гласные обозначались как Postlaut, лишние звуки, паразитические гласные, дополнительные гласные и др., писалось об озвучивании согласных и т. п. Рассмотрение этого явления в песенном языке показывает, что появление гласных при пении мы встречаем почти после всех согласных.

Лингвисты и музыковеды при записи песен и расшифровке фонограмм и магнитофонных записей обозначали вставные гласные различными графическими значками.

Н. Н. Дурново обозначал эти гласные маленькими буквами, поставленными вверху строки после согласного, за которым следовал вставочный гласный, например: чор^ъняя, галуп^ъчик, за ут^ькими, догад^ьливяя, мо^ъ, нел^ъзя и др.

При расшифровке былин, записанных на фонографе и магнитофоне, в сборниках «Былины Печоры и Зимнего берега» и «Архангельские былины и исторические песни» А. Д. Григорьева, добавочные гласные обозначены гласными, поставленными в скобки: е-з(ы)-ди-л(ы) До-б(ы)-ры-ня и т. п. Так же обозначены эти гласные и в сборнике «Народные песни Вологодской области»: во-ко-ше-ч(и)-ко, сер-р(ы)дце.

В сборнике же севернорусских песен «Песни Пинежья» дополнительные гласные после согласных обозначаются гласными буквами без скобок: самы=сам, дружки=друг, да-кы=дак, стороны-ка, де-ни=день, ма-лицик, сѣлиськи ти дѣвушки.

Зданович в сборнике «Русские народные песни» при расшифровке южнорусских (воронежских, рязанских, тульских, смоленских) песен обозначает добавочные гласные обычно буквой в скобках: *ва лясок(ы)*, *р(ы)вала*, *сер(ы)-цу*, но и *се-ры-ца*, *вя-с(ы)-на*, *ба-бо-ч(и)ку*.

Точно так же в использованных нами рукописных расшифровках других южнорусских песен добавочные гласные обозначаются обычно буквой в скобках. Однако некоторые рукописные записи и расшифровки обозначают добавочный гласный в южнорусских песнях буквой без скобок (ср., например, приведенные нами в докладе расшифровки свадебного плача невесты и плача матери невесты).

Часто остается невыясненным, обозначает ли гласная буква в скобках лишь то, что добавочный гласный отсутствует в разговорной речи и является для разговорной речи «лишним», «паразитическим», или же скобки обозначают гласный неполного образования.

Следует признать очень неудачным способ обозначения добавочного гласного (в книгах и рукописях) апострофом или запятой над тем согласным, за которым идет добавочный гласный, например, *кусток'*, *те-п'-лют-ся*, *тё-м'нень'кой*. Такое обозначение не позволяет определить, какой именно добавочный гласный следует за согласным: *ы* или *а*, *е* или *и* и т. п. Такое обозначение дополнительных гласных мешает исследователю выяснить ряд основных вопросов, касающихся художественной функции добавочного гласного и свойств, которые отличают песенный язык от языка разговорного данного диалекта.

В своем докладе я придерживаюсь тех написаний, которые встретил в книжных и рукописных материалах, отразивших добавочный гласный.

В тех примерах, где текст песни сопровождается нотами (ср., например, некоторые тексты песен, помещенные в нашем докладе), мы видим, что там, где за согласным следует добавочный гласный, в нотах ему соответствует особая нота или несколько нот.

Переходим к рассмотрению случаев, где за согласным в песне следует добавочный гласный.

Сочетания с согласными *б* и *п*. После согласного *б* добавочный гласный встречается редко. Чаще встречается он в сочетании *бр*.

В былинах: *Доб(ы)рыня*, *Доб(ы)рынюшка*,¹ *Доб(ы)рыню-*

---

¹ Примеры взяты из расшифровок, магнитофонных записей, в книге «Былины Печоры и Зимнего берега» (новые записи). Изд-во АН СССР, М.—Л., 1961 (далее: Б. П. Римская цифра указывает на номер расшифрованной записи, арабская — на страницу в книге): IV. Про Добрыню, 503, 504; V. Про Добрыню, 507; VII. Добрыня (Бутман), 508; XVII. Про Бутмана, 516; XVIII. Женьитба Алеши Поповича и Добрынина жена, 516; XXVI. Про Добрыню, 524.

ш(и)ка², в слове доб(ы)рай и производных от него³, переб(ы)-рожная⁴ (калика переброжная), б(ы)-ра-та=брата⁵, ка-ра-б(ы)-лях⁶.

В лирических севернорусских песнях: до-бы-ры=добр⁷, раз-жалыб(ы)-на⁸.

В южнорусских песнях: вьб^брьмиш⁹, вьб^брьмиш¹⁰. Доб(ы)-рай (3 раза)¹¹, бы-ра-нят¹², бы-ра-тец¹³, б(ы)рат-цы (2 раза)=брат-цы¹⁴, че-р-но-б'ров¹⁵, б(ы)радягам(ы), но дальше бра-дягамы¹⁶. Добавочный гласный после б в сочетании бр мы встречаем и в выкриках бродячих ремесленников: бы-ри-твы пра-вить (запись П. М. Листопадава в Новочеркаске)¹⁷.

² Примеры из расшифровок фонографических записей трехтомного собрания А. Д. Григорьева «Архангельские былины и исторические песни». Т. I, ч. I, Поморье; ч. II, Пинега. М., Изд-во имп. Академии наук, 1904. Т. II, Кулой. Прага, Изд-во Чешской академии наук и искусств, 1939; т. III, Мезень. СПб., Изд-во имп. Академии наук, 1910 (далее: Григ., том сборника, римская цифра обозначает номер расшифрованной записи, арабская — страницу): т. II, XX, Бой Добрыни с Дунаем, 500. В докладе полнее других использован 2-й том.

³ Б. П., VII, 508; XVII, 516; XXVI, 524. Ср. Григ., т. II, VII, в погреб и спасение им Киева от Чернигова царя, 505.

⁴ Григ., т. II, XV, Калики и голи кабаки, 496.

⁵ Григ., т. I, VIII, Чурило и неверная жена Племяши, 659.

⁶ Григ., т. III, XIV, Васька пьяница и Бутыга, 662.

⁷ Песни Пинежья. [Материалы фонограмм-архива, собранные и разработанные Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд. Под общей ред. Е. В. Гиппиуса], кн. II. «Труды Института антропологии, этнографии и археологии АН СССР», т. VII, фольклорная серия № 2, М., Музгиз, 1937 (далее: Песни Пинежья), № 65, Против нашего ах высокого нова да двора... стр. 177—178.

⁸ М. Берг. Текст и мелодии песен, петьх одной крестьянкой из села «Высокая гора» Каа. губ., Каа. у. Казань. Типо-литография имп. Университета, 1909 (далее: Берг). № 1. Протяжная, стр. 5.

⁹ Н. Н. Дурново. Заметка о говоре Шацкого уезда Тамбовской губернии. — ИОРЯС, т. V, кн. 3, СПб. 1900, № 4, стр. 934 (далее: Дурново. Заметка).

¹⁰ Там же, № 4, стр. 934.

¹¹ Русские народные песни. Центр. Гос. архив кино-фото-фонодокументов, М.—Л., Музгиз, 1950 (все расшифровки в книге сделаны И. К. Здановичем. Далее: Зданович. Русск. н. песни). № 6, Поулице, улице. Величальная, Воронежск. обл., стр. 22.

¹² Там же, № 69, Зазноба, Тульск. обл., стр. 140.

¹³ Рукописный фонд Кабинета Московской Государственной консерватории, (далее: Рук. ф. Каб. н. м. МГК. Расшифровка песни «Што 'з-за гор горы» помещена дальше в нашей статье).

¹⁴ Концерты М. Е. Пятницкого с крестьянами. М., изд. Роберт Кенц (далее: Концерты Пятницкого). Песня V, Туманушки, стр. XII.

¹⁵ А. Руднева. Народные песни Курской области. [Под. общ. ред. С. Аксика]. М., изд-во «Советский композитор», 1957 (далее: Руднева. Нар. п. Курск. обл.). № 44, Ой, по улице ветёр, стр. 111.

¹⁶ Концерты Пятницкого. Острожная. Бродяга, стр. V.

¹⁷ Выкрики разносчиков в записях А. Г. Гречанинова, А. М. Листопадава, Н. А. Невструева, Н. А. Янчука и Д. И. Аракчиева. Со вступительными замечаниями Н. А. Янчука и с приложением 83 нотных записей.

Добавочный гласный после звука *n* встречается редко.

Значительное число примеров появления добавочного гласного после *n* находим в сочетании *nr* (ср. сочетание *br*).

В былинах: *n(ы)ро*¹⁸ *белого*; *n(ы)ройдет*¹⁹, *n(ы)рохо...оду*²⁰.

Помимо появления добавочного гласного в предложениях, встречается добавочный гласный и в корне слова *уп(ы)равителя*²¹ во фразе: *управителя во городе судителя*; *n(ы)ёт = ньет* (2 раза)²²; здесь перед *ё* после *n* добавочный гласный *ы*.

Добавочный гласный в сочетании *nr* встречается и в южнорусских песнях: *n(ы)ры-ха-ди-те*, дальше *при-ха-дитя*²³. Следует отметить, что здесь в первом случае не только добавочный *(ы)* после *n*, но *ы* и после *r*; *n(ы)-ри-дёт*, дальше — *придет*²⁴. *П(ы)ролегла*²⁵; *n-роцай*, *милая*, *n-ро радость*²⁶, *ны-ро-да-ла = продала*²⁷, *n(ы)римала*²⁸, *nr'-ри лучине*, *n'-ри свечи*²⁹.

Добавочный гласный мы встречаем в былинах в сочетании *bl*: *Б(ы)лудова*³⁰.

Сравни добавочный гласный в выкриках разносчиков в сочетании *bl*: *a бу-ба-лика = бублика* (запись А. М. Листопадава в Новочеркасске)³¹.

«Известия имп. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при имп. Моск. ун-те», т. СХIII; Труды этнографического отдела, т. XV, Материалы и исследования по изучению народной песни и музыки. С музыкальными приложениями и иллюстрациями; Труды музыкально-этнографической комиссии, т. I, стр. 507 (далее: Выкрики разносчиков).

¹⁸ Б. П., VII, 508.

¹⁹ Там же, XVIII, 517.

²⁰ Григ., т. II, VIII, Первая поездка Ильи Муровича, 492.

²¹ Там же, XIX, Старина о льдине и бое женщин, 500.

²² Б. П., VII, 508.

²³ Зданович. Русск. н. песни, № 35, Я сажу, сажу капусту, Воронежск. обл., стр. 75.

²⁴ Там же, № 59, Веселитесь, подружки. Весенняя, Рязанск. обл. стр. 123.

²⁵ Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Воронежск. обл., Чигольского р-на, 1940, Кому радость, а мне, бабочки, пчель. Фонограмма 703^a. Расшифровка 421 (далее фонограмму обозначаем одной буквой Ф, расшифровку одной буквой Р).

²⁶ Там же, Я сидела до сумерек, Ф. 1023^b, Р. 766. Слова *n-роцай* и *n-ро* без обозначения в расшифровке добавочного гласного. Но на согласный *n* приходится особая нота, которую пропеть на звук *n* без добавочного гласного нельзя.

²⁷ Там же, Брянская обл., 1953, Эх, надоели мне ленты да крали. Лирическая, Ф. 1546^b, Р. 2747. Все расшифровки брянских песен сделаны К. Г. Свитовой.

²⁸ Там же, Брянск. обл., 1953, Штой по прежней по любви. Хороводная, Ф. 1545^a, Р. 2739.

²⁹ Руднева. Нар. п. Курск. обл., № 10, А у нас нонче у ночи, стр. 37.

³⁰ Б. П., III., Про Фатена, 503.

³¹ Выкрики разносчиков, № 15, стр. 509.

Встречается добавочный гласный и в сочетаниях *пл*, а также в сочетании *п* с палатилизованным *л* — *пл'*: *во-п(ы)-лы-вай*, но дальше в той же песне: *во-плы-вай* и *во-плы-вай*³²; *тѣ-п(ы)-л(ы)-а-я*, дальше *тѣ-(о)-пла-я*³³, *те-п'лют-ся*³⁴, *п'-ля-ши-те*³⁵:

Мы отметили появление добавочного гласного после *б* и *п* в их сочетаниях с сонорными *р* и *л*. Добавочный гласный после *л* (правда, редко) встречается не только с сонорными.

Сочетание *пк*: *и креп(ы)ка на крипко*³⁶.

Сочетание *пч* (*п* из *б*): *галуп'чик*³⁷.

Добавочный гласный после *б* и *п* появляется также и в конце слова: в былинах — *караб(е)*³⁸, рядом *караб*; в южно-русских лирических песнях: *ба-б(ы) молодых*³⁹ и *поп'* (2 раза)⁴⁰.

Редко встречается добавочный гласный и после звука *в*. Сравнительно чаще появляется добавочный гласный после *в* в сочетании его с *н*.

Сочетание *вн*. В былинах: *слав(ы)ного*⁴¹, *с(ы)ла-в(ы)-но-м(ы)*⁴², *рав(ы)-но*⁴³, *дав(ы)ноюю*⁴⁴.

В южно-русских лирических песнях: *рав(ы)-на = равна*⁴⁵; *Ива-а-нав(ы)на*⁴⁶, *Матырена Ива-а-а-новы-на*⁴⁷.

Много раз в былинах добавочный гласный встречается в слове *Владимир*: в сочетании *вл*: *В(ы)ладимер*⁴⁸.

³² Зданович. Русск. н. песни, № 11, Утушка. Свадебная, Воронежск. обл., стр. 34.

³³ Там же, № 24, Ох, да прошло лето, Воронежск. обл., стр. 55.

³⁴ Руднева. Нар. п. Курск. обл., № 24, В городе звоны звонят, стр. 76.

³⁵ Там же, № 45, Вы, девушки, попляшите, стр. 112.

³⁶ Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Воронежск. обл., 1943. Плач невесты (после бани).

³⁷ Дурново. Заметка, № 4, стр. 935.

³⁸ Григ., т. II, XVI, Небылица, стр. 496.

³⁹ Зданович. Русск. н. песни, № 47, Аринушка коровушку доила, Воронежск. обл.; стр. 106.

⁴⁰ Руднева. Нар. п. Курск. обл., № 26, Поехал поп на жнивьё, стр. 80.

⁴¹ Григ., т. II, VIII, Первая поездка Ильи Муровича, 492; Б. П., V, 505.

⁴² Б. П., II, Старина про вдову Нанину, 501, 502; Григ., т. II, XLIII, Мекитушко (Данило) Егнатъевич, 510.

⁴³ Григ., т. II, VIII, 492.

⁴⁴ Б. П., XXIII, Про Дюка, 521.

⁴⁵ Зданович. Русск. н. песни, № 35, Я сажу, сажу капустку, Воронежск. обл., стр. 75.

⁴⁶ Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Воронежск. обл., 1943, Плач невесты (после бани).

⁴⁷ Там же, Плач невесты. Это цитированное начало «Плача невесты (после бани)». См. стр. 385 нашего доклада.

⁴⁸ Григ., т. II, IV, Дунай, 490; XXI, Первая поездка Ильи М., 501; XXXV, Дунай, 507; XXXVI, Сухматин Етихматович, 507; XXXIX, Дунай, 508; XLI, Данило Егнатъевич и его сын Михайло, 509; XLIII 510; Б. П., XXV, Про Добрыню, 523.

В южнорусской шуточной песне встречаем *див-(ы)-люсь*⁴⁹ (2 раза).

В других сочетаниях добавочный гласный встречается только в отдельных словах.

В сочетании *вр* добавочный гласный встречается в севернорусской частушке: *во вы-ре-мецько*⁵⁰, *в(ы)рагами*⁵¹.

Сочетание *вд*. В былинах: *в(ы)дова* и производных⁵²; *Ов(ы)дотия*⁵³.

Сочетание *вт*. В былине: *в(ы)тунови*⁵⁴.

Далее приводим примеры из южнорусских песен: в сочетании *вк*: *тра-в(ы)-ки*, ранее 2 раза *трав-ки*⁵⁵; *де-в(а)-ка*⁵⁶, *Мишков'ка*⁵⁷.

В сочетании *вс*: *в'сходила*⁵⁸ (2 раза); *взяв'ся*⁵⁹. В сочетании *вш*: *ра-сча-сав'-ши...*⁶⁰ В сочетании *вц* в былине: *ов(о)цин* = *овцин*⁶¹.

Добавочный гласный встречается после *в* в конце слов. В былине: *Киев(ы)-град*⁶².

В южнорусских песнях добавочный гласный в конце слов после *в* отмечен нами только в предлогах: *ни в(ы) радость*, но дальше: *ни в радость, в радость...*⁶³; *в(ы) тѣ-м(ы)-но-м(ы) да лясу*⁶⁴; *в(ы) за-э-лѣ-ном(ы) в(ы) саду*, но дальше — *в зелёном* (2 раза)...⁶⁵ *в(ы) кружику*⁶⁶; *в(ы) гла-ха-за*⁶⁷; *в'лузи*⁶⁸.

Как мы видели, довольно часто появляется добавочный гласный в предлоге *в*. Здесь появлению добавочного гласного,

⁴⁹ Зданович. Русск. н. песни, № 66. В лесе под овражком. Шуточная, Рязанск. обл., стр. 133.

⁵⁰ Песни Пинежья, № 158, Образцы частушек из Карповой Горы и Ваймуши, стр. 372.

⁵¹ Берг, № 8, стр. 15.

⁵² Б. П., II, Старина про вдову Пашину, 502.

⁵³ Б. П., III, 503.

⁵⁴ Б. П., V, 509.

⁵⁵ Зданович. Русск. н. песни, № 50, Кумушка. Шуточная, Воронежск. обл., стр. 112.

⁵⁶ Там же, № 75, Ух ты, верба, вербица, Смоленск. обл., стр. 151.

⁵⁷ Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Брянск. обл., 1953, Ох, наше «Мишковка» село. Припевки, Ф. 1570^а, Р. 2812.

⁵⁸ Рук. ф. Каб. н. м. МГК., Брянск. обл., 1953, Ты, заря ль моя вечерняя, Ф. 1543^г, Р. 2728.

⁵⁹ Там же, Ох, упал снежок. Лирическая, Ф. 1567^в, Р. 2806.

⁶⁰ Там же, Ходил, гулял молодец, Ф. 1568^н, Р. 2809.

⁶¹ Григ., т. II, XVIII, Прodelки Васьки Шишка, 499.

⁶² Б. П., I, Старина про стара казака Илью Муромца, 501.

⁶³ Зданович. Русск. н. песни, № 14, Уж ты, вѣснущка, ты, весна. Весенняя, Воронежск. обл., стр. 39—40.

⁶⁴ Там же, № 29, Вырою я черѣмушку, стр. 63.

⁶⁵ Там же, та же песня, стр. 63—64.

⁶⁶ Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Брянск. обл., 1953, Ой, в лужку, лужку. Новогодняя поздравительная, Ф. 1543^а, Р. 2725.

⁶⁷ Там же, 1953, Штой по прежней по любви. Хороводная, Ф. 1545^а, Р. 2739.

⁶⁸ Там же, 1953, Зацвела в лузи лоза. Лирическая, Ф. 1546^б, Р. 2746.

вероятно, содействует тот факт, что в русском песенном языке широко распространен (значительно больше, чем в разговорной речи) вариант предлога *в—во*.

В расшифровках фонограмм песен мы встречаем: *фсѣ*⁶⁹... по *фсе-м(ы) городам*, по *фсе-м(ы) городам*, да по *фсем волостям*⁷⁰. *Ф тѣ(м)ном(ы) лесе*⁷¹.

Однако мы ни разу не встретили добавочного гласного после звука *ф*, добавочный гласный встречается только после *в*: *в(ы)сѣ*, *в(ы)се*: например, на *в(ы)се четыре сытаронушки*⁷², *в(ы) тѣм(ы)-но-м(ы) да лясу*⁷³.

Редко встречается добавочный гласный после согласных *г* и *х*.

Отметим появление добавочных гласных после *г* и *х* в сочетании их с сонорными.

Сочетание *гн*. В былинах: *г(ы)не-да тура*⁷⁴, *г(ы)неды тура*⁷⁵. В южнорусской лирической песне: *коромыслы гынутся*⁷⁶. После *х*—в сочетании *хн*. В южнорусской песне: *ео-з(ы)-до-х(ы)-нет*⁷⁷; в белорусской песне: *ба-цю-х(ы)на ны-та-е*⁷⁸.

В сочетании *гр* мы встречаем добавочный гласный после *г* в былине: *г(ы)розная*⁷⁹, в воронежской лирической песне: *винаг(ы)рад*⁸⁰. Точно также в белорусской песне: *иг(ы)-ра-е*⁸¹.

В былине при сочетании *хр*: *х(ы)ристовскую*⁸².

Мы встречаем ряд примеров, где добавочный гласный после *г* образуется в сочетании *гл* как в севернорусской, так и в южнорусской песне.

⁶⁹ Григ., т. II, XVI, Небылица (рядом с *фсѣ* встречаем *всѣ* и *вси* парусы), 497; XXVI, Дюк Степанович (2 раза), 503.

⁷⁰ Там же, XVIII, 497.

⁷¹ Песни Пинежья, № 40, Свѣтлая гринья... Свадебная, стр. 96.

⁷² Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Воронежск. обл., 1943, Плач невесты (после бани).

⁷³ Зданович, Русск. н. песни, № 29, Вырою я черемушку, Воронежск. обл., стр. 63.

⁷⁴ Григ., т. II, XIII, Васька пьяница и царь Баканище, 495.

⁷⁵ Там же, XXXII, Васька пьяница и Курган царь (2 раза), 506.

⁷⁶ Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Воронежск. обл., Чигольск. р., 1940, Свет Марьюшка, Ф. 697, Р. 512.

⁷⁷ Зданович, Русск. н. песни, № 33, В поле травка погорела, Воронежск. обл., стр. 71.

⁷⁸ Белорусские народные песни. Ин-т лит-ры АН СССР. [Сборник составлен З. В. Эвальд. Комментарии Е. В. Гишнуса, З. В. Эвальд, К. В. Квитки, В. М. Беляева]. Песни народов СССР (музыкально-фольклорная серия под редакцией Е. В. Гишнуса). М., Музгиз, 1941 (далее: Белорусские народные песни), На дварэ дудачка іграе... Вясельная, стр. 77.

⁷⁹ Григ., т. II, XXXVIII, Голубиная книга, 508; т. III, Голубиная книга, 662.

⁸⁰ Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Воронежск. обл., Чигольск. р., 1940, Свет Марьюшка, Ф. 697, Р. 512.

⁸¹ Белорусские народные песни, На дварэ дудачка іграе... Вясельная, стр. 77.

⁸² Б. П., I, 501.

В севернорусской лирической песне: *глыбокие снега*⁸³.
В южнорусской лирической песне: *гылаза*⁸⁴, *лег'ла*⁸⁵ (3 раза),
но встречается также *лег-ма*.

Сочетание *хм*: *о-по-х(ы)-ме-лиць-се*⁸⁶.

Кроме того, мы встречаем добавочный гласный в сочетании
г и х с несонорными.

В сочетании *гд*: в былине — *тог(ы)ды*⁸⁷; в сочетании *хв*:
в былине — *по-х(ы)-ва-ля-ит-се*⁸⁸.

Встречается дополнительный гласный и в конце слов: после
г — *бог(ы)*⁸⁹, *бог'*⁹⁰.

После *х* в былинах: *коницках(ы)*⁹¹, *многих(ы)*⁹², *рус(ы)ких(ы)*⁹³,
*могущих(ы)*⁹⁴, *про тех(ы)*⁹⁵.

В севернорусских лирических песнях: *(в) гла-за-хы*⁹⁶,
*глаза-хы*⁹⁷, *вы-соки-хы-ы*⁹⁸.

В южнорусских песнях: *йу пилах(ы) зубья приламались*⁹⁹,
в гос-тя-хы, перед тем: *в гостях*¹⁰⁰.

Выше мы указали, что в записях песен после согласных
г и х отмечено незначительное число случаев появления после
этих согласных добавочного гласного.

Но мы должны оговориться, что после междометий *ах—*
ох—эх очень часто появляется добавочный гласный. Это сле-
дует сказать и о севернорусских лирических песнях, и о ли-
рических песнях южнорусских.

В севернорусских лирических песнях мы встречаем междоме-
тия, оканчивающиеся добавочным гласным: *ахы*¹⁰¹ — *охы*¹⁰².

83. Песни Пинежья, № 66, Зима студёная, стр. 179.

84. Рук. ф. н. м. МГК, Брянск. обл., 1953, Эх, надоели мне ленты да крали. Лирическая, Ф. 1546^а, Р. 2747.

85. Руднева. Нар. п. Курск. обл., № 14 и 14а, Трава моя, тра-
вушка, стр. 46—47.

86. Григ., т. II, XV, Калика и голи кабацкие, 496.

87. Б. П., XVIII, 517.

88. Там же, XVII, 516.

89. Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Брянск. обл., 1953, Сам бог каравай
меся. Свадебная, Ф. 1580^г, Р. 2853.

90. Там же, Брянск. обл., 1953, У пана, пана умная жена, Ф. 1543^а,
Р. 2727.

91. Григ., т. II, VIII, 492.

92. Там же, XXXIX, Дунай, 509 и 511.

93. Там же, 510.

94. Там же, 510.

95. Там же, 511.

96. Песни Пинежья, № 37, Хорошо тому во сьвете жыти, стр. 89.

97. Там же, та же песня, стр. 90.

98. Там же, № 76^а, Из-за лесу, лесу темного... Свадебная, стр. 207.

99. Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Воронежск. обл., Чигольский р., 1943,
Стих о Ягории, Ф. 1011, Р. 771.

100. Там же. [записано от Е. Степанюгиной, расшифровка А. Рудне-
вой], Отдает меня батюшка, Ф. 1025^а, Р. 778.

101. Песни Пинежья, № 65, Прбтив вашого ах да высьбокуго нова да
двора... стр. 178.

102. Там же, № 45, Зэпил Ванюшка, стр. 113.

*ox(ы)*¹⁰³. В южнорусских песнях встречаем: *o(xo)*¹⁰⁴, *o-x(ы)*¹⁰⁵, но и *ox*; в другой песне *ox(ы)*¹⁰⁶ (2 раза), *э-ox(ы)*¹⁰⁷, дальше — *ox*¹⁰⁸, *oы*¹⁰⁹, *эx(ы)*¹¹⁰, *ax(ы)*¹¹¹, *эxy*, *да xy*, *эxy*, *oxy*, *эxy*, *-oxy*¹¹², *эxy да oxy*¹¹³.

Я привел здесь далеко не все песни, где после возгласов *ax—ox—эx* и т. п. встречаем добавочный гласный.

Было высказано предположение, что *ы* в начальных междометиях песенных строк *oxy*, *эxy* образовалось из *и*, стоявшего за междометиями *ox—эx*; в положении после твердых согласных *и* начинает звучать как *ы*, примыкает к междометиям, образуя с ними *эxy—oxy*¹¹⁴.

Нам кажется, что для отдельных случаев это предположение принять можно. Но нет основания все добавочные гласные в междометиях *эx—ox* считать образовавшимися из конечного согласного *x* и следующего за ним гласного *и*.

Выше нами приведены примеры, где в конце различных слов после *x* появляется добавочный гласный, который мы встречаем в конце слов и после других согласных. Укажем также, что после *x* появляется не только добавочный гласный *ы*, но и *о*.

¹⁰³ Народные песни Вологодской области. Сборник фонографических записей под редакцией Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд. Записи текстов А. М. Астаховой и Н. П. Колпаковой. Музыкальные записи Е. В. Великанова и Ф. А. Рубцова. Фольклорная комиссия при Институте этнографии АН СССР. Л., Музгиз, 1938 (далее: Песни Вологодской обл.), Ай подуй-ко, спойей да погодушка... стр. 108.

¹⁰⁴ Зданович. Русск. н. песни, № 20, Зашатал, загулял добрый молодец, Воронежск. обл., стр. 48.

¹⁰⁵ Там же, та же песня, стр. 48; Концерты Пятницкого. Весенние. Вёснущка, Жаворонок. (Оx(ы) повторяются много раз), стр. VIII.

¹⁰⁶ Зданович. Русск. н. песни, № 39, Зеленая рощица, Воронежск. обл., стр. 84.

¹⁰⁷ Там же, № 50, Кумушка. Шуточная, стр. 110.

¹⁰⁸ Там же, та же песня, стр. 112.

¹⁰⁹ Там же, № 60, Из-за лесыку. Хороводная, Рязанск. обл., стр. 154; Концерты Пятницкого. Весенние. Вёснущка, стр. VIII; Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Воронежск. обл., Чигольский р., 1940, Ой да уж ходила девчечочка Ф. 705, Р. 416; там же, Брянск. обл., 1953, Нема в саде соловейко. Живная, Ф. 1544^а, Р. 2736; там же, Ой жалко мне вечерочка. Живная, (Оx(ы) 4 раза), Ф. 1544^а, Р. 2738; там же, Штой по прежней по любви. Хороводная, Ф. 1545^а, Р. 2739; там же, Что по травке, по муравке. Хороводная, Ф. 1545^б, Р. 2744.

¹¹⁰ Русские народные песни Воронежской области. Подготовлен Воронежским домом народного творчества. М.—Л., Музгиз, 1939 (далее: Русск. нар. п. Воронежск. обл.), Две садовые кукушки (запись С. Попова стр. 42; концерты Пятницкого. Протяжные. Посылала Ваню мать, стр. X.

¹¹¹ Концерты Пятницкого. Протяжные. Туманушки, (2 раза), стр. XII.

¹¹² Русск. нар. п. Воронежск. обл., Эх, кто не был за Дунаем. Старая солдатская песня, стр. 51.

¹¹³ Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Воронежск. обл., Чигольский р., 1940, Мил поехал, Ф. 8192, Р. 618.

¹¹⁴ И. К. Зайцева. Некоторые фонетические особенности языка русской народной песни (на материале песен Воронежской области). Филологический сборник. Воронежский гос. ун-т, Воронеж, 1961, стр. 149.

Отметим появление добавочного гласного после *д* и *т*. Сначала укажем появление этих гласных в сочетаниях с сонорными.

Сочетание *дн*. В былинах: *од(ы)на*¹¹⁵, *ед(ы)ношо* . . . *о-р(ы)сныя*¹¹⁶, *бед(ы)ного*¹¹⁷, *под(ы)носила*¹¹⁸.

В севернорусской лирической песне: *ад(ы)на*¹¹⁹, *рад(ы)ной*¹²⁰.

В южнорусских песнях: *ха-ло(ы-о)д(ы)на-я*¹²¹, *ве-т'-ры холод'-ны*¹²².

Сочетание *тн*. В былинах: *причет(ы)ников*¹²³ = *причетников*, *приворот(ы)ничья*¹²⁴.

Сочетание *др*. В былинах: *вед(ы)ра*¹²⁵.

В севернорусской лирической песне: *вед(ы)ры*¹²⁶, *ды-рук* = *друг*¹²⁷.

В южнорусской песне: *И-ваш-ка д'-ру-жо-чек*¹²⁸, *по-д(ы)-ру-же-жёнъки*¹²⁹.

В плаче: *и любез(ы)ная моя под(ы)ру-у-жанька*, и дальше: *и любезына'а подыружники*¹³⁰; *ты любезыная подыру-у-жёнъка*¹³¹.

Сочетание *тр*. В былинах: *шат(ы)ры*¹³², *шат(ы)ру*¹³³.

В севернорусской лирической песне: *ве--(--ты)ры*¹³⁴.

В южнорусских лирических песнях: *на у-т(ы)-ру*¹³⁵, *ут(ы)-рёт-ся*, дальше — *ут-рёт-ся*¹³⁶, *т'-ра-вуш-ка* и *т'-ра-ва* (2 раза), впереди и после — *тра-ва*; *т'-ра-вуш-ка* и *т'-рава* (3 раза) находим и в варианте этой песни № 14а, и *т'-ра-вуш-ка* находим в ва-

115 Б. П., II, 503.

116 Григ., т. II, VI, Васька пьяница и Кудреванко царь, 491.

117 Б. П., XI, Как про белого сказать [Бутман], 512.

118 Б. П., III, 503.

119 Берг., № 7, стр. 14.

120 Там же, № 8, стр. 15.

121 Зданович, Русск. н. песни, № 24, Ох да, прошло лето, Воронежск. обл., стр. 56.

122 Руднева. Нар. п. Курск. обл., № 35, Из-под зорюшки, стр. 95.

123 Б. П., V, 507.

124 Григ., т. II, XX, Бой Добрыни с Дунаем, 500.

125 Б. П., III, 503.

126 Берг, № 5, стр. 11.

127 Песни Пинежья, № 143, Да што дырукы за любитель . . . , стр. 331.

128 Руднева. Нар. п. Курск. обл., № 3, Поведу я таночек, стр. 26.

129 Зданович. Русск. н. песни, № 10, Гуторят, тебя, Грунюшка, пропили. Свадебная, стр. 32.

130 Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Воронежск. обл., 1943, Плач невесты (после бани).

131 См. расшифровку «Плача невесты», помещенную на стр. 385.

132 Б. П., IV, 504.

133 Там же.

134 Песни Пинежья, № 75, Ино дунули ветры . . . , стр. 204.

135 Зданович. Русск. н. песни, № 5, Не трубушка трубит. Свадебная, Воронежск. обл., стр. 21.

136 Там же, № 22, Коромыслы, стр. 52—53.

рианте этой же песни № 50. Другие повторения в этом варианте слов *трава* и *травушка* без добавочного гласного¹³⁷.

В белорусской песне в сочетаниях *тр: т(ы)рава*¹³⁸.

Сравни в словацком песенном языке *veteg* отличное от разговорной речи розбегского (Сеницкий р-н) диалекта, где только: *vetr, litr, Petr, kmotr*¹³⁹.

Сочетание *дл*. В южнорусской песне: *да́гад^{бл}ливáя*¹⁴⁰.

В белорусской песне: *ся-д(ы)-ла-е*¹⁴¹.

Сочетание *тл*. *Зашўт^{бл}ливѣти*¹⁴².

После *д* и *т* добавочный гласный появляется в середине слов не только в сочетаниях с сонорными. Приведем примеры.

Сочетание *дв*. В былине: *д(ы)ва*¹⁴³.

В южнорусской песне: *дыва*¹⁴⁴, *д'вора*¹⁴⁵.

В белорусской песне: *на д(ы)ва-рэ*¹⁴⁶.

Сочетание *тв*: *т'воя* (2 раза), но рядом и *твоя*¹⁴⁷.

Сочетание *дж*: *яго-д(ы)ку*¹⁴⁸.

Сочетание *тк*. В былине: *от(ы)кры-ва-ли-ся*¹⁴⁹.

В южнорусских песнях: *за ут^{бл}кими*¹⁵⁰, *дет-(ы)-ка*¹⁵¹.

Добавочный гласный образуется после *д* и *т* в конце слова.

Приведем примеры слов с добавочным гласным в конце слова из былин: *город(ы)*¹⁵², *год(ы) = год*¹⁵³, *под(ы)*¹⁵⁴. После палатализованного *д*: *ведь(и)*¹⁵⁵.

¹³⁷ Руднева. Нар. п. Курск. обл., № 14, Трава моя, травушка, стр. 45—46; вариант этой песни № 14а, стр. 47; № 50, стр. 121.

¹³⁸ Белорусские народные песни. Ой, выйду я на сяло, малада..., стр. 69.

¹³⁹ Príde veter, tuhí veter, žitko vimláci... J. O r a v e s. Reč l'udových piesní a nářečová norma. «Jazykovedné štúdie», II, Dialektológia, Bratislava, 1957, s. 78.

¹⁴⁰ Дурново. Заметка, № 5, стр. 936.

¹⁴¹ Белорусские народные песни. На дварэ дудачка іграе..., стр. 77.

¹⁴² Дурново. Заметка, № 5, стр. 935.

¹⁴³ Григ., т. II, XXXII, 506.

¹⁴⁴ Што 'з-за-гор горы. См. расшифровку, напечатанную в нашем докладе стр. 393—395.

¹⁴⁵ Руднева. Нар. п. Курск. обл., № 7, За речкою, за быстрою, стр. 31.

¹⁴⁶ Белорусские народные песни. На дварэ дудачка іграе..., стр. 77.

¹⁴⁷ Руднева. Нар. п. Курск. обл., № 21, Доня, Доня, стр. 71.

¹⁴⁸ Зданович. Русск. н. песни, № 29, Вырою я черёмушку, Воропежск. обл., стр. 63.

¹⁴⁹ Б. П., XIX, 518.

¹⁵⁰ Дурново. Заметка, № 4, стр. 935.

¹⁵¹ Зданович. Русск. н. песни, № 56, Ай, баю, баю. Колыбельная, Рязанская обл., стр. 121.

¹⁵² Б. П., III, 503.

¹⁵³ Там же, XVIII, 516.

¹⁵⁴ Там же, XXIII, 521.

¹⁵⁵ Там же, XXIII, 522.

В конце слов хороводных брянских песен: *в Киев-город(ы)*¹⁵⁶, *город(ы) = огород*¹⁵⁷.

В белорусской песне: *над(ы)*¹⁵⁸ (предлог) — 2 раза, а также в конце слова после *дз*: *да пры-бу-дз(і)*¹⁵⁹.

Отметим добавочный гласный в конце слов после твердого *т*. В былинах: *тут(ы) = тут*¹⁶⁰, *тут(ы)*¹⁶¹, но потом — *тут; вот(ы)*¹⁶².

Далее приводим ряд примеров добавочного гласного в окончании 3-го лица единственного числа глаголов: *вяжет(ы)*¹⁶³, *заходит(ы)*¹⁶⁴, *откатывают(ы)*¹⁶⁵, *ходит(ы)*¹⁶⁶, *ос(ы)тавляет(ы)*¹⁶⁷, *везет(ы)*¹⁶⁸, *волочит(ы)*¹⁶⁹.

В лирической песне Пинежья: *го-во-ри — э-и-ты*¹⁷⁰.

В южнорусских песнях: *бу-дет(ы)*¹⁷¹; *крушит(ы)*¹⁷².

В белорусской песне: *вы-хо-дит(ы)*¹⁷³. *На-вяжу-т(ы) ка лён; т(ы)ка = тка*¹⁷⁴.

После *т* твердого в южнорусской песне: *нет(ы)* (2 раза)¹⁷⁵.

После *т* палатализованного в севернорусской лирической песне мы встречаем: *жит(у)е*. Ранее это слово много раз было расшифровано как *житье*. Дальше на стр. 97 опять *жит(у)е*¹⁷⁶.

После *т* палатализованного мы встречаем в былинах:

---

¹⁵⁶ Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Брянск. обл., 1953, Верный, верный наш колодец. Хороводная, Ф. 1545г, Р. 2742.

¹⁵⁷ Там же, Сам я колышку тешу. Хороводная, Ф. 1564г, Р. 2785.

¹⁵⁸ Белорусские народные песни, Ляці, ляці, ты чорная галка.... стр. 29.

¹⁵⁹ Там же, Да-й паду-й з зялёнага гаю...., стр. 36.

¹⁶⁰ Б. П., III, 503.

¹⁶¹ Григ., т. II, VIII, 492.

¹⁶² Б. П., XXIV, 523.

¹⁶³ Б. П., IV, 504.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Там же, VII, 508.

¹⁶⁶ Там же, XVI, 515.

¹⁶⁷ Там же, XVIII, 517.

¹⁶⁸ Там же, XXI, 520.

¹⁶⁹ Григ. т. II, XXX, 505.

¹⁷⁰ Песни Пинежья, № 65, Против нашего...., стр. 178.

¹⁷¹ Зданович. Русск. н. песни, № 56, Ай, баю, баю, баю, Колыбельная, Рязанск. обл., стр. 121.

¹⁷² Русск. нар. п. Воронежск. обл., Соловей, соловьюшко (запись С. Попова), стр. 31.

¹⁷³ И. К. Зданович. Народные песни местечка Селец, Пружанского уезда Полесского воеводства (Западная Белоруссия). — Труды Гос. ин-та музыкальной науки, М., Музгиз, 1931, № 43, Ой, выходит тёмна хмара...., стр. 36.

¹⁷⁴ Белорусские народные песни, Брала дзеўка лён...., стр. 99.

¹⁷⁵ Русск. нар. п. Воронежск. обл., Соловей-соловьюшко (запись С. Попова), стр. 31.

¹⁷⁶ Песни Вологодской обл. Быт старой деревни. Не меняйте-тко, девки, волю на неволю...., стр. 95—97.

*в путь(у)*¹⁷⁷ = *в путь*, *заповети*¹⁷⁸ = *заповедь*, *девят(у)*¹⁷⁹ = *девятъ*, *тридцат(у)*¹⁸⁰ = *тридцать*, *вплот(у)*¹⁸¹ = *вплоть*.

Инфинитив в былине: *гулят(у)*¹⁸² = *гулять* (2 раза).

То же в южнорусской песне: *изловить(у)*¹⁸³ = *изловить*, *посадить(у)*¹⁸⁴.

Предлог *от* звучит то с дополнительным гласным после *т*, то без него:

О-т(ы) мо-ря си-ня-го,

А от си-не-го мо-рю-ш(ы)-ка сту-дѣ-но-го,

От то-го же о-т(ы) ка-ме-ш(и)-ка от ла-ты-ря,

А от то-и же ба-буш(и)-ки З(ы)-латы го-р(ы)-ки¹⁸⁵.

После согласных *ж*, *ш* и *ч* добавочный гласный образуется редко.

Приведем сначала примеры, где добавочный гласный встречается в сочетании *ж*, *ш* и *ч* с сонорными согласными.

Сочетание *жн*. В былине: *лож(у)ничьял(ы)*¹⁸⁶.

Сочетание *шн*. В южнорусской песне: *то-ш(у)-но* (2 раза).

При этом второй раз один голос поет *то-ш(у)-но*, а другой *тош-но*. Дальше на следующей странице *то-шно*, а затем *то-ш(у)но*¹⁸⁷.

Сочетание *чн*. В былине: *со восточ(е)нюю*¹⁸⁸.

Сочетание *жл*. В былине: *везж(ы)ливья*¹⁸⁹.

Сочетание *шл*: *про-ш(у)-ла*, далее — *про-шла* (3 раза)¹⁹⁰.

Мы можем привести много примеров появления добавочного гласного после *ж*, *ш* и *ч* в сочетании *жк*, *шк* и *чк*.

Сочетание *жк*: *пад(а) ав-раж-(ы)ком*¹⁹¹, *дру-ж(у)-кю*¹⁹²; *ой в лу-жку*, *луж(у)ку* калина *в(ы) круж(у)ку*¹⁹³; *с береж'ками* (несколько раз)¹⁹⁴.

¹⁷⁷ Б. П., I, 501.

¹⁷⁸ Григ., т. II, VII, 492.

¹⁷⁹ Б. П., II, 502; V, 504.

¹⁸⁰ Там же, V, 506.

¹⁸¹ Григ., т. II, XIII, 495.

¹⁸² Там же, XX, 501.

¹⁸³ Русск. нар. п. Воронежск. обл., Соловей-соловьушко, (запись С. Попова), стр. 31.

¹⁸⁴ Там же, та же песня, стр. 31.

¹⁸⁵ Григ., т. II, XL, Молодость Сокольника, добывание им коня и доспехов и бой его с Ильей М..., стр. 509.

¹⁸⁶ Там же, XX, 500.

¹⁸⁷ Зданович. Русск. н. песни, № 28, Тошно, грустно, мне молодчику, стр. 61—62.

¹⁸⁸ Григ., т. II, XXXVIII, 508.

¹⁸⁹ Там же, XVII, 497.

¹⁹⁰ Зданович. Русск. н. песни, № 24, Ох, да прошло лето, Воронежск. обл., стр. 55.

¹⁹¹ Там же, № 66, В лесе под овражком. Шуточная, Рязанск. обл., стр. 133.

¹⁹² Там же, № 30, Я б посеяла млада, младенька, Воронежск. обл., стр. 66—67.

¹⁹³ Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Брянск. обл., 1953, Ой, в лужку, лужку-Новогодняя поздравительная, Ф. 1543^a, Р. 2725.

¹⁹⁴ Там же, Чтой у батюшки ворот, Ф. 1545^b, Р. 2740.

Особенно часто появляется добавочный гласный в сочетании *шк*.

В былинах: *До-б(ы)-ры-ню-ш(и)-кой*¹⁹⁵, *Доб(ы)-ры-ню-ш(и)-ка(э)*¹⁹⁶.

Рядом стоящие два стиха разнятся между собой: в одном слове *Добрынюшка* после *ш* есть добавочный гласный (*и*), в другом — нет:

Три го-да До-б(ы)-ры-нюш(и)ка-та с(ы)толь-ни-чял,
А три го-да Д-об(ы)-ры-нюш-ка при-во-ро-т(ы)-ни-чял...¹⁹⁷

Ни-ки-ту-ш(и)-ка, дальше — *Ни-ки-туш-ка*, а потом опять — *Ни-ки-ту-ш(и)-ка*¹⁹⁸; *си-лу-ш(и)-ко-ю*¹⁹⁹; *си-лу-ш(и)-ко-ю*²⁰⁰; *морю-ш(ы)-ка*²⁰¹. Дальше в той же былине: *каме-ш(и)-ка*²⁰²; *ба-бу-ш(и)-ки*²⁰³, *ча-ды-ш(и)ко* (3 раза)²⁰⁴. В былине «Сорок калик со каликою» — *морю-ш(и)-ка*²⁰⁵.

В южнорусских песнях: *чир'бмуш^ика*²⁰⁶, *красн^ю девуш^ику*²⁰⁷, *паг^юдуш^ика*²⁰⁸.

Глагольная форма — *замеш^ик^ыльсь*, рядом — *замешк^ыльсь*²⁰⁹. В южнорусских песнях: *бе-се-ду-ш(и)-ка*, дальше — *беседушка*²¹⁰, *сва-ту-ш(и)кя*²¹¹, дальше — *сватушка*, *Гру-ню-ш(и)-ка*²¹², *во-лю-ш(и)-ка*²¹³, *чи-р^е-ё-му-ш(и)-ку*²¹⁴, дальше — *чи-р^е-му-шку*. . . При *да-ли-ну-ш(и)-ке* *ка-ли-ну-ш(и)-ка*. Дальше — *ка-ли-нуш-ку* (2 раза)²¹⁵, *де-ти-ну-ш(и)-ка*²¹⁶, *у де-ву-ш(и)-ке*²¹⁷, *ба-раш-ы-ка*²¹⁸,

195 Б. П., V, 507.

196 Там же.

197 Григ., II, XX, 500.

198 Б. П., V, 505.

199 Там же, VII, 509.

200 Там же, XVI, 515.

201 Григ., XL, стр. 509.

202 Там же, та же песня.

203 Там же, та же песня.

204 Там же, та же песня.

205 Там же, XLII, стр. 510.

206 Дурново. Заметка, № 4, стр. 934.

207 Там же.

208 Там же.

209 Там же.

210 Зданович. Русск. н. песни, № 4, Веселая беседушка. Свадебная, Воронежск. обл., стр. 19.

211 Там же, № 5, Не трубушка трубит. Свадебная, Воронежск. обл., стр. 21.

212 Там же, № 10, Гуторят, тебя, Грунюшка, пронили. Свадебная, Воронежск. обл., стр. 31.

213 Там же, № 16, Уж ты волюшка, Воронежск. обл., стр. 43.

214 Там же, № 29, Вырою я черёмушку, Воронежск. обл., стр. 63 и 64.

215 Там же, № 63, При до-ли-нушке калинушка стоит, Рязанск. обл., стр. 128.

216 Там же, № 65, Хорошо тому на свете жить, Рязанск. обл., стр. 132.

217 Там же, № 72, Лучше, лучше бы я в девушках сидела, Смоленск. обл., стр. 147.

218 Там же, № 66, В лесе под овражком.: Шуточная, Рязанск. обл., стр. 133

*ручучушки*²¹⁹, *вё-сну-ш(и)ка*²²⁰, *ту-ма-ну-ш(и)ки* (2 раза)²²¹, *молодой хлопчиш(и)ка*²²², *орешки*²²³.

В сочетании *чк* добавочный гласный появляется после *ч* и в былинах, и в лирических песнях.

В былинах: *имеч(и)ко* = *имечко*²²⁴, *сметоч(и)кою*²²⁵, *чулоч(и)-каж*²²⁶.

В севернорусских песнях: *во-ко-ше-ч(и)-ко* (2 раза)²²⁷, но перед этим — *во-ко-ше-чко*.

В южнорусских песнях: *цвя-то-ч(е)-ки*²²⁸, *ба-бо-ч(и)-ку* = *бабочку*²²⁹, *девычёначи-и-ка*²³⁰.

В белорусской песне: *ду-дач(а)ка*²³¹, *да зпры-пе-ч(ы)ка*²³².

В сочетании *жд* дополнительный гласный слышится после *ж* в одной из лирических песен: *за-ра-ж(и)да-ится*²³³.

Отмечено появление добавочного гласного после *ж* и *ч* в конце слова.

В обрядовой южнорусской песне мы встречаем: *уш(и) ты* и *уж(ы) нам*²³⁴, *ш* перед *т* и *ж* перед *н*.

Отмечено появление добавочного гласного в конце слова после *ш*: *не зна-ешь(ы)ли* (2 раза)²³⁵, *не кляюшь(и)*²³⁶, *наш(и)*²³⁷, *наш(и) ка-рб-лин-ка*²³⁸.

Дополнительный гласный в конце слова мы встречаем и после *ч*: *Никитич(и)блад!*²³⁹.

Отметим, что палатизированное долгое *ш* раздваивается (как это отмечено в расшифровке) на два звука, *ш* и *ч*, и между

²¹⁹ Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Воронежск. обл., 1943, Плач невесты (после бани).

²²⁰ Концерты Пятницкого. **Весенние**. Вёснушка, стр. VIII.

²²¹ Там же. **Протяжные**. Туманушки, стр. XII.

²²² Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Брянск. обл., 1953, Ой в лужку; лужку. **Новогодняя поздравительная**, Ф. 1543^a, Р. 2725.

²²³ Концерты Пятницкого. **Плясовые**. Комарь, стр. XIV.

²²⁴ Б. П., V, 507.

²²⁵ Там же, XVI, 515.

²²⁶ Там же, XIX, 518.

²²⁷ Песни Вологодской обл., Не светел месяц... , стр. 12.

²²⁸ Зданович. Русск. н. песни, № 68, Теплый вечер, Рязанск. обл., стр. 136.

²²⁹ Там же, № 69, Зазноба, Тульск. обл., стр. 140.

²³⁰ Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Воронежск. обл., Ой да уж ходила Ф. 705, Р. 416.

²³¹ Белорусские народные песни, На дварэ дудачка іграе, стр. 77.

²³² Там же, Покаціўся гарнушачак... **Талочная**, стр. 100.

²³³ Зданович. Русск. н. песни, № 13, Отчего вот этот камень. (Песня времен Николая I.). **Рекрутская**, Воронежск. обл., стр. 38.

²³⁴ Концерты Пятницкого. **Весенние**. Вёснушка, стр. VIII.

²³⁵ Зданович. Русск. н. песни, № 16, Уж ты, волюшка, Воронежск. обл., стр. 43.

²³⁶ Русск. нар. п. Воронежск. обл., Соловей, соловьюшко (запись С. Попова), стр. 31.

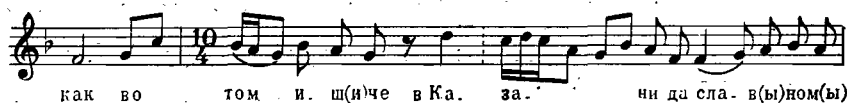
²³⁷ Концерты Пятницкого. **Острожная**. Бродяга, стр. V.

²³⁸ Там же. **Протяжные**. Карблінка, стр. XI.

²³⁹ Б. П., V, 507.

ними образуется добавочный гласный *и*: *иш(и)че* = *ище*. Как во том *иш(и)че* в Казани да сла-в(ы)но-м(ы) городе²⁴⁰. При этом разделении особая нота приходится на *и*, особая на *ш(и)* и особая нота на *че*.

В других расшифровках долгое *иш* делится как бы на две части, на два звука, при этом одна часть *ш* относится к одной ноте, другая — к другой; *иш-ше*²⁴¹, *иш-ша*²⁴².

Рассмотрим появление добавочного гласного после *з* и *с*. Сначала укажем появление добавочного гласного после *з* и *с* в середине слова в сочетании этих согласных с сонорными. Сочетание *зр*. В языке былин: *на воз(ы)расте*²⁴³.

В южнорусских песнях: *саз^мрѣј, сазрѣј...*²⁴⁴, *саз^ррем³иш*²⁴⁵.

Сочетание *ср*: *с(ы)-руб-лю* (2 раза)²⁴⁶.

Сочетание *зл*. В былинах: *з(ы)лато* = *злато*²⁴⁷, *з(ы)-ла-то-ро...о-ги-я*²⁴⁸; *З(ы)латыгор(ы)ки*²⁴⁹.

В севернорусских песнях: *ро-зы-лука* (2 раза)²⁵⁰, *ро-зы-ле-ва...-ла -се* = *розлевалася*²⁵¹.

Сочетание *сл*. В былинах: *благос(ы)ловен(и)ище*²⁵², *с(ы)лав(ы)-ном(ы)*²⁵³.

В севернорусской лирической песне: *во с(ы)ло-бо-тке*²⁵⁴.

В южнорусских песнях: *коромыслы*²⁵⁵; *па-сы-ле-ды-ню-ю* (2 раза)²⁵⁶; *с(ы)-ла-м(ы)-а-лись*²⁵⁷.

²⁴⁰ Б. П., V, Про Добрыню, 505.

²⁴¹ Григ., т. II, XVIII, 499; XVI, 497.

²⁴² Там же, т. II, XVII, Садко, 495; XXIII, Добрыня и Маринка, 501—502; XXVI, Дюк Степанович, 503.

²⁴³ Б. П., II, 502.

²⁴⁴ Дурново. Заметка, № 4, стр. 934.

²⁴⁵ Там же.

²⁴⁶ Зданович. Русск. н. песни, № 44, Со вечера, с полуночи; Воронежск. обл., стр. 98.

²⁴⁷ Б. П., XXXVI, 524.

²⁴⁸ Григ., т. II, VI, 491; XXXII, 506.

²⁴⁹ Там же, XL, 509.

²⁵⁰ Песни Пинежья № 32а, Сёгёдешной дѣни скўка... , стр. 77.

²⁵¹ Там же, № 65, Прѣтив нѣшого ах да высѣкуго новѣ да двора... , стр. 175.

²⁵² Б. П., XXIII, 522.

²⁵³ Григ., II, XLIII, 510.

²⁵⁴ Песни Пинежья, № 86, Эх, за рецїнкой слобѣдушка да стоїт... , стр. 222.

²⁵⁵ Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Воронежск. обл., Чигольск. р., 1940, Свет Марьюшка, Ф. 1023⁶, Р. 766.

²⁵⁶ Плач матери по дочери-невесте. См. ноты в нашей статье на стр. 386.

²⁵⁷ Зданович. Русск. н. песни, № 22, Коромыслы, Воронежск. обл., стр. 53.

Сочетание *зн.* В севернорусской лирической песне: *со любез(ы)-ным*²⁵⁸.

В южнорусской песне: *и любез(ы)ная*²⁵⁹, *и любезына'а*²⁶⁰, *любезыным*²⁶¹ *разлюбезз(ы)ная*²⁶², *не зынает*²⁶³.

Сочетание *сн.* В былинах: *я-с(ы)на = ясна*²⁶⁴, *чос(ы)ном(ы)*²⁶⁵, *чос(ы)ном*²⁶⁶.

В сочетании *с* с палатилизованным *н — сн'*: *пес(и)ню*, дальше — *песню*²⁶⁷.

В южнорусских песнях: *кра-с(ы)-ны-м(ы) девкам*, и дальше — *э и да, ох и кра-сным*²⁶⁸, *вясна кра-с(ы)на*²⁶⁹, *сон(ы)ца я-с(ы)-на*²⁷⁰, *вя-с(ы)-на*, потом — *вя-сна*²⁷¹, *ка-ры-с(ы)-на-ю*²⁷², *со-с'ына* (2 раза)²⁷³, *вес(ы)на*²⁷⁴.

Теперь рассмотрим случаи появления добавочного гласного после *з* и *с* в сочетании их с несонорными.

Сочетание *зв.* В былинах: *наз(ы)вати = назвати*²⁷⁵, *раз(а)ворочены*²⁷⁶.

В северной лирической песне: *доз(ы)волю*²⁷⁷.

В южнорусской песне: *зво-ны з'-во-нят*²⁷⁸.

В белорусской песне: *з(ы)-ва-ны зво-няць*...²⁷⁹.

Сочетание *св.* В южнорусских песнях: *с'-ве-чи*²⁸⁰, *не с'водь*²⁸¹, *с(ы)-ва-ю*²⁸².

258 Песни Вологодской обл., стр. 58.

259 Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Воронежск. обл., 1943, Плач невесты (после бани).

260 Там же, та же песня.

261 Там же, та же песня.

262 Русск. нар. п. Воронежск. обл., Востокуйся, востокуйся, (запись К. Массалитинова и А. Рудневой), стр. 42.

263 Там же, Эх... кто не был за Дунаем. Старая солдатская песня, запись А. Рудневой), стр. 4.

264 Б. П., V, 506.

265 Григ., т. II, XXX, 505.

266 Там же, XXXIV, 507.

267 Б. П., XXIII, 521.

268 Зданович. Русск. н. песни, № 14, Уж ты, вёснущка, ты, весна. Весенняя, Воронежск. обл., стр. 40.

269 Там же, № 59, Веселитесь, подружки. Весенняя, Рязанск. обл., стр. 123.

270 Там же, та же песня, стр. 123.

271 Там же.

272 Там же, № 62, Мне не жаль того батьку, Рязанск. обл., стр. 127.

273 Руднева. Нар. п. Курск. обл., № 18, У ворот сосна всколыхалася, стр. 67.

274 Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Брянск. обл., 1953, Ой, ты весна, весняночка, Ф. 1579^с, Р. 2843.

275 Б. П., V, 507.

276 Там же, I, 501.

277 Берг, № 9, стр. 17.

278 Руднева. Нар. п. Курск. обл., № 24, В городе звоны звонят, стр. 76.

279 Белорусские народные песни, Да у нядзельку рана... стр. 48.

280 Руднева. Нар. п. Курск. обл., № 24, В городе звоны звонят, стр. 76.

281 Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Брянск. обл., 1953, Петровочка-голодовочка. Петровочная, Ф. 1544^г, Р. 2734.

282 Концерты Пятницкого. Протяжные. Карблинка, стр. XI.

В белорусской песне: *с(ы)ват*²⁸³.

Сочетание *зд*. В былинах: *ез(ы)дил(ы)*²⁸⁴.

В севернорусских песнях: *розыдолея*²⁸⁵, *ра-з(ы)-дуй-ко*²⁸⁶.

В южнорусской песне: *во-з(ы)-до-х(ы)нёт* = *воздохнёт*²⁸⁷.

Сочетание *ст*. В былинах: *чес-(ы)тны*²⁸⁸, *чис(ы)ту*²⁸⁹, *с(ы)-тол(ы)бу*²⁹⁰, *девья'нос(ы)то*²⁹¹, *сос(ы)тарил(ы)сы*²⁹², *перис(ы)-тавил(ы)се*²⁹³, *с(ы)таканами*²⁹⁴, *ос(ы)тавляёт(ы)*²⁹⁵, *чис(ы)том полюшке*²⁹⁶, *крес(ы)ту*²⁹⁷, *со с(ы)тороночку*²⁹⁸.

В южнорусских песнях: *бы-с(ы)-стра-ю*²⁹⁹, *сытаро'о'нушка*³⁰⁰, *рас(ы)творатйся*³⁰¹.

Сочетание *жк*. В южнорусской песне: *скажижу скажу* (3 раза)³⁰².

Сочетание *ск*. В былинах: *с(ы)казать*³⁰³, *с(ы)казать* (2 раза)³⁰⁴, *с(ы)казать* (2 раза)³⁰⁵, *с(ы)казал*, дальше — *сказал*³⁰⁶, *лас(ы)-кова*³⁰⁷, *лас(ы)кова*³⁰⁸, *у лас(ы)кова*³⁰⁹, *лас(ы)кова*³¹⁰, *рус(ы)ких*³¹¹, *рус(ы)ких*³¹², *рус(ы)ких(ы)*³¹³, *рус(ы)ких бояров*³¹⁴. После палатализованного *с*: *Вас(и)ка* (2 раза), встречается и *Васька*³¹⁵.

²⁸³ Белорусские народные песни, У канцы двара... , стр. 39—40.

²⁸⁴ Б. П., IV, 503

²⁸⁵ Песни Пинежья, № 75, Ино дунули ветры... , стр. 205.

²⁸⁶ Песни Вологодской обл., Ах, подуй-ко, словей да погодушка, стр. 108.

²⁸⁷ Зданович. Русск. н. песни, № 33, В поле травка погорела, Воронежск. обл., стр. 71.

²⁸⁸ Б. П., III, 502.

²⁸⁹ Б. П., IV, 503.

²⁹⁰ Там же, IV, 504.

²⁹¹ Там же, V, 505.

²⁹² Там же, V, 505.

²⁹³ Там же, VII, 505.

²⁹⁴ Там же, VII, 508.

²⁹⁵ Там же, XVIII, 517.

²⁹⁶ Там же, XXII, 521.

²⁹⁷ Григ., т. II, XLII, 510.

²⁹⁸ Григ., т. II, XXXVIII, 508.

²⁹⁹ Зданович. Русск. н. песни, № 2, Ох, не за речкою. **Историческая**, Воронежск. обл., стр. 14.

³⁰⁰ Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Воронежск., обл., 1943, Плач невесты (после бани).

³⁰¹ Там же.

³⁰² Там же, Воронежск. обл., Чигольск, р., 1940, Ох, как кисель са-ламату дерет. **Плясовая**, Ф. 8192, Р. 613.

³⁰³ Б. П., VII, 508.

³⁰⁴ Там же, XVI, 515.

³⁰⁵ Там же, XVII, 516.

³⁰⁶ Там же, XXII, 521.

³⁰⁷ Там же, XXV, 523.

³⁰⁸ Григ., т. II, XXXIX, 508.

³⁰⁹ Григ., т. II, XLI, 509.

³¹⁰ Там же, XLIII, 510.

³¹¹ Там же, XXXVI, 507.

³¹² Там же, XXXIX, 509.

³¹³ Там же, XLI, 510.

³¹⁴ Там же, XLIII, 511.

³¹⁵ Там же, XLVIII, 498.

В белорусской песне: *ра-с(ы)краса-віцу* (2 раза)³¹⁶, *рас(ы)красо-на-е*³¹⁷.

Добавочный гласный появляется также после *з* и *с* в конце слова.

В былине: *из-(ы)речей*³¹⁸.

В севернорусской лирической песне: *насы=нас*³¹⁹.

В южнорусских песнях в предлоге *с* образуется добавочный гласный: *с(ы)-мо-рич-кя*³²⁰, *с(ы)ма-ли-нуш-кою*³²¹, *с(ы)пла-хой*³²², а также слово *колос(ы)*³²³.

После *ј* и *і* в конце слова образуется добавочный гласный.

В былинах: *силушкою*³²⁴, *смёткою*³²⁵, *доб(ы)рай(и)*³²⁶, *чюд-неи*³²⁷, *старой-е*³²⁸ *у е(и)* (2 раза)³²⁹, *князеи*³³⁰.

Всем этим добавочным гласным (*и*, *е*) соответствует в былинах особая нота или даже несколько нот.

Точно так же особая нота соответствует и добавочным гласным в севернорусских и южнорусских лирических песнях.

В севернорусской лирической песне: *но-цю--и=ночуй*³³¹.

В южнорусских песнях: *лю-би-май(и) ста-ро--нуш-ки*³³², *ры-тливой(и)*, *се-р(ы)-цо*³³³, *ст'ранбј^b м'ашйт' мој^b милбј^b*³³⁴.

В расшифровках фонограмм и в записях песен мы довольно часто встречаем добавочный гласный после согласного *к*.

Рассмотрим сначала появление добавочного гласного в различных сочетаниях в середине слова.

Сочетание *кн*. Часто в былинах мы встречаем добавочный гласный в слове *к(ы)нязя*³³⁵. Встречается он также и в слове

³¹⁶ Белорусские народные песни, У канцы двора... стр. 39 и 40.

³¹⁷ Там же, та же песня, стр. 39.

³¹⁸ Б. П., VII, 508.

³¹⁹ Песни Пинежья, № 92, Намы то с'сёг'д'шн'ой д'нь ск'ка... стр. 234.

³²⁰ Концерты Пятницкого. Протяжные. Туманушки, стр. XII.

³²¹ Зданович. Русск. н. песни, № 41, Ольга в лесе была. Плясовая, Воронежск. обл., стр. 88.

³²² Там же, № 28, Тошно, грустно мне молодчику, Воронежск. обл., стр. 64.

³²³ Рук. ф. Каб. н. м: МГК, Брянск. обл., 1953, Пора мати жито жати, Ф. 1579^a, Р. 2842.

³²⁴ Б. П., XVII, 516.

³²⁵ Там же.

³²⁶ Там же, XXVI, 524.

³²⁷ Григ., XVI, 496.

³²⁸ Там же, XXXVII, 508.

³²⁹ Там же, XL, 509.

³³⁰ Там же, XLI, 510.

³³¹ Песни Пинежья, № 63а, Я веп'ор то друшка... стр. 167.

³³² Зданович. Русск. н. песни, № 27, Со любимой со сторонушки, Воронежск. обл., стр. 59.

³³³ Там же, № 65, Хорошо тому на свете жить, Рязанск. обл., стр. 132.

³³⁴ Дурново. Заметка, № 6, стр. 936.

³³⁵ Во втором томе сб. А. Д. Григорьева «Архангельские былины и исторические песни» мы встречаем слово *к(ы)нязя* в следующих былинах:

*к(ы)негиную*³³⁶. В сочетании *кн* отметим добавочный гласный также в слове *к(ы)нига*³³⁷.

Сочетание *кр*. В былинах: *к(ы)ресту*³³⁸.

В южнорусских песнях: *к'-ра-ли*³³⁹, *вясна к(ы)ра... от, и вя-сна кра-сы-на*³⁴⁰.

Сочетание *кл*. В южнорусских песнях: *и пакыланюся-а*³⁴¹, *зак(ы)ликати*, дальше — *закликати*³⁴², *пок'лал*³⁴³.

Сочетание *кс*. В былинах: *Апрак(ы)сии*³⁴⁴.

Часто встречаем мы добавочный гласный в конце слов.

В былинах добавочный гласный в конце слов образуется в именительном падеже собственных имен: *Потык(ы)*³⁴⁵, *Дюк(ы)* (2 раза)³⁴⁶. Особенно часто добавочный гласный встречается в конце небольших слов: *как(ы)*³⁴⁷, еще чаще — *дак(ы)*³⁴⁸, *дак(ы)ле*³⁴⁹; встречается также и предлог *к(ы)*³⁵⁰.

Точно так же в севернорусских лирических песнях добавочный гласный встречается в словечке *да-к(ы)*³⁵¹. Сравни в белорусской песне в конце слова: *як(ы)* и *дак(ы)*: *як(ы) я да быў ма-ла-ды... эх, дык(ы) я...³⁵²*.

XXI, 501; XXV, 507; XXVI, 507; XLIII, 510; XLIV, 511; число примеров мы могли бы увеличить из I и III тт. собрания; Б. П., XXV, 523.

³³⁶ Григ., т. II, XIX, 499.

³³⁷ Григ., т. II, XXXVIII, 508.

³³⁸ Там же, VII, 492.

³³⁹ Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Брянск. обл., 1953, Эх надоели мне ленты да крали. Лирическая, Ф. 1546^в, Р. 2747.

³⁴⁰ Зданович. Русск. н. песни, № 59, Веселитесь, подружки. Весенняя, Рязанск. обл., стр. 123.

³⁴¹ Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Воронежск. обл., 1943, Плач невесты (после бани).

³⁴² Там же, Брянск. обл., 1953, Благослови мати весну закликати. Весенняя, Ф. 1544^а, р. 2731.

³⁴³ Там же, Выйду, выйду я на ганочки, Ф. 1542^б, Р. 2717.

³⁴⁴ Б. П., XXIII, 522.

³⁴⁵ Там же, XXIV, 507.

³⁴⁶ Там же, XXIII, 522.

³⁴⁷ Б. П., II, 501; II, 502; III, 502; III, 503; XVIII, 516.

³⁴⁸ Там же, III, 502 (2 раза); IV, 504; V, 505 (2 раза); V, 506 (2 раза); V, 507; XVII, 516.

³⁴⁹ Там же, V, 506 (2 раза).

³⁵⁰ Там же, IV, 504 (2 раза); Григ., т. II, XLII, К(ы) Леванидову, 510.

³⁵¹ Песни Пинежья, № 15а, Сйдел Ваня, Ваня, Ваня на деване, стр. 41; № 26, Горемычная серая кокушка..., стр. 56; № 29, Ай да й... эх из-за лесу, стр. 64—65 (2 раза); № 30, Ты польныка ле да польноушка, стр. 67; № 31, Уш ты, радось ты, моя радось..., стр. 69 (2 раза); № 31а, Радось ле мой, стр. 70 (3 раза); № 32а, Сёгодёшной дени скука, стр. 78; № 34, Ой молодой..., стр. 84; № 35, Што жо ты, моя перёмушка, стр. 85—86 (3 раза); № 36, Нам не для пёго фпюжы люди торопице..., стр. 87; Песни Вологодской обл., (дакы, 2 раза), стр. 52, 119.

³⁵² Белорусские народные песни, Наляцелі гусі..., стр. 51.

В существительных мужского рода: *друкы* = *друг*³⁵³, *ма-льци-кы* = *мальчик*³⁵⁴, *дружо-кы* = *дружок*³⁵⁵.

В южнорусских песнях значительно реже, чем в севернорусских песнях, но все же встречаем: *так(ы)*³⁵⁶ и *как*³⁵⁷, перед тем находим расшифровку *как*³⁵⁷.

Кроме того, встречаем добавочный гласный в окончании существительных: *в(ы)ля-сок-(ы)*³⁵⁸, *ка-ва-лѣ-к(ы)*, перед тем 3 раза — *кава-лек*³⁵⁹; *т(ы)-па-рок(ы)* (2 раза)³⁶⁰, каждый раз перед *т(ы)-па-рок(ы)* = *та-па-рок*; *ка-ла-ту-шек(ы)*³⁶¹ — род. п. мн. ч. (2 раза); *а-со-тик(ы)* = *осотик*³⁶²; *дочинёчекы*³⁶³, *на лужок(ы)* = *на лужок*³⁶⁴; *городок*³⁶⁵; *кусток*³⁶⁶, *дубок*³⁶⁷ (2 раза)³⁶⁷; *се-р(ы)-пок(ы)* = *серпок*³⁶⁸; *са-ди-к*³⁶⁸, дальше — *садик*³⁶⁹; в предлоге *к*: *к(ы) нам*³⁷⁰.

Рассмотрим появление добавочного гласного после *л* и *р* в середине слова в сочетании с другими согласными. Сначала рассмотрим появление добавочного гласного в сочетании *л* и *р* с сонорными.

Сочетания *лн* и *л'н*. В былине: *пол(ы)ночь*³⁷¹; после палатализованного: *стол(е)нѣй*³⁷²; *стол(и)ний*³⁷³, *стол(и)нѣм*³⁷⁴; *стол(е)-*

³⁵³ Песни Пинежья, № 26, Горемыщная серая кокушка... стр. 55—56.

³⁵⁴ Там же, № 58, Соловешко ты мой молодой... стр. 157.

³⁵⁵ Там же, № 72, Цёрнобровенькой дакы цёрноглазой... стр. 197.

³⁵⁶ Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Брянск. обл., 1953, Ой ты, зеленая дубровочка, Ф. 1578^a, Р. 2835.

³⁵⁷ Руднева. Нар. п. Курск. обл., № 19, Перепелушка рябая, стр. 68.

³⁵⁸ Зданович. Русск. н. песни, № 50, Кумушка. Шуточная, Воронежск. обл., стр. 112.

³⁵⁹ Там же, № 51, Ваня Ковалёк, Воронежск. обл., стр. 113.

³⁶⁰ Та же песня, стр. 113.

³⁶¹ Там же, № 56, Ай, баю, баю, баю... Колыбельная, Рязанск. обл., стр. 121.

³⁶² Там же, № 34, За долами, за горами, Воронежск. обл., стр. 73.

³⁶³ Плач матери по дочери невесте. См. расшифровку в нашей статье на стр. 386.

³⁶⁴ Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Брянск. обл., 1953, Что по травке по муравке. Хороводная, Ф. 1545^e, Р. 2744.

³⁶⁵ Там же, Брянск. обл., 1953, Ох наше «Мишковка» село, Ф. 1570^d, Р. 2812.

³⁶⁶ Руднева. Нар. п. Курск. обл., № 1, Черёмушка, стр. 20.

³⁶⁷ Там же, № 39, Зелёный дубочек, стр. 100.

³⁶⁸ Концерты Пятницкого. Протяжные. Посылала Ваню мать, стр. XI.

³⁶⁹ Руднева. Нар. п. Курск. обл., № 8, Ой ты садик, мой садик, стр. 33.

³⁷⁰ Зданович. Русск. н. песни, № 24, Ох, да, прошло лето, Воронежск. обл., стр. 56.

³⁷¹ В. П., XIII, 495.

³⁷² В. П., I, 501.

³⁷³ Там же, XXIII, 522.

³⁷⁴ Григ., т. II, XXXVI, 507; XXXIX, 508; XI, 1, 509.

ней *Ки-е-е(ы)-град*³⁷⁵; *похвал(и)ней*³⁷⁶; *стол(и)ничья(ы)*³⁷⁷, *сокол(и)ничок*³⁷⁸, *сил(и)них* (2 раза)³⁷⁹.

В севернорусской лирической песне: после *л* палатализованный — *са-ми-ню-ю*, перед этим — *са-о-льнюю*³⁸⁰.

В южнорусской песне: *дбл^чная*³⁸¹.

Сочетание *рн*. В былинах: *чер(ы)ну шат(ы)ру*³⁸², *чер(ы)-наей*³⁸³, *вер(ы)но*³⁸⁴.

В южнорусской лирической песне: *чбр^бная гряс'* (2 раза)³⁸⁵, *зер(ы)-но*, *зе-р(и)-нуш-ко*³⁸⁶, *зёр(ы)но*, *зер(ы)нышко*³⁸⁷, *зер-ры-нуш-ки*³⁸⁸, *ой свазунька сахарыная*³⁸⁹ (ср. выкрик продавца мороженого в Новочеркасске, зафиксированный Листопадовым: *са-ха-ры-ный ма—рож(еное)*³⁹⁰, *пар(ы)ня ругала*³⁹¹, *пар(ы)ня*³⁹², *че-р'-но-б'-ров*³⁹³).

В белорусской песне: *ой вя-р(ы)-ну-ся дак...*³⁹⁴.

Сочетание *лн*. В былинах: *До-л(ы)-ма...атову=Долматову*³⁹⁵.

Теперь приведем примеры, в которых добавочный гласный появляется после *л* и *р* в сочетании их с несонорными.

Сочетание *рб*. В южнорусской песне: *ве-р(ы)-ба*³⁹⁶.

Сочетание *рв*. В южнорусских песнях: *р(ы)вать*, рядом — *рвать*, а дальше опять *р(ы)вать*³⁹⁷, *я-га-ду р(ы)-ва-ла*³⁹⁸.

375 Б. П., I, 501.

376 Там же, VIII, 509.

377 Григ., т. II, XX, 500.

378 Там же, XLI, 509.

379 Там же, XLI, 510; XLIII, 511.

380 Песни Пинежья, № 70, Ноценьку про... я просидела..., стр. 193—194.

381 Дурново. Заметка, № 2, стр. 932.

382 Б. П., IV, 504.

383 Там же.

384 Там же, XXIV, 503.

385 Дурново. Заметка, № 4, стр. 934.

386 Зданович. Русск. н. песни, № 36, Соловей-соловьяшка. Воронежск. обл., стр. 76—77.

387 Русск. нар. п. Воронежск. обл., Соловей-соловьяшек (запись А. Рудневой), стр. 31; там же, Соловей-соловьяшко (запись С. Попова), стр. 31.

388 Концерты Пятницкого, Соловей, стр. X.

389 Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Воронежск. обл., 1943, Сватенька-сахарная, Ф. 1032^б, Р. 784.

390 Выкрики разносчиков, стр. 510.

391 Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Брянск. обл., 1953, Штой по прежней по любви, Ф. 1545^а, Р. 2739.

392 Там же, Штой по травке по муравке. Хороводная, Ф. 1545^е, Р. 2744.

393 Руднева. Нар. п. Курск. обл., № 44, Ой, по улице ветёр. Величальная свадебная, стр. 111.

394 Белорусские народные песни, Брала дзеўка лен..., стр. 99.

395 Григ., т. II, VII, 492.

396 Зданович. Русск. н. песни, № 75, Уж ты, верба, вербица, Смоленск. обл., стр. 151.

397 Там же, № 5, Не трубушка трубит. Свадебная, Воронежск. обл., стр. 21.

398 Там же. № 41, Ольга в лесе была. Плясовая, Воронежск. обл., стр. 87.

В украинской песне: *пер(ы)вая*³⁹⁹.
Сочетание *лг*. В севернорусской лирической песне: *на со-лы-го-о...*⁴⁰⁰.

Сочетание *рг*. В южнорусской песне: *тар(ы)-га-ва-ти*, перед тем — *та-рга-ва-ти* (2 раза)⁴⁰¹.

Сочетание *рд*. В севернорусской песне: *се-р(ы)дце*, дальше еще раз — *сер(ы)дцу*, а также — *се-рдцу*⁴⁰².

В южнорусской песне: *се-р(ы)-де-э-чкѣ*, на предыдущей странице той же песни — *сер-де-(э)-чкя*⁴⁰³.

Сочетание *лз*. В южнорусской песне: *нил'зѣя*⁴⁰⁴, но дальше при повторении фразы — *нил'зѣ*.

Сочетания *жк* и *л'к*. В былине: *пол(ы)ков*⁴⁰⁵, *толикѣ=только*⁴⁰⁶.

В южнорусской песне: *мел(ы)ка на'а мел(ы)ка*⁴⁰⁷, *жал(ы)ко* (2 раза)⁴⁰⁸, *ше-л'-ко-ва-я*⁴⁰⁹, дальше в этой песне — *шѣл-ко-ва-я* (2 раза); *жа-л'-ко* (2 раза)⁴¹⁰, *то-ль'ко* (2 раза)⁴¹¹.

В белорусской песне: *у ня-дзе-ліку*⁴¹².

Сочетание *р'к*. В южнорусской песне: *гор'кое*⁴¹³.

Сочетание *рп*. В южнорусской песне: *се-р(ы)-пок(ы)*⁴¹⁴.

Сочетания *л'с* и *л'с'*. В былине: *Издолискоѣ*⁴¹⁵; перед тем — *Издольскоѣ*.

В севернорусской лирической песне: *сели-ськи* (4 раза)⁴¹⁶.

Сочетания *рс*, *р'с*. В былине: *ед(ы)ношо...* *ор(ы)сныя*⁴¹⁷, *Фаор(и)скую=Фаорскую*⁴¹⁸.

³⁹⁹ Евг. Линева. Опыт записи фонографом украинских народных песен. Из музыкально-этнографической поездки в Полтавскую губернию в 1903 г. — Труды музыкально-этнографической комиссии, т. I, М., 1906, № 7, Та ходить журавель. Семейная, стр. 255.

⁴⁰⁰ Песни Вологодской обл., Ах, в чем мальчик сумлевался... , стр. 105.

⁴⁰¹ З д а н о в и ч. Русск. н. песни, № 35, Я сажу, сажу капустку, Воронежск. обл., стр. 75.

⁴⁰² Песни Вологодской обл., Эко сердце... , стр. 67.

⁴⁰³ З д а н о в и ч. Русск. н. песни, № 30, Я б посеяла млада, младенька, Воронежск. обл., стр. 66 и 67.

⁴⁰⁴ Д у р н о в о. Заметка, № 4, стр. 934.

⁴⁰⁵ Б. П., XII, 512.

⁴⁰⁶ Там же, XVIII, 517.

⁴⁰⁷ Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Воронежск. обл., 1943, Плач невесты (после бани).

⁴⁰⁸ Там же, Брянск. обл., 1953, Ой жалко мне вечерочка. Живная, Ф. 1544^н, Р. 2738.

⁴⁰⁹ Руднева. Нар. п. Курск. обл., № 14, Трава моя, травушка, стр. 45.

⁴¹⁰ Там же, № 22, Жалко, жалко вечерочка, стр. 72.

⁴¹¹ Там же, № 42, Ох, усходились, только усхатались тучи грозные, стр. 108.

⁴¹² Белорусские народные песни, Да у нядзельку рано... , стр. 48.

⁴¹³ Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Брянск. обл., 1953, Не стой вербочка над водой. Весняна, Ф. 1544^б, Р. 2732.

⁴¹⁴ Концерты Пятницкого. Протяжные. Посылала Ваню мать, стр. XI.

⁴¹⁵ Григ., т. II, XIII, 495.

⁴¹⁶ Там же, XVIII, 498.

⁴¹⁷ Там же, VI, 491.

⁴¹⁸ Там же, XXXVIII, 508.

В севернорусской лирической песне: *перыстень*⁴¹⁹, перед этим — *перстень*, *пе-ры-сте-нё—к*, дальше — *перстенёциг*⁴²⁰: *да Питебу—ри-ськая*⁴²¹.

Сочетание *л'ц*. В былинах: *кол(е)цу* = *кольцу*⁴²²; *Цел(у)ця* — *Цельця* и производные⁴²³.

В севернорусской лирической песне: *малицик*⁴²⁴.

Сочетание *рц*. В южнорусских песнях: *се-ры-ца*, *се-р(ы)-ца*⁴²⁵, *ры-ти-вой сер(ы)цу*, *ры-ти-вой(у) се-ры-цо*, *за-зы-на-бил се-р(ы)-цо*⁴²⁶.

В белорусской песне: *дво-р(ы)ца*⁴²⁷.

Сочетание *л'ф*. В былинах: *Мамел(у)фа* = *Мамельфа*⁴²⁸.

Сочетание *л'ш*. В былинах: *бол(е)-шом* = *большом*⁴²⁹.

Сочетание *рш*. В былинах: *стар(ы)шего*⁴³⁰.

Сочетание *л'ч*. В былинах: *мал(у)чика*⁴³¹.

Сочетание *рх*. В былинах: *были белобар(а)хат(ы)ны*, *чер(ы)-на-ба-р(а)-ха-т(ы)най*⁴³².

В южнорусской песне: *Пар^бхај*⁴³³.

Сочетание *лј*. В былинах: *Ил(у)я*⁴³⁴.

Рассмотрим появление добавочного гласного после *л* и *р* в конце слова.

Добавочный гласный в третьем лице единственного числа глагола в языке былин: *ез(ы)дил(ы)*⁴³⁵, *завидел(ы)*⁴³⁵, *поехал(ы)*⁴³⁵, *ставил(ы)*⁴³⁵, *жил(ы)*⁴³⁶, *состарил(ы)се*⁴³⁷, *перис(ы)тавил(ы)*⁴³⁸, *зачинал(ы)се*⁴³⁹, *откатывал(ы)*⁴⁴⁰, *снарядил(ы)*⁴⁴¹, *пил(ы)*⁴⁴²,

419 Песни Пинежья, № 133, Кугó нѣту, тóго мѣне жаль... , стр. 311.

420 Там же, № 154, Нóцька тѣмна, нóчь осѣнна... , стр. 357.

421 Там же, № 32, Сѣгодѣшной дѣн скука... , стр. 73.

422 Б. П., IV, 504.

423 Григ., т. II, XVIII, 498.

424 Песни Пинежья, № 144, Соловѣюшко парень молодóй... , стр. 338.

425 Зданович. Русск. н. песни, № 30, Я б посеяла млада младенька, Воронежск. обл., стр. 65—66.

426 Там же, № 65, Хорошо тому на свете жить, Рязанск. обл., стр. 132.

427 Белорусские народные песни, У канцы двара, стр. 39.

428 Б. П., XXIII, 522.

429 Там же, VII, 508.

430 Там же, IX, 511.

431 Там же, V, 507.

432 Там же, IV, 503.

433 Дурново. Заметка, № 4, стр. 934.

434 Григ., т. II, XXX, 505.

435 Там же, IV, 504.

436 Там же, V, 505 (2 раза); IX, 511; XI, 494.

437 Б. П., V, 505.

438 Там же.

439 Там же, VIII, 509.

440 Там же, XIV, 514.

441 Там же, XXIV, 523.

442 Там же, XVII, 516.

был(ы)⁴⁴³, украл(ы)⁴⁴⁴, спросил(ы)⁴⁴⁵, задумал(ы)⁴⁴⁶, испостроил(ы)⁴⁴⁷, ехал(ы)⁴⁴⁸.

В севернорусских лирических песнях: *шо-лы*, дальше — *шол*⁴⁴⁹, *сказалы*, перед тем — *сказал*⁴⁵⁰.

В глаголах с окончанием на *се*: *сби-ра-лы-се* = *сбирался*⁴⁵¹, *прошиалсе*⁴⁵², потом — *про-шиа-лы-се ж жо-ной*⁴⁵³; *ро-зо-ста-ва-э-а-л(ы)сы*⁴⁵⁴; *су-мле-ва-л(ы)-ся* = *сумлевался*⁴⁵⁵.

В южнорусских песнях: *был^б сынбк*⁴⁵⁶; *сиділ^б, сиділ ма-нах*...⁴⁵⁷; *сы-ста-ря-л(ы)* = *состарил* (2 раза)⁴⁵⁸; *по-ста-вля-л(ы)*, дальше — *по-ставлял*⁴⁵⁹; *за-гу-ля-л(ы)* (2 раза)⁴⁶⁰; *у-зя-л(ы)*⁴⁶¹; *за-бы-л(ы)* (2 раза), дальше — *за-был(ы)*, *по-за-был*⁴⁶²; *повеси-л(ы)ты*... (2 раза)⁴⁶³; *бы-л^л*⁴⁶⁴; *спод-го-ва-ри-ва-л^л*⁴⁶⁵; *стоял(ы)*⁴⁶⁶; *поехал(ы)* = *поехал* (2 раза)⁴⁶⁷; *захотел(ы)* = *захотел*⁴⁶⁸, *упал*⁴⁶⁹; *по-ло-жи-л(ы)* = *положил*⁴⁷⁰; *по-ше-л(ы)* = *пошел*⁴⁷¹.

Добавочный гласный в конце существительных. В былинах: в расшифровке былины «*Заво-дилось пи-ро-*

443 Григ., т. II, X, 494.

444 Там же, XVIII, 498.

445 Там же, XVIII, 499.

446 Там же, XVIII, 504.

447 Там же, XXVIII, 504.

448 Там же, XXXVII, 508.

449 Песни Пинежья, № 134, По зорюшки по зори... стр. 313.

450 Песни Пинежья, № 148, Едін из казаккоф... стр. 344.

451 Там же, та же песня, стр. 345.

452 Там же, та же песня, стр. 344.

453 Там же, стр. 344.

454 Там же, № 55, Еруслафьская да на на... Рекрутская, стр. 141.

455 Песни Вологодского обл., Ах, в чем мальчик сумлевался... стр. 105.

456 Дурново. Заметка, № 2, стр. 932.

457 Там же, № 4, стр. 934.

458 Зданович. Русск. н. песни, № 8, Вьется, вьется стелется. Свадебная, Воронежск. обл., стр. 29.

459 Там же.

460 Там же, № 20, Зашатал, загулял добрый молодец, Воронежск. обл., стр. 48.

461 Там же, № 62, Мне не жаль того батьку, Рязанск. обл., стр. 127.

462 Там же, № 67, На дворе-то дождик, Рязанск. обл., стр. 134.

463 Русск. нар. п. Воронежск. обл., Соловей-соловьишек (запись А. Рудневой), стр. 31.

464 Руднева. Нар. п. Курск. обл., № 22, Жалко, жалко вечерочка, стр. 72.

465 Там же, № 34, Соловей кукушечку сподговаривал, стр. 94.

466 Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Брянск. обл., 1953, Верный, верный наш колодец. Хороводная, Ф. 1545, Р. 2742.

467 Там же, та же песня.

468 Там же, Что по полю пыль попыляется, Ф. 1545Д, Р. 2743.

469 Там же, Ох, упал снежок. Лирическая, Ф. 1567В, Р. 2806.

470 Концерты Пятницкого. Протяжные. Посылала Ваню мать, стр. X—XI.

471 Там же, та же песня, стр. XI.

ва-ни-ё сто-л(а), по-че-съён пир(ы)», в тексте: заводилось пированьё да стол, почесъён пир⁴⁷²; пыл(и)=пыль⁴⁷³.

В севернорусской песне: *За единой столы становился*⁴⁷⁴.

Добавочный гласный в конце прилагательных х. В былине: *мал(ы)=мал*⁴⁷⁵.

В южнорусской песне *мил(ы)*, ранее — *мил*⁴⁷⁶, *не весел(ы) ты*⁴⁷⁷, *бел*⁴⁷⁸, *бел(ы) капустицу полоть*⁴⁷⁹.

Добавочный гласный в конце слова после звука р и р' палатализованного: *вечёр(ы)*⁴⁸⁰, *гәсудәр*⁴⁸¹.

Часто появляется добавочный гласный после м и н.

Рассмотрим сначала образование добавочного гласного после м и н в середине слова в сочетании их с сонорными.

Сочетание *мн*. В былинах: *м(ы)не*⁴⁸², *тем(ы)ное*⁴⁸³.

В севернорусской песне: *мно-у-мы-но-го*, дальше — *много-умного*⁴⁸⁴, *м(е)не* (3 раза)⁴⁸⁵.

В южнорусских песнях: *тям'на*⁴⁸⁶; *не ску-ча-и-тя м(ы)-не*, дальше — *мне*⁴⁸⁷; *ка м(ы)не*⁴⁸⁸; *мыне*⁴⁸⁹; *надо м(ы)ной*⁴⁹⁰; *в(ы)тё-м(ы)-но-м(ы)*⁴⁹¹; другой голос поет: *тём-ном*; *из-под тём'-не-нь'-кой*⁴⁹², *тём(ы)-на*⁴⁹³.

⁴⁷² Григ., т. II, XXXVI, 507, ср. XXXIX — стол(ы), по-че-сте-н(ы), пир, стр. 509.

⁴⁷³ Б. П., XV, 514.

⁴⁷⁴ Песни Пинежья, № 119, Зблото з зблотом свивалося. Свадебная, стр. 290.

⁴⁷⁵ Григ., т. II, X, 494.

⁴⁷⁶ Зданович. Русск. н. песни, № 67, На дворе то дождик, стр. 134.

⁴⁷⁷ Русск. нар. п. Воронежск. обл., Соловей, соловьюшко (запись С. Попова), стр. 31.

⁴⁷⁸ Руднева. Нар. п. Курск. обл., № 44, Ой по улице ветёр, стр. 111.

⁴⁷⁹ Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Брянск. обл., 1953, Сам я колышки тешу. Хороводная, Ф. 1564, Р. 2785.

⁴⁸⁰ Зданович. Русск. н. песни, № 5, Не трубушка трубит. Свадебная, Воронежск. обл., стр. 20.

⁴⁸¹ Дурново. Заметка, № 1, стр. 931.

⁴⁸² Б. П., XXXVI, 524.

⁴⁸³ Григ., т. II, XXXVIII, 508.

⁴⁸⁴ Песни Пинежья, № 78, Ты умноё дитетко... Свадебная, стр. 211.

⁴⁸⁵ Песни Вологодской обл., Да уж я матушка не женат хожу, стр. 119—120.

⁴⁸⁶ Дурново. Заметка, № 6, стр. 936.

⁴⁸⁷ Зданович. Русск. н. песни, № 10, Гуторят, тебя, Грунюшка, прощии. Свадебная, Воронежск. обл., стр. 32.

⁴⁸⁸ Там же, № 37, Осенние ночи, Воронежск. обл., стр. 78.

⁴⁸⁹ Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Брянск. обл., 1953, Эх, надоели мне ленты да крали. Лирическая, Ф. 1546^B, Р. 2747.

⁴⁹⁰ Там же, Я не верила даже подружкам. Лирическая, Ф. 1568^A, Р. 2807.

⁴⁹¹ Зданович. Русск. н. песни, № 29, Вырою я черёмушку, стр. 63—64.

⁴⁹² Руднева. Нар. п. Курск. обл., № 35, Из-под зорюшки, стр. 95.

⁴⁹³ Концерты Пятницкого. Туманушки, стр. XII.

Сочетание *мл.* В южнорусских песнях: *зе-м(ы)-ля* (2 раза), потом — *земля*⁴⁹⁴; *м(ы)-ла-да*⁴⁹⁵, *м^б ладбј*⁴⁹⁶.

Сочетание *нр.* В южнорусской песне: *пон(ы)равилося* (2 раза)⁴⁹⁷.

Сочетание *н'г.* В былине: *ден(и)ги*⁴⁹⁸.

Сочетание *нд.* В былине: *Алексан(ы)дровна*⁴⁹⁹.

Сочетание *мк.* В былине: *рюм(ы)ками* (3 раза)⁵⁰⁰.

В южнорусской песне: *ло-м(ы)-ки*, перед тем — *ломки*⁵⁰¹.

Сочетание *нк.* В былинах: *Марин(ы)ки*⁵⁰², *Марин(ы)ка*, *Марин(ы)ке*⁵⁰³, *топорён(ы)ка* (2 раза)⁵⁰⁴.

После палатализованного *н:* *тучен(и)ка* и *тучен(и)ки*⁵⁰⁵. В севернорусских лирических песнях: *то-ны-ка*⁵⁰⁶, *зво-о-ны-ко*⁵⁰⁷, *ди-ко--ви--ныка*⁵⁰⁸, *пе-се-ны-ки*⁵⁰⁹, *сторон(ы)ка*⁵¹⁰, *не в до-ли-ны-ках*⁵¹¹.

После палатализованного *н* добавочный гласный *и:* *младё-шыника*⁵¹², *Машэ-ника*⁵¹³, *ре-ци-ни-кою*⁵¹⁴.

В южнорусских песнях: *старо́н^бка*⁵¹⁵, *на старо́н^бки*⁵¹⁶, *тан^ька*⁵¹⁷.

После палатализованного *н* в распифровках обычно встречаем *и:* *тоненикой=тоненькой*, *яловиникой=еловинькой*⁵¹⁸,

⁴⁹⁴ Зданович. Русск. н. песни, № 3, Платов казак. Историческая, Воронежск. обл., стр. 16.

⁴⁹⁵ Там же, № 30, Я б посеяла, млада, младенька, Воронежск. обл., стр. 65.

⁴⁹⁶ Дурново. Заметка, № 4, стр. 935.

⁴⁹⁷ Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Брянск. обл., 1953, Летел соколок через три леса, Ф. 1541Г, Р. 2712.

⁴⁹⁸ Григ., т. II, XVIII, 498 (1 раз) и XVIII, 499 (3 раза).

⁴⁹⁹ Б. П., XXIII, 522.

⁵⁰⁰ Б. П., XVI, 515; XVII, 516.

⁵⁰¹ Зданович. Русск. н. песни, № 22, Коромысла, Воронежск. обл., стр. 51—52.

⁵⁰² Григ., т. XXXIII, 506.

⁵⁰³ Б. П., I, 503.

⁵⁰⁴ Григ., т. II, XVIII, 498.

⁵⁰⁵ Там же, XXVIII, 508.

⁵⁰⁶ Песни Пинежья, № 132, Цэрез рэцьку рэциньку... стр. 307.

⁵⁰⁷ Там же, № 144, Соловёушко па́рень молодой, стр. 336.

⁵⁰⁸ Там же, № 140, Ах штб, браццы, да за... а́хы за дикбвиныка... стр. 140.

⁵⁰⁹ Там же, № 147, Сэлиськи ти дэвушка цвѣтут... стр. 342.

⁵¹⁰ Песни Вологодской обл., Ай да сторона... стр. 52.

⁵¹¹ Песни Пинежья, № 63, Ох я́ то нигдѣ дырушка́ да не ви́жу... стр. 167.

⁵¹² Там же, № 156, Родуй, да розвей до пого... ой погодушка... стр. 367.

⁵¹³ Там же, № 49, Ой пб зорѣшке ой по зори... стр. 122.

⁵¹⁴ Там же, № 64, Ох межу рэцинюкою... стр. 174.

⁵¹⁵ Дурново. Заметка, № 1, стр. 931.

⁵¹⁶ Там же, та же песня, стр. 931.

⁵¹⁷ Там же, № 4, стр. 934.

⁵¹⁸ Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Брянск. обл., 1953, Я по жердочке шла, Ф. 1565^б, Р. 2788.

дорожанику⁵¹⁹, мамень-ка (неясно: добавочный гласный и или ы)⁵²⁰, подбружйники и ноженники⁵²¹, дочиника; ноченику⁵²², Сашен(ы)ко, дальше — Сашенько⁵²³.

В записи Н. Н. Дурново в южнорусской песне, по-видимому, после палатализованного *н* добавочный гласный близкий к *е* или к *и*: млад'бхун'ья⁵²⁴.

В белорусских песнях в сочетании *н'к* после палатализованного *н* встречаем добавочный гласный *і*: но-ча-н(і)-ка (2 раза)⁵²⁵, казак мале-дзе... (е)н(і)кі⁵²⁶, за ру--чан(і)-ку⁵²⁷.

Сочетание *нп*. В севернорусской лирической песне: да ка-ны-па-а...ой ка-ны-па-ньюш-ка--а⁵²⁸, ка-ны-па-а...канпаньюшка⁵²⁹.

Сочетание *нт*. В южнорусской песне: леньты⁵³⁰.

Сочетание *мц*. В севернорусской лирической песне: же-мы-цюз = жемцюз⁵³¹.

Сочетание *нц*. В южнорусской песне: сон(ы)це⁵³².

В белорусской песне: к вя-н(ы)-цу⁵³³.

Сочетание *миш*. В южнорусской песне: саз^б-рем^б-шы⁵³⁴.

Сочетание *нч*. В былинке: нын(е)че = нынче (2 раза) и нон(и)че = нонче⁵³⁵.

Сочетание *ниш*. В белорусской песне: на па-н(ы)-шчы-ну⁵³⁶.

---

⁵¹⁹ Там же, Брянск. обл., 1959, Ох ты сад, ты мой сад, Ф. 1904, Р. 2872.

⁵²⁰ Руднева. Нар. п. Курск. обл., № 39, Зеленый дубочек, стр. 100.

⁵²¹ Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Воронежск. обл., 1943, Плач невесты (после бани).

⁵²² Расшифровка Плача матери по дочери-невесте помещена в нашем докладе на стр. 386.

⁵²³ Зданович. Русск. н. песни, № 37, Осенние ночи, Воронежск. обл., стр. 79.

⁵²⁴ Дурново. Заметка, № 4, стр. 935.

⁵²⁵ Белорусские народные песни, А белья куры... , стр. 31.

⁵²⁶ Там же, Да-й падуў з зялёнага гаю, стр. 36.

⁵²⁷ Там же, У канцы двара... , стр. 40.

⁵²⁸ Песни Пинежья, № 156, Роздуй да розвэй до погб...ой погодушкá... , стр. 365.

⁵²⁹ Там же, № 157, Ах, роздуй, розвэй до погб...ой погодушкá... , стр. 370.

⁵³⁰ Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Брянск. обл., 1953, Эх, надоели мне ленты да крали. Лирическая, Ф. 1546^в, Р. 2747.

⁵³¹ Песни Пинежья, № 119, Збóлото з збóлотом свивáлось... Свадебная, стр. 290.

⁵³² Зданович. Русск. н. песни, № 59, Веселитесь, подружки. Весенняя, Рязанск. обл., стр. 123.

⁵³³ Белорусские народные песни, У канцы двара... , стр. 40.

⁵³⁴ Дурново. Заметка, № 4, стр. 934.

⁵³⁵ Б. П., V, 505 и 506 — нынче (2 раза); Григ., т. II, XI, 494 — нон(и)че, а также Григ., т. II, XXIX, 505 — нон(и)чи.

⁵³⁶ Белорусские народные песни, Да у нядзельку рана... , стр. 48.

Палатализованное *м* в сочетании с йотированным *а*. В былинах: *сем(и)я*⁵³⁷, *сем(ы)я* (2 раза)⁵³⁸.

Палатализованное *н'* в сочетании с йотированным гласным *е*. В былинах: *за-во-ди-ло-ся пи-ро-ва-н(и)-ё сто-ло-вань-ё*, и дальше: *как пи-ро-вань-ё. сто-ло-ва-н(и)-ё . . .*⁵³⁹.

Добавочный гласный в расшифровках былин отмечен в середине слова: между одним долгим сонорным согласным *н*. Добавочный гласный разбивает таким образом один долгий согласный звук на два согласных звука: *кон(ы)ной*⁵⁴⁰, *бе-ре-мен-н(ы)на*⁵⁴¹, *заутрен(и)ни* = *заутренни* вместо *заутрени*⁵⁴².

Добавочный гласный после *м* в конце слова. В былинах: *прямым(ы) то путем*⁵⁴³, *окольным(ы) путем*⁵⁴⁴, *там(ы)*⁵⁴⁵, *слав(ы)ном(ы)*⁵⁴⁶, *столбом(ы)*⁵⁴⁷, *сам(ы)* (3 раза)⁵⁴⁸, *нарекем(ы)* = *наречём*⁵⁴⁹, *конём(ы)* (2 раза)⁵⁵⁰, *в том(ы) ли*⁵⁵¹, *турам(ы)*⁵⁵², *синём(ы)*⁵⁵³, *по фсем(ы) городам* (3 раза)⁵⁵⁴, *ни чем(ы)*⁵⁵⁵, *стол(и)нём(ы)*⁵⁵⁶, *добром(ы)*⁵⁵⁷.

В севернорусских лирических песнях: *са-мы*⁵⁵⁸, *миленьки-мы* = *миленьким*⁵⁵⁹, *ф темном(ы) лесе*⁵⁶⁰, *на-мы*⁵⁶¹, *самы* = *сам*⁵⁶², *по сла-вны-мы городам*⁵⁶³.

В южнорусских песнях: *там*⁵⁶⁴, *с ним(ы)* (2 раза)⁵⁶⁵; *о ми*

537 Б. П., V, 505; Григ., т. II, I, 489.

538 Григ., т. III, XXXIII, Молодость Добрыни. . . , стр. 671.

539 Б. П., XXV, 523.

540 Там же, IX, 511.

541 Там же, V, 505.

542 Там же, I, 501.

543 Там же.

544 Там же.

545 Там же, IV, 504.

546 Там же, V, 505.

547 Там же, XV, 514.

548 Там же, XVI, 515 (2 раза); XVII, 516.

549 Там же, XX, 519.

550 Там же, XX, 519; XXI, 520.

551 Там же, XXIV, 523.

552 Григ., т. II, VI, 491.

553 Там же, XVI, 496.

554 Там же, XVIII, 498.

555 Там же, XXXVI, 507.

556 Там же, XXV, 507; XXVI, 507; XXXIX, 508.

557 Там же, XXXVII, 508.

558 Песни Пинежья, № 15^a, Сидел Вáня, Вáня, Вáня на девáне. . . , стр. 41.

559 Там же, № 32, Сёгодёшной дён скýка. . . , стр. 71.

560 Там же, № 40, Светлая грíння. . . Свадебная, стр. 96.

561 Там же, № 54, Да тыко хоя́ин. Припевание в благодарности за угощение после «помочи», стр. 131.

562 Там же, № 60, Залил то Вáнюша. . . , стр. 160.

563 Там же, № 63^a, Я вецор то друшка, стр. 167.

564 Дурново. Заметка, № 2, стр. 932.

565 Зданович. Русск. н. песни, № 15, Во колодце водица холодна, Воронежск. обл., стр. 42.

лом(ы) (2 раза)⁵⁶⁶, дальше на стр. 67 — о милом; там(а)⁵⁶⁷, там(ы) (3 раза)⁵⁶⁸; станем(ы), но ста-нем; станем(ы) — в песне 3 раза, ста-нем — 1 раз⁵⁶⁹; чистом(ы) золота... чистом(ы) серебри⁵⁷⁰; за гаем(ы)⁵⁷¹, с(ы) своим(ы) гуртом⁵⁷², дома = дом⁵⁷³; сам(ы) = сам⁵⁷⁴, кругом⁵⁷⁵, на-м(ы)⁵⁷⁶, нам(ы) (3 раза)⁵⁷⁷, нам(ы)⁵⁷⁸, нам(ы) и дальше — нам⁵⁷⁹, кра-с(ы)-ны-м(ы) девкам и дальше — кра-сным девкам⁵⁸⁰, ле-лим'ё, ле-лим, дальше — ле-лимё, ле-лим⁵⁸¹, бродягам(ы)⁵⁸².

Добавочный гласный в конце слова после н. В былинах: он(ы)⁵⁸³, испочестен(ы)⁵⁸⁴, почестен(ы)⁵⁸⁵, не ясен(ы) = не ясен⁵⁸⁶, сын(ы) Соловей да сын(ы) Размантович⁵⁸⁷.

В конце слова после н палатализованного. В былинах: Казан(и) = Казань (2 раза)⁵⁸⁸, кон(и) = конь⁵⁸⁹, нон(и) = нонь⁵⁹⁰, ден(и) = день⁵⁹¹.

В севернорусской лирической песне: осподины = осподин,

---

⁵⁶⁶ Зданович. Русск. н. песни, № 30, Я б посеяла млада, младенька, Воронежск. обл., стр. 66.

⁵⁶⁷ Там же, № 61, Закатилась красное солнышко. Песня о солдатской службе во времена Николая I, Рязанск. обл., стр. 126.

⁵⁶⁸ Там же, № 66, В лесе под овражком. Шуточная, Рязанск. обл., стр. 133.

⁵⁶⁹ Там же, № 70, Маки. Игровая, Тульская обл., стр. 141, 142, 143.

⁵⁷⁰ Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Воронежск. обл., Чигольск. р., пос. Александрова, 1943, Стих о Ягории, Ф. 1011^в, Р. 771.

⁵⁷¹ Русск. нар. п. Воронежск. обл., А за гаем, гаем (запись А. Рудневой), стр. 43.

⁵⁷² Там же, та же песня, стр. 43.

⁵⁷³ Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Брянск. обл., 1953, Эх надоели мне ленты да крали. Лирическая, Ф. 1546^в, Р. 2747.

⁵⁷⁴ Там же, Сам я колышки тешу. Хороводная, Ф. 1564^г, Р. 2785.

⁵⁷⁵ Там же, О наше «Мишковка» село. Припевки, Ф. 1570^а, Р. 2812.

⁵⁷⁶ Концерты Пятницкого. Острожная. Бродяга, стр. V.

⁵⁷⁷ Там же. Весенние. Вёснущка, стр. VII.

⁵⁷⁸ Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Брянск. обл., 1953, Сам бог каравай мяса. Свадебная, Ф. 1580^г, Р. 2853.

⁵⁷⁹ Зданович, Русск. н. песни, № 14, Уж ты вёснущка, ты весна. Весенняя, Воронежск. обл., стр. 39.

⁵⁸⁰ Там же, та же песня, стр. 39.

⁵⁸¹ Руднева, Нар. п. Курск. обл., № 29, Капустка, капустка, стр. 85.

⁵⁸² Концерты Пятницкого. Острожная. Бродяга, стр. V.

⁵⁸³ Б. П., I, 501; VII, 508; XVI, 515; XVII, 517; XXI, 520; Григ., т. II, 489; XX, 500.

⁵⁸⁴ Б. П., VIII, 509.

⁵⁸⁵ Там же, VIII, 509; Григ., т. II, XXXIX, 509; XLI, 509; XLIII, 510; XLIV, 511.

⁵⁸⁶ Б. П., IX, 511.

⁵⁸⁷ Там же, I, 501.

⁵⁸⁸ Б. П., V, 505.

⁵⁸⁹ Там же, XXI, 520.

⁵⁹⁰ Там же, XIX, 517.

⁵⁹¹ Григ., т. II, IX, 493.

хозяины = хозяин (4 раза), но в этой же песне — *наш хозяин*⁵⁹². После палатализованного *и оцень(и)*, перед тем — *о-цень*⁵⁹³, *де-чи* = *день*⁵⁹⁴.

В южнорусских песнях: *о-н(ы)* (2 раза),⁵⁹⁵ *он(ы)*⁵⁹⁶, *ворон(ы)* = *ворон*⁵⁹⁷; *ох, лен', ты мой лен', лен'*⁵⁹⁸; *сту-дѣ-н', сту-дѣ-н', сту-дѣ-ный колодезь*⁵⁹⁹.

Рассмотренные примеры (в расшифровках фонограмм и в записях народных песен) появления добавочных гласных после согласных позволяют нам сделать некоторые выводы.

В ссылах на источники, откуда были взяты примеры озвучивания согласных, я указывал отдельные виды песен, отмеченные их собирателями и издателями.

Среди песен былинного склада добавочные гласные мы находим в собственно былинах, в исторических песнях былинного характера и в южнорусских исторических песнях, в духовных стихах-былинах (О Сорока каликах со каликою, Голубиная книга), а также в духовном стихе об Егории из Воронежской области.

Далее добавочные гласные мы встречаем в календарных обрядовых песнях (поздравительные новогодние, веснянки, петровичные), в семейных обрядовых (плачи невесты, плач матери невесты, свадебные песни в том числе величальные), песни при работах (жнивные, белорусская талочная, благодарственная песня хозяйню за угощение при «помочи»). Особо отметим колыбельную песню и песню для детей. Многие из песен составителями сборников, отмечены просто как лирические. Мы видели, что добавочный гласный встречается в песнях разнообразных формаций: как в былинах и древних обрядовых песнях, так и в частушках⁶⁰⁰.

При некоторых песнях указывается та среда, где они исполнялись (солдатская, рекрутская, одна песня обозначена как старая солдатская времен Николая I, отмечена песня острожная).

⁵⁹² Песни Пинежья, № 54, Да тыко хозяин. Припевание хозяина в благодарность за угощение после «помочи», стр. 129, 130, 131.

⁵⁹³ Там же, № 109, Што за парень друк любитель за такой, стр. 263.

⁵⁹⁴ Там же, № 32^a, Сёгодняшней дени скука, стр. 77.

⁵⁹⁵ Зданович. Русск. н. песни, № 20, Зашатал, загулял добрый молодец, Воронежск. обл., стр. 48.

⁵⁹⁶ Концерты Пятницкого. Протяжная. Карблинка, стр. XI.

⁵⁹⁷ Зданович. Русск. н. песни, № 26, Скоро день проходит, Воронежск. обл., стр. 58.

⁵⁹⁸ Рук. ф. Каб. н. м. МГК, Брянск. обл., 1953, Чтой у батюшки ворот. Хороводная, Ф. 1545^b, Р. 2740.

⁵⁹⁹ Руднева. Нар. п. Курск. обл., № 20, Студѣн, студѣн, студѣнный колодезь, стр. 70.

⁶⁰⁰ А. М. Селищев, отмечая отклонения в языке песен по сравнению с речью обиходной (сюда он относит и добавочные гласные. — П. Б), указывал: «Такие отклонения свойственны песням и новой и старой формации». — Заметки по великорусской диалектологии. — *Slavia. Casopis pro slovanskou filologii*, Roč. VI, seš. 2 a 3, s. 459.

Рядом с песнями драматического содержания (как плач невесты, острожная песня и т. п.) встречаем песни шуточные, а среди былин — небылицу.

Название отдельных песен, как хороводные, игровые, плясовые, указывают на то, что исполнение их сопровождается драматическим движением или пляской, а это отражается на ритме песен и на их языке⁶⁰¹.

Одни из песен, где мы встречаем добавочные гласные, исполняются соло: былины, исторические, духовные стихи, колыбельные песни, причитания и др.; другие — хором или несколькими певцами.

В расшифровках песен всех жанров и видов после твердых согласных в различных сочетаниях этих согласных в середине слова, а также после этих согласных в конце слова, как правило, в качестве добавочного гласного стоит *ы* или (*ы*). В редких случаях вместо *ы* в расшифровках стоит *а*. Так в былинах: *белобар(а)хат(ы)ны*, *чер(ы)набар(а)хат(ы)най*, *дев(а)ка*, *раз(а)-ворочены*; в выкрике разносчиков и торговцев: *бу-ба-лика*. В конце слова *стол(а) = стол* (вин. п. ед. ч.), *там(а)*, но и *там(ы)*; *во сла-в(ы)ном(а) во городе...*⁶⁰².

Редко встречается в расшифровках как добавочный гласный также *о*: *ов(о)цин*, и в конце слова: *ох(о) = ох*.

Один раз после *м* как добавочный гласный в середине слова отмечен *е* в слове *м(е)не* вместо обычного *м(ы)не*. В конце слова карабе (им. п. ед. ч.). В тексте былины (не в расшифровке!) это слово напечатано как караб; в другом месте в расшифровке караб.

После звуков *ж*, *ш*, обычно в расшифровках встречаем *и*. В редких случаях *ы*, например, *веж(ы)ливья*, *авраж(ы)ком*, в конце слова — *моряш(ы)ка*, *бараш(ы)ка*, *уж(ы)*. По-видимому, во многих случаях, где после *ж*, *ш* добавочный гласный расшифровывался как *и*, в действительности это был звук, близкий к *ы*. Расшифровка же *ы* как *и* сделана под влиянием правописания. После *ч* встречаем в расшифровках, кроме обычного *и*, также *е*.

В былине — *восточ(е)нюю*, в южнорусской песне — *цвяточ(е)ку*. В белорусской песне встречаем расшифровку добавочного гласного после *ч* — *а*: *дудач(а)ка*.

После палатализованных согласных добавочный гласный в расшифровках, как правило, обозначается буквой *и* как в середине слова — *малищик*, *Вас(и)ка*, так и в конце слова — *пыл(и)*.

⁶⁰¹ О роли движения, ходьбы, пляски и т. п. в ритме песен см. Dušan Holý. K problematice rytmuky táhle písne. Slovákco. Práce. Materiály. Zprávy. Slovákcké museum Uherské Hradiště, 7, 1960, s. 6—27.

⁶⁰² Г р и г. т. III, XXVI, Данило Игнатъевич и его сын Михайло, стр. 668.

Значительно реже мы встречаем обозначение добавочного гласного после палатализованного согласного как *e*: *стол(е)-ный* (но в этом же слове часто встречаем также *и*), *кол(е)цу* = *кольцу*, *бол(е)-шом*.

После *j* и *ĭ* (*и* неслоговое) в конце слова добавочный гласный обозначается обычно как *и*. Это встречается и в былинах, и в севернорусской лирической песне, и в южнорусских песнях. Редко встречаем обозначение добавочного гласного как *e*: *старой-е*.

В середине слова после палатализованного согласного, когда за ним следует йотированный гласный, мы иногда в расшифровках встречаем обозначение добавочного гласного не *и*, а *ы*.

В былинах: *п(ы)ёт* вместо разговорного *пъет*; *сем(ы)я* — 2 раза, но встречаем и *сем(и)я*; *д(ы)якона*⁶⁰³. В южнорусской песне: *са-ло-в(ы)-юш-ку*, дальше 2 раза: *са-ло-в(ы)юш-ку*⁶⁰⁴.

Отмечая появление добавочного гласного в различных сочетаниях согласных в середине слова, мы констатировали, что добавочный гласный особенно часто появляется в середине слова в сочетании с одним из сонорных согласных. Однако это не распространяется на все согласные. После определенных согласных добавочные гласные чаще образуются отнюдь не в сочетании с сонорными, но с другими согласными. Так, наиболее часто добавочный гласный после *ш* и *ч* образуется в сочетании этих звуков со звуком *к*.

В расшифровках русских, украинской и белорусских песен после *р* и *л* мы встречаем в середине и в конце слов добавочные гласные: *ы(ы)*, *и(и)*, реже *а* и ни разу не встретили здесь слоговых *р* и *л*.

Единственный случай слогового *л* в русской песне был отмечен А. М. Селищевым. Указывая на фонетическое отклонение языка песни от обиходной речи, он среди других отметил следующую особенность: «Долгий плавный, составляющий слог: *Сѣл̄ ја паѣхал (к л'убѣзнај у гѣсти)*»⁶⁰⁵.

В славянских языках, где в разговорной речи имеются *р* и *л* слоговые — в чешском, словацком, а также в южнославянских языках — сербо-хорватском и словенском — при рассмотрении нотированных текстов песен на этих языках мы находим осо-

⁶⁰³ Григ., т. I, XXV, Цюрильё игуменьё, стр. 671.

⁶⁰⁴ Зданович. Русск. н. песни, № 39, Зеленая рошица. Воронежск. обл., стр. 84; там же, № 63, При долинушке калинушка стоит, Рязанск. обл., стр. 138.

⁶⁰⁵ А. Селищев. Заметки по великорусской диалектологии. 1. К изучению типов аканья. — *Slavia, Časopis pro slovanskou filologii*, roč. VI, seš. 2 a 3, Praha, 1927, s. 459. В расшифровке Л. Н. Лебединского народной песни «Не велят Маше за реченьку ходить» в исполнении этой песни Ф. И. Шалыпиным отмечено пение последним на особую ноту слогового *р* в слове *при-за-тѣ-р-ты*.

бую ноту, иногда несколько нот, на которые поется слоговой *p* и *l*⁶⁰⁶.

В чешских и словацких песнях отмечено пение на определенную ноту носовых *m* и *n* без добавочного гласного.

В силезской песенке, которую поют молодому парню, начавшему ухаживать за девицей: «Kaj to idžěš, Kubiku», мы встречаем *hm*, повторяющееся в песне несколько раз и каждый раз *hm* поется на особую ноту⁶⁰⁷.

В сборнике словацких песен Бала Бартока отмечено, что слоговые носовые *m* и *n* поются на особую ноту. Мы встречаем здесь пение *m* и *n* в колыбельных⁶⁰⁸, свадебных⁶⁰⁹ и других лирических песнях⁶¹⁰.

В записях и расшифровках русских народных песен с подобным явлением мы не встречались. Однако мне не раз приходилось слышать пение среднего между *m* и *n* носового слогового звука в колыбельных песнях. Звук этот пелся или в конце колыбельной песни, или между отдельными ее строфами.

В исполнении русской народной песни Шаляпиным «Эх, ты Ванька» (см. ниже приводимую расшифровку грамзаписи этой песни) Л. Н. Лебединский отметил слоговое *m* в слове зи-м-у и особую ноту, на которую это *m* слоговое пел Шаляпин.

В народных чешских и словацких песнях добавочные гласные после согласных записывателями песен отмечались редко.

Ян Оравец указывает на появление при пении добавочных гласных после согласных в таких положениях, в которых разговорная речь диалекта добавочных гласных не знает. Так, после *t* в слове *vetr* образуется при пении добавочное *e*: *veter*.

---

⁶⁰⁶ Много примеров, где в чешских, моравских и силезских песнях поются слоговые *p* и *l* мы находим в сборнике: Karel Plicka. Český zpěvník. 500 lidových písní českých, moravských a slezských, 1940 (изд. 2-е, 1956). Подобные примеры из моравских и словацких песен см. Leoš Janáček. O lidové písni a lidové hudbě. Dokumenty a studie. Praha, 1955, s. 322, 342, 573, 576, 578, 581, 584, 586, 588. Пение *p* и *l* в моравских песнях найдем в сборнике: Josef Černík. Záleské písně z okolí Luhačovic. Praha, 1957. Большое число примеров пения *p* и *l* слогового в словацких песнях см. в сборнике: Béla Bartók. Slovenské ľudové piesne, I. sväzok. Slovenská Akadémia vied, Bratislava, 1959.

Примеры, где слоговое *p* поется как гласный у южных славян см. Ludvík Kuba. Cesty za slovanskou písni, 1885—1929. Praha, 1953, Díl II. Slovanský jih, s. 305—702.

⁶⁰⁷ K. Plicka. Указ. соч., № 161, стр. 118.

⁶⁰⁸ Béla Bartók. Указ. соч. (в песнях поют звук *n*): № 34 cd, стр. 191; № 34 g, стр. 193; № 35 g, стр. 197 (в песне поют звук *m*); № 35 f, стр. 197.

⁶⁰⁹ Там же (поют звук *n*): № 63 b, стр. 239, № 255 a, стр. 443.

⁶¹⁰ Там же (поют звук *n*): № 177 d, стр. 364; № 372 b, стр. 594, № 376 h, стр. 604; № 379 b, стр. 606; № 397 a, стр. 629. Б. М. Добровольский указал нам, что он слышал пение *n* слогового в песнях на языке йидиш.

Чешский фольклорист Владимир Карбусицкий в недавно опубликованной им статье отметил в одной песне, записанной им у чешек, живущих в Румынии, при пении в слове *holka* слоговое *л*. В разговорной речи в этом слове *л* неслоговое⁶¹¹. Карбусицкий в этих местах наблюдал и другие подобные случаи появления такого слогового *л* при пении.

Следует выяснить, всегда ли мы здесь имеем дело с *л* слоговым или также с обычным *л* с добавочным гласным.

«В нашем диалекте (словацком диалекте села Rozbehy v Senickom okrese), — пишет Ян Оравец, — слогового *l* нет, но в песнях то здесь, то там оно появляется, напр. *Stávaj, ma Abdulko, hore čo ti tak dlho ležiš? — V mestečku Lublňe veľká bitka stála, slnko sa zatmilo, krv sa vilévala*⁶¹².

Полагаем, что дальнейшее тщательное фиксирование песен принесет новые примеры образования добавочного гласного после согласного или образования слогового гласного на месте неслогового также и в песнях западных и южных славян.

Добавочные гласные встречаются не только в песнях славянских народов.

Во вступительной статье к сборнику башкирских песен Л. Н. Лебединский пишет: «Пользуемся случаем обратить внимание читателя на фиксированную нами (по возможности во всех случаях) особенность многих башкирских народных певцов пользоваться приемом звукопроизводства на некоторых согласных, например, на звуках В, З, Л, М, Н»⁶¹³. В текстах песен под нотами Л. Лебединский зачастую отмечает пение как слоговых согласных (без добавочных гласных), так и пение согласных с добавочными гласными.

Добавочные гласные при пении народных (и не только народных) татарских песен отмечены в статье татарского музыковеда А. С. Измайловой⁶¹⁴.

Лингвисты и музыковеды высказали ряд предположений о причинах появления добавочных гласных и о том, каковы художественные функции этих гласных как в современной, так и в древнерусской народной песне.

К. Филатов видел причины появления добавочных гласных в требованиях стихосложения и считал, что появление добавоч-

---

⁶¹¹ Vladimír Karbusický. Písňový a hudební folklor. «Kultura rumunských Čechů». Český lid, č. 4, 1962, s. 179.

⁶¹² J. Oravec. Reč ľudových piesní a nárečová norma, s. 76.

⁶¹³ Л. Н. Лебединский. Башкирские народные песни и наигрыши. М., Изд-во «Советский композитор», 1962, стр. 61.

⁶¹⁴ Асия Измайлова. Октябрьгә кадәрге чор татар халык жырычыларынын жырыла «техникасынын» кайбер узэнчалекларе. (Некоторые особенности исполнительской «техники» татарских народных песен дооктябрьского периода). «Совет адабияты», Казань, 1962, № 1, стр. 122—135.

ного гласного вызывается необходимостью соблюдения ритма народной песни⁶¹⁵.

А. М. Селищев, отмечая появление добавочных гласных, считал, что эти фонетические отклонения от обиходной речи вызваны ритмическими особенностями песни и песенным мотивом пения⁶¹⁶. И. А. Оссовецкий объясняет широко встречающуюся при пении вставку гласных в группу согласных стремлением оканчивать каждый звук гласным звуком⁶¹⁷.

Р. О. Якобсон считает, что есть основание полагать, что «до падения слабых глухих гласных в древнерусском языке устный эпический стих сохранял силлабический характер, и что после падения глухих вставка паразитного гласного сперва служила восстановлению распатанной силлабической сетки. Таким образом, первоначально вставной гласный мог быть стихотворным субститутум утраченных еров»⁶¹⁸.

Если мы обратимся к рассмотрению расшифровки фонографических и магнитофонных записей былин, то убедимся, что в некоторых расшифровках былин ясно выявлено стремление сказителей оканчивать каждый слог гласным звуком. Приведу пример такой расшифровки:

Про Фатена

Ка-к(ы) мы си-де-ли на пи-ру да-кы две че-с(ы) т-ны в(ы)до-вы,
Две чест-ны бы-ли в(ы)-до-вы дак(ы) две бо-я-ри-ны,
Ка-к(ы) о-д(ы)на бы-ла Ма-ри-н(ы)-ка да Чу-со-ва в(ы)-до-ва.
Ка-кы дру-га бы-ла О-в(ы)-до-ти-я вдо-ва то Б(ы)-лу-до-ва.
На-ли-ва-ла ту-т(ы) О-в(ы)-до-ти-я да ча-ру зе-ле-на ви-на,
Не-ве-ли-ку и не-ма-лу-ю по-л(ы)т'-ра ве-ды-ра,
По-д(ы)-но-си-ла о-на Ма-ри-н(ы)-ке да Чу-со-во-ю вдо-вы⁶¹⁹...

Это одна из расшифровок, где последовательно (исключение *честны* вместо *че-сы-ты-ны*) проведено стремление оканчивать каждый слог гласным звуком⁶²⁰.

⁶¹⁵ К. Филатов. Очерк народных говоров Воронежск. губ. Велико-русские говоры, Русский филологический вестник, 1897, № 3 и 4, Варшава, 1897, стр. 266—267.

⁶¹⁶ А. М. Селищев. Заметки по великорусской диалектологии. I. К изучению типов акания.— Slavia, Časopis pro slovanskou filologii, гоф. VI, seš. 2, 3, Praha, 1927, стр. 459.

⁶¹⁷ И. А. Оссовецкий. Язык фольклора и диалект.— Основные проблемы эпоса восточных славян, М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 181.

⁶¹⁸ Р. О. Якобсон. О соотношении между песенной и разговорной народной речью. «Вопросы языкознания», № 3, 1962, стр. 89.

⁶¹⁹ Б. П., стр. 502—503.

⁶²⁰ Менее последовательна в этом отношении расшифровка былины о Даниле Игнатьевиче в записи А. Д. Григорьева, приводимая Р. О. Якобсоном. В ней встречаются следующие слова, оканчивающиеся на согласный: заводилось, почестьен(ы) пир, многих, бояр(ы), сил(и)них, полениц. Р. О. Якобсон. Цит. статья, стр. 89. И. А. Оссовецкий приводит расшифровку не целого отрывка из былины, а только отдельных стихов, но

В других случаях трудно говорить о последовательности в окончании слогов гласным.

Приведем, например, расшифровку былины о Садко.

Был во то-м(ы) ли во Но-ве да нонь во го-роде,
Был Сад-ко-то ку-пец да во-т(ы) бо-га-тый гость,
Сна-ря-ди-л(ы)-то он да вер(ы)но ко-раб-ли-ки,
И от-пра-вил-ся-то он во си-нё мо-рюш-ко.
В си-нё мо-ре-то вер-но в Хва-лын-ско-е⁶²¹.

При рассмотрении этой расшифровки мы видим, что в первом стихе на гласный звук не оканчиваются слоги: *был, нонь*; во втором стихе — *Садко* (вместо *Са-ды-ко*), *купец, гость*; в третьем стихе — *он*; в четвертом стихе: *от-правил-ся* (вместо *от(ы)-л(ы)ра-вил(ы)ся*), *мо-рюш-ко* (вместо *мо-рю-ш(ы)-ко*); в пятом стихе: *вер-но* (вместо *вер(ы)-но*), *Хва-лын-ское* (вместо *Хва-лы-н(ы)с(ы)-ко-е*).

Просмотр расшифровок трех томов «Архангельских былин и исторических песен» А. Д. Григорьева и «Былин Печоры и Зимнего берега» показывает, что расшифровок, где почти последовательно выдержан принцип оканчивать каждый слог гласным, меньше, чем тех, где этот принцип последовательно не проводится.

Можно предположить, что в старину сказители более последовательно при пении оканчивали каждый слог гласным звуком.

Тенденция оканчивать каждый слог гласным звуком наблюдается не только в былине, но и в других жанрах и видах народной песни.

Приведем расшифровки свадебных причитаний, а именно плача невесты и плача матери невесты.

ПЛАЧ НЕВЕСТЫ

Фон. 10286
Расш. 781

мм $\text{♩} = 84$ (Плач)

Ты лю-бе-зы на-я па-ды-ру- у- у- же ны-ка (Плач)

ты Ма-ты-ре на И-ва- а- а- но-вы на

и в них не все слоги оканчиваются на гласный. И. А. Оссовецкий.
Цит. статья, стр. 89.
⁶²¹ В. П., № 24, стр. 523.

ПЛАЧ МАТЕРИ ПО ДОЧЕРИ НЕВЕСТЕ

Фон. 1023а
Расш.: 782

Расшифровка этих плачей показывает, что в них, как и в расшифровках некоторых былин, последовательно видно стремление оканчивать каждый слог на гласный звук. Слогов, оканчивающихся на согласный, немного.

Однако этого нельзя сказать о других расшифровках лирических песен. Во многих расшифровках этих песен добавочный гласный появляется спорадически, иногда только раз-два в песне. Во многих расшифровках песен вообще нет добавочных гласных.

Итак, появление в народных песнях добавочных гласных содействует тому, что в песне многие, иногда почти все слоги оканчиваются на гласный.

Нам кажется правильным предположение Р. О. Якобсона, что «до падения глухих гласных устный эпический стих (может быть, не только эпический) сохранял силлабический характер и что первоначально, после падения глухих, вставной гласный мог быть стихотворным субститутом утраченных еров»⁶²².

На то, что появление добавочного гласного является «пережитком» глухих гласных, указывал и музыковед В. Г. Каратыгин.

«У народных певцов часто можно слышать долыга (долго), сыноха (сноха), колясыка (коляска), ясыный (ясный), одыному

⁶²² Ср. статью Н. С. Трубецкого: *W sprawie wiersza byliny rosyjskiej*. Prace ofiarowane Kazimierzowi Wóycickiemu. Z zagadnień poetyki. Wilno, 1937, s. 100—110.

(одному) и т. п. при наличии ноты на слог (иногда нескольких нот на слог. — П, Б.). Произношение этих «лишних» звуков, являющихся пережитками глухих гласных (иногда они появляются вопреки лингвистическим условиям, то же случается {и в знаменном распеве), варьирует. Когда слышатся совершенно своеобразные звуки, едва ли не те самые, которые в глубокой древности отвечали ъ и ь. А когда происходит и полная вокализация в чистые о, ы, е. Первый случай — старое истинное речие. Второй — типичное раздельное речие. «Модернизация» текста, желание привести к единству речь песенную с современной разговорной, приводит к выпадению «реликтовых» звуков»⁶²³.

Известную связь добавочных гласных в ныне поющих народных песнях с древними ерами предположить можно. Так, добавочные гласные образуются в конце слова на месте старых ь и ъ, а также в середине слова на их месте: к(ы)нязь, к(ы)нигия, к(ы)нига и др.

К. Филатов приводит ряд примеров появления добавочного гласного на месте старинных ь — ъ в середине и в конце слова⁶²⁴.

Кроме того, фактором, содействующим образованию добавочных гласных, является наличие в языке форм, своеобразных дублетов, близких к формам с добавочным гласным. Так, форма инфинитива на *ти* широко распространена в языке песни и производит в этом языке «впечатление актуальной живой нормы»⁶²⁵.

Точно также появление форм с добавочным гласным: *нын(е)че, нон(и)че, нон(и)чи, нон(и)* — облегчают диалектные формы: *ноне, нонича*.

Образованию предлогов с добавочным гласным: *в(ы), с(ы), к(ы)* помогает наличие форм, встречающихся в разговорном языке и широко распространенных в песнях: *во, со, ко*.

Созданию слов с добавочным гласным — *Ил(и)я, жит(и)е* — содействовали слова с церковным произношением: *Илия, житие*.

Употребление добавочных гласных следует объяснять также желанием облегчить произнесение при пении некоторых сочетаний согласных: «Когда спираются несколько согласных подряд, — замечает В. Г. Каратыгин, — у нас всегда чувствуются какие-то иррациональные гласные. Вслушайтесь в собственное произношение слова: корабль, жизнь, мачта, затхлый, вихрь (у лучших поэтов встречается *вихорь*)»⁶²⁶.

Следует помнить, что при пении желание облегчить произношение проявляется гораздо сильнее, чем в разговоре.

⁶²³ В. Г. Каратыгин. Памяти Н. А. Римского-Корсакова. В кн. «В. Г. Каратыгин. Жизнь, деятельность, статьи и материалы», т. I, Л., Academia, 1927, стр. 178.

⁶²⁴ К. Филатов. Указ. соч., стр. 267.

⁶²⁵ И. А. Оссоветский. Указ. соч., стр. 182.

⁶²⁶ В. Г. Каратыгин. Указ. соч., стр. 178.

«Вспомним, — продолжает Каратыгин, — также атактистическую декламацию плохих певцов с их „люб(ы)лю“ и „д(ы)ня“»⁶²⁷.

Профессор А. Л. Доливо, сам исполнитель былин, объясняет, что появление добавочного гласного после согласного в слове *князя* объясняется тем, что легче пропеть *к(ы)князя*, чем *князя*.

Следует отметить, что добавочный гласный появляется не только в традиционном тексте былин, но и в книжных заимствованиях. Так, добавочные гласные появились у сказителя при пении стиха, заимствованного из «Песни о кунце Калашникове» Лермонтова:

Всё пес-ню ту спел да по-д(ы) гус-ля-р(ы)нный звон?⁶²⁸

Итак, в современной народной песне добавочные гласные выполняют функции звуков, которые содействуют сохранению ритмической структуры старой песни, помогают реконструировать ее древний стих.

Но рядом с этой ритмической функцией добавочный гласный несет ряд других художественных функций.

О большом значении пения согласных писал К. С. Станиславский. «Согласные надо петь, смаковать. Шаляпин допевал *каждую* (курсив мой. — П. Б.) согласную. Баттистини также. Бельканто не будет без согласных. Шаляпин поет каждую букву. Шаляпин умел петь на согласных, этим он отличался от других певцов. . . Дикция Патти — перламутровые гласные в золотой оправе согласных»⁶²⁹.

«Некоторые певцы поют, и вы не понимаете слов. Филирования звука нет. Они поют только одни гласные, а согласные исчезают. Они не знают, что такое „м“ и „д“, все звуки, которыми можно петь. Шаляпин ясно поет „меня“. А некоторые певцы — „еня“»⁶³⁰.

«Певцы хорошо знают гласные, но не знают звучности согласных. Другое дело Шаляпин»⁶³¹.

К. С. Станиславский, указывая, что Шаляпин допевал *каждую* согласную, по всей вероятности, слышал, что помимо сонорных Шаляпин фонировал, озвучивал с помощью добавочных гласных и другие согласные.

«Пение согласных, особенно мгновенных смычных, для певца почти что *non sens* и с точки зрения строго акустической (действительно в прямом смысле; пение смычных мгновенных, особенно глухих, — невозможно) и с „певческой“. А все таки „их“ поют!» А. А. Реформатский как пример приводит место из сцены в корчме в опере Мусоргского «Борис Годунов», где в слове

⁶²⁷ В. Г. Каратыгин. Указ. соч., стр. 178.

⁶²⁸ Б. П., XXIII, стр. 521.

⁶²⁹ Сб. «Шаляпин», т. 2. М., Изд-во «Искусство», 1958, стр. 146.

⁶³⁰ Там же, стр. 145.

⁶³¹ Там же, стр. 146.

«лет» над *т* стоит нота⁶³². При пении Варлаамом этого слова ясно слышен после *т* добавочный гласный.

Нотирование исполняемых Ф. И. Шаляпиным народных песен показывает, что Шаляпин широко использовал при интерпретации народных песен добавочные гласные. Так, добавочные гласные были отмечены музыковедами В. М. Добровольским и Л. Н. Лебединским, которые независимо друг от друга провели расшифровку грамзаписи «Дубинушки» в исполнении Шаляпина. Здесь мы приводим нотирование Л. Н. Лебединским грамзаписи в исполнении Шаляпина народной песни «Эх ты, Ванька».

«Шаляпин перенял песню „Эх ты, Ванька“ от своей матери А. М. Прозоровой — крестьянки, хранившей в памяти множество народных песен»⁶³³.

Л. Н. Лебединский отмечает, что «большой художественный и специально-вокальный интерес представляет умение Шаляпина заставить выразительно звучать согласные как путем присоединения к ним импровизируемых гласных (см. слова „Ван(е)-ка“, „б(ы)-ра-та“, „т(ы)-во-я), так и в их „чистом“ виде (см. во второй фразе четвертой строфы слово „зи-м-у“)»⁶³⁴.

Отметим, что расшифровка Л. Н. Лебединского показывает, что Шаляпин использовал богатейший опыт народных певцов. Среди озвученных ими слогов мы встречаем многие из приведенных нами выше примеров в расшифровках народных песен, записанных от крестьян.

Итак, одной из важнейших художественных функций добавочных гласных является фонирование слогов, кончающихся на согласный.

Поскольку «для народного сознания песня едина в ее мелодическом и словесном элементах»⁶³⁵, фонирование согласных позволяет ярче довести до слушателей словесно-музыкальное содержание народной песни.

Значительна роль добавочного гласного и в так называемом «распете стихе»⁶³⁶. А. В. Руднева, отмечая, что во многих песнях, как в протяжных, так и скорых, наблюдается излюбленный исполнительский прием народных певцов — озвучивание согласных, указывает различные художественные функции добавочного гласного в лирических песнях, с одной стороны, и в хороводных и плясовых — с другой.

---

⁶³² А. А. Реформатский. Речь и музыка в пении. «Вопросы культуры речи», т. I. М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 189.

⁶³³ Л. Лебединский. В исполнении Шаляпина... «Музыкальная жизнь», 1963, № 3, стр. 12.

⁶³⁴ Л. Н. Лебединский. Указ. соч., стр. 12.

⁶³⁵ В. Г. Каратыгин. Указ. соч., стр. 177—178.

⁶³⁶ А. В. Руднева. Русское народное хоровое исполнительство. — Сб. «Советская музыкальная культура». [Сборник статей о музыкальном исполнительстве под ред. Л. Г. Гинзбурга и А. А. Соловцева]. М., Музгиз, 1954, стр. 218.

ЭХ ТЫ, ВАНЬКА...

Русская народная песня

Довольно медленно м.м. $\text{♩} = 76$

С голоса Ф. И. ШАЛЯПИНА (грамзапись 9703/6)
Нотировал Л. ЛЕБЕДИНСКИЙ

(несколько более подвижно) (вновь замедлив)

1 Эх ты, Ван[е]ка, ра-зу-да-ла го-ло-ва, да, ра-зу-да-ла-я го-ло-вуш[э]ка, [Ван[е]ка, во] я

(несколько более подвижно) (вновь замедлив)

2. Коль[э]да-леч[и] о-тъя-жа-ешь от ме-ня, да, на [во.]вожты по-ки-да-ещ[а]ми[п]лай [Э-
[э]другме-ня

(несколько ускорив)

3. Ни на бы-рата[э]ни на дру-га сво-е-во, да, а на с[э]в[э]кра, на зло-де-я [да]Ван[е]ка, мо-е-во

(Медленно, безнадежно)

(с чувством жалости)

(задерживая) (Фальцет)

(Фальцет)

4. С кем[э]я[т]о ста-ну э-ту зим-у [э]зи-мо-вать[э]то, с кем[э]я буду [э]т[э] но-чи, [э]Ван[е]ка, [э]каро-тать.
м[э]нь[э]

Своеобразие функций, которые несут добавочные гласные, следует выявить во всех различных видах песен, где эти гласные имеются, а имеются они, как мы выше показали, во всех видах народных песен.

В народном сознании, как правильно, отмечает В. Г. Каратыгин, «песня едина в ее мелодическом и словесном элементах»⁶³⁷. А. В. Руднева подчеркивает как характерную особенность исполнения хороших певцов «точное сочетание звука со словом, интонационную выразительность „звука-слова“, „звука-слога“»⁶³⁸.

Трудно определить преобладание музыкального начала над словесным и наоборот как в отдельных песенных жанрах, так и у отдельных певцов.

Музыковеды отмечали не только влияние мелодии на словесный текст, но и влияние текста на напев и ритм песни⁶³⁹.

Все это заставляет нас в первую очередь исследовать не столько борьбу и соревнование между мелодией и словесным текстом, сколько усиление мелодией того, что выявляется художественными словесными средствами песни, и, наоборот, усиление словом в его художественной функции того, что достигается мелодией песни.

Более внимательное изучение мелодической и словесной структуры позволит нам выявить художественную значимость как всей песни, так и отдельных ее компонентов — мелодии, ритма и слова.

Добавочные гласные не только восполняют нехватку текста в «распете стихе», но одновременно несут и другую художественную функцию, а именно — выделяют отдельные слова. Они вместе с такими междометиями, как *ох*, *эх*, *ах*, *дак* и т. п. придают экспрессивность отдельным словам и фразам. Вспомним, например, пресловутые слова вроде *са-та-ра-са-ти* в цыганских романах.

В народной русской песне, как мы указывали выше, большое число добавочных гласных встречается в словах уменьшительно-ласкательных в сочетании *шк* и *чк*.

⁶³⁷ В. Г. Каратыгин. Указ. соч., стр. 177—178.

⁶³⁸ А. В. Руднева. Русское народное хоровое исполнительство, стр. 215 и дальше.

⁶³⁹ Ludvík Kuba. *Poměr jihoslovanských textů k nápěvům. Cesty za slovanskou písní. 1885—1929. S hudebními příklady a vlastními kresbami.* 1953, s. 656—658. Певцов (но также и музыкантов, если они при игре песни на инструменте припоминают слова) ритмически в значительной степени ведет слово. Dušan Holý. *Improvizace, jeden z důležitých zdrojů variačního procesu v lidové písni ze stanoviska hudebního.* Slovácko. Práce. Materiály. Zprávy. Slovácké muzeum Uherské Hradiště, 1959, 3, s. 16. О тесной и органической связи мелоса и словесного текста в песне, в частности народной, много говорится в книге: Л. Кулаковский. *Песня, ее язык, структура, судьбы.* (На материале русской и украинской народной, советской массовой песни). М., Изд-во «Советский композитор», 1962.

Добавочные гласные звуки несут еще одну важную функцию в народной песне, а именно позволяют при пении особенно в «распетом стихе» варьировать мелодию, ритм и словесный текст песни.

Изменение ритмической сетки и мелодии влияет на словесный текст, как в свою очередь изменение текста влияет на мелодию и ритмическую структуру песни.

Отметим, что образование в середине и конце слова добавочного гласного органически связано с появлением в стихе отдельных словечек. Так, если перед словом стоит междометие *ах, ох, эх, так, дак* и т. п., то следующее за этими междометиями слово часто не имеет добавочного гласного — ритмическую сетку заполняет междометие *ах* и т. п. В том же случае, когда в другом стихе перед этим словом отсутствует *ах* и др., в данном слове появляется добавочный гласный. Иногда для того, чтобы распеть стих, изменить ритмическую сетку, разбить ноту на более мелкие ноты, недостаточно бывает маленьких словечек и добавочных гласных. Тогда к отдельным слогам слова добавляются такие слоги, как *ли, ло, ле* и т. п. Приведем здесь расшифровку одной из песен, где рядом с добавочными гласными отмечены и добавочные слоги *лу — ла — ле*. Песня исполнялась четырьмя женщинами. Запевала песню одна (при этом, как мы видим, она пела на языке, близком к обиходному). Дальше к запевале присоединились еще две женщины с низкими голосами (см. нижнюю строчку). Верхнюю же строчку исполняла одна женщина, которая вела более сложную партию, называемую по-местному партией «подголосника», и пела «распетый стих», в то время как нижнюю строчку исполняли три певицы на языке, близком к обиходному.

Иногда слова при пении так деформируются по сравнению с их произношением в обиходной речи, что слушателям песни становится трудно их понять.

Как бы в помощь слушателям песни, рядом с песенной формой то же слово поется в форме, близкой к разговорной, обиходной речи. Так в песне поется *п(ы)ры-ха-ди-тя*, а дальше — *прихади-тя; в(ы)за-э-лэ-ном(ы)*, а рядом — *в зеленом; р(ы)вать*, а дальше — *рвать; пе-ры-сте-не-к*, а дальше — *перстенек*.

При исполнении песни несколькими певцами один из исполнителей — подголосок — поет «распетый стих» с добавочными гласными и с добавочными слогами вроде *ла, ли, ло, лу* и т. п.⁶⁴⁰

---

⁶⁴⁰ Ф. И. Шаляпин (как это видно из расшифровок Л. Н. Лебединского грамзаписей напетых Шаляпиным народных песен) нередко при исполнении народных песен solo вставлял слоги *ла, ло*. Сравни в песне «Не велят Маше за реченьку ходить», фразу: *сто-ло-ит уж, бедная...* или в песне «Ноченька»: *эй ты, ло-(ло)-чен(е)ка...* и дальше: *Нет ни ма-(ла)-ту-ш(е)-ки...* Кроме того, в «Ноченьке» в первой строфе находим: *ла-ла-ла-ла ла-ла*, а во второй строфе: *ло-ло; ло-ло-хой*.

ШТО'З-ЗА ГОР ГОРЫ

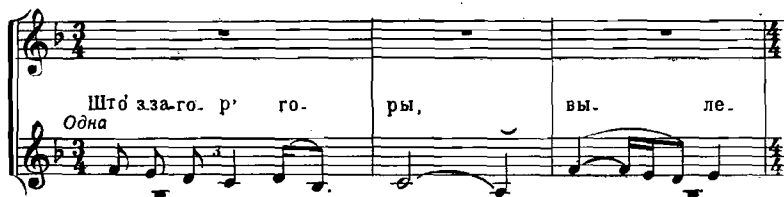
Лирическая

Фоногр № 1546а
Расш. № 2745

Медленно (♩ - 44)

Што аза-го- р' го- ры, вы- ле-

Одна

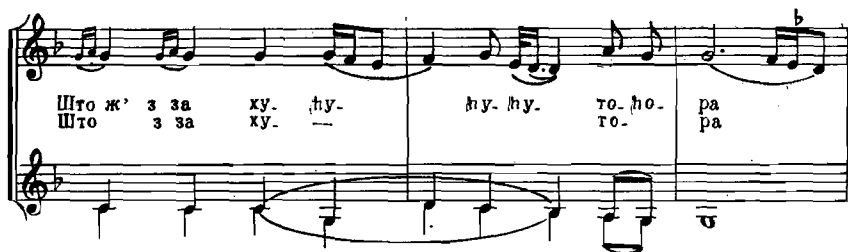
- тал о- рёл

Все

Э- е- е- е! Э- е- е- е!

Што ж' з за ху- ну- ну- ну. го- го- ра
Што з за ху. — го- ра

вы- ны. ны. ля. he. he та- на- ло ды- ва
вы- ля. та- ло ды- ва

Одна
 2 Што за ху- го- ра вы- ля-

Все
 -та. ло ды- ва Э. е. е. е!
 Э. е. е. е!

Да-на я-на-ди- ны ва- я а- ды- но- го
 Да я- ди- ны ва. а- ды- но- го.

все же пы- ны. та. ет. ся,
 все же пы. та. ет. ся.

Одна
О- дин од- но- го все пы.

Все
- та - ет - ся Э. ё. е. е! Э. е. е!

да где бы ра- те- ец о.но- рёл
да где бы ра- тец о. рёл

где же до- лы.ы го та- ны ля- тал?
где же до- лы. го та- ны ля- тал?

а другие певцы или хор одновременно с подголоском поют нераспетый стих, где слова близки к обиходной речи.

Все это помогает слушателям легче воспринимать «распетый стих».

Так, в приведенной выше расшифровке песни «Што 'з-за гор горы» подголосник поет:

Што ж' з'-за ху-ху-ху-ху-то-го-ра
вы-хы-хы-ля-хе-хе та-ха-ло ды-ва...

а другие:

Што з-за ху-то-ра
вы-ля-та-ло ды-ва...

Мы видим, что добавочные гласные, как и слоги *ху, хо, ха* и др., как и отдельные слова и словечки, дают возможность певцу в рамках установленной нормы данной песни импровизировать и видоизменять мелодию, ритмическую структуру и словесный текст песни. При этом варьировании песни певец часто передает мелодические, ритмические и словесные украшения, которые он воспринял по традиции от других певцов и которые восходят иногда к далекому прошлому⁶⁴¹. В рамках традиционного исполнительства в этих импровизациях проявляется особый «почерк» певца⁶⁴². Варьирование песни несет ряд художественных функций⁶⁴³.

Мы наметили здесь несколько художественных функций, которые несут добавочные гласные, пучок функций, которые структурально между собой связаны.

Невольно возникает вопрос, какая из них в иерархии функций добавочных гласных является доминантой.

По-видимому, в разные периоды истории народной песни место доминантной художественной функции добавочных гласных менялось. Менялось это место в один и тот же период также в зависимости от жанра песни.

Одним из основных заданий дальнейшего изучения языка народной песни является выяснение роли различных художественных средств языка песни, в частности таких, как добавочные гласные.

Еще в 1909 г. М. Берг при записи народных песен у певицы Василисы Содомовой писала: «Такая вставка гласных, иногда

⁶⁴¹ K. Plicka. Eva Studeničova spieva. Matica Slovenská, 1928, s. 59.

⁶⁴² Об особом «почерке» в импровизации певцов см.: А. В. Руднева. Русское народное хоровое исполнительство, стр. 204 и дальше.

⁶⁴³ См. Л. Кулаковский. Цит. книга, стр. 321—322. Об импровизационном характере русского народного песенного творчества см.: М. П. Штокмар. Исследования в области русского народного стихосложения. М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 146—200. Ср. также: П. Г. Богатырев. Некоторые задачи сравнительного изучения эпоса славянских народов. — Сб. «Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике». М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 232—243.

даже целого слова, наблюдалась в том случае, когда певица распевалась или же старалась придать своему исполнению особенный шик, разбив ноту на две мелкие»⁶⁴⁴.

Внимательное наблюдение за исполнительской манерой певцов раскроет нам новые функции добавочных гласных при пении народных песен у славян, которые здесь указаны не были.

SUPPLEMENTARY VOWELS IN FOLK-SONGS AND THEIR FUNCTIONS

Summary

Certain linguists (N. N. Durnovo, F. E. Korsh, I. A. Ossovetzky, A. M. Selishchev, N. S. Trubetzkoy, A. A. Reformatsky, R. O. Jakobson and others), as well as certain musicologists (E. V. Hippus, I. Zdanovitch, V. G. Karatigin, L. N. Lebedinsky, A. V. Rudneva, Z. V. Evald etc.) have mentioned in their articles, recordings and notations a tendency in the language of songs to insert vowels, often reduced, between the consonants. These vowels have been called postlaut supplementary vowels.

An examination of this phenomenon in the language of song shows that the insertion of vowels in singing occurs after almost all consonants in various combinations of sounds both in the middle of words and at the end of words.

These supplementary vowels are to be found in different genres and types of songs in biliny (epic poetry), historical songs, sacred verses (duchovnyje stichi), ritual calendar songs (such as Christmas and spring songs), in ritual domestic songs (e. g. the lament of the bride, the lament of the bride's mother etc.), in songs connected with work, in cradle-songs etc., in songs sung among various classes of the population (peasant, soldier and prison songs) in songs of dramatic and humorous content, in songs accompanied by theatrical action and movement (such as those accompanying dances «chorovodi», and folk-games), in songs sung either by a soloist or by a choir.

This putting into relief of consonants occurs both in ancient songs (ritual, biliny etc.) and songs of more recent formation.

In the notations and recordings of all genres and types of songs after hard consonants we find the supplementary svarabhakti vowel «ы», less often «а», and still more rarely «о», after palatalised consonants «и» and less often «е».

Very often a supplementary vowel in the centre of a word appears in combination with one of the sonant consonants. However, there is no general rule about this. After some consonants supplementary vowels are often formed in combination not with sonant consonants but with others. Thus it most often happens that supplementary vowels often «ж», «ш» and «ч» are formed in the combination of these consonants with «к».

⁶⁴⁴ М. Берг. Указ. соч., стр. 2.

Many scholars (Karatigin, Ossovetsky, Selishchev, Jakobson and others) thought that the appearance of supplementary vowels was due to the rhythmic peculiarities of the jolh—verse, in particular to the tendency of narrators of biliny, and of jolh—singers to finish each syllable of their song with a vowel.

In some biliny and songs the narrators and singers make systematic use of this tendency (see e. g. the «Biliny about Fatew» also the marriage lament of the bride and brides mother quoted by us in the lecture); in other biliny (e. g. the biliny «Sadko» mentioned in our lecture), as well as in many lyrical songs we do not see such a systemic use of the supplementary vowel. It has been noted that the supplementary vowels in certain cases appear in the place of the old hard and soft «iers».

The formation of supplementary vowels was helped by the presence in everyday speech of doublets similar in form to words having the supplementary vowel. With this is connected, for example, the widespread use in the language of songs of infinitives in «ti» (mu).

The formation of supplementary vowels in singing can be explained in many cases by the desire of folksingers to facilitate the pronunciation of certain combinations of consonants.

Supplementary vowels in singing help to put the consonants into relief; this «elucidation» of consonants being indicated by analysis of phonographic and tape recordings of folksongs sung by peasants and by analysis of gramophone records of folk-song performed (sung) by F. I. Shaliapin.

Supplementary vowels mark out the separate words and give them more expression. This partly explains the fact that we often meet a supplementary vowel in combinations of the consonants — ж, —ш, —ч on the one hand, with the consonant —к on the other, since these combinations are often found in diminutives and terms of endearment; here the supplementary vowel strengthens the emotional overtone of many of these words.

Supplementary vowels in folksong have an important function allowing the singer to improvise during the performance of the folk-songs; owing to the supplementary vowel they may vary the melody, rythm and even the text of the song.

Thus, supplementary vowels fulfil a complex of artistic functions.

In different periods of the history of the folk-song, the various functions of the supplementary vowel became more or less prominent in the functional hierarchy in question.

Apart from this, in one and the same period in the history of the folk-song, the functional hierarchy of the supplementary vowel underwent changes relative to the genre of the song.

Careful observation of the performance of folk-singers will reveal to us new functions of the supplementary vowel in folksongs, functions which have not been mentioned here.

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
ДОКЛАДЫ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
V *Международный съезд славистов*
(София, сентябрь 1963).

С. В. Шервинский

**СМЫСЛОВОЕ УДАРЕНИЕ
КАК СТИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ**

Проблемы стихового ритма разработаны за последние полвека весьма широко, в частности русскими стихологами. Мы вправе говорить о подлинном расцвете русской стихологии в 20-х годах столетия, но тут же считаем долгом оговориться, что стихологические труды тех лет носили отпечаток общих эстетических тенденций времени, и изучение ритмики стиха ограничивалось формальным анализом без достаточного, с нашей точки зрения, учета данных смысла, которые, как мы постараемся показать, не могут не оказывать своего влияния на акцентную конструкцию стиха.

Ритмология Андрея Белого и Б. В. Томашевского, богатая фактическими наблюдениями и статистическими подсчетами, носила преимущественно отвлеченный характер. Эти ведущие стихологи того времени, как и их последователи, имели дело с ритмическими схемами, и наибольшее внимание было сосредоточено на отступлениях от нормы, наглядно улавливаемых в графическом изображении. Эти изучения дали ценные выводы, например, известное наблюдение Белого, что большая степень отступления от нормальной схемы четырехстопного ямба указывает на большую взволнованность автора, и были весьма плодотворны для стихологических характеристик в плане историческом.

Для изучающих построение стиха во времени по методу Томашевского и близких к нему стиховодов схема того или иного метра в отношении ударностей всегда остается равной самой себе: $\cup \cup \cup \cup \cup$ всегда равно $\cup \cup \cup \cup \cup$, как, скажем, $\cup \cup \cup \cup \cup$ всегда равно $\cup \cup \cup \cup \cup$, независимо от других формообразующих моментов стиха, как, например, словораздел или эвфоническая структура.

Белый своими исследованиями «ускоренных» (по его терминологии) стихов мимолетно вторгся в реальную жизнь стиха,

Томашевский же предпочтительно ограничивался изучением стихологических норм и отклонений от них, и его формальные констатации в этих пределах — наиболее сильная сторона его трудов.

Между тем, в конкретной жизни сила бывает равна другой силе лишь как исключение или же абстракция. То же самое наблюдается во всякой произнесенной фразе, — в ней налицо известная градация силовых моментов. К наличию «силы» прибавляется ее интенсивность.

Для нас существен тот факт, что градация силы имеет место и в системе стиховых иктов, — другое дело, насколько рельефно выделяется эта градация.

Стихологи 20-х годов преуменьшали значение смысловых иктов, вернее, вовсе не уделяли им должного внимания. По-видимому, это в известной степени было реакцией против «актерского» произнесения стихов, выделявшего смысловое в ущерб формальному настолько, что невольно возникал вопрос: причем же тут стихи? Обретение заново формально-эстетических качеств стиха побудило стихологов ориентироваться на распространенную тогда безразлично-напевную произносительную манеру, и это, с нашей точки зрения, не могло не обеднить стихологического анализа.

Однако я не имею ни малейшего намерения предоставить в моем настоящем докладе плацдарм для реванша «актерского» произнесения стихов, памятуя, что градация силы ударений в стихе может быть менее или более рельефной в зависимости только от стиля поэтического произведения.

О градации ударений в стихе говорил еще Сумароков. Он писал: «В который слог бьет разум, тот и доле из двух долгих»¹. Из контекста явствует, что Сумароков сливал понятие долготы с понятием силы. Следует особо отметить, что на заре русской стихологии один из активнейших мыслителей в области литературы прямым образом говорит о связи долготы-силы со смысловым содержанием («бьет разум»).

Стихологи 20-х годов нашего века, ограниченные сферой отвлеченной ритмики, все же не могли вовсе пройти мимо градации ударений, как явления слишком очевидного. Томашевский говорил о «тонкой градации силы ударений», но, как можно судить из контекста, он подходил к ней лишь с грамматической точки зрения². В. М. Жирмунский высказывается о логическом и эмфатическом ударении как о моментах, дающих «дополнительное отягчение» на неударных местах стиха³ (позиция Жирмунского тоже грамматическая).

¹ А. П. Сумароков. О стопосложении. «Библиотека поэта», большая серия. М., «Советский писатель», 1935, стр. 395.

² Б. В. Томашевский. О стихе. Л., «Прибой», 1929, стр. 120.

³ В. М. Жирмунский. Введение в метрику. Л., Academia, 1925, стр. 105.

В начале XX в. вышла работа Марка Лиддэлла, заслуживающая особого внимания⁴. Насколько мне известно, Лиддэлл не имеет теперь последователей. Между тем, труд его примечателен самой постановкой вопроса о функции ударения в стихе. Он настойчиво проводит точку зрения, что смысл имеет определяющее значение в градации стиховых акцентов⁵; он решительно восстает против узкоформального исследования стиха⁶. Однако эти в общем плодотворные суждения Лиддэлла связываются им со свойствами именно английского мышления⁷, этим автор ограничивает применение своей «волновой» теории. Смысловые анализы Лиддэлла порою упрощены, понятие «ритма» сбивчиво⁸. Тем не менее я считаю приятным долгом вновь привлечь ваше внимание к этому редко упоминаемому труду, положения которого родственны тому, что излагается в настоящем докладе.

Самый факт градации ударений в стихе регистрируется современными стихологами. Так Schökel говорит, что градацию силовых иктов ухо улавливает, сознательно ее не контролируя, и что стих без градации иктов — либо признак доведенного до предела безразличного способа произнесения, либо нечто, просто человеческому слуху чуждое⁹.

Б. Унбегаун в своем кратком изложении теории русского стихосложения посвящает отдельную главу — правда, очень малую по размерам — «относительной силе ударения» (*force relative des accents*). Автор указывает, что бывают различного рода акценты, семантические, эмфатические или логические, которые могут быть обнаружены лишь через их относительную ударенность; от этого некоторые ударения оказываются более сильными, чем другие¹⁰.

---

⁴ Marc Liddell. An introduction to the scientific study of English Poetry. London, 1902.

⁵ Например: «English poetry is not a rhythm of sound but a rhythm of ideas, and the flow of attention-stresses which determines its beauty is inseparably connected with the thought» (Указ. соч., стр. 237).

⁶ Там же, стр. 238, 242.

⁷ «It follows that English verse punctuation cannot exist independently of English thought» (стр. 239).

⁸ Там же, стр. 212—213.

⁹ L. A. Schökel иронически говорит, что «un ritmo puro, sin contenido, el ritmo «abstracto» lo podemos escuchar de un tambor» (Louis Alonso Schökel. Estética y estilística del ritmo poético. Barcelona, 1959, p. 179).

¹⁰ «Cette inégalité des accents, sans changer quoi que ce soit au dessein métrique du vers, influe néanmoins sur la cadence rythmique. И еще: «Mais il est des cas où la hiérarchie des accents joue dans des mots dont la nature même appelle un accent plein et non ambigu: substantifs, adjectifs et verbes. Là, seules les considérations sémantiques règlent cette hiérarchie des accents». Это высказывание Унбегауна опирается на стандартные синтаксические явления, но существенно, что автор признает самую роль различной силы иктов в ритмическом рисунке. (B. U n b e g a u n. La versification russe. Paris, 1958, p. 143—144).

О неравенстве силы ударений говорит и К. Тарановский в работе, целиком построенной по методу исследований Томашевского, т. е. ограниченной формальным метрическим анализом с позиций нормативной ритмики¹¹. Однако высказывания Тарановского лишь вскользь затрагивает тему.

Совсем близко подошел к занимающей нас проблеме все же В. М. Жирмунский. В 1925 г. он писал:

«Впрочем, для вопроса о большей или меньшей дифференциации относительной силы ударений существенное значение имеет ритмический стиль стихотворения, тесно связанный с его смыслом и художественным стилем вообще. В медитативной элегии, в лирическом стихотворении напевного стиля динамические различия нередко подвергаются выравниванию, ударения держатся на одном уровне и не выходят резкими скачками за пределы известного максимума». Сославшись на соответствующие наблюдения Сиверса, Жирмунский приводит в качестве примера два стиха из «Мелодии» Фета:

Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне,
Травы степные унизаны влагой вечерней. . .

«Всякое логическое выделение отдельных слов, — продолжает Жирмунский, — (напр.: *травы степные унизаны влагой вечерней. . .* или: *травы степные унизаны влагой вечерней*) будет одинаково неправомерно, и ни одно из этих выделений не поддается самому отрывком предпочтительно перед другим. Иначе — в стихе разговорном (или риторическом) с резко выделяющимися смысловыми ударениями и логическими интонациями», и автор приводит образец из «Евгения Онегина»¹².

Это высказывание Жирмунского, как будто предполагающее, что затронутый вопрос всем ясен и что имеется общепринятое его решение, на самом деле могло бы вызвать некоторые возражения. Но я укажу, наоборот, лишь на положительную сторону этого высказывания. Для нас представляет большую ценность то, что Жирмунский, как ранее Сумароков, определенно признал связь в стихе *силы ударений со смыслом*. Что смысловые ударения резко выделяются в стихах с логической

---

¹¹ «Стих Кузмина и Ахматовой тоже носит отпечаток своей эпохи. Для их стиха характерна минимальная разница в ударяемости первых двух иктов, причем в более позднем стихе Кузмина тоже появляется допушкинская ритмическая инерция». А также: «В первом десятилетии XX века (1903—1909) у Белого отчетливо выражена допушкинская ритмическая инерция, однако при сравнительно очень слабой ударяемости второго слога. Во втором десятилетии (1916—1921) Белый резко изменяет свой ритм и возвращается к традиции XIX века с относительно сильным вторым иктом и очень слабыми первым и третьим», «Руски четверостопни јамб у првим двома деценијама XX века». «Јужнословенски филолог», Београд, 1955—1956, т. XXI, кн. 1—4, резюме, стр. 43.

¹² В. М. Жирмунский. Указ. соч., стр. 165—166.

доминантой, совершенно очевидно и может быть легко наблюдаемо в опыте произнесения стихов.

Однако Жирмунский, подойдя так близко к роли смысловых ударений в стихе, не усмотрел в их существовании достаточно серьезной проблемы и в своем беглом экскурсе не считал нужным остановить на них свое внимание. Несмотря на неоднократные упоминания логического ударения, тема о его роли в ритмической структуре стихов не нашла в Жирмунском исследователя; ученый, воспитанный на нормативной стихологии, вероятно, считал эту тему выходящей за пределы науки¹³.

Различие в силе смысловых ударений, за исключением простейших случаев, зависящих прямым образом от синтаксиса, может быть констатировано лишь в произнесении (вслух или мысленно).

После того как изучение произнесенного стиха было провозглашено Сиверсом и практиковалось его последователями, прошло немало лет. У стихологов нашего времени анализ произнесенного стиха вызывает скептическое отношение.

Так, Р. О. Якобсон прямо говорит, что исследование стиха, осуществленного в произнесении, научно не оправдывается, так как зависит, по его мнению, от той или иной манеры произнесения. Он приводит следующее высказывание Wimsatt'a и Beardsley: «There are many performances of the same poem — differing among themselves in many ways. A performance is an event, but the poem itself, if there is any poem, must be some kind of enduring object», и добавляет, что это «мудрое memento» принадлежит к самым существенным в современной метрике¹⁴.

Однако и современная стихология все же не отказывается (или не может отказаться) от привлечения произносительных моментов к своим стихологическим наблюдениям. Так, например, Guiraud, говоря о ритмике Поля Валери, касается их в ряде мест¹⁵.

Он полагает, что многие звуковые явления в стихе и прозе, подвергаемые нашему изучению, как-то: количество, высота, сила и пр., было бы полезно проверять путем слушания произнесенного текста¹⁶.

Для советских исследователей это не новость: лет 30—40 тому назад весьма полезные и интересные записи декламации

---

¹³ Вопросу о смысловых ударениях больше внимания уделяли теоретики декламации. Ф. И. Коган в своей книге «Техника исполнения стих» (М., 1935) дает ряд интересных анализов произведений поэзии с акцентной точки зрения, но все внимание автора направлено на практическую помощь исполнителю. Стихологические проблемы автором не ставятся.

¹⁴ R. Jakobson. Linguistics and Poetics. «Style and language». New-Jork—London, 1960, p. 365—366.

¹⁵ Pierre Guiraud. Langage et versification d'après l'oeuvre de Paul Valéry. Paris, 1953, p. 52, 57, 64, 69.

¹⁶ «Il serait extrêmement curieux d'avoir les cardiogrammes ou les encéphalogrammes de la lecture de différents poèmes» (там же. p. 47).

поэтов делали В. Всеволодский-Гернгросс и особенно С. И. Бернштейн. Но оба эти исследователя изучали произнесенный стих без прямого намерения сделать из своих наблюдений стихологические выводы.

Касаясь произнесения стиха, мы невольно вступаем в пограничную область между наукой о стихе и искусством декламации. Невольно заявляют свои права эстетические критерии, объективное может смешиваться с субъективным. Если бы декламация как выразитель общественного сознания имела собою долю того значения, какое имеет музыкальное исполнительство, у нее тоже, по всей вероятности, выработались бы свои устойчивые критерии. Но декламация занимает слишком скромное место в иерархии искусств. Ее теория достаточно не разработана и не продумана, а практика засорена явлениями, которым в области музыкального исполнительства не могло бы найтись места.

Кроме того, в отношении произнесения стихов установился принципиальный релятивизм, провозглашенный в те же 20-е годы. Теория, выделяющая декламацию в автономное искусство, лишь отчасти зависящее от произносимого текста, получила у нас распространение в пору всякого, порою не оправданного, экспериментаторства. Субъективное и независимое нашло тогда приверженцев в уже упомянутых теоретиках декламации — Всеволодском-Гернгроссе и Бернштейне — и отчасти в Жирмунском, тогда вплотную занимавшемся проблемами стиха. Не знаю, держится ли В. М. Жирмунский и сейчас своих прежних взглядов, но 40 лет тому назад он недвусмысленно писал: «В поэзии мы различаем метрические свойства стихотворного произведения как такового и разнообразные приемы его декламации, которые в значительной степени могут зависеть от совершенно особого искусства *исполнителя*»¹⁷.

Категорическое суждение Wimsatt'a и Beardsley, приводимое Р. О. Якобсоном, не представляется нам бесспорным. Конечно, известная доля свободы есть у произносящего стихи. Но не следует думать, что это свобода произвола или случая. Когда в те же 20-е годы на первый план выдвигались формальные ценности — звуковая структура, инерция ритма, общая интонация, — то это могло происходить лишь за счет данностей смысла. Стихи, если не считать исключений, зарождаются комплексно, в них изначально происходит синтез тех элементов, которые впоследствии могут быть дифференцированы уже аналитически как исполнителем, так и исследователем. Если Маяковский говорил, что, зарождаясь, стихи у него звучат как известная ритмическая волна, это означает лишь то, что для поэта и зарождение ритмического образа изначально, что без этого форма стихов может оказаться лишь использованием готовой ритмической модели.

---

¹⁷ В. М. Жирмунский. Указ. соч., стр. 14.

Как неразрывно связаны между собой все смысловые и формальные элементы в стихе, так же связаны они и в его произнесении. Произнесение уже предопределено текстом. Нам остается оглянуться на давнее мнение Р. Бёрингера, что в тексте стихотворения уже предполагается «закон его исполнения»¹⁸, и задача декламатора состоит лишь в том, чтобы этот закон найти и воплотить.

Это, в свою очередь, означает, что единственный способ выбора произносительной системы есть невозможно глубокое и всестороннее постижение текста, столь убедительное, что «выбор» перестает быть таковым, превращаясь в «вывод». Текст — не трамплин для индивидуалистического прыжка в другое искусство, а исходная точка раздумий и решений. Об этом хорошо сказал когда-то Б. Эйхенбаум: «Печатный текст — не факт, а проблема»¹⁹.

Для научного мышления должен был бы казаться сомнительным не столько предполагаемый случай, что произноситель придаст стихам произвольный ритмический рисунок (с этим порочным явлением можно было бы и не считаться), сколько необходимость применять прием, действительно непривычный для научной методологии: наблюдения должны производиться над явлениями, имеющими в своей основе понимание, смысловую трактовку, в сочетании с правильной трактовкой стилистической, т. е. опыт индивидуального восприятия.

Едва ли, однако, риск оказаться на поводу бесконтрольного или, вернее, самоконтролируемого опыта должен привести нас к отказу от анализа по данному методу. Научная мысль, как нам кажется, не должна отказываться ни от какого возможного метода, чтобы приблизиться хоть немного ближе к познанию предмета.

Довольно безразлично и то, куда будет отнесено рассуждение, предлагаемое вашему вниманию, — к стихологии ли в ее описательном аспекте, или к одной из ветвей истории литературы.

Итак, мы видели скептическое отношение стихологов наших дней, так же как и стихологов недавнего времени, к пользованию произнесенным стихом в целях научных выводов. Современная стихология, по-видимому считает, что смысловые данности стиха относятся к психологии, логике фразы, теории декламации, но не входят в круг предметов, какими призвано заниматься стиховедение²⁰.

---

¹⁸ Цит. по книге: С. И. Бернштейн. Стих и декламация. «Русская речь», Л., Academia, 1927, стр. 40.

¹⁹ Б. М. Эйхенбаум. Методика русского лирического стиха. Пг., 1922, стр. 17.

²⁰ Чтобы не повторять уже ранее высказанное, отсылаю к Предисловию моей книги «Ритм и смысл» (М., Изд-во АН СССР, 1961).

Современного стихолога М. Янакиева никак нельзя упрекнуть в том, чтобы он недооценивал значение смысловых сторон стиха. Но к смысловому (логическому) ударению он относится, в стихологическом плане, скептически. Он говорит, что логическое ударение как таковое «не може да се използва нито като *ритморазличител*..., нито като *синхронизационен импулс* за стиховия ритъм...»²¹.

Его положение верно в том смысле, что главное логическое ударение, действительно, не может ничего изменить в схематическом ряду того или иного метра. Но как только мы переходим к изучению конкретной временной формы произведений поэзии, самое понятие «ритморазличителя» оказывается в применении к ней более широким, — именно в своей ритморазличительной функции смысловое ударение позволяет сделать немало существенных констатаций.

Смысловый акцент обойден молчанием и в недавно опубликованной статье А. Н. Колмогорова и А. М. Кондратова «Ритмика поэм Маяковского»²².

Как бы, однако, ни относились стихологи к возможности изучать произнесенные стихи, факт остается фактом: смысловой икт, сливаясь с иктом ритмическим, увеличивает силу ударенного слога и этим вносит во временную форму стиха специфическое разнообразие. Возникают различные формулы акцентной конструкции в пределах конструкции нормативно-ритмической.

Такие икты, чья интенсивность зависит от смысла, было бы целесообразно называть «лого-ритмическими» иктами.

Констатирование каких-либо фактов, имеющих не случайный, а постоянный характер, само по себе уже является предпосылкой изучения. Пытливость, свойственная научному мышлению, уже не может после констатирования подобных фактов отказаться от их исследования, как бы ни были зыбки очертания самих наблюдаемых фактов и как бы ни был непривычен метод их исследования.

На фоне общего уклонения от исследования в стихологическом плане смысловых данностей стиха выделяется фраза, вскользь брошенная тем же Р. О. Якобсоном. Видимо, он не мог все же не обратить внимания на тот факт, что силовые икты, отражающие в стихе, как и в живой речи, смысловые оттенки, не могут оказаться чуждыми стихологии, и он, как будто даже противореча самому себе, говорит применительно

²¹ М. Янакиев. Българско стихознание. София, 1960, стр. 51.

²² «Вопросы языкознания», № 3, 1962, стр. 62—74. — На совещании, посвященном применению математических методов при изучении языка художественных произведений, созданном Горьковским университетом и Горьковским домом ученых в сентябре 1961 г., А. Н. Колмогоров высказался в том смысле, что «словоразделы... играют существенную роль при восприятии стиха. То же касается ударений, природа которых весьма разнородна» («Вопросы языкознания», № 1, 1962, стр. 163).

к стиху: «...there is a captivating question of the relationship between the strong downbeats and phrasal stresses»²³

Отношению между стиховым и фразовым ударениями и посвящено в основном мое настоящее сообщение²⁴.

Мы будем брать для исследования только поэтический материал, созданный по силлабо-тонической системе стихосложения, учитывая, что явления, которые нам предстоит отмечать, связаны со свойствами тех языков, какие пользуются данной системой. В пределах данной системы мы ограничим себя произведениями поэзии русской и болгарской, в их основной литературной традиции. Объединение именно этих двух литератур подсказывается нам тем обстоятельством, что пушкинская стиховая система во второй половине XIX столетия воспринята поэзией болгарской и благодаря родству обоих языков и их просодий не оказалось чуждым привнесением в болгарский опыт. Она пустила глубокие корни в болгарской литературе и позволяет нам опираться на примеры из той и другой поэзии.

Итак, мы начали наши рассуждения с того, что две абстрактно одинаковые схемы в осуществленных произнесении стиха перестают быть одинаковыми, приобретая дополнительную силувую нагрузку в тех или иных местах в зависимости от смысла.

Наиболее част и рельефен тот случай, когда главное фразовое ударение или второстепенное ударение, главенствующее в части фразы, приходится на последний ударный слог стиха, т. е. на *константу*. Это совпадение превратилось в закон для силлабического стихосложения и является, если не законом, то чрезвычайно распространенным фактом в стихе силлаботоническом, особенно рифмованном.

Томашевский в своем исследовании русского четырехстопного ямба, указав, что в каждом стихе есть своя градация ударений, определяет законное место главного стихового икта следующим образом:

«Рифмующая четвертая стопа уже по одному тому, что она содержит рифму, предопределена к тому, чтобы носить на себе самое сильное ударение стиха. На рифму естественно привлечено внимание»²⁵.

Настоящее утверждение, хотя и ограниченное частным случаем и само по себе не претендующее на обобщение, не может не показаться сомнительным. Главное ударение в стихе, дей-

²³ R. Jakobson. Указ. соч., стр. 362.

²⁴ Из стихологов последних лет на смысловые данности стиха постоянно обращает внимание Schökel (Указ. соч., стр. 111, 148, 160, 189). Однако, суждения Schökel'a, весьма ценные принципиально, поскольку они обращаются к произнесенному стиху и к влиянию смысла на ритм, имеют для нас лишь косвенное значение, так как автор имеет дело с испанским силлабическим стихом, и самое понятие ритма у него не вполне совпадает с нашим, выработавшимся в общении со стихом силлабо-тоническим.

²⁵ Б. В. Томашевский. Указ. соч., стр. 121.

ствительно, падает в громадном числе случаев на последний ударенный слог. Но едва ли следует думать, что самая рифма, как таковая, предопределяет место главного ударения в стихе. Для совпадения главного ударения с константой имеются не столько отвлеченно-эстетические основания, сколько основания лингвистические. Как известно, нормально построенная простейшая русская фраза имеет усиление на последнем слове²⁶. Сильнейшее ударение в конце наличествует и в частях фраз, образующих законченное синтаксическое единство. Естественное для языка сильно акцентированное окончание фразы закрепляется в стихе рифмой, подобно тому как колонна венчается капителем. Нельзя недооценивать мнемоническую и эстетическую роль рифмы, но следует подчеркнуть, что лингвистическая основа силовой нагрузки на конец стиха проявляется уже в том, что нагруженные концы встречаются, как последовательные ряды, и в стихах белых:

На лоне облаков румяных
Явилась скромная зарь;
Пред нею резвые аэфиры,
А позади блестящий Фёб,
Одетый в пышну багряницу,
Летит по синеве небес —
Природу снова оживляет
И щедро теплоту ливет. . .

(Жуковский. «Герой»)

С другой стороны, отношение к рифме меняется в разные эпохи и в разных поэтических направлениях.

Совпадение главного смыслового ударения с константой наблюдается, естественно, тем очевиднее, чем проще построение фразы или синтаксической группы, чем меньше в ней необходимости в разного рода смысловых выделениях. Вот стихотворение Вадерия Брюсова, где обычно напряженно мысливший поэт отдался настроению бездумному и беспечному:

Где-то есть, за темной далью
Грозно зыблемой воды,
Берег вечного веселья,
Незнакомые с печалью
Геспериловы сады.
Жизнь отдай во власть теченья,
И оно прильнет твой челн
Там, где, словно ожерелья,
Многоцветные камёнья
Поднялись над пеной волн. . . и т. д.

(«Геспериловы сады»)

---

²⁶ Л. В. Щерба. Опыты лингвистического толкования стихотворений. «Русская речь», Пг., 1923, стр. 13—56.

На всё это длинное стихотворение, насчитывающее 40 строк, только три стиха не дают четкого совпадения главного смыслового ударения с константой (стихи 23, 28 и 37).

Эти стихи Брюсова, как и множество других стихов с образно-музыкальной доминантой, произносятся в «напевной» манере²⁷. Однако совпадение главного смыслового икта с константой ощущается явственно.

Смысловая нагрузка на константу постоянно встречается в стихе народных песен и в литературных стихах, писанных в народно-песенном или народно-сказовом плане. Простота построения фраз суммируется здесь с требованиями музыкальными или напевно-сказовыми (непосредственно или в силу подражания). Икт музыкальный обычно подчиняет себе икты текстовые и, если падает сам на последнее место, делая его сильным, то смысловые икты уже неспособны проявлять какую-либо выразительную самостоятельность.

В тех случаях, когда текст мог бы подсказать иную акцентуацию, требования смысла оказываются бессильными изменить установившуюся инерцию. Таким, например, случаем является частушка:

Домик, домик не высòк,
А под домиком песòк,
Сроду, сроду я такàя,
Мой веселый голосòк.

Выразительность ударений внутри этих стихов ступеньвается в пении, а устойчивая музыкальная инерция выделяет последний икт.

Между тем, логически акценты должны были бы падать на слова «сроду» и «веселый», — в первом случае налицо настойчивость мысли, во втором «веселый» является сказуемым («мой голосок — весел»). Но частушка поется без оглядки на психологию и логику.

В болгарской поэзии, крепко связанной с ритмами и приемами поэзии народной, — в чем она так родственна поэзии украинской в ее шевченковском стиле, — нетрудно найти множество примеров совпадения смыслового ударения с константой при простейшем построении фраз и психологической несложности. В поэзии Христо Ботева, полной пламенности и песенности, это совпадение можно наблюдать повсеместно. Поэзия Ивана Вазова в этом отношении сложнее, но и у него такое

---

²⁷ Границы напевного и разговорного стиля декламации неопределенны. Хотя бы в «Евгении Онегине» эти два типа произнесения достаточно явственно выступают, переходя один в другой. Напевная манера произнесения все же не полностью стирает мысль и только в крайних своих проявлениях совсем нивелирует градацию силовых иктов.

совпадение — явление постоянное как в лирике, так и в поэмах:

...върло песен се разнася
и далеко се оглася,
птичките я поздравляват,
пчелите я пригласяват,
весело стана полето
и на Видула сърдцето...

(«Видула»)²⁸

Иногда нагрузка на константу в известной мере зависит от ораторской доминанты. Известно, как Маяковский, чья поэзия столь связана с ораторским исполнением, стремился к звуковой и смысловой нагрузке на рифму.

Подобное же стремление отмечается и у Вазова.

«Трябва да подчертаем, че пищният стил на Вазов, — пише Георги Цанев, — богат с декламативно-ораторски елементи в най-хубавите му работи от «Епопея на забравените», «Поля и гори» и др. притежава неотразима сила, внушение и убедительность»²⁹.

Этот автор обращает особое внимание на рифму у Вазова, «тъй като в нея са поставени най-важните думи, тия, които носят смъсла или са най-близки до него. По тоя начин римата не иде като някакво украшение, а се налага като идейна вътрешна необходимост, кято смислово конструктивен елемент...». В том, что Вазов ставит в рифму слова, несущие основной смысл, Цанев видит особое достоинство поэта: «Това е едно от доказателства за голямото поетично майсторство на Вазов»³⁰.

В стихах, обычно объединяемых термином «лирика», совпадение смыслового ударения с константой является, однако, наиболее прямолинейной, простейшей формой соотношения ритма и смысла. Весьма вероятно, что нагрузка на конец стиха «атавистически» связана с тем, что «лирические» стихи подспудно еще сохраняют в себе музыкальное содержание.

Однако, наблюдения над русским и болгарским стихом классической традиции убеждают нас, что рядом с обычным явлением совпадения главного ударения с константой рифмованные силлабо-тонические стихи, особенно русские, изобилуют примерами обратного явления, т. е. *не-совпадения* главного смыслового ударения с константой.

Какие же факторы способствуют разрыву связи между константой и главным ударением?

---

²⁸ Иван Вазов. Събрани съчинения в 20 тома, т. IV. София, «Български писател», 1955—1957, стр. 37. По этому изданию даются в настоящем докладе и другие цитаты из Вазова.

²⁹ Там же, т. I, стр. 72.

³⁰ Там же, т. I, стр. 71.

Ответ подсказывается сам собой: к этим факторам относятся такие элементы, какие имеют менее всего общего с напевностью, с песенностью, с одной стороны, и с фразовой прямолинейностью, с другой. Таким фактором, вообще говоря, является преобладание *рационального* элемента. Я не хотел бы, чтобы в данном случае рационализм понимался как категория, противопоставимая эмоциональности. Эмоция и напряженная мысль в поэзии нередко совмещаются, — без возможности подобного совмещения русская поэзия лишилась бы такого шедевра, как:

Глагол времен! Металла звон!
Твой страшный глас меня смущает;
Зовет меня, зовет твой стон,
Зовет... и к смерти приближает...

В разных поэтических традициях и жанрах роль рационального элемента не одинакова. Если поэзия должна быть «глуповата», по ироническому выражению Пушкина, то это относится, вероятно, лишь к одной лирике и мало имеет отношения, скажем, к драме.

Чем более развита мысль, как раскрытая, так и подразумеваемая, чем богаче и тоньше оттенки смысла в их «литности» со всеми нюансами эмоций, тем большим правом будет пользоваться выявление в произнесении смысловых акцентов во всех градациях. Характер мышления, выраженный в слове, ищет соответствующего характера произнесения. Если мыслительная сторона поэтического произведения отодвинута на второй план другими, вне-смысловыми, но эстетически действенными моментами, смысловые акценты уступят свои права. Исторически можно представить себе целую шкалу произносительных систем, причем избрание той или иной системы является обязательством по отношению к системе поэтической.

Произнесение, исходящее из глубокого понимания произносимого, обеспечивает, по мере надобности и в согласии со стилем произведения, выделение смысловых иктов. Для нас особенно существенно в пределах интересующей нас темы то обстоятельство, что такое выделение дает, в свою очередь, стиху определенную лого-ритмическую характеристику.

Возьмем стихи Лермонтова «Парус»:

Белѣет парус одинокой
В туманѣ моря голубой!
Что ищет он в странѣ далѣкой?
Что кинул он в край родной?..
Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнѣтся и скрипит...
Увы! он счастья не ищет,
И не от счастья бежит!
Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Стихотворение, написанное самым обычным четырехстопным ямбом, ничем не примечательным с точки зрения нормативной ритмологии, оказывается необычайно разнообразным по своим лого-ритмическим формулам. В самом деле, только формулы $\cup/\cup//\cup\cup\cup/$ и $\cup/\cup/\cup/\cup//$ встречаются по два раза, все другие не имеют повторения. Наряду с различными построениями ямба по схеме, на фоне привычного ямбического ритма обнаруживаются дополнительно такие акцентные рисунки, которые без реализации в произнесении оказались бы просто не замеченными. Между тем, именно в богатстве лого-ритмики выразилось все богатство лермонтовской мысли.

Даже на примере одного стихотворения уже уясняется, какие интересные выводы могут быть сделаны из подобных анализов. В данном случае, кроме разнообразия лого-ритмических формул, замечательно и то, что формул с совпадением главного ударения с константой всего лишь 3 на 12 строк, и это объясняется единственно тем, что в этом стихотворении господствует не песенно-лирическая, а мыслительная, рациональная, в широком понимании термина, доминанта.

Однако для нас важна не сама рациональная доминанта, присутствие которой и так угадалось бы, без каких-либо дополнительных подтверждений, а то, как смысл, усиливая ритмические икты, вносит свой корректив в индифферентную стиховую схему, каким образом он становится, тем самым, элементом построения временной формы.

Обратим внимание еще на то, что формула $\cup/\cup//\cup\cup\cup/$ встречается в начале, притом два раза подряд, и дает определенную «поступь» всему стихотворению. Во втором куплете заявленная в первых двух стихах сильная ударенность на четвертом слоге оказывается и в дальнейшем главенствующей: «волны», «гнется», «счастия», «счастия» — вот слова, несущие сильнейшие смысловые акценты. На чертежах, какими пользуется нормативная ритмология, стихи 1 и 2 будут всего лишь четырехстопными ямбами с облегчением на третьей стопе, а вершина их на четвертом слоге окажется вовсе не отмеченной. Стих 12 с такой же вершиной окажется чистым ямбом и будет приравнен к стихам 3, 4, 5 и 11, хотя у них совсем иной профиль, иная лого-ритмическая кульминация.

То обстоятельство, что более сильная акцентуация на икте второй стопы отмечена вообще как черта строения четырехстопного ямба XIX столетия, не умаляет, а обогащает наше частное наблюдение, поскольку это явление следует понимать не как результат отвлеченно-эстетической «инерции ритма», а как выразительный момент, сущность которого коренится в мало доступном исследованию мыслительном процессе:

Мне, конечно, могут сказать, что я занимаюсь не стихологией, а логикой речи применительно к поэтическому материалу. Но я возражу на это, что мое внимание, как исследователя,

обращено не на закономерности логических акцентов, которые призвана изучать логика речи, а исключительно на ритмику в ее связи с логикой.

В интересующем нас плане обращает на себя внимание поэзия Ивана Вазова с ее двумя ясно различимыми стилями. С одной стороны, его стихи, писанные в народном духе, дают картину большого однообразия, постоянного совпадения главного смыслового ударения с константой, и это дает нам право внести существенную поправку в приведенную выше оценку его рифмовки Г. Цаневым. С другой стороны, Вазов — мастер силлабо-тонического стиха пушкинской традиции.

Отметим, что расхождение между константой и главным смысловым ударением наблюдается как в русской, так и в болгарской поэзии преимущественно в ямбах, метре наиболее разговорном, что было отмечено еще Аристотелем, наиболее приспособленном к выражению сложных мыслей, раздумий, а также реалистических повествований и описаний. Ямб появляется у Вазова еще в 70-х годах, но окончательно Вазов пошел по пути пушкинского стихосложения значительно позже, когда в его творчестве ослабело влияние Христо Ботева. Усвоение пушкинской традиции не замедлило обогатить лого-ритмику Вазова. Прежняя привычка нагружать константу смысловым ударением в некоторой мере сохранилась у Вазова и в его пушкинской манере, но явление потеряло свое постоянство, и мы нередко встречаемся теперь в стихах Вазова с богатыми лого-ритмическими рисунками. Приведем несколько примеров.

Глубокое раздумье о любимой матери находит выражение в необычной для поэта, более сложной лого-ритмической конструкции:

... Ти ме родí, но ти ми да́де
и свѣтлото, що в те́б блеще́ше,
ти и чове́ка в ме́н създа́де —
ти два́ пъ́ти ми майка бе́ше!

(«Майка ми») ³¹

Или:

... Ехтят скали́те, планина́та,
ревят до небеса́та стига́,
а росен пра́х от глѣбината́
влокбчуца до ме́н се дѣга...

(«Над водопада») ³²

³¹ Там же, т. III, стр. 373.

³² Там же, стр. 275.

А вот образцы не из лирики, а из романтической поэмы:

... Мечтáтельна е сега тѣ,
и полугóбла, влáжна:
едва одéвe излетѣ
из бáнята домáшна.
Селѣм, Селѣм! От кой ли край
таз хурѣя доведе?
От рáно йóц небесен рáй
тук дóлу тѣ наслéди! . .
(«Зихра») ³³

Из этой же поэмы можно привести образец одинаковых схем при разном реальном ритме стихов:

В уста ѝ рóзови блестят ∪/∪/∪∪∪/
низ мáргари чудесни. . . ∪/∪∪∪∪/(∪)

И рядом:

... на пóрти клéчове гудѣ, ∪/∪//∪∪∪/
на прòзори — рещётка. . . ∪/∪∪∪//((∪) ³⁴

В поздние годы, когда Вазов, отойдя от темпераментно-патриотической поэзии, перешел к более интимным, раздумчивым и описательным темам, он вообще реже стал нагружать последнее слово стиха главным смысловым иктом. В этом отношении примечателен цикл стихов «Спомени от Бяла-черква».

— В стихотворении «Селото» читаем:

Де хубави сърца живéят
и добродéтели старѣнни —
и твоѣте ўлицѣ-пустѣнни,
и двóрове, що зеленéят. . .

Или (в стихотворении «Дворът»):

Селóто цяло занемяло,
и трѹд, и домакѣнства мѣрни —
едвам мълчаньето заспáло
смущáват лáеве подѣрни. . . ³⁵

Пример в хорее:

Пáда здрáч. Тъмнѣй полéто
и Росѣца. Глѹхо стѣгат
лáеве до нáс. В небéто
първите звездѣци мѣгат. . .

(«При Росица») ³⁶

³³ Там же, т. IV, - стр. 107.

³⁴ Там же, стр. 106 и 108.

³⁵ Там же, т. III, стр. 353- и 354.

Обращаюсь к сличению с точки зрения лого-ритмики начала «Медного всадника» и его болгарского перевода, выполненного Иваном Вазовым. Я не имею намерения вторгаться здесь в теорию художественного перевода, меня интересует лишь возможность обнаружить и сличить лого-ритмические данности двух столь близких друг к другу отрывков.

Из «МЕДНОГО ВСАДНИКА» Пушкина

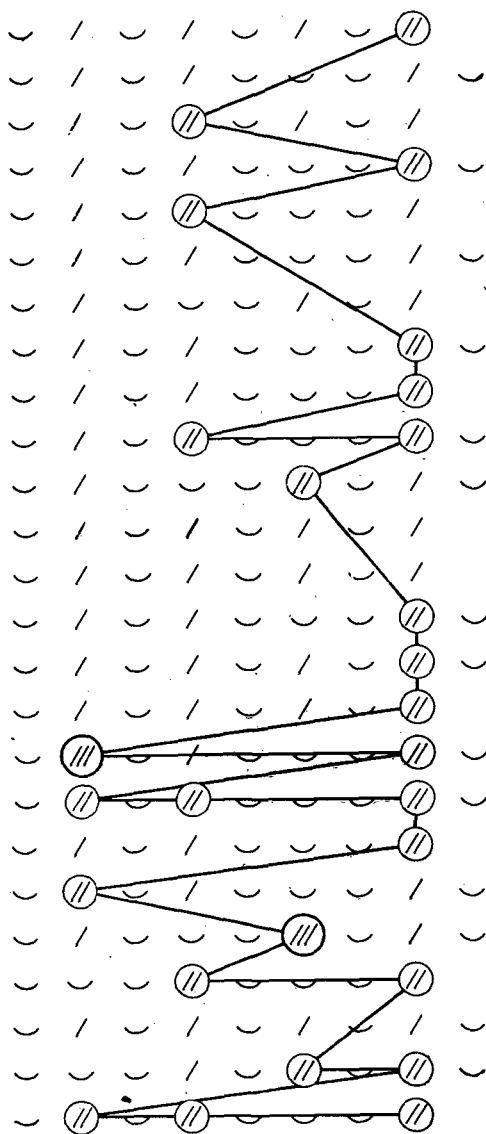
На берегу пустынных волн	~	~	~	/	~	/	~	///
Стоял он дум великих полн,	~	/	~	///	/	/	/	/
И вдаль глядел. Пред ним широко	///	~	~	~	/	/	/	~
Река неслася; утлый челн	~	///	~	/	~	/	~	///
По ней стремился одиноко.	~	/	~	/	~	~	~	~
По мшистым, топким берегам	~	/	~	/	~	~	~	///
Чернели избы здесь и там,	~	/	~	///	~	~	~	~
Приют убогого чухонца;	~	/	~	/	~	~	~	///
И лес, неведомый лучам	~	///	~	/	~	~	~	~
В тумане спрятанного солнца,	~	/	~	/	~	~	~	///
Кругом шумел.	~	/	~	/	~	///	~	~

И думал он:

Отсель грозить мы будем шведу,	~	/	~	/	~	/	~	///
Здесь будет город заложен	~	/	~	///	~	~	~	/
На зло надменному соседу.	~	/	~	/	~	~	~	///
Природой здесь нам суждено	~	/	~	/	~	~	~	/
В Европу прорубить окно,	///	~	~	~	/	~	~	/
Ногою твердой стать при море.	~	/	~	/	~	~	~	///
Сюда по новым им волнам	~	/	~	~	/	~	~	/
Все флаги в гости будут к нам	///	~	~	~	/	~	~	/
И запируем на просторе.	~	~	///	~	~	~	~	~

36 Там же, т. III, стр. 355.

На пустий бряг стоеше Той
 с висока мисъл на челото,
 пред него Нева с горд покой
 широко лейше се в леглото;
 рибарска лодка недалек
 лениво плаваше за риба;
 по тинястия, диви брег
 тук-там се мяркаше колиба,
 във тоя глухи пущинак
 подслон чухонцу сиромашки;
 наоколо лесът дивашки,
 във чийто влажен, вечен мрак
 не е пробивал слънчов зрак,
 сурово, жалостно шумеше.
 А Той замислен там мълвеше:
 оттук ще плашим злобний Швед,
 тук град Велик ще се изправи,
 та руско име да се слави
 науку на гордия съсед. .
 Прозорец тук ще се пробие
 да гледаме в Европа ние
 и над морето да владеем.
 тогаз по тез въани сурови
 ще надохождат гости нови,
 и нов живот ще заживеем. . .

³⁷ Там же, т. IV, стр. 407—408.

Заранее готов признать, что в двух-трех случаях допустимо иное понимание текста, чем принятое мною, — некоторые колебания всегда сопутствуют методу самоконтроля. Но, с другой стороны, уверен, что по отношению к данным текстам такие колебания могут быть лишь весьма незначительными, и то основное, что я стремлюсь показать, останется все равно в силе.

Я имею в виду бросающуюся в глаза разницу в распределении лого-ритмических иктов в подлиннике Пушкина и в его переводе Ивана Вазова. Следует при этом заметить, что, если не считать добавления переводчиком лишних пяти стихов, перевод Вазова в общем близок к Пушкину и по содержанию, и по форме.

Сличение подлинника и перевода показывает следующее.

Совпадение главного смыслового ударения с константой количества у Пушкина 8 раз на 20 строк. В переводе Вазова — 14 раз на 25 строк, т. е. у Пушкина — 40%, у Вазова — 60%. В переводе Вазова такое совпадение имеется в шести стихах подряд (14—19), между тем как у Пушкина оно встречается только изолированно.

Мы видим в подлиннике Пушкина, что главные смысловые ударения, отягчающие икты, пять раз приходится на первую стопу. У Вазова — четыре раза, при большей длине отрывка. Но важнее то обстоятельство, что у Вазова они все сосредоточены на последних девяти стихах, между тем, как у Пушкина распределены по всему отрывку (стихи 3, 4, 9, 16, 19), что придает ему особое разнообразие и определенным образом его характеризует.

Прошу понять эти наблюдения не как критику перевода Вазова. Зеркальное отражение в стихотворном переводе всех ритмических данностей подлинника — задача практически не реализуемая, да и стремление к подобной близости способно настолько сковать свободу переводчика как поэта, что его перевод превратится в забаву досужего схоласта.

Как было уже говорено выше, стихология давно отметила градации в ритмических ударениях. Более того, зарегистрированы некоторые типические сочетания разных по силе иктов, характерные для той или иной эпохи развития русской поэзии. Но в науке о стихе наблюдается в этом отношении странная противоречивость: с одной стороны, градация силы ударений регистрируется и даже сводится к определенным типическим ходам, а с другой стороны, роль смыслового момента остается в тени, хотя самую градацию силы ударений можно уловить лишь путем именно осмысленного произнесения. Понятие ритмической инерции методологически не подкрепляется анализом смысловых данностей стиха.

В мою задачу не входит провозглашение какой-то новой ритмологии, я стремлюсь только подвести устойчивую базу под уже констатированные явления. Мне представляется, что ученая

мысль, подходя вплотную к проблеме отношения ритма и смысла в стихе, останавливается даже не на полпути, а на пороге, робея перед кажущейся произвольностью субъективных трактовок, перед недоказуемостью того, что не имеет иной опоры, кроме убедительности для трезво мыслящего рассудка. Я попытался не побояться метода, кажущегося не-научным, полагая, что приближенность выводов при четко поставленной задаче не является порочной. Пусть метод, предлагаемый в настоящей работе, не универсален, а приложим лишь к материалу, дающему повод для выявления смысловых моментов, — он будет оправдан, если его приложение поможет осветить ритмические явления хотя бы в ограниченной области.

А в ограниченной области у данного метода есть обнадеживающие перспективы. Чем глубже анализ, тем шире будет охватываемый им материал. Анализ менее тонкий оправдывает себя в максимально рельефных случаях.

Лого-ритмический анализ выявляет новые, конкретные схемы стихов на основании иктов с двойной — метрической и смысловой — нагрузкой, вводит в круг нашего внимания реально существующие варианты различных метров, главным образом ямба, и этим посылно приближает нас к постижению ритмической структуры стихов в их реальном бытии, за пределами нормирующих схем.

Таким образом, лого-ритмический анализ окажется плодотворным при изучении ритмики различных поэтических школ и направлений, а также отдельных поэтов. Чрезвычайно интересно и богато возможностями изучение системы рифмовки в ее зависимости от лого-ритмики.

Наконец, лого-ритмический анализ имеет и немаловажное практическое применение.

Он может прояснить для исполнителя стихов то, что улавливалось интуитивно и на слух; предостеречь от излишнего рационализма там, где средствами лого-ритмического анализа выявляется лирическая доминанта, и, наоборот, от чрезмерной напевности, от акцентной нивелировки там, где выявляется доминанта мыслительная, рациональная.

Лого-ритмический анализ обогащает и уточняет представление о характерах действующих лиц в драмах. Так, лого-ритмическая схема монолога Пимена (в келье Чудова монастыря) совсем иная, чем схема речей Самозванца в сцене у фонтана. Плодотворно сличение в лого-ритмическом плане ролей Чацкого, Фамусова, Ренетилова.

В известной мере, при осторожном пользовании, лого-ритмический анализ может быть полезен и поэтам в их переводческой работе.

Мы не хотим вводить в заблуждение ни себя, ни других: приводимые нами лого-ритмические анализы элементарны по сравнению с тем лого-ритмическим богатством, какое суще-

ствует в исследуемом материале. Неуловимость градации смысловых напряжений вплоть до минимальных нюансов и неисчерпаемая множественность формальных явлений граничит с прямой невозможностью дать имеющимся пока в нашем распоряжении средствами полную лого-ритмическую картину стиха.

Это не значит, что мы должны отказаться от исследования конкретных поэтических фактов из страха перед неисчерпаемостью художественного явления.

L'ACCENT LOGIQUE COMME ÉLÉMENT DU VERS

Résumé

A. Bély et B. Tomachevski, illustres théoriciens du vers russe, ainsi que les représentants de leur école, ont étudié avec scrupule le système d'accentuation des vers syllabo-toniques, se bornant pourtant à un examen strictement formel. Les résultats de leurs études ont été largement appréciés. Toutefois il est à remarquer que les rythmes réels du vers, envisagé comme phénomène communicatif, présentent plus de variétés que ne le donnent les schémas, auxquels ont recours les théoriciens de l'école mentionnée. C'était encore Soumarocov qui vers la fin du XVIII siècle avait attiré l'attention de ses contemporains sur le fait, que les syllabes accentuées du vers (russe) diffèrent selon l'intensité de l'accent.

Quand au fait même, il a été maintes fois signalé dans les travaux concernant l'accentuation du vers, mais la plupart des théoriciens envisageait le problème du point de vue de la grammaire. L'inégalité des accents provenant de l'emphase et surtout de la logique, n'a pas été soumise jusqu'à présent à une étude approfondie.

La gradation des accents, due aux moments expressifs, ne peut être aperçue que quand le vers est prononcé, c'est à dire quand le texte est élucidé par l'analyse du récitant. L'examen du vers récité comme méthode d'analyse n'est pas en vogue de nos jours. Cela n'empêche pas certains théoriciens de se rapporter parfois aux éléments expressifs du vers récité. C'est que la plupart des théoriciens de la versification estime que la récitation donnerait trop de liberté aux conceptions arbitraires et que par conséquent cet art deviendrait autonome, vu que les liens qui le rattachent à la poésie ne seraient assez obligents. Ainsi le vers récité selon leur avis ne pourrait servir de base à un examen conforme aux traditions scientifiques.

Le point de vue opposé est que chaque texte poétique tel qu'il est contient en lui les lois de son interprétation orale.

La récitation, selon notre opinion, ne peut être estimée art autonome qu'à défaut de critérium esthétique assez élaboré (ce que nous voyons dans l'interprétation musicale). De l'autre côté cette théorie nous paraît résulter des épreuves artistiques,

parfois bizarres et bientôt compromises, si fréquentes dans les années XX du siècle.

Nous sommes de l'avis que l'étude du vers récité peut nous offrir assez d'observations incontestables, bien que l'analyse soit exercée dans une sphère mixte, où l'objectif et l'individuel ne sont pas toujours faciles à éliminer.

Les accents logiques donnent aux syllabes accentuées une intensité supplémentaire. Il serait possible de nommer cette espèce d'accents, renforcés par le sens, accents «logo-rythmiques».

Sans déplacer les syllabes accentuées du vers l'accentuation logo-rythmique forme des schémas qui leur sont parallèles. Ainsi par exemple, $\cup | \cup | \cup | \cup |$ peut avoir à cause de la différence de l'intensité des accents logiques des formules très variées telles que $\cup | \cup || \cup | \cup |$, $\cup | \cup || \cup | \cup ||$, $\cup | \cup | \cup | \cup ||$ et d'autres.

L'analyse logo-rythmique elle aussi est restreinte à certaines limites dépendant du style des textes étudiés. Ses constatations sont parfois approximatives, puisque toutes les nuances logiques et psychologiques, dont l'accentuation rythmique est influencée, ne peuvent être enregistrées par aucun des moyens ordinairement usités. Néanmoins l'examen des formules logo-rythmiques, sans prétendre à être absolu, peut quand même enrichir heureusement les analyses du vers syllabo-tonique et ajouter de nouveaux traits importants à la description des rythmes du vers, surtout dans leur développement historique.

Les structures logo-rythmiques acquièrent surtout du relief dans les cas où la logique se manifeste comme élément prévalant du phénomène complexe qu'est le vers. Ce genre de poésie exige tout naturellement une manière de réciter permettant de faire des accents logiques très prononcés.

Aussi pour aider à nous comprendre avons nous crû bon d'accompagner nos analyses des textes russes et bulgares de quelques schémas logo-rythmiques.

У

ВОПРОСЫ
ПРИКЛАДНОГО
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
ДОКЛАДЫ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
V Международный съезд славистов
(София, сентябрь 1963)

М. И. Лекомцева, Д. М. Сегал, Т. М. Судник, С. М. Шур

**ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ
БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ**

I

1. Особенности развития славянского языкознания определялись характером славянской языковой и исторической ситуации, выражающейся, прежде всего, в факте несомненного генетического родства и непрерывной исторической преемственности славянских языков. В этих условиях вполне понятен преимущественный интерес компаративистов прошлого к генетическому аспекту сравнения славянских языков, а также тот факт, что первая классификация славянских языков, выполненная в терминах генетического сравнения, в сущности ориентировалась лишь на фрагмент языкового материала, равный определенному набору этимологически тождественных морфем. Практика сравнительно-исторических исследований, сосредоточенных на реконструкции праязыка, выражалась в восстановлении в сущности элементарных микросистем праязыка (в виде чередующихся или противопоставленных единиц), так что в дальнейшем в рамках именно этой дисциплины оформилось представление о системе языка, в частности, фонологической (И. А. Бодуэн де Куртене). С введением этого понятия оказалась возможной первая типологическая классификация славянских языков, основанная Бодуэном де Куртене на структурных принципах.

Эволюция понятия праязыка от каталога восстановленных фактов до представления о системе, условность которой в пределах данной терминологии вполне осознается и абстрактный лингвистический характер которой усугубляется с глубиной реконструкции, позволяет включить проблематику сравнительно-исторического направления в общий план типологических исследований.

Известные преимущества типологического подхода (приложимость к любому объекту, произвольность критериев, способность учесть образования переходного типа и др.) позволяют рассматривать его как общую схему, в рамках которой находят себе место другие подходы, в частности и прежде всего, сравнительно-исторический. Типологический метод принципиально не может декларировать отказ от ориентации на реконструируемую прасистему как на основу для сравнения языков, так же как не отвергает в принципе генетического подхода. Он требует лишь помещения этих реконструированных моделей в общий контекст типологических моделей, используемых для сопоставления языков. С этой точки зрения, сравнительно-историческая грамматика образует фрагмент типологии, оставляя за собой особую область — исследование процедуры построения типологических моделей одного типа (генетических), оценку их с точки зрения типологических критериев, наконец, методику использования этих моделей в типологических операциях.

Очевидно, что типология во всех ее составных частях (типология языков в синхронном и диахроническом планах, диалектных и наддиалектных моделей, типология праязыков и т. д.) предполагает единообразное описание языков в целом, представляющих иерархически организованное единство различных уровней.

Поскольку язык в своей коммуникативной и денотативной функции должен различать необозримо большое, фактически неограниченное количество элементов, находящихся в отношении сложной иерархии друг к другу в окружающем нас мире, то язык обеспечивает это число различий наиболее экономным и практически единственно возможным для людей способом — образованием иерархической системы уровней элементов разных рангов. Количество различающихся единиц на одном уровне влияет на число, а следовательно, и структуру единиц других уровней. Например, на морфологическом уровне в языке должно приблизительно различаться не менее трех тысяч единиц (морфем). На фонологическом уровне в старославянском языке различается около трехсот единиц (слов), в тамильском — около шестидесяти, а во вьетнамском — более пяти тысяч. Отсюда преимущественно двусложное строение морфемы в старославянском языке и особый характер соотношения слога, морфемы и слова в тамильском (склеивание в слове большого числа морфем) и вьетнамском (односложный характер морфемы) языках. Сравните также примеры относительной нагрузки по различению на синтаксис и морфологию в английском и русском языках.

Такого рода всесторонние связи сообщают любому произвольно избранному типологическому критерию характер всеобщности; вероятно, это относится и к традиционному критерию, отмечающему способ взаимодействия морфем в слове, так как

морфологическая структура слова зависит и от фонологического уровня, поскольку она определяется составом и комбинаторными возможностями фонем, и от морфологического (тип и связи морфемы), и от синтаксической схемы языка. Традиционная морфологическая типология языков могла претендовать на универсальность лишь в той мере, в какой ее критерий подразумевал необходимые зависимости между всеми уровнями языка. Задача состоит в том, чтобы перевести имплицитные предположения в эксплицитные высказывания относительно иерархической структуры языка.

Фонологические системы в качестве особого объекта типологии обладают не только равноправностью, но и известными преимуществами по сравнению с другими уровнями иерархической языковой системы. Фонологический уровень содержит легко обозримое множество различных элементов (10—80 фонем), комбинации которых можно перечислить, и потому он представляет особый интерес в теоретическом плане — дает возможность экспериментировать в построении различных типов классификаций, в применении различных процедур для анализа и синтеза, в описании одного объекта с помощью разных языков и т. д. Кроме того, в известной мере фонологический уровень является определяющим по отношению к другим, так как здесь еще до появления знаковой функции в языке, т. е. до появления контекста ситуаций, устанавливается максимальное число различных элементов, которое предоставляется для различения необходимых морфем и которым определяется структура морфемы и ее комбинаторные возможности. Поэтому построение типологии фонологических систем можно считать оправданным, особенно с точки зрения задач универсальной типологии.

2. Вопрос о применимости понятия типа и типологического разнообразия к близкородственным языкам¹, образующим в известном смысле языковой континуум², вряд ли был корректным в пределах классической типологии, ориентировавшейся, во-первых, на неподвижный типологический критерий (прежде всего морфологический), во-вторых, на классификацию как результат типологического сопоставления. (Близкородственные языки сопротивляются как такому критерию, так и классификации на непересекающиеся типы.)

---

¹ Речь идет о близкородственных языках, не утративших типологической близости, как, например, славянские (генетическая близость $\neq$ типологическая близость).

² Речь идет не о топологическом континууме, который в лингвистических терминах можно определить через такую ситуацию, когда по отношению к любым двум сколь угодно близким диалектам может быть найден третий диалект, отличающийся от первого меньше, чем второй, — а о континууме, внутри которого расстояние от одной системы до другой разрешается в некоторое число шагов, причем лингвистический масштаб этих измерений меняется при переходе от одного частного критерия к другому.

Если исходить из обратной зависимости между типологическим диапазоном сравниваемых систем и числом критериев, которые можно положить в основание их сравнения, то неприемлемость или непродуктивность классификации на основании ограниченного числа признаков для близкородственных языков не должна обескураживать. Иной подход к типу (многоступенчатый тип) и к типологии (указывающей место системы в многопризнаковом пространстве) открывает перспективу включения проблематики близкородственных языков (и диалектов одного языка) в типологию. При таком подходе классификация в случае близкородственных языков могла бы быть заменена индексами, приписываемыми каждой системе таким образом, что только в совокупности или в определенном, заданном отношении они давали бы большее или меньшее приближение к топологической непрерывности. Формулирование такого отношения уже содержало бы в себе новое понятие типа (лингвистического типа, приведенного в соответствие с логическим), отличное от традиционного. Тип языка А внутри очерченного круга сопоставляемых языков (частным случаем является сопоставление всех языков), например, может быть определен как отношение системы этого языка к диасистеме³, надстроенной над всеми сравниваемыми языками. При этом системы отдельных языков и их диасистема должны быть выражены в одних терминах, произвольно избираемых.

Структурная типология близкородственных языков принимает на себя два типа задач: с одной стороны, она должна выработать формальные показатели генетического родства языков, т. е. определить тот порог, в границах которого языковые системы могут считаться результатом преобразования одной и той же исходной системы; с другой стороны, должна быть осуществлена классификация языковых систем, исходящая из понятия недискретного типа.

Здесь представлен один из первых опытов такой типологии. Многие данные для соответствующего описания еще не получены, в особенности статистические характеристики. В связи с этим здесь выбираются логические модели без их вероятностной оценки. Целью классификации является такое расположение фонологических моделей в лингвистическом пространстве, при котором переход от одной модели к другой в направлении от максимального лингвистического пространства к минимальному и обратно осуществлялся бы в наименьшее число шагов.

3. В качестве объекта исследования в данной работе используются фонологические системы современных славянских языков в их «литературном» варианте. Вообще, с точки зрения

---

³ Понятие диасистемы здесь соответствует тому, как оно используется в работах У. Вейнрейха. См. U. Weinreich. On the description of phonic interference. «Word», 13, N. 1, 1957.

структурной типологии материалом сравнительного изучения можно считать фонологические системы, отличающиеся по крайней мере одной инвентарной единицей. В этом смысле являются равноправными традиционно выделяемые «языки» (разновидность языка, выступающая в качестве нормы) и «диалекты», а усовершенствованный вариант исследования предполагал бы включение полных фонологических моделей всех инвентарно отличных систем, что позволило бы представить современные славянские языки в виде непрерывного фонологического континуума. Однако в ряде случаев составление таких комплексных моделей было затруднено самим характером имеющихся сведений о диалектах, поэтому в данной работе диалектный материал является объектом исследования лишь в тех его фрагментах, которые представляют случаи отличия в фонемном инвентаре. Данное описание отвлекается от подсистем других языков, накладывающихся на славянские языковые системы.

Фонологический уровень языка-объекта задан в виде списка фонем и текста, затранскрибированного в соответствующей фонологической транскрипции, причем считаются известными акустический, артикуляционный и перцептивный корреляты фонемы. Просодические свойства славянских языков, послужившие материалом для известных в славянском языковедении классификаций структурного типа (И. А. Бодуэн де Куртене, Э. Станкевич), в нашу модель не включается, если не считать введения признака долготы.

4. Фонологические системы могут быть описаны с помощью различных логических моделей (бинарные, тернарные, n -арные исчисления; серии и ряды Мартине и пр.), обращенных к физической (акустической) или физиологической (артикуляторной, перцептивной) стороне звукового языка. Здесь в качестве метаязыка используется система бинарных различительных признаков, разработанная Р. Якобсоном, Г. Фантом и М. Халле применительно к акустической субстанции, однако не в ее исконном виде, а в отвлечении от акустической основы, лишь как логическая модель (или, по возможности, фонологическая), обеспечивающая необходимую различительную способность элементов на фонологическом уровне. Сохранение акустической терминологии, вполне условное (поскольку авторы не располагали экспериментальным акустическим материалом), все же оправдано стремлением удержаться в рамках исходной теории, а также теми трудностями, которые связаны с переформулированием этой теории на другой основе. В данном случае отождествление различительных признаков и элементов, сформулированных чаще всего в акустических терминах, основано на теоретическом представлении об их акустической природе, подкрепленном общепризнанными соотношениями между акустической и артикуляторной стороной звуков речи. В состав различительных признаков внесены следующие изменения: 1) при-

знак диффузность — компактность преобразован в два признака: диффузность — недиффузность и компактность — некомпактность (Ср. М. Halle. *The Sound Pattern of Russian*, 's-Gravenhage, 1960, гл. 1); 2) введен один просодический признак — долгота.

Мета-язык, помимо набора различительных признаков, включает правила идентификации фонологических элементов по этим признакам. При этом существенную роль играют критерии релевантности признака по отношению к системе в целом и по отношению к каждой фонеме в отдельности. Отсутствие эксплицитно выраженных критериев такого рода (как в дихотомической теории дифференциальных элементов Р. Якобсона, Г. Фанта и М. Халле) создает возможность произвольной интерпретации знаков релевантности (+ —) и нерелевантности (0), и, следовательно, произвольного чтения матриц. Это обстоятельство, кроме того, порождает представление о необходимой «двузначности» или «многозначности» нуля в матрице, которое снимается с введением строгого критерия релевантности. Здесь делается попытка эксплицитировать этот критерий. Признаком, релевантным для системы в целом, признается такой, на основе которого различаются по крайней мере две единицы этой системы. Признаком, релевантным для отдельной фонемы, считается такой, по которому фонема может быть включена в один из полярных классов фонем, образующихся в процессе идентификации. Процедура идентификации осуществляется таким образом, что функциональное значение придается порядку следования признаков в процессе идентификации. В данном случае каждая фонема не получает идентификации по отношению к каждой другой фонеме; идентификация же достигается последовательным включением фонемы в некоторые классы однородных фонем по каждому релевантному фонологическому признаку, так что самое включение фонемы в такой класс означает нейтрализацию данного признака и исключение его из числа релевантных в ходе дальнейшей идентификации. Включение фонемы в класс фонем означает, что все признаки, отличавшие эту фонему от фонем данного класса, нейтрализованы на предшествующих уровнях.

1. Список различительных признаков

1) гласность — негласность	} (наличие — отсутствие)
2) согласность — несогласность	
3) компактность — некомпактность	
4) диффузность — недиффузность	
5) периферийность — непериферийность	
6) непрерывность — прерывность	} (наличие — отсутствие)
7) дизная тональность — простая тональность (полярность)	
8) напряженность — ненапряженность	
9) назальность — неназальность	} (наличие — отсутствие)

- 10) яркость — тусклость
 11) звонкость — глухость
 12) долгота — краткость
 13) палатальность — непалатальность (наличие — отсутствие)
- (1) Признак согласности понимается как релевантный только для негласных фонем, т. е. образуются три непересекающихся класса: гласных фонем, согласных фонем, негласных и несогласных фонем.
- (2) Признак диффузности считается релевантным лишь для класса «гласных» фонем. По этому признаку внутри некомпактных гласных противопоставляются высокие гласные средним.
- (3) Признак назальности считается релевантным для гласных и несогласных фонем.
- (4) Признак яркости понимается условно-логически: яркой считается фонема, набор дифференциальных признаков которой представляет собой теоретико-множественную сумму наборов дифференциальных признаков двух других фонем. Такая интерпретация позволяет противопоставлять яркие фонемы произвольно одной из неярких фонем, идентифицируемых на основе набора дифференциальных признаков яркой фонемы, поскольку одновременное противопоставление яркой фонемы двум неярким, очевидно, создает избыточность. Отвлечение понятия яркости от акустических и артикуляторных характеристик традиционно ярких фонем дает также возможность распространить этот признак на дифтонги, которые по своей логической структуре могут быть приравнены к ярким согласным.
- (5) Признак долготы признается релевантным как для гласных, так и для согласных фонем.
- (6) Палатальными могут быть согласные, сонорные, а также гласные; по отношению к последним палатальность понимается как признак, отличающий, например, кашубские *и — й, о — ъ, а — ä*.

2. Знаки релевантности и нерелевантности различительных признаков

+ означает, что 1) признак релевантен, 2) физический коррелят фонемы отвечает положительному значению признака.

— означает, что 1) признак релевантен, 2) физический коррелят отвечает отрицательному значению признака.

0 означает, что признак нерелевантен.

II

1. Представление фонологических систем славянских языков в виде системы пересечения различительных признаков в силу одинаковости примененной процедуры позволяет поместить языки в единое многопризнаковое пространство. В качестве

параметров этого пространства выступают характеристики, приписываемые языкам моделью фонологических различительных признаков, а также характеристики, извлекаемые из операций над этими моделями. Лингвистическое пространство, охватываемое славянскими языками, может быть построено на основе сводной модели, представляющей собой теоретико-множественную сумму всех составленных моделей. В качестве точки отсчета, ориентирующей языки в лингвистическом пространстве, использована инвариантная «ядерная» модель, возникающая в результате наложения моделей друг на друга (теоретико-множественное произведение).

Представляется, что типологическая характеристика языка может быть получена путем присоединения его к различным классам, возникающим в условиях деления на варьируемом основании. При этом в пределах общего многопризнакового пространства достигается локализация языка, которая намечается в виде линии скольжения языка по разноаспектным рядам типов.

Типологическое сопоставление некоторых объектов может быть осуществлено с помощью моделей разной степени абстракции. Чем более абстрактна модель, тем меньше она зависит от своего объекта, тем больший круг объектов может сопоставляться на уровне этой модели, и тем шире возможности формальных типологических операций. При этом, однако, с неизбежностью утрачивается непосредственность типологических результатов. Конкретизация этих результатов может быть приближена все более адекватным моделированием, а также усовершенствованием вторичных типологических процедур, связанных с оценкой типологических возможностей различных моделей.

В качестве основания деления, вообще говоря, может выступить любая характеристика, извлекаемая из данной модели и потому отражающая соизмеримые отношения между элементами языка. При этом во всяком случае классификация не теряет своего внутреннего характера, оставаясь исследованием структурных отношений. Очевидно, однако, что из всех возможных критериев самостоятельный лингвистический интерес представляют те, которые выдерживают требование обусловленности фонологической системой языка и, следовательно, принадлежат к существенным структурным признакам языка, а не предписаны логикой метаязыка (модели различительных признаков). Примером действия только модели может служить, в частности, объединение всех славянских языков в общий класс по функциональной нагрузке (принцип вычисления см. ниже) признаков гласности и компактности, составляющей максимум, т. е. 1; сюда же относятся известные ограничения, налагаемые на сочетаемость признаков в пределах фонемы и некоторые другие зависимости. Фонологический материал славянских языков не может быть исчерпан общей схемой анализа, задаваемой инва-

риантной фонологической системой, и во всяком случае требует определенной специализированной техники анализа. Избранные в данной работе критерии отражают меру этой специализированности и касаются: 1) элементного строения моделей и способности этих элементов к сочетаемости; 2) сложности моделей, которая обуславливается характером фонологических систем и вычисляется через число шагов к построению данной модели из инвариантной; 3) функциональной нагрузки модели и отдельных ее элементов. Логический аспект сопоставления языков на основании предложенных критериев определяется тем, какие модификации претерпевает инвариантная модель в приложении к каждому языку. Вычисление показателей этой модификации достигается методом произвольных преобразований модели, лингвистический и логический смысл которых каждый раз поясняется.

2. Сопоставлению славянских языков на уровне моделей предпосылается краткое описание элементов-объектов, на которые накладывается модель фонологических различительных признаков. Различия фонологического инвентаря в конечном счете вызывают те модификации прилагаемой модели, которые служат основанием для сравнения языков.

Фонемические инвентари славянских языков располагаются между их теоретико-множественной суммой (ТМС)⁴ и ядерным инвентарем (ТМЯ) в следующем порядке:

Т а б л и ц а 1

Языки	Всего	Согласные	Сонанты	Гласные
ТМС	89	46	15	28
Белорусский	48	32	11	5
Украинский	46	26	12	6
Болгарский	43	27	9	6
Польский	42	27	8	7
Словацкий	42	20	7	15
Нижнелужицкий	42	26	7	8
Кашубский	39	18	8	13
Русский	38	24	9	5
Верхнелужицкий	37	20	9	8
Чешский	35	18	7	10
Сербско-хорватский	30	18	7	5
Словенский	29	15	7	7
Македонский	29	15	7	5
ТМЯ	18	7	6	5

⁴ Вычисление ТМС возможно при условии, что единицы фонологических инвентарей разных языков отождествляются на фонетической основе, поскольку отсутствует фонологическая изоморфность этих единиц.

Релевантность различительных признаков

Языки Признаки	Бело-русский			Болгарский			Верхне-лужицкий			Капшубский			Македонский			Нижне-лужицкий		
	сонанты	согласные	гласные	сонанты	согласные	гласные	сонанты	согласные	гласные	сонанты	согласные	гласные	сонанты	согласные	гласные	сонанты	согласные	гласные
1. Гласность—негласность	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
2. Согласность—несогласность	+	+	—	+	+	—	+	+	—	+	+	—	+	+	—	+	+	—
3. Компактность—некомпактность	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
4. Диффузность—недиффузность	—	—	+	—	—	+	—	—	+	—	—	+	—	—	+	—	—	+
5. Периферийность—непериферийность	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
6. Непрерывность—прерывность	+	+	—	+	+	—	+	+	—	+	+	—	+	+	—	+	+	—
7. Дизезность—недизезность	0	0	0	—	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
8. Напряженность—ненапряженность	0	0	0	0	0	0	—	—	+	—	—	+	0	0	0	—	—	+
9. Назальность—неназальность	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
10. Яркость—тусклость	—	+	—	—	+	—	—	+	—	—	+	—	—	+	—	—	+	—
11. Звонкость—глухость	—	+	—	—	+	—	—	+	—	—	+	—	—	+	—	—	+	—
12. Долгота—краткость	+	+	—	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
13. Палатальность—непалатальность	+	+	—	+	+	—	+	+	—	+	+	—	+	+	—	+	+	—

Каждый инвентарь может быть получен из ядерного инвентаря путем развертывания ядерных единиц, которые можно рассматривать как некие эрхидеиницы, репрезентующие целые классы на уровне отдельных признаков. Возможность такого преобразования определяется несимметричностью ядерного типа, поэтому каждый новый инвентарь распространяет систему в отдельных ее фрагментах. При этом разные славянские языки обнаруживают разные тенденции в развертывании отдельных серий фонем. Так, языки белорусский, польский, украинский, нижне-лужицкий реализуют в первую очередь потенции согласной системы и даже образуют новые серии. Наоборот, капшубский, чешский, словацкий языки преобразуют преимущественно

в славянских языках

Польский			Русский			Сербский			Словацкий			Словенский			Украинский			Чешский			ТМП			ТМС		
сонанты	согласные	гласные	сонанты	согласные	гласные	сонанты	согласные	гласные	сонанты	согласные	гласные	сонанты	согласные	гласные	сонанты	согласные	гласные	сонанты	согласные	гласные	сонанты	согласные	гласные	сонанты	согласные	гласные
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
+	+	-	+	+	-	+	+	-	+	+	-	+	+	-	+	+	-	+	+	-	+	+	-	+	+	-
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
-	-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
+	+	-	+	+	-	+	+	-	+	+	-	+	+	-	+	+	-	+	+	-	+	+	-	+	+	-
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	+
0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	-	+	-	-	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	+
+	-	+	+	+	-	+	+	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-	+
-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-	+	+	0	0	0	+	+	+	+
-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-	+	-	-	+	-	-
0	0	0	0	0	0	0	0	-	-	+	0	0	0	-	+	+	-	-	-	+	0	0	0	+	+	+
+	+	-	+	+	-	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

подсистему гласных. Поэтому существенным показателем становится, например, процент гласных в системе:

Словацкий	— 0,357
Кашубский	— 0,333
ТМС	— 0,315
Чешский	— 0,286
ТМП	— 0,277
Словенский	— 0,244
Верхнелужицкий	— 0,217
Нижнелужицкий	— 0,195
Македонский	— 0,172
Польский	— 0,167

Сербско-хорватский	— 0,167
Болгарский	— 0,139
Русский	— 0,131
Украинский	— 0,130
Белорусский	— 0,104

3. Наиболее очевидную модификацию на уровне отдельных языков претерпевает состав различительных признаков налагаемой общей модели. Степень редукции набора релевантных различительных признаков в пределах подсистем гласных, согласных и сонорных славянских языков отражается в таблице 2.

Уже критерий релевантности признаков позволяет расчленить славянское фонологическое пространство на 10 дискретных районов, соответствующих украинскому, белорусскому, русскому — македонскому — сербско-хорватскому, польскому, кашубскому, верхнелужицкому — нижнелужицкому, чешскому, словацкому, болгарскому, словенскому языкам, однозначно идентифицируемым на основании предложенных признаков.

Особым, дополнительным критерием может служить релевантность различительных признаков, не входящих в ядерный набор:

Таблица 3

Языки	Признаки			Языки	Признаки		
	Двезная то-нальность — простая тональность	Долгота	Напряженность		Двезная то-нальность — простая тональность	Долгота	Напряженность
Белорусский	—	+	—	Русский	—	—	—
Болгарский	+	—	—	Сербско-хорватский	—	—	—
Верхнелужицкий	—	—	+	Словацкий	—	+	+
Кашубский	—	—	+	Словенский	—	—	+
Македонский	—	—	—	Украинский	—	+	—
Нижнелужицкий	—	—	+	Чешский	—	+	—
Польский	—	—	—				

Однако здесь получились типы, не специфицируемые в дальнейшем, «закрытые». В пределах такой классификации нельзя отличить, скажем, русский язык от польского. Для того, чтобы типы последовательно сужались в своем объеме, постепенно доходя до отдельного конкретного языка, нужно взять более подвижный критерий, минимальный порог по которому соответствовал бы величине отличия одного языка от другого.

Для того, чтобы остаться в терминах только фонологических различительных признаков и получить соответствующую клас-

сификацию, можно взять за основание не наличие — отсутствие одного какого-либо противопоставления, а сразу два (в дальнейшем — три . . .) признака с конкретными значениями (т. е. определить, имеются ли в данном языке фонемы, которые образованы, в частности, одновременно положительным значением в противопоставлении по яркости и положительным значениям по звонкости или положительным значением по яркости и отрицательным по звонкости и т. д.). См. таблицы 4 и 5.

4. Функциональная нагрузка каждого различительного признака определяется отношением числа фонем, для которых этот признак релевантен (т. е. $\Sigma \pm$) к общему числу фонем. Числовые показатели релевантности дифференциальных признаков в славянских языках содержатся в таблице 6.

5. Следующая серия операций над матрицами фондологической идентификации имеет целью оценить разновидность модели, прилагаемой к каждому языку, со стороны ее 1) оптимальности; 2) симметричности; 3) сложности.

1) С точки зрения экономности построения системы интересно соотношение языков по тому, сколько единиц низшего ранга затрачивается на то, чтобы различить единицы следующего ранга. На фонологическом уровне вопрос формулируется так: сколько фонологических различительных признаков используется в языке для различения фонем? Каково соотношение фонологических различительных признаков и фонем в различных славянских языках?

С точки зрения экономности кодирования фонем фонологическими различительными признаками славянские языки располагаются следующим образом:

1. ТМС	— 0,146
2. Белорусский	— 0,229
3. Польский	— 0,238
4. Украинский	— 0,239
5. Болгарский	— 0,256
6. Русский	— 0,263
7. Нижнелужицкий	— 0,268
8. Кашубский	— 0,282
9. Словацкий	— 0,286
10. Верхнелужицкий	— 0,297
11. Чешский	— 0,314
12. Сербско-хорватский	— 0,333
13. Македонский	— 0,345
14. Словенский	— 0,379
15. ТМП	— 0,500

Меру оптимальности модели отражает также отношение общего количества различаемых в языке противопоставлений ко всему возможному числу противопоставлений, равному числу

Свистящие

Признаки Языки		+ Непре- рывность			+ Непре- рывность			+ Яр- кость		+ Яр- кость			
		+ яр- кость	+ звон- кость	+ пала- тальность	+ яр- кость	+ звон- кость	+ пала- тальность	+ звон- кость	+ пала- тальность	+ долгота	+ звон- кость	+ пала- тальность	+ долгота
Белорусский		—	+	+	—	+	+	+	+	—	+	+	—
Болгарский		—	+	+	—	+	+	+	+	—	+	+	—
Верхнелужицкий		—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кашубский		—	+	—	—	+	—	—	—	—	+	—	—
Македонский		—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—
Нижнелужицкий		—	+	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—
Польский		—	+	—	—	+	—	—	—	—	+	—	—
Русский		—	+	+	—	+	+	+	+	—	—	—	—
Сербско-хорватский		—	+	—	—	+	—	—	—	—	+	—	—
Словацкий		—	+	—	—	+	—	—	—	—	+	—	—
Словенский		—	+	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—
Украинский		—	+	+	—	+	+	+	+	—	—	—	+
Чешский		—	+	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—

Таблица 5

Шипящие

Признаки Языки		+ Яр- кость		+ Яр- кость		— Яр- кость		— Яр- кость	
		+ звон- кость	+ долгота	+ звон- кость	+ долгота	+ звон- кость	+ долгота	+ звон- кость	+ долгота
Белорусский		+	+	+	+	+	+	+	+
Болгарский		+	—	+	—	+	—	+	—
Верхнелужицкий		+	+	+	+	+	+	+	+
Кашубский		+	—	+	—	+	—	+	—
Македонский		+	—	+	—	+	—	+	—
Нижнелужицкий		+	+	+	+	+	+	+	+
Польский		+	—	+	—	+	—	+	—
Русский		—	—	—	—	+	—	—	—
Сербско-хорватский		+	—	+	—	+	—	+	—
Словацкий		+	—	+	—	+	—	+	—
Словенский		—	—	—	—	+	—	—	—
Украинский		+	+	+	+	+	+	+	+
Чешский		—	—	—	—	—	—	—	—

$$\Sigma + -$$

$$\Sigma \text{ фонем}$$

Признаки	Языки													ТМЦ	ТМС
	Белорусский	Болгарский	Верхне-лужицкий	Кашубский	Македонский	Нижне-лужицкий	Польский	Русский	Сербский	Словацкий	Словенский	Украинский	Чешский		
Гласность—															
негласность	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Согласность—															
несогласность	0,89	0,84	0,79	0,66	0,83	0,80	0,71	0,86	0,83	0,88	0,75	1	0,71	0,72	0,68
Компактность—															
некомпактность	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Диффузность—															
недиффузность	0,08	0,11	0,19	0,29	0,14	0,17	0,14	0,10	0,13	0,26	0,21	0,18	0,23	0,22	0,24
Периферийность—															
непериферийность	0,98	0,96	0,97	0,95	0,93	0,95	0,95	0,94	0,93	0,95	0,93	0,96	0,94	0,83	0,93
Непрерывность—															
прерывность	0,66	0,72	0,51	0,48	0,48	0,51	0,57	0,71	0,57	0,45	0,59	0,65	0,54	0,44	0,43
Диезность—															
недиезность	—	0,05	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0,07
Напряженность—															
ненапряженность	—	—	0,18	0,18	—	0,09	—	—	—	0,07	0,14	—	—	—	0,30
Назальность—															
неназальность	0,14	0,09	0,16	0,29	0,10	0,17	0,16	0,15	0,10	0,07	0,10	0,15	0,11	0,17	0,28
Яркость—															
тусклость	0,31	0,25	0,28	0,26	0,28	0,27	0,28	0,21	0,30	0,24	0,21	0,34	0,34	—	0,39
Звонкость—															
глухость	0,64	0,63	0,35	0,46	0,55	0,49	0,62	0,55	0,53	0,42	0,41	0,69	0,40	0,33	0,53
Долгота—															
краткость	0,35	—	—	—	—	—	—	—	—	0,33	—	0,43	0,23	—	0,59
Палатальность—															
непалатальность	0,58	0,72	0,49	0,21	0,31	0,58	0,62	0,69	0,27	0,38	0,14	0,43	0,17	0,11	0,67

Схема расположения славянских языков в порядке

(дополнение)

Согласность — несогласность	Диффузность — недиффузность	Периферийность — непериферийность	Непрерывность — прерывность	Диезность — недиезность	Напряженность — ненапряженность
белорусский	кашубский	белорусский	болгарский	ТМС болгарский	ТМС верхне- лужицкий кашубский
словацкий	словенский	верхне- лужицкий	русский		
русский	ТМС чешский	сербский	белорусский	ТМП	словенский нижне- лужицкий словацкий
болгарский	ТМП	болгарский	украинский		
македонский	словенский	украинский	словенский	нижнелужицкий	— верхне- лужицкий
сербский	верхне- лужицкий	кашубский	сербский		
нижне- лужицкий	украинский	нижне- лужицкий	польский	— кашубский	— македонский
верхне- лужицкий	нижне- лужицкий	польский	чешский		
словенский	польский	словенский	нижнелужицкий	— кашубский	— македонский
ТМП	сербский	чешский	— кашубский		
чешский — польский	болгарский	словенский —	македонский	— кашубский	— македонский
ТМС	русский	македонский —	словацкий		
кашубский	белорусский	ТМС	ТМС	— кашубский	— македонский
		ТМП	ТМП		

фоном, умноженному на число всех фонологических различительных признаков $\frac{\sum \pm}{\sum \text{клеток}}$:

1. Польский . . . . . — 0,619
2. Украинский . . . . . — 0,599
3. Русский . . . . . — 0,592
4. Болгарский . . . . . — 0,577
5. Белорусский . . . . . — 0,572
6. Сербско-хорватский . . . . . — 0,566
7. ТМС . . . . . — 0,561
8. Македонский . . . . . — 0,555
9. Нижнелужицкий . . . . . — 0,549
10. ТМП . . . . . — 0,537
11. Верхнелужицкий . . . . . — 0,533
12. Кашубский . . . . . — 0,526

убывающего объема различительных признаков
к таблице 6)

Назальность — неназальность	Яркость — тусклость	Звонкость — глухость	Долгота — краткость	Палатальность— непалатальность
кашубский	ТМС украинский	украинский	ТМС украинский	болгарский
ТМС ТМП	чешский	белорусский	белорусский	русский
нижнелужицкий	белорусский	болгарский	словацкий	ТМС польский
верхнелужицкий	сербский	польский	чешский	белорусский
польский русский	верхнелужицкий македонский	македонский русский		нижнелужицкий верхнелужицкий
украинский	польский	сербский —		украинский
белорусский	нижнелужицкий	ТМС нижнелужицкий		
чешский македонский	кашубский болгарский	кашубский словацкий		словацкий македонский
словенский сербский болгарский словацкий	словацкий русский словенский	словенский чешский верхнелужицкий		сербский кашубский чешский словенский ТМП
		ТМП		

13. Чешский . . . . . — 0,490
 14. Словенский . . . . . — 0,483
 15. Словацкий . . . . . — 0,446

2) Поскольку идентификация фонологических элементов производится не на индивидуальном уровне, но на уровне классов единиц, то показателем симметричности системы или изоморфности классов, образующихся в процессе идентификации, становится отношение числа положительных знаков к числу отрицательных в матрице идентификации.

Показатели приведены в таблице 8.

3) Под сложностью системы понимается степень удаленности ее от инвариантной ядерной системы, которая измеряется числом шагов, необходимых для воспроизведения фонологической системы конкретного языка, надстраиваемого над ядерной схе-

$\frac{\Sigma +}{\Sigma -}$	Бело- русский	Болгар- ский	Верхне- лужиц- кий	Кашуб- ский	Македон- ский
Гласность—					
негласность	0,15	0,16	0,28	0,50	0,21
Согласность—					
несогласность	2,99	3,22	2,22	2,25	2,43
Компактность—					
некомпактность	0,33	0,37	0,50	0,53	0,53
Диффузность—					
недиффузность	1,00	0,38	0,75	0,59	1,00
Периферийность—					
непериферийность	0,53	0,82	0,72	0,67	0,59
Непрерывность—					
прерывность	0,88	0,66	0,46	0,62	0,56
Диезность—					
недиезность	—	1,00	—	—	—
Напряженность—					
ненапряженность	—	—	1,00	0,40	—
Назальность—					
неназальность	2,50	1,00	2,00	0,80	2,00
Яркость—					
тусклость	1,50	0,82	0,67	1,00	1,00
Звонкость—					
глухость	0,93	0,92	1,00	1,00	1,00
Долгота—					
краткость	1,00	—	—	—	—
Палатальность—					
непалатальность	1,54	1,00	1,00	1,00	1,00
Всего:	0,69	0,59	0,72	0,72	0,70

Общие показатели симметричности системы (нижняя графа) располагают вацкий, словенский, нижнелужицкий, кашубский, ТМС, македонский, бело-

мой. С этой точки зрения, славянские языки могут быть упорядочены так:

ТМП	— 0
Славянский	— 14
Македонский	— 16
Сербско-хорватский	— 18
Чешский	— 19
Верхнелужицкий	— 24
Русский	— 25
Кашубский	— 27
Нижнелужицкий	— 32
Польский	— 36
Болгарский	— 36

Таблица 8

Нижне-лужицкий	Польский	Русский	Сербский	Словацкий	Словенский	Украинский	Чешский	ТМС	ТМП
0,24	0,20	0,21	0,20	0,55	0,32	0,15	0,40	0,45	0,38
2,30	3,38	2,66	2,57	2,37	2,14	2,63	2,12	3,67	1,17
0,52	0,56	0,31	0,58	0,44	0,33	0,35	0,40	0,45	0,20
0,75	0,50	1,00	1,00	0,83	0,50	1,50	1,00	0,69	—
0,69	0,82	0,80	0,55	0,65	0,69	0,33	0,65	0,66	0,50
0,61	0,60	0,67	0,70	0,53	0,70	0,76	0,46	0,65	0,71
—	—	—	—	—	—	—	—	0,17	—
1,00	—	—	—	0,50	1,00	—	—	0,23	—
1,33	1,33	1,00	2	2,00	2	1,33	1,00	0,47	2,00
0,83	1,00	0,22	1,25	0,66	0,50	0,60	0,50	0,75	—
1,00	1,00	0,99	1	1,00	1	0,80	1,00	0,85	1,00
—	—	—	—	1,33	—	1,00	1,00	0,64	—
1,00	1,00	0,91	1	1,00	1	1,75	1,00	1,00	1,00
0,73	0,83	0,65	0,82	0,80	0,78	0,65	0,67	0,72	0,55

славянские языки в следующем порядке: польский, сербско-хорватский, словенский, чешский, русский, украинский, болгарский, ТМП.

Словацкий	— 37
Украинский	— 43
Белорусский	— 48
ТМС	— 94

III

До сих пор сопоставление славянских языков осуществлялось на уровне парадигматических моделей. Тем не менее, очевидно, более эффективным типологическим критерием в случае близкородственных языков оказывается система дистрибутивных показателей, вычисленных как для различительного, так и для фонемного уровней. В условиях субординации лингвистических единиц есть возможность применить одинаковую процедуру для

+	+	Гласность — негласность	Соглас- ность — не- согласность	Компакт- ность — не- компактность	Диффуз- ность — не- диффузность
1. Гласность — негласность	////	—	+	+	+
2. Согласность — несогласность	—	////	+	—	—
3. Компактность — некомпактность	+	+	////	—	—
4. Диффузность — недиффузность	+	—	—	////	////
5. Периферийность — непериферийность	+	+	+	+	+
6. Непрерывность — прерывность	—	+	+	—	—
7. Диезность — недиезность	+	—	—	—	—
8. Напряженность — ненапряженность	+	—	+	+	+
9. Назальность — неназальность	+	—	+	+	+
10. Яркость — тусклость	+	+	+	+	+
11. Звонкость — глухость	—	+	+	—	—
12. Долгота — краткость	+	+	+	+	+
13. Палатальность — непалатальность	+	+	+	+	+

Периферий- ность—непе- риферийность	Непрерыв- ность—пре- рывность	Диезность— недиезность	Напряжен- ность—нена- пряженность	Назаль- ность—нена- зальность	Яркость— тусклость	Звонкость— глухость	Долгота— краткость	Палаталь- ность—нена- латальность
+	-	+	+	+	+	-	+	+
+	+	-	-	+	+	+	+	+
+	+	-	+	+	+	-	+	+
+	+	-	+	+	+	+	+	+
////	+	+	+	+	-	+	+	+
+	////	-	-	-	-	+	+	+
+	-	////	-	-	-	-	-	-
+	-	-	////	-	-	-	-	-
+	-	-	-	////	-	-	+	+
-	-	-	-	-	////	-	+	+
+	+	-	-	-	+	+	+	+
+	+	-	-	////	+	////	+	+
+	+	-	-	-	+	+	////	+
+	+	-	-	-	+	+	+	////

+	Гласность — негласность	Соглас- ность — не- согласность	Компакт- ность — не- компактность	Диффуз- ность — не- диффузность
1. Гласность— негласность	////	—	+	+
2. Согласность— несогласность	+	////	+	—
3. Компактность— некомпактность	+	+	////	—
4. Диффузность— недиффузность	—	—	+	////
5. Периферийность— непериферийность	+	+	+	+
6. Непрерывность— прерывность	+	+	+	—
7. Диезность— недиезность	—	—	+	+
8. Напряженность— ненапряженность	—	—	+	+
9. Назальность— неназальность	+	+	+	+
10. Яркость— тусклость	+	+	+	+
11. Звонкость— глухость	+	+	+	—
12. Долгота— краткость	+	+	+	+
13. Палатальность— непалатальность	+	+	+	+

	Гласность — негласность	Соглас- ность — не- согласность	Компакт- ность — не- компактность	Диффуз- ность — не- диффузность
1. Гласность— негласность	////	+	+	—
2. Согласность— несогласность	+	////	+	—
3. Компактность— некомпактность	+	+	////	+
4. Диффузность— недиффузность	—	—	+	////
5. Периферийность— непериферийность	+	+	+	+
6. Непрерывность— прерывность	+	+	+	—
7. Дизность— недизность	—	—	+	+
8. Напряженность— ненапряженность	—	—	+	+
9. Назальность— неназальность	+	+	+	+
10. Яркость— тусклость	+	+	+	+
11. Звонкость— глухость	+	+	+	+
12. Долгота— краткость	+	+	+	+
13. Палатальность— непалатальность	+	+	+	+

исследования сочетаемости дифференциальных элементов и фонем, ограничив понятие текста вышестоящей единицей, т. е. в первом случае — фонемой, во второй — морфемой. Такой подход оправдан, если исходить из представления о линейности дифференциальных элементов (и, соответственно, фонем, которые можно рассматривать как сокращенное обозначение последовательности элементов в тексте, — представления, частично подтвержденного в последнее время экспериментально (см. работы Л. Чистович). Линейность во времени не предполагает однотипной зависимости между дифференциальными элементами в тексте. Здесь можно предполагать по крайней мере два вида зависимости: первая осуществляется в пределах фонемы, вторая — в последовательности фонем (в слоге или слове), в частности, сингармонизм и синконсонантизм. Этим оправдывается представление дифференциальных элементов в строке и колонке. Зависимости второго рода (в строке) действуют в пределах сравнительно больших отрезков текста (до 17 фонем, причем каждый признак учитывается в трех его значениях — положительном, отрицательном и нулевом), и, кроме того, они сопряжены с зависимостями между признаками в колонках. Поэтому, очевидно, задача установления этих зависимостей должна быть возложена на электронно-вычислительные машины.

Дистрибутивные ограничения, накладываемые на дифференциальные элементы в пределах фонемы во всех славянских языках, обозначены в таблице 9.

Поскольку наличие дифференциального элемента в фонеме совпадает с положительным знаком, приписываемым фонеме в графе соответствующего признака, то приведенная таблица одновременно показывает возможные сочетания различительных признаков с положительным значением в фонеме, а следующие две таблицы (№ 10 и 11) дополняют первую, обозначая сочетаемость различительных признаков с отрицательным знаком и с разными знаками.

Одним из возможных критериев является отношение допустимых сочетаний к теоретически вычисляемому показателю. Славянские языки располагаются по этому признаку между ТМП и ТМС. Примером может служить индекс македонского языка:

Т а б л и ц а 12

	ТМП	Македонский	ТМС
+/+	0,25	0,42	0,60
-/-	0,67	0,69	0,83
+/-	0,43	0,52	0,71

Признание того факта, что анализ структурных отношений между элементами необходимо должен быть дополнен анализом дистрибутивных отношений, отвечает современным представлениям об организации любого лингвистического исследования. Это требование вводится при учете того известного положения, что одной и той же модели в силу языковых контактов или типологического сходства может соответствовать не один, а два или более языков. В условиях группы генетически родственных языков и, в частности, славянских, актуальность изучения дистрибуции структурных единиц в тексте вырастает вдвойне уже потому, что в этом случае практически широко распространена ситуация совпадения систем в их фрагментах. Достаточно указать модель подсистемы гласных фонем, функционирующую в пределах четырех фонологических систем (белорусский, македонский, русский, сербско-хорватский) и полностью воспроизводящую соответствующий фрагмент инвариантной (ТМП) модели:

Таблица 13

	е	о	і	у	а
Гласность	+	+	+	+	+
Компактность	—	—	—	—	+
Диффузность	—	—	+	+	
Периферийность	—	+	—	+	

Полностью накладываются друг на друга подсистемы сонантов (—гласность, —согласность) сербско-хорватского, словацкого, словенского, македонского языков (см. табл. 14).

Тип сонантной подсистемы тождествен также для русского и болгарского языков, однотипны подсистемы согласных компактных периферийных фонем в болгарском, русском, словенском, чешском языках. Если иметь в виду, что перечень аналогичных ситуаций можно продолжить, то становится ясным, что типологическая характеристика славянских языков на уровне парадигматических моделей необходимо должна быть расширена за счет изучения тех ограничений, которые налагаются на возможность комбинаций элементов в тексте. Видимо, не будет преувеличением сказать, что синтагматический уровень генетически родственных языков не только не может игнорироваться, но на известной стадии становится первоочередным объектом

	г	п	п'	л	л'	т	ј
Гласность	—	—	—	—	—	—	—
Согласность	—	—	—	—	—	—	—
Компактность	—	—	—	—	—	—	+
Периферийность	—	—	—	—	—	+	
Непрерывность	—	—	—	+	+		
Назальность	—	+	+				
Палатальность		—	+	—	+		

исследования. Иногда уже на этом этапе достигается идентификация языка в рамках многоступенчатой классификации. Так, выполняя на уровне дифференциальных элементов анализ двухфонемных последовательностей, можно осуществить переход от русского языка к белорусскому по признаку допустимости — запрещения распространения признака диффузность на двухфонемное сочетание.

Конструирование же исчерпывающих моделей дистрибуционных возможностей структурных единиц позволяло бы в ином приближении пересмотреть славянские языки и могло бы привести к существенным типологическим выводам.

Поиск новых типов, конкретизирующих схему структурного анализа, может вестись на основе ряда параметров — дистрибуционных возможностей систем в целом и отдельных структурных единиц, разного рода зависимостей между парадигматической и синтагматической моделями. Можно предположить, что в некоторых случаях преобразование одной системы в другую было бы произведено через установление неоднозначных зависимостей между числом дифференциальных признаков, на которые разлагается фонема в данной модели, и ее дистрибуционными возможностями в тексте.

Дистрибутивные ограничения могут быть учтены также на уровне их фонологических результатов, и тогда они выступают как объекты морфонологии, которые вообще могут быть

	Поль- ский	Чеш- ский	Сло- вац- кий	Рус- ский	Серб- ско- хор- ват- ский	Маке- дон- ский	Бол- гар- ский	Диалекты болгар- ского языка
Гласность—								
негласность .	—	—	—	—	+	—	—	—
Согласность—								
несогласность	—	—	—	—	—	—	—	+ (x/j)
Компактность—								
некомпактность	+	+	+	+	—	—	—	+ (t'/k')
Диффузность—								
недиффузность	+	—	—	+	—	—	+	+ (o/u)
Периферийность—								
непериферий- ность	+	—	—	+	—	—	—	+ (i/u)
Непрерывность—								
прерывность .	—	—	—	+	—	—	—	+ (k/x)
Назальность—								
неназальность	+	—	—	—	—	—	—	+ (b/m)
Яркость—								
тусклость . .	+	+	+	+	+	+	+	+ (s/c)
Звонкость—								
глухость . . .	+	+	+	+	+	+	+	+ (регу- лярно)
Долгота—								
краткость . .	—	—	—	—	—	—	—	—
Палатальность—								
непалаталь- ность	—	+	+	+	—	—	+	+ (регу- лярно)
Напряженность—								
ненапряжен- ность	—	—	—	—	—	—	—	—
Диезность—								
недиезность .	—	—	—	—	—	—	—	+ (ъ/о)

изучены в двух аспектах, соответствующих двойной ориентации этой дисциплины — на морфологию и на фонологию (строго говоря, морфонология и фономорфология). Один аспект подразумевает рассмотрение тех единиц фонологического уровня, которые составляют фонологическую структуру морфемы (т. е. фонемы и архифонемы). Другой — специально те фонологические чередования в пределах морфемы, которые используются как морфологическое средство. Традиционно к морфонологии относился лишь второй аспект. Первый же обычно рассматривался в фонологии, хотя в рамках фонологии закономерна лишь такая постановка вопроса, которая не предполагает ориентации на структуру и значение морфемы. Поэтому переформулирование вопросов дистрибуции в терминах нейтрализации с необходимостью переносит их в круг морфонологических вопросов первого типа. Понятие нейтрализации применимо по отношению к фонемам, инварианты или варианты которых чередуются внутри одной морфемы в зависимости от фонологической позиции. Ней-

трализуемые фонемы можно рассматривать как динамические ядра, снабженные потенциальными периферийными дифференциальными элементами. Признаки, в отношении которых нейтрализуются фонемы, не совпадают в разных языках; особенно же сильны различия на уровне диалектов. Иллюстрацией этого служит таблица 15; особое внимание следует обратить на различные нейтрализующие способности болгарского литературного языка и некоторых из его диалектов.

По характеру дистрибуций выделяются не только типы нейтрализации фонологических различительных признаков, но и другие виды их взаимозависимости.

Существенным показателем является количество ограничений на сочетаемость фонем внутри слова. Так, отношение числа запрещенных сочетаний ко всем комбинациям двух фонем для словацкого языка равно 0,15, чешского — 0,18, для сербско-хорватского языка — 0,22, болгарского — 0,42.

Минимальный фрагмент дистрибуционной типологии — типология двухфонемной сочетаемости — группирует все славянские языки в общий класс, допускающий в дополнение к универсальной для всех языков мира последовательности «гласность (согласность) + согласность (гласность)» сочетания «согласность + согласность», «гласность + гласность», «негласность — несогласность + согласность» и представляющий высокие статистические показатели двухфонемной сочетаемости.

Этим возможности классификации на основе данных распределения далеко не исчерпываются, однако пока еще они изучены мало и требуют дальнейшего исследования.

* * *

Нельзя не признать, что предлагаемый в данной работе вариант типологической процедуры лишь предваряет законченное многоаспектное типологическое представление, которое бы, с одной стороны, учитывало менее упрощенные формы языковых объектов (случаи языковой интерференции и диалектной дробности и др.), с другой стороны, ориентировалось на более кардинальные и сложные языковые характеристики, обладающие универсальностью в пределах типологии близкородственных языков. По-видимому, эти предварительные усилия не напрасны, поскольку они позволяют опробовать метод и оценить адекватность моделей, а также в некотором приближении сформировать многоступенчатый тип, который на уровне славянских языков обеспечивает последовательную идентификацию систем вплоть до их индивидуализации. Кроме того, вероятно, окажется достижимой генерализация, в терминах которой славянские языки будут обладать достаточной мерой специфичности в ряду других аналогичных типов. Некоторые предварительные заключения об этом могут последовать из приводимых в приложении данных по ранануйскому языку (полинезийская группа).

1. Матрица идентификации

	r	n	n'	ñ'	l	l'	l̄'	w	m	m'	j	t	d	c	c'	ē'	z̄	z̄'	z̄̄'	s
1. Гласность	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2. Согласность	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+
3. Компактность	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
4. Диффузность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
5. Периферийность	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	0	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6. Непрерывность	-	-	-	-	+	+	+	0	0	0	0	-	-	-	-	-	-	-	-	+
7. Назальность	-	+	+	+	0	0	0	-	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
8. Яркость	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	-	+	+	+	+	+	+	0
9. Звонкость	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	+	-	-	-	+	+	+	-
10. Палатальность	0	-	+	+	-	+	+	0	-	+	0	0	0	-	+	+	-	+	+	-
11. Долгота	0	0	-	+	0	-	+	0	0	0	0	0	0	0	-	+	0	-	+	0

2. Матрица идентификации

	r	r'	n	n'	l	l'	m	m'	j	t	t'	d	d'	c	c'	z̄	s
1. Гласность	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2. Согласность	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+
3. Компактность	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
4. Диффузность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
5. Периферийность	-	-	-	-	-	-	-	+	+	0	-	-	-	-	-	-	-
6. Непрерывность	-	-	-	-	+	+	0	0	0	-	-	-	-	-	-	-	+
7. Диезность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
8. Назальность	-	-	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
9. Яркость	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	-	-	-	+	+	+	0
10. Звонкость	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	-	+	+	-	-	+	-
11. Палатальность	-	+	-	+	-	+	-	+	0	-	+	-	+	-	+	0	-

фонем белорусского языка

s'	s̄'	z	z'	z̄'	p	p'	b	b'	f	f'	v	v'	š	š̄	ž	ž̄	č	č̄	ž̄	k	x	γ	e	o	i	π	a	
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	0	0	0	0	0
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	+	
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	-	+	+	0
-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	+	0
+	+	+	+	+	-	-	-	-	+	+	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	-	+	+	0	0	0	0	0
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	-	-	-	+	+	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0
-	-	+	+	+	-	-	+	+	-	-	+	+	-	-	+	+	-	-	+	0	-	+	0	0	0	0	0	0
+	+	-	+	+	-	+	-	+	-	+	-	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
-	+	0	-	+	0	0	0	0	0	0	0	0	-	+	-	+	-	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

фонем болгарского языка

s'	z	z'	p	p'	b	b'	f	f'	v	v'	š	ž	c	ž̄	k	k'	g	g'	x	x'	e	o	ъ	i	u	a	
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	0	0	0	0	0	0
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	+
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	-	-	+	+	0
-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-	+	0
+	+	+	-	-	-	-	+	+	+	+	0	0	0	0	-	-	-	-	-	+	+	0	0	0	0	0	0
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	+	0	0	0
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	-	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
-	+	+	-	-	+	+	-	-	+	+	-	+	-	+	-	-	+	-	0	0	0	0	0	0	0	0	0
+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	0	0	0	0	-	+	-	+	-	+	0	0	0	0	0	0	0

5. Матрица идентификации фонем македонского языка и юго-западных болгарских говоров

	r	n	n'	l	l'	m	j	t	d	c	ʒ	s	z	p	b	v	š	ž	č	ǰ	k	k'	g	g'	e	o	i	u	a
1. Гласность	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+
2. Согласность	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	0	0	0	0	0
3. Компактность	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-
4. Диффузность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	-	+	+
5. Периферийность	-	-	-	-	-	+	0	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	+	-	+
6. Непрерывность	-	-	+	+	+	0	0	-	-	-	+	+	-	-	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
7. Назальность	-	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
8. Яркость	0	0	0	0	0	0	0	-	+	+	0	0	0	0	0	0	-	-	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0
10. Звонкость	0	0	0	0	0	0	0	-	+	-	+	-	+	-	+	0	-	+	-	+	-	-	+	+	0	0	0	0	0
11. Палатальность	0	-	+	-	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	+	-	+	0	0	0	0	0

6. Матрица идентификации фонем нижнелужицкого языка

	r	r'	n	n'	l	l'	w	m	m'	j	t	d	c	s	z	p	p'	b	b'	f	f'	š	š'	ž	ž'	č	č'	ǰ	ǰ'	k	g	x	γ	e	ě	o	ó	y	i	u	a			
1. Гласность	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+		
2. Согласность	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0		
3. Компактность	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	
4. Диффузность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0		
5. Периферийность	-	-	-	-	-	-	+	+	+	0	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
6. Непрерывность	-	-	-	-	+	+	0	0	0	0	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
7. Напряженность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
8. Назальность	-	-	+	+	0	0	-	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
9. Яркость	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
10. Звонкость	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	+	0	-	+	-	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
11. Палатальность	-	+	-	+	-	+	0	-	+	0	0	0	0	0	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	+	0	

9. Матрица идентификации фонем сербско-хорватского языка

	r	n	n'	l	l'	m	j	t	d	c	s	z	p	b	f	v	š	ž	č	č'	ž	ž'	k	g	x	e	o	i	u	a
1. Гласность	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2. Согласность	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
3. Компактность	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
4. Диффузность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
5. Периферийность	-	-	-	-	-	+	0	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6. Непрерывность	-	-	-	+	+	0	0	-	-	-	+	+	-	+	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	-	-	+	0	0	0
7. Назальность	-	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
8. Яркость	0	0	0	0	0	0	0	-	-	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
9. Звонкость	0	0	0	0	0	0	0	-	+	0	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+
10. Палатальность	0	-	+	-	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	+	-	+	0	0	0	0	0	0	0	0

10. Матрица идентификации фонем словацкого языка

	r	n	n'	l	l'	m	j	h	tt'	dd'	c	z	s	z	p	b	f	v	š	ž	č	k	g	x	e	ā	ē	o	ō	ô	i	ī	u	ū	ü	a	ā	ā	ä			
1. Гласность	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
2. Согласность	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
3. Компактность	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
4. Диффузность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
5. Периферийность	-	-	-	-	-	+	0	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
6. Непрерывность	-	-	-	+	+	0	0	0	0	-	-	-	-	-	+	0	0	0	0	-	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
7. Напряженность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
8. Назальность	-	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
9. Яркость	0	0	0	0	0	0	0	0	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
10. Звонкость	0	0	0	0	0	0	0	0	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
11. Долгота	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0		
12. Палатальность	0	-	+	-	+	0	0	0	-	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	

13. Матрица идентификации фонем чешского языка

	r	ř	n	n'	l	m	h	j	t	t'	d	d'	c	s	z	p	b	f	v	š	ž	č	k	g	x	e	é	o	ou	i	í	u	ú	a	á				
1. Гласность	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		
2. Согласность	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		
3. Компактность	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	+	+
4. Диффузность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
5. Периферийность	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
6. Непрерывность	-	-	-	-	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
7. Назальность	-	-	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
8. Яркость	-	+	0	0	0	0	0	0	-	-	-	-	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
9. Звонкость	0	0	0	0	0	0	0	0	0	+	0	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
10. Долгота	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
11. Палатальность	0	0	-	+	0	0	0	0	-	+	-	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	+	0

14. Матрица идентификации фонем ТМП

	r	n	n'	l	m	j	t	d	s	z	p	b	k	e	o	i	u	a
1. Гласность	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+
2. Согласность	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+
3. Компактность	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	0	0	0	0	0
4. Диффузность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
5. Периферийность	-	-	-	-	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
6. Непрерывность	-	-	-	-	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
7. Назальность	-	-	-	-	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
8. Звонкость	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
9. Палатальность	0	-	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

	г	г'	ř	п	п'	ñ'	л	л'	ī	w	φ	m	m'	h	j	t	t'	t̄'	d	d'
1. Гласность . .	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2. Согласность .	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+
3. Компактность	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-
4. Диффузность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
5. Периферий- ность	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	+	-	-	-	-	-
6. Непрерыв- ность	-	-	-	-	-	+	+	+	0	0	0	0	0	0	0	-	-	-	-	-
7. Диезность . .	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
8. Напряжен- ность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
9. Назальность	-	-	-	+	+	+	0	0	0	-	-	+	+	0	0	0	0	0	0	0
10. Яркость . . .	-	-	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	-	-	-	-
11. Звонкость . .	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	+	0	0	0	0	-	-	-	+	+
12. Долгота . . .	0	0	0	-	-	+	-	-	+	0	0	0	0	0	0	-	-	+	-	-
13. Палаталь- ность	-	+	0	-	+	0	-	+	0	0	0	-	+	0	0	-	+	0	-	+

	z'	ž	č	č'	č̄	č̄'	ž	ž'	k	k'	g	g'	x	x'	γ	'	e	é	ě	ě̄
1. Гласность . .	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+
2. Согласность .	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	0	0	0	0
3. Компактность	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-
4. Диффузность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	-	-	-
5. Периферий- ность	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-
6. Непрерыв- ность	0	0	0	0	0	0	0	0	-	-	-	-	+	+	+	+	0	0	0	0
7. Диезность . .	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
8. Напряжен- ность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	-	-	-
9. Назальность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	-	-	-
10. Яркость . . .	-	-	+	+	+	+	+	+	0	0	0	0	-	-	-	+	0	0	0	0
11. Звонкость . .	+	+	-	-	-	+	+	-	-	+	+	-	-	+	0	0	0	0	0	0
12. Долгота . . .	-	+	-	-	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	-	+	+
13. Палаталь- ность	+	0	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	0	0	-	+	-	+

идентификации фонем ТМС

đ	c	č	č'	š	š'	ž	s	s'	š'	z	z'	z'	p	p'	b	b'	f	f'	v	v'	š	š'	š	ž	
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	+	+	+	+	+	0	0	0	0
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
-	+	+	+	+	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
+	-	-	-	+	+	+	-	-	-	+	+	+	-	-	+	+	-	-	+	+	-	-	-	-	-
+	-	+	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	-	-	-
0	0	-	+	-	+	0	-	+	0	-	+	0	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	0	-	

ę	ê	o	ö	ō	ou	q	ô	ъ	u	ü	ū	ū	û	y	i	ī	î	a	ā	ā	ā	ā	ą	â	
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	0	0	0	0	0	0	0	0
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
0	0	-	-	-	-	-	-	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
-	+	-	-	-	-	-	+	0	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+
+	0	-	-	-	-	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
0	0	-	-	-	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
0	0	-	-	+	0	0	0	0	-	-	+	+	0	-	-	+	0	-	-	+	+	0	0	0	0
0	0	-	+	0	0	0	0	0	-	+	-	+	0	-	+	0	0	-	+	-	+	0	0	0	0

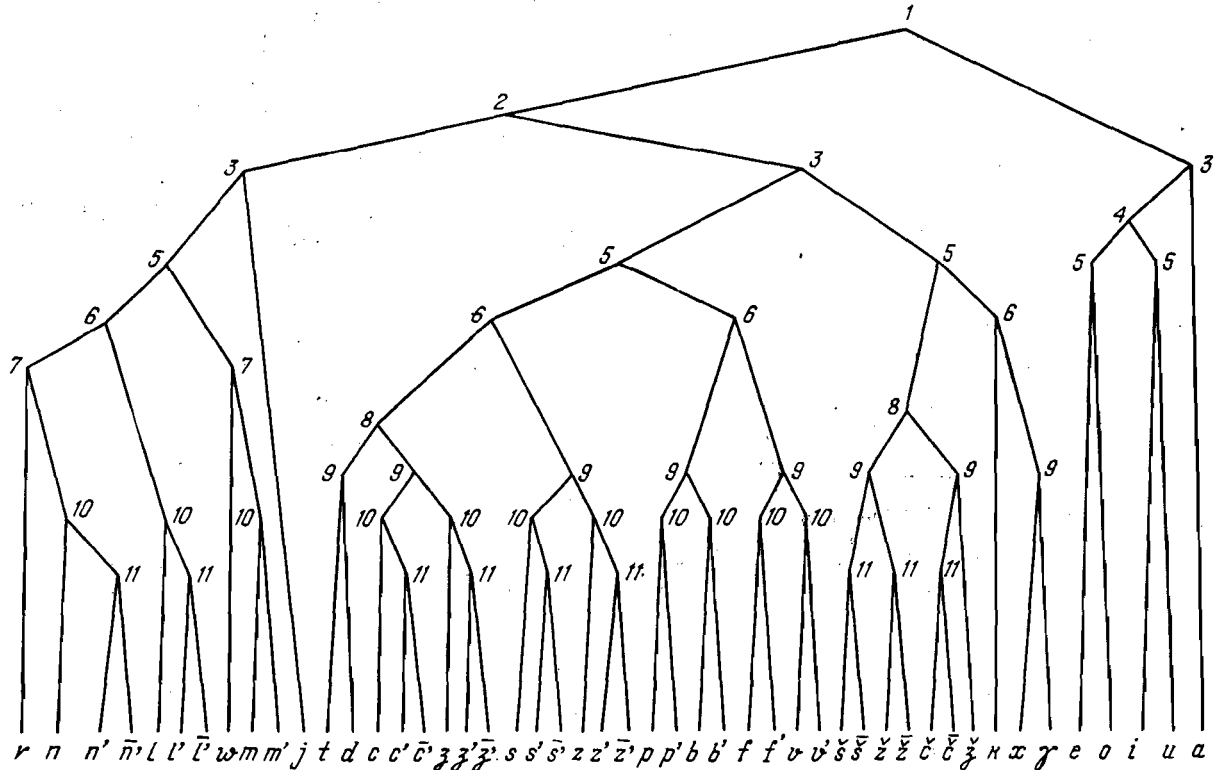

Схема идентификации фонем белорусского языка

1 — гласность; 2 — согласность; 3 — компактность; 4 — диффузность; 5 — периферийность; 6 — непрерывность;
7 — наважность; 8 — яркость; 9 — звонкость; 10 — палатальность; 11 — долгота

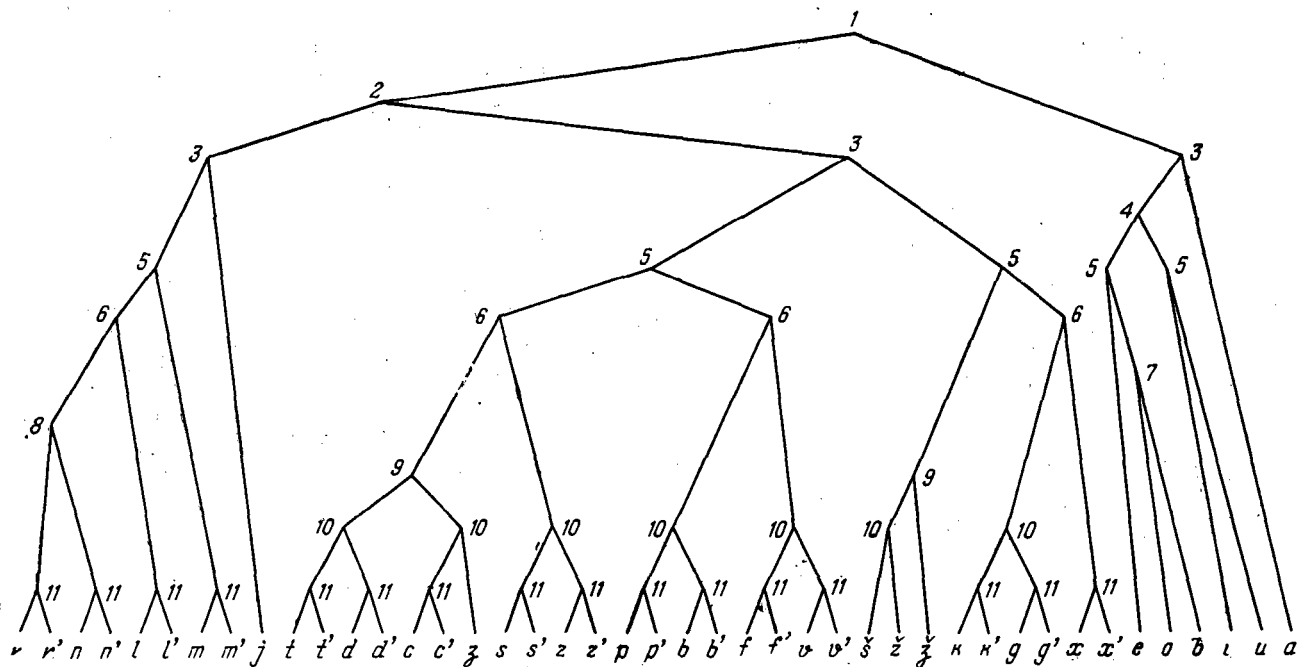

Схема идентификации фонем болгарского языка

1 — гласность; 2 — согласность; 3 — компактность; 4 — диффузность; 5 — периферийность; 6 — непрерывность; 7 — дизьность;
 8 — назальность; 9 — яркость; 10 — звонность; 11 — палатальность

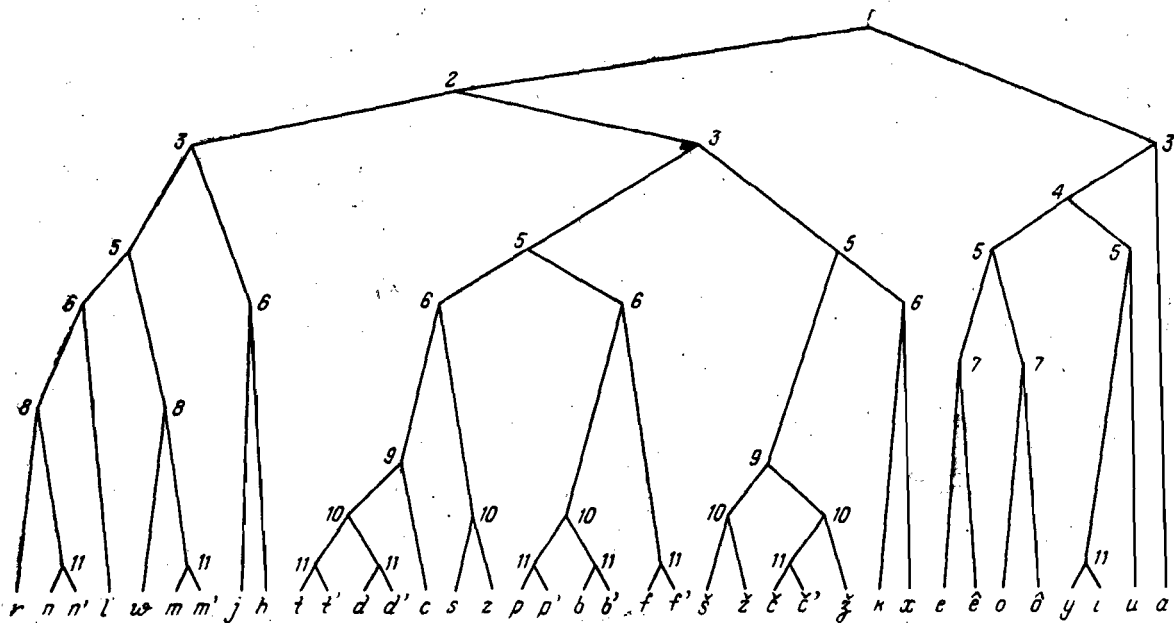

Схема идентификации фонем верхнелужицкого языка

1 — гласность; 2 — согласность; 3 — компактность; 4 — диффузность; 5 — периферийность; 6 — непрерывность;
7 — напряженность; 8 — назальность; 9 — яркость; 10 — звонкость; 11 — палатальность

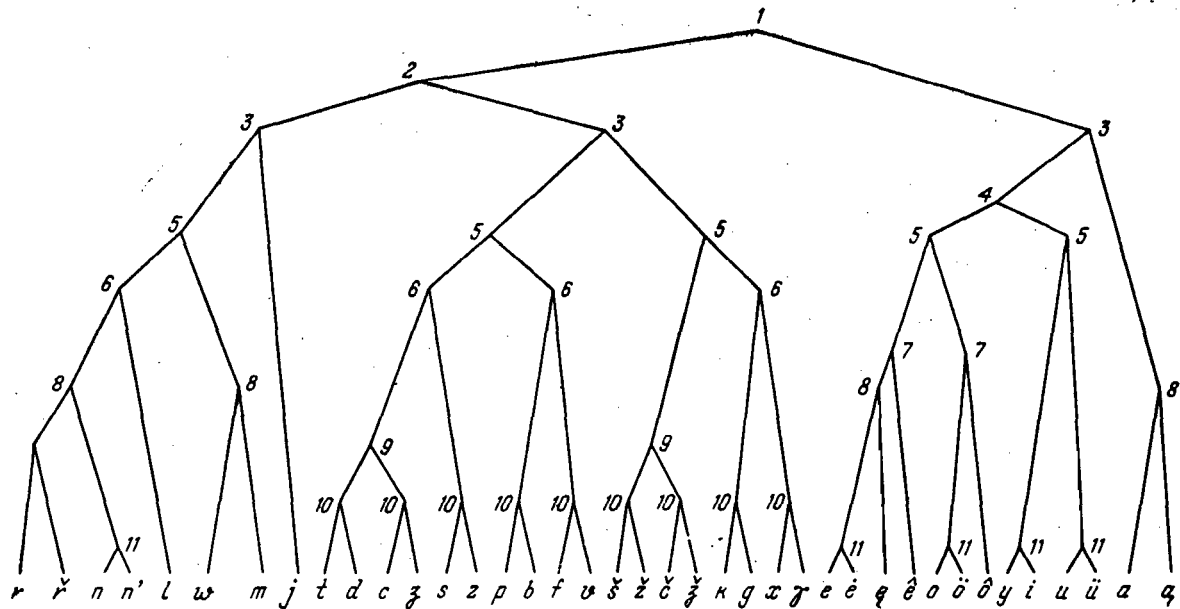

Схема идентификации фонем кашубского языка

1 — гласность; 2 — согласность; 3 — компактность; 4 — диффузность; 5 — периферийность; 7 — напряженность;
8 — назальность; 9 — ярность; 10 — звонкость; 11 — палатальность

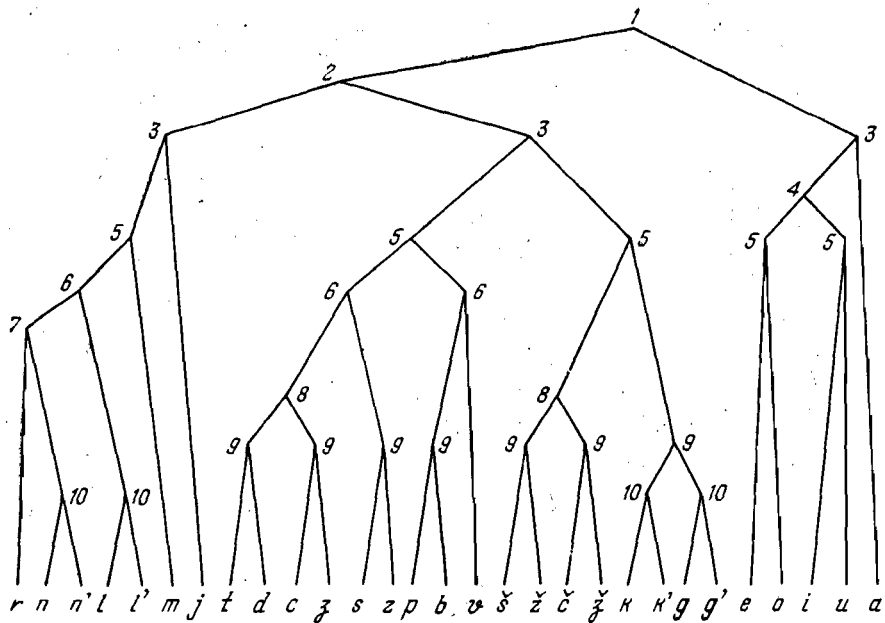

Схема идентификации фонем македонского языка и юго-западных болгарских говоров

1 — гласность; 2 — согласность; 3 — компактность; 4 — диффузность; 5 — периферийность;
 6 — непрерывность; 7 — назальность; 8 — яркость; 9 — звонкость; 10 — палатальность

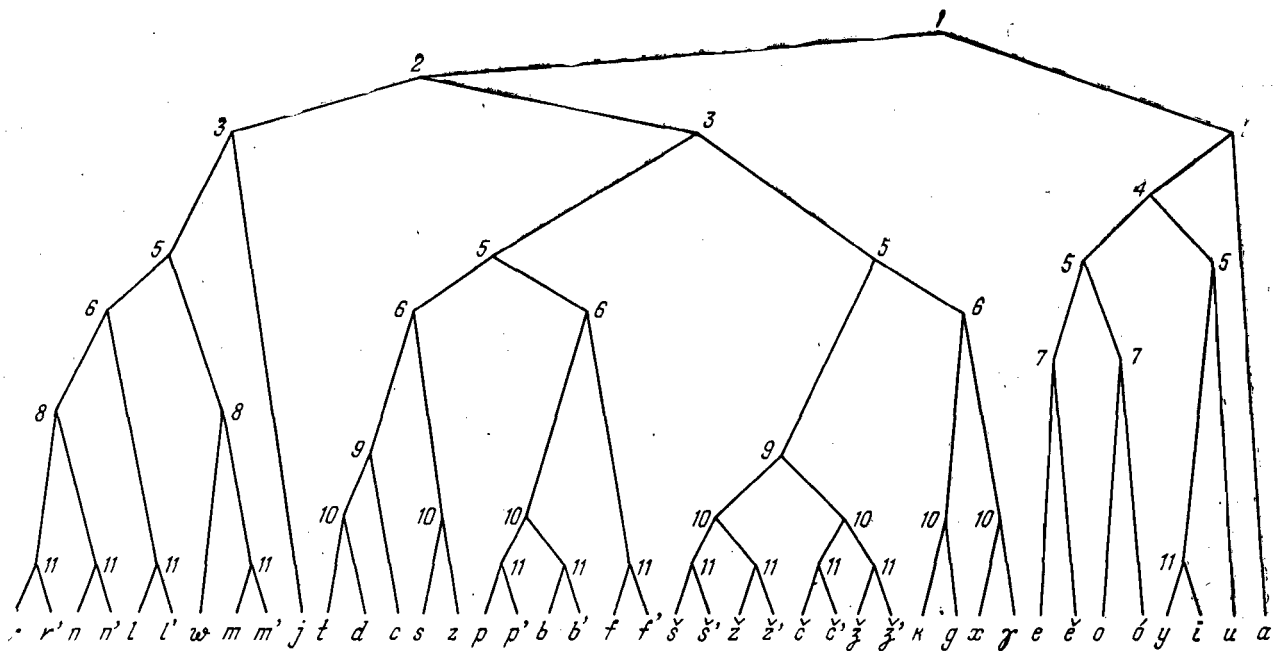

Схема идентификации фонем нижнелужицкого языка

1 — гласность; 2 — согласность; 3 — компактность; 4 — диффузность; 5 — периферийность; 6 — непрерывность; 7 — напряженность; 8 — назальность; 9 — яркость; 10 — звонкость; 11 — палатальность

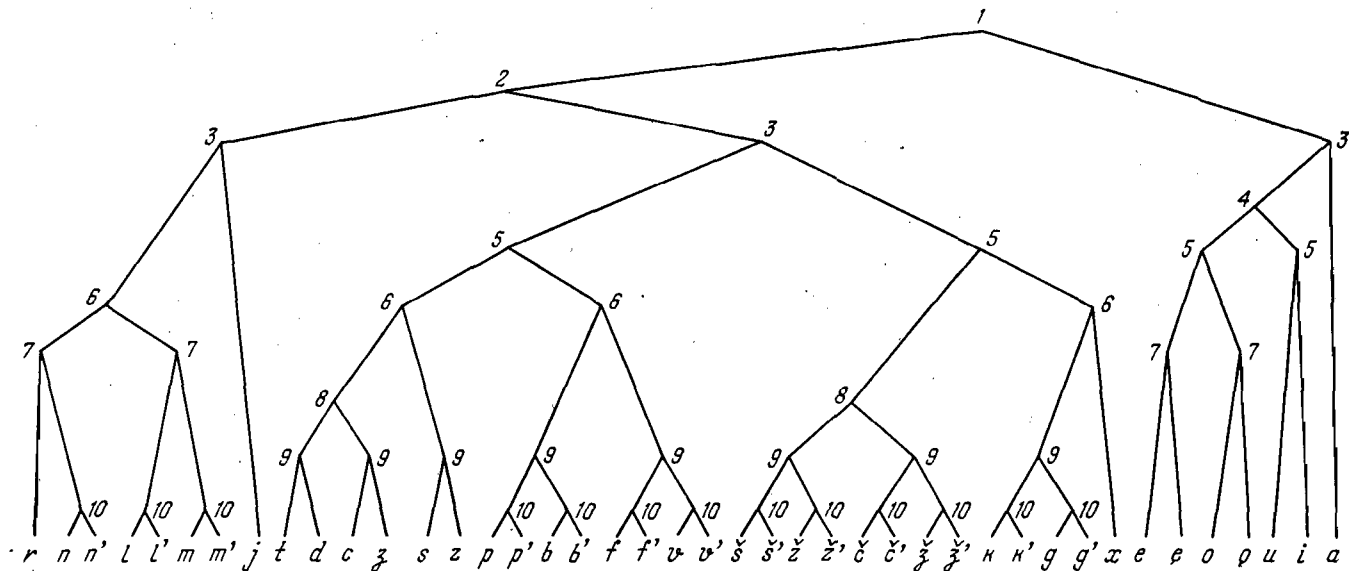

Схема идентификации фонем польского языка

1 — гласность; 2 — согласность; 3 — компактность; 4 — диффузность; 5 — периферийность; 6 — непрерывность; 7 — назальность.
8 — яркость; 10 — палатальность

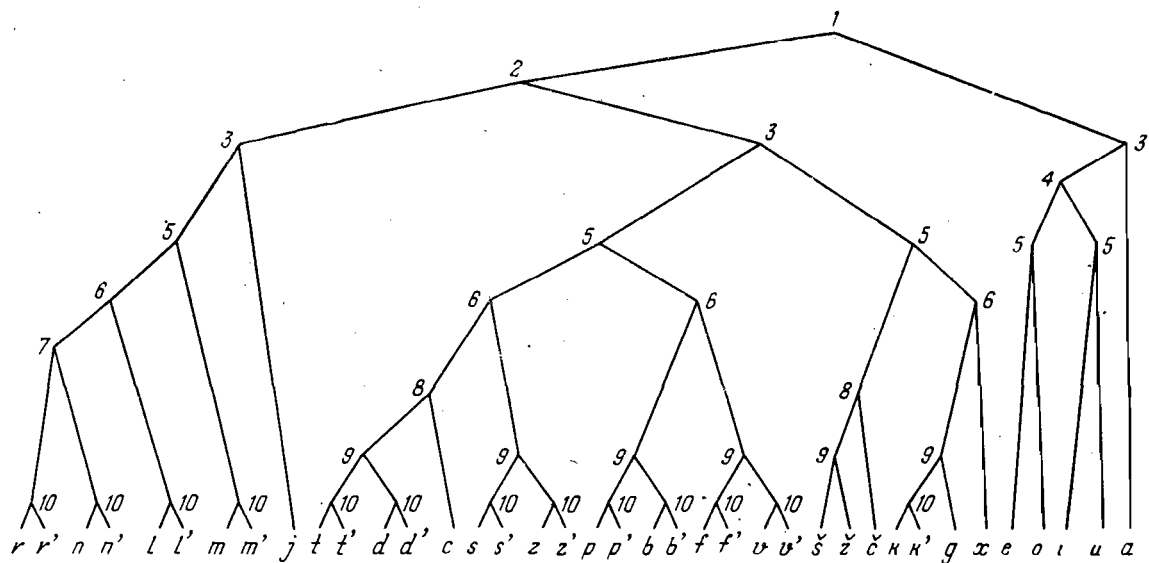

Схема идентификации фонем русского языка

1 — гласность; 2 — согласность; 3 — компактность; 4 — диффузность; 5 — периферийность; 6 — непрерывность; 7 — назальность; 8 — яркость; 9 — звонкость; 10 — палатальность

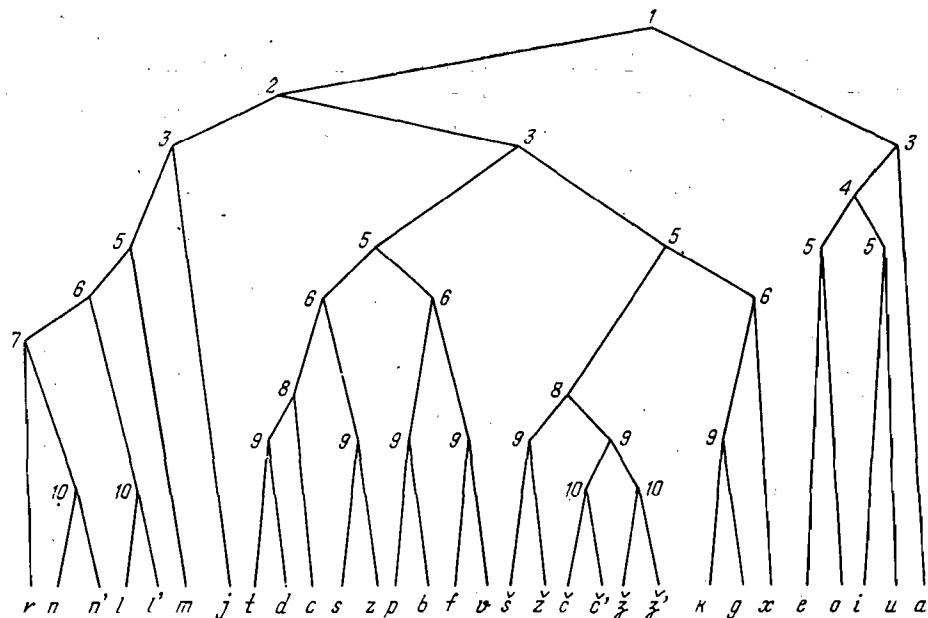

Схема идентификации фонем сербско-хорватского языка

1 — гласность; 2 — согласность; 3 — компактность; 4 — диффузность; 5 — периферийность; 6 — непрерывность; 7 — навалность; 8 — яркость; 9 — звонкость; 10 — палатальность

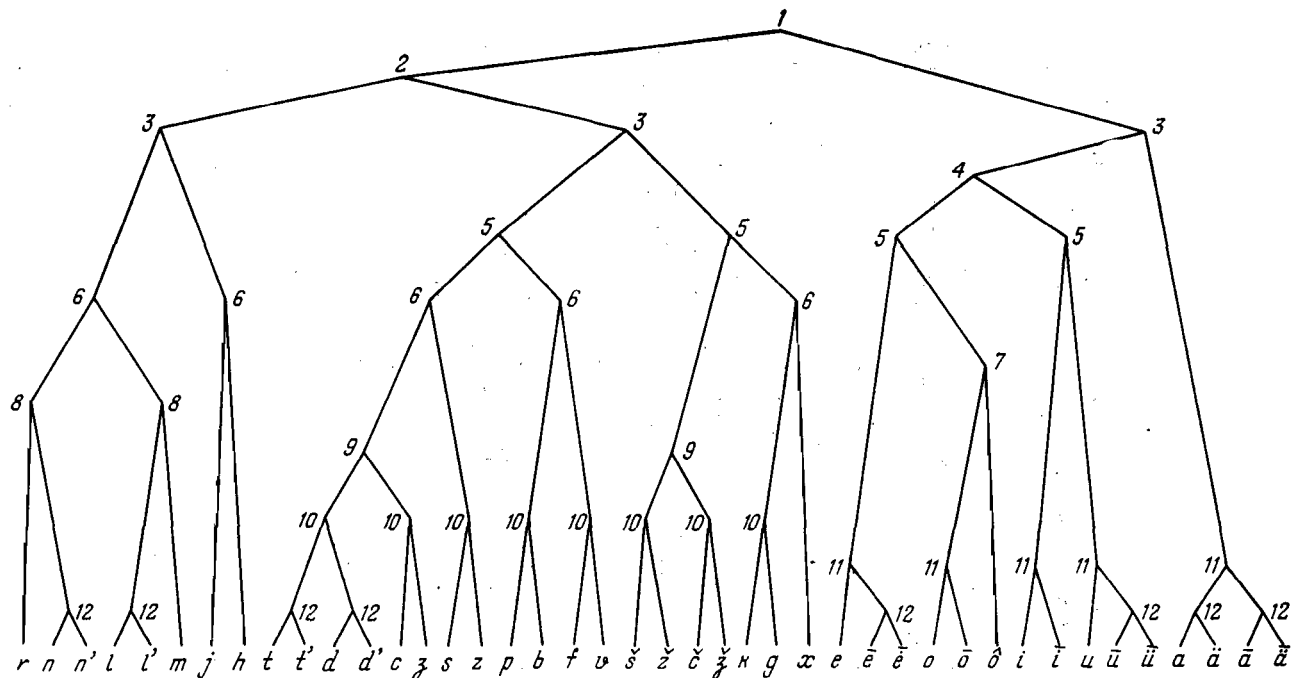

Схема идентификации фонем словацкого языка

1 — гласность; 2 — согласность; 3 — компактность; 4 — диффузность; 5 — периферийность; 6 — непрерывность;
7 — напряженность; 8 — назальность; 9 — яркость; 10 — звонкость; 11 — долгота; 12 — палатальность

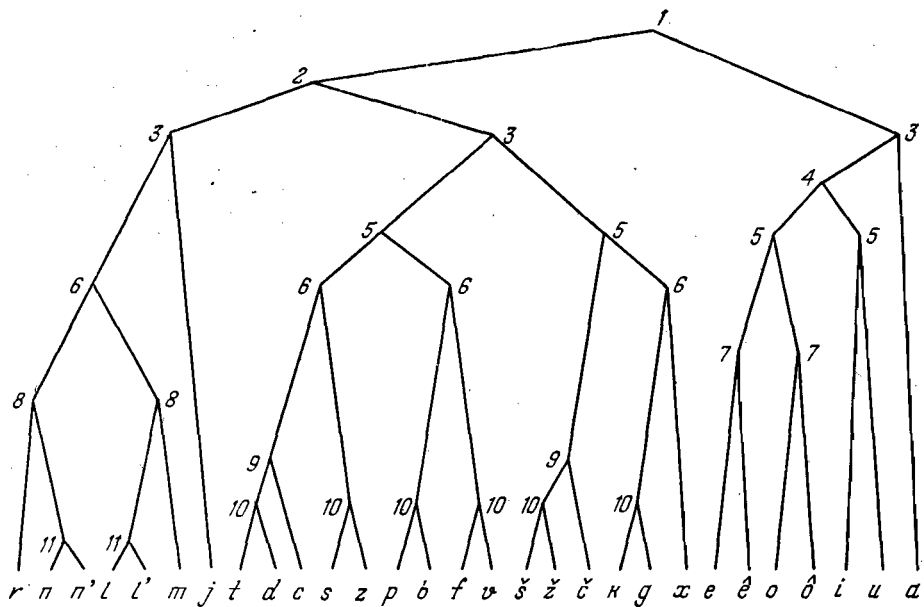

Схема идентификации фонем словенского языка

1 — гласность; 2 — согласность; 3 — компактность; 4 — диффузность; 5 — периферийность; 6 — непрерывность; 7 — напряженность; 8 — назальность; 9 — яркость; 10 — звонкость; 11 — палатальность

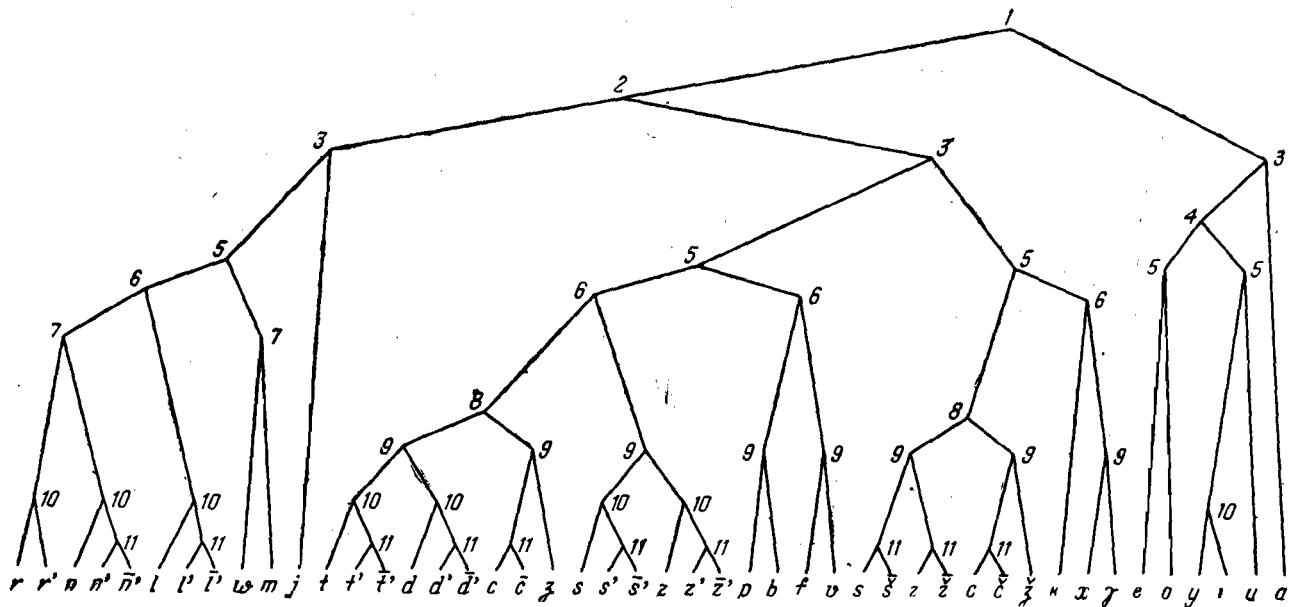

Схема идентификации фонем украинского языка

1 — гласность; 2 — согласность; 3 — компактность; 4 — диффузность; 5 — периферийность; 6 — непрерывность;
7 — назальность; 8 — яркость; 9 — звонкость; 10 — палатальность; 11 — долгота;

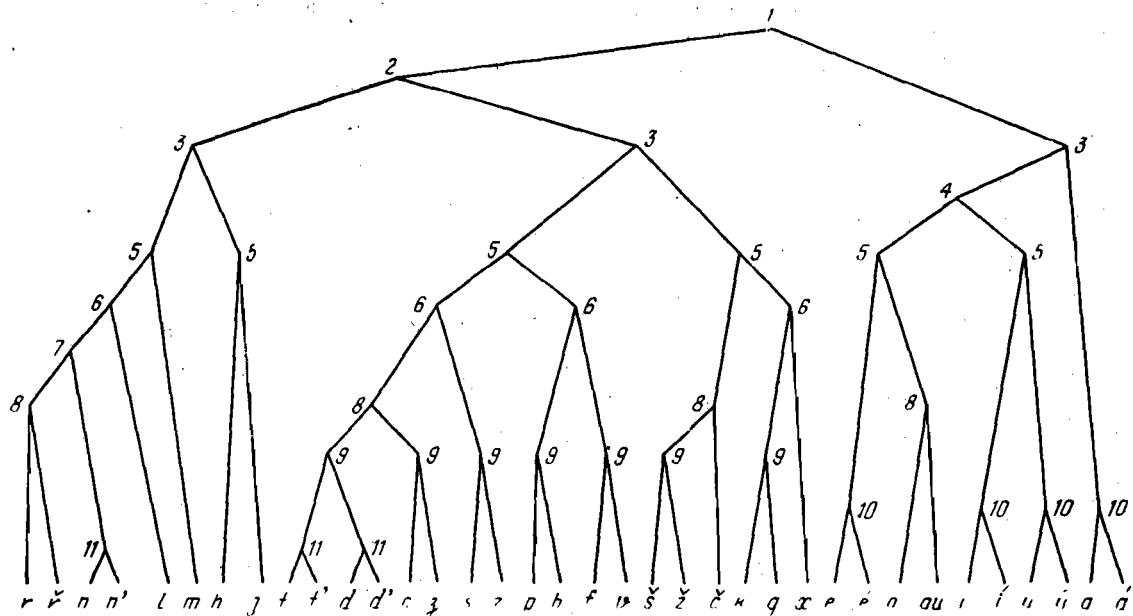

Схема идентификации фонем чешского языка

1 — гласность; 2 — согласность; 3 — компактность; 4 — диффузность; 5 — периферийность; 6 — непрерывность;
7 — назальность; 8 — яркость; 9 — звонкость; 10 — долгота; 11 — палатальность

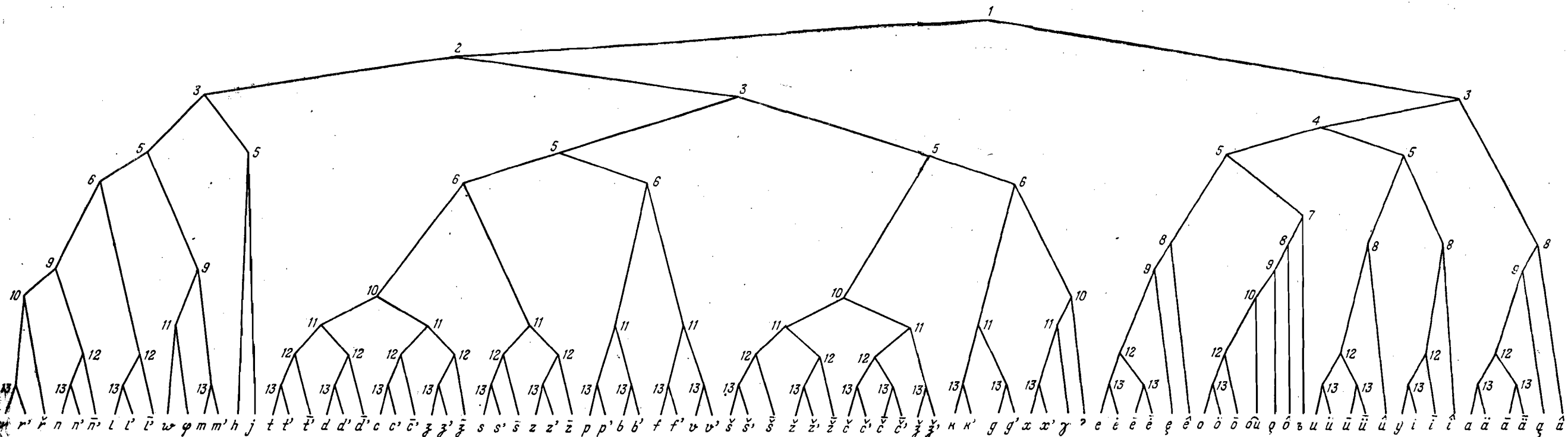

Схема идентификации фонем ТМС

1 — гласность; 2 — согласность; 3 — компактность; 4 — диффузность; 5 — периферийность; 6 — непрерывность; 7 — диезность; 8 — напряжённость; 9 — назальность; 10 — яркость; 11 — звонность; 12 — долгота; 13 — палатальность

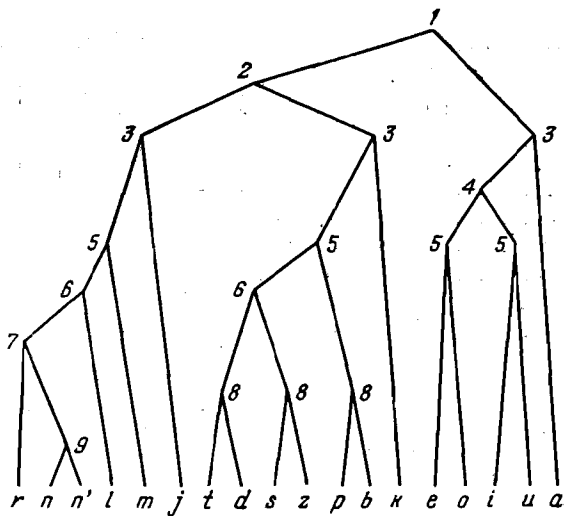

Схема идентификации фонем ТМII

1 — гласность; 2 — согласность; 3 — компактность;
 4 — диффузность; 5 — периферийность; 6 — непрерыв-
 ность; 7 — назальность; 8 — звонкость; 9 — палатальность

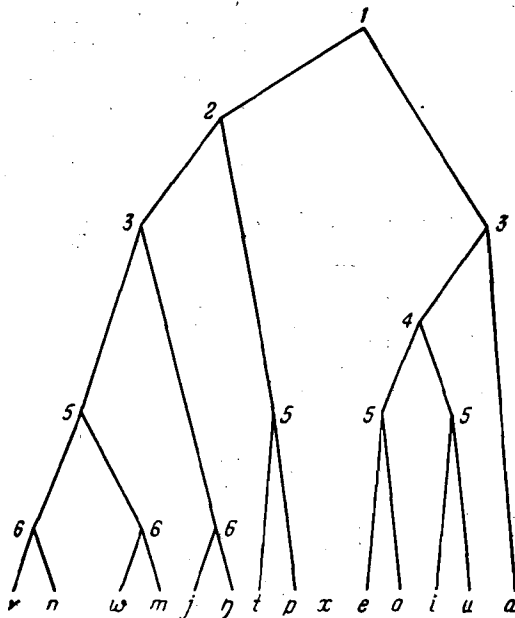

Схема идентификации фонем рапануйского
 языка

1 — гласность; 2 — согласность; 3 — компактность;
 4 — диффузность; 5 — периферийность; 6 — назальность

16. Матрица идентификации фонем рапануйского языка

	r	n	w	m	j	ŋ	t	p	χ	e	o	i	ɨ	a
1. Гласность	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+
2. Согласность	-	-	-	-	-	-	+	+	+	0	0	0	0	0
3. Компактность	-	-	-	-	+	+	-	-	+	-	-	-	-	+
4. Диффузность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	-	+	+	0
5. Периферийность	-	-	+	+	0	0	-	+	0	-	+	+	+	0
6. Назальность	-	+	-	+	-	+	0	0	0	0	0	0	0	0

18. Показатели оптимальности модели и «симметричности» системы рапануйского языка

17. Релевантность различительных признаков в рапануйском языке

	Сонанты	Согласные	Гласные		
				Σ+- Σ фонем	Σ+ Σ-
1. Гласность	+	+	+	1	0,35
2. Согласность	+	+	-	0,64	0,50
3. Компактность	+	+	+	1	0,28
4. Диффузность	-	-	+	0,28	1
5. Периферийность	+	+	+	0,71	1
6. Назальность	+	-	-	0,42	1
7. Общее отношение				0,67	0,63

19. Указатель порядковых индексов славянских языков по отдельным типологическим критериям

	Белорусский	Болгарский	Верхне-луницкий	Капубский	Македонский	Нижне-луницкий	Польский	Русский	Сербский	Словацкий	Словенский	Украинский	Чешский	ТМС	ТМП
1. Инвентарь фонем	12	10	5	7	2	8	9	6	3	9	2	11	4	13	1
2. Инвентарь гласных	1	2	4	6	1	4	3	1	1	7	3	2	5	8	1
3. Инвентарь согласных	9	8	5	4	3	7	8	6	4	5	2	7	4	10	1
4. % гласных в системе	1	4	8	13	6	7	5	3	5	14	9	2	11	12	10
5. Объем «согласности»	13	10	6	1	9	7	3	11	8	12	5	14	3	2	4
6. Объем «диффузности»	1	3	8	13	5	6	5	2	4	12	9	7	11	11	10
7. Объем «периферийности»	13	10	12	8	3	7	6	4	11	5	3	9	4	2	1

	Белорусский	Болгарский	Верхне- лужичский	Кашубский	Македон- ский	Нижне- лужичский	Польский	Русский	Сербский	Словацкий	Словенский	Украинский	Чешский	ТМС	ТМП
1. Объем «непрерывности»	12	14	6	5	4	6	8	13	9	3	10	11	7	2	1
2. Объем «двиезности»	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
3. Объем «напряженности»	—	—	—	4	5	2	—	—	—	4	5	—	—	6	—
4. Объем «назальности»	5	2	9	13	3	10	8	7	3	1	3	6	4	12	11
5. Объем «яркости»	11	4	9	5	8	6	7	2	10	3	1	13	12	14	—
6. Объем «звонкости»	13	12	2	6	10	7	11	9	8	5	4	14	3	8	1
7. Объем «долготы»	3	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	4	1	5	—
8. Объем «палатальности»	11	15	9	4	6	10	12	14	5	7	2	8	3	13	1
9. Экономность кодирования фонем	2	5	10	8	13	7	3	6	12	9	14	4	11	1	15
10. Оптимальность модели	11	12	5	4	8	7	15	13	10	1	2	14	3	9	6
11. Симметричность системы	5	2	7	7	6	8	11	3	10	9	8	3	4	7	1
12. Симметричность «гласности»	1	2	6	11	4	5	3	4	3	12	7	1	9	10	8
13. Симметричность согласности	11	13	4	5	8	6	14	11	9	7	3	10	2	15	1
14. Симметричность «компактности»	3	5	10	11	11	12	13	2	14	8	6	4	7	9	1
15. Симметричность «диффузности»	7	6	4	2	7	4	1	7	7	5	1	8	7	3	—
16. Симметричность «периферийности»	3	12	10	8	5	9	13	11	4	6	9	1	6	7	2
17. Симметричность «непрерывности»	12	7	1	5	2	4	3	8	9	2	9	11	1	6	10
18. Симметричность «двиезности»	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
19. Симметричность напряженности	—	—	4	2	—	4	—	—	—	3	4	—	—	1	—
20. Симметричность «назальности»	6	3	5	2	5	4	4	8	5	5	5	4	3	1	5
21. Симметричность «яркости»	11	7	5	9	9	8	9	1	10	4	2	3	2	6	—
22. Симметричность «звонкости»	4	3	6	6	6	6	6	5	6	6	6	1	6	2	6
23. Симметричность «долготы»	2	2	—	—	—	—	—	—	—	3	—	2	2	1	—
24. Симметричность «палатальности»	3	2	2	2	2	2	2	1	2	2	2	4	2	2	2
25. Сложность системы	13	10	6	8	3	9	10	7	4	11	2	12	5	14	1

CONCERNING THE ELABORATION OF A PHONOLOGICAL TYPOLOGY OF CLOSELY RELATED LANGUAGES

Summary

The typological approach to the study of genetically related languages involves a re-statement of the notion of «type». Traditionally the typological comparison (e. g. in the morphological classification) was based on one parameter which implicitly reflected relationships among linguistic levels. In case of structurally remote languages this was considered sufficient for grouping of languages into respective «types».

In case of such closely related languages as those of the Slavic group there would be no appreciable diversity when compared by a single criterion; in terms of the traditional morphological classification only Bulgarian would stand apart, all the rest of the Slavic languages remaining indistinguishable.

Thus the need arises for an elaboration of the techniques of comparison. With this aim in view the present paper attempts to introduce a multi-faceted scale of comparison by means of several typological indices. Thus each language would be characterized by its location in a multi-coordinate linguistic space.

It is assumed that such a procedure must be carried out for each linguistic level separately with a subsequent of statement inter-level relationships (e. g. the explication of the correlation between the distributional properties of the phonological units and the number of different distinctive units on the morphological level).

The idea of a multi-index classification is being applied to phonological structures of Slavic languages. The typological model used is the one developed by R. O. Jakobson et al. Certain modifications both in the inventory of distinctive features and their interpretation have been introduced. Two idealised systems (the logical sum and the logical multiplication of the phoneme inventories) have been introduced to delimit the linguistic space in which the languages are localized.

The procedure of classification is based on quantitative indices which reflect expansions of the invariant kernel model when applied to concrete Slavic languages. These criteria refer to: a) the composition of models in terms of phonemic inventories and to the distributional pattern of phonemes; b) the «complexity» of models. This parameter is calculated as a number of discrete steps from the idealized kernel model to concrete language models; c) the functional load of a model and its elements.

An exhaustive typological description of languages represented by models can be obtained if analogous procedures are carried out for several model representations and if an adequate linguistic interpretation is supplied.

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
ДОКЛАДЫ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
V Международной съезд славистов
(София, сентябрь 1963)

И. А. Мельчук

АВТОМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТОВ
(на материале русского языка)

§ 1

1. Мы начнем с некоторых необходимых разъяснений относительно самого термина «автоматический анализ».

а) Под *анализом* мы будем понимать такую обработку текста на естественном языке, которая осуществляется в соответствии с заданной инструкцией, *использующей заранее собранные сведения об этом языке*, и в результате которой тексту ставится в соответствие особая характеристика, явным и однозначным образом изображающая его смысл. Таким образом, анализ понимается как переход от графической формы текста к его смыслу, выполняемый по строгим правилам на базе всех необходимых данных о рассматриваемом языке. От анализа предлагается отличать *исследование* — обработку текстов, целью которой является получение неизвестных нам сведений о языке этих текстов и построение инструкции для их анализа. Исследование можно уподобить изучению языка, иностранного или родного, а анализ — использованию известного языка в процессе чтения или слушания для понимания текста. Во всем последующем изложении термин «анализ» употребляется только в значении «переход от текста к смыслу по заданным правилам»; это следует постоянно иметь в виду — тем более, что в лингвистических работах этот термин очень часто употребляется недифференцированно в обоих указанных смыслах.

б) Определение «автоматический» при слове «анализ» означает, что анализ должен выполняться логическим устройством с конечной памятью — типа современных универсальных электронно-вычислительных цифровых машин (УЭВЦМ). Отсюда следует, что инструкция для анализа обязательно является *алгоритмом* — точным предписанием о выполнении в определенном порядке строго определенных операций.

Итак, *автоматический анализ* — это переход от текста к смыслу, выполняемый логическим устройством по заданному алгоритму; *алгоритм автоматического анализа* — это такая совокупность сведений о языке и правил использования этих сведений, которая достаточна для указанного перехода, т. е. для «понимания» текста; подобный алгоритм является целью и результатом исследований по автоматическому анализу.

2. Принято считать, что смысл текста может быть представлен как совокупность *семантических* элементов (семантем, или референционных значений), связанных определенными *синтаксическими* отношениями. Если исходить из этой точки зрения, то анализ текста должен состоять из семантического анализа (переход от графических единиц текста — словоформ — к семантическим элементам) и синтаксического анализа (определение отношений между семантическими элементами). Однако в данной работе семантический анализ не рассматривается вовсе. Ее основное содержание составляет синтаксический анализ — определение связей между заданными единицами текста (между словоформами и между частями сложных предложений). Кроме того, описывается морфологический анализ, представляющий собой вспомогательный предварительный этап по отношению к синтаксическому анализу. В качестве неразложимых смысловых единиц (семантем) рассматриваются слова-лексемы, что является существенным «огрублением» действительной картины; как показывают соответствующие работы [1], [2]¹, для представления смысла целесообразно использовать небольшое число таких смысловых элементов — «семантических множителей», что значения отдельных слов представляются как комбинации этих множителей. Другими словами, семантические множители должны быть гораздо более элементарны, чем значения слов-лексем. Но так как многие трудности, связанные с выделением и использованием семантических множителей, еще не преодолены, было решено упростить задачу — сосредоточиться исключительно на установлении связей между непосредственно данными единицами текста.

Что значит «установить синтаксические связи между единицами текста (например, между словоформами)»? Мы не можем ответить на этот вопрос строго логически и ограничимся пояснением с помощью примера. Фраза *дицентрическая хромосома, разрываясь в митозах, усугубляет нарушения хромосомного баланса непонятна для неспециалиста*; тем не менее, любой человек, знающий русский язык, может указать, что слово *дицентрическая* определенным образом связано со словом *хромосома*, слово *хромосома* связано с *усугубляет*, а это последнее — со словом *нарушения*; более того, он, по-видимому, скажет, что

---

¹ Здесь и далее указаны порядковые номера списка литературы, данного в конце доклада.

дицентрическая относится к хромосома так же, как хромосомного к баланса и т. д. Можно сослаться также на известные

примеры Л. Щербы — *глокая куздра штето будланула бокра* —

и Р. Карнапа — *Piroten karulieren elatisch*, где смысл — в обычном смысле этого слова — вообще отсутствует, но где носители русского и немецкого языков могут определить связи между словами приблизительно так, как это показано стрелками. Таким образом, установление синтаксических связей — это, по сути дела, знакомый всем со средней школы «разбор предложений». Алгоритм, о котором идет речь, выполняет подобный «разбор», моделируя поведение школьника, который разбирает предложение на уроке русского языка. Желательно, чтобы алгоритм моделировал поведение отличника, т. е. ученика, который в большинстве случаев «разбирает» предложения *правильно* — не вызывая протеста со стороны учителя, хотя точный смысл слова «правильно» (в данном контексте) не известен ни ученику, ни учителю. Другими словами, алгоритм автоматического анализа должен в большинстве предложений устанавливать связи так, чтобы это более или менее соответствовало интуитивным представлениям носителей языка.

Подчеркнем, что исключительно важные и интересные эвристические вопросы типа: «Откуда мы знаем, какая синтаксическая связь установлена правильно, а какая неправильно?», т. е. «Что такое правильные связи в отличие от неправильных?» в данной работе не ставятся вовсе. В качестве основного допущения принимается, что носитель языка (в частности, автор алгоритма) может устанавливать связи между единицами текста таким образом, что в большинстве случаев другие носители языка не будут протестовать. От алгоритма требуется устанавливать связи точно так же, т. е. алгоритм должен последовательно моделировать языковые представления своего автора — независимо от того, «хороши» эти представления или «плохи». Представляется целесообразным строго разграничивать две логически независимые задачи: задачу моделирования совокупности интуитивных представлений и задачу изучения и критики этой совокупности с точки зрения определенных критериев. В настоящей работе рассматривается только первая задача и предлагаемый алгоритм следует оценивать лишь с учетом того, насколько хорошо он моделирует интуицию своего автора

Итак, задача описываемого алгоритма автоматического анализа состоит в том, чтобы установить синтаксические связи между единицами текста — так, как это сделал бы человек — автор алгоритма.

3. Автоматический анализ текстов имеет определенное прикладное значение. Большинство исследователей признает, что

он необходим для автоматического перевода с одних естественных языков на другие или с естественных языков на информационные, для автоматического реферирования, для машинного поиска информации, для речевого управления механизмами и т. д. — короче, для всех случаев, когда логическое устройство (УЭВЦМ) должно перерабатывать текст на естественном языке, руководствуясь данными, которыми оно было снабжено заранее.

Однако в данной работе разработка алгоритма автоматического анализа текстов рассматривается как чисто теоретическая задача, независимая от конкретных целей и конкретных возможностей реализации; требуется лишь, чтобы была обеспечена *принципиальная* возможность реализации. Алгоритм автоматического анализа представляет собой действующую модель языка (в смысле сосюрковского *langue*) — точнее, «анализирующей части» языка, той части, которая при чтении или слушании обеспечивает «понимание» связей между элементами текста. Чрезвычайно существенно, что алгоритм автоматического анализа — это именно *действующая* модель, т. е. что он всегда может быть реализован на любой УЭВЦМ и тогда он должен будет действительно, «на самом деле», определять связи между элементами текста. Основной объект лингвистики — язык — не доступен для непосредственного наблюдения: наблюдаются только результаты функционирования языка, т. е. речь или текст; поэтому создание действующей, экспериментально контролируемой и доступной для непосредственного наблюдения модели языка (части языка) означает для теоретической лингвистики важный шаг вперед. Фактически лингвисты и раньше занимались моделированием языка, стремясь к получению и стандартному оформлению набора сведений о языке, позволяющего анализировать (или синтезировать) тексты на этом языке. Однако лингвисты не всегда достаточно отчетливо осознавали, что именно они делают, а, кроме того, их модели обычно были не действующими. Теперь же появление таких мощных логических устройств, как УЭВЦМ, позволяет перейти к созданию широких действующих моделей языка. Алгоритмы автоматического анализа — это первые опыты разработки таких моделей.

По сути дела, алгоритм автоматического анализа языка — это такое описание² языка (можно сказать и «грамматика языка» или «учебник языка»), которое, хотя во многих отношениях оно не отличается от «обычных» лингвистических описаний, имеет две существенные особенности. Во-первых, у алгоритма есть отчетливо формулируемая «операционная цель» — т. е. алгоритм должен позволять выполнять над текстом точно определенные операции (в нашем случае — это установление синтакси-

---

² В данном абзаце слово «описание» употребляется в обычном нетерминологическом смысле; см. соответствующее уточнение на стр. 500 и сл.

ческих связей), не привлекая никаких добавочных сведений со стороны. «Обычные» лингвистические описания, как правило, не имеют подобной «операционной цели», по крайней мере — сформулированной явно. Во-вторых, алгоритм отличается строгостью и полнотой формулировок, точностью предписаний, абсолютной недвусмысленностью и т. д., причем соблюдение этих требований «контролируется» необходимостью реализации алгоритма на УЭВЦМ.

Изучение и осмысление алгоритмов анализа (и синтеза) в рамках общей лингвистики, а также в связи с частными исследованиями, посвященными конкретным проблемам отдельных языков или групп языков, представляется крайне желательным и даже необходимым.

4. Задача настоящего сообщения — чисто ознакомительная. Мы попытаемся в общих чертах охарактеризовать строение алгоритма автоматического анализа, разработанного для русского языка, и пояснить ряд необходимых понятий и терминов. Описываемый алгоритм не является, разумеется, ни единственно возможным, ни даже оптимальным. Это экспериментальный вариант, работа над которым еще далеко не закончена. Этот факт, а также ограничения времени и места не позволяют нам дать последовательное, строго логическое описание алгоритма. Мы ограничимся указанием на те его особенности, которые представляются наиболее интересными, а может быть, и полезными для «обычной» лингвистики. Более подробные сведения можно найти в работах, специально посвященных алгоритму автоматического анализа русского текста: [3], [4], [5], [6].

§ 2

Прежде чем перейти к описанию алгоритма анализа, введем ряд терминов, с помощью которых мы будем говорить, с одной стороны, об анализируемом тексте, а с другой — об анализирующем алгоритме. Кроме того, мы кратко охарактеризуем общее строение алгоритма.

1. В данной работе речь идет исключительно о *письменном тексте*, т. е. о той графической форме речи, которая принята в данном языковом коллективе в силу ряда соглашений (касающихся графики, орфографии, пунктуации и т. д.). В дальнейшем это больше не оговаривается, однако все утверждения об объектах текста, о единицах анализа и т. п. имеют в виду именно графические формы.

В тексте различаются три типа объектов: *словоформы, сегменты, фразы*. Эти объекты могут быть *исходными* (гипотетическими) или *окончательными* (приведенными). *Исходные объекты* «нагрубо» выделяются в тексте вспомогательными алгоритмами на основе простых и однозначных примет и являются «полуфабрикатом» для алгоритма анализа. *Окончательные объекты*

являются «продукцией» алгоритма анализа, результатом его применения к исходным объектам.

Исходная словоформа — это либо знак препинания, либо последовательность букв, ограниченная пробелами или знаками препинания. Исходный сегмент — это последовательность словоформ, ограниченная знаками препинания (кроме дефиса, апострофа, звездочки и некоторых других) или союзами, перед которыми может не быть запятой (для русского языка — это *и*, *или*). Исходная фраза — это последовательность сегментов, ограниченная точками или другими «точечными» знаками (1//?//...). Исходные объекты могут не соответствовать тем отрезкам текста, которые интуитивно признаются «правильными», а представлять собой незаконченные или даже бессмысленные отрывки. Однако с исходных объектов анализ только начинается; в ходе анализа определенные исходные объекты «сливаются» в окончательные, или приведенные, которые должны соответствовать интуитивно выделяемым отрезкам текста. Окончательная словоформа — это аналог слова или фразеологического эквивалента слова; «окончательный сегмент» — это общее название для простых предложений, распространенных определительных и деепричастных оборотов (т. е. для высказываний с полной или частичной предикативностью); окончательная фраза соответствует полному предложению.

Приведем пример. В следующем отрывке текста:

I

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10
 . Так как подобный шток не годится ни для какого ци-

II III IV

11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22
 лindra | , схема | , изображенная на рис | . 4 | , должна быть

V

23 24
 заменена другой.

содержится 24 исходных словоформы, 5 исходных сегментов (римские цифры) и 2 исходных фразы (первая — от начала и до слова *рис.*, вторая — от 4 и до конца). Вот этот же отрывок, записанный в терминах окончательных объектов:

1 2 3 4 5 6 7

I. *так как подобный шток негодится для никакого цилиндра

8 9 10 11 12

II. *схема должна быть заменена другой

13 14 15 16

III. *изображенная на рисунке 4

В отрывке 16 окончательных словоформ, 3 окончательных сегмента и одна окончательная фраза.

2. В анализирующем алгоритме последовательно различаются таблицы, содержащие все необходимые данные о том или ином

конкретном языке, и *собственно алгоритмы*, представляющие собой инструкции по обращению с таблицами данной формы.

Таблицы — это своеобразные словари, т. е. перечни, где собраны элементарные единицы рассматриваемого языка (элементы текстовых объектов): *морфы* для морфологического анализа, *синтагмы* и другие «содержательные сочетания» — для синтаксического анализа. Идея словарно-табличного представления данных о языке отнюдь не нова. «Лексические» словари применяются в течение нескольких столетий; давно существуют и словари фразеологизмов; известны также «морфологические» словари — сведенные в таблицы перечни аффиксов того или иного языка (правда, такие таблицы обычно применяются как вспомогательное средство наряду с «обычным» изложением). Оставалось сделать еще один шаг и создать словари элементарных синтаксических конструкций.

В 1954 г. В. Ингве высказал идею создания словаря элементарных синтаксических конструкций для целей МП, дал пример выдержки из такого немецко-английского словаря и описал способ его использования [9]. Мысль Ингве была подхвачена рядом исследователей. Синтаксические словари были применены в алгоритмах МП за рубежом Харпером и Хейсом, Корбе и Табари, группой японских ученых, а в СССР — Т. Н. Мошной.

В настоящей работе основное внимание было обращено на то, чтобы провести указанную идею совершенно последовательно и собрать все сведения о конкретном языке в таблицах стандартной формы, не зависящей от языка (точно так же, как не зависит от языка форма алфавитного словаря, — она одинакова для всех языков с алфавитной письменностью). В первом приближении это и было выполнено в рассматриваемом алгоритме анализа (об устройстве упомянутых таблиц см. ниже, §§ 3 и 4).

Собственно алгоритм — это инструкция по обращению с таблицами стандартной формы. Она не зависит от языка, а зависит только от формы таблиц. Поэтому собственно алгоритм морфологического или синтаксического анализа одинаков для всех привлекаемых языков — при условии, что конкретные данные этих языков собраны в таблицах стандартной формы (аналогичным образом одинакова для всех языков инструкция по обращению с алфавитными словарями).

Собственно алгоритм записывается в терминах небольшого числа заранее фиксированных стандартных операций. Эти операции реализуются так называемыми стандартными алгоритмическими операторами (САО), которые представляют собой небольшие алгоритмы, состоящие из более элементарных операций и используемые как стандартные «узлы», или «блоки» при «сборке» алгоритмов анализа. Идея операторной записи алгоритмов анализа была выдвинута О. С. Кулагиной; она же предложила первый набор операторов для таких алгоритмов [10]. САО,

применяемые в описываемом алгоритме, построены на базе операторов Кулагиной и сводимы к ним. Всего в настоящее время используется около 30 САО (плюс их модификации) [6], [7], [8].

Набор САО входит в состав формальной системы для записи алгоритмов автоматического анализа языковых текстов, которую предлагается назвать ЛИНГВАЛ («ЛИНГВистические АЛгоритмы»). Кроме САО, ЛИНГВАЛ включает в себя:

- 1) символику для записи САО и их параметров,
- 2) символику для обозначения текстовых объектов и элементов этих объектов,
- 3) правила нумерации объектов и элементов и правила «обращения» к ним,
- 4) правила стандартного оформления содержательных пояснений к алгоритму.

3. Все те свойства текстовых объектов и собранных в таблицах алгоритма элементов этих объектов, которые нужны для автоматического анализа, представляются посредством *информаций*. Информация — это цепочка признаков, каждый из которых способен принимать определенные значения. Информация напоминает анкету; признаки, или графы информации, суть не что иное, как вопросы анкеты, а значения этих признаков — ответы на эти вопросы. Указанные признаки представляют собой различительные (дифференциальные) признаки текстовых объектов и их элементов. В основном это синтаксические различительные признаки (в логическом отношении аналогичные различительным признакам фонем у Р. Якобсона и его соавторов [11], [12], [13]).

Часть информации (несколько из составляющих информацию признаков) называется *фрагментом*; фрагмент задается парами символов (или двумя цепочками символов) — названия признаков/значения признаков. Применение фрагментов обеспечивает «скользящую» классификацию: определенные объекты по одному фрагменту, т. е. по одной группе признаков, могут входить в один класс, а по другому фрагменту — быть в разных классах.

В лингвистике обычно стремятся к единой классификации — к разбиению совокупности словоформ на непересекающиеся классы. В описываемом алгоритме принят иной подход: вместо одного признака класса объекту приписывается информация, т. е. целый ряд признаков, характеризующих объект со всех нужных сторон. Это значит, что применяется одновременно много классификаций — по многим признакам. Разные группировки объектов можно получать, используя разные комбинации признаков, т. е. разные фрагменты. Когда требуется определить класс объектов, к которым применимо то или иное правило, этот класс задается соответствующим фрагментом. Схематично это выглядит приблизительно так: «Данное правило охватывает

те информации, у которых в графах x , y и z стоят соответственно 1, 1 и 0».

Такую классификацию мы и называем «скользящей». При «скользящей» классификации задача классифицирования сводится к составлению хорошей «анкеты», т. е. к выделению признаков, необходимых для определенной цели (в нашем случае, для синтаксического анализа), и к определению круга возможных значений этих признаков.

§ 3

В процессе автоматического анализа синтаксическому анализу предшествует морфологический. §§ 3 и 4 посвящены каждый одному из этих этапов автоматического анализа.

1. Под морфологическим анализом понимается анализ отдельно взятых словоформ с целью получения всей той информации к этим словоформам, которая может быть получена без обращения к более широкому контексту и которая нужна для последующего анализа. Термин «морфологический» употребляется здесь в смысле «не выходящий за пределы словоформы».

Подчеркнем, что существеннейшей особенностью морфологического анализа является переход от принятой в данном языке условной графической формы языковых элементов к информации, представляющим в явной и удобной форме свойства этих элементов. Объектом морфологического анализа являются цепочки графических символов, а результатом — информации об этих цепочках. Морфологический анализ как переход от дифференциального, т. е. графического или фонетического, уровня языка к его смысловым уровням обязателен для любого языка — независимо от характера этого языка и его письменности, в том числе — и для языков, где не существует «морфологии» в обычном смысле этого слова (т. е. склонения и спряжения — как, например, в изолирующих языках). Поэтому сам термин «морфологический анализ» представляется не очень удачным; возможно, было бы правильнее говорить о «переходе к смысловым уровням» и отмечать, что при этом в некоторых языках удобным промежуточным звеном является словоформа.

За годы существования машинного перевода (с 1950 г.) создано много алгоритмов морфологического анализа для различных языков. Возникает задача — учитывая накопленный опыт, разработать *общую схему* морфологического анализа для ряда языков. Такая схема представляет собой алгоритм морфологического анализа для воображаемого языка, где объединены все морфологические явления привлекаемых к рассмотрению языков. Этот алгоритм должен предусматривать все логические возможности, с которыми могут встретиться конкретные алгоритмы автоматического анализа в области морфологии (стрессения словсформ).

Общий алгоритм морфологического анализа был разработан для префиксально-суффиксальных языков — типа индоевропейских, тюркских, угро-финских — и проверен в основном на материале русского языка.

2. Грубо говоря, морфологический анализ состоит в следующем: а) разрезать словоформу на некие части, называемые *морфами*; б) отыскать все морфы в специальном списке, где каждой морфе приписана определенная информация; в) из информаций к морфам построить информацию к словоформе. Перечисленные здесь операции являются не последовательными этапами, а различными аспектами единого процесса морфологического анализа.

Единицами морфологического анализа, т. е. элементами, на которые члениятся словоформы, являются *морфы*. Морфы — это такие части словоформы, которым удобно приписать часть информации к словоформе. Строго определить морфы мы не можем; для алгоритма они выделяются эмпирически и задаются списком. Представляется вероятной следующая гипотеза: интуитивно воспринимаются как морфы и традиционно считаются таковыми те части словоформ, которые обеспечивают максимальную компактность всей системы морфологического анализа. Эту гипотезу можно рассматривать как определение морфы, хотя и неконструктивное; на ее базе можно построить алгоритм выделения морф, который будет строгим конструктивным определением морфы. Это, однако, лежит вне рамок нашей работы.

Между морфами и приписываемыми им информациями нет взаимнооднозначного соответствия: с одной стороны, разным морфам может быть приписана одна и та же информация, с другой — морфы, которым приписаны разные информации, могут графически совпадать либо полностью (*омонимия* морф), либо частично (*вложение* морф). Совокупность морф, которым приписана одинаковая информация, называется *морфемой*.

Морфы делятся на *основы* и *аффиксы*.

Термины «основа» и «аффикс» употребляются здесь не в их традиционном значении. Принятое в лингвистике различение корней, основ, корневых основ и т. д. является несущественным для наших целей и все это покрывается общим термином «основа». В рамках данного алгоритма основы считаются далее неразложимыми, хотя они могут быть исторически сложными, причем эта «сложность» может даже ощущаться говорящими. Так, основы *вкус-* и *укус-* считаются простыми морфами. Можно указать следующие свойства основ:

1) в любой словоформе есть хотя бы одна основа (может быть и более),

2) основы составляют подавляющее большинство морф; их число — порядка нескольких десятков или даже сотен тысяч,

3) одна и та же основа встречается в сравнительно небольшом числе различных словоформ — от одной до нескольких десятков,

4) от основы в общую информацию к словоформе поступают значения большинства признаков, составляющих эту информацию.

Морфы, не являющиеся основами, называются аффиксами. Аффиксы, которые встречаются только перед основами, называются *префиксами*; аффиксы, которые встречаются только позади основ, называются *суффиксами*. Таким образом, суффиксами считаются не только словообразовательные морфы, но и так называемые «тематические гласные», «соединительные звуки», флексии и т. д.

Свойства аффиксов в некотором смысле противоположны свойствам основ:

1) аффиксы встречаются не во всех словоформах,

2) аффиксы составляют меньшинство морф; их число не превосходит несколько сот,

3) один и тот же аффикс встречается в сравнительно большом числе различных словоформ — от нескольких десятков до нескольких тысяч или десятков тысяч, но никогда не менее, чем в двух словоформах (основа может встречаться и в одной словоформе, совпадая с ней),

4) от аффикса в общую информацию к словоформе поступают значения меньшинства признаков, составляющих эту информацию.

В связи с многочисленностью основ поиск в словаре основ представляет собой в достаточной степени самостоятельную задачу, и в техническом отношении удобно разделить алгоритм морфологического анализа на два: «Поиск в словаре основ» (куда включается и отсечение префиксов) и «Собственно морфологический анализ». Ниже идет речь именно о последнем: мы будем иметь в виду морфологический анализ с того момента, когда от словоформы отсечены префиксы и одна основа, и считать, что мы располагаем информацией к отсеченной основе и к префиксам (если они были). Строение словаря основ не рассматривается, тем более, что оно в общих чертах совпадает со строением таблиц суффиксов, к рассмотрению которых мы и переходим.

3. Как уже говорилось, каждому суффиксу приписывается *основная информация* — указания о том, что должно быть записано в общую информацию к словоформе. Кроме того, суффиксам приписывается *вспомогательная информация*, помогающая различать совпадающие суффиксы, — указания об условиях, которые должны выполняться в пределах словоформы, чтобы данный суффикс мог быть отсечен.

Вместе с основной и вспомогательной информацией суффиксы записаны в таблице стандартной формы. Строка этой таблицы

делится на пять частей. В части I помещается порядковый номер строки; в части II — суффикс, а в частях III и IV — вспомогательная и основная информация к нему; часть V отведена для так называемой «переадресации» — для указания дальнейших действий, которые должны выполняться после отсечения данного суффикса.

Основные информации, приписанные суффиксам, оказалось удобным собрать в отдельную таблицу, а в таблице суффиксов помещать только «адрес» основной информации суффикса — номер соответствующей строки в таблице основных информации. В тех случаях, когда по каким-либо причинам всю основную информацию не удастся записать в стандартной табличной форме, основная информация или ее часть оформляется в виде отдельного небольшого алгоритма, построенного из нескольких (обычно два-три) стандартных операторов (см. о CAO, стр. 483—484). Эти алгоритмы называются «дополнительными операторами». При суффиксах, там, где это необходимо, дается номер соответствующего «дополнительного оператора».

Имеется, наконец, еще одна таблица, где перечисляются типы словоформ, которые образованы от разных основ, но полностью совпадают, причем от тех же самых основ образуются и различающиеся словоформы, например, *начала* от *начал* («начало») и *нача* («начать») при *началом* и *начали* и т. д. Эта таблица нужна для выявления омонимичных словоформ, которые в ходе морфологического анализа не могут быть проанализированы однозначно, и для отсылки их к соответствующим «местам» синтаксического анализа.

Итак, при морфологическом анализе используется четыре таблицы: таблица суффиксов, таблица основных информации к суффиксам, таблица дополнительных операторов и таблица типов омонимичных словоформ³. Все эти таблицы имеют стандартную форму, не зависящую от языка и поэтому универсальную (в пределах языков указанного типа, см. стр. 486).

4. Собственно алгоритм морфологического анализа является инструкцией по обращению с перечисленными таблицами. Эта инструкция зависит только от формы данных таблиц, но не от их содержания. Собственно алгоритм построен из CAO и состоит из восьми разделов.

В разделе I выбирается последовательность действий — определяется, нужна ли обработка для данной словоформы, и если да, то какая именно (например, для неизменяемых слов никакой морфологической обработки не требуется).

В разделе II происходит поиск очередного суффикса в таблице суффиксов, т. е. отыскивается суффикс, целиком вклады-

---

³ Для ряда языков необходима еще вспомогательная таблица типов чередования.

вающийся слева направо в остаток обрабатываемой словоформы.

Раздел III предназначен для разбора различных случаев совпадения суффиксов; именно здесь используется вспомогательная информация к суффиксам.

В разделе IV осуществляется перенос основной информации к найденному суффиксу в информацию к обрабатываемой словоформе.

Раздел V определяет дальнейшую последовательность действий после того, как очередной суффикс был отсечен, а вся информация от него была перенесена в информацию к обрабатываемой основе.

Раздел VI нужен для случаев совпадения основ, когда основа, ошибочно выбранная для данной словоформы, должна быть заменена другой.

В разделе VII выполняется разбор сложных слов (отсекается очередная основа сложного слова).

И, наконец, в разделе VIII разбираются случаи вложения суффиксов в очередную основу сложного слова.

Для каждого раздела определено его внутреннее строение, предусматривающее максимум логических возможностей. При приспособлении общей схемы к тому или иному конкретному языку это строение может упрощаться.

Необходимо особо подчеркнуть, что описанное здесь логическое строение собственно алгоритма морфологического анализа связано с тем, что в основу анализа положен следующий принцип: на каждом шаге добиваться получения информации, правильной настолько, насколько это возможно в данный момент. Вся полученная ранее информация существенным образом используется для очередного шага; допущенные ошибки должны исправляться сразу, когда они становятся явными, а их исправление — возможным. Именно такой подход и обусловил фактическое устройство алгоритма морфологического анализа. Однако возможен и другой подход: сначала разрезать словоформу на морфы всеми возможными способами, не обращаясь к информации, которые приписаны морфам; затем, сопоставляя информации к морфам, выбрать такое разрезание (или такие разрезания), где информации к морфам не противоречат друг другу (с точки зрения определенных правил). Вопрос о том, какой подход лучше и с какой точки зрения, остается открытым. Представляется целесообразным комбинирование обоих подходов; впрочем, пока неясно, как именно оно может быть осуществлено. В описываемом алгоритме анализа применен в основном первый подход («максимум правильного в каждый данный момент»). Однако при синтаксическом анализе, на этапе межсегментного анализа, оказалось более удобным применить второй подход («сначала все возможные разрезания, потом выбор правильных»); см. стр. 498.

1. Под синтаксическим анализом понимается вся совокупность операций, следующих за морфологическим анализом и необходимых для установления синтаксических связей между объектами текста. Существенной особенностью синтаксического анализа является то, что он имеет дело не с реальным текстом, а с последовательностью информации, заменивших объекты текста в результате морфологического анализа. Максимальным отрезком текста, который рассматривается при синтаксическом анализе, является фраза. Связи между фразами в настоящее время не учитываются.

Перед алгоритмом синтаксического анализа стоят две основные задачи. Более важная из них — это определение синтаксической структуры текста. Здесь легко выделяются следующие частные задачи:

- 1) расчленение фраз на части (простые предложения, деепричастные обороты и т. д.),
- 2) различение синтаксической омонимии,
- 3) определение связей между словоформами и между частями сложных предложений,
- 4) выявление и обработка фразеологизмов и т. д.

Однако перечисленные задачи — это отнюдь не отдельные этапы, а стороны единого процесса. Пути к решению этих частных задач тесно переплетены. Благодаря применению конфигураций (поисковых правил шаблонной формы) эти задачи решаются одинаковым образом и с помощью одного и того же алгоритма.

Вторая задача алгоритма синтаксического анализа состоит в «восстановлении» сокращенных высказываний разного рода: обнаружение «подразумеваемых» элементов различных эллиптических конструкций, а также отыскание антецедентов местоимений. Однако описываемый алгоритм решает пока только первую задачу, и именно о ней пойдет речь ниже.

2. Описание алгоритма синтаксического анализа мы начнем с изложения *способа изображения* синтаксической структуры текста (*способу обнаружения* синтаксической структуры посвящаются остальные пункты данного параграфа).

Для изображения связей между словоформами и между окончательными сегментами используется тридцать одно бинарное отношение. Эти отношения называются отношениями непосредственной доминации. Один из членов отношения НД считается главным («хозяином»), а другой — зависимым («служгой»). Внутри окончательного сегмента все словоформы должны иметь «хозяев» — кроме сказуемого, которое считается «вершиной» предложения; в сложном предложении все окончательные сегменты также должны иметь «хозяев» — кроме главного предложения, которое также считается «вершиной» (фразы). Каж-

дая словоформа может иметь только одного «хозяина» (другую словоформу), но несколько «слуг» — словоформ; кроме того, словоформа может иметь одного «служу» — сегмент (предложение). Каждый сегмент может иметь либо одного «хозяина» — другой сегмент, либо двух «хозяев» обязательно разного уровня: одного «хозяина» — сегмент, а другого «хозяина» — словоформу в этом сегменте; сегмент также может иметь несколько «слуг» — сегментов («слуг» — словоформ сегмент не имеет). Отношения НД в содержательной записи изображаются нумерованными стрелками, направленными от «хозяина» к «слуге»; в формальной записи «службе» приписывается порядковый номер «хозяина» и номер отношения НД, связывающего «хозяина» со «службой».

Условности, принятые для изображения связей между элементами русского текста с помощью введенных ОНД, здесь не рассматриваются. Некоторые из них, однако, будут ясны из приводимого ниже списка всех ОНД:

1. Предикативное (*происходит совмещение, процесс окончен, естественно предположить, требовалось выяснить*).
2. 1-е объектное (*решать задачу, хранение информации, принадлежащий к множеству, избегает ошибок*).
3. 2-е объектное (*приписать букве индекс, сведение вычисления к сложениям*).
4. 3-е объектное (*перевод текста с английского на русский язык, сравнить самолет с ракетой по скорости*).
5. Определительное (*обычная запись, вычислительный процесс, действовать машинально, чисто автоматически*).
6. Указательное (*этот человек, тех решений*).
7. Притяжательное (*орудие вычислителя, их возможности*).
8. Кванторное (*все данные, любая буква, некоторые процессы*).
9. Общеквалификативное (*такие таблицы, такой подход*).
10. Порядковое (*первое слово, шестая строка, XX век, 1953 год*).
11. Количественное (*пять страниц, трем отделам, из ста восьми шагов, много способов, сколько тактов*).

12. Агентивное (решено ^{12₁}машиной, ^{12₁ 2₁}исполнение ^{12₁}романса ^{12₁}певицей, ^{12₁}вычисляется алгоритмом, ^{12₁}наше ^{12₁}отставание, ^{12₁}его ^{12₁}полет).

13. Субстантивно-аттрибутивное (^{13₁}отверстие ^{13₁}диаметром ^{13₁}6 мм, ^{13₁}столб ^{13₁}высотой ^{13₁}2R, ^{13₁}такого ^{13₁}рода ^{13₁}утверждение).

14. Партитивное (блок ^{14₁}устройства, ^{14₁}элемент ^{14₁}множества).

15. Общегенитивное (^{15₁}лист ^{15₁}бумаги, ^{15₁}пример ^{15₁}алгоритма, ^{15₁}понятие ^{15₁}алгебры, ^{15₁}преимущество ^{15₁}метода).

16. Обстоятельственное (^{16₁}находиться ^{16₁}позади ^{16₁}барьера, ^{16₁}квadrat ^{16₁}слева, ^{16₁}цифра ^{16₁}записана ^{16₁}на ^{16₁}ленте, ^{16₁}подается ^{16₁}для ^{16₁}реализации, ^{16₁}однако ^{16₁}выяснилось).

17. Субъектно-копредикативное (^{17₁}вернулся ^{17₁}усталым, ^{17₁}умер ^{17₁}стариком).

18. Объектно-копредикативное (^{18₁}нашли ^{18₁}его ^{18₁}усталым).

19. Аппозитивное (^{19₁}угол ^{19₁}ABC, ^{19₁}раздел ^{19₁}I2, ^{19₁}часть ^{19₁}Г).

20. Сравнительное (^{20₁}сильнее ^{20₁}первого ^{20₁}мотора, ^{20₁}более ^{20₁}низкий, ^{20₁}чем ^{20₁}стержень ^{20₁}C₂).

21. Элективное (^{21₁}каждый ^{21₁}из ^{21₁}разрядов, ^{21₁}две ^{21₁}из ^{21₁}колонок, ^{21₁}многие ^{21₁}из ^{21₁}иероглифов).

22. 1-е присвязочное (^{22₁}будет ^{22₁}полным, ^{22₁}этот ^{22₁}четыреугольник ^{22₁}есть ^{22₁}квадрат, ^{22₁}являющиеся ^{22₁}достаточными).

23. 2-е присвязочное (бывают ^{23₁}трех ^{23₁}типов, ^{23₁}могут ^{23₁}быть ^{23₁}следующего ^{23₁}рода).

24. 1-е вспомогательное, или **служебное** (^{24₁}более ^{24₁}четкий, ^{24₁}самые ^{24₁}полные, ^{24₁}не ^{24₁}получил, ^{24₁}выделил ^{24₁}бы).

25. 2-е вспомогательное (^{25₁}сорок ^{25₁}три, ^{25₁}стремиться ^{25₁}к ^{25₁}нулю, ^{25₁}физика ^{25₁}и ^{25₁}математика).

26. 3-е вспомогательное, или **отпредложное** (^{26₁}без ^{26₁}двигателя, ^{26₁}несмотря ^{26₁}на ^{26₁}отказ).

27. Ограничительное (хотя бы один, только числа, лишь законченные работы).

28. Однородное (операции и константы, целые или нецелые числа; нумеруются, но не сдвигаются).

29. Квазиоднородное (общая функциональная схема, обычного графического изображения).

30. Отсоюзное (как выход, как для решения).

31. Сопоставительное (чем дальше, тем сильнее).

Приведенный набор отношений НД не является окончательным ни в смысле состава, ни в смысле названий самих отношений НД. Однако указанных отношений, по всей видимости, достаточно для изображения синтаксических связей в русском тексте, а, возможно, и в тексте на других языках (хотя все названные отношения НД отнюдь не являются необходимыми: среди них есть явно избыточные, введенные для удобства составителя и читателей алгоритма).

Заметим также, что в русском тексте возможны случаи, когда с помощью отношений НД (при принятых соглашениях относительно их использования) невозможно однозначно изобразить син-

таксическую структуру текста, например: задачи и методы науки, где единственной расстановке стрелок соответствуют два различных понимания — задачи и (методы науки) или (задачи и методы науки); этим двум различным пониманиям соответствуют два различных перевода, например, на венгерский язык. В подобных случаях (которые подробно здесь не рассматриваются) предлагается применять скобочную запись.

Приведем пример изображения синтаксической структуры текста с помощью отношений НД:

Продолжим указанный процесс разложения построенных квадратов на четыре равных квадрата неограниченно.

Именно такое изображение структуры должно получаться в результате работы рассматриваемого алгоритма.

3. Основными единицами синтаксического анализа являются так называемые «содержательные сочетания» — определенные сочетания информации к словоформам и сегментам. Мы не можем дать строгого определения содержательным сочетаниям; для алгоритма они задаются списком. Различается семь типов содержа-

тельных сочетаний. Каждому типу соответствует свой характер обработки членов сочетания, после того как оно найдено в тексте.

1) Важнейшим содержательным сочетанием является *синтагма* — класс двучленных сочетаний словоформ или сегментов, имеющих одинаковое грамматическое строение. Аналогично морфе, синтагма — это часть фразы, которой удобно приписать часть синтаксической структуры фразы, а именно — одно отношение НД. Однако между синтагмами и отношениями НД в описываемом алгоритме нет взаимооднозначного соответствия. Разным синтагмам может соответствовать одно и то же отношение НД: например, синтагмам «переходный глагол + существительное в винительном падеже — в любом порядке» (*видим цель*), «отглагольное существительное от переходного глагола + существительное в родительном падеже — в прямом порядке» (*рассмотрение целей*), «слово типа x_j , требующее предлога y_i + существительное с предлогом y_j — в любом порядке» (*стремиться к цели*) и т. д. соответствует одно отношение НД: «1-е объектное». И обратно: синтагмы, соответствующие разным отношениям НД, могут совпадать; например, «1-е объектное», «2-е объектное» и «3-е объектное» отношения НД выражаются совпадающими по форме синтагмами «слово типа x_j , требующее предлога (или падежа) y_j + существительное с предлогом (или в падеже) y_j — в любом порядке». Совокупность синтагм, выражающих одно и то же отношение НД, называется *синтагмой* (по аналогии с морфами и морфемами). Обработка найденной синтагмы заключается в основном в установлении отношения НД между ее членами, т. е. в постановке нумерованной стрелки.

2) *Фразеологизм* — класс грамматически одинаково построенных словосочетаний, имеющих такие синтаксические особенности, которые не могут быть выведены из информации к членам сочетания с помощью достаточно простых и общих правил. Обработка найденного фразеологизма заключается в том, что информации к членам сочетания стираются и заменяются одной результирующей информацией, которая хранится в словаре основ — при основе одного из членов данного фразеологического сочетания. Пример фразеологизма: «прилагательное типа z + предлог v — в обратном порядке» (*в общем, в целом, в среднем, в основном*).

3) *Суперсинтагмы* — образования, промежуточные между синтагмами и фразеологизмами и представляющие собой класс одинаково построенных грамматических словосочетаний словоформ, связанных отношениями НД, причем само грамматическое строение сочетания имеет лексическое (или референционное) значение, т. е. является семантемой. Поэтому обработка суперсинтагм состоит, с одной стороны, в добавлении новой информации, которая представляет в явной форме «конструктивное значение» суперсинтагмы, а с другой — в расстановке нумерованных стрелок между всеми членами суперсинтагмы (включая

добавочную информацию). Пример суперсинтагмы: «инфинитив с отрицанием *не* + существительное в дательном падеже — в любом порядке» с добавочной информацией «глагол *мочь* с отрицанием *не* в будущем времени» (*нам самостоятельно не найти решения* → **мы самостоятельно не сможем найти решение*).

Другими содержательными сочетаниями, на которых мы не будем останавливаться подробно, являются 4) *аналитические формы* (*будут видеть, более полный*), 5) *ключевые контексты* (классы типовых сочетаний омонимичных словоформ со словоформами, помогающими различить омонимию), 6) классы сочетаний исходных сегментов (редко — словоформ), являющихся частями одного и того же окончательного сегмента (соответственно словоформы), 7) разного рода вспомогательные сочетания.

Каждому содержательному сочетанию ставится в соответствие указание об обработке, которой должны подвергнуться члены сочетания, обнаруженные в тексте. Это указание является *основной информацией* к содержательным сочетаниям.

Кроме того, содержательные сочетания снабжаются *вспомогательной информацией*. Дело в том, что содержательное сочетание представляет собой условия, *необходимые*, чтобы определенные словоформы (или сегменты) в тексте были непосредственно связаны; однако эти условия *недостаточны*; возможна, например, ситуация, когда две словоформы, которые соответствуют определенной синтагме, т. е., вообще говоря, могут быть непосредственно связаны, в данном контексте непосредственно не связаны (ср. подчеркнутые словоформы в отрывке... *указанный метод правильного счета, как оказывается, не обеспечивает...*). Другими словами, подобно морфам, все содержательные сочетания могут полностью или частично совпадать друг с другом. Поэтому для правильного «разрезания» текста на содержательные сочетания каждому содержательному сочетанию приписывается указание об условиях, которые должны выполняться в анализируемой фразе для того, чтобы словоформы (или сегменты), которые соответствуют данному сочетанию и могут быть непосредственно связаны, были действительно связаны. Это указание и есть вспомогательная информация. Ср. основную и вспомогательную информацию к морфам, стр. 487.

4. Для целей «разрезания» текста все содержательные сочетания, независимо от различий между ними, удобно записывать в единой стандартной форме. Выражения, записанные в такой форме, мы называем *конфигурациями*.

Конфигурация представляет собой строку, разделенную на пять частей. В части I помещается порядковый номер конфигурации. В части II записывается содержательное сочетание, в части III — вспомогательная информация к нему, а в части IV — основная информация. Часть V отводится под «переадресацию» — туда записываются номера конфигураций, к которым следует

переходить после данной⁴. Таким образом, конфигурации представляют собой поисковые правила стандартной формы, специально приспособленной для отыскания в тексте заданного сочетания информаций при заданных условиях с последующей переработкой найденного сочетания и с «переадресацией» обработанной информации (информаций) к новой конфигурации.

В форме конфигураций могут быть записаны все содержательные сочетания данного языка — т. е. все основные сведения, необходимые для автоматического синтаксического анализа. Конфигурации сводятся в таблицу стандартной формы, представляющую своеобразный «фразеологическо-синтаксический» словарь языка.

Собственно алгоритм синтаксического анализа — это инструкция по использованию подобного словаря, которая зависит только от его формы. Поскольку форма конфигурации не зависит от конкретного языка, то эта форма и собственно алгоритм синтаксического анализа универсальны, т. е. одинаковы для любого языка. Их можно рассматривать как общую схему алгоритмов синтаксического анализа. При переходе от языка к языку меняется только заполнение таблиц конфигураций.

В ряде случаев указания об обработке тех или иных особенностей русского языка не удается записать в стандартной форме конфигураций. Тогда эти указания (как и в морфологическом анализе, см. стр. 488) оформляются в виде отдельных алгоритмов, которые составляются из САО и называются «дополнительными операторами». Номера нужных дополнительных операторов помещаются в соответствующие графы таблицы конфигураций, и собственно алгоритм обращается к дополнительным операторам по этим номерам в ходе работы с определенными конфигурациями. Для каждого языка необходим свой особый набор дополнительных операторов.

В дальнейшем предполагается существенно сократить число и объем дополнительных операторов за счет улучшения формы таблицы конфигураций — добавления новых граф, а также за счет введения ряда новых конфигураций.

5. Синтаксический анализ разделяется на два этапа — *внутри-сегментный* и *межсегментный* анализ.

Внутрисегментный анализ проводится для каждого исходного сегмента отдельно, не выходя за его пределы. В исходном сегменте две связанные словоформы не могут быть разделены целыми предложениями, что возможно во фразе; кроме того, в исходном сегменте нет однородных членов. Поэтому синтаксическое строение исходного сегмента проще, чем строение целой фразы. Для исходного сегмента легче перечислить все условия, выполнение которых необходимо для синтаксической

---

⁴ Напомним, что аналогичное строение имеет строка таблицы суффиксов в морфологическом анализе, стр. 488.

связанности определенных словоформ. Поэтому исходный сегмент используется как удобное промежуточное звено синтаксического анализа.

Однако в ряде случаев связанные словоформы находятся в разных исходных сегментах, и поэтому многие синтаксические связи не могут быть установлены при внутрисегментном анализе. Во всех таких случаях вырабатываются специальные указания — «φ-признаки», поступающие в информацию к исходному сегменту. φ-признаки гласят, что в данном сегменте либо осталась не имеющая «хозяйина» словоформа определенного типа, либо, наоборот, для некоторой словоформы не хватило «слуги» определенного типа. Таким образом, φ-признаки — это указания об «избытке» или «нехватке» в данном исходном сегменте словоформ определенного типа.

Кроме того, в других случаях синтаксическая связь в пределах исходного сегмента может быть установлена неправильно: это обуславливается рассмотрением слишком узкого контекста, так что в пределах фразы эта ошибка могла бы быть исправлена. В таких случаях вырабатываются ρ-признаки, также поступающие в информацию к исходному сегменту. Это указания о том, что могла быть допущена ошибка определенного типа, т. е. что данная словоформа может на самом деле участвовать в другой связи, однако это будет ясно только при рассмотрении фразы в целом.

Межсегментный анализ начинается только после того, как для всех исходных сегментов фразы будет закончен внутрисегментный анализ. На основании φ-признаков и ρ-признаков (а также некоторых других сведений) окончательно устанавливаются синтаксические связи между словоформами текста, в частности, исправляются допущенные ранее ошибки. Затем гипотетические сегменты, в действительности являющиеся «разорванными» частями одного целого, объединяются в окончательные сегменты. Таким образом, расчленение фраз на части в описываемом алгоритме — это не начальная операция, а результат подробного предварительного анализа. И, наконец, устанавливаются синтаксические связи (в терминах отношений НД) между окончательными сегментами.

6. Как внутрисегментный, так и межсегментный анализ осуществляется циклически — посредством нескольких повторных просмотров сегмента (соответственно — фразы). Внутрисегментный анализ имеет пять циклов. Таблица конфигураций разделена на пять частей (групп), и на каждом цикле используются конфигурации только соответствующей группы. На первом цикле устанавливаются только достоверные связи и в информацию к исходному сегменту поступают сведения об этих связях и о наличии в сегменте словоформ определенного типа, важных для дальнейшего анализа. Так, например, в информацию к сегменту заносится указание о наличии в сегменте

личного глагола, что используется, в частности, при определении синтаксической роли кратких прилагательных среднего рода и сравнительной степени или омоформ типа *печь, нагрев, начала*. На втором цикле используются сведения о синтаксическом строении сегмента, полученные на первом цикле, и это позволяет установить менее достоверные связи. Результаты второго цикла снова используются для установления еще менее достоверных связей и т. д. Таким образом, основной принцип внутрисегментного синтаксического анализа таков же, как и принцип морфологического анализа: стремиться получить на каждом шаге максимальную «правильную» информацию, которую только можно получить в данный момент, и полностью использовать добытые сведения для очередного шага анализа.

Что касается межсегментного анализа, то, как показали работы Л. Н. Иорданской, целесообразно организовать его иначе. Межсегментный анализ является «высшей инстанцией», где должны быть окончательно разрешены все трудности. Для этого необходимо одновременно учесть и сопоставить друг с другом различные особенности *всей фразы в целом*. Л. Н. Иорданская построила межсегментный анализ так, что сначала для фразы выполняются все возможные в определенном смысле «анализы», т. е. для непроанализированных при внутрисегментном анализе словоформ, а также для сегментов устанавливаются все возможные варианты связей; затем посредством списка так называемых «синтаксических ограничений» отбираются только «правильные» связи («синтаксические ограничения» представляют собой указания, запрещающие определенные сочетания связей: так, за исключением специально оговоренных случаев, запрещаются такие последовательности связей, как

1) $\begin{array}{cccc} & \swarrow & \downarrow & \searrow \\ a & b & c & d \end{array}$ — «пересечение», 2) $\begin{array}{ccccc} & \swarrow & \downarrow & \downarrow & \downarrow \\ a & b & c & d & e \end{array}$ — «кольцо»,

3) $\begin{array}{ccc} & \swarrow & \searrow \\ a & b & c \end{array}$ — «обрамление» и т. д.). Другими словами, межсегментный анализ строится скорее по принципу «сначала — все возможные разрезания, потом — выбор правильных разрезов». При таком подходе деление на циклы становится ненужным. Однако поскольку межсегментный анализ является продолжением уже готового внутрисегментного анализа, основанного на другом подходе (см. выше), указанный принцип не мог быть проведен совершенно последовательно. В настоящее время межсегментный анализ также осуществляется циклически, а именно — пятью циклами⁵. Можно предполагать, однако, что при разработке нового варианта синтаксического анализа удастся, комбинируя оба подхода, уменьшить число циклов, а может быть,

⁵ Следует иметь в виду, что эти циклы носят иной характер, чем циклы внутрисегментного анализа.

и отказаться от деления синтаксического анализа на внутри-сегментный и межсегментный. Тогда анализ сравнительно простых фраз мог бы выполняться за один просмотр (цикл), и лишь для фраз с особо сложной синтаксической структурой были бы необходимы два-три повторных цикла.

7. При анализе с помощью «фразеологическо-синтаксического» словаря (таблицы конфигураций) каждая информация к словоформам и к сегменту должна быть *найдена* в этом словаре: для каждой информации надо найти все те строки, где записаны содержательные сочетания, одним из членов которых может быть обрабатываемая информация. Это можно сделать прямым просмотром таблицы конфигураций: подлежащая анализу информация сравнивается с первыми членами всех содержательных сочетаний подряд — до тех пор, пока среди них не будет найдено подходящее. Однако в описываемом алгоритме для сокращения перебора конфигураций используется «внутренняя адресация». В процессе морфологического анализа информация к словоформе получает наряду с пометами «падеж», «число», «лицо», «время» и т. д. так называемый «адрес» — номер первой по порядку в таблице конфигураций, с помощью которой может обрабатываться данная информация⁶. Это возможно, поскольку выбор «нужной» конфигурации зависит от различных морфологических особенностей словоформы; так, сходную судьбу имеют при синтаксическом анализе все личные формы глаголов, или все существительные в родительном падеже, или все слова, требующие предлога *к*, и т. д. Информация, содержащая в себе «адрес» определенной конфигурации, называется *сигнализатором* этой конфигурации. При обращении к таблице конфигураций нужная конфигурация берется непосредственно по «адресу» сигнализатора. Если же в условиях данной фразы сигнализатор не может быть обработан с помощью выбранной конфигурации, то из части V этой конфигурации берется новый «адрес», который должен быть записан сигнализатору: происходит «переадресация» к очередной «подходящей» конфигурации.

Аналогично обстоит дело и с исходными сегментами, «адреса» для которых вырабатываются в ходе внутрисегментного анализа.

§ 5

Работа над алгоритмом автоматического анализа подсказывает ряд выводов, представляющих интерес для «обычной» лингвистики. В этом параграфе мы попытаемся дать краткий обзор некоторых подобных выводов.

1. Основная особенность работ по автоматическому анализу в отличие от «обычных» лингвистических сочинений состоит в том, что первые всегда имеют цель, отчетливо сформулиро-

⁶ Для упрощения изложения действительная картина огрублена. На самом деле информации могут иметь одновременно два разных «адреса».

ванную в терминах совершенно определенных операций над текстом. Другими словами, для каждой работы по автоматическому анализу указывается, какая именно обработка текста должна стать возможной в результате ее применения. Подобное «операционное» задание целей работы позволяет объективно оценивать ее с точки зрения соответствия поставленной цели; в частности, появляется возможность экспериментальной проверки (с помощью УЭВЦМ).

2. Хотя давно признано необходимым строго различать звуковую речь и письменный текст («звуки» и «буквы»), на практике указанное различие нередко не проводится достаточно последовательно. В практических и теоретических грамматиках конкретных языков изложение часто имеет в виду то письменный текст, то устную речь (так, например, парадигмы словоизменения даются для письменного текста, иногда с некоторыми отступлениями в сторону звуковой речи), причем это никак не оговаривается. Автоматический анализ требует абсолютно четкого и последовательного подхода — либо исключительно графика, либо исключительно фонетика. Ведущиеся в настоящее время работы по автоматическому анализу имеют в виду только письменный текст.

Вообще, в связи с той огромной ролью, которую письменность играет в современном обществе, встает задача исследования и описания именно письменного текста, задача создания «лингвистики письменного текста».

3. Объектом изучения для лингвистики является язык — *langue* Ф. де Соссюра. Прибегнув к наглядной, хотя и грубой аналогии, можно сравнить язык с механизмом, на вход которого подаются определенные сигналы и который в ответ на эти сигналы производит различные объекты (или другие сигналы), т. е. который перерабатывает строго определенным образом одни наборы единиц в другие наборы других единиц. Результатом изучения подобного механизма могут быть две различные вещи: а) некое устройство (быть может, совсем иной физической природы), которое в интересующем нас отношении «ведет себя» так же, как изучаемый механизм, — т. е. выполняет такую же переработку наборов единиц; б) совокупность сведений о том, как *устроен* изучаемый механизм — как и на какие детали его можно «разобрать» (или из каких деталей его можно «собрать»). Первое можно назвать *моделью*, второе — *описанием*; настаивая на различении первого и второго, мы несколько не настаиваем на данных терминах.

Модель можно построить, ничего не зная о действительном внутреннем строении изучаемого объекта — наблюдая его функционирование и действуя методом эмпирического подбора, угадывания; для описания обязательно нужно знать внутреннее строение объекта. Внутренность «черного ящика» можно моделировать, но нельзя описать.

Описание объекта в некотором смысле «сильнее» модели того же объекта; зато модель возможна и тогда, когда мы не можем проникнуть в объект. Во многих случаях приходится сначала моделировать объект, а затем изучать и описывать не объект, а модель объекта, доступную для непосредственного наблюдения.

Именно такое положение имеет место в лингвистике. Язык — *langue* — исследователям не дан; его приходится моделировать, изучая его функционирование (*parole*). Это делается чисто эмпирически, и от модели прежде всего требуется следующее: она должна с большим или меньшим приближением функционировать (анализировать и синтезировать речь) подобно «оригиналу» — «настоящему» языку. Описать язык, строго говоря, невозможно; его можно только моделировать, а затем описывать эмпирически построенную модель.

Алгоритм автоматического анализа и представляет собой эмпирическую модель русского языка (его анализирующей части). Описание алгоритма можно считать описанием языка в той мере, в какой наша модель признается адекватной моделируемому объекту — русскому языку.

4. Хотя объектом лингвистики является язык, непосредственный материал лингвистики — это текст (речь). Работа лингвиста заключается в той или иной обработке текста. Различные типы этой обработки не должны смешиваться; поэтому вряд ли целесообразно недифференцированно обозначать их все общим термином «лингвистический анализ», как это часто делается. Мы предлагаем употреблять термин *анализ* только в смысле перехода от текста к его смыслу в соответствии с инструкцией, использующей все необходимые сведения о языке, которые были собраны заранее. Таким образом, анализ — это одна из двух функций (наряду с синтезом) моделей языка. Обработку текстов, целью которой является построение модели языка, мы предлагаем называть *исследованием*. Так, алгоритм автоматического анализа русского текста (модель русского языка) есть результат исследований русского текста (результат моделирования русского языка). Исследования также бывают нескольких типов: а) исследователь владеет данным языком, т. е. располагает сведениями (в основном, неосознанными), которые позволяют ему анализировать и синтезировать текст на этом языке («обычное исследование»). Задача исследователя — сформулировать сведения, которыми он пользуется интуитивно, так, чтобы они могли быть переданы логическому устройству, т. е. построить модель языка; б) исследователь не владеет данным языком, но постоянно пользуется помощью информанта («полевая работа»). Задача исследователя — разработать такую инструкцию по обращению с текстом и с информантом, при применении которой к достаточно большому тексту можно получить модель языка, т. е. алгоритм анализа или

синтеза; в) исследователь не владеет данным языком и не имеет информанта постоянно, а располагает обрывочными сведениями об исследуемом тексте («дешифровка»). Задача исследователя — разработать такую инструкцию по обращению с текстом и с наличными сведениями о нем, что в результате также может быть получена модель языка.

Таким образом, в первом случае задача исследователя — построить модель языка, а во втором и третьем случаях — получить инструкцию, в соответствии с которой модель языка может быть построена автоматически.

В исследованиях по автоматическому анализу в настоящее время применяется первый подход (в частности, так был построен описываемый алгоритм). Однако уже ведутся работы второго (Эттингер, Джулиано [17], Хейс, Кулагина) и третьего (Лэмб [16], Гарвин [15], Андреев [14]) типа.

В каждом конкретном лингвистическом сочинении тип исследования должен быть отчетливо осознан и последовательно проведен по всей работе.

5. *Процесс исследования*, т. е. процесс получения каких-то сведений, необходимо строго отличать от *изложения* уже полученных сведений. Нередко говорят об объективных (или точных) методах исследования. Но это не совсем удачное словупотребление. Оно создает впечатление, будто исследователю может быть дано предписание, действуя в соответствии с которым он всегда придет к нужным результатам. Если бы это было так, то исследование перестало бы быть творческим актом: любой человек (или логическая машина), выполняя инструкцию, всегда решал бы любую задачу. Однако подобное предписание — это не метод, не инструмент исследования, а его цель (и желательный результат).

Процесс исследования *субъективен* в том смысле, что исследователь угадывает, придумывает, подбирает, что именно ему следует делать, что принять в качестве исходных предпосылок и т. д. Он опирается на интуицию и на эмпирический подбор, а не действует по точно определенному предписанию. Когда же желанный результат получен, исследователь должен изложить этот результат и способ его получения *объективно* в том смысле, что всякий другой человек или машина, действуя тем же способом и взяв тот же исходный материал, придет к тем же результатам. Субъективно выбрав предпосылки и операции (не умея объяснить «почему» и «как», а зная лишь «зачем»), исследователь затем задает их объективно — таким образом, что при использовании его работы всегда будут взяты эти и только эти предпосылки и операции. Объяснение, почему и как были выбраны предпосылки того или иного исследования, есть содержание нового, отдельного исследования, которое не следует смешивать с данным.

6. В случае исследования первого типа, т. е. когда исследователь изучает известный ему язык и в полной мере использует все свои знания об этом языке, он может ставить перед собой две разные задачи: а) либо целью является передача автомату тех языковых навыков и того умения обрабатывать языковую информацию, которые присущи исследователю, — совершенно независимо от того, «хороши» ли эти навыки (*самоделирование*); б) либо цель состоит именно в том, чтобы выяснить, «хороши» ли (с какой-то определенной точки зрения) те сведения о языковом тексте, которыми, по мнению самого исследователя, он располагает (*самооценка*). При первом подходе нужно добиться, чтобы автомат поступал с текстом точно так же, как исследователь (в частности, чтобы автомат даже повторял «ошибки» человека); при втором подходе следует выяснить, какая именно обработка текста должна быть признана удачной или целесообразной — при той или иной задаче, для которой эта обработка нужна.

Оба подхода необходимо последовательно разграничивать. В работах по автоматическому анализу применяется пока, в основном, первый подход.

7. Уже самые первые опыты построения действующих моделей языка, реализуемых на УЭВЦМ, привели к строгому различению двух подходов: либо от текста к смыслу (из текста извлекается определенная информация), либо от смысла к тексту (по заданной информации строится текст). Первый подход — анализ, «грамматика слушающего или читающего», второй подход — синтез, «грамматика говорящего или пишущего». Мысль о различении анализирующих и синтезирующих моделей высказывалась в лингвистике и безотносительно к автоматическому анализу или синтезу — ср., например, учение Л. В. Щербы об активной и пассивной грамматике или высказывания Р. Якобсона; из более ранних работ можно назвать «La pensée et la langue» Фердинанда Брюно [22], где делается попытка построить последовательно синтезирующую модель французского языка. Тем не менее до сих пор в большинстве теоретических и практических грамматик оба подхода — аналитический и синтетический — смешиваются, что приводит к логической нечеткости соответствующих работ.

Заметим, что анализ и синтез последовательно различаются в лексикографии: для русских иностранно-русские словари — это анализ, а русско-иностранные — синтез; аналогично, толковый словарь языка — анализ, а «идеологический» словарь («от понятия к слову») — синтез.

В последнее время особый интерес вызывает проблема соотношения между синтезом и анализом. Высказывались предположения о примате синтеза, об «анализе через синтез», о возможности создания единых синтезирующе-анализирующих моделей (см. работы Халле [18], Мэтьюза [19]). Однако независимо от

решения всех этих проблем анализ и синтез не должны бессознательно смешиваться.

8. Для алгоритмов анализа⁷ совершенно определенным образом задаются, с одной стороны, *объекты*, подлежащие анализу, с другой стороны — *единицы анализа*, или *элементы*, на которые «разрезаются» эти объекты. Так, в рассматриваемом алгоритме объектами являются словоформы, сегменты и фразы, а единицами анализа — морфы и содержательные сочетания (словоформ и сегментов — т. е. синтагмы, суперсинтагмы, фразеологизмы и т. д.). Отчетливое разграничение объектов модели или описания и соответствующих элементов (единиц анализа) представляется необходимым условием логичности работы.

9. Далее, при определении объектов для алгоритмов анализа удобно различать в тексте (в речи) объекты двух родов: а) *гипотетические*, или *исходные* — объекты, выделяемые «нагрубо», приблизительно, с помощью явных (но зато недостаточно надежных) примет и выступающие как «полуфабрикат»; б) *приведенные*, или *окончательные* — объекты, получающиеся в результате применения к гипотетическим объектам определенных операций (алгоритма). Приведенные объекты — это окончательный результат, «продукт» алгоритма анализа. Примеры гипотетических и приведенных объектов см. выше, стр. 482.

10. При описании алгоритмов анализа последовательно различаются и могут рассматриваться в известной степени самостоятельно три следующих аспекта: а) единицы анализа, б) способ осуществления анализа, т. е. процедура «разрезания» анализируемых объектов, и в) способ изображения результатов анализа. Эти аспекты не связаны взаимнооднозначной логической зависимостью; одни и те же объекты могут анализироваться одной и той же процедурой в терминах совершенно различных единиц и обратно; при заданных единицах и процедуре способы представления результатов могут быть, вообще говоря, различными и т. д. Выше уже шла речь о двух возможных способах анализирования (см. стр. 489); говорилось также о двух способах представления результатов анализа («стрелочное» и «скобочное» изображение синтаксической структуры, стр. 490—493). Различные способы анализирования и изображения результатов могут быть неэквивалентны; так, например, неэквивалентны «стрелочное» и «скобочное» представления, что было показано Хейсом [20].

Возможно, будет нелишним отметить, что в «обычных» синтаксических теориях иногда не различаются способы анализирования, т. е. способы обнаружения структуры, и способы изображения результатов анализа. В частности, и защитники, и критики «метода непосредственно составляющих» или «трансфор-

⁷ Сказанное в данном параграфе относится, *mutatis mutandis*, и к алгоритмам синтеза.

мационного метода» часто не указывают, как именно они понимают и предполагают использовать этот метод: для обнаружения структуры или для ее изображения.

11. В рассматриваемом алгоритме отчетливо разграничены и трактуются как явления разной логической природы *величины*, с одной стороны, и *операции* — с другой (ср. различную трактовку чисел и команд в программах для УЭВЦМ). Величины — это единицы (элементы) анализа и информации к ним, а также данные о соединении элементов в объекты. Величины характеризуют тот или иной конкретный язык и собраны в таблицы специальной формы — своеобразные «словари». Операции образуют инструкцию по использованию величин, т. е. по обращению со «словарями». Эти инструкции — *собственно алгоритмы* — характеризуют свойства языка вообще, точнее — нашей модели языка вообще; они не зависят от конкретного языка и определяются только принятой формой таблиц.

Что касается лингвистики, то последовательное разграничение величин и операций проводится только в лексикографии: словарные статьи — это величины, а правила обращения со словарем — операции. Было бы, вероятно, целесообразно провести указанное разграничение во всех разделах лингвистики (см. по этому поводу стр. 483).

12. Вместо классификаций обычного типа в алгоритме анализа применена «скользящая классификация» речевых объектов, основанная на том, что объектам приписываются «анкетные характеристики» — информации (см. стр. 484). Для всех объектов одного уровня (отдельно для словоформ, отдельно для сегментов) разрабатывается «анкета» — набор признаков, характеризующих те свойства, или параметры, объектов, которые существенны для анализа. «Заполненная анкета» и является информацией к объектам. Единой классификации объектов по одному признаку не проводится; для каждого объекта известны значения многих (около 80 для словоформы) признаков, и любого объема класс объектов можно получить, задав нужные в данном случае признаки (фрагмент).

Одной из основных задач лингвистического исследования текстов становится выявление существенных для анализа признаков и определение их возможных значений. Приведем примеры некоторых наиболее специфичных признаков: «наличие у данного прилагательного краткой формы среднего рода, способной выступать как сказуемое» (ср. *поразрядно* vs. *убедительно*), «наличие у данного прилагательного краткой формы среднего рода, способной выступать как определение к глаголу или прилагательному» (ср. *убедительно* vs. *велико*), «способность данного существительного быть именной частью в форме род. падежа» (ср. *будут трех типов*) и т. д.

Для алгоритма составлен перечень таких признаков («разработан единый бланк анкеты»), которые можно рассматривать

как синтаксические различительные признаки (*distinctive features*) словоформ и сегментов. Различительные признаки известны в лингвистике давно: более ста лет фонетика, а потом и фонология, пользуются ими при классификации звуков речи. Однако до последнего времени не обращалось должного внимания на логическую структуру подобной классификации и опыт фонетики не обобщался на другие разделы лингвистики. За последние 10—15 лет положение изменилось: проведены многочисленные попытки логически обосновать «анкетный подход» к классификации и внедрить его в различные отрасли лингвистических исследований (см. работы Якобсона и его соавторов: [11], [12], [13], [21]; см. также работы по выделению так называемых «семантических множителей», в частности, [1]). Особенность этого нового подхода состоит в том, что последовательно различаются признаки и их значения и делается упор на выявление признаков, существенных с точки зрения конкретной задачи (в нашем случае — с точки зрения автоматического анализа).

13. «Анкетный подход» целесообразно обобщить на языки в целом и в плане типологической классификации языков сосредоточить усилия на разработке общей «анкеты» для многих конкретных языков, т. е. на получении набора признаков, которые характеризовали бы языки по тем их свойствам, которые являются существенными с той или иной точки зрения. Подобная попытка выполнена для русского языка — построена «анкета», характеризующая те особенности русской морфологии, которые существенны для автоматического анализа (см. [3], стр. 265—268). Далее, установлены связи между определенными «ответами» на те или иные «вопросы» анкеты и особенностями алгоритма морфологического анализа. Таким образом, алгоритм для конкретного языка может быть получен как сокращение, редукция «общей схемы» за счет частей, ненужных для данного языка; эта редукция выполняется в зависимости от заполнения «анкеты».

Заметим, что вопросы «анкеты» могут рассматриваться как различительные признаки языков с точки зрения их морфологического типа. На очереди стоит задача — разработать аналогичную «анкету» для характеристики синтаксического типа языков.

«Анкетные характеристики» могут быть применены и для классификации лингвистических сочинений. В частности, некоторые различия, указанные в данном параграфе, могут выступать как дифференциальные признаки лингвистических сочинений: 1) Посвящена ли работа письменному тексту или звуковой речи? 2) Является ли результатом работы модель или описание? 3) Каково направление работы — анализ или синтез? 4) Связана ли работа с самооценкой или с само моделированием? Подобные признаки могут, наряду с другими, лечь в основу типологии лингвистических сочинений. Сравнительно недавно, основываясь на совершенно иных предпосылках, к идее типологии лингви-

стических сочинений пришли Дж. Гринберг, В. Скаличка, Я. Малькиль и Б. А. Успенский [23]—[26].

14. Несмотря на то, что алгоритмы морфологического и синтаксического анализа разрабатывались в разное время и в известной степени независимо друг от друга, в их логическом строении оказалось много общего. В предыдущих параграфах мы старались подчеркивать в ходе изложения различные моменты сходства и параллелизм обоих алгоритмов. Целесообразно провести специальную работу по усилению указанного параллелизма. Максимальная цель — это построить алгоритмы морфологического и синтаксического анализа таким образом, чтобы они различались только содержимым таблиц и обслуживались одним и тем же «собственно алгоритмом». Любое приближение к этой цели означает упрощение морфологических и синтаксических моделей языка, что, как нам кажется, представляет известный интерес в теоретическом плане.

ЛИТЕРАТУРА

1. А. К. Жолковский, Н. Н. Леонтьева, Ю. С. Мартемьянов. О принципиальном использовании смысла при машинном переводе. «Машинный перевод», вып. 2, М., 1961 («Труды Института точной механики и вычислительной техники АН СССР»), стр. 17—46.
2. M. M a s t e r m a n. Semantic message detection for machine translation, using an interlingua. Teddington, 1961 (National physical laboratory, paper 36).
3. И. А. Мельчук. Морфологический анализ при машинном переводе (преимущественно на материале русского языка). «Проблемы кибернетики», вып. 6, М., 1961, стр. 207—276.
4. И. А. Мельчук. Автоматический синтаксический анализ (на материале русского языка). I. Основные принципы и алгоритм внутри-сегментного синтаксического анализа (в печати).
5. И. А. Мельчук. Об алгоритме синтаксического анализа языковых текстов (общие принципы и некоторые итоги). «Машинный перевод и прикладная лингвистика», вып. 7, М., 1962, стр. 45—87.
6. И. А. Мельчук. О стандартных операторах для алгоритма автоматического анализа русского научного текста. «Машинный перевод», вып. 2, М., 1961 («Труды Института точной механики и вычислительной техники АН СССР»), стр. 85—134.
7. И. А. Мельчук. Два оператора установления соответствия (для автоматического синтаксического анализа). М., 1961.
8. Л. Н. Иорданская. Два оператора обработки словосочетаний с «сильным управлением» (для автоматического синтаксического анализа). М., 1961.
9. В. Ингве. Синтаксис и проблема многозначности. «Машинный перевод», М., 1957, стр. 271—301.
10. О. С. Кулагина. Об операторном описании алгоритмов перевода и автоматизации процесса их программирования. «Проблемы кибернетики», вып. 2, 1959, стр. 289—302.
11. Е. Черри, М. Халле, Р. Якобсон. К вопросу о логическом описании языков в их фонологическом аспекте. «Новое в лингвистике», вып. 2, М., 1962, стр. 279—298.
12. Р. Якобсон, Г. Фант и М. Халле. Введение в анализ речи. «Новое в лингвистике», вып. 2, М., 1962, стр. 173—230.

13. Р. Якобсон и М. Халле. Фонология и ее отношение к фонетике. «Новое в лингвистике», вып. 2, М., 1962, стр. 231—278.
14. Н. Д. Андреев. Моделирование языка на базе его статистической и теоретико-множественной структуры. «Тезисы совещания по математической лингвистике 15—21 апреля 1959 года», Л., 1959, стр. 15—22.
15. P. Garvin. Automatic linguistic analysis — a heuristic problem. Teddington, 1961 (National physical laboratory, paper 1).
16. S. Lamb. On the mechanization of syntactic analysis. Teddington, 1961 (National physical laboratory, paper 21).
17. V. Giuliano. A formula finder for the automatic synthesis of translation algorithms. «Mechanical translation», 1961, v. 6, p. 11—24.
18. М. Halle. Рец. на кн.: «Материалы по машинному переводу», Сб. 1, Л., 1958. «Language», 1960, v. 36, № 1, p. 112—117.
19. G. Matthews. Analysis by synthesis of natural languages. Teddington, 1961 (National physical laboratory, paper 10).
20. D. Hays. Grouping and dependency theories. Santa Monica, Calif., 1960.
21. R. Jakobson. Boas' view of grammatical meaning. «The anthropology of Franz Boas». Menasha, 1959, p. 139—145.
22. F. Brunot. La pensée et la langue. Paris, 1953.
23. J. Greenberg. The nature and uses of linguistic typologies. «International journal of american linguistics», 1957, vol. 23, № 2, p. 68—77.
24. V. Skalička. O současném stavu typologie. «Slovo a slovesnost», 1958, vol. 19, № 3, s. 224—232.
25. J. Malkiel. A tentative typologie of Romance historical grammars. «Lingua», 1960, vol. IX, № 4, p. 321—416.
26. Б. А. Успенский. Принципы структурной типологии. М., 1962, стр. 11—15.

AUTOMATIC TEXT ANALYSIS (ON THE BASIS OF RUSSIAN)

Summary

In § 1 automatic analysis is defined as the processing of natural texts which may be effected by a logical device according to previous instructions and which associates with the given text a special characteristic representing its sense (in contradistinction to research procedure — processing whose aim is to obtain ignored data on the language of texts under consideration and to compile instructions for their analysis). The task of syntactic analysis is defined as the determination of links between words and between parts of a complex sentence (parsing). The rest of § 1 sketches briefly the importance of automatic analysis — in applied fields (automatic translation, abstracting and the like) as well as for purely theoretical purposes, the corresponding algorithm being a functioning and experimentally controlled model of the «analytical device» of human language.

§ 2 reviews some concepts that are necessary for a description of the algorithm and the way it works: 1) text objects: word form, segment, sentence (each of these may be hypothetical or final); 2) matrices (lists of necessary data) and algorithms proper (instructions for treatment of matrices); 3) standard algorithmical operators (subroutines); 4) information

(a string of features representing relevant properties of text objects), fragment (an arbitrary substring of information), «shifting classification» (each class of objects is given by a fragment of corresponding informations).

§ 3 describes the algorithm of morphological analysis (transit from graphic word forms to informations). A general scheme of morphological analysis for suffixing languages is suggested: the organization of suffix matrix; basic and auxiliary information for a suffix; main subdivisions of the algorithm proper (I—choice of the appropriate operations sequence; II—searching the matrix for a possible suffix; III—analysis of the coincidence of different suffixes; IV—transfer of the basic suffix information; V—determination of further steps; VI—analysis of the coincidence of different stems; VII—analysis of compound words written as graphically unique words; VIII—analysis of cases when a suffix coincides with the beginning of the second stem) etc.

§ 4 describes the algorithm of syntactic analysis (sentence-structure determination—see above). A method for representing the sentence structure by means of binary immediate dominance relations (IDR) is described; a complete list of IDR-s (31) is given. Further the concepts of «meaningful combination» («содержательное сочетание») and «configuration» (searching rule) are introduced, and a description of the basic types of meaningful combinations (primarily of syntagms) is given; the organization of a configurations-matrix is described. A method for determining (finding) the sentence structure is suggested (intra-segmental and intersegmental analysis; φ —marks and ρ —marks; the cyclic character of analysis; «syntactic addresses» and «signalizers»).

§ 5 discusses some conclusions of general importance: 1) «operational» stating of the aim of linguistic papers (it must be indicated what kind of text processing each paper makes possible); 2) strict distinction between graphics and phonetics; 3) distinction between a description and a model (linguistics does not describe languages, but models them); 4) distinction between text analysis and text research; 5) subjective nature of research procedure versus objective nature of describing the results; 6) distinction between automodelling and autoevaluation of a researcher; 7) strict differentiation between the analytical and synthetical approach in linguistics; 8—11) distinctions between the objects and the elements of analysis, between hypothetical and final objects, between methods of representing the sentence structure and those of determining it, between linguistic constants (language data) and operations (algorithms proper); 12) «shifting classification» and «feature approach»; 13) feature approach and typology of languages; 14) the remarkable parallelism between morphological and syntactical algorithms as object for further study.

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
ДОКЛАДЫ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
V *Международный съезд славистов*

(София, 1963)

---

*З. М. Волоцкая, Т. Н. Моложная, Т. М. Николаева,
И. И. Ревзин, Т. В. Цивьян*

ОБ ОДНОМ ПОДХОДЕ К ТИПОЛОГИИ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

(на материале системы склонения существительного)

Типологические исследования, объектом которых была морфология сравниваемых языков (а в типологической традиции, идущей еще от В. Гумбольдта, морфология была типологическим объектом *par excellence*), всегда были направлены на изучение структуры слова с точки зрения той техники (изолирующей, агглютинативной, флективной и т. п.), которая использовалась в данном языке для выражения грамматических значений. Этот подход в типологии подвергался критике с разных сторон, для нас же существенно то, что исследование с этой точки зрения близкородственных языков, какими являются славянские, приводит к неинтересным результатам. Более интересные результаты получаются, если изучать степень использования той или другой техники в разных языках¹, но здесь вряд ли можно было ждать для славянских языков существенных результатов по сравнению с теми, которые были получены, например, для славянских языков В. Скаличкой².

Следует отметить также, что до сих пор типологическое сравнение языков (не говоря уже о близкородственных языках) было чем-то совершенно факультативным и, главное, лишённым вполне определенных целей. Между тем нам представляется, что типологический подход является наиболее универсальным и актуальным средством сравнения языков. Поэтому нам хотелось бы показать, что типологический подход полезен даже в такой области, как славянские языки (критерий выделения этой области, естественно, генетический), связанные друг с дру-

---

¹ Э. Сэпир. Язык. М. — Л., 1934.

² V. Skalička. Typ češtiny. Praha, 1951; его же. Typologie slovanských jazyků, zvláště ruštiny. «Vývoj jazyka», Praha, 1960, стр. 93—110.

гом настолько близко, что есть все основания считать, что относительно недавно они выделились из одного языка. Таким образом, в докладе по сути дела рассматривается предельная ситуация — типологическое сравнение в условиях, когда сравниваемые явления наиболее просто объясняются в сравнительно-историческом плане. Если удастся доказать, что типологический подход оправдан и в этих условиях, то тем самым станет ясна его роль вообще.

Такой подход, однако, предполагает выработку новой методики типологического описания славянских языков, отличающуюся от той, которая применяется в цитированной уже работе В. Скалички, а также в работах А. В. Исаченко³, И. Лекова⁴ и некоторых других⁵.

Прежде всего нам представляется, что этот подход должен основываться на идее абстрактного моделирования языка⁶. Этот подход возник в связи с потребностями практики, а именно: практики составления алгоритмов для машинного перевода с одного языка на другой. Дело в том, что работы по осуществлению машинного перевода с одного языка на другой уже выходят за рамки частных типологических штудий, представляя собой фрагмент универсальной типологической схемы, которую можно будет считать построенной, как только в нашем распоряжении окажутся алгоритмы всех возможных переходов от одного языка к другому или же языку-посреднику⁷.

Структурный подход к типологии должен естественно сочетаться с количественной характеристикой сравниваемых объектов, что особенно важно в том случае, когда структурные расхождения незначительны.

Однако характерный для ряда новых работ количественный подход к типологическим исследованиям (например, работы Дж. Гринберга⁸) может дать существенные результаты также

---

³ A. V. Issatschenko. Versuch einer Typologie der slavischen Sprachen. «Linguistica Slovaca», I, 1939—1940; Tense and auxiliary verbs with special reference to Slavic languages. «Language», XVI, № 3, 1940; А. В. Исаченко. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских языков. «Slavia», XXVII, № 3, 1958.

⁴ И. Леков. Характеристика на общите черти в български и източно-славянски. «Сб. БАН», 1941, XXVII, № 1; его же. Отклонения от флективного строя в славянских языках. ВЯ, 1956, № 2.

⁵ См., например, W. Lettenbauer. Syntetische und analytische Flexion in der slavischen Sprachen. «Münchener Beiträge zur Slawenkunde», München, 1953.

⁶ Этот подход достаточно подробно изложен в работе И. И. Ревина «Модели языка» (М., 1962), поэтому здесь, за недостатком места, мы не считаем возможным останавливаться на общих принципах моделирования.

⁷ М. И. Бурлакова, Т. М. Николаева, Д. М. Сегад, В. Н. Топоров. Структурная типология и славянское языкование. «Структурно-типологические исследования», М., 1962.

⁸ J. Greenberg. Essays in linguistics. Chicago, 1958; его же.

не для близкородственных языков, поскольку он основан на показателях, довольно слабо различающихся в близкородственных языках.

Представляется, что новые пути для морфологической типологии открывает методика, наметившаяся в более молодой отрасли типологии, а именно в типологии фонологических систем. Создание Р. Якобсоном и его соавторами дихотомической теории фонем, теории, в которой изучен универсальный набор дифференциальных признаков, позволяет по-новому подойти к типологии (ср. работу Э. Станкевича⁹) и, в частности, построить универсальную модель порождения фонем, которая дает возможность сравнивать между собой порождающие деревья¹⁰.

В настоящем докладе сделана попытка наметить путь к построению единой морфологической порождающей модели, которая должна помочь сравнению близкородственных (в данном случае — славянских) языков. Необходимо отметить, что хотя общая идея порождающих моделей и разработана в трансформационной грамматике Н. Хомского, в настоящей работе пришлось пойти несколько иным путем, поскольку в порождающей модели Н. Хомского нет места для парадигматической системы языка, которая наиболее интересна для типологии. Общей идеей для предлагаемой модели и модели Н. Хомского остается следующая: анализ любого отрезка текста (в нашем случае, поскольку речь идет о морфологии, — любой словоформы или аналитической формы, причем, в связи со спецификой славянских языков, основное внимание уделено словоформам и вообще флективной технике¹¹) рассматривается как процесс, при котором восстанавливается история синтеза этого отрезка текста, т. е. считается заданным некоторое порождающее устройство, о котором мы знаем, что именно оно произвело исследуемый отрезок текста. Эту модель можно назвать распознающей¹². Такой подход дает возможность подлинно типологического сравнения отдельных языков, поскольку выбирается единый критерий классификации, который, с одной стороны, является достаточно общим и показательным, а с другой стороны, произволен в том смысле, что модель, выбираемая в качестве эталона,

A quantitative approach to the morphological typology of languages.—IJAL, vol. XXVI, № 3, 1960.

⁹ E. Stankiewicz. Towards a phonemic typology of the Slavic languages. «American contributions to the Fourth International Congress of Slavists». 's-Cravenhague, 1958.

¹⁰ М. И. Лекомцева, Д. М. Сегал, Т. М. Судник, С. М. Шур. Опыт построения фонологической типологии близкородственных языков. М., 1963.

¹¹ Мы стремились показать, что и в пределах этой общей для всех славянских языков техники можно обнаружить много несходств, интересных для типологии.

¹² О модели такого типа см.: Т. М. Николаева. Опыт алгоритмической морфологии русского языка. Сб. «Структурно-типологические исследования». М., 1962.

конструируется вне зависимости от свойств конкретных языков¹³.

Критерий оценки, предлагаемый в данном докладе, основан на следующей идее. Предполагается, что строится ряд алгоритмов перевода с одних славянских языков на другие. Для целей лингвистического сопоставления существенным, разумеется, является то «лингвистическое содержание», которое вложено в эти алгоритмы, а именно, различные типы грамматик анализа и синтеза, лежащие в основе соответствующих алгоритмов. Поскольку в данной работе нас интересуют лишь общие принципы подобного описания, а с другой стороны, представляется необходимым осветить эти принципы на достаточно конкретном материале, мы ограничимся лишь проблемами анализа и синтеза славянских имен существительных. Предполагается, что предложенная методика может быть в дальнейшем использована и для описания других классов слов. Мы будем пользоваться следующими исходными понятиями.

А. Морф. Под морфом мы понимаем минимальный отрезок текста, имеющий собственное значение; значение может быть лексическим (например, морфы *вод-*, *гор-*), деривационным (*-я-*, *-ист-*) и грамматическим (*-а*, *-ом*, *-ы*). В данной работе нас будут интересовать только морфы, имеющие грамматическое значение.

Б. Граммема. Под граммемой мы понимаем элементарное грамматическое значение. Это интуитивное понятие мы определять не будем, беря его в качестве исходного. Приведем лишь примеры. Выделяются, например, следующие граммемы: мужской род, средний род, женский род. Граммемы образуют объединения, которые обычно называются грамматическими категориями. Например, три приведенные граммемы дают категорию рода. Граммемы разных грамматических категорий, которые ставятся в соответствие каждому классу слов, образуют сочетания: а) в разных словоформах и б) в пределах одной словоформы. (Это соответствует обычному типологическому противопоставлению аналитической и синтетической техники). Здесь, в свою очередь, выделяют граммемы, выраженные разными морфемами, и граммемы, выраженные одним морфемой. (Это соответствует противопоставлению агглютинативной и флективной техники). Нас будут интересовать граммемы, выраженные одним морфемой в пределах одной словоформы.

Как известно, категория рода представлена во всех славянских языках одними и теми же граммемами.

Категория числа есть во всех славянских языках. Эта категория состоит из трех граммем (единственного, двойственного и множественного числа) в старославянском, словенском, верхне- и нижнелужицком. В остальных славянских языках эта категория

¹³ О важности выбора произвольного эталона сравнения в типологии см.: М. И. Бурлакова, Т. М. Николаева, Д. М. Сегаля, В. Н. Топоров. Указ. соч.

состоит из двух граммем (единственного и множественного числа). Категория падежа для имени существительного отсутствует в болгарском языке, поэтому болгарский язык нами в дальнейшем не рассматривается. Во всех остальных языках она представлена шестью граммами (именительного, родительного, дательного, винительного, творительного и предложного падежей). Представляется целесообразным сохранить традиционную шестипадежную систему, не выделяя в качестве особых падежей родительный II и предложный II (русск. *чая — чаю, в лесу — о лесе*). Это связано с тем, что в данном докладе нам не хотелось бы входить в спорные вопросы русской грамматики¹⁴. Нам представлялось, наоборот, важным продемонстрировать основную идею при сохранении традиционной системы категорий. Разумеется, конструирование граммем на основе дифференциальных признаков¹⁵, весьма целесообразное именно для типологии, не приведет к изменению основной методики.

В. Неразложимое сочетание граммем (НСГ); под НСГ понимается такое сочетание граммем, которое выражено в пределах одного морфа; каждая из сочетающихся граммем не может быть выражена изолированно. Так, граммема падежа имени существительного может выражаться только вместе с граммемой рода и числа. Например, в слове *столом* содержится неразложимое сочетание граммем мужского рода творительного падежа единственного числа, выраженное морфом *-ом*.

Г. Типоформа¹⁶. Типоформой мы будем называть морф, выражающий одно определенное неразложимое сочетание граммем. Поэтому два совпадающих морфа, соответствующих двум разным неразложимым сочетаниям граммем, мы будем считать относящимися к двум разным типоформам. Например, один и тот же морф *-а*, выделяемый в словах *голова* и *стола*, представляет две разные типоформы. Если один и тот же морф представляет две разные типоформы, причем обе присоединяются к одной и той же основе, т. е., иначе говоря, если одна и та же словоформа соответствует разным, НСГ, то мы будем говорить об омонимии морфов.

Приведем примеры нейтрализации граммем: морф *-е* выражает граммемы среднего рода единственного числа именительного или винительного падежей существительного (*ружье стреляет, зарядил ружье*), в этом случае наблюдается снятие противопоставления выражения граммем именительного и винительного падежей. Заметим, что при выделении нейтрализации противопостав-

¹⁴ Некоторые соображения о целесообразности сохранения шестипадежной системы с точки зрения моделирования языка изложены в кн.: И. И. Ревзин. Модели языка. М., 1962, стр. 109—110.

¹⁵ См. Р. О. Якобсон. Морфологические наблюдения над славянским склонением. «*American Contributions to the 4. International Congress of Slavists*». 's-Gravenhague, 1958.

¹⁶ А. И. Смирницкий. Лексическое и грамматическое в слове. «Вопросы грамматического строя», М., 1955.

лений граммем (например, граммем падежа) используется синтаксический критерий взаимозаменяемости. Каждый падеж характеризуется определенным набором синтаксических конструкций. Уточним теперь наше понимание термина «нейтрализация». Если словоформа может входить в синтаксические конструкции, свойственные более чем одному падежу, то мы говорим, что в данной словоформе наблюдается нейтрализация противопоставлений этих двух падежей. Установить наличие нейтрализации, исходя только из морфологии, невозможно. Например, мы устанавливаем, что в словоформе *матери* происходит нейтрализация именительного, родительного, дательного и предложного падежей, потому что эту словоформу можно поставить в следующие словосочетания: *любящие матери, для любящей матери, к любящей матери, о любящей матери*, в которых другие слова выражают противопоставления этих различных падежей (*любящие отца, для любящего отца, к любящему отцу, о любящем отце*).

Введем теперь в качестве эталона, т. е. той модели, с которой будут сравниваться отдельные славянские языки, понятие идеального языка, в котором каждому НСГ соответствует один морф, т. е. морф совпадает с типоформой, и морфу соответствует одно НСГ. Смысл введения такого языка как эталона в том, что анализ и синтез такого языка предельно просты, представляя собой зеркальное отражение друг друга, поскольку в таком языке имеется взаимнооднозначное соответствие между планом выражения и планом содержания.

Как известно, реальные славянские языки отличаются от этого эталона. Это объясняется двумя явлениями: синонимией, когда одному НСГ соответствует несколько морфов; и омонимией, когда один морф соответствует нескольким НСГ. В связи с этим введем еще дополнительные понятия. Назовем язык синтетически простым, если в нем каждому НСГ соответствует один морф; в таком языке число морфов не может превышать числа НСГ. Назовем язык аналитически простым, если в нем каждому морфу соответствует одно НСГ (в отличие от синтетически простого языка, число морфов в нем может быть сколько угодно больше числа НСГ). Отсюда следует, что язык является идеальным, если он одновременно является синтетически простым и аналитически простым. Поясним эти понятия. Синтетически простой язык — это язык наиболее удобный с точки зрения синтеза, в то время как аналитически простой язык наиболее удобен для анализа. Попробуем теперь количественно оценить степень близости отдельных славянских языков к идеальному, аналитически и синтетически простым языкам. Разумеется, здесь могут быть предложены самые различные процедуры и оценки, каждая из которых более или менее произвольна, так что окончательное решение может быть найдено только после проверки их на практике. Нам представляется целесообразным использо-

вать методику, предложенную для других целей П. Сгаллом, несколько видоизменив ее¹⁷.

В Приложении к докладу даются таблицы формообразующих возможностей каждого морфа для всех славянских языков. По этим данным подсчитывается для каждого славянского языка число типоформ, число морфов и число НСГ. Четвертым фактором, учитывающимся при типологическом сопоставлении, является число типов нейтрализации.

Результаты подсчетов приводятся в таблице XIV (см. стр. 551).

Вводятся следующие показатели:

1) Степень отклонения от синтетически простого языка — отношение числа типоформ к числу НСГ.

2) Степень отклонения от аналитически простого языка — отношение числа типоформ к числу морфов.

3) Степень отклонения от идеального языка, т. е. отношение числа морфов к числу НСГ. Окончательные результаты представлены в таблице XV (см. стр. 551).

Насколько показательны эти данные? Можно было бы, например, предположить, что все показатели независимы друг от друга; тогда — с типологической точки зрения — каждый язык характеризовался бы как определенный набор четырех координат. Можно заметить, однако, что это не так и что показатели зависят известным образом друг от друга. Так, по каждому из четырех показателей языки выстраиваются в последовательности, указанной в таблице на стр. 517.

Для типологии факт частого совпадения логически не связанных характеристик особенно важен, так как именно здесь можно надеяться вскрыть лингвистически важные факты.

Из сказанного следует, что наиболее показательны для типологии отклонения от синтетически простого и от идеального языка: здесь, с одной стороны, выделяются русский и словенский, а с другой стороны, нижнелужицкий и верхнелужицкий. Ближе к первой группе (русский, словенский) находится чешский, ближе ко второй — польский. Остальные языки располагаются между этими группами. Приведенные данные интересны и с той практической точки зрения, что алгоритмы синтеза, разработанные для русского языка¹⁸, который, как мы видим из таблицы, оказался наиболее сложным с точки зрения синтеза, тем самым могут быть пригодны для синтеза других славян-

---

¹⁷ P. Sgall. *Soustava pádových koncovek v češtině*. «Acta Universitatis Carolinae. Philologica», 1960, 2, стр. 65—84.

¹⁸ См. О. С. Кулагина. О машинном переводе с французского на русский. «Проблемы кибернетики», вып. 3, М., 1960, стр. 181—208. О. С. Кулагина, Г. В. Вакуловская. Опытные переводы с французского языка на русский на машине «Стрела». — «Проблемы кибернетики», вып. 2, М., 1959, стр. 283—288. Т. М. Николаева. Синтез форм русских слов при машинном переводе на русский язык. «Проблемы

I	II	III	IV
Отклонение от синтетически простого языка	Отклонение от аналитически простого языка	Отклонение от идеального языка	Число типов нейтрализации языка
Русский	нижнелужицкий	русский, словенский	русский
Словенский	верхнелужицкий	белорусский, чешский	чешский
Сербско-хорватский	польский, сербохорватский	украинский, словацкий, сербохорватский	сербско-хорватский
Чешский	русский	польский	словацкий
Украинский	украинский	нижнелужицкий	украинский
Словацкий, белорусский, польский	чешский, словенский	верхнелужицкий	польский
Старославянский	старославянский		словенский
Нижнелужицкий	словацкий		нижнелужицкий
Верхнелужицкий	белорусский		верхнелужицкий

ских языков (во всяком случае, по числу операций эти алгоритмы будут не сложнее).

Наиболее интересным представляется, однако, следующее. Хотя нельзя обнаружить отчетливой зависимости между II показателем — с одной стороны и I—III — с другой, IV показатель, который, казалось бы, должен был бы теснее быть связанным с II (и тот и другой имеют отношение к анализу), оказался зависимым от I и III.

С практической точки зрения приведенные результаты могут быть интересны по следующим соображениям.

На первый взгляд может оказаться, что алгоритмы анализа, разработанные для таких языков, как нижне- и верхнелужицкий, польский и др., будут сложнее, чем уже имеющиеся алгоритмы анализа русского языка¹⁹, поскольку показатель отклонения

кибернетики», вып. 5, М., 1961, стр. 263—269. З. М. Волоцкая. Вопросы формобразования при синтезе русских слов. Сообщения ОМАИР ВИНТИ, вып. 2, М., 1961.

¹⁹ См. И. А. Мельчук. Морфологический анализ при машинном переводе (преимущественно на материале русского языка). «Проблемы кибернетики», вып. 6, М., 1961, стр. 207—276. Т. М. Николаева. Алгоритм независимого грамматического анализа русского текста. М., 1961 (Доклады на конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста, вып. 9).

от аналитически простого языка у них выше. Однако это не так, поскольку необходимо учитывать не только степень отклонения от аналитически простого языка, но также число типов нейтрализации. А между тем, как видно из таблицы, этот показатель для русского языка наибольший (20 типов), в то время как для языков, указанных выше, он достаточно мал.

Заметим теперь, что тип нейтрализации сам по себе может служить существенным типологическим критерием.

Этот критерий является в высокой степени системным в следующем смысле: мы характеризуем языки не по отдельным материальным показателям (морфам), не по их выделимости в слове и соотносительности с отдельными НСГ (как это наблюдается при определении того, использована ли при выражении некоторой грамматической категории флективная, аналитическая или изолирующая техника), а по взаимоотношениям между парадигмами. В дальнейшем тождественными для двух славянских языков будут считаться не те морфы, которые имеют одинаковый фонемный вид или связаны генетически, и даже не те, которые выражают одно и то же НСГ, а только те, которые выражают ту же дизъюнкцию НСГ, т. е. входят в одинаковые типы нейтрализации. С этой точки зрения показательны следующие примеры морфов, нетождественных в двух славянских языках, несмотря на общую форму и общее значение в некоторой словоформе. Так, например, морф *-о*, выражающий в старославянском, русском, сербско-хорватском и словенском языках НСГ, состоящие из граммем среднего рода, единственного числа, именительного падежа или среднего рода, единственного числа, винительного падежа, нельзя считать тождественным в этих четырех языках, поскольку в старославянском этот морф не выражает никакого другого НСГ, в русском языке он к тому же выражает НСГ мужского рода, единственного числа, винительного падежа, в сербско-хорватском языке — НСГ: мужской род, единственное число, именительный падеж, в словенском языке — НСГ: женский род, единственное число, винительный падеж и НСГ: женский род, единственное число, творительный падеж. Морф *-и*, выражающий в нижнелужицком, старославянском и словацком языках НСГ женского рода, множественного числа, именительного падежа, так же нельзя признать тождественным, поскольку в нижнелужицком он может также выражать НСГ мужского рода, множественного, числа родительного падежа, а в старославянском — НСГ, множественного числа, мужского рода, творительного падежа.

Наоборот, разные типоформы будут нами считаться типологически тождественными, если они входят в одинаковые типы нейтрализации. Так, например, типоформа *-и* в сербском как окончание дательного и местного падежей женского рода единственного числа (*жени*) типологически тождественна типоформе *-е* в русском (*жене*).

Если ограничиться только единственным числом, то типологически тождественными оказываются типформа *-e* в чешском как окончание родительного и винительного падежа мужского рода (*muže*) и типформа *-a* в русском *мужа*. Интересно, что в обоих примерах типологическое тождество отображает тождество генетическое. Последний пример интересен, однако, тем, что он показывает, как тождество становится нетождеством из-за совпадения данного морфа еще с каким-нибудь иным. Так, если рассматривать еще и множественное число, то чешское *e*, не тождественно русскому *-a*, так как *-e*, кроме того, является окончанием винительного падежа множественного числа (*muže*, ср. русск. *мужей*).

Примеры легко могут быть умножены, но общий принцип уже ясен. Перейдем к методике описания типов нейтрализации.

Внутри принятой шестипадежной системы склонения были выявлены все типы парадигм для одиннадцати славянских языков, для единственного и множественного числа по отдельности и для единственного и множественного чисел вместе (полученные результаты приводятся в Приложении).

Рассмотрим случаи нейтрализации противопоставлений граммем падежа отдельно для единственного и множественного числа²⁰. Максимальное количество противопоставлений граммем падежа для каждого числа — шесть. Число членов противопоставления может быть редуцировано до пяти, четырех, трех, двух и одного. Таким образом, получаются по числу членов шесть типов парадигм: от шестичленной до одночленной. Внутри каждого типа возможны различные комбинации. Сумма этих комбинаций составляет теоретически возможное количество парадигм в славянских языках. Исследование всех возможных нейтрализаций, свойственных славянским языкам, показало, что:

А. Для единственного числа реализуются пятичленная, четырехчленная, трехчленная и двухчленная системы парадигм. Для множественного числа реализуются шестичленная, пятичленная, четырехчленная, трехчленная и одночленная парадигмы.

Б. Из теоретически возможного множества различных парадигм реализуются для единственного числа 20 парадигм, для множественного числа 10 парадигм, для единственного и множественного чисел вместе 25 типов парадигм (логическая сумма). Таким образом, пять типов совпадают для единственного и множественного чисел.

Зафиксированные типы парадигм отдельно для единственного и множественного числа представлены в таблице XII.

Из таблицы видно:

---

²⁰ В дальнейшем двойственное число мы исключаем из рассмотрения, поскольку оно присутствует не во всех языках.

1. В каждом языке для единственного числа количество различных типов парадигм (из 25 зафиксированных) колеблется от 5 до 7. Для множественного числа количество различных типов парадигм (из 10 возможных зафиксированных) колеблется от 2 до 5. На основании полученных данных можно судить о распределении типов парадигм по родам по всем славянским языкам.

Так, например, в единственном числе нейтрализация противопоставлений именительного — винительного падежей (тип 2) свойственна только мужскому и среднему роду. Нейтрализация противопоставлений дательного и предложного падежей (тип 3) и родительного, дательного, предложного падежей (тип 9) происходит только по женскому роду.

Основными типами нейтрализации во множественном числе являются тип 2 (нейтрализация противопоставлений именительного и винительного) и тип 4 (нейтрализация противопоставлений родительного и винительного падежей). Следует отметить, что во втором типе происходит нейтрализация противопоставлений всех трех родов, а в 4 типе — нейтрализация противопоставлений мужского и женского родов.

Были исследованы типы парадигм для единственного и множественного числа вместе (максимально возможное количество различаемых членов — 12). Результаты исследования показали (см. таблицу XIII), что:

А. В славянских языках реализуются типы парадигм, различающие 10, 9, 8, 7, 6, 5 и 1-членное противопоставления. Общее число комбинаций членов внутри выделенных типов парадигм составляет 75. Наиболее распространено девятичленное (21 вариант) и восьмичленное (23 варианта) противопоставления. Менее всего распространена двухчленная парадигма (встречается только в чешском и сербско-хорватском языках).

Б. Некоторые типы парадигм, характерных преимущественно для женского рода (например, тип 28 — девятичленная парадигма, с нейтрализацией противопоставлений родительного единственного, именительного и винительного множественного и с нейтрализацией противопоставлений дательного и предложного единственного числа; и большинство типов семичленной парадигмы, например типы 57, 59—62, 64).

Для мужского рода более чем для одного языка характерен только тип 5 — десятичленный, нейтрализация противопоставлений родительного и винительного единственного и именительного — винительного множественного.

Для среднего рода характерны типы 17 и 40. Тип 17 — девятичленная система, с нейтрализацией противопоставлений именительного — винительного единственного, родительного единственного — именительного, винительного множественного.

Тип 40 — восьмичленная система, с нейтрализацией противопоставлений именительного — винительного единственного, роди-

тельного единственного, именительного, винительного множественного; дательного и предложного единственного.

В типе 1 (10-членная парадигма) происходит нейтрализация мужского и среднего рода при неизменном сохранении противопоставления их женскому роду.

Сопоставление результатов, полученных из таблиц XII и XIII, показало, что славянские языки группируются в пересекающиеся классы, объединенные по типам нейтрализации. Например, по типу 3 (см. таблицу XII) объединяются все славянские языки, а по типу 12 объединяются украинский, польский, чешский, сербско-хорватский и верхнелужицкий языки, по типу 14 объединяются чешский, словацкий и сербско-хорватский. Примеров такого рода можно привести множество.

Из приведенных в таблицах данных очевидно, что каждый славянский язык реализует небольшое (от 9—20) число типов нейтрализации из общего числа типов нейтрализации, зафиксированных во всех славянских языках в сумме (75).

Предложенные в данном докладе критерии (а также фактические данные приведенные в нем) могут быть, разумеется, уточнены и дополнены. Нам важно было продемонстрировать лишь самый принцип подхода. Так, нам представляется существенным для дальнейших типологических исследований обратить внимание на то, что:

А. Предложенные характеристики являются в подлинном смысле слова структурными, так как они учитывают не материальную оболочку исследуемых элементов и даже не их функцию, а характер взаимоотношений этих элементов в системе.

Б. Выдвинутые критерии объединяются внутренним единством, поскольку они формируются на основе единого подхода к процессу порождения и распознавания текста в произвольном славянском языке.

В. Плодотворность такого метода в значительной степени состоит и в том, что он позволяет скрыть типологические различия между языками, характеризующимися единой техникой формообразования.

Г. Выдвинутый метод разделяет общую для предложенных в последнее время подходов к типологии (сравни дихотомическую теорию дифференциальных признаков) многомерную характеристику языка по совокупности единообразных критериев.

Д. Предложенный метод объективен в том смысле, что два разных исследователя, пользующиеся им, должны прийти к одинаковым результатам.

Е. Этот метод показывает важность идей, выдвинутых в связи с потребностями практики (машинный перевод) для типологии славянских языков.

Таблицы распределения морфов имени
I
Белорусский

	Женский род												Муж			
	ед. число						мн. число						ед.			
	И	Р	Д	В	Т	М	И	Р	Д	В	Т	М	И	Р	Д	В
1. -о																
2. -а	+													+		+
3. -ы		+	+			+	+			+						
4. -у				+											+	
5. -ой					+											
6. -е			+													
7. -ѣй					+			+			+					
8. -і		+	+			+	+			+						
9. -ю				+	+										+	
10. -#								+					+			
11. -ям									+							
12. -ямі											+					
13. -ях												+				
14. -оў								+		+						
15. -м											+					
16. -ѣ																
17. -я	+												+		+	
18. -ѣм																
19. -ом																
20. -ам									+		+				+	
21. -амі												+				
22. -ах													+			
23. -ѣў																
24. -яў								+								
25. -ей								+			+					
26. -ай					+											
27. -яї					+											
28. -аў								+		+						

существительного в славянских языках (I—XI)

язык

ской род								Средний род											
число		мн. число						ед. число				мн. число							
Т	М	И	Р	Д	В	Т	М	И	Р	Д	В	Т	М	И	Р	Д	В	Т	М
								+			+								
								+	+		+								
			+										+	+					
	+										+								
	+													+					
	+													+					
										+									
			+												+				
				+												+			
							+												+
			+	+															
			+	+															
									+	+		+							
													+						
+																			
+												+					+		+
							+												
										+									+
				+	+														
				+	+														
	+															+		+	

	Мужской род															Жен								
	ед. число						дв. число						мн. число						ед. число					
	И	Р	Д	В	Т	М	И	Р	Д	В	Т	М	И	Р	Д	В	Т	М	И	Р	Д	В	Т	М
1. -a		+		+																+				
2. -aj								+			+													
3. -am																								
4. -ami												+												
5. -ach																								+
6. -e												+											+	+
7. -ej																								
8. -emi																								+
9. -ě																								+
10. -i																								+
11. -o																								
12. -ojo																								+
13. -om																								+
14. -omaj																								+
15. -ow																								+
16. -y																								+
17. -u																								+
18. #																								+

ский род						Средний род																																			
дв. число						мн. число						ед. число						дв. число						мн. число																	
И	Р	Д	В	Т	М	И	Р	Д	В	Т	М	И	Р	Д	В	Т	М	И	Р	Д	В	Т	М	И	Р	Д	В	Т	М	И	Р	Д	В	Т	М						
																																				+					+

	Мужской род															Жен								
	ед. число						дв. число					мн. число				ед. число								
	И	Р	Д	В	Т	М	И	Р	Д	В	Т	М	И	Р	Д	В	Т	М	И	Р	Д	В	Т	М
1. -a		+	+	+			+			+								+						
2. -am																		+						
3. -ami																								+
4. -ach																								+
5. -e							+						+					+						+
6. -i														+	+			+				+	+	+
7. -im																								
8. -imi																								+
9. -o																								
10. -oj				+																				
11. -oju				+																				
12. -om							+																	
13. -oma												+		+	+									
14. -ow																								+
15. -owi																								
16. owu												+												
17. -u				+								+												+
18. -y																								+
19. -ymi																								+
20. ≠		+																						+
				+																				+

	Мужской род												Жен			
	ед. число						мн. число						ед.			
	И	Р	Д	В	Т	М	И	Р	Д	В	Т	М	И	Р	Д	В
1. #	+			+												
2. '##	+			+									+			+
3. -a	+	+		+										+		
4. -o	+												+			+
5. -u		+	+			+									+	
6. -e							+			+			+			+
7. -'e						+	+									
8. -ę																
9. -q																
10. -y							+	+		+						
11. -i							+	+		+						
12. -om										+						
13. -em					+											
14. -um													+	+	+	+
15. -ów							+			+						
16. -owi			+													
17. -ami											+					
18. -ach												+				
19. -yma																
20. -owie							+			+						

ский род								Средний род											
число		мн. число						ед. число						мн. число					
Т	М	И	Р	Д	В	Т	М	И	Р	Д	В	Т	М	И	Р	Д	В	Т	М
								+			+				+				
			+					+			+				+				
		+			+			+											
	+																		
														+				+	
	+										+		+						
											+								
											+	+							
			+					+	+	+			+	+	+			+	
			+					+	+	+			+	+	+			+	
				+													+		
+																			
+	+																		
						+													+
							+												+
																			+

	Мужской род											Жен						
	ед. число						мн. число					ед. число						
	И	Р	Д	В	Т	П	И	Р	Д	В	Т	П	И	Р	Д	В	Т	П
1. №	+			+				+		+								
2. -ь	+			+						+			+			+		
3. -ьми																		
4. -ью																		+
5. -а		+		+			+			+			+					
6. -ам										+								
7. -ами												+						
8. -ах													+					
9. -я		+		+			+			+			+					
10. -ям										+								
11. -ями												+						
12. -ях													+					
13. -о	+			+														
14. -ом					+													
15. -ою																		+
16. -ой					+													+
17. -ов								+		+								
18. -е			+			+	+							+				+
19. -ем					+													
20. -ею																		+
21. -ей					+			+		+								+
22. -ев								+		+								
23. -ѐ	+			+														
24. -ѐм					+													
25. -ѐю																		+
26. -ѐй																		+
27. -ѐв								+		+								
28. -и		+	+			+	+			+			+	+				+
29. -ий	+			+														
30. -ы								+		+			+					
31. -у			+	+													+	
32. -ю			+	+													+	

ский род						Средний род											
мн. число						ед. число					мн. число						
И	Р	Д	В	Т	П	И	Р	Д	В	Т	П	И	Р	Д	В	Т	П
	+		+														
	+		+														
				+													
							+						+			+	
		+												+			
				+												+	
					+												+
							+										+
								+									+
																	+
																	+
																	+
																	+
																	+
																	+
	+			+										+			+
				+													+
									+								+
																	+
																	+
																	+
																	+
																	+

	Мужской род											Жен				
	ед. число						мн. число						ед.			
	И	Р	Д	В	Т	М	И	Р	Д	В	Т	М	И	Р	Д	В
1. #	+			+									+			+
2. -a		+		+									+			
3. -u			+			+										+
4. -om					+											
5. -em					+											
6. -o	+															
7. -e	+									+			+			
8. -ê															+	
9. -i							+						+	+		
10. -om																
11. -ju										+						
12. -ove												+				
13. -eve												+				
14. -ovi								+								
15. -evi								+								
16. -â -ova -evi								+								
17. -ima -evima/ -evima									+		+	+				
18. -ma -ovma/ -evma									+		+	+				
19. -ama																
20. -vari								+								

	Мужской род											Жен				
	ед. число						мн. число						ед.			
	И	Р	Д	В	М	Т	И	Р	Д	В	М	Т	И	Р	Д	В
1. #	+			+									+			+
2. '##																
3. -a	+	+		+			+						+			
4. -á													+			
5. -o																
6. -e					+		+		+				+	+		
7. -é																
8. -i					+		+						+	+		
9. -í																
10. -y							+		+				+			
11. -u		+		+	+											+
12. -ú																+
13. -om						+			+							
14. -ám																
15. -im																
16. -ou																
17. -ej													+	+		
18. -och										+						
19. -ov								+	+							
20. -mi												+				
21. -ovi			+		+											
22. -ovia							+									
23. -ami												+				
24. -ach																
25. -ách																
26. -am																

	Мужской род															Жен							
	ед. число					дв. число					мн. число					ед. число							
	И	Р	Д	В	Т	М	И	Р	Д	В	Т	М	И	Р	Д	В	Т	М	И	Р	Д	В	Т
1. #	+			+			+					+				+			+			+	
2. -a	+	+		+			+			+									+				
3. -e/ě		+										+			+				+	+			+
4. -i			+			+						+			+				+	+			+
5. -o				+	+																+	+	
6. -ama								+		+													
7. -ah											+								+				
8. -am															+								
9. -ami																+							
10. -á		+		+			+			+									+				
11. -ǣ			+				+	+				+	+	+					+				
12. -ema								+		+													
13. -eh/ěh												+							+				+
14. -em					+																		
15. -emi																			+				
16. -jo																							+
17. -ijo												+	+										+
18. -ih																							
19. -ma																							
20. -ima																							
21. -im																			+				
22. -mi																							
23. -imi																							
24. -u			+			+									+								
25. -om					+																		
26. -ov/ǫv							+							+									

	Мужской род															Жен			
	ед. число						дв. число			мн. число						ед.			
	И	Р	Д	В	Т	М	И	Р	Д	И	Р	Д	В	Т	М	И	Р	Д	В
1. -а		+					+									+			
2. -ата																			
3. -ати																			
4. -ахъ																			
5. -е		+				+			+										
6. -ею																			
7. -ѣта																			
8. -еть					+										+				
9. -ѣхъ																			+
10. -и		+	+			+			+			+	+		+	+	+		
11. -іе														+					
12. -ію					+														
13. -ію									+										
14. -ихъ																			+
15. -о																			
16. -ою																			
17. -ота															+				
18. -отъ					+										+				
19. -ове															+				
20. -ови				+															
21. -ови															+				
22. -и				+											+				
23. -ъ	+			+											+				
24. -ата																			+
25. -ати															+		+		
26. -ахъ																			+
27. -у							+						+	+					+
28. -ъ	+			+											+				
29. -ьта															+				
30. -ьти																		+	
31. -ьтъ					+														
32. -ьхъ																		+	+
33. -ѣ						+	+												
34. -ѣ																		+	+
35. -ѣ																			+

	Мужской род												Жен			
	ед. число						мн. число						ед.			
	И	Р	Д	В	М	Т	И	Р	Д	В	М	Т	И	Р	Д	В
1. #	+			+				+					+		+	
2. -u				+					+	+						
3. -e	+	+	+					+		+				+		+
4. -é																
5. -ě		+	+		+			+		+						
6. -ů																
7. -y		+						+		+						
8. -a														+		+
9. -i			+	+											+	+
10. -í								+								
11. -o																
12. -em										+						
13. -ům																+
14. -ou						+										
15. -ám										+						
16. -ím										+						
17. -mi														+		
18. -um																
19. -ech					+						+					
20. -ich											+					
21. -ích											+					
22. -ách											+					
23. -ami														+		
24. -imi																
25. -ové																
26. -emi														+		
27. -ěmi														+		
27. -ovi																

скл. род								Средний род											
число		мн. число						ед. число						мн. число					
М	Т	И	Р	Д	Б	М	Т	И	Р	Д	В	М	Т	И	Р	Д	В	М	Т
			+												+				
+		+			+			+	+		+			+			+		
		+																	
+								+			+	+							
			+		+		+												
									+						+		+		
									+	+	+	+	+		+				
									+		+								
																			+
									+		+								(+)
							+												+
							+												+
							+												+
																			+
																			+
					+		+												

	Мужской род												Жен			
	ед. число						мн. число						ед.			
	И	Р	Д	В	Т	М	И	Р	Д	В	Т	М	И	Р	Д	В
1. #	+			+									+			+
2. -а		+		+									+			
3. -ові			+													
4. -у		+	+			+										+
5. -ом					+											
6. -і						+	+							+	+	
7. -е																
8. -о	+															
9. -ь	+			+									+			
10. -й	+			+												
11. -я		+		+									+			
12. -еві			+			+										
13. -еві			+													
14. -ю		+	+			+										+
15. -ем					+											
16. -ем					+											
17. -и							+			+				+		
18. -ою																
19. -ею																
20. -е																
21. -ї							+			+				+	+	
22. -ям									+							
23. -ам									+							
24. -ів								+		+						
25. -ами											+					
26. -ах												+				
27. -ями											+					
28. -ях												+				
29. -ей													+			

СКИЙ РОД								Средний род											
число		мн. число						ед. число				мн. число							
Т	М	И	Р	Д	В	Т	М	И	Р	Д	В	Т	М	И	Р	Д	В	Т	М
			+												+				
								+	+		+			+			+		
											+		+						
													+						
	+	+				+			+	+			+						
								+			+								
								+											
			+												+				
			+																
								+	+		+			+			+		
+											+		+						
													+						
		+				+													
+																			
+																			
		+	+					+			+								
				+									+				+		
				+									+				+		
							+												+
								+											+
								+											+
			+																+

Типы парадигм единственного и множественного

Типы парадигм	Языки	Единственное						
		ст.-сл.	русск.	укр.	блр.	польск.	чеш.	словацк.
1. И, Р, Д, В, Т, П	6							
2. И—В, Р, Д, Т, П	5	<i>m</i>	<i>m</i>	<i>m</i>	<i>m</i>	<i>m</i>	<i>m</i>	<i>m</i>
3. Д—П, И, Р, В, Т		<i>f</i>	<i>f</i>	<i>f</i>	<i>f</i>	<i>f</i>	<i>f</i>	<i>f</i>
4. Р—В, И, Д, Т, П			<i>m</i>	<i>m</i>		<i>m</i>		
5. Р—П, И, Д, В, Т		<i>f</i>						
6. В—Т, И, Д, Р, П								
7. И—Т, Р, В, Д, П								
8. И—Р—В, Д, Т, П					<i>m</i>			
9. Р—Д—П, И, В, Т			<i>f</i>	<i>f</i>	<i>f</i>	<i>f</i>	<i>f</i>	<i>f</i>
10. Д—Т—П, И, В, Р								
11. И—В, Д—Р, Т, П							<i>m</i>	<i>m</i>
12. И—В, Д—П, Т, Р			<i>n</i>		<i>n</i>	<i>n</i>		
13. И—В, Р—П, Д, Т							<i>n</i>	
14. Д—П, Р—В, И, Т	4						<i>m</i>	<i>m</i>
15. Д—П, В—Т, И, Р								
16. Р—В, Т—П, Д, И			<i>m</i>					
17. И—В, Д—Т, Р, П								
18. И—Р—В, Т—П, Д								
19. Р—Д—П, В—Т, И								
20. И—В—П, Р, Д, Т			<i>f</i>	<i>n</i>				
21. И—В—Т, Р, Д, П							<i>m, f</i>	
22. И—В, Д—Р—Т, П								
23. И—В, Д—Т—П, Р		3						
24. И—В, Р—Д—П, Т	<i>m, f</i>		<i>m, f</i>	<i>f</i>	<i>f</i>	<i>f</i>	<i>m, f</i>	
25. И—Р—Д—П, В—Т	2					<i>f</i>		

числа существительных (XII)

число				Множественное число										
с.-хорв.	словен.	в.-луж.	н.-луж.	ст.-сл.	русск.	укр.	блр.	польск.	чеш.	словацк.	с.-хорв.	словен.	в.-луж.	н.-луж.
				<i>m</i>					<i>m</i>	<i>m</i>				
		<i>m</i> <i>f</i>	<i>m</i> <i>n</i>	<i>m, f</i> <i>n</i>	<i>m, f</i> <i>n</i>	<i>m, f</i> <i>n</i>	<i>m, f</i> <i>n</i>	<i>m, f</i> <i>n</i>	<i>m, f</i> <i>n</i>	<i>m, f</i> <i>n</i>			<i>m, f</i> <i>n</i>	<i>m, f</i> <i>n</i>
<i>f</i>		<i>f</i>	<i>f</i>											
		<i>m</i>	<i>m</i>		<i>m, f</i>	<i>m, f</i>	<i>m, f</i>	<i>m, f</i>		<i>m, f</i>			<i>m, f</i>	<i>f</i>
			<i>m</i>											
				<i>m</i>						<i>m, f</i>				
				<i>m</i>										
								<i>m</i>	<i>n</i>					
<i>f</i>														
												<i>m</i>		
<i>m, n</i>			<i>f, n</i>							<i>f, m</i>				
			<i>m</i>											
<i>m</i>														
		<i>m</i> <i>n</i>												
<i>m</i>		<i>f</i>												
									<i>f, n</i>					
		<i>f</i>												
<i>f</i>														
												<i>f, n</i>		
		<i>f, n</i>												

Распределение парадигм существительного по родам (XIII)

Количество падежей	Типы парадигм	Языки									
		ст.-сл.	русск.	укр.	блр.	чеш.	словацк.	польск.	в.-луж.	н.-луж.	с.-хорв.
10	1. Ре, Де, Те, Пе, Рм, Дм, Тм, Пм, Ие—Ве, Им—Вм		<i>m, n</i>		<i>m</i>		<i>n</i>	<i>m, n</i>	<i>m, n</i>	<i>m, n</i>	
	2. Де, Те, Им, Рм, Дм, Вм, Тм, Пм, Ие—Ве, Ре—Пе	<i>m</i>									
	3. Ие, Ве, Те, Пе, Рм, Дм, Тм, Пм, Ре—Де, Им—Вм			<i>m</i>							
	4. Ие, Ве, Те, Пе, Им, Дм, Тм, Пм, Ре—Ве, Рм—Вм		<i>m</i>					<i>f</i>	<i>m</i>	<i>m</i>	
	5. Ие, Де, Пе, Рм, Дм, Тм, Пм, Ве—Ве, Им—Вм							<i>m</i>	<i>m</i>	<i>m</i>	
	6. Ие, Те, Им, Рм, Дм, Вм, Тм, Пм, Ре—Ве, Де—Пе			<i>m</i>							
	7. Ие, Де, Те, Рм, Дм, Вм, Тм, Пм, Ре—Ве, Пе—Им			<i>m</i>							
	8. Ие, Ре, Ве, Те, Рм, Дм, Тм, Пм, Де—Пе, Им—Вм	<i>f</i>	<i>f</i>	<i>f</i>							
	9. Ие, Ре, Ве, Те, Им, Дм, Тм, Пм, Де—Пе, Рм—Вм		<i>f</i>					<i>f</i>			
	10. Ие, Ре, Де, Пе, Рм, Дм, Тм, Пм, Ве—Те, Им—Вм									<i>f</i>	
	11. Ие, Де, Ве, Те, Пе, Рм, Дм, Тм, Пм, Ре—Им—Вм					<i>f</i>					
9	12. Те, Пе, Рм, Дм, Тм, Пм, Ие—Ве, Ре—Де, Им—Вм										
	13. Де, Те, Рм, Дм, Тм, Пм, Ие—Ве, Ре—Пе, Им—Вм										
	14. Ре, Те, Рм, Дм, Тм, Пм, Ие—Ве, Де—Пе, Им—Вм	<i>n</i>		<i>m, n</i>		<i>n</i>	<i>n</i>				<i>n</i>
	15. Ре, Де, Пе, Рм, Тм, Пм, Ие—Ве, Те—Дм, Им—Вм						<i>m</i>				
	16. Ре, Де, Те, Дм, Тм, Пм, Ие—Ве, Пе—Им, Рм—Вм				<i>m</i>						

Количество падежей	Типы парадигм	Языки									
		ст.-сл.	русск.	укр.	блр.	чеш.	словацк.	польск.	в.-луж.	н.-луж.	с.-хорв.
9	17. Де, Те, Пе, Рм, Дм, Тм, Пм, Ие—Ве, Ре—Им—Вм	<i>n</i>	<i>n</i>	<i>n</i>		<i>n</i>		<i>n</i>			
	18. Ре, Де, Те, Рм, Дм, Тм, Пм, Ие—Ве, Пе—Им—Вм				<i>n</i>			<i>m, f</i>			
	19. Ве, Те, Рм, Дм, Тм, Пм, Ие—Де, Ре—Пе, Им—Вм	<i>f</i>									
	20. Ие, Им, Рм, Вм, Тм, Пм, Ре—Ве, Де—Пе, Те—Дм						<i>m</i>				
	21. Ие, Те, Им, Рм, Дм, Пм, Ре—Ве, Де—Пе, Вм—Тм					<i>m</i>					
	22. Ие, Де, Пе, Им, Тм, Пм, Ре—Ве, Те—Дм, Рм—Вм				<i>m</i>						
	23. Ие, Ве, Те, Рм, Дм, Тм, Пм, Ре—Пе, Де—Им—Вм	<i>f</i>									
	24. Ие, Де, Те, Дм, Тм, Пм, Ре—Ве, Пе—Им, Рм—Вм		<i>m</i>								
	25. Ие, Ве, Те, Дм, Тм, Пм, Ре—Им, Де—Пе, Рм—Вм		<i>m, f</i>								
	26. Ие, Те, Им, Дм, Тм, Пм, Ре—Ве, Де—Пе, Рм—Вм			<i>m</i>							
	27. Де, Те, Пе, Им, Дм, Тм, Пм, Ре—Ве, Им—Рм—Вм		<i>m</i>								
	28. Ре, Де, Те, Пе, Им, Дм, Пм, Ие—Ве—Рм, Вм—Тм	<i>m</i>									
	29. Ие, Ве, Те, Рм, Дм, Тм, Пм, Ре—Им—Вм, Де—Пе	<i>f</i>	<i>f</i>		<i>f</i>		<i>f</i>	<i>f</i>	<i>f</i>	<i>f</i>	
	30. Ие, Ве, Те, Рм, Дм, Тм, Пм, Ре—Де—Пе, Им—Вм						<i>f</i>	<i>f</i>			
31. Ие, Де, Пе, Им, Дм, Тм, Пм, Ре—Де—Пе, Рм—Вм				<i>f</i>							
32. Ие, Ве, Те, Им, Рм, Дм, Пм, Ре—Вм—Тм, Де—Пе					<i>m</i>						

Количество падежей	Типы парадигм	Языки									
		ст.-сл.	русск.	укр.	блр.	чеш.	словацк.	польск.	в.-луж.	н.-луж.	с.-хорв.
9	33. Де, Те, Пе, Им, Рм, Дм, Тм, Пм, Ие—Де—Ве—Вм					т					
	34. Пе, Рм, Тм, Пм, Ие—Ве, Ре—Де, Те—Дм, Им—Вм						т				
	35. Ре, Рм, Тм, Пм, Ие—Ве, Де—Пе, Те—Дм, Им—Вм						т				
	36. Те, Пе, Рм, Дм, Пм, Ие—Ве, Ре—Де, Им—Вм—Тм					т					
	37. Ре, Те, Им, Рм, Вм, Ие—Ве, Де—Пе, Дм—Тм—Пм										т
	38. Ре, Те, Рм, Дм, Пм, Ие—Ве, Де—Пе, Им—Вм—Тм					т					
	39. Те, Рм, Дм, Тм, Пм, Ие—Ве, Ре—Де—Пе, Им—Вм		т								
	40. Те, Рм, Дм, Тм, Пм, Ие—Ве, Ре—Им—Вм, Де—Пе			п		п	п	п			
8	41. Де, Те, Рм, Дм, Пм, Ие—Ве, Ре—Им—Вм, Пе—Тм	п				т					
	42. Те, Им, Рм, Дм, Тм, Пм, Ие—Ве, Ре—Де—Пе—Вм	т									
	43. Де, Те, Им, Дм, Тм, Пм, Ие—Пе, Де—Ве, Рм—Вм		т								
	44. Ие, Им, Тм, Пм, Ре—Ве, Де—Пе, Те—Дм, Рм—Вм						т, ф				
	45. Ие, Ве, Дм, Тм, Пм, Ре—Им, Де—Пе, Те—Рм—Вм		т								
	46. Ие, Те, Им, Рм, Вм, Ре—Ве, Де—Пе, Дм—Тм—Пм										т
	47. Ие, Ре, Ве, Те, Рм, Де—Пе, Им—Вм, Дм—Тм—Пм										ф
	48. Те, Рм, Дм, Тм, Пм, Ие—Ре—Ве, Де—Пе, Им—Вм			п							

Количество падежей	Типы парадигм	Языки									
		ст.-сл.	русск.	укр.	блр.	чеш.	словацк.	польск.	в.-лун.	н.-лун.	с.-горв.
8	49. Де, Те, Им, Дм, Пм, Ие—Рм—Вм, Ре—Ве		<i>m</i>								
	50. Ре, Де, Те, Дм, Вм, Пм, Ие—Ве—Рм, Ие—Им—Тм	<i>m</i>									
	51. Ие, Рм, Дм, Тм, Пм, Ре—Им—Вм, Де—Пе, Ие—Те								<i>f</i>		
	52. Ие, Рм, Дм, Тм, Пм, Ре—Им—Вм, Де—Пе, Ве—Те								<i>f</i>		
	53. Ие, Ве, Те, Им, Рм, Дм, Пм, Ре—Вм—Тм, Де—Пе					<i>m</i>					
	54. Де, Те, Рм, Дм, Тм, Пм, Ре—Де—Ве, Пе—Им—Вм				<i>f</i>						
	55. Ве, Те, Рм, Дм, Тм, Пм, Ие—Ре—Де—Пе, Им—Вм							<i>f</i>			
	56. Де, Ве, Те, Рм, Дм, Тм, Пм, Ре—Де—Пе—Им—Вм		<i>f</i>	<i>f</i>							
7	57. Дм, Тм, Пм, Ие—Ве, Ре—Им—Вм, Де—Пе, Те—Рм					<i>f</i>					
	58. Ре, Те, Рм, Ие—Ве, Де—Пе, Им—Вм, Дм—Тм—Пм									<i>n</i>	
	59. Пе, Дм, Тм, Пм, Ие—Ве, Ре—Им—Вм, Де—Те—Рм								<i>f</i>		
	60. Те, Дм, Тм, Пм, Ие—Ве, Ре—Де—Пе—Им, Рм—Вм		<i>f</i>		<i>f</i>			<i>f</i>			
	61. Пе, Рм, Дм, Тм, Пм, Ие—Ве, Ре—Де—Пе—Им—Вм	<i>f</i>		<i>f</i>	<i>f</i>		<i>f</i>		<i>f</i>	<i>f</i>	
	62. Рм, Дм, Тм, Пм, Ие—Ре—Де—Пе, Ве—Те, Им—Вм							<i>f</i>			
	63. Ие, Те, Рм, Дм, Пм, Ре—Ве—Вм, Де—Те—Пе—Им—Тм					<i>m</i>					
	64. Ие, Рм, Дм, Тм, Пм, Ре—Де—Пе—Им—Вм, Ве—Те									<i>f</i>	

Количество падежей	Типы парадигм	Языки									
		ст.-сл.	русск.	укр.	блр.	чеш.	словацк.	польск.	в.-лун.	н.-лун.	с.-горв.
6	65. Дм, Тм, Пм, Ис—Ве, Ре—Де—Пе—Им—Вм, Ре—Рм					f					
	66. Те, Дм, Тм, Пм, Ие—Ве, Ре—Де—Пе—Им—Рм—Вм						f				
	67. Ре, Пе, Рм, Ре—Ве, Де—Те—Им—Вм, Дм—Тм—Пм									m	
	68. Те, Дм, Пм, Ие—Рм, Ре—Ве—Вм, Де—Пе—Тм					m					
	69. Дм, Тм, Пм, Ие—Ре—Им—Вм, Де—Ве—Пе, Те—Рм					f					
	70. Ие, Те, Рм, Ре—Ве—Им—Вм, Де—Пе, Дм—Тм—Пм									m	
	71. Те, Рм, Дм, Пм, Ие—Ре—Ве—Им—Вм, Де—Пе—Тм					n					
	72. Ие, Ве, Те, Рм, Ре—Де—Пе—Ие—Ве, Дм—Тм—Пм									f	
	73. Рм, Дм, Тм, Пм, Ие—Ре—Де—Ве—Те—Пе, Им—Вм							n			
5	74. Пе, Ре, Ие—Ве, Ре—Де—Те—Им—Вм, Дм—Тм—Пм									m, f	
	75. Те, Рм, Тм, Пм, Ие—Ре—Де—Ве—Пе—Им—Рм—Вм					n					

XIV

	Русск.	Укр.	Блр.	Польск.	В.-луж.	Н.-луж.	Чеш.	Словацк.	С.-хорв.	Словен.	Ст.-Слав.
А Типоформы	127	102	88	85	80	89	103	85	112	174	124
В НСГ	36	36	36	36	54	54	36	36	36	54	54
С Морфы	32	26	28	20	18	20	27	26	26	47	35
Д Число типов нейтрализации	20	14	10	13	9	11	18	15	16	10	14

XV

	Русск.	Укр.	Блр.	Польск.	В.-луж.	Н.-луж.	Чеш.	Словацк.	С.-Хорв.	Слов н.	Ст.-сл.
Степень отклонения от синтетически простого языка	3,5	2,8	2,4	2,4	1,5	1,7	2,9	2,4	3	3,2	2,3
Степень отклонения от аналитически простого языка	4	3,9	3,1	4,3	4,4	4,5	3,8	3,3	4,3	3,7	3,5
Степень отклонения от идеального языка	0,9	0,7	0,8	0,6	0,3	0,4	0,8	0,7	0,7	0,9	0,7

**SOME PROBLEMS OF THE TYPOLOGY OF SLAVIC LANGUAGES
CONSIDERED ON THE BASIS OF THE SUBSTANTIVE
NOUN-DECLENSION SYSTEM**

S u m m a r y

The present paper is concerned with problems of typological comparison of closely related languages on the morphological level. Our objective is to show that typological comparison is valid even when facts under analysis can be explained by means of comparative method.

The following concepts are introduced;

1) ideal language, 2) synthetically simple language, 3) analytically simple language.

The degree of proximity of each Slavic language to the ideal, synthetically and analytically simple languages is established.

One of the typological criteria that have been presented here, is the number and types of grammeme neutralisations in each Slavic language.

The outlined problems are discussed on the material of noun declension in Slavic languages.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

- В. И. Борковский. Научная разработка славянских языков в институтах Академии наук СССР за время после Великой Октябрьской социалистической революции 5

II. ИСТОРИЧЕСКОЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

- С. Б. Бернштейн. К истории слога в праславянском языке 53
В. А. Дыбо, В. М. Иллич-Свитыч. К истории славянской системы акцентуационных парадигм 70
В. В. Иванов, В. Н. Топоров. К реконструкции праславянского текста 88
О. Н. Трубачев. О составе праславянского словаря. (Проблемы и задачи) 159
Ю. С. Маслов. Значение данных болгарского языка для общей теории славянского глагольного вида 197
Н. И. Толстой. Взаимоотношения локальных типов древнеславянского (литературного) языка позднего периода (вторая половина XVI—XVII вв.) 230
Е. В. Чешко. Нейтрализация падежных противопоставлений в развитии системы склонения старославянского языка 273

III. ВОПРОСЫ СЛАВЯНСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

- Р. И. Аванесов. Описательная диалектология и история языка 293
Ф. П. Филин. О составлении диалектологических словарей славянских языков 318

IV. ВОПРОСЫ ПОЭТИКИ И СТИХОВЕДЕНИЯ

- П. Г. Богатырев. Добавочные гласные в народной песне и их функции. (О языке славянских народных песен и его отношении к разговорной речи) 349
С. В. Шервинский. Смысловое ударение как стихологический элемент 399
553

V. ВОПРОСЫ ПРИКЛАДНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

М. И. Лекомцева, Д. М. Сегал, Т. М. Судник, С. М. Шур. Опыт построения фонологической типологии близкородствен- ных языков	423
И. А. Мельчук. Автоматический анализ текстов. (На материале русского языка)	477
З. М. Волоцкая, Т. Н. Молошная, Т. М. Николаева, И. И. Ревзин, Т. В. Цивьян. Об одном подходе к типоло- гии славянских языков	510

Славянское языкознание

*Утверждено к печати
Отделением литературы и языка
Академии наук СССР*

Технические редакторы *Е. В. Макуни,*
Ю. В. Рылина

РИСО АН СССР № 1-119В. Сдано в набор
1/IV 1963 г. Подписано к печати 4/VII 1963 г.
Формат 60×90^{1/16}. Печ. л. 34,75+1 вкл. Уч.
изд. л. 35,5 (35,3 + 0,2 вкл.). Тираж 2600 экз.
Изд. № 1888. Тип. зак. № 150.

Цена 2 р. 33 к.

Издательство Академии наук СССР, Москва,
Б-64, Подсосенский пер., 21

1-я типография Издательства АН СССР,
Ленинград, В-34, 9 лин., д. 12.

Опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
77	21 св.	<i>gálvaĭ</i>	<i>galvat</i>
80	12 св.	переведенное	переведенном
84	21 сн.	<i>měso</i>	<i>měso</i>
111	23 сн.	(типа P'—P''): «быть	(типа P'—P''): «быть
121	13 сн.	<i>ĭvanuvĭmĭvomĭvĕve</i>	$\check{\text{y}}\sqrt{a}\sqrt{u}\sqrt{\check{\text{y}}m\check{\text{i}}\sqrt{om\check{\text{i}}}\sqrt{\check{\text{v}}\check{\text{e}}\sqrt{e}}$
134	2 св.	S—ĭ	S = ĭ
136	7 св.	групп последнее	групп; последнее
141	22 сн.	хеттским <i>te-ĥhi</i> 'кладу, говорю'	хеттским <i>te-ĥhi</i> 'кладу' <i>te-mi</i> 'говорю'
147	15 св.	общим	обоим
232	9 св.	(нормализация)	(нормализации)
271	16 сн.	Résume	Résumé
299	21 сн.	типо-изоглоссами	топо-изоглоссами
299	17 сн.	хроноизоглоссами	хроно-изоглоссами
306	7 сн.	уровей	уровней
307	24 св.	впервые	первые
319	13 св.	научной т. п.	научной и т. п.
324	10 св.	Принципи	Принципи
363	23 св.	палатализованное	палатализованное
365	11 св.	<i>so-c'-yna</i>	<i>soс'-na</i>
369	9 св.	<i>na-рок(ы)=ta-na-рок</i>	<i>na-рок(ы)—ta-na-рок</i>
378	8 св.	<i>limĕ</i>	<i>lim ě</i>
382	20 сн.	<i>pĭsni</i>	<i>pĭsnĭ</i>
383	12 св.	<i>ležiš</i>	<i>ležíš</i>
389	22 св.	ими	им
463	подпись под рисунком	—	6 — непрерывность
466	подпись под рисунком	—	9 — звонкость
512	14 сн.	quantitative	quantitative
528	1 св.	VI	IV
534	2 св.	словацкий	словацкий
546	7 св.	5. Ие, Де, Пе, Рм, Дм, Тм, Пм, Ве—Ве, Им—Вм	5. Ие, Де, Те, Пе, Рм, Дм, Тм, Пм, Ре—Ве, Им—Вм

Опечатки (продолжение)

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
549	2 св.	49. Де, Те, Им, Дм, Пм, Ие—Рм—Вм, Ре—Ве	49. Де, Те, Пе, Им, Дм, Тм, Пм, Ие—Рм— Вм, Ре—Ве.
549	2 сн.	63. Ие, Те, Рм, Дм, Пм, Ре—Ве—Вм, Де—Те— Пе—Им—Тм	63. Ие, Те, Рм, Дм, Пм, Ре—Ве—Вм, Де—Пе—Им—Тм.
550	5 св.	68. Те, Дм, Пм, Ие—Рм, Ре—Ве—Вм, Де—Пе—Тм.	68. Те, Им, Дм, Пм, Ие—Рм, Ре—Ве—Вм, Де—Пе—Тм.

Славянское языкознание.

21. 321

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ФИЗИКА